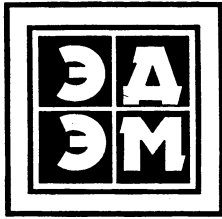

БАРНАБИ УИЛЬЯМС

РЕВОЛЮЦИЯ

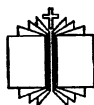

Barnaby Williams
REVOLUTION

Барнаби Уильямс
РЕВОЛЮЦИЯ

МОСКВА
ЮОН-ПРЕСС
1977

ББК 84.7 ВЕЛ
У36

Перевод с английского
Н. ОПАРИНА

В этой книге персонажи и события
являются плодом авторской фантазии.

Уильямс Б.
У36 Революция /Пер. с англ. Н. Опарина. — М.: КРОН-
ПРЕСС, 1997. — 704 с.

ISBN 5-232-00578-2

Остросюжетный политический триллер Барнаби Уильямса «Революция» особенно интересен российскому читателю, поскольку посвящен Октябрьской революции. Автор рисует мрачные картины «красного террора», период «культы личности», хрущевскую «оттепель» и т.д. Действие романа охватывает период с 1917 по 1992 г., включая горбачевскую «перестройку» и приход Б.Ельцина к власти. Несколько главных персонажей проходят через весь роман, оказываясь в самом водовороте разнообразнейших исторических событий. Они любят, борются, страдают, выживают.

52P(03)—97

© Barnaby Williams, 1994
© КРОН-ПРЕСС, 1997
© Перевод, Н. Опарина, 1997

1

БОЛЬШЕВИКИ

Царское Село. Петроград. Август 1917

Фотografia не получалась. Что-то здесь было не так. Даже сам знаменитый Самарин, считавшийся мастером фотоискусства, не мог добиться равновесия в этой странной, несобранной композиции. Справа все выглядело почти обыденно: молодые люди и барышни застыли в статичных, подобающих случаю позах. Девицы в приталенных блузках с высокими воротничками и юбках до лодыжек; юноши в пиджаках, сшитых известными портными с Литейного. Только лица чересчур напряжены. Прелестные юные дамы держали свои зонтики как пистолеты, а мальчики почему-то настороженно косились на стоявших слева. Но главное — струйка крови, стекавшая из-под волос Петра Садовского по виску, никак не подсыхала и все продолжала течь.

Слева же эта заботливо созданная композиция и вовсе распадалась. И юноши, и девушки, находившиеся по левую сторону, усмехались в объектив совсем неуважительно, почти нагло. Особенно вызывающими были их костюмы. Грубая военная форма и черный цвет анархистов. Какой-то молодой человек с всклокоченными волосами был одет в немецкий солдатский серый мундир, с которого кто-то грубо спорол все знаки различия. Матрос в бескозырке, с пулеметной лентой на груди задрал голову, с изумлением рассматривая хрустальную люстру на потолке. И чересчур много красного — громадные шарфы и косынки, накинутые на волосы, кровавые банты вокруг шей. Даже краснее, чем кровь на виске у Петра Садовского.

Фотовспышка точно выстрелила в огромном полутемном зале, осветив непокорную композицию ярким белым светом. Тени метнулись к галереям и колоннам, и те ответили им слабым мерцанием. Юные лица, широко распахнув застывшие глаза, остались на пластинке внутри фотокамеры, завешенной вниз по штативу черной материей.

Белые ночи давно прошли. Наступали сумерки.

Композиция окончательно распалась. Одни ушли прочь из зала, другие разбрелись, собираясь то там, то здесь в непостоянные группы.

— А куда же подевалась мадам Дюмейн? — спрашивала, ни к кому не обращаясь, стройная сероглазая блондинка. — Петр! — воскликнула она. — Да у тебя кровь на лице!

— Думаю, она уехала, — промокая носовым платком висок, ответил ей Садовский, — и я ее не осуждаю. Можешь себе вообразить, сейчас, когда я выезжал с Миллионной, какой-то негодяй запустил в меня булыжником! Знаешь, что он кричал мне вдогонку? Сраный буржуй! — Лицо его выражало негодование. — Извини, Елена, что я повторяю эту непристойность. Но подумать только, какой-то плебей, которому я не доверил бы наколоть дров, безнаказанно смеет оскорблять меня... да еще швыряться камнями!

— Кое-кто здесь не разделит бы твоего возмущения, а, наоборот, расцеловал бы твоего плебея за революционную смелость. — Мелодичный девичий голосок звучал язвительно. Это была высокая статная красавица. Она не спускала рассерженных голубых глаз с вызывающе одетых юношей и девушек, с громким хохотом говоривших между собой.

— Здравствуй, Верочка, — заметил ее Петр. — Ты не знаешь, где Анна?

— Наверное, наверху, — ответила ему Елена. — Пошла за вещами.

— А это еще что такое? — воскликнула Верочка, указывая на парня в немецкой форме. — Этого-то кто сюда притащил? Не иначе, Шапиро?

— Это наш товарищ! — откликнулся молодой человек в русской солдатской гимнастерке, лишенной, как и немецкая форма, всех знаков отличия. Он взглянул на них через круглые очки в металлической оправе. — Он один из наших. Большевик.

— Хочешь сказать, дезертир? — ехидно сказала Верочка. — Как и ты? Ты ведь сам сбежал с фронта, Шапиро? И притащил к нам врага? Разве мы уже не воюем с Германией, Шапиро?

— Израиль Шапиро мертв, — произнес юноша в очках очень серьезно. — Он убит на империалистической войне. Тот человек, которого ты видишь, это новый человек. Я — Лев Кривицкий.

— А Лев Кривицкий все остается жидом? — ядовито спросила Верочка.

— Верочка... — укоризненно пробормотала Елена. — Не говори таких вещей.

— Оставь, Елена. Эти глупости никого не могут задеть, — вмешалась в их разговор стройная девушка, высокую грудь которой обтягивала простая солдатская гимнастерка, а на шее пламенел алый шарф. Черная вьющаяся шевелюра колыхалась в такт ее размашистой походке. — Наступает новое время. Революция сметет все эти глупости. Ни иудея, ни эллина. Никаких сословий. Просто новый человек в новом мире!

— Я не хочу нового мира, Рут, — печально сказала Елена. — Меня устраивает и старый. А Революция, по моему, уже пришла.

Она отвернулась и сделала вид, что рассматривает экспонаты в большой застекленной витрине. Прежде чем отбыть, ни с кем не попрощавшись, на Финляндский вокзал, мадам Дюмейн заботливо разложила там все достойные внимания изделия своих воспитанниц за последний год. Среди вышивок и рисунков Елена увидела и свой альбом с гербарием. Она с детства увлекалась ботаникой.

Рут была ее ближайшей подругой с тех пор, как родители той и другой решили доверить воспитание своих дочерей институту мадам Дюмейн. Увы! Самым серьезным испытанием, с которым могли столкнуться во взрослой жизни ее воспитанницы, мадам Дюмейн считала умение, не растерявшись, открыть бал вместе с блестящим молодым офицером, как только оркестр грянет первый такт.

Конечно, мадам Дюмейн была немного наивна, но Елена была с ней согласна в том, что порядочные девицы, барышни, не должны носить вызывающе ярких шарфов и одеваться, как солдаты. Рут привела сегодня с собой эту странную беспоконную девушку — Надежду. Елене казалось, что это Надежда оказывает дурное влияние на ее подругу. Про Аллилуевых говорили, что все они революционеры.

— Керенский? — донесся до нее насмешливый голос с характерным немецким акцентом. — Он не революционер, лишь последний из старой гвардии. Мы делаем настоящую Революцию!

— Нам только немцев здесь не хватало для беспорядков, — обернулась на его слова Елена. — Покорно благодарю, у нас и своих предостаточно!

— Но, любезная фрейлейн, надвигается интернациональная Революция! — парировал немец. — Пролетариат во всем мире скоро сбросит бремя эксплуатации. Здесь,

в Германии, в Британии, в Америке, во Франции. Везде. Он сметет вас!

— Просвети ее, Манфред, — засмеялся высокий юноша с чересчур длинными волосами и огромным красным бантом на шее.

— Помолчи, Константин, — огрызнулась Елена. — Лично я не чувствую себя эксплуататором.

— Вы являетесь эксплуататором, потому что существуете, — провозгласил Манфред, явно играя на публику. — Вы — представитель класса буржуазии, и, следовательно, эксплуататор.

Все «революционеры», и Рут в том числе, восторженно захлопали в ладоши, будто он сказал что-то необыкновенно остроумное, и Елена опять отвернулась.

— До чего же вы все глупые, — буркнула она, но тут же обратилась к Константину: — Ты, Константин, никогда не блистал умом, но ведь ты художник. Обычно художники чувствуют происходящее глубже, чем другие люди. Неужели тебе не важно, что будет с искусством?

В ответ он открыл стеклянную дверцу и достал свой рисунок, который мадам Дюмейн удостоила чести находиться среди институтских шедевров. Это был мастерски сделанный пером и акварелью шарж, на котором он изобразил всех участников их любительского театра. Они работали тогда над постановкой «Вишневого сада» и так сдружились... Константин хладнокровно разорвал свой знаменитый рисунок на мелкие клочки и подбросил их в воздух, и они, словно белые птичьи перья, стали медленно падать вниз.

— Зачем ты это сделал? — гневно спросила его Елена.

— Потому что я революционер, — ответил он, закрывая витрину. — Прошлое должно быть уничтожено. Только будущее.

— Зачем же ты явился сюда фотографироваться с нами? Зачем вы сюда пришли, ты и твои гадкие друзья? — резко сказала Елена.

— Мы решили, что обязательно придем, — ответил он, откидывая волосы с лица. — Вы старый мир, а мы — новый. Может быть, кто-то из вас будет шагать с нами?левой, левой, левой! Кто там шагает правой?левой, левой! — И он запрыгал вокруг них на левой ноге.

К ним приближалась, неся в руке несколько книг, девушка в светлом платье с темно-рыжими волосами и неправдоподобно зелеными глазами.

— Ты стал краснее своего банта, Константин, — усмехнулась она. — Устанешь!

— Не разговаривай с ним, Катя, — сказала Елена. Она

разглядывала своих оппонентов, и ее глаза остановились на молодом человеке постарше других, окруженном несколькими собеседниками, внимавшими ему. — Странно, но к нам явился даже Савинков! Мне казалось, что мадам Дюмейн давно указала ему на дверь. Он стал совсем несносен со своими подрывными разговорами.

— Тут я согласен с тобой, — сказал Константин, перестав, наконец, скакать. — Он стал таким важным, изображая великого марксистского философа на том основании, что знаком с Лениным. Шапиро, или, как он решил себя теперь называть, Лев Кривицкий, настоял, чтобы мы его взяли с собой. Но я думаю, что его здесь интересует совсем другое. Сдается мне, что он думает, как бы запустить руки под юбку Рут!

— Он рискует обжечься, — хихикнула Катя. — Рут пылает страстью только к Революции.

Теперь с ним присоединилась еще одна барышня, тоненькая и изящная. Она тоже принесла несколько книг и какой-то альбом. Чтобы не путать с Катей, ее называли Катериной.

— Что тебе надо было от этого матроса, Катерина? — спросила ее Катя.

— Он чувствовал себя так неловко, что я решила поговорить с ним. Он из Кронштадта. Оказывается, у них очень тяжелая жизнь. Потому они и бунтуют. Это можно понять. Не все же просто сумасшедшие, как этот Ленин. Матросы хотят лучшей жизни.

— Я тоже хочу лучшей жизни, — включился, возвращаясь к ним, Петр Садовский. — Я хочу, чтобы на улице не швырялись камнями.

Пора было расходиться, смеркалось. К маленькой группе у витрины подошли попрощаться Женя с Василием. Он держал в руке переплетенную в кожу книжечку своих стихов. За ними появилась и неразлучная троица: Надя, Валериан и Верочка. Все трое сблизилось во время репетиций. Постановщиком «Вишневого сада» был Валериан, Верочка отличалась хорошим голосом, а Надя была первой в танцклассе. Занятия поэзией не помешали Василию научиться самому водить автомобиль, и теперь они все втискивались в его «рено». Еще несколько минут, и машина уехала.

К маленькой группе у витрины присоединилась черноволосая Анна и что-то сказала Садовскому своим тихим грудным голосом. Он отвечал, склонив к ней голову. Елена положила рядом со своим гербарием брошенную кем-то на пол «Элементарную алгебру» Давыдова. Учебник с пометками на полях еще пригодится, когда все

опять станет на свои места, когда вернется мадам Дюмейн, когда кончится война, когда Рут снова наденет женское платье, а Лев Кривицкий опять станет Изралем Шапиро, и простонародье снова будет снимать шапку, завидев машину Садовского, то есть когда мир станет нормальным.

Ее мысли прервала Рут.

— Этот хлам больше не понадобится, — сказала Рут, подойдя к ней в своем нелепом солдатском одеянии.

— Нет, почему же? — возразила Елена. — Ведь начнется же когда-нибудь новый учебный год.

— Мы напишем новые книги по математике, — начала Рут с энтузиазмом. — Новые, волнующие и правдивые. Не этот самодержавный хлам.

Это было уже слишком!

— Неужели?

Рут откинула назад свои непокорные, незаколотые волосы.

— Неужели? — вновь спросила Елена. — Революционные книги по математике? «Если у трех революционеров имеется по пять бомб и если каждая убивает по восемь человек, то сколько всего будет убитых?» Такие будут арифметические задачи? Да?

Рут возмущенно вскинула голову:

— Это дурацкий взгляд на вещи...

— Алгебра — это алгебра, Рут. И в нее никто не может внести революцию.

— Ты не права, Елена, — страстно заговорила Рут. — Революция должна быть во всем.

— Ваша революция мне известна, — медленно произнесла Елена. Ее серые глаза спокойно смотрели вдаль. — Люди, которые были похожи на тебя и говорили, как ты, убили моего отца.

Рут неожиданно вспыхнула и тотчас рассердилась:

— Ну, в общем, я и не ждала от тебя понимания. Но в любом случае, эти люди... понимаешь, те, которые... о ком ты говоришь, они были анархистами, а не большевиками.

— Все вы одинаковы, — горько сказала Елена.

— Мы не анархисты! Мы большевики и не убиваем людей!

— Низкие твари, — сказала Елена. Рут внезапно повернулась к ней спиной и перебежала через комнату к шумной компании. Елена сунула свой гербарий под мышку и, сжав зонтик, вышла через белые с позолотой двери французского окна в украшенный колоннами двор с

мошными дорожками. Там, возле автомобиля, Анна, Катерина и Катя окружили Садовского. Он держал в руках небольшую модель аэроплана «Ньюпорт», прелестное изделие из дерева и китайской шелковой бумаги. Садовский любил мастерить всякие штучки. Рядом с его «мерседесом», освещенным последними лучами вечернего солнца, стоял уродливый грузовик, в котором прибыли революционеры. Покинув здание, они сейчас карабкались через задний борт, напоминая обезьян. Рут с Аллилуевой уже сидели там, прильнув друг к другу, как лучшие подруги.

— Хочешь посмотреть его в полете? — спросил Садовский и поставил биплан на землю, осторожно запустив маленький деревянный пропеллер. Биплан взвился в воздух, пронесся через двор как птица и задергался, приземляясь у ворот. Грузовик тем временем пустил столб дыма и двинулся вперед с оглушительным треском. Сидевшие в нем запели что-то революционное и замахали красными тряпками. Машина проскочила через ворота, и на мощеной дороге остались щепки, да еще бумага трепетала, как сломанные крылья.

— Петр...

Садовский пожал плечами, притворяясь равнодушным:

— Сегодня плохой день! Не переживай, я сделаю другой.

Анна с грустью смотрела на обломки.

— Он был такой красивый...

— Поехали, я развезу вас всех по домам. Елена, едешь с нами?

— Нет, я пройду через парк. — Она наблюдала, как они размещаются в автомобиле: Катя с Катериной сзади, Анна рядом с Садовским. Они помахали ей на прощание и двинулись вниз по дороге.

Кругом было тихо и безлюдно. Она открыла зонтик и повертела его в руках, как рапиру.

* * *

В чуть сгушавшихся сумерках Елена остановилась возле открытой эстрады. Казалось, под навесом еще живет эхо казачьего оркестра. После пасхальной заутрени они пришли сюда все трое — она, ее брат и ее жених. Было ясное солнечное утро. Завтра они уезжали на фронт, Алексей и Михаил, два самых родных ей человека. Оба были так красивы в гвардейских мундирах с золотыми эполетами. Теперь брат был мертв, и она ждала с фронта

только одного. Тысячи русских ждали с фронта любимых. Михаил взял с собою великолепный английский дробовик «Ньюрдей». Он считал его единственным достойным дворянина оружием. Поможет ли он ему? Алеша брал с собой дробовик той же марки, и его прислали вместе с телом брата. Он был весь изрешечен из пулемета, как и красивый офицерский мундир, как и мертвое тело.

Елена закрыла глаза и вознесла молчаливую молитву за упокой души воина Алексея и за спасение от смерти и пули воина Михаила. Она почувствовала, что ее молитва услышана.

Она двинулась дальше. Над мирными лужайками сгустилась темнота, и сквозь деревья светились огоньки, заживавшиеся в домах. Поздние цветы, любившие сумерки, изливали в воздухе нежный аромат. Вдалеке, как мотыльки, мелькнули светлые одежды людей, покидавших парк.

Проходя по изящному мостику, Елена слышала плеск уток, их негромкое кряканье и эхо своих шагов. Она шла по дорожке, обсаженной кустами роз, ступая по осыпавшимся лепесткам. Вдруг что-то заставило ее оглянуться. Ей показалось, что-то темное скользнуло по мостику, низко, как зверь, припадая к земле.

Девушка крепче сжала свой зонтик и прибавила шаг. Проходя под нависшими ветвями, она оглянулась, но аллея позади нее была пуста. Огни в домах ярко светились, и она поспешила к ним. Пенящиеся розовые гортензии вспыхивали во мраке, сладко струился аромат цветов.

Кто-то кинулся на нее из кустов быстро, как волк, и сбил ее с ног.

Елена глубоко вдохнула воздух, чтобы закричать, но жестокий удар под ложечку перехватил дыхание. Грубые руки задрали ее юбку, рвали на ней белье. Холодный воздух внезапно охватил ноги. Крепкий шнурок больно врезался в ее талию. Она вся сжалась в комок, стараясь спрятаться от обрушившихся на нее ударов. Он навалился на нее, придавив своим телом. Мужчина рвал на ней лиф, тиская ее груди. Она дико закричала. Он уперся коленом в ее живот и обеими руками сдавил ей горло. Ее острые ногти впились в его руки, и он зашипел от боли.

Сквозь страшный шум в ушах до нее донесся какой-то треск, и девушка почувствовала, что чужое тело больше не давит ее. Она открыла глаза. Над ней качался костыль и возвышалась гигантская фигура. Ее спаситель склонился к ней, опираясь на здоровую ногу.

— Елена Николаевна, — поднимая ее и ставя на но-

ги, сказал он. — Разве можно ходить парком в такое время! Хорошо, что я услышал ваш крик.

— Иван... — Она задохнулась от благодарности. — Слава Богу!

Насильник лежал без сознания на траве. Он был маленького роста, и его руки торчали в стороны, как клешни. Они удивленно посмотрели друг на друга.

— Иван, — сказала она, — это же Рыков.

* * *

Елена почувствовала, что в комнате кто-то есть. Скрипнула половица, и момент пробуждения наполнился страхом. Она шевельнулась, и боль пронзила ее тело. Девушка открыла глаза. Утреннее солнце светило сквозь французские шелковые шторы. У изножия кровати стоял Михаил.

— Успокойся, Елена, — мягко сказал он. — Это всего лишь я. Успокойся. Иван рассказал мне, что тебе пришлось перенести.

Она протянула к нему руки, и он, присев на край кровати, обнял ее. Откинувшись на подушки, она смотрела на него. Его гвардейский мундир был грязным и рваным, руки в царапинах и порезах.

— Это от проволоки, — сказал он извиняющимся тоном. — Мы надеялись, что ее разорвут снаряды, но не вышло. Как ты себя чувствуешь? Иван говорил, что вы узнали этого негодяя. Кто он такой?

— Я чувствую себя ужасно, Михаил. Я вся в синяках, у меня ноет все тело, но, к счастью, больше ничего не случилось. Твой Иван пришел вовремя, — ответила она. — На меня напал некий Рыков, я наняла его в дом лакеем. Ты знаешь, что после смерти мамы у меня было совсем мало прислуги. Кухарка Марфа Никитишна, моя горничная Ольга, да еще твой Иван Акулов вернулся раненым с фронта — там он научился водить грузовик, и я взяла его шофером на свой «рено». Сейчас война, и трудно нанять мужскую прислугу. Рыков пришел искать работу, казался почтительным, из деревенских. Я наняла его в лакеи. Но знаешь, Михаил, около недели назад я проснулась, потому что услышала, что кто-то крадется по комнате. Я закричала. Он побежал, но Акулов спал возле лестницы и поймал его. Это был Рыков. И я приказала Ивану вышвырнуть его вон. Я шла парком из института под вечер. Мы договорились сфотографироваться, пригласили Самарина. Мадам Дюмейн уехала, но были все институтки и участники спектакля. Я была почти рядом с домом, когда на меня напал Рыков.

Она смолкла на мгновение.

— Он душил меня, когда прибежал Иван и ударил его костью. Мы сдали его в полицию. Я написала жалобу, и Иван Акулов дал свидетельские показания. Рыкова будет судить мировой судья и примерно накажет.

Девушка дернула за шнурок колокольчика, вызывая горничную.

— Скажу Ольге, чтобы принесла нам чаю. У нас еще есть чай, правда, совсем немного. С тех пор как начались беспорядки, Английский магазин закрыт. В городе становится небезопасно. Прислуга, и та боится выходить. Но что об этом говорить! Лучше расскажи, что на фронте и как ты оказался здесь?

— Фронт разваливается, — мрачно произнес он. — С армией покончено.

— Что же будет? — тихо спросила она.

— Кто-то должен заключить мир с немцами.

— Керенский все еще стоит за продолжение войны, — сказала она. — Он все время произносит речи перед войсками. Его называют «Верховный Главноубеждающий».

— Знаю, — сухо отвечал Михаил. — Я слышал его. Солдаты ждали, пока он уедет, а потом дезертировали.

— Тогда кто же заключит мир?

— Немцы передали огромные суммы денег Ленину. В конце концов это они направили его сюда. Revolutionierungspolitik*, как они это называют. Они заслали его сюда как тифозную бациллу, и он заразил нас, наш народ. Coup d'etat**. Он заключит мир с немцами и отдаст им все, чего они потребуют.

— А потом?

— Потом гражданская война, — ответил он с мрачной безнадежностью. — Лучшие из царских генералов соберут силы и будут сражаться с Лениным. Кто знает, когда и чем это кончится.

— Мы должны уехать, Михаил. Я не хочу здесь оставаться.

Горничная в серо-белой шуршащей форме принесла чай и разлила его в изящные чашки веджвудского фарфора.

— Попроси Ивана явиться ко мне, Ольга, — приказала Елена. — И приготовь, пожалуйста, ванну. Да положи побольше соли, у меня ноет все тело.

Девушка присела в неловком реверансе и вышла.

— Я согласен с тобой, — сказал Михаил. — В Петрограде сейчас небезопасно. Дезертиры грабят дома, на-

* Revolutionierungspolitik (нем.) — революционная политика.

** Coup d'etat (франц.) — государственный переворот.

пиваются и ищут, с кем бы из офицеров расправиться. Так куда мы отправимся?

— Давай поедем в имение, в Поречье. Я не была там с начала войны. В доме, конечно, слой пыли, грязь, но мы будем там в безопасности. Поречье далеко от фронта. Глушь. Деревенька, крестьяне, поля, лес и речка.

В дверь постучали, и вошел Иван, опираясь на костыль.

— Иван, мы с князем Михаилом Александровичем собираемся съездить в Поречье. Сначала вы отвезете багаж на вокзал, а потом и нас к вечернему поезду. Вам лучше отправиться уже сейчас за билетами и проследить за багажом.

— Я понял, Елена Николаевна, — почтительно сказал Иван. — Могу ли я узнать, когда вы вернетесь?

— Думаю, мы будем в отъезде недолго, — спокойно ответила она. — Пока не кончатся беспорядки.

Мгновение Акулов помолчал, прежде чем заговорить.

— Тогда я должен просить у вас разрешения не сопровождать вас.

Она с удивлением на него посмотрела:

— Неужели вы хотите здесь остаться?

— Да.

— Но ради Бога, зачем? Что тут делать?

— У меня есть... дела.

Князь Михаил внимательно смотрел на Ивана. Он знал его давно. Они были ровесниками. Михаил знал украинских крестьян, его род владел обширными землями в Малороссии.

Иван Акулов был из крепкой крестьянской семьи, он всегда был добросовестным, честным работником.

— А что ты будешь делать, Иван, когда завершишь свои дела? — спросил он Ивана.

— Вернусь домой, ваше благородие, — твердо ответил Акулов.

— Будешь арендовать мои земли?

— Наступают новые времена, ваше сиятельство. Скоро землепашцы сами станут хозяевами земли, на которых трудились их деды и прадеды. Владеть землей должны те, кто поливает ее своим потом.

— Иван, и вы туда же! — резко оборвала его Елена. Фарфоровая чашка звякнула о блюдечко, когда она нервно отставила ее. — Вы говорите, как один из этих ужасных большевиков!

Он спокойно посмотрел ей в глаза.

— Да, Елена Николаевна, — сказал он. — Я — большевик.

Звон бьющихся стекол слился с громкими криками. Рыков переживал в парке, поглядывая на дворец. Сухие, мертвые листья кружились и падали под ноги, а толпы людей сновали во дворе по выложенным камнем дорожкам. Они тащили картины, мебель, иконы и ковры. Они выдавили сверкающие стекла высоких окон, и осколки упали звенящей грудой на роскошные ковры.

Рыков наблюдал недолго, а потом двинулся через голый парк. Какая польза в картинах и стульях с резными ножками? Вдалеке густым столбом поднимался над тюрьмой дым. В ней сжигали дела тех, кого старая власть считала преступниками. Это сделали большевики, ибо в новом мире не было нужды в тюрьмах.

Рыков шагал по тропинкам, двигаясь быстро, чтобы сохранить тепло в своей полосатой тюремной одежде. Он переждал несколько мгновений у клумбы с гортензиями, где бурые стебли еще поддерживали убитые холодом бутоны. Щекочущее волнуемое возбуждение поднялось откуда-то из живота, и он поспешил дальше, маленький и шустрый, как горноста́й, с цепким хищным взглядом. Он чувствовал в воздухе какое-то особое напряжение, и оно настораживало и бодрило его.

Он остановился в кустах посмотреть на дом: ставни были наглухо закрыты. Мимо по дороге на Петроград проезжал грузовик. Когда он поравнялся с Рыковым, тот подбежал к нему сзади, подпрыгнул, вцепился и перевалялся через борт.

Улицы казались пустынными, хотя он заметил нескольких неряшливо одетых солдат. Полицейских не было... Он выпрыгнул, когда грузовик замедлил ход у Литейного моста. Стоя на мостовой, он почувствовал чей-то взгляд — средних лет буржуйка испуганно уставилась на него из окна. Его тюремная одежда знаменовала неуклонное разрушение ее мира. Встретив его холодный взгляд, она отпрянула в глубь комнаты, и на окно опустилась занавеска.

Рыков оглянулся вокруг алчным взглядом. Что-то витало в воздухе — ощущение, запах, весть, — что-то наступало, и это его возбуждало. Как дикий пес, он двинулся к набережной Невы, где большие гранитные ступени спускались к большой, холодной реке. Все его чувства обострились и были настороже.

Там тянулись магазины. Некоторые стояли закрытые и темные, как дырки в зубах. В большинстве своем окна были защищены железными решетками. Чистый женский голос звенел над улицей, страстно обращаясь к неболь-

шой толпе празднующихся, собравшихся у ящика, на котором она стояла. Она была в солдатской гимнастёрке, подогнанной по фигуре. Молодая женщина с буржуйской речью и красным шелковым шарфом вокруг шеи провозглашала славу коммунизму.

Рыков подошел к краю собравшихся.

— Товарищи, капитализм мертв, — говорила она звонким голосом. Слабая волчья ухмылка появилась на лице Рыкова, когда он наблюдал за юной особой, отождествлявшей себя с чернью.

— Капитализм грабит людей. Все продукты, все дома, все земли — собственность пролетариата. Когда придет Революция, народ возвратит назад то, что у него отняли. Красный цвет! Красная справедливость для народа!

Они смотрели на нее. Большинство из мужчин потому, что она была хорошенькой девушкой и они были бы не прочь узнать, как она выглядит без солдатской экипировки. Рыков всегда был настороже, и потому сразу заметил мужскую голову, осторожно высунувшуюся из двери магазина, чтобы узнать обстановку снаружи. Маленький, лысеющий владелец лавки с нежными руками и внимательными глазами часовщика. Он был в черном кожаном пальто, наверное, ему было холодно.

— Там! — неожиданно выкрикнул Рыков. — Он там! Вот он, капиталист, вот враг пролетариата, вот он крадется, как крыса.

Он привлек их внимание, они насторожились, как собачья стая. Лавочник испуганно повернулся назад, норовя исчезнуть в дверном проеме, судорожно нащупывая ключи, которые только что держал в руке.

— Вперед, товарищи! Отберите у него все, что он награл у народа!

Они бросились к нему раньше, чем он успел запересться. Толпа вломилась в магазинчик, расхватывая с разбитой витрины и полок настенные часы, часы с боем, карманные и наручные часы, и хозяин лавки молча съехал в углу. Все были заняты, набивая карманы часами, когда Рыков проскользнул внутрь. Он угрожающе улыбнулся часовщику.

— Сними пальто, товарищ, — произнес он, и тот беспрекословно снял пальто и вручил его ему. Рыков надел его.

— Товарищи! — крикнул он. В магазинчике чувствовался запах дешевой водки. Демобилизованные солдаты были полупьяны. — Этот эксплуататор — пиявка на теле народа, он сосет его кровь!

Толпа обернулась к Рыкову. В руках людей сверкали красивые вещи. Они столпились вокруг него.

— Это не так, — протестовал лавочник. — Я никогда никому не причинил вреда...

Рыков громко расхохотался в ответ.

— Посмотрим-ка на его кровь! — взвыл он, и они навалились на часовщика. Рыков поднял маленькие женские часики с позолоченным браслетом, похожие на изящную ящерицу, и вышел наружу.

Молодая женщина в красном шарфе все еще стояла на своем ящике, в смятении слушая крики лавочника. Рыков любезно вручил ей часики.

— Вот, — сказал он. — Собственность пролетариата.

— Я не... — она запнулась.

— Да! — с торжествующей улыбкой произнес Рыков. — Посмотрите, что сделала ваша правильная речь. Враг народа раздавлен от одного вашего слова.

Вопли прекратились. Доносились только глухие удары сапог.

— Скажите, — спросил он, — как вас зовут?

— Рут Ганзберг, — ответила она. Люди выходили смеясь, с окровавленными руками и звенящими карманами. По тому, как она смотрела на них, Рыков определил в ней внутренний страх, который она скрывала от себя. Она была словно ребенок на лошади, которую не в силах остановить. Это показалось ему самым занятным в ней.

— Вы из каких будете коммунистов? — спросил он.

— Большевичка.

Это слово было для нее очень важным. Когда она произнесла это слово, он увидел, как возвращается к ней уверенность, ее вера в новый и совершенный мир.

— Я тоже хочу быть большевиком, — сказал он. — Вы примете меня?

Они пошли вниз по улице вместе, и теперь Рыков знал, что витало в воздухе, что наступало. Это была славная штука, которую мир сотворил для него. Его руки были забрызганы кровью владельца магазина. Ухмыльнувшись, он поднял одну перед Рут.

— Красная! — сказал он.

25 октября 1917

Рут сидела перед входом в кафе. Алый шарф, подаренный ей футуристом Константином, пылал в его огнях. Внутри было тепло, и постоянные посетители усмехались над стойкой девушкой с ее революционной статьей и в

революционной одежде, сидящей на холоде, и возвращались к картам, сплетням и выпивке. Правительство менялось. Война, очевидно, скоро закончится. Дела, наверное, скоро войдут в нормальное русло.

Рут выбрала это место, чтобы лучше видеть. Не холод беспокоил ее; что значит для революционера холод! Она совсем не хотела находится здесь, вглядываясь с моста в сторону Зимнего дворца каждый раз, когда проезжал автомобиль, она хотела бы быть на Съезде Советов, проходившем в большом зале Смольного института, бывшей школы благородных девиц. Там с совершенной символичностью нечто, созданное бесполезным, перевоплощалось во что-то бесценное, ибо народ России демократическим путем решал там свое будущее. Как одна из тех, кто способствовал приближению этого будущего, она хотела бы быть там, и едва заметная складка недовольства и раздражения пролегла по ее гладкому, чистому лбу.

Однако Шапиро, теперь называвший себя Кривицким, просил ее быть возле кафе у моста и наблюдать. Она спросила, зачем, раз новое правительство брало власть в свои руки, но он ответил, что Керенский все еще занимает Зимний дворец. Когда вы вовлечены в *coup d'état*, вы не можете позволить тем, у кого отнимаете власть, обладать ключевыми позициями, чтобы они не использовали их для восстановления и объединения своих сил против вас. Рут не видела надобности в этом, поскольку действовала заодно с беспощадной и несокрушимой силой Истории, которая подвинула пролетариат к его неизбежному триумфу в согласии с научными законами общества. Но Кривицкий просто заявил, что это полезно для Революции. Она свершила бы для Революции любой подвиг, и вот оказалась на холоде, возле кафе, читая «Рабочий путь» в интервалах между наблюдением за машинами, в своей солдатской форме, сидя на ящике, расставив одетые в штаны ноги на мужской манер, что ужасало ее мать, покуривая сигаретку и держа наготове револьвер. Революционеры были вооружены, поэтому она заставила Кривицкого выдать ей револьвер, прежде чем согласилась пойти. Она дотрагивалась до него время от времени под черным матросским бушлатом, как до талисмана, и тогда восторженная детская улыбка освещала ее лицо.

Она дважды перечитала номер большевистской газеты. Редактор, Иосиф Сталин, призывал поддержать советское правительство, что ставило его как бы позади времени, так как оно уже существовало, оформившись в Смольном.

Высокие фонари освещали мост. К ней на большой скорости подъезжал лимузин. У нее было превосходное зрение, и она внимательно вглядывалась внутрь, когда автомобиль проскакивал мимо, отмечая пассажиров. Это была американская «Пронзающая стрела» с развевающимся американским флагом. Она поднялась и поспешила внутрь кафе. Она заплатила за телефон, и человек на другом конце провода поднял трубку. Ей повезло, это был Кривицкий.

— Комната семнадцать.

В глубине она слышала кричащие голоса.

— Это Рут, — важно произнесла она. Ее юное лицо было очень серьезным. — Я только что видела Керенского в машине американского посла. Он направляется к Пулковскому шоссе, наверное, собирается проследовать во Псков.

В слуховой трубке звякнуло, будто телефон поставили на пол. Она прижала ее к правому уху, закрыв пальцем левое, прислушиваясь к тому, что говорили там, в командном пункте Трощего в Смольном.

— Керенский сбежал! Направляется к фронту.

— Там его удача не ждет.

Это сказал Ленин. Она узнала его голос с приятной картавостью.

— Что с Зимним?

— Он еще не наш.

Это Троцкий.

— Прикажите начать штурм.

Телефон на стойке еще трещал, но Рут уже спешила через мост к дворцу. В середине Невы неясно вырисовывалась темная масса старого крейсера «Аврора». На площади она увидела сотни бойцов Красной гвардии и матросов, разбившихся на группы, на винтовках насажены штыки, ленты с патронами скрипели. Она вытащила свой револьвер и помахала им высоко в воздухе. Он выстрелил в ее руке, и пуля со свистом отрезала от камня.

— Ай, барышня, маленькая барышня, — послышался укоризненный голос. Из темноты от стены отделилась фигура и мягко взяла оружие из сжатой руки. Это был Павел, революционный матрос из Кронштадта. Он вытряхнул оставшиеся пули в ладонь и вернул ей револьвер.

— Ты могла убить людей таким образом, — сказал он. Она, должно быть, выглядела сконфуженной, потому что он снял с себя ленту с патронами и обмотал ею девушку. Это было революционно, но очень тяжело.

— Вот так. Ты пришла посмотреть, как мы будем входить в Зимний?

— Нет, я пришла, чтобы идти с вами. — Ее распирала важность. — Я только что говорила с комиссарами Троцкого, которые находятся сейчас в его командном пункте в Смольном. Штурм надвигается.

— Что ж, в таком случае пойдём с нами. Кое-кто из твоих друзей здесь.

У стены она увидела Константина в отблеске его папиросы. Красный шарф был обмотан вокруг шеи, рабочая кепка сбилась набекрень. Бутылка вина торчала из кармана. В руках он держал пистолет. Константин улыбался:

— Я сочиняю поэму. Завтра я встану на середину Невского проспекта и продекламирую ее, к дикой радости людей.

Немец Манфред Лисс также был там. Теперь он одет в черное кожаное пальто. Она увидела Савинкова в дверном проеме, и он кивнул ей в сторону дворца, сотни окон которого походили на помертвевшие глаза.

— Предсмертная агония империализма, — сказал он, и она поверила, что эта поэма настолько замечательна, насколько можно только желать.

В момент тишины Рут слышала ружейный выстрел, и секундой позже пурпурное сияние вспыхнуло высоко над дворцом. С другой стороны Зимнего послышался тяжелый залп корабельного орудия. Стреляла «Аврора». Кто-то вскрикнул внутри дворца.

— Прикрепить штыки, — приказал Павел, и вдоль всей стены послышалось лязганье. Бойцы вставляли длинные штыки в гнезда на дулах винтовок. Савинков вжался в безопасность дверного проема. Идя рядом с Павлом, Рут испытывала необычное возбуждение.

Савинков смотрел на них, спешащих вперед, — Павел шел быстрым тренированным шагом, Рут старалась не отставать. Со стороны кадетов велась беспорядочная редкая стрельба, и матросы отвечали залпами. Константин разряжал магазин своего пистолета, его одежда была в беспорядке. Савинков видел, как пули ударялись о камни дворца, высекая огоньки, которые, как светлячки, поднимались все выше.

Потом все оказались на деревянных баррикадах под громкие крики «ура». Рут в экстазе пронзительно кричала своим контральты и размахивала револьвером, словно флагом.

Савинков последовал за ними через площадь. У главных ворот лежали брошенные винтовки, как ненужные игрушки. Он подобрал одну, поправил на голове рабочую кепку, чтобы она выглядела заливчатски, и вошел внутрь.

Рут стояла в тихом закутке темного коридора. Старые генералы в золотых рамах мрачно разглядывали пришедших. Красногвардейцы, рабочие, солдаты, матросы из Кронштадта, дети, проститутки крутились по залам и коридорам. Она слышала, как кто-то из красногвардейцев выкрикнул: «Товарищи, ничего не трогайте! Это собственность народа!» Когда он ушел, люди, только что согласные с тем, что он сказал, возвращали лично себе народную собственность, присвоенную Домом Романовых. Они тащили латунные часы из Белого зала, роскошные туалеты из гардеробов, серебряные узорчатые подсвечники, фарфоровые тарелки из кладовых, зеленые вазы из Малахитовой комнаты...

Рут не предполагала, что так случится. В новом мире не было места для реликвий старого. Народ должен был очистить дворец и выбросить все в Неву, снести до основания громадный символ угнетения и возвести собственными руками новое сияющее здание, совершенное во всех отношениях, первое из миллионов, которые появятся в мире.

В маленькой гостиной перед спальней Константин снимал картины со стены и складывал их в неровную кучу. Он недавно обнаружил банки с краской в одной из кладовых и теперь выстроил их в ряд. Он открыл их все по очереди, хлебнул вина из своей бутылки и сунул ее Рут. Она отрицательно покачала головой и поставила ее на каминную полку. Винные пары струились по коридорам, и снизу из подвалов доносился неизменный звон стекла, потому что люди наконец-то пили, как цари. Рут не нужен был никакой алкоголь, она была и так пьяна. Ей повезло быть частью нового мира при его рождении.

Манфред Лисс прошел мимо них, держа в одной руке бутылку, а другой поглаживал зад молодого матроса. Парочка задержалась у двери, вглядываясь внутрь. Там стояла огромная кровать с пологом на четырех столбиках.

— Храм мертвого искусства, — развязно произнес Константин, на его лоб падали длинные волосы. Он обмакнул декораторскую кисть в алую краску и произвел быстрые умелые удары по шелковым обоям. Начала вырисовываться ромбовидная женщина с треугольниками глаз и несколькими грудями в разных местах.

— Мы создадим современную фабрику человеческого духа, — сказал он.

Дверь в спальню осталась открытой. Манфред Лисс и юный матрос по очереди присасывались к бутылке и

взасос целовались. Потрясенная Рут не могла не смотреть. Это было не просто неприлично. Это было невозможно. Революция должна была очищать умы и тела. А сейчас они стаскивали друг с друга брюки...

— Министры арестованы! — раздался возбужденный голос. Они повернулись и увидели в дверях Савинкова. В одной руке он сжимал винтовку, а в другой держал записную книжку в черном кожаном переплете. Он размахивал этой книжкой и говорил: — Я там был! Слушайте, я застал их последние минуты!

Константин отложил кисть, взял винтовку из его руки и передернул затвор:

— Конечно, чтобы выглядеть революционером, Сергей, надо таскать с собой винтовку, — сказал он. — Однако не забывай об осторожности, когда приближаешься к гению.

Савинков резким движением выхватил у него свое оружие.

— Продолжай свою мазню, — презрительно сказал он. — Кто-то должен управлять Революцией.

И он ушел по длинному коридору, проталкиваясь сквозь людей, толпящихся повсюду.

— Он очень торопится, — заметила Рут, посмотрев ему вслед.

— Надеется добежать до Ленина со своим блокнотом раньше всех, — пренебрежительно сказал художник, снова берясь за кисть. — Пресмыкающееся.

— Как ты можешь такое говорить! — горячо возразила она. — Он был революционером, когда нам еще засоряли мозги в наших институтах и гимназиях.

— Ты посмотри на его язык! — сказал Константин. — Он стал бурым от постоянного лизания задниц.

Он опять бросил кисть и стал ломать рамы, отдирая от них холсты. И то и другое он складывал в камин.

— Единственная польза от этой рухляди: они могут согреть настоящего творца. Пожалуй, я замерз... Люди жаждут Революции по разным причинам, — правил он, чиркая спичкой о кожаную подошву своего сапога. Он поднес огонек к старому холсту, и тот ярко вспыхнул. Какой-то святой, изображенный на холсте, скорчился в пламени. Запахло масляной краской, и Константин с удовольствием принюхался.

— Что до меня, то я человек нового мира.

В спальне Манфред Лисс растянул матроса на кровати и взгромоздился на него. Их брюки были спущены. Это было омерзительно... Рут повернулась к двери в спальню спиной, стараясь не выглядеть шокированной.

— Конечно. Я тоже, — поспешно сказала она Константину. — Как и Павел из Кронштадта, как Сергей и вообще каждый из нас.

Откуда-то донесся звон бьющегося стекла и крик, от ужаса звучащий фальцетом. Потом глухое падение тела.

— Что это? — с тревогой спросила Рут.

— Без борьбы нет красоты, — произнес Константин. Под его кистью безумный квадрат атаковал ромбовидную женщину. — Только насилием создается шедевр!

В камине ярко пылали приговоренные к казни картины. Столетия высушили дерево, краски и холст до совершенства.

— Я присоединился, потому что Революция открывает мне новый мир, — продолжал Константин. — Такой, который направлен только в будущее. Постоянное изменение. Живое, пахнущее кровью искусство, живые, пахнущие кровью слова, живые, пахнущие кровью дела. Жизнь — это кровь, живая кровь. Красный цвет. Уничтожить обескровленное прошлое, выбросить в огонь высушенные авторитеты. В этом — моя Революция.

Он взял бутылку с камина и осушил ее. Его кадык качнулся. Он бросил бутылку в пламя, где она начала разрушаться мелкими взрывами. Манфред, кутаясь в пальто, вышел из спальни с остекленевшими от удовольствия глазами.

Константин смотрел на Рут сверкающим ядовитым взглядом.

— Вот чего я хочу от моего нового мира, — сказал он. — Я не думаю, что того же хочет Павел, того же хочет Манфред, того же хочешь ты. Павлу нужна земля, Манфред желает юных мальчиков, ты хочешь — чего хочешь ты, Рут? — его рот скривился улыбкой. — И самое важное, чего же хочет Ленин?

* * *

Рут была голодна как волк. Ее душа насытилась событиями дня, и сейчас тело требовало поддержки. В просторной столовой с низким потолком она подала свой двухрублевый талон в конце длинного стола, и обслуживающий рабочий налил ей добрый ковш дымящихся зеленых щей в глубокую миску. Она взяла лопатку грубого черного хлеба, жирного на ощупь, и соевую деревянную ложку из корзины. Сев за стол, она задумчиво посмотрела на ложку. Ее мать всегда требовала, чтобы посуда была чистой... Пролетарий, сидевший напротив, прежде, чем начать есть, вытер свою ложку рукавом. Ос-

вободившись от сомнений, она последовала его примеру и стала есть. Это был не более чем еще один абсурдный буржуазный ритуал, который выбросят за ненадобностью в новом мире, шествующем к светлой жизни. Рабочий низко склонился к миске, уплетая с хлебом ложку за ложкой горячую бурду, слегка замочив бороду. Рут стала делать, как он. Как будто она просто поступила в новую школу, вот и все.

— Рут... Рут!

Это была Надежда.

— Он идет, — сообщила она. Рут спешно заглотнула остатки щей и положила хлеб в карман, чтобы съесть его позднее. Она вытерла рот манжетом рукава, упиваясь новой свободой. Рабочие и крестьяне пялились на ее груди, когда она шагала из столовой.

Девушки в радостном возбуждении спешили по коридорам в южное крыло. На дверях, мимо которых они проходили, тонкие эмалированные таблички сообщали Рут, что здесь была комната классных дам или учительский кабинет, но поверх табличек, свисая с гвоздей, забитых в светлое дерево пролетарскими руками, бросались в глаза грубо написанные картонные таблички, как доказательство жизненности нового порядка: «Исполнительный Комитет Петроградского Совета», «Народный Комиссариат иностранных дел», «Всероссийский Центральный Совет Профессиональных союзов». Длинные сводчатые коридоры были заполнены солдатами и рабочими, тяжелые сапоги которых создавали непрерывный грохот. Везде, где проходили девушки, они видели рабочих за столами с горами листовок и брошюр различных партий новой демократии, воплощающей в себе красочные и трепетные идеи будущего. Рут быстро шла рядом с Надеждой. Волнение переполняло ее. Она подпрыгивала, ее руки возносились высоко в воздух, она радостно бормотала что-то, ее темные волосы колыхались, лицо сияло.

Они вошли в огромный, бывший бальный, зал. У Надежды имелись пропуска, которые дал ей ее жених Иосиф. Они выбрали удобное место, откуда могли видеть все происходящее. Просторный, величественный зал, освещенный множеством люстр с сотнями причудливых лампочек, был полон делегатами съезда. В спертom воздухе стоял густой запах табачного дыма и потной, грязной одежды. Рут восторженно вдыхала его. При старом порядке люди мылись, чтобы заполнить вечную скуку своей бесцельной жизни. Здесь же собрались люди, настолько занятые строительством нового, что на мытье у них не

было времени. Вокруг были небритые, даже грязные мужчины, которые являлись живым чудом бессонницы и работы, мужчины с горящими глазами, направившиеся к своей замечательной цели на моторах экзальтации.

Там было столько дел! Ей ли не знать этого, если она была участником общей борьбы. Свергнуть правительство, управлять городом, бороться с Думой и ее Комитетом* за спасение, не говоря уж о немцах и Керенском, сообщить стране, что происходит, распространить истину от Архангельска до Владивостока, бороться против правительственных и местных чиновников, не собирающихся подчиняться комиссарам, против почты и телеграфа, отказывающихся налаживать связь, против железнодорожных служащих, игнорирующих их законные требования на поезда... и против коронованных и некоронованных палачей, служащих буржуазии во всем мире. Но вместе с ними солдатские массы и рабочие, и их неизбежная победа predetermined.

Оглушающий гром аплодисментов встретил появление президиума, прокладывавшего путь к большому помосту, где когда-то по случаям праздников теснились парадные военные мундиры и рясы священников. Проталкивающиеся вперед люди были неряшливо одеты, но с ними в величии не мог бы тягаться ни один бывший генерал или епископ. Руководители с тугими портфелями спорили, объясняли, отдавали указания даже на ходу. Вокруг них теснились коллеги и заместители. И среди них был тот человек, ради которого они пришли. Невысокая коренастая фигура с большой головой, низко посаженной на плечах. Недавно еще бритый из-за необходимости скрываться, его подбородок снова ошетинился маленькой бородкой.

Вначале более мелкие чины. Каменев, чтобы зачитать распоряжения Военно-Революционного Комитета: отмена смертной казни в армии, восстановление права на свободное высказывание, освобождение офицеров и солдат, арестованных за политические преступления... громкие аплодисменты.

Кто-то менее популярный. Представитель Бунда.

— Бескомпромиссное отношение большевиков будет означать крах Революции...

Послышались протестующие выкрики.

— Поэтому делегаты Бунда должны отказаться участвовать в дальнейшем в заседании Съезда...

— Долой! Долой! — закричали ему из зала. — Ты остался во вчерашнем дне.

* Государственная Дума IV созыва формально существовала до 6 (19) октября 1917 г.

Рут и Надежда свистели и шикали с остальными, махали в воздухе своими кулачками, возмущались: «Глупцы! Препятствие на троне демократии».

Невнятно бормочущие меньшевики.

— Мы полагаем опасным и, наверно, даже смертельным для Революции передать власть Советам.

Громкий гул голосов заставил и этого оратора тоже покинуть трибуну.

Затем вышел тот, кого ждали. Он сжал пальцами края трибуны, его маленькие мигающие глаза обегали собравшихся, пока те аплодировали и аплодировали, и, наконец, удивились, почему их ладони горят. Он поднял руку, и зал умолк.

— Мы приступаем к построению социализма, — сказал Ленин просто, и зал взорвался такими криками одобрения, что казалось, вот-вот рухнет потолок.

— Мы предлагаем мир, — продолжал он, когда шум, наконец, утих. — Мир народам всех воюющих стран на одинаковых для всех условиях, без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение.

Ладони Рут внесли достойную лепту в неистовый гром аплодисментов, она горела желанием помочь угнетенным. Теперь, когда рабочие и крестьяне России стали свободными, пришло время и для остального мира получить освобождение.

— Революция скоро разразится во всех воюющих странах, вот почему мы обращаемся к рабочим Франции, Англии и Германии... революция 6—7 ноября открыла эру социалистической революции... рабочее движение во имя мира и социализма одержит победу и исполнит свое предназначение...*

Потом они, лидеры, говорили быстро, один за другим, с возрастающим энтузиазмом. Левые эсеры, социал-демократы интернационалисты, украинские социал-демократы, литовские социал-демократы, народники, польские социалисты... Эти люди несли огонь. Они говорили о «грядущей мировой революции, авангардом которой мы являемся», о «новой эпохе братства, когда все люди станут одной большой семьей...»

Мандаты взмывали в воздух, это было единодушие...

Потом запели «Интернационал». И гимн надежды проникал сквозь окна, сквозь двери, сквозь саму крышу, чтобы достичь ушей людей всей Земли.

А затем зазвучал Похоронный марш в память павших за свободу товарищей, монотонный, медленный и печальный, но такой торжественный:

* Речь Ленина дается автором в вольной интерпретации.

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.
Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беспощадный над вами
Цари-палачи изрекали тогда,
И шли вы, гремя кандалами...

У Рут перехватило дыхание, слезы текли по ее щекам, когда она произносила слова клятвы. Рядом с ней Надежда тоже плакала.

За вами идет свежих ратников строй,
На подвиг и на смерть готовых.
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Когда хриплые сильные голоса умолкли, Рут почувствовала присутствие сгрудившихся вокруг тысяч людей, десятков тысяч, даже тех, кто умер в царских застенках, в холодной ссылке, в сибирских рудниках. Она чувствовала их, смелых и благородных. Их день пришел, тирания пала, и народ обрел, наконец, свободу.

В случайно услышанных в детстве разговорах ее родители толковали о необходимости реформы. Что они знали о ней? Она была здесь. Народная революция, грубая, сильная, пренебрегающая светскими манерами и лицемерными правилами. Как просто разорвать ненужные связи во имя великого триумфа.

Она вытерла влажное лицо ладонями, и они с Надеждой обнялись. Ленин читал Декрет о Земле:

— «Первое. Вся частная собственность* на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

Второе. Помещичьи имения, равно как все земли, принадлежащие короне**, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного Собрания».

Предстояли дебаты. Кто-то протискивался через толпу, расталкивая других, а потом самовольно забрался на помост. Крестьянин с длинными волосами, в сапогах, с дикими глазами, в овечьем полушубке.

* В Декрете о Земле сказано: «помещичья собственность».

** В Декрете: «...равно как все земли удельные».

— Члены Исполнительного Комитета Советов крестьянских депутатов* протестуют против ареста наших товарищей, министров Салазкина и Маслова! — закричал он. — Они в Петропавловской крепости. Мы требуем их немедленного освобождения! Вы сидите здесь и рассуждаете о передаче земли крестьянам, и вы же совершаете акт тирании и узурпации против избранных представителей крестьян!

Рут почувствовала мгновенную неприязнь к человеку, который проталкивался вперед и негодовал, однако легкую, — неприятный случай. Она была рада, когда увидела, как Троцкий поднялся на ноги и заговорил на весь зал своим густым голосом:

— Вчера Военно-Революционный Комитет решил освободить министров-меньшевиков и социал-революционеров Маслова, Салазкина, Гвоздева и Малинтовича в принципе. Они до сих пор в Петропавловской крепости потому, что у нас очень много работы... Они будут, однако, содержаться под домашним арестом до тех пор, пока мы не расследуем их участие в предательских действиях Керенского!

Она почувствовала новый прилив негодования. Тот человек защищал предателей! Она выкрикнула слова одобрения, когда кто-то столкнул его с трибуны, и он исчез в толпе, где и получил хорошего пинка.

Объявили небольшой перерыв. Щи, которые она съела несколько часов тому назад, сейчас неприятно рассосались в желудке.

Даже в толпе людей, проталкивавшихся к дверям, она чувствовала, что от ее сапог поднимаются вверх сильные, терпкие испарения. Рабочий, оказавшийся рядом с ней, гоготнул и хлопнул ее по плечу потрескавшейся и покрасневшей рукой в грубом и честном одобрении. Как далеко это было от глупых *minutiae****, от чашечек чая, печенья, ложи в опере и болтовни в материнском салоне.

Было два тридцать утра. Незначительные люди уже все сказали, и теперь пришло время прочитать Декрет о Власти***. Все стихли, когда Каменев встал за кафедру.

— «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного Собрания, временное рабочее и

* Исполнительный Комитет Советов крестьянских депутатов был избран Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов Крестьянских депутатов, состоявшимся в Петрограде 11 (24) ноября — 25 ноября (8 декабря) 1917 г. Исполнительный комитет слился с ВЦИК.

** *Minutiae* (лат.) — мелочь, детали.

*** II Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял «Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства».

крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров».

В тишине он зачитывал с рукописного листка имена людей, которые будут управлять страной:

— «Председатель Совета — Владимир Ульянов».

Гул одобрения Ленину.

— «... По внутренним делам — А.И.Рыков; земледелия — В.П.Милютин; по делам военным и морским — комитет в составе: В.А.Овсеенко, Н.В.Крыленко и П.Е.Дыбенко... по делам иностранным — Л.Д.Бронштейн».

Гул одобрения Троцкому.

Каменев скосил глаза на листок бумаги, пытаясь расшифровать поспешные каракули в конце:

— «Председатель по делам национальностей...»

Он повернулся к Троцкому, находившемуся почти рядом:

— Лев, кто это?

Прежде чем Троцкий ответил, Надежда, стоявшая рядом с Рут на выступе, глубоко вдохнула.

— Иосиф Сталин! — вскрикнула она. — Мой жених.

Вежливый и очаровательный Троцкий весело посмотрел на нее.

— Должно быть, Сталин, — улыбнулся он. — Так говорит прекрасная юная особа.

— Но они все большевики, — гневно пробормотал человек рядом с Рут. — Ленин сформировал правительство для себя.

Рут повернулась к нему.

— Любезный, — произнесла она ледяным тоном, — разве у вас нет ушей? Разве вы не слышали, что товарищ Каменев провозгласил временное правительство для управления до созыва Учредительного Собрания, которое примет власть? Кто мог бы лучше управлять страной сейчас, чем те, кто сделал возможной свободу народа?

Его товарищи засмеялись, подталкивая его локтями, услышав, как ему выговаривает молодая девица.

— Я помню, как вели себя большевики в прошлом, когда они были в большинстве, — ответил он уверенным голосом.

Однако нашелся еще один нарушитель спокойствия. Она знала его. Авилов, симпатичный молодой человек в сюртуке, журналист «Новой жизни», подыскивал себе место. Буржуй и интеллигент среди прямоты и честности.

— Мы должны спросить себя, куда мы идем... Легкость, с какой было свергнуто Временное правительство, нельзя объяснить силой левого крыла демократии, но только неспособностью правительства дать людям мир и

хлеб. И левое крыло не сможет удержаться у власти, если не решит этих проблем.

— Он знает, о чем говорит, — неуместно заметил агитатор рядом с ней.

— Что касается мира, то это будет даже более трудным делом. Союзники отказались разговаривать со Скобелевым. Они никогда не примут предложений о мирной конференции от вас. Вы не можете рассчитывать на эффективную помощь пролетариата союзных держав, поскольку в большинстве стран очень далеко до революционной борьбы. Ни одна партия не сможет преодолеть бесчисленных трудностей, с которыми мы сталкиваемся. Только большинство народа, поддерживая социалистическое коалиционное правительство, способно завершить революцию.

— Революция уже свершилась, ты, дурак! — воскликнула Рут, и ей заплодировали.

Но один из них, другой молодой человек, Карелин, от левых эсеров, поднялся к трибуне.

— Наша партия отказалась войти в Совет Народных комиссаров. Мы не можем поддерживать никакое правительство, кроме правительства социалистической коалиции. Более того, мы протестуем против тиранического поведения большевиков. Наши комиссары были лишены своих постов, а наш единственный орган «Знамя труда» был запрещен вчера.

— Неужели? — раздраженно произнесла Рут, ни к кому особо не обращаясь. — Кажется, он думает, что вернулся царь!

— Государственная Дума формирует обладающий властью Комитет спасения страны и революции для борьбы против вас. Вы уже изолированы, а ваше правительство не пользуется поддержкой ни одной другой демократической группы.

Но на трибуне уже был Троцкий, уверенный, властный, человек, который сбросил Керенского, его рот усмехался над тщетными усилиями юнцов.

— Эти соображения об опасности изоляции нашей партии не новы. Накануне восстания наше неизбежное поражение также предсказывалось. Все были против нас. Как же случилось, что мы смогли свергнуть Временное правительство почти без кровопролития? Этот факт — самое сильное доказательство того, что мы не были в изоляции. В действительности в изоляции находилось Временное правительство; демократические партии, которые выступают против нас, находились в изоляции, находятся в изоляции и всегда будут вне пролетариата!

Разбивая своих противников, великий ветеран революции презрительно указал на них пальцем.

— Эти людишки, Авилов и Карелин, обвиняют нас в том, что мы отвергаем соглашения с другими демократическими партиями. Но разве нас следует обвинять? Нет, товарищи. Кто как не Авилов и Карелин переметнулись к врагам? Именно они объявили нам безжалостную войну. Что же касается угрозы Авилова для мира — там, где буржуазия все еще подавляет рабочих, — мира за наш счет, я просто скажу, что если в Европе продолжит править империалистическая буржуазия, революционная Россия неизбежно потерпит поражение. Есть только две альтернативы. Или русская революция вызовет революционное движение в Европе, или европейские державы уничтожат русскую революцию.

Все вскочили на ноги, и голоса почти снесли крышу прочь. Поборники человечества. Рут унеслась на волне всеобщего энтузиазма. В глубине души она дала клятву не отдыхать, пока весь мир не будет свободным.

Далекий свет восхода окрасил небо розовым цветом, когда они вышли из Смольного на чистый, свежий воздух. Толпы людей вытекали из ворот под большой имперской эмблемой, направляясь к трамваям трамвайных профсоюзов, кондукторы и водители которых поднялись, зевая, готовые развести делегатов по домам. Протиснувшись вместе с Надеждой в вагон, Рут заметила, что напевает.

Ее услышали, подхватили мелодию, и весь трамвай громко запел:

Падет произвол, и восстанет народ
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья! Вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный.

Декабрь 1917

Высокие окна были в грязных подтеках, за делами революции никому не было дела до чистоты. Сквозь мутное стекло Кривицкий с трудом различал бледно-голубые купола Смольного монастыря, отливавшие золотом. Внизу по булыжной мостовой, где лежал грязный снег, что-то двигалось. По малой скорости и тяжелому звуку, сопровождавшему движение, он догадался, что это трамвай, подходивший к концу ветки. Он снял свои очки в стальной оправе, потер их о низ рубашки, но это мало изменило картину.

Высокие двери широко распахнулись, и все вскочили на ноги, когда вошел Ленин, маленький и казавшийся особенно подвижным по сравнению с размеренно двигавшейся, склоненной к нему высокой фигурой поляка Дзержинского. Они взошли на сцену, встав перед незаконченной декорацией, которую готовили к так и не состоявшемуся спектаклю. Кривицкий подумал, что это напоминает какие-то сцены у Пушкина. Затянутые в корсеты классные дамы и юные воспитанницы Смольного надеялись, что исполнение всех ритуалов защитит их от нападения дьявола. Они ошиблись. Сейчас дьяволы захватили их сцену, находились в их театре, плотно заполнив его своими кавказскими бурками, меховыми шапками, малиновыми суконными плащами, черными кожаными куртками, галунами, кинжалами, черными усами и запахом лошадей, ружейного масла, табака и пота.

— Революция в опасности, — возвысил голос Ленин.

— Налицо явная опасность, — сказал Дзержинский, стоя отрешенный, как монах, в солдатской форме сбоку от Ленина, и они все почувствовали покалывание адреналина где-то под подбородками, когда Ленин посмотрел на них сверху.

— Много уже сделано, — продолжал Ленин. — Мы контролируем печать. Мы закрыли газеты, клеветавшие на нас, и уволили редакторов. Население Петрограда и

Москвы получило возможность узнавать правду из газет «Правда» и «Известия».

— Вы, комиссары, осуществляете контроль над аппаратом власти от нашего имени. Все организации, от фабрик до трамвайных парков, проводят выборы под нашим руководством. Выборы проводятся для управления торговлей, промышленностью и местными службами. Компания за компанией, предприятие за предприятием становятся большевистскими, а приемлемые для нас делегаты избираются демократически. Управляя по декрету, мы придали нашему контролю поддержку закона. Табель о рангах отменен. Домашние обыски узаконены! Меховые шубы запрещены!

Последняя фраза вызвала довольный смех, представление о страхе буржуазии заставило и Ленина улыбнуться. У него было чувство юмора.

— Все школы освобождены от влияния церкви и переданы под государственный контроль для надлежащего управления ими. Государство добилось монополии на банковскую деятельность. Вся промышленность под новым большевистским управлением и подлежит рабочему контролю. Мы приняли закон о революционных судах. В течение следующих нескольких дней мы национализируем все фабрики, мы прекратим корыстные выплаты процента и дивидендов и резко сократим снятие денег со счетов. Фонды народа должны быть народными. Сейчас население городов знакомится с нашими новыми декретами, которые были расклеены на стенах, как только их набрали в типографиях.

Ленин взмахнул рукой.

— Но Революция находится в опасности. Ей угрожают со всех сторон. Кто? Кто угрожает Революции?

Он всмотрелся в самый дальний угол зала, будто выискивал источник угрозы. Затем ответил на свой вопрос твердым, как гранит, голосом:

— Враги Революции!

Кривицкий оскалил зубы, присоединив свое громкое одобрение к одобрению пятидесяти человек.

— Буржуазия, помещики и другие эксплуататорские классы предпринимают отчаянные усилия, чтобы потопить Революцию в крови рабочих и крестьян. Из-за рубежа нам грозят интервенцией, внутри страны целые отряды агентов империализма стремятся подорвать новые общественные основы. Наш враг многолик! Грабители-уголовники, саботажники, другие деградировавшие элементы. Тунеядцы, жулики, спекулянты, перекупщики...

Ленин сделал паузу, чтобы дать возможность присут-

ствовавшим охватить мысленным взором картину, которую он нарисовал. Дзержинский терпеливо стоял у нарисованной цветочной клумбы; холст выцвел и запылчился в слишком долгом ожидании юных аристократов в белых платьях, звонкими голосами подающих свои реплики.

— Что мы должны делать? Мы обращаемся к Марксу, и мы обращаемся к Истории. Уроки Французской революции не прошли для нас бесследно. Мы должны помнить предупреждение Робеспьера. Он говорил: «Революционному народному правительству в одно и то же время свойственны добродетель и террор, добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор — это не что иное, как справедливость, быстрая, суровая, негибкая. Он есть, таким образом, проявление добродетели».

Ленин сделал паузу, чтобы концепция была осмыслена и разложена в головах по нужным полочкам, служа таким образом в дальнейшем руководстве к действию. Он всегда был готов затратить уйму времени, добиваясь правильного понимания всех деталей.

— Давайте обратимся к Марксу. Маркс понимал террор в революции как объективную необходимость. Он писал: «Есть только одно средство, чтобы сократить, упростить и ограничить кровавую агонию старого общества и кровавые родовые муки нового, только одно средство — революционный террор». Недопустимой слабостью и предательством было бы думать, как думают некоторые слабонервные люди, что Революция может совершиться и победить без крови. Как поступать с нашими врагами? Если тунядец — применять террор, расстреливать каждого десятого. Взятчники, жулики? Арестовывать и расстреливать. Нарушители советской законности? И против них террор.

Кривицкий чувствовал, как удары сердца глухо отдаются в подбородке, как это бывало в земляной траншее в ожидании сигнала атаки.

— Кто это осуществит? Вы. Феликс Эдмундович просил Совнарком дать добро на создание организации, способной во имя революции дать отпор любому, кто хотел бы покуситься на Революцию, и согласие было получено. Вы ее первые сотрудники. Вы — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Итак, есть прекрасное название, хотя и длинное. Пока вы будете объяснять какому-нибудь буржуазному мерзавцу, кто вы и где работаете, он уже будет на полпути к Финляндскому вокзалу!

Они хохотнули.

— Нет, — сказал Ленин весело, — возьмем начальные буквы, это будет ВЧК, или Чека, а вы — чекисты. Вы работаете под руководством Феликса Эдмундовича. Не может быть лучшей кандидатуры, он стойкий якобинец, железный революционер.

Дзержинский шагнул вперед и оглядел свою команду. Он был высокий и очень худой, с острой бородкой. Даже сравнительно далеко находившийся Кривицкий увидел его взгляд. Он устрасал своей неподвижностью; казалось, его веки не обладали способностью моргать.

— Вы должны быть готовы к тому, что вас не поймут, — сказал он, и голос прозвучал спокойно и размеренно. — Мы на передней линии борьбы, а те, кто в тылу, не смогут правильно понять характер и задачи нашей Комиссии. Они мыслят борьбу с контрреволюцией и спекуляцией в рамках нормального состояния государства. Они будут вопить о судах, законности, необходимости судебных расследований и тому подобном.

Понимают ли они, в какое время мы живем, что международный империализм пытается всеми средствами удушить Революцию? Нет, мы оставим все эти буржуазные штучки и будем выполнять нашу задачу реальной защиты Революции. Мы представляем собой организованный террор, и это должно быть осознано очень ясно. Если кто-либо из вас не готов к этому, пусть покинет нас сейчас.

Он остановился, слушатели напряженно ждали, когда он продолжит.

— Террор необходим сейчас, и необходимость в нем будет возрастать. Наша задача — борьба с врагами советской власти, чтобы задушить сопротивление в зародыше. Мы должны будем действовать быстро. Врагов у нас больше, чем сознательных защитников Революции. Не должно быть более двадцати четырех часов между арестом и решением дела. Когда вы припрете преступника к стенке доказательствами, он неминуемо сознается в содеянном. А какое доказательство может иметь больший вес, нежели признание своей вины!

— Перед вами стоит много задач, — сказал Ленин. — Тех представителей буржуазии, которые не вовлечены в активную контрреволюционную деятельность, мы будем использовать на работах. Будут построены лагеря для их содержания. Нам нужно создать действенную службу для сбора информации об организациях и личностях, чья деятельность направлена против Революции. Мы должны использовать контрразведку не только против врагов зарубежных, но и находящихся в стране.

— Наша миссия священна, — сказал Дзержинский. — Мы не можем позволить себе играть в милосердие. Эта роскошь может только повредить Революции. Мы должны быть безжалостными во имя высшей справедливости, во имя коммунистического завтра. Мы должны быть непреклонны и суровы, чтобы наши дети жили в справедливом обществе, где не будет эксплуатации. Для будущего своих детей необходимо стереть в прах контрреволюцию.

* * *

В зале стоял сильный запах кожи, потому что двум десяткам новых стажеров выдали черные кожаные куртки. Они внимательно и с почтением слушали Кривицкого.

— Послушайте меня, парни. Оставьте теоретизирование для больших шишек. Они прочитали все книги. Но здесь вы, ребята, должны усвоить простое правило правой руки. Это просто. Мы не ведем войну против отдельных людей. Нет. Мы уничтожаем буржуазию как класс. В ходе следствия не тратьте время на поиски доказательств преступлений обвиняемого словами или действиями против советской власти. Первое, что вы обязаны выяснить, это к какому классу он принадлежит, его происхождение, образование и профессия. Именно эти вопросы должны определять судьбу обвиняемого. В этом значение и суть Красного Трора.

Кривицкий был очень занятым человеком. Чека расширялась так быстро, как только было возможно. Предстояло проделать невероятно большую работу. Подобно Дзержинскому, он экономил время на сне и еде. Он стал инструктором, руководителем стажеров всего несколько недель назад.

— Продолжай, — приказал он. Рыков почтительно осклабился, и, когда Кривицкий вышел, повернулся к стажерам.

— Теперь мы будем делать настоящую работу. Но слушайте меня. Начальники, как комиссар Кривицкий, дают слишком много теории. Все эти вопросы о происхождении и образовании только затемняют дело. Все, что вам надо, это пойти на кухню обвиняемого и заглянуть в его кастрюлю. Если там плавает мясо, он враг народа. Ставьте его к стенке!

Рыков усмехнулся товарищам, и лица молодых парней рассяли.

Рут всегда с энтузиазмом вызывалась на самые тяжелые работы, которые требовали засиживаться допоздна или проводились на холоде. Она стремилась к трудностям, и не было слов, которыми она могла бы выразить свои чувства. Она шла работать, потому что новый мир надо было строить и потому что надо было подавать пример. Некоторые товарищи желали увильнуть от своих обязанностей, и она воспринимала это болезненно. Рут казалось, что если они увидят, что она готова взвалить на себя самую тяжелую ношу, это устыдит их. Они часто разочаровывали ее, и это причиняло ей страдания.

Но это не останавливало ее. С бледными лучами расвета она уже находилась на месте, с винтовкой, висевшей через плечо, ожидая свою первую бригаду буржуев, которых надо было перевоспитывать, заставить понять мир без классов и без предрассудков. Петроградские улицы были покрыты толстым слоем снега, а у стены, где рядом с жаровней сгрудились другие гвардейцы, лежали лопаты и ломы. Холод покалывал ее лицо, заставлял блестя глаза.

Они пришли сюда по обледеневшей дороге, осторожно перебирая ногами в лакированных туфлях, одетые в прекрасные пальто, полосатые брюки, французские шелковые шарфы. Эта группа людей из бывших высших слоев пришла учиться работать так, как работал мир, в котором все были готовы трудиться для общего дела. Ими командовал невысокий молодой человек в черной кожаной куртке. У него был револьвер в кобуре на поясе и черные кожаные перчатки. Буржуи не осмеливались смотреть на него прямо, взглядывая только искоса и со страхом. По его приказу они взяли лопаты и начали работать. Рут наблюдала за ними с суровым одобрением. Это было полезно и хорошо для них.

— Эй, привет, — окликнула она, узнав их командира, и он повернулся. — Ты ведь Рыков, да? Помнишь меня?

Рыков улыбнулся.

— Ну конечно. Зажигательный оратор.

Было что-то странное в его обмундировании.

— Что это? Новая форма?

— Мы на войне.

— На войне? — испуганно переспросила она.

— Так нам сказал Ленин. Контрреволюционеры ищут возможности уничтожить Революцию. Мы должны выявить их, где бы они ни были.

— А-а, да, конечно. Но кто они?

— Проститутки, тунеядцы, торгаши, спекулянты, всякая контра. Ленин распорядился, чтобы государственные органы очистили русскую землю от всех вредных насекомых.

— Вы это делаете? — спросила она, сбитая с толку.

— Революция должна быть защищена, — холодно ответил он. — Я работаю у Дзержинского вместе с твоим приятелем Кривицким. Мы — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Мы — Чека.

Пожилая женщина на мгновение оперлась, тяжело дыша, на свою лопату. Резким ударом ноги он выбил лопату, и она тяжело осела на лед. Со страхом она смотрела на него снизу вверх, на ее лице кровоточила царапина. Рут сделала полшага вперед, ее рука инстинктивно протянулась, чтобы помочь женщине, но она остановила себя и крепко прикусила губу.

— Встать! — приказал Рыков. — Ты знаешь, что бывает с теми, кто не желает работать.

Немолодой мужчина помог ей встать, и она с трудом поднялась. Рыков повернулся к Рут.

— Что-нибудь произошло? — спросил он, близко глядя в ее лицо.

— Конечно нет! — быстро ответила она.

— Здесь собрание избранных, — сказал он. — Банкиры, аристократические бездельники, евреи. Заставим их попотеть.

— Да. Да, заставим, — нервно согласилась она. — Когда можно будет их отпустить?

— Отпустить? Нет, это преступники. Они обязаны работать ежедневно. У нас для них лагерь за городом.

— Они осуждены? — растерялась Рут. — Кем?

— Нами. Мы имеем полномочия от Ленина. Мы сами судим тех, кто противодействует власти рабоче-крестьянского правительства, и мы осуждаем их в соответствии с революционным правосознанием.

Мужчина искоса осторожно посмотрел на нее, не поднимая головы и продолжая разгребать снег. Он был в длинном темном пальто и уже миновал средний возраст.

— Их будут перевоспитывать в лагере?

Рыков улыбнулся.

— Я должен добиться успеха. Они размножаются везде, эти насекомые. Да, да, мы их перевоспитываем.

Женщина рядом с ним опять перестала работать. Она вцепилась за лопату, чтобы не упасть, дыхание с хрипом вырывалось из груди, лицо приобрело страшный буроватый оттенок.

Рыков выхватил револьвер из кобуры прежде, чем Рут смогла двинуться или что-то сказать, и выстрелил. Кровь брызнула из раны в шее. Женщина пошатнулась, все еще оставаясь на ногах. Он прыгнул вперед, приставил дуло к голове и выстрелил снова. Женщина упала, брызги крови запачкали снег. Рут вскрикнула. Рыков повернулся к ней, все еще держа в руке свое оружие.

— Что-то случилось? — опять спросил он, и его глаза цепко впелись в нее, как у охотничьего пса.

— Это шум, — задохнувшись выговорила она. — Шум. Это так неожиданно.

— А я уж было подумал, что тебе не нравится революционное правосудие, — промолвил он угрожающим тоном, и она услышала его сквозь звон в ушах от выстрелов. — Мы расстреливаем бездельников. Бездельников, спекулянтов, жуликов, врагов. Мы — воля революции.

Он повернулся и пошел вниз по улице.

— Гвардейцы придут за ними позже, — бросил он через плечо.

Она наблюдала, как он уходит, прижав кулак ко рту, чтобы не закричать, ибо крик рвался из нее ключом. Когда он повернул за угол и скрылся из виду, она сняла свою винтовку. Пожилой мужчина плакал. Рядом с ним был другой мужчина в черном длинном пальто, а около него — женщина с покрытыми желтым шелковым шарфом волосами.

— Вы и вы, — приказала она. Она действовала почти бессознательно. Она повела их по ледяной дороге под направленным на них дулом винтовки. Когда они сворачивали за угол, она обернулась. Два старика оттаскивали тело женщины с дороги. Один из них поскользнулся и все, мертвая и живые, упали на лед.

— Рути, Рути, — зашептала женщина, на которую была направлена ее винтовка, — что ты здесь делаешь, вместе с этими безумцами?

— Это просто ужасная ошибка, мама, — ответила она высоким истеричным голосом. — Этого не должно быть! Рыков будет отвечать перед законом!

— Ты среди убийц, дорогая, — тихо произнес ее отец, который устало плелся по дороге в промокших лакированных черных туфлях. Он поддерживал жену под руку, помогая ей идти.

— Революция не нуждается в убийствах, она ненавидит и презирает убийства! — крикнула она, и ее голос эхом отразился от стен зданий.

— Не шуми! — умоляющим голосом сказала ее мать. — Еще кто-нибудь из этих маньяков может оказаться рядом.

Они шли по Невскому проспекту, и она могла видеть высокий шпиль Адмиралтейства, огромную статую Петра Великого.

— В доме теперь небезопасно, — сказал ее отец, — но у нас все же есть пристанище.

Рут поняла, что они идут к красивому зданию, где родители снимали комнаты. Он потянул ее с улицы внутрь в сводчатый вход с широкими двойными дверями. Она прерывисто тяжело дышала, и отец несильно шлепнул ее по щеке.

— Успокойся, дорогая, — настойчиво сказал он. — Можешь ли ты пойти домой? Мы не можем ходить по улицам, потому что это небезопасно. Резня всегда начинается с аристократии и буржуазии, а когда с ними покончено, принимаются за своих. Возьми в доме еду, ценности и деньги. Рут, мы должны покинуть эту страну.

— Я не уеду! — воскликнула она, и ее родители тревожно метнули взгляды на улицу. — Я коммунистка. Вы не можете принудить меня оставить то, что мы здесь делаем. Но я и не ожидаю, что вы это поймете, вы никогда не понимали. — Я понимаю, что Ирина Александровна лежит мертвая на улице из-за твоей мерзкой революции, — горько произнесла ее мать, — и что ты глупая и нелепая девчонка.

Теперь ей дышалось легче.

— Мы — будущее, — неуверенно возразила она. Капельки пота начали замерзать на ее лице, и она вытерла их рукой.

— Я найду кого-нибудь, чтобы арестовать Рыкова.

Она надела на плечо винтовку и отправилась по улице, шагая словно пьяная, ее тщательно завязанный алый шарф сиял на зимнем солнце. Родители, с трудом волоча ноги, вошли внутрь, и большие коричневые двери хлопнулись за ними с глухим металлическим звуком.

На другой стороне улицы маленькая фигурка в черной кожаной куртке появилась из дверного проема. Человек пересек мостовую и остановился возле большого дома с балконами. Настороженный, как хищник, Рыков изучал имена на полированной латунной пластинке.

* * *

Рут спешила в парламент. Было шестое января, и там сейчас заседали 375 членов Учредительного Собрания, избранные народом в ноябре прошлого года. Там, среди эсеров, меньшевиков и большевиков она найдет кого-то, облеченного властью, к кому может обратиться.

Рут шла по заснеженным улицам, ее шарф пылал. Она поднялась по ступенькам. Возле двери стоял матрос, бесстрастный и равнодушный к холоду, у его ноги — винтовка. Когда она собралась войти в дверь, он загородил ей путь.

— Товарищ, мне надо войти, — запротестовала она. — Я революционерка.

— Закрыто, — коротко ответил он.

— Нет. Вы не поняли, — продолжила она, стараясь говорить четко. Он был типичным крестьянином, вероятно, неграмотным, с явным украинским акцентом.

— У меня важное дело к кому-нибудь из правительства. Я, как вы понимаете, член партии.

— Собрание закрыто, — повторил он.

— Но как это может быть? — спросила она. В ней опять колыхнулась паника. Все шло не так, как надо. Она принудила себя улыбнуться ему, когда терпеливо объясняла ему: — Там, внутри, — она указала на дверь, — демократически избранные делегаты Учредительного Собрания. Если оно было бы закрыто, то не было бы и правительства. Так что не будьте упрямым, будьте добры, разрешите мне войти.

С дальнего конца улицы донеслось громкое пение. Глянув через плечо, она увидела толпу, направляющуюся к зданию. Они несли транспаранты, но на таком расстоянии она не могла прочитать лозунги.

— Делегатов отправили по домам, — буркнул матрос. — Они здесь не нужны.

— Кто так сказал? — гневно спросила она.

— Ленин. Собрание — это не народная демократия, а буржуазная. Поэтому Собрание закрыли.

Процессия подошла. Они остановились у подножия лестницы. Неожиданно за ее спиной открылись двери, и матросы выстроились в ряд. От толпы отделилась группа в пять человек, три мужчины и две женщины. У них были нарукавные повязки, из которых явствовало, что это эсеры и меньшевики. В руках они держали бумаги, видимо петиции. Они поднялись по ступенькам. Офицер, находившийся позади Рут, молча ждал — еще несколько месяцев назад он был простым матросом. Депутация остановилась перед ним.

— Мы должны передать подписи тысяч людей, требующих возобновления работы демократически избранного парламента, — произнесла женщина в середине, показывая ему пачку бумаг.

Офицер протянул руку, будто собираясь взять у нее бумаги, но вместо этого неожиданно сильно толкнул ее.

Она опрокинулась назад и с криком покатилась по ступенькам, листы с подписями полетели во все стороны. Замелькали приклады, матросы дубасили ее спутников и скидывали их с лестницы.

Раздалась лающая команда, лязг передергиваемых затворов. Рут в ужасе закричала, но ее крик потонул в первом нестройном залпе.

Каким-то образом она оказалась на корточках на ступенях. Люди внизу разбегались, оставив лежавших на окровавленном снегу. Рут страдальчески закричала не в силах выносить все это... и никто ее не услышал.

Поречье, март 1919

— У нас нет возражений, чтобы вы остались здесь, графиня.

Елена с аристократической холодностью посмотрела на человека, почтительно стоявшего в отцовском кабинете с шапкой в руках. Она помнила, что его фамилия была Кулаков и он умел управлять лодкой с помощью длинного шеста. Весной, во время разлива он ожидал приезда господ из Санкт-Петербурга на станции. Из далекого сверкающего мира до нее донесся звук воды, обтекающей шест, когда она весело усаживалась на вышитую подушечку в лодке. Солнце играло на воде, пока они скользили через затопленные поля к белому прямоугольному дому. Пыхтенье локомотива затихало вдалеке. Но это было тысячу лет назад, когда она еще была девочкой, а мир был устойчивым и определенным.

— Неужели мне требуется чье-то разрешение, чтобы остановиться в своем собственном доме? — ледяным тоном спросила она. Она стояла возле горящего камина, потому что было все еще холодно. Девушка поправила свои светлые волосы. Без горничной ей не удалось сделать обычную аккуратную прическу. Кулаков воспринял ее подчеркнуто холодный тон с полной невозмутимостью.

— Теперь землей и всем, что на ней, владеют крестьяне, обрабатывающие ее. Теперь мы сами управляем своей жизнью. Графиня, мы, крестьяне, привыкли работать сообща и будем вести свои дела сами. Но мы не имеем ничего против вас. Вы можете оставаться.

— Я не нуждаюсь в вашей согласии, — надменно повторила она, высоко подняв голову.

Кулаков кивнул на бронзовый бюст, который стоял на высокой консоли, выделяясь на фоне книг, переплетенных в красный, как сургуч, сафьян. Отец был изобра-

жен в мундире с лентой через плечо и со звездой. Постамент был украшен полуразвернутым свитком. Если бы отец был жив, ничего бы этого не было!

— Многие из нас помнят вашего батюшку, старого графа, — сказал Кулаков. — Он был справедливый человек и помогал крестьянам. Мы помним, что он защищал нас в земстве, он понимал крестьянские нужды и не гнушался народом. А вот вашего соседа Калецкого тамошние крестьяне не любят, он их слишком уж притеснял и не считал за людей. Вчера они спалили его дом, а его выгнали по снегу в лес. Что тут скажешь? Они имели на него зуб. Они, как и мы, хотят сами вести свои дела. У нас есть, как бишь его, Совет, и мы сами будем управлять своей жизнью по справедливости. Наш Совет разрешил вам остаться.

— Представляю себе эти Советы, — возразила она надменно.

— Говорят, что новое правительство посылает своих представителей во все края. Теперь крестьяне будут хозяевами всех земель и усадеб.

Кулаков поклонился и повернулся, чтобы выйти.

— И все-таки мы приглашаем вас остаться, — повторил он и вышел.

Елена все еще стояла у огня, когда вернулся Михаил. Его сапоги и тужурка были в снегу, он пропах ружейным маслом.

— Я кое-что добыл, — сказал он, вытаскивая из сумки двух мягких золотистых птиц и кладя их на резное кресло. — Теперь мы можем поужинать. А в подвале сохранились бутылки с лафитом и шато-икем.

Он немного поколебался, но все же сунул руку во внутренний карман своей тужурки.

— Я прошелся до самой станции. Разговаривал с крестьянами. У них были эти листовки. Большевистский вздор. Так называемая «Правда», в которой есть все, кроме правды. Но, кажется, война все же кончилась. Большевики подписали мирный договор с немцами. Кроме всего прочего, они отдали им часть Малороссии, в том числе и часть моих владений. Боюсь, что ты помолвлена с малоземельным дворянином, который понятия не имеет, на что будет содержать свою семью. Если не принимать во внимание умения стрелять и познаний по части винных погребов.

Она улыбнулась его словам.

— Ты кажешься мне вполне приличной партией для графини-бесприданницы.

Он взглянул вопросительно.

— Здесь был Кулаков. Оказывается, здешние крестьяне уже сформировали Совет и собираются самостоятельно хозяйствовать на моей земле. А большевики рассылают в провинцию своих, как он выразился, представителей. Они ждут большевиков. Впрочем, Кулаков сказал, что крестьяне не имеют ничего против, если мы останемся в доме.

Михаил коротко засмеялся.

— Большевики не заставят себя ждать. Нам лучше поскорее уехать. Но куда, вот в чем вопрос.

— В Лондон, Михаил. В Англию.

Он с удивлением посмотрел на нее:

— Елена! Мы русские.

— Говорят, Ленин тоже русский. Но теперь это его Россия. Есть множество вооруженных людей, которые желают, чтобы она досталась им. Михаил, скоро разразится гражданская война. И я хотела бы переждать ее за рубежом.

— У меня нет денег, Елена!

— Зато они есть у меня, Михаил. Когда отца убили, мама сказала мне, что все этим не кончится. Однажды здесь начнется Революция, как это было во Франции. Когда отца вместе с другими убили террористы, мама поняла, что самодержавие уже не может справиться со своими врагами. Она приехала сюда, в имение, вместе со мной. И в этом, и в том нашем доме полным-полно тайников, как во всех старинных домах, но она устроила собственный тайник в подвале этого дома. Он устроен в стене и заложен кирпичами. Она положила туда золото и драгоценности, и я помогла ей. Потом мы замазали все известью, чтобы никто не обнаружил его. Она говорила мне, что золото и драгоценности могут спасти жизнь, если мир будет рушиться. Михаил, мы приехали сюда за ними. Потом мы должны будем быстро вернуться в Петроград и...

— Мы можем одеться в крестьянскую одежду, — задумчиво заговорил он. — Золото поможет нам пересечь финскую границу, а оттуда в Швецию и пароходом до Англии.

— Значит, завтра едем в Петроград, — сказала она, и они улыбнулись друг другу.

Она прошла по кабинету, касаясь рукой книжных корешков.

— У меня была гувернантка-англичанка, мисс Хардинг. А у Рут — француженка. Может быть, это она с самого начала забила ей голову мыслями о Революции. Мисс Хардинг много рассказывала мне об Англии. Анг-

личане никогда не размышляли о своей революции. Англия — спокойная страна, в детстве она казалась мне сказочной. У меня было множество английских книг, их дарила мне мисс Хардинг. Они мне нравились. Я помню их до сих пор. Кейт Гриневей*. «Ветер среди ив»... Михаил, нам понравится в Англии.

Он смотрел, как она бродит по большому кабинету, изредка останавливаясь и прикасаясь чуткими пальцами к знакомым предметам.

— В детстве у нас с Алешей была такая игра, — говорила она, — когда приходило время возвращаться в Санкт-Петербург, мы играли в прощание. Мы говорили «До свиданья» всем здешним вещам. Я говорила: «До свиданья, стул» и целовала его на прощание. Потом: «До свиданья, лестница», и целовала перила. Алеша говорил: «До свиданья, рояль», а я поспешно говорила: «До свиданья» табурету, стоявшему у рояля, чтобы он не обиделся. Это было веселое прощание, потому что мы с нетерпением ждали отъезда и знали, что все равно вернемся сюда весной.

Теперь она остановилась у письменного стола и задумчиво разглядывала фотографию в деревянной рамке.

— Посмотри, Михаил, это мы с Рут. Нам было тогда по одиннадцать лет. Ее рара и татап провели все лето в Европе, он осваивал рынок серебра или что-то в этом роде, связанное с его делами, а Рут все лето гостила здесь у нас. Это было прекрасное время... А вот мы на велосипедах. Их изготовил для нас отец Петра Садовского на своей фабрике. Мы были отчаянными сорванцами.

Она повернулась к нему, и ее рот искривила горестная гримаска:

— Знаешь, я ужасно скучаю по ней. Мне кажется, что она заразилась Революцией, как люди подхватывают инфлюэнцу или лихорадку. Она просто заболела, и я ничего не могла с этим поделать...

Она взяла чучело фазана и села, положив его на колени и машинально перебирая потускневшие перья. Ее светлые волосы блестели в свете огня. С темных холстов глаза ее предков внимательно смотрели на последнюю представительницу рода.

— Не думаю, что мне удастся сказать «до свиданья» чему-нибудь на сей раз, — сказала она и тут же добавила совсем другим тоном: — Михаил, давай выпьем немного шато-икем. Не станем оставлять его Кулакову.

* Катерина (Кейт) Гриневей (1846—1901) — английская художница, известная своими книжками с картинками для детей.

Царское Село

Наконец все было позади.

Не смыв с себя дорожную грязь, они потели в холодном сыром подвале, размуровывая тайник. Они вытирали пот, и на их лицах оставались грязные полосы. И вот они размотали тряпки, и золото, бриллианты, изумруды и рубины засверкали при свете свечи так же ярко, как и в тот день, когда она помогала матери заворачивать их.

Путешествие назад было очень длинным, потому что на железной дороге царил хаос: солдаты, возвращавшиеся с фронта, захватывали поезда и заставляли машинистов менять маршруты. Никаких купейных вагонов уже не было, только общие с деревянными лавками. Они спали на них по очереди, лежа на животе, чтобы их вещи, лежавшие под ними, не были украдены, и не разувааясь по той же причине. Последние два дня они существовали на травяном чае, захваченном из пореченского дома: в чулане в кухне она нашла когда-то высушенные ею травы, которые крестьяне почитали целебными. Кипяток все еще можно было достать на станциях; правда, теперь за него полагалось платить, при царе его давали бесплатно. Они пили чай, как настоящие бедняки, из жестяной кружки, потягивая его через огрызок твердого бурого сахара, зажатого между зубами. От них, как и от всех пассажира битком набитого поезда, несло кислым застарелым потом.

— Мы настоящая крестьянская пара. По запаху уж точно, — сказала Елена. — Папа всегда предупреждал меня, чтобы я не проходила мимо них с подветренной стороны, особенно после зимы. Знаешь, нам обязательно надо принять ванну. Мне кажется, я никогда не перестану пахнуть, как они. Насыпем побольше соли... и нальем шампанского! Это будет прекрасно!

Они были в большом доме совсем одни. Вся прислуга получила расчет еще перед отъездом. Ставни были плотно закрыты, дом освещен свечами. Михаил зажег огонь под котлом, и теперь проверил воду в кране в ванной, она оказалась теплой. Они оба приобрели кое-какие навыки, обходясь без помощи слуг.

Елена осматривала содержимое буфета, извлекая полезные вещи своими ловкими изящными руками.

— Вот, Михаил, — говорила она, — здесь множество припасов. И все из Английского магазина. Консервированные цыплята в желе, гороховое пюре для младенцев, даже картофель, который можно моментально превратить в пюре. Сыр «Стилтон» в жестянке, целая головка «Чед-

дера», покрытая толстым слоем воска, сухой бисквит. Все от «Фортнам и Мейсон». И впридачу коробка с шоколадом.

Они наспех жевали печенье, заедая его сыром. Она продолжала открывать ящики и вдруг повернулась к нему, сияя улыбкой:

— Посмотри, что я тут нашла, — она держала в руке большую групповую фотографию в рамочке из слоновой кости. — Должно быть, пока нас не было, это прислали от Самарина из фотоателье. Помнишь, я рассказывала тебе, как мы фотографировались. Как раз перед Революцией. Взгляни, Михаил!

Он подошел к ней и стал рядом, а она гладила кончиком пальца юные лица, и лицо ее выражало нежность, когда она рассказывала ему о своих друзьях:

— В это время только начинались беспорядки... Посмотри, вот матрос из Кронштадта, его привели Константин и Савинков... А вот Рут. Настоящая революционерка в этой солдатской форме и с красным шарфом... Конечно, в ее увлечении Революцией виноват и ее отец. Они однажды ездили в Америку, и Рут встретила там с Александрой Коллантай. Только представь себе, что означало для Рут встретить настоящую аристократку, от всего отказавшуюся ради Революции! Рут просто бредила ею, она всеми силами души хотела походить на нее... Она стала читать подрывную литературу, восхищаться Розой Люксембург и тому подобными. Рут никогда не могла выносить вида страданий. Она даже не позволяла кучеру хлестать лошадей. Когда она стала вести себя совсем сумасбродно, ее мать даже приходила к моей, она была просто в отчаянии. Но отец Рут настаивал, чтобы ее оставили в покое, он считал, что она сама перерастет эти несообразные идеи, он думал, что сопротивление и неодобрение ее сумасбродства будет делать в ее глазах их еще более привлекательными... И вот как все получилось...

С кем тебя еще познакомить? Смотри, это Женя. Правда, хорошенькая? А рядом Василий. Он ее обожает. Он поэт. Он пишет стихи и посвящает их Жене. А вот первая институтская красавица Верочка. Она поет, как соловей. Они с Рут не переносят друг друга... А вот Валериан. Он был постановщиком нашего «Вишневого сада». Он всегда держится возле Константина. Это Надя. Мне всегда казалось, что она выйдет замуж за Валериана. Кстати, он был ужасно богат, вернее, не он, а его отец. Тот был занят производством снарядов, винтовок и всего прочего, что нужно для войны.

А это Катерина, она среди нас была самая чуткая,

отзывчивая, деликатная. У нас были две Екатерины, и мы их звали, чтобы не путать, Катерина и Катя. Вот Катя, рядом с Катериной. Они совсем разные. Катя настоящий огонь. Она хотела стать актрисой, а ее чопорные родители, законодатели самого высшего света, приходили от этого в ужас не меньше, чем родители Рут. А это Петр Садовский, конечно, возле Анны. Он ехал к нам, и кто-то бросил в него камнем. Смотри, даже можно разглядеть кровь на виске. А этот, в очках, это Израиль Шапиро. Теперь он почему-то решил называть себя Львом Кривицким.

Она взглядывалась в знакомые милые ей лица:

— Ах, Михаил, как я хочу, чтобы весь этот ужас закончился и мы снова встретились... Снова собрались все вместе... Я не буду брать с собой эту фотографию. Лучше я спрячу ее и достану, когда мы вернемся после того, как уйдут большевики. Смотри, тут за панелью есть тайничок. Просто щель под доской, можно спрятать что-нибудь плоское. В детстве это был мой секрет, я прятала туда свой дневник. Смотри, выглядит, как обычная доска, а если сдвинуть вот так... вот тут я ее и спрячу... — она осторожно задвинула фотографию за деревянную панель. — Вот так. И никто не найдет. А теперь, покажи, что ты привез из Поречья?

— Опять золото. И опять из подвала, — сказал Михаил, доставая бутылку с золотой этикеткой. — Шампанское. От вдовы Клико. По-русски Кликовское.

— Папа всегда пил Клико, — ее голос звучал одобрительно. — Давай выпьем по глотку, а то холодно.

— Хорошо. Мы не можем двинуться, пока не наступят сумерки. Нам надо плотно поест, ведь предстоит очень утомительный путь по льду. Мы должны будем добраться до Финляндии до рассвета. Но с моим светящимся компасом мы не собьемся с пути.

— Пока греется ванна, я еще должна кое-что сделать в кухне, — сказала Елена. Она совсем не хотела оставлять продовольственные запасы какому-нибудь грабителю. Разговор о тайниках заставил ее припомнить кое-какие потайные чуланчики в этом старом большом барском доме. Она знала в своем родовом гнезде каждый закуток, каждый потайной чуланчик, каждый закоулок. В простенке под лестницей старая няня, бывшая девчонкой еще при ее бабушке, имела свой тайничок, где хранила втайне от других слуг всякую всячину, которую под секретом показывала маленькой барышне. Чего там только не было: ладанки, крестики, бутылки со святой водой, банки варенья. Как давно это было!

Елена проверила: все было, как прежде. И Елена стала носить в нянин тайник некоторые дорогие ей безделушки, книги, фотографии, остатки продуктов, банки, бутылки, немного одежды, теплые вещи, которые они не могли взять с собой. Задвинув деревянную доску на место, она полюбовалась своей работой: никому и в голову не могло прийти, что в полутьме под лестницей есть что-то интересное.

Елена сняла пальто, и ее нос поморщился. Необходимо принять ванну! Она побежала в ванную.

Над водой поднимался теплый пар, и воздух благоухал французской солью для ванны. Михаил налил шампанского, они сняли свою одежду, бросив ее кучей, и забрались в ванну. Вино пенилось и пахло цветами. Они мылили друг друга ароматным мылом, вытирались, стоя вместе, завернувшись в одно огромное мягкое полотенце, привезенное из Парижа. Он отнес ее в постель, и они в конце концов допили шампанское. Наконец он перестал целовать ее, и они стали одеваться.

— Ты лучше надень старый охотничий полушубок Алексея, — сказала она. — Он подойдет тебе по размеру.

— Я люблю тебя, — сказал он.

У них была верхняя одежда с теплой подкладкой и валенки, подшитые резиной. Поев, они сложили еду в мешок, который понес Михаил, взяли с собой золото и драгоценности. Елена задержалась у открытой двери, чтобы потушить свечи.

Они стояли на темном крыльце.

— Готова? — спросил он.

— Пойдем, — кивнула она.

В темноте что-то лязгнуло. Сверкнуло пламя зажигалки, и зажегся фонарь. Их схватили за руки, и из ночной тьмы вышел Рыков. В руке он держал револьвер и торжествующе улыбался.

— Вы собрались на бал, графиня? — крикнул он. — Вас видели, когда вы прибыли на станцию. Мы следим за высокими людьми, мы знаем, что они — буржуазное дерьмо.

Он свистнул и со стороны улицы послышался цокот копыт лошади, перестук колес.

Черная повозка, которую прозвали «черным воронком», тесная и узкая, появилась в поле зрения и остановилась.

— Экипаж ждет вас, — самодовольно произнес Рыков, и они стали спускаться по ступенькам.

Она всегда добровольно вызывалась исполнять самые неприятные работы, те, которые требовали задерживаться допоздна или проводились на холоде. Было и то и другое, когда она вышла из партийного комитета. Соседняя дверь вела во владения Чека. Снег здесь был притоптан, кое-где осталась кровь на тротуаре, где врагов Революции вытаскивали из черных повозок. Их содержали в подвалах.

Черный «воронок» стоял на улице в темноте, кучер сидел, сгорбившись, наверху, стараясь сохранить тепло. Она не поняла, привез ли он новую партию преступников или приехал вывезти трупы. Подвалы, сырые и холодные, были переполнены, многие умирали.

Чье-то лицо прижималось к зарешеченному оконцу, когда она проходила мимо. Она отвернула голову, чтобы не видеть.

— Рут! — донесся тихий голос. — Рут.

Она остановилась, взглядывая, ее рот слегка приоткрылся.

— Рут, это я, Елена. Мы здесь с Михаилом.

Кучер повернулся и громко стегнул кнутом по крыше.

— Тише, сволочь!

Рут резко остановилась. Она стояла на окровавленном снегу, смотрела на него вверх, и ее лицо внезапно стало суровым и надменным.

— Я говорю, товарищ, — холодно произнесла она. — Ты тише.

Прошло еще мало времени с тех пор, как рабы стали хозяевами. Он узнал голос власть имущего, как только услышал его. Он огрызнулся, как собака, пробурчав что-то невразумительное, и отвел глаза. Она подошла к маленькой зарешеченной дверце сзади.

— Как вы здесь очутились, Елена? Что вы сделали?

— Сделали? Что нужно сделать, чтобы тебя арестовали в этом сумасшедшем доме, кроме как оставаться самим собой? Но послушай, Рут. Это Рыков схватил нас. Ты его знаешь, Рут? Он безумец. Он ненавидит меня. Он вошел туда, чтобы подыскать для нас помещение.

— Я знаю Рыкова, — медленно выговорила она.

— Рут, он собирается убить нас. Однажды он пытался. Ты можешь нас выволить?

Она быстро соображала, стоя в холодном мраке.

— Я вернусь, — сказала она и побежала туда, откуда пришла, в партийный штаб. Ей повезло. Там осталось мало людей, но он был, гигант в армейском мундире, с запровленными в высокие сапоги галифе.

— Вам все еще нужны царские офицеры? — резко спросила она, кидаясь к нему.

— Военспецы? Ну конечно. Мы создаем народную армию, но у рабочих и крестьян мало опыта в военном деле. Нам нужны настоящие военные специалисты, чтобы могли обучать.

— Я могу вам рекомендовать двоих. Точнее, одного офицера. Вторая — женщина; она может быть вам полезна. Из графской семьи.

Большой человек посмотрел на нее с любопытством, и стало видно, что он еще молод.

— Кто она?

— Я училась с ней вместе, я знаю ее с детства, — тихо сказала Рут. Это была опасная сфера, но она зашла слишком далеко, чтобы отступить. — Ее зовут Елена Николаевна Исакова.

— Что ж! Я тоже ее знаю, — сказал Иван Иванович Акулов. — Не так давно я работал у нее шофером. Хорошо. Я возьму Елену Николаевну и Михаила Александровича, если это он.

— Есть большое затруднение, — сказала озабоченно Рут. — Они здесь, снаружи, в черном воронке. Их арестовала Чека. Вернее, Рыков.

Он быстро двинулся по коридору и остановился в дверном проходе, выглядывая из-за косяка. Она догнала его.

— Они еще там, — шепнул он. — Пойди отвлеки того, что на козлах.

Она двинулась по снегу и остановилась справа возле козел.

— Так ты все еще здесь, — с угрозой в голосе сказала она. Кучер вздрогнул.

— Так точно, — пробормотал он, — не понимая, в чем его вина, но уже готовый признать ее, — так точно.

У него не было времени осознать свою провинность, потому что гигант, прыгнув на него неожиданно слева из темноты, скинул его с козел на грязный снег.

Акулов быстро занял его место и рванул поводья умелыми руками, зашоренная лошадь рванулась вперед. Когда недоумевающий кучер оправился от падения и поднялся на ноги, экипаж уже скрылся за углом. На прощание Рут махнула рукой белевшему за решеткой лицу.

— Что тут произошло? Где они? — завопил яростный голос позади нее, и она обернулась. Рыков стоял на протоптанной дорожке, ведущей в здание Чека. Кучер побелел от страха и бросился к нему.

— Виноват, ваше благородие! — лепетал он. — Кто-то меня скинул. Кто-то похитил карету, пока эта женщина говорила со мной.

Рыков ударил его наотмашь по лицу револьвером, и он отлетел в сторону и упал.

Рыков подошел очень близко к Рут, и она посмотрела на него сверху вниз.

— Ну? — спросил он. В углах рта пенились капельки слюны.

— Ты арестовал царского офицера, — сказала она спокойно. — Троцкому нужны военспецы для нашей армии. Ты арестовал его, но не доставил, куда надо.

Она смотрела ему прямо в глаза. На секунду ей показалось, что она смотрит в открытые дверцы топки, где горит накаленная добела ярость. Он отвел взгляд.

— Я привез их для обычного допроса, — сказал он безразличным тоном. — Ты сделала правильно. Пусть они служат Троцкому.

Он убрал револьвер в кобуру и положил руку на ее талию.

— Мы мало видимся, — сказал он. — Почему бы нам не провести вместе ночь?

Она обнажила зубы в улыбке:

— Почему бы и нет? Ведь мы оба так много работаем для Революции.

Улыбаясь, он убрал руку с ее талии, и она внезапно поняла, что его совсем не интересует секс, как это бывает с обычными молодыми людьми. Это было нечто совсем иное... и ей стало бы страшно, если бы она не заставила себя не бояться.

В ее памяти вдруг мелькнуло давнее страшное воспоминание. Однажды, когда она была еще подростком, их кучер свернул нечаянно не туда, и они попали в какие-то городские трущобы. Пока они блуждали в какой-то путанице переулков и экипажей, поминутно останавливаясь, чтобы узнать дорогу, она с ужасом увидела игру уличных детей с кошкой. Их главарь привязывал к хвосту кошки пропитанную керосином тряпку. У него была тонкая зажженная свеча, и он долго возился, прежде чем поджечь тряпку, явно наслаждаясь страхом животного...

— Мне надо идти, — сказала Рут приветливым голосом.

— Я скоро тебя увижу, — пообещал Рыков.

Приветливо улыбаясь, она думала, не он ли был главарем трущобных детей. В ее ушах и сейчас стоял яростный крик кучера и свист его кнута, огревшего маленького негодяя. И визг кошки, уносившейся как безумная комета.

Константин толкнул черную дверь ногой, и она задрожала на косяке, прежде чем качнулась со скрипом. Вывеска «Кафе поэтов» была написана красной краской с нарочитой небрежностью. Он стоял на залитой солнцем дорожке рядом с Кривицким, и они вглядывались внутрь.

— Я любил это кафе, — сказал Константин. — Я любил все такие места, я ходил в «Красный Петушок», «Кузницу», в «Десятую Музу». Во время Революции они расцвели, как фейерверк в полуночном небе.

— И так же быстро исчезли, — сказал с улыбкой Кривицкий.

— Да, все было настолько новым, что даже то, что случилось неделю назад, казалось старым. Но смотри, это кафе все еще популярно.

И, перешагнув через лежавшего человека, который, наверное, пришел туда умирать, он вошел внутрь. Черная краска покрывала стены, а поверх нее пурпурные груди боролись за пространство с лошадиными задами и множеством конечностей, изображенными зелеными, желтыми и красными мазками. Разбросанные то там, то сям одинокие глаза тарасились на посетителей. Константин взмахом головы откинул свои длинные волосы. Оранжевый помост по-прежнему господствовал в конце длинного узкого зала, и грубые деревянные столы стояли рядами на деревянном полу.

— Это было великолепное место, — сказал Константин. — Здесь можно было встретить кого угодно. Таких же, как ты сам, поэтов и художников. Сюда приходили журналисты, солдаты, матросы. Даже буржуи, которым тогда еще не перерезали глотку. Всюду были ружья, гранаты, ленты с патронами. Сюда заходили и анархисты, их штаб располагался совсем рядом, их сразу можно было узнать: все одеты в черное с патронными лентами, украшенными анархистами лозунгом «Смерть Капиталу!» Они делали тут короткую передышку, слушали выступления, а потом снова уходили, чтобы ввязаться в очередную уличную драку.

— Забудь о них, — сказал Кривицкий. — Мы их разбили. Я был там.

Константин покосился на своего бывшего гимназического товарища. Очки в стальной оправе отсвечивали тусклым блеском.

— Ты был тихоней. Настоящий маленький педераст. Книжник, — сказал Константин дружелюбно. — Ты никогда не казался мне человеком действия.

— Я и теперь читаю. Когда есть время. Но, конечно, я делаю все, что требуется, чтобы защитить Революцию. Даже если надо проломить кому-нибудь голову.

— Тебе бы здесь понравилось. Все знаменитости выступали здесь — Климов со своими девочками пел, Владимир Дуров был, король клоунов. Прокофьев играл здесь свои сочинения. Маяковский декламировал стихи. Пару раз я тоже читал свои поэмы. Я помогал ему устраивать это.

Константин показал строчки, неровно написанные на стене.

— «Я люблю смотреть, как умирают дети», — прочитал вслух Константин. — Что ж! Надо послать Маяковского на фронт. Он будет в восторге...

Константин весь ушел в воспоминания.

— Эти стены расписывал сам Бурлюк. Кубизм. Он любил подниматься на сцену — конечно, никто не останавливал его, ведь он и основал клуб, — он обычно накладывал густой грим и, рассматривая нас со сцены в лорнет, говорил: «Я без ума от беременных мужчин». Мне было семнадцать, и я полагал, что это необыкновенно остроумно.

Константину было теперь восемнадцать, но он говорил так, будто с тех пор миновало лет десять. Кривицкий испытывал пуританское желание связать этого самого Бурлюка и воткнуть дуло своего «маузера» ему в соответствующее место как можно глубже, прежде чем спустить курок. Раввин всегда судил педерастию как деяние, противное закону Бога. Но он только улыбнулся.

— Сейчас не до искусства, — мягко сказал он.

— Да, — пробурчал Константин. Он опять откинул свои длинные волосы и продолжал: — Нет времени для многих вещей теперь, не так ли? Куда идет Революция? Она была необходима. Будучи на самом краю искусства, надо было решить загадки Сфинкса до того, как он нас сожрет.

Он повернулся к выходу.

— Ружья, и пот, и насилие, и женские слабые руки, — бормотал он. — Ослепительные стихи вертятся в голове, рука дрожит от нетерпения переложить их на бумагу. Я это чувствую и сейчас, но где Революция? Куда она делась?

Они вышли на солнечный свет и пошли по бульвару.

— Она закончилась, — сказал Кривицкий, — и прошлое пытается убить ее. Старый режим наступает на нас. Белые, англичане, американцы. Революция борется за свою жизнь. Снова борется. Мы все боремся — люди,

которых ты знаешь. Помнишь Рут Ганзберг и Сергея Савинкова? Они в Коминтерне, Генеральном штабе мировой революции. Когда империалистическая война закончится, коминтерновцы понесут революционные бациллы во все страны. Скоро мне выделят бронепоезд, и я поеду бить белых. Мы должны защищать Революцию, пока битва не будет выиграна.

Вдалеке высился Кремль.

— Мы убили царя, — спокойно произнес Кривицкий.

Константин уставился на него. Тощая лошадь медленно шла по булыжной мостовой, таща грохочущую телегу.

— Значит, отступления нет, — произнес он.

— Прошлого не существует. Только будущее.

— Что же я должен делать? — спросил Константин.

— Мы учим людей читать и писать. Большинство народа неграмотно, ты знаешь. Вот почему пал царь. Он не хотел иметь дела с народом. Он не мог. Неграмотная личность стоит вне политики. Вначале научим их азбуке. Без этого есть только слухи, сказки и предрассудки, но не политика. У нас есть бригады по ликвидации безграмотности, работающие в бараках. Два дня с карандашом, неделя со штыком! Мы печатаем наши собственные буквари, коммунистические буквари, так что они учат коммунистическую мораль с начала. Но это займет время, может быть больше, чем его у нас имеется. А нам надо дойти до простого человека тоже. До человека из глубинки. Нам нужна его поддержка, нам надо посылать ему известия. Мы не можем этого делать, если он не умеет читать. Он должен стать грамотным или хотя бы малограмотным.

— Карикатура! — тут же отозвался Константин. Он выудил из кармана карандаш и бумагу и, приложив ее к стене, нарисовал картинку быстрыми, уверенными штрихами. Кривицкий наблюдал, как появлялся обутый в сапоги, торжествующий рабочий с винтовкой. Его сапог сталкивал ползающего тщедушного царя в грязь. — Карикатуры. Большие карикатуры. Выставлять их в пустых витринах магазинов в больших и малых городах. Назовем это... карикатуристическими окнами. Нет, Окнами сатиры. Поручи мне сделать это. Я знаю всех известных художников и сатириков. Мы разошлем наши рисунки, нет, мы вырежем шаблоны и пошлем их на ваших бронепоездах. Напишем заголовок в пару строк, чтобы пояснить нарисованное сообщение.

— Сделай это, — произнес Кривицкий, — сделай это для Революции.

— Посмотри, — сказал Константин. Они шли вдоль Кремлевской стены. На ней еще оставались фиолетовые, голубые, красно-кирпичные и малиновые следы украшения города к Первомаю. Бешеные квадраты вели борьбу с ромбами за обладание пространством, а лица с треугольными глазами косо смотрели на них. Краска была добротной, усилия по ее удалению только частично имели успех.

— Я не понимаю, почему Ленин возражал против нового искусства, — пожаловался Константин. — Он сам хотел сделать Москву иной, и мы, художники, так и сделали.

— Когда Революция будет в безопасности, ты сможешь вернуться к своему делу, — успокоил его Кривицкий. — Когда Революция победит, для тебя не будет ничего невозможного.

3

КРАСНЫЕ

Москва, 30 августа 1918

Теперь Революции были нужны надежные члены партии, владеющие иностранными языками. Отец Рут был банкиром, и сфера его деловых интересов охватывала Лондон, Берлин и Париж. В европейских столицах он вместе с семьей проводил много времени, и Рут свободно владела французским, немецким и английским. То упрямое неприятие ценностей своего круга, которое привело ее к большевикам, заставило ее обучиться водить автомобиль, чтобы обходиться без шофера. Теперь она оказалась за рулем в кабине автобуса, как только автобусы появились на улицах обновлявшейся столицы.

Отец Савинкова был дипломат, и Сергей выучил немецкий, когда семья жила в Потсдаме, а английский — в Мейфере. Водить автомобиль Савинков не умел, поэтому он беседовал с иностранцами, пока Рут вела автобус. Где-то далеко дотлевала война, которая покончила с царизмом. Другие империалистические державы тоже должны были пасть вместе с концом войны, потому что международный рабочий класс должен был подняться, чтобы взять то, что принадлежало ему по праву. Вожди первого в истории коммунистического государства хотели помочь им в этом. Рут и Савинков носили на своих лацканах особые, с неярким эмалевым блеском значки, на которые иностранцы смотрели с благоговением. Они были красного магического цвета. Рут и Сергей Савинков были эмиссарами первой победившей Революции, они были членами Коммунистического Интернационала, Коминтерна, штатными работниками мировой революции.

В автобусе сидели англичане, французы и немцы, малая горстка людей, разделенная конфликтом, в который вовлекли страны их правительства, а объединенная идеей грядущей мировой утопии. Они с упоением вдыхали сладкий запах революционной России, они преодолели сотни километров, чтобы увидеть все своими глазами, и Сергей с гордостью показывал им Россию.

Они проехали Арбатскую площадь, и за Арбатом Савинков показал им на понурых мужчин и женщин, державших букеты искусственных цветов, в вечерних платьях, с медалями, в военной форме. Они стояли там весь день.

— Лишенцы, — пояснил он, его стальные глаза глядели презрительно. — Обломки *ancien regime**, выброшенные на обочину нового общества. Скоро мы отправим их в деревню познавать чудо труда в мире, свободном от эксплуатации.

Англичанка за спиной Рут одобрительно заблеяла:

— Боже, как чудесно! Я хочу, чтобы в моей стране мы совершили то же.

— Вы совершите, — убежденно сказал Савинков. — Революция шагает по всем странам, и ваши герцоги и графини скоро натрут на своих изнеженных руках мозоли и привыкнут к грязи под ногтями.

— Хотела бы я увидеть, как это произойдет с моими родителями, — злорадно произнесла англичанка.

Рут немного удивилась, почему Савинков ничего не сказал о тех, кто в поношенной одежде, с впалыми глазами на изможденных лицах, меняли офицерские мундиры, представлявшие собой чуть большую ценность, чем бальные платья, которые больше никогда не понадобятся. Их меняли на черствую осьмушку черного пайкового хлеба, на кусок грязного, неестественно бурого сахара, на гнилые яблоки. Маленький пакетик табака был значительной ценностью. Почти все курили табак, заглушая голод.

Впрочем, все было понятно. Савинков не говорил о них, потому что он их не видел. До недавнего времени она сама точно так же не замечала их, ибо такие не могли существовать в совершенном мире. Проезжая по пустым грязным улицам, она видела их в зеркале, отражавшем улицу. Ей хотелось бы, чтобы они исчезли.

— Я хотел бы вскоре увидеть крестьян, — объявил немец в очках со стальной оправой, и гул одобрения встретил эту мысль.

— О, Боже, да, — сказала англичанка. — Я люблю настоящих людей.

— Рут это для вас организует, — заверил их Савинков.

— На поезде я проехал многие мили через поля с золотыми колосьями, — сказал немец. — У нас дома, в кайзеровском обществе, люди голодают, но здесь, в новом мире, изобилие всего.

* *Ancien regime* (франц.) — старый режим.

Рут размышляла, где же ей раздобыть нужных крестьян. Этим иностранцам, очевидно, не следовало встречаться с настоящими крестьянами. Крестьяне могли разочаровать иностранцев непониманием Революции. Их нельзя было показывать. Она решила обратиться к Кривицкому. Он бы, пожалуй, смог достать нескольких подходящих для этой цели людей из тюрьмы, подготовленных надлежащим образом.

Она увидела Кривицкого, как только свернула в ворота завода Михельсона. Несколько грузовиков «рено» стояло во дворе, тускло-коричневых, грязных. Кривицкий был с группой рабочих — членов партии, комиссаров двадцати пяти дополнительных команд фабричных рабочих, стоявших у машин. У комиссаров были карты, у рабочих висели винтовки через плечо. В грузовиках лежали кучи мешков.

Как только она вышла из автобуса, группа разбилась, и люди стали залезать в кузова. Она услышала сзади голос Савинкова.

— Эти представители пролетариата собираются встретиться с крестьянами, — сказал он. — Чтобы помочь им.

— Зачем им винтовки? — заинтересованно спросил немец.

— Это символ революционного энтузиазма, — ответил помпезно Савинков. — Мы строим новый мир, в котором не будет места дискуссиям и диспутам. Споры для контрреволюционеров! Как сказал Ленин, лучше спорить с винтовкой, чем с оппозицией.

Рут услышала, как иностранцев охватило веселье, и поспешила к Кривицкому. Он все еще казался ей Израилем Шапиро, хотя и носил черную кожаную куртку. Он стоял среди грязных, рычащих и кашляющих грузовиков, и был в бешенстве.

— Последняя партия ублюдков просто нажралась самогона, стоило им прибыть на место, — почти кричал Кривицкий. — Я предупреждал их. Мне наплевать, каким образом они добудут продовольствие у вонючих крестьян, но они обязаны доставить его сюда. Города голодают. Я пристрелил одного из комиссаров на их глазах прямо перед вашим прибытием, так что они получили урок.

— Не делай этого на глазах у моих иностранцев, — нервно сказала Рут. — Они не поймут.

— Может быть, это будет полезно и для них, — отпарировал он. — Когда-то мы все были молокососами. Ты должна понять, что построение совершенного мира требует крови и меча.

Она решила не спрашивать его о крестьянах.

— Он здесь?

— Ленин? Да, он обращается к рабочим.

— Я лучше пойду к своей группе. Я чувствую себя воспитательницей детского сада.

Он улыбнулся, и на секунду показался ей прежним юным еврейским мальчиком, который когда-то сидел рядом с ней за партой.

— Ты не выглядишь сытой, — сказал он. — Приходи ко мне завтра, когда парни вернутся, я отложу что-нибудь хорошее для тебя. Может быть, какой-нибудь копченый окорочок.

— Чем будут питаться крестьяне зимой?

— Это кулаки, — жестко сказал он. — Эксплуататоры. Мы перераспределяем их добро ради всех и ради их же самих. Ленин распорядился, чтобы авангард борцов партии лучше питался. Нам нужны силы для борьбы.

— Невозможно войти в царство социализма в белых перчатках и по лакированному полу, — согласилась она.

Кривицкий пригладил рукой волосы. Он выглядел усталым, как и все остальные.

— Точно.

— Рут! — окликнул ее женский голос.

Она повернулась и увидела улыбающуюся ей Надежду. Та вышла из цеха и направлялась к ним.

— Дорогая, как чудесно! Ты с ним? — спросила Рут.

— Да, я работаю в его секретариате. Поздравляю!

— С чем?

— Как? Ты еще не знаешь? Война подходит к концу, и вас с Савинковым направляют в Германию, чтобы принести им факел свободы. Вспыхнет вся Европа! Ленин хочет, чтобы ты встретила с Розой Люксембург.

Она почувствовала, как запело ее сердце, и Надежда радостно улыбнулась, поняв ее чувство.

— Это чудесно... Роза Люксембург!

Надежда взяла ее руку и пылко сжала ее.

— Разве это не замечательно? Пойдем, послушаем выступление Владимира Ильича.

Они проследовали за группой иностранцев, которую вел Савинков. Рут показала пальцем на свой коминтерновский значок, погладила его гладкую, холодную поверхность, рельефную металлическую звезду. Она увидит Розу Люксембург... Невероятное время. Могучие гиганты, почти мифологические герои жили в одно с ней время и двигали исторический процесс. В огромном цехе у трибуны теснились мужчины и женщины в замасленной одежде. Ленин был на трибуне, лысеющий, с круглой

головой, ударяя кулаком правой руки, а в левой сжимая кепку. Один из гигантов. Она увидела, как англичанка удивленно оглядывалась вокруг.

— Вы справляетесь с такой фабрикой такими малыми силами? Вы действительно строите новый мир. В Британии мы никогда бы не смогли этого сделать.

— Вам надо видеть, как они работают после речи Ленина, — сказал Савинков.

— Что здесь производят?

— Гранаты.

— О, как прекрасно. Это символ пролетарского разрушения буржуазии!

Рут остановилась с Надеждой на краю толпы. Иностранцы благоговейно, с широко открытыми глазами, вслушивались в резкий голос. Его грассирующее «р» эхом разносилось вокруг, глухо отдаваясь в ее голове.

Скромно одетая женщина привлекла на миг ее внимание. Она стояла недалеко от них, у огромного пыльного станка. Она тоже внимательно смотрела на Ленина большими темными глазами, ее черные волосы были заколоты за ушами. Женщина курила. Ее спокойствие и какая-то внутренняя сосредоточенность привлекли к ней внимание Рут. Но она тут же забыла о ней, глядя на Ленина.

— Итак, какая разница между диктатурой пролетариата и буржуазной демократией? — спрашивал Ленин. — Она в следующем. Буржуазная демократия сохраняет эксплуатацию одного класса другим, прикрывая грабеж пролетариата демагогическими рассуждениями о равенстве и братстве антагонистических классов. Рабочий класс, пролетариат, должен объединиться, чтобы сделать реальною рабочее правление, при котором все, кто работает, имели право не на словах, а на деле пользоваться жизненными благами. Ваши действия должны быть решительными.

Рут внезапно осознала, что кивает головой в знак согласия. Ей было стыдно, что когда-то она могла сомневаться. Если вам выпало счастье так близко видеть вождя, становится понятным, как сильна должна быть ваша вера...

— В борьбе против хищнической буржуазии, которая обрекла миллионы рабочих на безысходную нищету под личиной парламентской демократии, есть только две альтернативы.

Он стукнул кулаком по перилам и посмотрел на них.

— Победа или смерть! — воскликнул он, и все согласно взревели в ответ.

Он спустился с трибуны и пошел через радостно об-

ступавшую его толпу. Та женщина, которая привлекла внимание Рут, исчезла со своего места.

На улице смеркалось. «Мерседес» Ленина ждал его неподалеку от автобуса Рут. Ее иностранцы теснились к Ленину, страстно желая не пропустить ни единого слова, которое могло сорваться с его уст. Он двигался в небольшом пространстве по направлению к автомобилю, и толпа сопровождала его, бережно не нарушая эту границу. И вдруг в этом пространстве, всего в метре от него, появилась женщина с револьвером в руке. Она выстрелила в упор, и Ленин упал. Она снова выстрелила, и он приподнял руку, защищаясь от пули. Кровь забрызгала белую дверцу машины. Рут онемела. Рядом с ней страдальчески вскрикнула Надежда.

Кривицкий был уже там, он поддерживал Ленина, вместе с охранниками помогал ему усесться на заднее сиденье. Водитель с белым, как мел, лицом заводил двигатель. Кривицкий повис на окне уже тронувшегося автомобиля.

— Степан, Степан! — кричал он охраннику. — Не вези его в больницу. Эсеры убьют его там. Вези сразу в Кремль, а мы доставим тотчас же врача из наших.

Он отпрыгнул, когда лимузин уже пересекал двор.

— Быстро, Рут, в автобус, — приказал он.

Она вскочила в автобус, завела мотор, дернула передачу и рванулась вперед, круто развернувшись, чтобы выехать со двора. Она услышала, как истерично вопила англичанка, услышала ее нелепые слова:

— Они убили Иисуса!

Они выехали на улицу, и только тогда причитания кончились.

Кривицкий сидел рядом с ней, на его черной кожаной крутке виднелись следы ленинской крови, кровь была и на его руках.

— Она не могла далеко уйти, — произнес он. — Поищем ее.

Они скоро увидели ее. Она стояла на улице, прислонившись к дереву, и ее грудь тяжело вздымалась. Рут остановила автобус рядом с ней, и Кривицкий выскочил из него. Он потащил ее к автобусу и швырнул внутрь.

— К нашему новому зданию, — распорядился он, — на Лубянскую площадь.

Рут подала автобус назад и резко развернулась на улице.

— Ты агент империализма? — грубо спросил он женщину, и Рут услышала ее тяжелое дыхание. Однако когда она заговорила, голос звучал спокойно.

— Я один из делегатов Учредительного Собрания, которое уничтожил Ленин, — ответила она. — И я продолжаю им быть.

— Кто тебе заплатил? Англичане?

Твердые резиновые шины взвизгнули о булыжник площади, когда Рут подъезжала к большому зданию, гаранту революции. Гвардейцы Чека охраняли здание снаружи.

— Ленин уничтожил все, ради чего свершалась Революция, поэтому я убила его. Если бы он остался жить, конца убийствам не было бы.

Они остановились у дверей, и Кривицкий втолкнул ее внутрь здания. Чека повесила новую эмблему над дверями — щит и меч, первый означал защиту Революции, второй — кару ее врагам.

Сидя за рулем, Рут нащупала в кармане портсигар с папиросами и достала одну дрожащими пальцами. Какой-то мальчик пристально смотрел с тротуара, как она зажигает папиросу.

Внутри автобуса стоял неприятный запах крови, и табачный дым перебивал его.

Кто-то постучал в окно автобуса. Это был один из чекистов. Он велел ей уезжать. Она выбросила недокуренную папиросу, нажала на педаль и увидела в зеркале, как ребенок бросился за окурком...

Царицын

Рыков был во власти сомнений. Его цепкий ум не сразу сообразил, что к чему, и это заставляло его держаться настороже. Простой хитрости и сообразительности уже не хватало, нужна была настоящая виртуозность, о которой он и не подозревал.

Впервые он встревожился по-настоящему в тот день, когда еще командовал продотрядом. Это был один из многих продотрядов, которые снабжали Пятую Красную Армию, удерживавшую Царицын. На другой стороне Волги стоял Краснов со своими белоказаками.

Лето закончилось, и крестьяне собрали урожай, они подспели вовремя. В деревне они появились перед рассветом, так что крестьяне оказались застигнутыми врасплох. Он знал, что они все равно будут прятать урожай — крестьяне всегда одинаково реагировали на армейские реквизиции, как на разбойные нападения, которые существовали за тысячи лет до Маркса или большевиков, — но Рыков все же выстроил их вдоль деревенской улицы, когда солнце медленно поднималось в небе. Он любил пошутить с наро-

дом, особенно о том, как много они сэкономят на перевозке продуктов до рынка, потому что рынок сам прибыл к ним. У него был такой же, как у них, юмор — лукавый, понимающий власть силы, жестокий. Они понимали друг друга — этот маленький шустрый человек в черной кожанке и терпеливые безропотные крестьяне. Они знали, что жизнь безжалостна и вряд ли может быть по-другому.

Теоретики в Москве разработали детальные схемы, касающиеся структуры крестьянства и его деления на бедняков, середняков и кулаков, и где-то в высоких зданиях они определяли, что такое сельский пролетариат, который предположительно должен был быть союзником большевиков и помощником чекистов. Но Рыков знал, что эти теоретики не смогли бы отличить коровий навоз от поросычьего, а он мог. Крестьяне не были каким-то загадочным народом, и пистолет, приставленный к уху маленькой девчонки, заставлял отца сразу вспомнить, где он припрятал запасы. Рыков называл свой маузер оратором — тот мог убедить любого.

Рыков чувствовал себя счастливым. Ему нравилось, что его организация функционировала эффективно, и он считал себя хорошим руководителем. Он говорил своему отряду, что от него требуется, и если кто-то не подчинялся приказу, пристреливал его. И тогда действовали по приказу. В конце дня он выдавал каждому в зависимости от заслуг и как награду кое-что из добычи.

Сейчас он складывал бутылки с самогоном в свою машину, чтобы позже распределить, не забывая наблюдать, как его подчиненные волокли холщовые мешки с зерном с отдаленных хозяйств, тащили свиней, несли кур и цыплят, гнали лошадей. Крестьяне все еще стояли в ряд, и их лица были так же невыразительны, как морды их реквизируемой живности.

— Что-то стоящее? — услышал Рыков тихий голос. Он обернулся с бутылкой водки в руке. Бесшумно подошедший усатый человек примерно одинакового с ним роста стоял рядом. Его брюки были заправлены в сапоги на сельский манер. Автомобиль с водителем стоял в некотором отдалении. Там же стояли несколько людей.

— Не знаю, — ответил Рыков небрежно. Он вытащил пробку и протянул бутылку незнакомцу. Мужчина сделал глоток, прежде чем вернул ее назад. Желтые глаза осторожно оценивали его.

— Ты командир? — спросил незнакомец.

— Да.

— Знаешь, ты мне кажешься уголовником. — Желтые глаза наблюдали за ним, определяя его реакцию.

— Я был им, — ровным голосом произнес Рыков, — для тех, кто служил царю.

Мужчина неожиданно улыбнулся.

— Я тоже, — сказал он. Он полез в карман и вытащил пачку настоящих сигарет «Герцеговина Флор» и предложил их. Рыков заметил, что его левая рука выглядела как будто была парализована, свешиваясь с плеча. — Мне всегда были симпатичны уголовники, — сказал человек. — Я бывал в ссылке в царское время и имел с ними дело. Хорошие ребята, знающие правду жизни. Мы делились последним куском и вместе пили. По тому, как ты предложил мне водку, я понял, что ты из уголовников. Уголовники — простые ребята, но у них верное чутье.

Он кинул взгляд на людей, стоявших у машины.

— Политики усложняют дело, они его портят. Ненадежные люди. Среди политиков всегда было много крыс и раньше, и теперь. И еще эти военные эксперты, Троцкий прислал их из Москвы. Вон тот — Аксов. Он был еще сосунком, когда я уже боролся с царизмом. Какая польза от его теоретических разговоров? Мы практики. Или царский офицер Мамонтов. Никто из них мне не нужен. За неделю можно сделать из простого хорошего парня специалиста, который думает, как ты.

— А разве не для того произошла революция? Чтобы избавиться от гадов.

— Да. Но есть еще и левые.

Рыков внимательно смотрел на человека.

— Ты когда-нибудь слышал о Троцком, кореш?

— Недавно я арестовал двух аристократов. Троцкий выкрал их у меня для своей армии.

— Что знает Троцкий об армии? — пробормотал мужчина. — Разве они умеют воевать...

Он посмотрел на лошадей, которых гнали люди Рыкова.

— Мне нужна кавалерия, — сказал он. — Я этих заберу.

Рыков улыбнулся:

— Мы из Чека. Обычно забираем мы.

Мужчина тоже улыбнулся.

— Я твой хозяин, — сказал он просто и протянул ему руку, правую, здоровую. — Я — Сталин. Иосиф Сталин.

Сталин посмотрел на крестьян, стоявших вдоль стены.

— Я заберу мужчин тоже, — произнес он. — Всех, от шестнадцати до шестидесяти.

Рыков отдал команду, и его чекисты быстро отделили мужчин.

— Вы теперь в армии, — шутливо обратился к ним Сталин.

Какая-то женщина бросилась к его ногам.

— Ваша милость, как же мы будем жить без еды и без мужиков? Как будем работать?

— Мы коммунисты. К следующему году у вас будет всего вдоволь.

Женщина медленно встала.

— К следующему году мы все перемерем.

— Тогда хлеб, который вы не съедите, достанется революционной армии, у которой его нет, — хладнокровно произнес Сталин.

Женщина плюнула ему под ноги, а Рыков разрядил в нее пистолет. Затем они продолжили свое дело по изъятию продуктов и другого имущества. Ближе к реке находилась другая деревня, Рыков должен был добраться до нее до наступления полудня.

Но сейчас он был не с продотрядом, а на более ответственной работе. Главный ответственный за продовольственное снабжение на юге России обедал, с одной стороны Сталина сидел Аксов, с другой — военспец Мамонтов, носивший потрепанную пролетарскую форму так же элегантно, как и ало-золотую форму славного 3-го Кавалерийского корпуса. Бутылки грузинского вина и водки заставили весь стол, и Рыков видел через полуоткрытую дверь, как Аксов с закотившимися глазами соскользнул со своего стула и исчез под столом. Сталин и Мамонтов разразились громким смехом.

Обед заканчивался. Сталин сам проводил Мамонтова до двери, обняв его с добродушием собутельника.

— Выпись, — сказал он. — Будь готов к бою.

— Мы все здесь большевики, — заверил его Мамонтов. Он вышел и двинулся по коридору, а Рыков в форме стрелка бесшумно поспешил за ним. Сад чудесного дома, выбранного для Сталина, был наполнен ароматом цветов. В полутьме Рыков догнал Мамонтова.

— Полковник, — прошипел он настойчиво. — Полковник Мамонтов!

Офицер повернулся и взглянул с высоты своего аристократического роста сверху вниз на маленького человека.

— Ты кто? — холодно спросил он. Его буденновка с красной звездой напоминала пик вершины в свете луны. Рыков сбросил свою и подобострастно держал ее у живота обеими руками.

— Стрелок Рыков, полковник.

— Чего ты хочешь?

— Сталин собирается убить вас, — в полном страхе

прошептал Рыков. — Я служу у него и слышал, как он обсуждал это с Ягодой, своим чекистом. Вы человек Троцкого, а он ненавидит Троцкого.

— Проклятие! — прорычал Мамонтов. — Я социалист, такой же, как и он. Мы все служим одной цели.

— Вы не понимаете природы коммунизма, полковник, — предположил Рыков.

— Я понимаю смутьяна, когда вижу его! — резко ответил полковник. Его рука, похожая на толстый морской канат, протянулась и схватила Рыкова за плечо.

— Ты пойдешь со мной. Посмотрим, что скажет о тебе Сталин. Мы выпорем тебя утром.

Он зашагал назад в дом, волоча за собой Рыкова. Полковник быстро обучается, подумал про себя Рыков.

Внезапно Мамонтов остановился в темном коридоре. Двойные двери были приоткрыты, и столовая все еще была освещена золотистым светом. Сталин стоял у стола с Ворошиловым, рабочим металлургического завода, ставшим теперь генералом, командовавшим войсками. Тут же находился лысый худой чекист Ягода. Помощник аптекаря перед революцией, он был одним из тех, для кого ее пришествие превратило тайные запретные фантазии в вожделенную кровавую реальность. Никакого пьяного панибратства между этими тремя уже не было. Все, включая Сталина, были абсолютно трезвы. Ворошилов протягивал ему телеграмму.

— Приказ от Троцкого, — сказал он. Сталин вынул из кармана ручку и склонился над столом.

— Про-иг-норировать, — произносил он, растягивая слюги, пока писал, и вернул ее с усмешкой Ворошилову.

Ягода тем временем ударил ногой неподвижное тело Аксова, лежавшее на полу, и его сапог издал хлюпающий звук.

— Что делать с этим мешком дерьма? — спросил он.

Сталин посмотрел вниз на политического советника.

— Расстреляем утром вместе с другими, — буркнул он.

— Ты все еще хочешь расстрелять Мамонтова и его штаб?

Рыков почувствовал, как пальцы Мамонтова медленно вонзились ему в плечо железной хваткой.

— Да, это надо сделать.

— Сегодня утром получено указание из Москвы по поводу военных спецов; он настаивает на расследовании.

— Какое расследование? Они все виновны. Они плетут заговоры против меня, против Революции. Расстрелять мерзавцев!

— Это может создать проблемы, — колебался Ягода, как бы прося указаний.

Сталин посмотрел на тайного сотрудника. Его лицо ничего не выражало.

— Смерть решает все проблемы, — сказал он. — Нет человека, нет проблемы.

— Хорошо, хозяин, — весело ответил Ягода, уверившись, что доза правильная. — Надо это сделать пораньше. — Мы придем за ними перед рассветом. Мои ребята выташат всех за минуту.

— Мамонтов будет с такого похмелья утром, что, наверное, будет умолять вас пристрелить его, — пошутил Сталин, и они все захихикали.

Осторожно, крадучись, Мамонтов двинулся назад по темному коридору, ведя Рыкова с собой. Выйдя в сад, он пробормотал себе под нос:

— Что же, черт возьми, мне делать?

— Краснов всего в тридцати километрах отсюда, полковник, — тихо подсказал Рыков.

— Краснов? Что ты имеешь в виду? Краснов проклятый враг.

— Нет, полковник. Ваш враг здесь, в доме.

— Тридцать километров...

— Здесь есть автомобиль. Дальше, у сарая. Водитель спит в нем, и он пьяный...

Рыкова отбросило в сторону, и большой человек скрылся в темноте. Минутой позже он услышал лязг рукоятки стартера и тарахтенье мотора «рено». Заскрипели шестеренки, и затем он услышал, как автомобиль выехал на дорогу. Зажглись фары, и Рыков увидел, как они осветили деревья, когда машина повернула к Волге по направлению к армии белых. Рыков повернулся и ушел спать.

Он поднялся рано, надел черную кожанку и взял хлеба с сыром, чтобы было что пожевать. В поле людей Мамонтова уже привязали к столбам. Политический советник Аксов тоже был там. Кажется, его рвало.

Сталин стоял в ожидании Ягоды, и Рыков воспользовался случаем, чтобы поесть.

По дороге приближалась машина, зеленый «рено».

Заскрипели тормоза, оттуда вытолкнули человека. Он упал, обессиленный, на карачки, и два чекиста сзади подхватили его, потащили к столбу. Это был Мамонтов. Его лицо вздулось и покрылось кровоподтеками. Рыков подошел, чтобы помочь привязать его к столбу.

— Видишь, Генрих? — крикнул Сталин Ягоде, прибывшему командовать группой бойцов, расположившихся сзади с пулеметами. Все вокруг могли слышать его. — Видишь, каких людей присылает мне Троцкий? Предателей и шпионов! Они требуют расследования! Очень хоро-

шо. Пошли им все подробности нашего расследования. Сообщи им, как настоящие большевики схватили человека Троцкого в пяти километрах от врага, который спешил к нему на полной скорости! Сообщи Москве, как и от кого большевики защищают здесь революцию!

Рыков прикрутил сзади большие руки Мамонтова проволокой к столбу. На его плече остался синяк, там, где Мамонтов сжал его накануне, и он потуже завернул концы проволоки плоскогубцами, которые носил в своем кармане на случай, если понадобится заставить заговорить немалые языки. Мамонтов вздрогнул и повернул к нему голову.

— Низкий подлец, — хрипло произнес он.

— Я же говорил, что вы не понимаете коммунизма, полковник, — весело заметил Рыков. Аксов хныкал у соседнего столба.

— Вы не можете так поступать, — протестовал он. — Московский комитет накажет вас за это.

— Смерть решает все проблемы, — успокоил его Рыков. — Нет человека, нет проблемы.

Он прошел назад, за пулеметчиков, которые готовили свое оружие. Сталин взглянул на него, и он подошел к хозяину. Тот одобрительно коснулся его плеча.

— Хорошая работа, кореш, — тихо произнес он. — Я тебя не забуду.

Рыков ощутил от этих слов внутри себя радостную уверенность. Он немного отошел назад, откуда мог видеть и Сталина, и предстоящее представление. Он нашел настоящего хозяина, старшего, опытного, мудрого, но такого близкого, и уже очень многое понял с его помощью. В грядущие года ему предстоит впитать намного больше. Ягода невнятно отдавал распоряжения, его глаза блестели. Рыков вздрогнул внезапной дрожью вождения. Взведенные курки издали лягз, и Сталин погладил усы. Рыков повторил его жест.

Волна неведомого предвкушения счастья поднялась из самых недр его существа. Пулеметы разразились в стаккато выстрелов. Брызги крови и куски плоти взметнулись в воздух. Рыков почувствовал, что наконец обрел себя. Он был в стае.

Москва

У Рут была комната в «Люксе». В той же гостинице жили Савинков и другие работники Коминтерна. Для Рут не составляло труда прогуляться пешком по мощеному

бульвару до своего учреждения на Страстной площади по другую сторону от бывшего Страстного монастыря. По пути она заглянула в Гастроном №1, и швейцар с алым шарфом на шее открыл перед ней дверь так, как он это делал, когда носил обшитую галунами ливрею при царском режиме, а она сопровождала свою мать: их путешествие по магазинам начиналось всегда с Елисейевского. Рут была теперь в элегантной военной форме, сшитой из дорогой ткани портным из бывших, которого она отыскала. Ее блестящие черные волосы были схвачены изящной алой заколкой.

Магазин оказался на удивление пустым, и она прошла через чудесный позолоченный зал с колоннами по чистому изразцовому полу. Она помнила, какое здесь бывало столпотворение в старые времена. Фадеев уже приготовил для нее сверток, он встретил ее сияющей улыбкой. Она взяла у него сверток и обменялась с ним несколькими любезными словами, как всегда это делала. Рут считала, что только невоспитанные люди позволяют себе быть резкими в обращении, особенно с теми, кто стоит ниже их на социальной лестнице. Потом она прошла под чудесной хрустальной люстрой и вышла на улицу.

Тверская была главной улицей. Любые признаки жизни, возвращавшиеся в мертвую столицу, появлялись прежде всего на Тверской. Уже открылись общественные бани, правда, вода в них была почти всегда холодной. Очаровательные молодые особы с подведенными глазами, напоминавшими о взгляде хорька, когда он выслеживает мышь, искали здесь на панели знакомства с партийным мужчиной.

На площади возле монастыря кипела работа. Рабочие выносили из монастыря всякий ненужный хлам: иконы, изображавшие Иисуса Христа и Его Мать, какие-то церковные принадлежности. Монахинь там уже не было: их послали на общественно-полезные работы, и они что-то рыли на окраине города под присмотром охраны. Монастырь можно было бы переделать в Музей атеизма. Рут чувствовала весь символический смысл этой многим показавшейся бы обыденной сцены: здесь бесполезные продукты неразумной человеческой деятельности уступали место осмысленному творческому созиданию во благо свободного человека.

Оказалось, что ее появления ждали. Трое просителей сидели возле ее двери в коридоре на скамейке. Завидев ее, они быстро встали, и Верочка взяла на себя инициативу.

— Доброе утро, Рут, — сказала она, неловко улыбувшись. Валериан и Надя эхом повторили приветствие.

— Доброе утро, доброе утро!

Если бы не лица, которые она знала очень хорошо — разве не она провела с ними годы в институте? — она бы, пожалуй, не узнала их. Верочка, казалось, почувствовала это и пригладила на бедрах неумело сшитую плюшевую юбку. — Нас обокрали, — сказала она извиняющимся тоном. — Мы вынуждены были сшить одежду из покрывал и штор.

— Вы похожи на беженцев, — весело сказала Рут, отпирая свой кабинет. — Да вы не волнуйтесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Идя впереди, она не видела, как страх постепенно оставлял их лица.

Она наполнила водой железный чайник из крана и поставила его на круглую плитку.

— Никаких дурацких самоваров в новом обществе, — объявила она.

— Как себя чувствует товарищ Ленин? — спросила Надя.

Рут была приятно удивлена. Надя всегда смеялась над ее революционными пристрастиями.

— Что ж, спасибо, он идет на поправку, будет жить.

— Это прекрасно... Я хочу сказать, что теперь мы уже все большевики, да?

— Чудесно, — пробормотал Валериан. Рут вспомнила, что его отец владел шахтами. Судя по внешнему виду, его сын вряд ли владел чем-нибудь, кроме того, что было на нем. Она слышала, что теперь бывший владелец шахт бродил в Париже.

— Спой-ка нам гамму, Верочка, — небрежно сказала Рут, звеня чайными ложками. У Верочки было все — красивое личико, изящные манеры, прекрасный голос. Она была школьной принцессой. Память о прошлой роли заставила ее вспыхнуть от повелительного тона, но инстинкт самосохранения заставил ее подняться и издать несколько соловьиных трелей.

Все трое стремились показать Рут, что имеют право на жизнь. Валериан процитировал отрывки из речей Ленина, у него была точная интонация, жесты, мимика. Надя танцевала, пока кипятился чайник, легкая, как птица. Раньше все мальчишки хотели танцевать с Надей. Не со скучной Рут, преданной Революции, хотя и она могла бы быть милой.

— Чудесно! — Рут налила чаю, темного и крепкого, в кружки и положила шоколадное печенье, которое ей выдали в гастрономе, на скромную пролетарскую тарелку.

— Не стесняйтесь, — сказала она, и они положили сахар в свои кружки и постарались быть сдержанными в отношении печенья, притворяясь, что не голодны. Предложить чай было вежливостью, вежливость требовала только попробовать печенье. Все четверо знали это. — Замечательно, что вы пришли ко мне, — сказала Рут, сразу приступая к делу, и трое гостей положили в рот по печенью, зная наверняка, что она будет говорить. — Я... мы... имеем небольшую проблему. Она временная. Но мне поручено ее решить. Дело в том, что здесь у нас первое в мире общество, созданное ради свободы и счастья людей. Империалистические эксплуататоры свергнуты, и управляют страной рабочие и крестьяне. У нас сейчас происходят самые удивительные, поразительные события, какие только случались в истории. И люди, которые хотят, чтобы такое же произошло в их странах, люди, которые жаждут для себя свободы, приезжают сюда, чтобы увидеть, что у нас происходит. Революция распространяется по всему миру, как могучая волна, начавшаяся в нашей стране и взволновавшая капиталистическое болото. Люди приезжают к нам, чтобы увезти огонь Революции в свои страны.

Она добавила печенья на тарелку.

— Угощайтесь без церемоний. Наша проблема состоит в том, что мы еще не все выполнили. До сих пор мы продолжаем бороться с эксплуататорами! Мы свалили капитализм, но еще не задушили его окончательно. И пока нас отвлекают на это, мы не можем осуществить полностью коммунизм. Совершенное общество, которое мы собираемся создать, находится рядом, оно буквально за углом — это вопрос нескольких месяцев, года, самое большое — двух лет. Но люди приезжают посмотреть, что мы сработали! И из-за нескольких нелепых месяцев мы не можем им показать все, что надо. Но мы не можем, не имеем права, не должны их разочаровать!

Она откинулась на стуле и отвела волосы с лица.

— Я разговаривала с Савинковым, который, как и я, служит в главном штабе Революции, и вот что мы решили делать, взяв пример с Ленина. Он совершил Революцию силами передового отряда борцов. Мы будем действовать так же, создавая авангард крестьян, авангард рабочих. Новые, чудесные, коммунистические крестьяне, новые, чудесные, коммунистические рабочие. Эффективные, могучие, прекрасные, счастливые и поющие с любовью о коммунизме.

Она смотрела на них, а они на нее.

— Замечательно, — произнес Валериан.

— Да, замечательно, — подтвердила Надя.

— Чудесно, — эхом откликнулась Верочка.

— Мы начнем с крестьян, — вдохновенно продолжала Рут. — Недалеко от Москвы у нас есть деревня, которую мы используем. Там сейчас Константин. Вы его помните?

— Он участвовал в нашем любительском театре, — сказал, просияв, Валериан.

— Да, это так. Он эту деревню... приводит в порядок. Когда мы туда приехали, там не все было хорошо, совсем было нехорошо. Отвратительные, запущенные, грязные поля и навозные кучи. В коммунистической деревне нет места навозным кучам! Во всяком случае он делает ее намного лучше.

— А что с крестьянами? — озадаченно спросила Верочка. — Ты хочешь, чтобы мы поехали и научили их петь или еще чему-нибудь?

— О, дорогая! — смеясь воскликнула Рут. — Нет, конечно, нет. Нет, мы хотим, чтобы вы сами стали крестьянами. Понимаешь ли, они просто не могут. Я знаю, что если бы у нас была хоть какая-то возможность показать их, предварительно проинструктировав, тогда было бы прекрасно. Но встречала ли ты кого-нибудь из них? Честно говоря, мы не можем позволить кому-нибудь из наших зарубежных гостей подойти близко к ним. Они, кроме всего прочего, очень неприятно пахнут. Они моются примерно раз в год и могут разговаривать только о семенах и о навозе, если вообще их разговорить. Нет, вот почему нам нужно, чтобы вы устроили это.

— Как спектакль, — схватил идею Валериан.

— Да, похоже. Мы готовим сценарий, Константин, Савинков и я. Вы, конечно, можете импровизировать на его основе, и я пошлю к вам еще нескольких подходящих людей. Конечно, все вы будете действовать самостоятельно, но все-таки я хочу, чтобы ты, Валериан, руководил. Ты, Надя, будешь ответственной за хореографию. Эти крестьяне счастливы, и когда кончается рабочий день, они должны танцевать от счастья и любви к свободе. Они радостно поют. Верочка, ты будешь ответственной за эту часть. Константин пишет сейчас чудесные крестьянские и пролетарские песни, чтобы вы их пели, когда будете в полях сеять и жать. Когда вы возвращаетесь домой, то поете, потому что любите свободу.

Она улыбнулась.

— По-видимому, вам не придется постоянно там находиться. Мы будем предупреждать вас, когда прибывают иностранцы, и парковать автобус немного в стороне, что-

бы они могли выйти, и когда они пойдут по прекрасным, ухоженным дорожкам, то все время будут слышать чудесные звуки крестьянских поющих голосов, видеть, как вы изящно двигаетесь по полям, счастливые и довольные. Такова идея Савинкова. У него потрясающее чувство театра, у него есть несколько восхитительных идей о распространении Революции посредством искусства среди рабочих Германии и Франции. Мы ждем, когда ветер подует в нужном направлении, и тогда выпустим миллион воздушных шаров, привязав к каждому по листовке, призывающей рабочих к оружию, чтобы свергнуть их эксплуататоров.

— Я смогу поставить деревенскую драму, — твердо сказал Валериан. — Положитесь на меня. Как долго, по-вашему, мы будем этим заниматься?

— О, совсем не долго. Это будет до тех пор, пока эксплуататоры не будут разбиты раз и навсегда, и тогда большевики сами придут на поля, чтобы принести крестьянам коммунизм. Но пока мы боремся, нуждаемся в этом, чтобы не обмануть наших зарубежных товарищей.

— Это звучит прекрасно, — сказала Верочка. — А что будет с едой? Эти селяне хорошо едят?

— Конечно. Простая пища, но здоровая. Когда Революция победит, будет еда для всех и столько, сколько можно съесть. Мы будем посылать излишки беднякам мира, мы будем выдавать продукты всем желающим из огромных красных амбаров. Мы позаботимся о том, чтобы вы не нуждались.

Валериан был озабочен организацией мизансцен.

— Как быть с полевыми работами? Я лично не смог бы отличить один конец плуга от другого, тем более пахать им. Эта деревня должна ломиться от урожая. Пшеница пусть колыхается на ветру, стоят густые ряды моркови и картошки и других овощей. Упитанные коровы качают полным выменем, пасутся густошерстные овцы, клюют зерно ярко расцвеченные куры. Деревья склонились от фруктов. Ароматное вино.

Рут с восхищением смотрела на него.

— Я говорила Сергею Савинкову, что тебя необходимо привлечь. Не беспокойся, это хорошая деревня. Несколько прекрасных фруктовых садов, в которые крестьяне вложили свои средства, когда Столыпин пытался сделать их капиталистами. Мы привлекли нескольких человек, которые действительно разбираются в семенах, удобрениях и прочем. А доение коров... наверное, вам надо будет научиться этому, да, наполненные до краев маслобойки... счастливые доярки... Там есть несколько

английских тракторов и стальных плугов, и орудия, которые импортировал бывший хозяин. Мы прикрепили к ним чудесные красные звезды.

— Хм, Рут... — нервно спросила Надя. — А дети? Младенцы...

— Ах, да. Они должны быть. Мы устраиваем лечебницу в деревне, чтобы показать успехи коммунизма по сравнению со старым порядком. Почему ты спросила, разве у тебя есть ребенок, Надя?

Она вспыхнула.

— Да. Моя сестра присматривает за ним. Его зовут Петрик. Он очень маленький.

— Но это чудесно! Он новый человек, дорогая, продукт нового общества. Однако я не знала, что ты замужем.

— Мы не расписаны, — просто произнес Валериан. — Было не до этого. Мы... выживали.

— Мы старались сохранить тепло... — сказала с улыбкой Надя, — одно потянуло за собой... другое.

Волна презрения к этому пустоголовому созданию охватила Рут, но она скрыла его за открытой улыбкой.

— О, вы должны взять его с собой! Ты сможешь кормить его грудью среди полей, пока собираешь урожай.

— А как крестьяне? Должны мы будем их тоже инстурктировать? — спросил Валериан.

— О, нет. Я говорила вам, что мы пошлем вслед за вами нескольких подходящих людей. Мы обдумывали и это, но крестьяне совсем не годятся. Они очень медлительны, туго соображают, сопротивляются новым идеям...

— Где же они? — без особого интереса спросила Верочка.

— О, они уехали, — ответила Рут неопределенно. — Пашут землю где-нибудь. Так вы согласны? Чудесно.

Она взяла несколько бланков и заполнила их, затем на каждом поставила свою печать, хорошенько прижав ее к чернильной подушечке, чтобы буквы были четко видны, и вручила им.

— Похоже, что вы нуждаетесь в одежде и кое-какой еде. У нас есть для вас готовые крестьянские платья, а по этим бланкам вы получите одежду для носки сейчас и усиленный паек. Отнесите их в Потребительское общество, на Мясницкую. Приходите ко мне завтра примерно в полдень. Я распоряжусь, чтобы вас доставили в деревню, и вы можете приступить к работе.

— Спасибо, — они поднялись на ноги. — Спасибо, спасибо.

Рут держала глубокую фаянсовую тарелку.

— Вот, возьмите с собой.

Она поднялась, обняла их и проводила до двери.

— Это чудесно, — искренне произнесла она. — Мы вместе создаем будущее.

Они спустились вниз по лестнице и вышли на площадь. Возле монастыря рабочие снимали статую его основателя, царя Алексея Михайловича, с пьедестала, на котором он стоял около двух с половиной веков, и готовили место для основателя советского атеизма. Владимир Ильич Ленин стоял, частично покрытый материей, сжимая свиток и шагая в будущее с поднятым кулаком, его плащ развевался ветром Истории.

Верочка прикусила сустав пальца, чтобы не закричать от крушения надежд.

— Сволочи, — тихо всхлипывала она. — Будь проклята эта революция. Я дворянка. И мне вручает это печенье и поручает работать крестьянкой поганая большевистская жидовка Рут Ганзберг!

Ее спутники сгрудились рядом в ужасе.

— Тише, Верочка, — испуганно уговаривала ее Надя. — Тебя могут услышать и донести в Чека. Послушай, съешь лучше печенье. Нам понадобятся силы, чтобы целый день стоять в очередях за одеждой и какой-нибудь едой. Что делать? Я готова сколько угодно танцевать гопак в крестьянской одежде, лишь бы маленький Петрик был сыт.

Лицо Верочки просияло улыбкой сквозь слезы.

— По крайней мере мы будем сыты и в тепле, — сказал Валериан. — На подходе зима, вы не забыли? А теперь пойдете и по пути съедим это несчастное печенье.

— Все будет хорошо, — сказала Верочка. — Просто обидно, что жизнь проходит мимо, а мы готовы на что угодно ради какой-то старой одежды и печенья.

— Ничего, все еще изменится к лучшему, — сказала Надя, утешая ее, и они пошли по улице, жуя печенье.

* * *

На Лубянке Фанни Каплан вывели из подвала. Она была вся в черном, черные волосы, черные круги под глазами. Кривицкий ждал ее в конце коридора у туалета. Он повесил свою черную кожанку на вешалку.

Она была спокойна.

— Мне удалось сделать это? — спросила она. — Чудовище мертво?

— Нет, — ответил он. — Мы спасли его.

— Вы еще пожалеете об этом, — заметила она.

Он сунул ее головой в унитаз и выстрелил пулей 32-го калибра из маленького пистолета «вальтер», не производящего сильного шума. Два чекиста отволокли тело по коридору во двор и бросили в груды других мертвецов.

В туалете Кривицкий смыл сильной струей кровь и куски мозга, после чего вымыл руки с мылом.

* * *

Большой знак у ворот все еще говорил о владениях авиастроительной компании Садовского. Когда крестьянская телега подъехала, скрипя, к ровной взлетно-посадочной полосе, заросшей высокой травой, лошадь остановилась, чтобы пощипать траву, и хозяин ничего не имел против незаметной поправки чужих угодий.

Владелец завода, прислонившись к деревянным дверям ангара, следил вместе со своими работниками за медленным приближением покупателя.

— Если лошадь возместит съеденную траву кучкой навоза, мы будем квиты, — заметил Петр Садовский. Навоз мог служить топливом, а зима приближалась.

— Спорим, что этого не случится.

— Лошадь сделает это по пути назад в траву, и мы не сможем это отыскать, — сказал Андрей Стукалов. Этот сутулый еврей с копной темных волос отвечал за работу с клиентами. Только если бы земля перестала вращаться, он не нашел бы применения своим деловым качествам.

— Нет, она навалит кучу в ангаре, просто чтобы проучить нас, — сказал Петр.

Борис Федин, который предложил спор, приземистый и круглолицый сын шахтера из Донбасса, хохотнул.

— Вы не учитываете прижимистость крестьян, — сказал он. — Лошадь знает, где класть, за воротами. Хозяин сам подберет свою собственность.

Петр повернулся к четвертому члену группы.

— А что скажешь ты, Анна?

— Я думаю, как вы все вульгарны, — сказала Анна Суворова, укоризненно покачав своей глянцево-черной головкой. — У нас в доме считалось неприличным упоминать известное помещение, не говоря уж о процессах, которые там происходят.

Федин рассмеялся.

— Там, где рос я, барышня, не было «известного помещения». У нас был горшок, и мы выносили его по утрам в огород для удобрения.

— Ваш огород, должно быть, благоухал.

— К этому привыкаешь, — заметил он философски.

— Ну, наконец-то, — сказал Петр, когда лошадь неспешно побрела с травы на бетонную дорожку недалеко от ангара.

— Поддай телегу внутрь, — велел он, — это внутри.

Крестьянин что-то буркнул, не открывая рта, в буйную поросль бороды. Он был в потрепанном овчинном полушубке.

Телега потащилась внутрь. Большая коричневая дворняга, лежавшая у дверей, открыла один глаз, посмотрела на них и опять уснула. Крестьянин подозрительно уставился на каркас из труб, державшийся на двух резиновых колесах и несущий сияющий изогнутый отвал плуга, установленный позади дисковидного предплужника. Он хмыкнул. Петр повернулся к Федину.

— Что он говорит, Борис? Переведи!

— Он считает, что плуг некрепкий, скоро развалится, — и без лишних слов Федин вскочил на плуг и стал прыгать на нем, показывая его прочность.

— Особый металл, недотепа, — кричал он. — Легкий и крепкий, для производства аэропланов. Ты разбогатеешь, если будешь на нем работать. Он не сломается.

Хитрые глазки внимательно смотрели. Борис тяжело, всем весом тела сел. Плуг лишь покачнулся на пневматических шинах. Крестьянин снова хмыкнул, на этот раз, пожалуй, одобрительно. Федин слез.

— Ему нравится, — пояснил Федин. — Он покупает.

На полу ангара стоял целый ряд плугов. Там, где когда-то медленно создавался боевой аэроплан «Ньюпорт», от каркаса до готовой машины, теперь стояли плуги на разных стадиях комплектации.

Из-под сена в телеге крестьянин вытащил несколько мешков, приятно пахнувших сырой землей.

— Картошка, пшеница, репа, — произнес Петр, складывая их. В одном из мешков что-то жалобно запищало.

— Цыплята.

— Яйца, — сказала Анна, осторожно беря корзину.

— Три бутылки самогона.

— Окорок.

Стороны с довольным видом смотрели друг на друга. Крестьянину помогли погрузить плуг в телегу и закрепили его веревкой. Телега со стуком двинулась прочь, медленно продвигаясь через взлетное поле к воротам. За воротами она остановилась. Они увидели, как крестьянин слез, нагнулся и собрал навоз. Борис засмеялся:

— Я же говорил вам!

Они стояли возле мешков с продуктами, совершенно счастливые. Петр поднял глаза к небу. День угасал.

— Отвезешь кое-что родителям? — спросил он. Анна кивнула.

Небольшая тележка была сделана из того же материала, что и плуги. На ней все еще лежали дрова, и сверху на нее погрузили часть продуктов.

— Троицкий! Ко мне, мой мальчик.

Пес открыл глаза, встал и подошел, терпеливо ожидая, чтобы его запрягли.

— Где они теперь живут, Анна? — спросил Андрей.

— Около нашего дома, — спокойно ответила она. — Новые жильцы разрешили им остаться в сарае садовника. Это лучше, чем жить в городе.

— Попробуй уговорить их переехать сюда, — сказал Петр.

— Они слишком горды, — ответила она. — Они не оставят то, что считают своим.

Она посмотрела поверх видневшейся вдаль деревни, поверх соснового леса в сторону Москвы. Сколько прекрасных имений — «дворянских гнезд» было в Подмоскowie! До имения Суворовых было недалеко. Она потянулась и застегнула верхние пуговицы своей голубой рабочей куртки.

— Может быть, Борис проводит тебя?

Она отрицательно покачала головой:

— Не беспокойся, все будет в порядке.

Это был совсем другой мир, не тот, который был раньше: без экипажей, без танцев, без красивой одежды. Всеобщее хамство, небольшая тележка и впряженная в нее дворняга по прозвищу Троицкий.

— Возвращайся до темноты.

— Хорошо. Пошел, Троицкий!

Петр провожал взглядом девушку с собакой, пересекавших летное поле, а затем вошел внутрь. Они начали собирать следующий плуг из груды деталей, которые хранились в подсобных помещениях.

— Я думал, если бы мы сумели достать шины, мы смогли бы собрать несколько больших грузовиков или автобусов. Здесь есть дюжина новехоньких фирменных двигателей «Гном-Роун» с водным охлаждением.

— Шестьсот лошадиных сил. Можно собрать и броневики, — отозвался Стукалов. — Я посмотрю, что можно раздобыть.

Все трое сосредоточенно работали, когда в отдалении послышался шум грузового автомобиля. Шум приблизился и заглох. Петр пошел было к двери, но в дверь уже

входили двое. Оба были молоды, одеты в темную форменную одежду партийных комиссаров с красными звездами на буденновках. У одного из них было круглое крестьянское лицо, другой был в очках в стальной оправе.

— Имеется бронепоезд, — бесстрастно произнес человек в очках. В руке он держал символ власти — пистолет «маузер». Петр внезапно узнал Израиля Шапиро и стал отчаянно вспоминать, какое имя он теперь носит.

— На поезде повреждена броня и нет орудий. Мне прислали какого-то типа, но он не справился. Я расстрелял его сегодня утром. Сейчас вы пойдете со мной и все сделаете.

— Конечно, комиссар, — послушно сказал Петр. — Когда начнем?

— Я опаздываю, — воскликнул Кривицкий. — Если не отправлюсь в пятницу, меня расстреляют. Вы немедленно должны начать работу. Вы сами знаете, как и что делать.

— Но мы делаем плуги! Ленин дал землю крестьянам, и им нужны плуги. Вряд ли у нас есть все необходимое...

Кривицкий поднял «маузер» и нажал на курок. Девятимиллиметровая свинцовая пуля отрекошетила от плуга и облетела ангар. Он посмотрел на Петра, и в его взгляде было безумие.

— К черту крестьян! Революции нужен бронепоезд.

Его напарник, выглядевший чуть старше своих двадцати лет, неожиданно шагнул вперед, весело улыбаясь.

— Подожди снаружи, начальник, пока мы с ребятами все соберем.

Он мягко повернул Кривицкого и направил его за дверь. Затем он вернулся, и его круглое лицо теперь не улыбалось и не казалось простодушным:

— Послушайте, когда власть велит плясать, надо плясать. Власть велит покрыть броней поезд, и вы это делаете. Теперь быстро собирайте инструменты и все, что нужно, прихватите продукты.

Они начали быстро собирать необходимое, нагружая ящики. Федин, казалось, хорошо понимал круглолицего комиссара.

— Он с Донбасса, — шепнул он Петру. — Он неплохой.

— Как его зовут?

— Никита. Младший комиссар Хрущев.

Пока они грузили ящики и мешки через задний борт грузового «рено», Петр вспомнил новое имя Израиля Шапиро.

— Комиссар Кривицкий, моя невеста должна вернуть-

ся через несколько минут. Анна Суворова. Мы можем немного подождать?

Кривицкий вглядывался через плоское переднее стекло автомобиля в будущее, которое он сам придумал. От пистолета на его коленях шел резкий запах ружейного масла и пороха и заполнял кабину. Его ноздри трепетали от этого запаха, словно от аромата цветов.

— Она сейчас придет, — с отчаянием говорил Петр. — Ты ведь помнишь Анну? Я не могу ее оставить, я должен оберегать ее. Жизнь теперь небезопасна.

Кривицкий повернул к нему пустые, ничего не выражающие глаза.

— Революция не может ждать.

Они спешно выехали со взлетной полосы на дорогу. Когда Анна Суворова вернулась в сопровождении собаки по кличке Троцкий, в ангаре никого не было, и двери были распахнуты настежь...

WIDER DAS BLUT*

Бреслау, Германия

Ты когда-нибудь бывала в тюрьме, дорогая? Маленькая пожилая женщина в мягком кресле склонила набок голову, рассматривая симпатичную молодую посетительницу. На коленях у нее лежали бумаги и авто-ручка. Рут сидела на стуле, поставив ноги на коврик, немного защищавший от холодного пола.

— Нет, только здесь, у вас... — рискнула она ответить. Странно, ожидаешь увидеть гигантов, а они кажутся обычными людьми. Ленин был маленький, почти невзрачный, пока не начинал говорить, и тогда его огромная целеустремленность, его воля передавались слушателям. Женщина в кресле была величайшим современным мыслителем-марксистом, и слава сопровождала ее имя. Она оказалась худой, выглядела старше своих лет, с белыми волосами.

— Ты ожидала увидеть меня, какой я была, — сказала Роза Люксембург, и Рут поняла, что она может читать ее мысли. — Тюрьма старит. Я подрывной элемент, так они говорят, угроза безопасности Рейха. Я социал-демократ! Поэтому я здесь. Ты никогда не окажешься в заключении, потому что приехала из замечательной страны, из России.

Она улыбнулась, и очаровательная улыбка осветила морщинистое изможденное лицо. Рут почувствовала любовь к ней.

— Хорошо, что ты захотела увидеть меня живую, добившуюся успеха революционерку. Какой комичный *change de places*** произошел в феврале прошлого года! Все мои добрые русские друзья-революционеры были там выпущены из тюрем, а здесь, в этом забытом временем месте, меня посадили!

Она взглянула на букет цветов в вазе и наклонилась к ним.

* Wider das Blut (нем.) — против крови.

** Change de places (франц.) — перемена мест.

— Я нахожусь, как они говорят, в предварительном заключении. На самом деле оно направлено на уничтожение моего психического сопротивления. Тебе это не обязательно знать, моя дорогая, ты никогда не попадешь в тюрьму, но ты тоже должна уметь бороться.

Темные, умные птичьи глаза наблюдали за Рут.

— Сохраняй бдительность, когда они будут нападать. Особенно остерегайся, когда кончается срок приговора. Чтобы тебя сокрушить, они продлят его в самый последний момент, когда ты обдумываешь в деталях, что будешь делать после освобождения. Будь готова к этому удару, не расслабляйся!

Она весело рассмеялась.

— Ну, я опять начала! Рассказываю о том, что тебе не придется узнать. Лучше побеседуем о революции. Мне говорили, что ты была там, в Зимнем дворце.

— Да, — с готовностью подтвердила Рут. — Мы штурмовали его, это был последний оплот, который пал.

— Значит, штурм был яростным?

Рут колебалась. Она не могла солгать, разразиться детским хвастовством. Не перед этой женщиной.

— Пожалуй, в действительности нет, — ответила она и улыбнулась застенчиво. — Каждый ожидает, что ты скажешь: «Это была великая битва», но, когда мы достигли баррикад, оказалось, что там никого не было. Самым трудным было найти вход! Это очень большое здание.

— Я очень рада. Революция не должна влечь за собой кровопролития. Если старый порядок прогнил, он должен просто упасть, как гнилой ствол, освободив место под солнцем и пространство для пробивающейся новой поросли.

Рут махнула рукой, показывая на мир снаружи.

— Мы готовы! Старый порядок здесь тоже умирает, война проиграна. Вот почему Интернационал послал меня, чтобы принять участие.

Она была достаточно осторожна, чтобы не употребить слово «коммунистический», потому что знала, что Роза настаивала на термине «социал-демократический». Это был старый спор, спор с Лениным, который уходил корнями почти к началу века, спор об определении революции и о диктатуре пролетариата.

— Что же происходит? — заинтересованно спросила Люксембург.

— Немецкое летнее наступление провалилось. Войска отступают. Верховное командование высказалось за окончание войны.

— А кого они обвиняют? Юнкеров* в форме, которые все это начали? — спросила она проницательно. — Кого они обвиняют?

— Разговор идет о... Dolchstoss**.

— Удар в спину, — быстро сказала Люксембург. — А у кого кинжал?

— У социалистов, коммунистов, либералов, пацифистов...

— Еще у кого?

— У евреев, — смущенно произнесла Рут.

Люксембург пожала плечами.

— Ты и я, мы обе еврейки, но знаем, что это ерунда. Очень много людей разглагольствуют на идише и требуют внимания к особым страданиям евреев! А как быть с неграми, страдающими в колониальной Африке? Еврейские погромы уже в прошлом, Россия это показала. Теперь здесь нет антисемитизма, нет теперь людей, раздувающих его.

— Ленин называет его социализмом дураков.

Люксембург улыбнулась.

— Владимир Ильич умеет использовать слова. И он прав. Буржуазия в ответе за болезни мира. Если еврей принадлежит к этому классу, тогда его следует обвинить, но только поэтому, а не потому, что он еврей. Однако юнкерам эта идея понравится. Феномен козла отпущения, такой типичный для современной цивилизации. Итальянцы в Западной Европе, евреи в Восточной.

— В Берлине свободно продают книгу, она называется... «Die Sunde wider das Blut***», — осторожно сказала Рут.

— И в чем же это прегрешение против крови, — спросила Люксембург, — о чем это?

— Это ужасная книга! О богатых еврейх и арийской женщине. Они... делают, что хотят. С ней.

Рут вспыхнула и подосадовала на себя.

— Но немцы верят таким книгам, — сказала Люксембург, — не рабочие, а все другие. Они такие отсталые. Им надо учиться у русских.

— Немцы научатся. Очень скоро.

— Они научатся, — согласилась Люксембург. Она смотрела на пылавшие щеки девушки с нежной насмешливостью. — Ну, а как у тебя дела, моя дорогая? Наверняка у такой прелестной девушки есть ухажеры?

Щеки Рут моментально приобрели свой обычный цвет.

— О, у меня нет времени на такие вещи. Я революционерка.

* Имеется в виду юнкер — крупный землевладелец в Германии.

** Dolchstoss (нем.) — удар кинжалом.

*** Die Sunde wider das Blut (нем.) — прегрешение против крови.

— Разве любовь и революция не идут рука об руку? — рассмеялась Люксембург. — Когда мне не было одиннадцати, Софья Перовская и Александр Желябов, оставшиеся любовниками до смерти, были повешены рядом за покушение на царя. Два года спустя Александра Жентис и ее возлюбленный Людовик Варыньский, основатели первой польской рабочей партии «Пролетариат», были заточены вместе в ужасный десятый барак в Варшавской крепости. Я была тогда в городе, и само их присутствие было постоянным источником возбуждения... И мы с Жогичем... мы вместе боролись и любили все эти годы. А теперь Польша и я...

Она посмотрела на Рут, и в ее глазах мелькнули огоньки.

— Видишь, мы, революционеры, никогда не стареем. Любовь всегда живет!

— Что ж, я уверена, что встречу ее, — неуверенно сказала Рут. — Когда не буду так сильно занята.

— А как насчет товарища Савинкова, с которым вы приехали вместе? — лукаво спросила пожилая.

— О, нет! — ответила молодая. — Я уважаю его, конечно. Он старше, более опытен. Он... мой наставник.

— Жогич тоже думал, что был моим наставником. Мужчины любят думать, что они ответственные, моя дорогая, а нам ничего не стоит поддерживать в них эту веру.

Они понимающе улыбнулись друг другу, эти две женщины.

— Безобидный обман, — прошептала Люксембург, и обе рассмеялись. — Я рада, что революция была почти бескровной, — просто произнесла она. — Буржуазия сдалась без сопротивления.

— Ну, есть некоторые... — стесненно сказала Рут. — Не все сдались сразу. А теперь вот белые.

— А полиция, тайная полиция? — тихо спросила Люксембург.

— Чека... да. Против контрреволюции.

— Конечно.

Сзади Рут открылась дверь подвала, и тюремщица просунула голову.

— Герр Савинков здесь, — сообщила она.

— А-а. Рут, моя дорогая, мне надо с ним немного поговорить. Я попрошу Анну приготовить тебе кофе. Репа дала ему свой цвет, и я не поручусь за вкус, но по крайней мере он горячий. Зерна кофе довольно-таки редки в настоящее время. Что я еще хотела тебе сказать? О, да, мыло. Если ты в тюрьме, но можешь поддерживать

чистоту и даже приятный запах, то это очень помогает укреплению духа. Но я опять о своем. Душистое мыло — замечательная вещь в любое время. Послушай, Рут. Я скоро освобожусь и поеду в Берлин. Я приехала туда двадцать лет назад, чтобы изменить мир. Тогда я приближала историю, а теперь пришло время. Ты поедешь со мной?

— О, да!

— Мы будем как мать и дочь, — пообещала Рут, и у Рут на глаза навернулись слезы. Она наклонилась и поцеловала свой идол, а затем выбежала из подвала, едва не столкнувшись с входящим Савинковым. Тюремщица выглянула в коридор из тюремной столовой и улыбнулась, глядя на нее.

— Вы желали кофе, — сказала она. — Репа дает ему свой цвет и...

— Также свой вкус! — перебила ее Рут. — Я знаю.

Роза услышала ее смех и коротко улыбнулась. Улыбка исчезла, как только Савинков устроился на стуле, на котором только что сидела Рут.

— Вернемся к Ленину, — холодно сказала она. — Нам не нужны никакие комиссары от большевиков. Мы здесь задумали нашу революцию. Пусть большевики приберегут свою тактику для себя.

— Я приехал не от Ленина, — запротестовал Савинков. — Я от Интернационала. Неужели вам не приятно увидеть рабочего парня?

— Только дети думают, что марионетки двигаются по собственной воле, — едко заметила Роза. — Я так не думаю. Но скажи мне, рабочий парень, чего ты хочешь?

— Предложить помощь, какую могу, очевидно. Что бы вы ни говорили, все же Р^оссия единственная страна, где рабочие сбросили свои цепи. Вы не можете запретить нам помогать. Давайте не будем сразу спорить. Что вы думаете о моем прекрасном товарище, о Рут? Знаете, вы — ее героиня.

— Она замечательная девушка. Свежая и неиспорченная.

— То есть наивная. Почему вы говорили ей о мыле?

— Совет, — спокойно ответила Люксембург, — как выжить в тюрьме.

— В тюрьме? Зачем ей идти в тюрьму? Вы имеете в виду, если немцы схватят ее.

— Нет, если ее схватят большевики.

— Она сама большевичка.

— Точно. А разве революция не пожирала своих детей?

— Мы перешли к террору, — кротко заметил Савинков. — Я не для такого разговора пришел.

— Именно об этом следует говорить. Ну хорошо, о чем ты хочешь говорить?

— Нас волнуют ваши статьи. В «Письмах Спартака», вы критикуете нас.

— Я критикую теперешнее российское руководство. Русским народом, с его неукротимым духом и преданностью социалистическим идеям, я восхищаюсь, и я это ясно даю понять.

Он потряс головой.

— Но русская революция стоит перед лицом страшной угрозы, у нее опасные враги. Открыто критиковать в печати Советскую Россию — значит, усиливать ее врагов, присоединяться к ним.

Он полез в свой кожаный портфель и вынул тонкий томик.

— Издано в прошлом месяце, — сказал он. — Как называется? «Русская трагедия». Когда вы пишете такие вещи, вы просто поддерживаете силы реакции. Измена царю — не преступление. Измена партии — вот преступление. Говорят, вы написали еще одну статью.

— Да.

— В ней вы анализируете Октябрьскую революцию, как я понял. Можете ли вы сказать, к какому заключению вы пришли?

— Да, могу, — спокойно ответила она. — Я — марксист. Маркс развил теорию человеческого общества, которая верна для всех стран и всех времен. Он открыл объективные законы, которые управляют развитием человеческого общества во все эпохи, от самых примитивных общественных формаций до наиболее развитых. Его работа научна. Мой анализ тоже научен, поскольку я следую методу Маркса. Итак, — продолжала она, — какое место занимает Октябрьская революция в движении истории к более развитому, более демократическому обществу, постулированному Марксом? Во-первых, позвольте сказать, революция явилась самым значительным результатом мировой войны, ведущей к будущему свержению капитализма во всех развитых странах мира. Более того, партия Ленина, большевики, были единственной партией в России, которая осознала истинные интересы революции в этот первый период. Однако я полагаю, что методы, которые применяют Ленин и Троцкий и которые привели к полному уничтожению демократии, приведут к полной катастрофе.

Давайте рассмотрим, что они сделали, Савинков, и

что они собираются сделать. Вместе с изгнанием помещиков и изъятием их земель создается сильный слой новых собственников, которые станут потенциальными противниками революции.

— Крестьяне — это проблема, которую надо будет решать после победы в гражданской войне, — небрежно сказал Савинков.

— Каким образом? — тут же отреагировала она. — Учитывая законы истории или насильственными методами Ленина — жестокостью и террором?

— Террор применяется только к врагам пролетариата, к буржуазии. Как вы можете думать, что коммунисты применят его к своим? Это поставило бы марксизм на голову.

Казалось, она хотела поверить, но ее лицо выражало тяжелое сомнение.

— Вернемся к реальности. Разгон Лениным Учредительного Собрания лишил массы их самого основного демократического института. Отмена всеобщего избирательного права и разрушение наиболее важных демократических гарантий — свободы прессы и права на объединения и собрания, — стали тормозом для развития здоровой общественной жизни.

Социализм по самой своей природе не может быть введен по приказу... Ленин избрал совершенно ошибочные методы: декретирование, диктаторская власть заводских надсмотрщиков, драконовские меры наказания, террор... Ставка на страх. Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы прессы и собраний, без свободного обмена мнениями жизнь угаснет во всех общественных институтах, и только бюрократия останется активной... Постепенно общественная жизнь уснет, и страной будут управлять лишь несколько десятков партийных лидеров. В действительности власть сосредоточится в руках дюжины выдающихся умов, в то время как элиту рабочего класса будут то тут, то там приглашать на митинги, чтобы аплодировать речам лидеров и одобрять единодушно принимаемые резолюции. На деле это клика, более определено — диктатура. Это не диктатура пролетариата, однако, а диктатура горстки политиканов.

Ее рука сжала бумаги, лежавшие на коленях, и они хрустнули, авторучка скользнула на коврик. Савинков нагнулся и поднял ее.

— Я понял ваши опасения, — сказал он решительно. — Но и вы должны понять, почему мы настаиваем, чтобы вы не публиковали вашу новую статью. Революция борется за жизнь. В такое время, когда рево-

люция имеет беспощадных врагов, критиковать первую в мире пролетарскую демократию, какого бы вида она ни была, значит быть на стороне ее врагов. Когда решительная битва будет выиграна, все ваши тревоги покажутся ничтожными.

— Это единственная причина, по которой ты пришел? — спросила она. — Уговорить меня отказаться от публичной критики? Или ты принес еще какие-то сообщения от своего хозяина?

— Революция придет сюда. Очень скоро. Вы не сможете отстранить нас от нее. Оттолкнуть нас — значит стать врагом Революции. Вы должны позволить нам принять участие...

— Скажи это социал-революционерам, социал-демократам. Где они? Где те, кого избрали в Учредительное Собрание? В тюрьмах или Ленин их уничтожил?

Савинков встал и остановился у двери.

— Солидарность, Роза, — тихо произнес он. — Мы должны поддерживать солидарность.

5

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Пермь

Бронепоезд был в четверть километра длиной. На нем, помимо орудий, находились печатный станок, библиотека, пошивочная мастерская, кухня, арсенал и четыре сотни солдат. Его топка съедала ежедневно несколько толстых деревьев. Его изготовили в 1903 году, в 1918-м. его защитили новой толстой броней. Он катил от Уральских гор к притаившемуся городу, тихо, насколько это было возможно для такого монстра.

Михаил смотрел на приближавшийся город. Деревья все еще сохраняли осеннюю листву.

Паровоз прогремывал прямо, миновав запасную ветку, рядом с которой валялся мертвый локомотив. Ржавые трубы торчали из него, многие части были давно растащены для ремонта других паровозов. Заводы, изготавливавшие запасные части, больше не работали. Запасной путь представлял собой настоящее кладбище старорежимной железной дороги. Красновато-коричневые листья лежали вдоль ржавых рельсов.

Только на том пути, где они находились, были следы ремонта, ставшие явными, когда солнечный свет упал на рельсы. Впереди Михаил видел два бронированных вагона с вытарашенными круглыми отверстиями, похожими на какие-то гнойники. Из каждого торчал ствол военного полевого орудия.

Управлял локомотивом техник Петр Садовский. Два кочегара поддерживали огонь в топке. Со своего места Михаил мог сообщаться с машинистом и пулеметчиками посредством переговорных устройств, проложенных по полу.

Они миновали последний поворот. Перед ними лежал город. Михаил сунул свою буденновку с красной звездой в карман и надел старую форменную гвардейскую шапку, сверкающую золотым и красным цветом, когда-то изготовленную на заказ в мастерской на Невском проспекте. Кривицкий неодобрительно скривил рот.

— Это на счастье, комиссар, — буркнул Михаил. — Даже революционерам нужна удача.

— Нет, — возразил Кривицкий. — Им нужна только вера.

Лазутчик сказал правду: на станции стоял поезд белых, и дым, поднимавшийся из трубы, показывал, что пары разведены. На просторах России бронепоезд обладал силой армии, но методы ведения боевых действий были позаимствованы у морских броненосцев. Подобно линейному кораблю или крейсеру, бронепоезд был способен покорить город, как те брали морской порт.

Михаил открыл слуховую трубку. Орудийные дула впереди поворачивались по мере того, как пулеметчики наводили свои орудия.

— Остановить поезд! — скомандовал он, и тормоза закрипели, когда Садовский завращал колесо тормоза. Вращение рукояток внутри ружейных башен прекратилось, и стволы замерли. Затычки свисали на шнурах.

— Огонь! — скомандовал Михаил. — Огонь!

Раздался залп шести орудий. Когда дым рассеялся на ветру, они увидели запылавший в городе огонь, там, где упали снаряды.

Башни эхом отозвались на лязг и грохот извергнутых гильз. Михаил и Кривицкий рассматривали город в бинокли.

— Вон они идут, — пробормотал Михаил. — Как муравейник.

Он склонился к трубкам.

— Еще раз в тыл, — приказал он, и орудия на поезде опять пришли в движение.

— Огонь!

На станции люди продолжали бежать к поезду. Когда полетели снаряды, они удвоили свои усилия. Дым поднимался из высокой дымовой трубы, полевые орудия стреляли. Снаряд просвистел над их головами, и поезд белых двинулся от станции, чтобы вступить в битву.

— Назад!

Машинист ждал этого приказа. Колеса резко дернулись назад, и поезд начал двигаться обратно, в гору. Они скрылись за поворотом. Снаряды разрывались среди деревьев. Земля и ветки осыпали поезд. Михаил высунулся с боковой стороны своего капитанского мостика. Фигура в военной форме стояла рядом с оттянутой до отказа путевой стрелкой. Это была Елена. Когда бронепоезд сворачивал на запасную ветку, Михаил взглянул вниз, а она вверх. Они улыбнулись друг другу.

Поезд остановился среди ржавеющих локомотивов,

один из многих. Повернувшись назад, Михаил увидел, что Елена бежит вдоль пути. Там был еще один стрелочный механизм. Когда подъехал поезд белых, она припала к земле и подняла стрелку. С грохотом и треском на полной скорости поезд форсировал вершину. Михаил двинулся вперед, когда его противник вынужден был подставить весь свой бок.

Елена бежала, пригнувшись.

— Это называется нарисовать «Т», комиссар, — довольным голосом произнес Михаил и отдал команду: — Приготовиться!

Елена споткнулась и упала.

— Так делал Нельсон. Знаешь, британский адмирал, — спокойно сказал Михаил.

— Огонь! — закричал Кривицкий.

Она отползала с линии огня. Кривицкий ткнул стволом пистолета в шею Михаила.

— Открыть огонь! — закричал он.

Елена оказалась в какой-то яме, как кролик в норке.

— Прицелься и открой огонь! — приказал Михаил.

Орудия выстрелили как один, и поезд белых переломился в местах соединений и сошел с рельсов. Огромное облако дыма моментально скрыло крушение из виду. Потом, когда звук взрыва достиг их, они смогли увидеть упавшие вагоны среди деревьев. Солдаты, укрывшись за путями, открыли огонь, в то время как другие, неистово махая белыми тряпками и платками, вылезали из-под обломков. Огонь прекратился, и люди, спотыкаясь и хромая, с поднятыми вверх руками стали выбирать из разрушенных вагонов. За их спинами, между деревьев, поднимался дым от рассыпавшегося угля. Елена вылезла из канавы и вновь установила стрелки.

— Еще один такой фокус, и я пристрелю тебя, — мрачно сказал Кривицкий Михаилу.

— Но что же ты будешь делать без меня, комиссар? — презрительно растягивая слова, проговорил Михаил, — Ленин и Троцкий понимают, что не могут победить без таких, как я. Это гражданская война. Ты должен быть со мной обходительным. Вот еще один город, побежденный славной пролетарской Красной Армией.

Кривицкий сердито буркнул что-то, а помощник Садовского Борис Федин одобрительно усмехнулся. Михаил повернулся к нему.

— Я знаю, знаю, — сказал он. — В славной новой эпохе крестьян не будут расстреливать. Я знаю.

К ним подходила Елена, она не была вооружена. Она

вела белых солдат, сдавшихся в плен. Те несли целую коллекцию оружия: наганы, ли-энфилды*, браунинги и кольты.

— Да здравствует железнодорожный король! — крикнула она, и все засмеялись. Михаил снял свою гвардейскую шапку и помахал ей, улыбаясь. Кривицкий спустился с поезда и пошел к Елене.

— Я отправляюсь в город устанавливать власть.

Он метнул взгляд на белых. Их было около шестидесяти, ошеломленных людей. Здоровые поддерживали раненых.

— Обычные условия, — распорядился Кривицкий. — Те, кто захотят перейти на нашу сторону, могут присоединиться. Ты отвечаешь. Остальных расстрелять.

Она невозмутимо посмотрела на него.

— Уже сделано, — спокойно сказала она. — Они все теперь за большевиков.

— Совсем как ты, — едко заметил он.

— Совсем как я.

Она приводила его в ярость. Всегда. В школе он тайно мечтал о ней, потому что такие, как она, были не для таких, как он. И здесь, на войне, она оставалась невозмутимо спокойной. Он чувствовал, что она по-прежнему относится к нему как к еврейчику Израилю Шапиро, и это вызывало в нем бессильную ярость. Желание изуродовать, сломить ее, переполняло его.

— Тогда расстреляй каждого десятого! — рявкнул он. — Сама. Разбей на десятки. Отбери их сама. Сама.

— Это бесполезный раезд войск, — возразила она.

— Приказ Троцкого, — торжествующе парировал он. — Те, кто останутся в живых, будут знать, что должны бороться до смерти.

Она повернулась.

— Лев, Алексей, Паша, постройте их в линию.

Пока остальные солдаты забирались на поезд, трое молодых людей выстроили белых в ряд. Кривицкий поднялся на капитанский мостик. Сквозь деревья засвистел свисток, и поезд двинулся с холма к городу, неся ему нового владыку. Он оглянулся назад и увидел, как Елена шла вдоль ряда, указывая на каждого десятого человека. Он почувствовал злобное удовлетворение от сознания того, что она стала такой же, как он.

Шестеро молодых людей стояли перед строем. В другое время они могли прийти к ней в дом на чашку чая, купить для нее в цветочной лавке букетики фиалок, их имена ее рука вписала бы в изящные приглашения на бал.

* Револьвер английского производства.

— Свяжите им руки, — приказала она, и Паша прошелся сзади, крепко связав веревкой запястья каждого.

— Я отведу их подальше, — сказала она. — Трупы будут вонять, а нам еще придется вернуться на эту ветку. Отведите остальных в город, выдайте форму, обработайте их раны.

— Тебе не нужна помощь? — спросил Алексей.

— Комиссар приказал мне сделать это лично. Поэтому я все сделаю сама, — твердо ответила она.

Алексей вырос в имении, хозяйка которого говорила с той же интонацией, что и Елена. Он повиновался.

— Идите! — приказала она шестерым. — Вперед.

Колонна, волоча ноги, двинулась вдоль линии, и Елена шла рядом, указывая на место крушения:

— Туда!

Сворачивая за поворот, Алексей видел, что шестеро белых стояли в ряд на коленях, а Елена была сзади, за их спинами с маузером в руках.

Внезапно первый из них почувствовал прикосновение чего-то холодного к запястьям, а потом веревки ослабли и упали.

— Идите к месту крушения, — приказал твердый голос над его ухом. — Принесите шесть трупов ваших товарищей и положите их в ряд.

Парень, не веря своим ушам, поспешил к покареженным вагонам. Вскоре он появился, волоча тело.

— Вставайте, — говорила Елена, быстро идя вдоль ряда и разрезая веревки.

— Несите трупы, — приказала она, — и связывайте им руки.

Тела мертвецов со связанными руками лежали в ряд.

— Спасибо, — только и могли сказать они, сгрудясь вокруг и смотря на нее как на внезапно слетевшего ангела.

— Вам лучше поскорее исчезнуть, — сказала она. — Когда все это закончится, вы поднесете мне цветы и пригласите на мазурку.

Они исчезли за деревьями, уходя прочь от города, собрав в подбитом бронепоезде какое-то оружие и припасы. Елена смотрела, как они уходят, стоя у ряда трупов и держа в руке маузер.

Когда Кривицкий сходил с поезда на станции, он услышал вдали шесть размеренных выстрелов из-за холма и удовлетворенно засмеялся...

Уже стемнело, когда усталая Елена вошла в город. Бронепоезд стоял на станции. Петр Садовский возился с какими-то металлическими деталями. Клубы пара вились

вокруг него. Он смотрел на Елену, подходившую к нему вдоль пути.

— Я знал одного из тех людей, — тихо сказал он. — Его звали Николаем. Николай Федорович. Его отец купил один из папиных аэропланов. Мы часто играли вместе.

— Где Кривицкий? — спросила она, подходя к нему почти вплотную.

— Паршивец ушел в город.

— Ты еще встретишь своего друга Николая Федоровича. Я расстреляла шесть трупов, — тихо и торжественно произнесла она, и лицо его просияло.

— Где Михаил? — спросила она.

— В городе. Он ушел с Кривицким. У них опять была ссора, Елена.

Она нахмурилась и поспешила в город. Она нашла их в главном здании, где раньше помещалась Дума. Это здание, выкрашенное в желтый цвет, находилось в самом центре, на площади. Михаил раздобыл бутылку вина и потягивал его из хрустального стакана, положив лакированные, сшитые на заказ сапоги на стол, чтобы досадить Кривицкому. Она испуганно остановилась в дверях.

Михаил говорил с намеренной надменностью аристократа, ставящего на место зарвавшегося плебея:

— И тогда ты перестанешь бороться со мной, комиссар, и, может быть, начнешь строить свой новый мир.

Елена была обеспокоена. По всем признакам, это шел второй раунд спора, начавшегося раньше. Вдоль стен стояли солдаты, прислушиваясь к спору, а чекисты Кривицкого сгрудились за ним в своих черных куртках, держа наготове маузеры. Заместитель комиссара круглолицый Хрущев тоже был здесь.

— Ты будешь подчиняться моим приказам, — холодно отвечал Кривицкий. — Руководит партия.

— Партия, пожалуй, заставит стрелять наши задницы, — презрительно усмехнулся Михаил. Солдаты загоготали. Между указательным и большим пальцем Михаил держал свой Крест Святого Георгия.

— Я награжден Крестом Святого Георгия, комиссар. Держись возле меня и уцелеешь.

— Это царский орден, — угрожающе произнес Кривицкий. — Убери его.

Михаил посмотрел на крест.

— Я горжусь этой наградой, — сказал он. — Царь ценил солдатскую храбрость не меньше, чем Ленин. Я бы сказал, даже выше. Царь не раз лично побывал на фронте. А сейчас, видишь ли, твои люди, ты и твой Троцкий, вы

не лезете на передовую, а держитесь сзади, науськивая из-за угла более храбрых.

Глаза Кривицкого из-под очков сверкнули яростью.

— Я и Троицкий? Почему ты не говоришь прямо? Евреи. Жиды, это ты хотел сказать?

— Мне безразлично, будь вы хоть армянскими неграми, — равнодушно ответил Михаил. — Я просто не желаю, чтобы вы с вашими партийными взглядами на то, как надо вести бой, всех нас убили.

Кривицкий рванулся вперед и ударил его по лицу. Михаил упал, но сразу же вскочил, сбив своего оппонента на пол одним ударом ноги. Чекисты подошли, глядя, как Кривицкий, поднимается, вытирая кровь, хлынувшую из носа.

— Взять его! — закричал он. Михаила схватили и связали ему руки.

— Тебя расстреляют утром, — свирепо сказал Кривицкий. Елена открыла было рот, чтобы запротестовать, но поняла, что любые слова только распалят его неистовство, и промолчала.

— Партия священна, — негромко заявил Кривицкий в притихшей комнате. Он вытер след сапога Михаила со своей куртки.

— Те, кто причиняет ей вред, должны отвечать по всей строгости.

Он взял винтовки у двух солдат и передал их паре чекистов.

— Уничтожьте его, — приказал он.

Борис Федин, стоявший рядом с Хрущевым, шагнул вперед.

— Послушай, начальник, разве он нам больше уже не нужен? Он-то знает, как вести бой.

Сверкнув глазами из-за очков, Кривицкий взял у чекиста одну из винтовок и ткнул ею в Федина.

— Ты уничтожишь его, — прошептал он с мертвенно-бледным лицом. Федин колебался, и Хрущев подтолкнул его.

— Выполняй!

* * *

Елена отыскала Петра Садовского в кабине локомотива лежащим в спальном мешке, который он соорудил из нескольких шинелей, сшив их вместе. Он лежал рядом с большим еще теплым котлом и жевал хлеб с сыром, когда она, взобравшись наверх, появилась из темноты. В кабине пахло козым сыром и углями.

— Локомотив может ехать? — спросила она, не тратя времени на объяснения.

— Какой-то солдат сказал, что Кривицкий намерен расстрелять утром Михаила, — сказал он, посмотрев наверх на металлическую крышу.

— Он может ехать? — повторила она.

— Если я прибавлю топлива.

— Тогда прибавь. И отцепи вагоны.

Петр вылез из своего мешка.

— Мне никогда не нравился этот недоделок Кривицкий, — сказал он. — Еще в школе.

Она встряхнула лежавший в углу мешок.

— Это продукты, — сказала она.

Она торопливо сквозь темноту пошла назад, в город. В Думе горел свет, и она заглянула в окно. Одиноким охранник дремал за письменным столом. Она проскользнула внутрь, и когда он поднял на нее сонные глаза, в его лицо глядел револьвер.

— Где Михаил? — сказала она четко и спокойно.

Под дулом револьвера он направился к кабинету. В свете, проникавшем через дверь, она увидела Михаила, привязанного за руки к радиатору. Его одежда была измазана кровью и разорвана, пот струился по лицу. Он был в полубессознательном состоянии.

— Развяжи его, — приказала она.

Она заткнула кляпом рот охраннику и привязала его к радиатору, потом потащила Михаила наружу, обхватив его под руки. Он оказался тяжелым, и, когда они ударились о ступеньки, он вскрикнул от боли.

— Кто там?

Спичка чиркнула о сапог, и девушка увидела, что на нее смотрит Акулов.

— Что вы делаете, госпожа? — спросил он.

— Я должна дотащить его до станции, — обреченно ответила она. — Иначе Кривицкий расстреляет его утром.

Спичка погасла. Она почувствовала, как его огромные руки приняли у нее Михаила.

— Его благородие слишком хороший солдат, чтобы быть расстрелянным, как собака, — сказал он.

Садовский уже ждал в кабине. Акулов втащил Михаила и огляделся.

— Пары разведены? Тогда доставь его в Сегежа, — сказал Акулов. — Там вы будете в безопасности. Вели машинисту, чтобы пригнал поезд обратно.

— Я приведу поезд, — произнес Петр. — Кривицкий

не расстреляет меня, потому что, кроме меня, никто не умеет водить поезд.

Акулов скрылся в темноте. Садовский повернул блестящее колесо, пар хлынул по трубам, и поезд двинулся.

Берлин, ноябрь 1918

Рут опустила на переднее сиденье с отсутствующим видом, не замечая дыма и копоти древесного угля, исходящего из тарахтящего «опеля». Бензин стал забытым удобством, как кофе, сигареты и пиво. Савинков перед отъездом много хлопотал для приобретения продуктов, используя свой партийный билет, номер которого свидетельствовал, что его владелец — большевик со стажем. Теперь он сидел на заднем сиденье и жевал консервированную грудку цыпленка, запивая ее бутылкой настоящего пива.

— Не понимаю, как ты можешь жрать в такое время, — сказала Рут, и ее розовые губки неодобрительно поджалась.

— Мудрый революционер ест, когда может, — сказал он. — Никогда не знаешь, когда сможешь поесть в следующий раз. Следи за Манфредом.

— Вздор! Революция уже здесь, Сергей. Всего через день или два улицы будут переполнены едой и питьем, доступными для всех. Только оглянись вокруг!

Такси прокладывало путь по широкой Шоссештрассе, забитой буйными, возбужденными толпами. На домах развевались красные флаги, трепеща на ветру. Рут в восторге подпрыгнула на сиденье, и Савинков откинулся назад, с нескрываемым удовольствием глядя на ее грудь.

— Это происходит совсем так, как в России. — Счастье переполняло ее. — Точно так же. Император бежал, совсем как наш. Больше нет Вильгельма II, больше нет царя Николая. Матросы восстали против своих хозяев. У нас — Кронштадт, у немцев — Киль. Демократические движения рабочих появились везде. Советы у нас, республики у них. Матросы захватили Рейхстаг, совсем как Павел и его товарищи взяли Зимний. Происходит революция, Сергей. Вначале Россия, теперь Германия. Потом весь мир! О, я надеюсь, что поезда едут достаточно быстро, чтобы не отстать от событий.

Ее маленькие ручки в восторге отбивали вечернюю зорю на коленках. Лицо мило пылало, а глаза сверкали. Не впервые Савинков удивлялся тому, что она выглядела так, как будто была совсем без одежды.

— Не могло быть лучшего времени, чтобы родиться, — согласился он.

— Подумать только, законы Маркса будто закованы в броню! — сказала Рут. — Когда история требует чтобы старый порядок рухнул, освободив место новому, это происходит точно таким образом, как он предопределил. Научно.

Молодежь может быть чрезвычайно напыщенной, подумал Савинков.

— Почему мы имеем дело с Манфредом Лиссом? — вдруг недовольно спросила она. — Революция чиста. Такие, как он, просто пятнают дело.

Савинков засмеялся.

— Потому, что он педераст? Но он немец, он знает свое дело здесь. И позволь тебе напомнить, что, если дойдет дело до рукопашной, тебе понадобится каждый, кого только можно привлечь.

— Не будет никакой борьбы. Не будь глупцом.

— Он здесь, мы там, — сказал он и открыл дверь.

Такси остановилось возле узкого переулочка, выходящего на широкую улицу. На углу стоял Манфред Лисс и махал им. Он сменил свой солдатский мундир на длинное черное кожаное пальто, полы которого открывали сапоги до колен и черные бриджи. Копна вьющихся волос была стиснута остроконечной кожаной кепкой. Савинков заплатил водителю. Рут, проигнорировав Лисса, рассматривала большую афишу, изображавшую череп с окровавленным ножом между зубами и виселицу на заднем плане.

«Опасность большевизма!» — завывал заголовок. «Женщины Германии! Знаете ли вы, чем угрожает большевизм и спартакизм? Женщины станут собственностью народа. Каждый мужчина, который пожелает воспользоваться общей собственностью, должен будет получить разрешение от рабочего комитета...»

Она была подписана Союзом борьбы с большевизмом...

— Какая гадость, — обратилась Рут к Савинкову. — Неужели люди могут такому верить? Скоро мы эту мерзость уберем со стен.

Лисс взял ее за локоть и увлек в переулок. Прохожие останавливались поглазеть на возмущенную молодую иностранку.

— Не так громко, — пробормотал он.

— Что ты имеешь в виду? Сейчас власть рабочих.

— Juden*, — насмешливо сказал чей-то голос, и кто-

* Juden (нем.) — еврейка.

то громко сплюнул. Лисс и Савинков увели ее в глубь переулка. Написанная от руки табличка на двери удостоверяла, что здесь находится редакция «Красного Знамени».

— Эй, подожди, Манфред, — окликнул его Савинков. — Послушай, Рут, мы пойдем узнаем, что тут происходит. Я заеду за тобой позднее.

Она прошла в двери и поднялась по пыльным, сносившимся деревянным ступенькам. В маленькой комнатке маленькая фигурка склонилась над столом с авторучкой в руке. Она повернулась, услышав легкие, быстрые шаги. Роза просияла от радости, узнав ее.

— Рут, — вскрикнула она и пошла, прихрамывая, по голым доскам пола, чтобы обнять ее.

— Я приехала помочь, — просто сказала Рут.

— О, это чудесно! Ты успела как раз вовремя, позже мы все будем очень заняты.

Она схватила несколько страничек со стола. Красный отблеск упал на ее лицо.

— Мы совершили это, — гордо сказала она. — Единственная социалистическая газета в Берлине. Достать печатный станок было нелегко. Мне бы нужно было быть с дюжиной рук. Я уж начала думать, что единственный красный флаг, который мне удастся получить, это тот, который будет развеваться над моей могилой. Но в конце концов мы его раздобыли. Большую часть времени я провожу здесь, только ухожу спать на несколько часов в какой-нибудь отель, куда меня могут пустить на ночь. Я чувствую себя, как израильяне Моисея, путешествовавшие по пустыне!

— Сам Ленин вынужден был скрываться то тут, то там, пока не пришла революция, — успокаивая ее, сказала Рут. — Он даже сбрил бороду.

— Возможно, он заключил пари, — живо отреагировала Роза, взглянув снизу вверх на более высокую, чем она, молодую женщину.

— Ты будешь писать? — спросила она. — Мне нужен хороший писатель-марксист. Я просила Франца Меринга о критических комментариях, он ветеран социалистического движения, надеюсь и на Клару Цеткин. Нехватка бумаги ужасная проблема, так что мы должны писать как можно более кратко. Но писать хорошо! Жизнь и страсть! Рабочие жаждут просвещения! Когда бумаги станет больше, я хочу выпускать специальные приложения — для женщин, для солдат, для детей. Но в настоящий момент мы должны мобилизовать энергию каждого, чтобы продолжать начатую работу.

Она схватила руки Рут возле локтей и страстно сжимала их.

— О, я смотрю на тебя, и ты напоминаешь мне меня саму, когда я была молодой! Полная идеализма, любви к людям. Я увидела, как ты вошла, и поняла, что ты думаешь, будто революция уже победила. Она началась, Рут, но мы не можем еще праздновать или торжествовать. Наши достижения очень малы, и мы ведем борьбу в этой комнате, где делается единственная социалистическая газета в Берлине. Ты удивлена? Такая реакционная страна, как эта, не может превратиться в революционную республику за ночь. К тому же была война, немецкие солдаты убивали своих братьев из других стран. Ты напишешь статью? Мы должны соединить идеализм с прагматизмом. Поскольку я стара, я обеспечу прагматизм. Ты же полна идеализма, как цветок светом и ароматом. Мы объединим их в брачном союзе.

— Я бы никогда не смогла быть более идеалистичной, чем вы, Роза, — просто сказала Рут. — Дайте мне бумагу, а ручка у меня есть.

Весь день напролет она просидела в углу на стуле, жуя кончик ручки, словно школьница, иногда подзывая Розу, проверяя фразы, возникшие в ее голове, и подгоняя их друг к другу в связное целое. Посетители приходили и уходили. Клара Цеткин принесла статью. Пришел Поль Леви, и они тихо говорили у окна, поцеловавшись на прощание. Медленно ложились в ее блокнот слова, обращенные к душам немецких рабочих.

Творение революции — грандиозная задача. Ее не достигнуть несколькими декретами свыше, но только сознательными действиями рабочих. Свободная воля и духовная зрелость, а не приказы и сила, могут вызвать социальные изменения. Это был идеализм. Однако практичный. Выдвигалось требование, чтобы мировой конгресс рабочих был срочно созван в Германии — что было в этом неверного? Разве имело значение, где зажегся дух? Пролетарская Красная Гвардия и рабочая милиция, неумолимые и неподкупные, должны быть сформированы для защиты революции. Ценности династии и земельная собственность должны быть немедленно экспропрированы, чтобы положить конец голоду. Здесь она наскоро проглотила кусочек черного сухого хлеба с кофе из репы и не без юмора пожелала, чтобы конец голоду был положен пораньше. Следует провести новые выборы в местные рабочие и солдатские Советы, чтобы заменить тех, кто попал туда случайно, в первые дни, когда была неразбериха.

В сумерках в редакцию приехали Савинков с Манфредом. Они нашли усталую Рут, почти обессиленную Розу, но обе были счастливы.

— Новый выпуск можно отдавать в печать, — с гордостью сказала Роза. — Мы его подготовили.

Савинков прочитал статью Рут.

— Хорошо, — сказал он и передал ее Манфреду. — Ты нашла прекрасные слова, но уверена ли ты, что их прочтут?

— Конечно, — горячо произнесла Рут. — При капитализме человеческий труд, в действительности созидательный, становится тяжким и обременительным, ибо используется для удовлетворения искусственно вызванных нужд. Мы предлагаем социалистическое общество, в котором рабочие будут трудиться с радостью, потому что их труд восстановит свое творческое начало.

Преодолевая усталость, Роза улыбнулась, услышав огонь в голосе Рут.

— Я тоже читал Маркса, — сказал Савинков. — Но иногда мы недооцениваем значение тарелки горячего супа и кружки светлого пива для уставшего рабочего.

Манфред положил статью на стол.

— Или значение таких вещей, как собственность, национальное чувство, религия, — спокойно продолжил он.

— Капиталистические погремушки! — резко возразила Роза.

— Вы космополитка. Знаешь ли ты, — обратился он к Рут, — что такое повседневная жизнь рабочего? Ты упустила кое-какие вещи.

— Какие?

— Кого-то во всем надо обвинить. «Наших» бьют. «Наших», ты понимаешь? Немецкий народ. Каждому поколению внушают, что немецкая армия непобедима, что в новой войне люди не испытают тяготы войны — оружейный огонь, траншеи, поля сражений. Им говорили, что победа predetermined, и вдруг они оказались разбиты. Надо найти виновника.

Он посмотрел на женщин.

— Вы знаете, кто окажется виноватым?

— Я, — устало ответила Роза. — И такие, как я.

— Правильно. Большевики и евреи. Большевики, которые и есть евреи.

— Я не большевичка! Я социалистка, а не большевичка. Спартаковцы не большевики.

— Какая разница? Они все левые. И в их руководстве полно евреев. Разве Троцкий не еврей Бронштейн? Ко-

нечно, Ленин может оказаться Исахаром Зедерблюмом, также евреем.

— Но как можно так лгать? — гневно спросила Рут.

— Они борются за души людей точно так же, как и ты, — сказал Савинков. — Однако подумай. Все это не только слова. Канцлер имеет прямую телефонную связь с начальником штаба Гренером. Они сообщаются ежедневно. Они подтягивают десять дивизий.

— Керенский тоже ежедневно говорил, — нетерпеливо заметила Рут. — Много же пользы это принесло ему, великому убеждающему. Он вынужден был бежать, переодевшись женщиной. Войска не пошли за ним. Войска перешли на нашу сторону, на сторону рабочих.

— Однако неизвестно, как поведут они себя здесь. Во всяком случае, Носке не использует регулярные части. У него есть новые отряды из бывших офицеров и Frontkämpfers*. Штурмовые отряды. Добровольческие корпуса, Freikorps**. У них нет знаков различия, они сами выбирают своих офицеров. Они ненавидят левых, которые, по их мнению, стали причиной поражения, и они ненавидят евреев.

— На нашей стороне история, — решительно завершила дискуссию Роза, и Рут почувствовала облегчение. — Мы социалисты. Рут рассказывала мне, что в Зимнем дворце винтовки лежали штабелями. Когда пролетариат и солдаты объединятся, фанатизм исчезнет, как снег весной.

— Я останусь с Розой в гостинице, — сказала Рут.

— Я сказал, что ты упускаешь некоторые вещи, — произнес из угла Манфред. Он взял со стола статью Рут и снова положил ее. — Прекрасные слова. Но ты пишешь о рабочих, о международном пролетариате. Рабочие и гроша ломаного не дадут за международный пролетариат.

— Как ты можешь так говорить? — разгневанно вскричала Рут. — Ты совсем другое говорил в Петрограде.

— То было там. Это партийная линия. А это здесь. Я объясняю тебе: здешние рабочие прежде всего немцы. Мы совсем недавно вели великую войну, чтобы доказать, что немцы — великая нация. Немецкие рабочие вонзали штыки в кишки английских рабочих и получали пулю от французских рабочих. Чтобы обладать властью, нам это необходимо помнить.

* Frontkämpfers (нем.) — фронтовики.

** Freikorps (нем.) — добровольческий корпус.

Петроград

Бледная Нева покрылась голубовато-белым льдом. Этот сероватый цвет даже отдаленно не напоминал тот, что называется цветом молока. Молоко было почти невозможно достать, и, чтобы получить его, люди заранее записывались в длинные списки. Но даже и по спискам его обычно не выдавали.

Нехватка калорий способствовала странному расцвету искусств в городе. Множились литературные направления, с коммунистическими футуристами воевали пролеткультовцы, фовисты, ничевоки. На бульварах, в темных комнатах, называемых клубами и кафе, где иней сверкал на стенах, на ледяном полу фабрик, на замерзших железнодорожных платформах стояли поэты и с завыванием, в манере своего времени, декламировали стихи. А люди стояли вокруг и слушали. Это отвлекало мысли от голодных коллик.

Голод свирепствовал. Люди пытались не обращать на него внимания, цепляясь за привычки лучших времен. Те из буржуазии, кто все еще владел товарами и собственностью, переодевались к обеду и садились за столы, сервированные серебром и прекрасным фарфором. Они обнаружили, что разогретые до очень высокой температуры жидкая просяная каша или постный картофельный суп дают иллюзию мясного блюда. Университетские профессора ежедневно совершали путь из дома, с разных концов города, до факультетской столовой, принося с собой тарелки для супа и протягивая их, как нищие, тянущие руки на церковной паперти в былые времена. Один из этих ученых даже подчитал, стоя в очереди, что они тратили больше энергии на дорогу и ожидание, чем получили калорий и витаминов от выданной пищи. Тем не менее все были согласны, что слова «обед» и «победа» звучат приятно и создают впечатление нормальной жизни, и покидали столовую с вежливыми словами: «До свидания, господин профессор, надеюсь увидеть вас завтра в добром здравии».

Шли недели суровой зимы, и все больше людей умирало. Профессура не имела для продажи ничего, кроме интеллекта, а он не слишком ценился на черном рынке. У кого было кое-какое добро или сила молодости, жили несколько лучше, хотя перепады спроса и предложения породили новый математический закон, гласивший, что цены поднимаются быстрее, чем платежеспособность.

Одного только слуха о том, что туши лошадей, погибших от бескормицы, привезены в распределительные

пункты, было достаточно, чтобы возникла очередь в километр длиной к конторе, которая выдавала справки, позволявшие их зарегистрированным обладателям создавать новую очередь за подгнившей кониной. Снабжение было чрезвычайно скудным, поэтому к распределению продуктов примазались люди, похожие на редиску, красные снаружи, но белые, продажные внутри, они-то и изобретали все новые правила, чтобы, отняв время и силы у людей, можно было по закону им ничего не дать. Они цитировали Маркса и носили добротную теплую одежду, надежно защищенные от голодных людей и от стужи зимнего Петрограда.

Голодные зорко следили за теми, кто был в курсе дел, неустанно высматривая редкие поезда, которые приходили, дымя и гроыхая, с юга, везли продукты. Некоторые заметили поезд, подошедший со стороны Детского Села. На трех длинных товарных вагонах была надпись: «Свежее мясо. Направление Петроград», и к тому времени как поезд лязгнул, остановившись, на Балтийском вокзале уже собралась толпа.

Рыков заметил толпу, направляясь в Смольный. Он остановился в огромном проходе, а громко завывающий ветер заметал снег внутрь. Колеса поезда прорезали две черные линии через покрытие между платформами. Дико подпрыгивавшие, неуклюжие, оборванные люди сгрудились, атакуя двери вагонов. Раздался короткий, сразу оборвавшийся крик, когда кто-то упал под все еще движущиеся колеса. Ломы, цепи, молотки стучали по запорам. Под дикий рев двери подались.

Рыков услышал новый рев. Отчаяние читалось на лицах бредущих прочь от вагонов с обманчивой надписью сквозь падающие белые снежинки. Разочарование в бесплодных надеждах и обреченность.

Рыков подошел ближе, скрипя крепкими сапогами по снегу. Пожалуй, на их лицах должен был бы читаться ужас! Товарные вагоны были набиты мертвыми телами. Мертвецы, на которых были только шапки со звездой, объяснявшие, что это — красногвардейцы, лежали в непристойных позах, так, как их сложили в вагоны те, кто убил их в каком-нибудь сражении, и послали в центр революции, пометив «СВЕЖЕЕ МЯСО».

Рыков взглянул на часы и повернул назад. Он не хотел опаздывать. Дзержинский работал восемнадцать часов в сутки без выходных. Если человек опаздывал на собрание, это говорило о том, что его революционный жар поостыл. Рыков проворно шел в падающем снеге.

Он поспел вовремя и уже сидел на своем стуле рядом

с другими чекистами, когда Дзержинский вошел в актывый зал и поднялся на трибуну. Он стал даже более худым, чем раньше, его черты обострились от возраста и власти над жизнью и смертью других.

— Война с белыми почти выиграна, — сказал он, и все присутствующие застыли, почтительно внимая. Все привычно показывали полное доверие и вдумчивое внимание, слушая привычную утешительную информацию, которая, очевидно, доставляла удовольствие оратору. Эта способность лгать в глаза казалась им весьма важным методом воспитания.

Тем не менее все слушали внимательно, потому что рассчитывали узнать во всей этой путанице слов и некоторые действительные обстоятельства текущих событий, например, почему война еще не выиграна.

— В нашей Красной Армии мы поставили дисциплину на высокий уровень, — продолжал Дзержинский. — Дисциплина, вот что выигрывает войну. Поскольку мы теперь обратились к переделке общества, мы, Чека, должны стать орудием для создания во всем обществе такой же дисциплины, какую мы установили в Красной Армии. Партия разрабатывает единый экономический план. В-первых и прежде всего, необходимо наладить транспортировку, разгрузку и хранение насущного запаса зерна, топлива, сырья. Экономическая реконструкция России будет двигаться твердыми и последовательными шагами: производство оборудования для путей сообщения и добычи топлива, сырья, а также сельского хозяйства; интенсификация развития машиностроения для производства товаров народного потребления; интенсификация производства товаров народного потребления. Должны быть построены современные школы, больницы и жилые дома. Реализация этого плана будет возможна не посредством отдельного, одноразового усилия передовых элементов рабочего класса, а посредством упорного, систематического, хорошо спланированного труда, который вовлечет в свою сферу трудовые массы.

Дикая толпа тощих оборванных фигур на станции, штурмовавших вагоны с трупами, неожиданно всплыла в памяти Рыкова.

— Но, товарищи, — мягко говорил, возвышаясь над ними, худой высокий человек, — дела должны быть лучше, чем мы это имеем в действительности. Мы с вами ходим по улицам ежедневно. Мы знаем, что положение вещей не такое, как должно быть. Почему? Ясно, что, проиграв военное сражение, наши враги обратились к другим формам борьбы, и наша борьба с ними должна

измениться. Наши враги пытаются прорыть себе путь в наши советские учреждения с тем, чтобы, однажды проникнув на ответственные должности, они смогли бы саботировать нашу работу. Наша задача разоблачить их. Мы, органы Чека, должны стать инструментом реализации единой воли пролетариата.

Ведите поиск в правительственных кабинетах, профсоюзах, на фабриках. Вдоль фронтовых границ, водных и железнодорожных путей. Внутри городов, деревень, в партийных кабинетах. Там белогвардейцы, саботажники и тунеядцы. Найдите их! Совершать зло в натуре человека, Спросите, кто его родители и деда, чем они занимались до революции. Где и как они сейчас живут? С кем общаются? О чем говорят? Это важные вещи. Заблаговременно выявляйте преступления. Никогда не предъявляйте вещественных доказательств, обвиняющих преступника, в начале допроса. Важно прежде всего установить соучастников, возможность наличия других, совершенных или планировавшихся преступлений.

Глава секретной службы посмотрел на часы. Его время истекло.

— Всегда помните, — заключил он свою речь обычным наставлением, — что у чекиста должны быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки.

Люди сохраняли бесстрастное выражение лица.

Когда Рыков возвращался по улицам в свой кабинет, снег перестал идти. Рыков шел, как и все другие, по мостовой. Все движение уличного транспорта ограничивалось обычными детскими санками, на которых люди приспособились возить хворост, керосин, просо или мешок с высохшими яблоками или мороженой картошкой.

На Нарвской площади он внезапно увидел ту, которую никогда не встречал, но чье лицо ему было хорошо знакомо. Он сразу ее узнал по фотографии, которую держал на камине в своей одинокой квартире на Лесном проспекте. Часто по вечерам он брал эту групповую фотографию в руки и рассматривал, а свежие молодые лица смотрели на него распахнутыми глазами. Ее лицо было в первом ряду. Она была в нарядном летнем длинном платье и круглой соломенной шляпе.

Он взял эту фотографию в той комнате в большом доме на Невском, где жила эта старая пара. Пока ребята вели их вниз в ожидавший «воронок», он осмотрел их жилище и нашел фотографию на камине. Ее оправа из слоновой кости слегка загрязнилась, как будто ее много раз нежно держали в руках, и на ней виднелась монограмма патронессы Царскосельского института.

Как он и ожидал, на фотографии была их дочь — Рут. Это была фотография их класса, как он понял. Надменный вид девушки, которая наняла его в лакеи, снова наполнил его неистовым желанием избить ее, изломать ее тело, изнасиловать. Елена смотрела на него с карточки, чуть рассерженная, надменными серыми глазами.

Неразбериха, пришедшая с Революцией, соединила несоединимое на фотографии. Незнакомый матрос из Кронштадта стоял слева, с самого края, с винтовкой через плечо и папиросой в углу рта, очевидно, разговаривая с женщиной, казавшимся старше других. Рыков узнал в нем Савинкова, которого видел вместе с Лениным. Этот художник или писатель, Константин, тоже был там, в рабочей кепке, сдвинутой на затылок, его шарф, наверное, красный, был завязан широким бантом на шее. Рут была в таком же шарфе и смотрела возбужденными глазами. А что же там делал Кривицкий?

Он поставил фотографию обратно. Время от времени он снимал ее оттуда, чтобы взглянуть в эти лица. Она влекла его, как наркотик. Он не мог бы объяснить ее обаяния даже себе самому. Ему казалось, что он почему-то тоже должен был там быть. Иногда ему снилось, что он там, среди знакомых привилегированных молодых людей своего возраста. Он просыпался и смотрел на фотографию, но она оставалась такой, как обычно.

Теперь молодая особа с фотографии из первого ряда обходила сугроб. Он понял, изучая ее на фотографии, что она любит наряжаться. На ней особенно ловко сидело летнее платье из легкой полосатой ткани, узко приталенное по моде того времени, с высоким воротничком, подчеркивающее ее фигуру. Ее соломенную шляпу украшал кокетливый бант.

Конечно, ее теперешняя зимняя одежда никак не могла идти в сравнение с тем изысканным летним туалетом, хотя было видно, что она очень старалась. Солдатскую шинель перекроили в дамское пальто, а на голове у нее была красивая зеленая шляпа, сшитая из зеленого сукна биллиардного стола. В городе, где люди носили платья, изготовленные из мебельных чехлов и портьер, а пальто — из старых ковриков, она не выглядела необычно. В руке она несла саквояж, пережиток старого режима.

Он подумал, что не знает ее имени. На фотографии был только какой-то вензель с короной. Молодые люди, глядевшие из рамки, были для него безымянными.

Она пересекла площадь и шла теперь под деревьями, ветви которых покрывали белый иней, словно зимняя листва. Он проследовал за ней. Она была высокородная

дама, он мог это утверждать. Она осторожно обходила мусорные кучи, громоздившиеся на улицах и прикрытые снегом. Городские очистные службы не работали с октября 1917 года, и Рыков отметил для себя, что до наступления оттепели нужно добиться перевода из Петрограда. Замерзшие отбросы, разрушенные канализационные трубы с обледенелыми нечистотами не издавали зловония и не вызывали эпидемий. Весной все будет по-другому. Люди будут чувствовать петроградскую вонь за пятьдесят миль, стоит подуть ветру.

Незнакомка направлялась на Садовую, где располагался черный рынок. Если вы не член партии, вы не сможете выжить, даже если Комиссариат продовольственного снабжения зарегистрировал вас для получения тех продуктов, какими это учреждение обеспечивало. Чтобы выжить, вы должны идти на рынок. Рыкова заинтересовало, что она несла в своем саквояже.

Рыночная толпа не признавала никаких сословных различий. Пролетарии толклись рядом с аристократами, коммунисты вступали в сделки с буржуями, крестьяне продавали свой товар интеллигентам. Тут можно было приобрести за бесценок бухарский ковер или вазу эпохи Минь, но желающих приобрести остатки прежней роскоши, вроде шелкового белья или французской косметики, было мало. Только мыло по-прежнему было в цене. Настоящим товаром были масло, яйца, мука и овощи.

Когда девушка с фотографии прокладывала себе путь среди телег, она походила на крестьянку, завернутую, как капуста, во многие слои одежды. Следовавший за нею Рыков оценил ее выбор средств платежа, так как ее саквояж содержал распиленные доски. По их причудливым формам он догадался, что это части мебели. Сухое, выдержанное дерево, похоже, будет прекрасно гореть.

Она быстро уладила свои дела. Куски дерева перекачвали в крестьянскую телегу, а картошка, сушеная репа, масло и ячмень — в саквояж, и девушка покинула рынок. Рыков последовал за ней, держась на некотором расстоянии.

Около Фонтанки она миновала старую церковь святых Симеона и Анны. Окна в храме были темны, двери закрыты. Кто-то ждал ее у входа во дворик, это был молодой человек в старом овчинном тулупе. У него тоже была сумка, и его худое лицо осветилось улыбкой, когда он ее увидел. Рыков узнал его. На фотографии он тоже улыбался, более молодой, менее озабоченный, не такой худой.

Они обнялись на ходу и оживленно заговорили, склонив головы близко друг к другу, очевидно сравнивая

свои приобретения. Потом они продолжили путь через мусорные кучи, высившиеся во дворе, и исчезли в подъезде здания имперского стиля.

Около часа понадобилось Рыкову, чтобы вернуться в свое учреждение, захватить двух парней и возвратиться назад.

Войдя в дом, он постучал в первую же дверь. Гравированная табличка дореволюционного времени гласила, что здесь проживает некая Егорова. Шарканье ног выдало приближение обитателя жилья. Дверь открылась, и показалась женщина, укутанная в толстый шерстяной плед. Ее поблекшее лицо потеряло последние краски, когда она увидела людей на крыльце.

— Молодая пара. Парень и девушка, — приятным голосом сказал Рыков.

— Они живут не здесь, — лепетала она, и голос выдавал в ней не простолюдинку. — Наверху. Дверь справа.

— Спасибо. Как их зовут?

— Маслова. И Паустовский. Женя Маслова. Он — Василий.

— Вы были нам чрезвычайно полезны, мамаша, — сказал Рыков, поворачиваясь, чтобы подняться по лестнице. Егорова, если это была она, вся тряслась. Дрожащие руки едва справились с дверью. Рыков отметил для себя, что надо будет ночью послать пару ребят посмотреть, что она скрывает.

Поднимаясь по лестнице, он сказал своим людям, казачу Кудре и латышскому стрелку Гайдуку:

— Будьте вежливы, — и ухмыльнулся. Парадокс состоит в том, что если в вашу дверь входит дьявол, он бывает более страшен, если не имеет рогов и хвоста и ведет себя вежливо.

Возле двери справа чувствовался слабый непривычный запах. Готовилась пища. Рыков постучал два раза. Через несколько мгновений дверь открылась, и выглянула молодая женщина. Как и все городские жители, она не снимала верхнюю одежду, находясь дома.

— Привет, девушка, — сказал он. — Не возражаешь, если мы войдем?

Ему не потребовалось объяснять, кто они такие.

В квартире были две смежные комнаты, но жили они в одной, первой. Было дымно. Одну стену занимала кровать, она была заправлена, и на ней лежал толстый ковер. Тут же стояли гардероб, небольшой столик и стул, валялись какие-то бумаги и карандаши. На полу была установлена маленькая, ржавая, пузатая печка, буржуйка. Василий согнулся перед ней, подкладывая страницы

книги. На ней стоял черный чугунный горшок. Рыков заглянул в другую комнату. Она была пуста, и ледяные сталагмиты выросли вдоль стен на голых досках.

Вернувшись в первую комнату, Рыков поднял крышку горшка. Тощая, но аппетитная курица плавала, окруженная кусочками картошки и репы, и зернами ячменя. Золотые кружочки жира плавали, то сливаясь, то разделяясь, в кипящем бульоне.

— Сегодня его день рождения, — быстро сказала Женя. — Впервые за много месяцев мы собирались поесть что-то горячее.

Василий держал в руках бутылку. Он тоже был в пальто.

— Водочки? — предложил он. — Не желаете ли? Человек, у которого я достал курицу, продал мне немного водки.

— Почему бы и нет? — ответил Рыков. — По случаю дня рождения.

Достали хрустальные стаканчики. Василий поспешно наполнил их и подал трем чекистам. Рыков, держа свой в руке, продолжал осматривать комнату. Он открыл гардероб. Тот оказался совершенно пустым, за исключением двух полных комплектов необычной одежды. Добротный буржуйский костюм с жилетом, шляпа и мужские туфли. И белое свадебное платье на шелковой подкладке со шлейфом, фата и тоже белые дамские туфли.

— Вы женаты? Или только собираетесь?

— Скоро женюсь, — сказала Женя. — Когда станет теплее. Когда такой холод, как жениться?

— Нет... — рассеянно согласился Рыков и поднял глаза. — Ведь вы Василий и Женя, верно?

Он увидел вспышку страха в их глазах.

— Я видел тебя на рынке, Женя. Ты ведь расплачивалась деревом? Ну, и где вы его достали?

— Мать дала мне стул. Как подарок на день рождения Василия.

— Конечно. А ты, Василий? — дружелюбно продолжал Рыков. — Куда ты ездил?

— В деревню. Там один крестьянин... Мой отец недавно умер, и я продал ему сапоги и часы отца.

— Все может принести пользу, верно?

Рыков не спеша потягивал водку. Его люди уже опрокинули свои стаканчики. Допив, он бросил свой хрустальный стаканчик в пустой камин, и его напарники последовали его примеру. Он заметил боль в глазах молодых людей. В мире, где все может быть полезно, три хрустальных стакана можно было бы выменять на три яйца.

Он вздохнул.

— Я надеюсь, что все обстоит так, как вы говорите.

Они казались озадаченными, но вздохнули с облегчением. Что все это значило? Но грозный маленький чекист, похоже, был удовлетворен. Возможно, не было причины волноваться.

Рыков снова вздохнул и потер кончик носа перчаткой.

— И все же лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, так я считаю. Такова моя бумажная работа. Вот что я вам скажу. Давайте просто пойдем вместе в контору и все разложим по полочкам. Это не займет много времени. Что вы скажете?

Они вышли. Рыков оставил дверь открытой, когда Кудря и Гайдук вывели молодых людей на улицу, он снова постучал в дверь с надписью «Егорова». Женщина, по-прежнему закутанная в плед, глядела на него со страхом. Он приветливо улыбнулся.

— Благодарю вас за помощь. Они не вернутся. Там, наверху, осталась еда. Будет мало пользы, если она испортится.

Непередаваемое выражение отразилось на лице Егоровой. Он не стал наблюдать, как она истекает голодной слюной.

— До свидания, — сказал он. Позади он слышал нетерпеливое шарканье галош женщины, спешащей наверх по ступеням.

До тюрьмы на Шпалерной, где он работал, было полчаса ходьбы. По дороге он обернулся к Гайдуку.

— Там, где мы только что были — у женщины внизу, наверное, есть недозволенные вещи. Она буржуйка, вероятно, барышница. Скопидомка. Вернись и проверь.

— Хорошо, начальник, — послушно ответил латышский стрелок и пошел обратно.

Они тащились через совершенно пустынную площадь. Ни один житель города по доброй воле не прошел бы рядом с этим местом. Рыков ввел парочку в здание. Идя по коридору к недавно построенным подвалам, он услышал звуки пения и посмотрел на часы. Да, было то самое время. Он провел своих спутников путем, который вел в один из внутренних дворики. Высокие стены вибрировали, издавая шум. В одном из углов был припаркован грузовик. Водитель то увеличивал, то уменьшал обороты двигателя. У стены стояли три человека, двое мужчин и женщина, которые старались петь как можно громче. Они пели о грядущей революции, которая приносит людям свободу.

Люди были полураздеты. Около каждого лежала кучка их вещей. Через двор шел, шатаясь, пьяный парень, он был в грязной испачканной рубахе с револьвером в руке, за кожаным ремнем были заткнуты ножи и топор.

— Заткнитесь, убудьки! — заорал он.

Они продолжали петь с поднятыми головами, всматриваясь внутренним взором в грядущий золотой век. Палач замахнулся, потом наугад ткнул дулом, попав в локоть одному из мужчин, и спустил курок. Пение дополнили вопли боли; человек схватился за раздробленный сустав. Идущая рядом с Рыковым Женя стала тихо всхлипывать.

Пьяный мужчина остановился, чтобы взять щепоть чего-то из серебряной табакерки. Она сверкнула в его руке.

— Старый Мага любит кокаин, — дружелюбно пояснил Рыков.

Мага выстрелил снова, на сей раз целясь в голову второго мужчины, лицо которого тут же запятнала брызнувшая кровь. Потом он расстрелял в упор свою первую жертву, стоявшую на коленях.

— Нам лучше подождать, — доверительно сказал Рыков своим пленникам. — Когда старый Мага работает, он иногда ничего не замечает. Знаете, сам Попов, комендант, недавно оказался здесь по каким-то делам, и Мага пытался убить его! Его энтузиазм не знает границ...

Убив второго мужчину, Мага перезарядил кольт и использовал его, чтобы выбить мозги у женщины.

— Думаю, теперь можно идти, — сказал Рыков. Василия стошнило, и следы слизи виднелись на его подбородке. Глаза девушки побелели от страха. Палач, собиравший пожитки своих жертв, увидел их из своего дворика и помахал револьвером.

— Эй, старина Рыков. Ведешь социалистическую сволочь для меня?

— Я еще не уверен. Я дам тебе знать.

Они прошли мимо. Налившиеся кровью глаза следили за Женей, и она вздрогнула от страха. Свежая и уже запекшаяся кровь, брызги мозга и крошки костей замыгали его рубаху, руки и бороду.

— Я подожду, — пообещал он.

Рыков поместил их в две камеры в подвале.

— Не давать еды и питья, — приказал он надсмотрщику. На обратном пути он встретил Гайдука, приведшего Егорову.

— Враг народа, начальник, — с довольным видом сообщил он. — Я поймал ее, когда она ела курицу.

— Курицу? — переспросил Рыков с деланым ужасом. — В то время как народ голодает?

— Но вы... — начала женщина.

— Да?

— Нет, ничего...

— В камеру ее. Я займусь ею позже.

Он спустился в столовую в подвальное помещение.

Ребята из снабженческого отдела раздобыли пару новеньких грузовиков и добрались до деревенской глубинки, где обнаружили несколько скопидомов, скрывавших продовольствие от народа. Рыков положил в тарелку несколько отличных котлет. Он любил свиные котлеты.

Закончив свой ранний ужин, он отправился домой вздремнуть у огня. Проснувшись вечером, он взял с камина фотографию и долго сидел, внимательно ее рассматривая. Он прихватил ее с собой, идя снова на работу.

Фотография лежала перед ним на столе, когда ввели Женю и Василия. Была полночь. Он сидел в своей толстой куртке и смотрел, как они дрожат от холода и страха.

— В квартире, где вы проживали, обнаружены шифрованные сообщения, — сказал он.

— Это не сообщения...

— В них нет смысла. Конечно, это шифр. Вы работаете на белых, верно?

— Это поэзия! — возмутилась Женя. — Василий пишет стихи. Он выступает в кафе, ему платят за это едой. Простокваша... иногда несколько кусков сахара.

— Это шифр, — уверенно произнес Рыков. — Ваша соседка Егорова сообщила, что к вам приходят разные люди. Она слышала ваши разговоры. Это ваши связные. Она сообщила, что вы даете им сведения для пересылки белым.

— К нам приходят иногда наши друзья. Такой холод, это помогает... мы собираемся и беседуем.

— Друзья... — тихо повторил Рыков. Он повернул к ним фотографию, чтобы они смогли увидеть ее.

— Это ваши друзья?

— Это наша институтская фотография, — сказала Женя в замешательстве. — Как она к вам попала?

— Мы знаем все, — ответил Рыков, доставая авторучку. — Напишите, пожалуйста, на обороте имя каждого из них.

Женя склонилась над письменным столом, ее замерзшая рука аккуратно выписывала имена.

— Это была школа для детей тех, кто пресмыкался перед царем. Ясно, что все вы — члены белогвардейской

шпионской организации, которая стремилась свергнуть революционную власть.

— Мы всего лишь двое людей, которые пытались выжить, — смиренно произнес Василий.

— Вы пробудете здесь несколько дней, — сказал Рыков. — За это время вы вспомните, как сформировалась ваша шпионская группа, чья это была идея. Тщательно подумайте, кто кого вовлек. Каким образом вы собирали сведения и кому передавали их. Возможно, здесь замешана иностранная держава? Как с вами расплачивались. Я хочу знать все подробности, до мелочей. Да, не забудь, Женя, и о своей матери. Напиши ее адрес. Она несомненно участвовала. Кто-то снабжал ее дровами. Без сомнения, иностранный агент. Когда вы будете готовы, скажите охране, и мы перепечатаем ваши показания и дадим вам подписать.

Сияя, он посмотрел на них.

— Тогда вы сможете пожениться, — сказал он.

После этого он был очень занят. Особенно помогли имевшиеся досе за заключенных. С их помощью он нашел в подвалах двух ледорубов, знавших, как вырубать большие глыбы льда из замершей реки, которые использовались в погребах барских домов прежнего времени. Они заверяли, что не утратили старых навыков. Со скульптором было сложнее, но он обнаружил художника, который мог справиться и с ваянием. Попробовал бы он не справиться, если ждал встречи с Маги в камере смертников. Рыков на время задержал исполнение его приговора и послал за ним казака Кудрю. Что касается музыкантов, то их было множество.

Он уселся с Гайдуком, ледорубами и ваятелем в черный «воронок». Они выехали из города и направились через лиственный и сосновый лес туда, где лежала ровная и замерзшая река. Он объяснил, что они должны сделать. У ледорубов имелись пилы, а у ваятеля — его инструменты. Рыков снабдил их едой и чаем. Они были тепло одеты. Гайдук принялся разводиться огонь.

Был сочельник, когда «воронок», цокая, вновь подъехал к дорожке. Стояла темень, но на льду сияло что-то невероятно прекрасное, сияющее огнем от масляных ламп. Это был сверкающий дом, состоящий из единственной комнаты. Ледяные колонны высились по обеим сторонам входа, ледяные стены поддерживали искусно вырезанную ледяную черепицу крыши. Он светился от огней внутри.

Рыков прыгнул, когда повозка отъехала в сторону. На шелковой материи на ледяном пьедестале лежал букет

белых сверкавших цветов. Он отпер маленькую дверцу, и Женя с Василием выбрались наружу, еле передвигаясь от холода. Они были одеты в свои свадебные наряды и испуганно смотрели на него. Рыков взял букет и вручил его Жене. Она едва удержала его в своей заочневшей руке: цветы были сделаны изо льда. Изнутри дома доносилась музыка, свадебный марш, и Рыков повел их внутрь.

Комнату освещали свечи, горевшие на рождественской елочке. В одном углу играл оркестр из трех инструментов. Заключенных одели во фраки старой эпохи. Их лица побелели, их глаза блуждали, когда Рыков вводил молодых. Гайдук и Кудря ждали. От них разлило водочным перегаром. В середине комнаты стояла громадная, искусно вырезанная ледяная кровать. Ледяные столбики поддерживали балдахин, ледяные подушки лежали на ледяном матраце.

— Вы доведете свадьбу до конца, — тихо сказал Рыков. Гайдук и Кудря начали снимать с молодых одежду. Латышский стрелок осторожно сложил белый шелк, снятый с девушки, и повесил себе на руку. Он любил иногда наряжаться в дамские одежды.

Голые, они вскарабкались на кровать, тихо стеная от боли. Они лежали, как им приказали, держа друг друга в объятиях. Кудря взял металлическую лейку, стоявшую у кровати. Бак с водой находился снаружи, предохраняемый от замерзания жаровней. Кудря бегом таскал лейку туда-сюда, и струи воды падали на их тела и замерзали.

Женя лежала внизу. Она посинела, ее прекрасное тело постепенно превращалось в лед, который служил им ложем. Дыхание едва теплилось в ней, и она не могла закрыть глаза. Методично падающий дождь замерзал на них, возле них, под ними.

Рыков присел рядом на корточки. Ему казалось, что Василий еще может слышать его.

— Там, где я родился, был обычай, — говорил он в ухо юноши, в то время как ледяные стены отражали музыку Баха, — приезжать зимой в город на тройке и ждать загулявшего купца. Богатый, толстый купец, наконец, вперевалку выходил из ресторана, где он пил. Жирный и довольный. Теплый. Закутанный в меха. Как только он выходил, подъезжала тройка. Появлялась из ночи, с криками и гиканьем. Его заарканивали и тащили по льду, совсем беспомощного, одуревшего. Так быстро, как только можно. Останавливались в каком-нибудь глухом месте и обдирали его как липку. А потом перерезали ему глотку.

Голова Василия срасталась с мертвым лицом его не-

сты. Дыхание еще теплилось в груди, а дождь все поливал их, застывая на жестоком морозе.

Вернувшись домой, Рыков аккуратно вычеркнул два имени на обороте фотографии.

— Мы есть Революция, — тихо и значительно сказал он.

Берлин, канун Рождества, 1918

Из окна они видели улицу, едва блестящую внизу в сумерках. Витрины магазинов сияли огнями, люди спешили домой, закрывая свои сумки, прекращали торговаться с уличными торговцами, купив напоследок какую-нибудь безделушку или веточку падуба с красными ягодами, заглядывали в кафе выпить эрзац-пива, прежде чем отправиться домой. Из сотен окон жилых комнат светились свечками рождественские елочки.

— Теперь, — сказал Савинков. — Момент настал.

Роза кивнула на окно. Они были в ее старой квартире. Поль Леви ушел на поиски какого-нибудь вина не из свеклы. Манфред сидел тихо в углу, а Рут свернулась на стуле, слишком уставшая, чтобы сидеть прямо, как положено революционерке.

— Неужели вы видите революционные массы? — спросила она. — Я вижу празднующих буржуа.

— Рут, — сказал Савинков, — ты была на улицах в тот день, когда мы брали Зимний дворец. На что это было похоже?

— Все было совсем так, как здесь, Роза. Работали магазины, ездили трамваи. Социал-революционеры где-то проводили свою конференцию. Оркестры играли на улицах. В кафе было полно посетителей. Рестораны были заполнены до отказа, и, может быть, Шалапин давал концерт.

— А мы шли к захвату власти, — страстно воскликнул Савинков. — Ленин уловил момент. Он сказал нашему Центральному Комитету: «Кризис созрел. Будущее революции поставлено на карту». И он оказался прав.

— Ленин — это политический иезуит! — презрительно сказала Роза. — Он считает, что только он способен истолковывать Маркса. Он еретик марксизма. Что должен делать его «передовой отряд бойцов» с неизбежным триумфом пролетариата? Он заявил, что сознание должно быть внесено в пролетариат извне этими передовыми элементами. Историю нельзя упрощать таким манером.

— Он правит Россией от лица пролетариата, — мягко

возразил Савинков. — Вы можете то же самое сделать здесь.

— Он правит пролетариатом, — проворчала Роза. Манфред нагнулся вперед.

— Все, что вам надо сделать, это сказать необходимые слова, — заметил он. — Вы можете говорить слова, а другие будут делать работу.

— Что бы вы ни думали, революция в России произошла, — сказал Савинков. — Ленин и большевики — единственная сила, которая может защитить завоевания пролетариата. Когда завоевания будут в безопасности, тогда те необходимые меры, которые были приняты ради победы в гражданской войне, будут упразднены и настоящая пролетарская демократия достигнет полного расцвета. Но никто из нас не допустит триумфа контрреволюционной буржуазии.

— А я буду Лениным Германии? — спросила Роза. — Я захвачу власть и разгону Учредительное Собрание?

— Кто-то должен это сделать, — с ударением проговорил Манфред. — Если не сейчас, то позже. Но сейчас настало время, Роза. У нас есть свой источник информации в армии. Гренер, начальник штаба, в панике. Его десять дивизий вышли из подчинения, и в столице почти нет войск. Соберите людей, и мы захватим ключевые позиции, свергнем правительство.

— Сергей прав, Роза, — сказала Рут, — Я сама видела, как бежал Керенский. Кривицкий меня поставил наблюдать. Я не сразу поняла зачем, но сейчас знаю. Это был *coup d'état*, как он мне сказала. Но главное — это точный выбор времени. Мы просто вошли в Зимний дворец.

— Ваши люди могли бы захватить все главные учреждения завтра, — сказал Савинков. — Отложите на неделю, и их расстреляют на улице, устроят резню. Созовите теперь спартаковских вождей, вооружите команды.

— Они заняты, — ответила Роза. — Я не могу отвлекать их.

— Что может быть более важным? — вскричал Савинков. — Чем они заняты?

— Партию охватил кризис. После выборов главная наша проблема прояснилась. Надо решить, отделяться или нет от социал-демократической партии, чтобы создать отдельную партию? И, если мы решили отделиться, называться ли нам социалистами или коммунистами? Я считаю, что нам следует отделиться, хотя те, кто ненавидят меня, постараются сделать себе на этом политический капитал.

На улице какой-то человек наклеивал новый красно-черный плакат. Широкой кистью он мазал доски и сейчас расправлял руками огромную карикатуру, изображающую дьявольски улыбающегося карлика с крючковатым носом, тянущего когтистые руки к поверженной Германии, которая была изображена в виде прекрасной принцессы. В злобном карлике можно было узнать Розу. Надпись под плакатом гласила: «Иудей стремится к короне».

— Мне приклеят ярлык большевички, которой я не являюсь. Я марксистка, — с безнадежностью произнесла она.

— Делай, как мы говорим, — и это станет неважным, — сказал Манфред. — Ты должна решить. Сейчас.

Роза гневно взглянула на него.

— Я не должна делать ничего из того, о чем ты говоришь! Неужели не ясно, что немецкие рабочие не готовы свергнуть правительство?

— Триумфальное шествие пролетариата — это не дарвиновский процесс эволюции! — воскликнул Савинков.

— Вы хотите заставить меня стать диктатором, нарушить чистые, научные законы Маркса, уничтожить их истину, взять власть путем использования голой силы. Что есть Истина? Тот, кто предлагает человечеству Истину с раскрашенным лицом, в маске, тот всего лишь сводник, а не рыцарь Истины. Ленин — такой сводник. Я не хочу становиться такой, как он.

— Ты хочешь болтать, — с неожиданной насмешкой вставил Манфред. — Власть приходит к тем, кто действует. В конце концов ты можешь считать себя Иисусом Христом, если тебе так нравится.

На улице два худых небритых человека, похожие на бывших солдат, остановились возле плаката, рассматривая его. Один из них сделал выразительный жест, будто откручивая шею цыпленку.

— Если ты не хочешь быть диктатором, кто-нибудь другой станет им, — сказал Манфред презрительно.

Он вышел за дверь, и они услышали топот его ног вниз по лестнице. Савинков устало пожал плечами и подошел к столу, чтобы открыть бутылку темного пива. Он сел и стал пить из горлышка. Рут тем временем взяла бумагу, собираясь начать новую статью. Роза сидела спокойно, закрыв глаза.

Слова не приходили. Рут отодвинула бумагу в сторону и встала, потягиваясь. Хотела бы она знать, достал ли Поль Леви вина! И вдруг она ощутила себя, и это было неожиданно, будто под хмельком, будто не со-

всем трезвой, потому что видела вещи такими, какими они должны были бы быть, а не какими они были в действительности. Она подошла к окну и выглянула в него.

— Роза! Сергей! — громко зашептала она. — Freikorps. Они на улице.

Савинков выглянул из-за занавески.

— Они идут к нам, — с уверенностью произнес он. — Они рассматривают номера. Рут, быстро уведи Розу через крышу. Я попробую задержать их на лестнице.

Обе женщины вылезли на крышу здания. Дул холодный ветер, и они кутались в пальто. Они слышали шум солдатских голосов внутри дома.

— Здесь мы не спрячемся, Роза, — сказала Рут. — Нас увидят.

Она помогла своей старшей, прихрамывающей подруге перебраться через гребень, где нашли незаметную дверь, которая вела вниз в другой подъезд.

Было тихо, и они осмелились подойти к двери, чтобы выйти на улицу. Но в темном коридоре Рут внезапно оттолкнула Розу от двери:

— Я пойду первой.

Она открыла дверь и встала на крыльце. Улица была безлюдной. В окнах были видны горящие на рождественских елках маленькие свечи.

И тут всего в полуметре от них послышался топот сапог. Рут едва успела дернуть все пуговицы на своей блузке, и они оказались рядом с ней, два добровольца из Freikorps в серых военных мундирах без знаков различия. Она зазывно улыбнулась и оставила полы своего синего пальто распахнутыми.

Один из них с вождением посмотрел на нее и положил ей руку на грудь. Она разрешила ему схватить ее, продолжая улыбаться, а затем подняла руку и потерла указательный и большой палец друг о друга в универсальном жесте, требуя платы.

— Roschen*, — с отвращением произнес он. — Мерзкая шлюха!

У дверей дальше по улице произошло какое-то смятение, и выбежали еще добровольцы. Когда они проходили мимо, она увидела, что ведут Савинкова с руками заломленными назад. Он старался сохранять равновесие, когда его подталкивали вперед.

Она слышала, как они уходили, и, когда наступила тишина, они с Розой скользнули в темноту.

* Roschen (нем.) — розочка.

Берлин, 12 января 1919

На крыше полицейского отделения засел спартаковский снайпер. Из маленькой комнаты Рут и Роза слышали его несущие смерть выстрелы, когда он открывал огонь по солдатам, двигавшимся по улице. Солдаты в сером передвигались перебежками, отработанными согласованными рывками, держа в руках винтовки. Вглядываясь в грязное оконное стекло, Рут видела их тонкие фигурки, пересекавшие голый парк. Выстрелы из винтовок заставляли дрожать стекла, а когда вступала артиллерия, хлопья пыли срывались с дверного косяка и оседали на голом полу. Роза, съездившись, сидела на стуле. Она казалась даже меньше, чем была на самом деле. Томик «Фауста» Гете лежал, открытый, на ее коленях. Время от времени она заглядывала в него. Они были здесь только вдвоем с Рут. Поль Леви находился в тюрьме, как и Матильда Якоб, как еще дюжина спартаковцев, которые толпились в «Красном Знамени». Жогич, долголетний возлюбленный пожилой женщины, сидевшей на стуле, бежал. Рут хотела бы знать, где Либкнехт. Может быть, он был в здании, на котором засел снайпер. Серые фигурки подтаскивали через парк что-то вроде пушки.

— Старая Роза победоносно стоит над трупом новой, — с горечью сказала Люксембург. — Я в течение двадцати лет твердила, что мы, социалисты, должны быть едины, что любой раскол в наших рядах окажется роковым. Не прошло и двух недель, как я на учредительном съезде Коммунистической партии Германии поддержала их. Либкнехт был прав, требуя отличать истинных наследников Маркса от социал-демократических воров, которые претендуют на роль представителей народа. В своей речи я указала путь вперед — усиление экономической борьбы и рабочего участия в национальной ассамблее. Но мнение, что немецкие рабочие готовы свергнуть правительство, было опасной иллюзией.

Со стороны парка донесся сухой залп оружейного огня.

— Все происходящее подтверждает это, — заметила она. — Всю жизнь я утверждала, что нет социализма без поддержки большинства пролетариата. Сейчас я знаю, что большинство поддерживает не нас, а их, тех, в сером. Я всегда настаивала на том, что социализм не может быть введен посредством силы. Либкнехт вооружил рабочих, и я поддержала его, и вот он — конец пяти дней борьбы. Старая Роза была права.

У ее стула валялась кучка тонких смятых газет, храбро расписанных красным.

«Не пренебрегать обязанностями! — кричал заголовок. — Никакой болтовни! Никаких консультаций! Никаких переговоров! **ДЕЙСТВОВАТЬ!**»

— После двадцати лет меня нельзя обвинить в незнании моих товарищей, — печально сказала она. — Савинков был прав; если ты собираешься сделать это, ты должна делать это. Что сделал Либкнехт? Сформировал Революционный Комитет, чтобы поднять восстание. Превосходно. Что сделал Комитет? Проголосовал за захват власти. Очень хорошо. Затем он создал несколько комиссий. Замечательно. А что сделали они все? Они тратили время на то, что им лучше всего удавалось, они дискутировали. А Носке и его Freikorps продолжали то, что им лучше всего удавалось — уничтожать оппозицию, убивать людей.

— Я не пойму, откуда они появились, — спокойно произнесла Рут. — У нас, в нашей революции, их не было, этих Freikorps. У Маркса ничего не говорится, что они должны быть.

— Они последнее, ядовитое проявление умирающей буржуазной эры, — утомленно произнесла Роза.

— Манфред сказал, что это нечто новое, нечто родившееся из разрухи войны. Нечто ужасное, что ненавидит нас.

— Безусловно, они нас ненавидят, — согласилась Роза. — Мы — карающий меч пролетариата, мы беспощадно бьем буржуазию.

— Они говорят, что они не буржуазия.

— Но и Лисс не марксист! — раздраженно сказала Роза. — Объяснение человеческого общества возможно только путем тщательного изучения законов, открытых Марксом. Лисс не более марксист, чем Савинков. Савинков это понимает. Он может умело убеждать. Вот почему Ленин послал его сюда, чтобы убедить нас стать большевиками.

— Может быть, если бы вы ими были, — мягко сказала Рут, — тогда эта революция не закончилась бы таким образом.

— Ленин хочет, чтобы мы стали частью своего рода колониальной коммунистической империи, управляемой из Москвы, — устало сказала Роза. — Ты не можешь не слышать мнения людей об этом там.

От раската выстрела пушки задребезжали окна. Огромное облако пыли изверглось с крыши здания, и кирпичная кладка, взлетев на воздух, упала на улицу. Когда ветер развеял пыль, Рут увидела зияющую брешь, словно выбитые зубы. Снайпер молчал. Звуки боя умирали

вдали, и Рут заметила нерешительно выходящих из здания людей с поднятыми вверх руками. Еще несколько потрепанных пятен красного, и люди в сером уложили их на землю.

— Порядок правит в Берлине, — саркастически заметила Роза. Она встряхнулась и протянула руку к перу. — Дай бумагу, Рут. «Красное Знамя» будет продолжать свой полет. Да. «В Берлине порядок». Таков будет заголовок.

Она писала, кончик пера тихо скрипел в странной тишине. Вдруг послышался сильный стук в дверь и топот тяжелых сапог. Кто-то ногой колотил в дверь комнаты, и она, не выдержав напора, распахнулась и стукнулась о стену.

— Эта сука здесь!

Рут кинулась вперед, чтобы защитить Розу, но страшный удар согнул ее пополам. Она беспомощно лежала, задыхаясь, на полу, схватившись за живот и слыша, как серые люди тащили Розу прочь. Потом был звук заработавшего мотора автомобиля.

Боль в животе ослабла, дыхание вновь вернулось в ее легкие. Она поднялась на корточки, воздух скрежетал в ее горле. Входная дверь оставалась открытой, и ветер задувал внутрь. Она встала, натянула пальто так быстро, как только была способна, вышла на улицу и побрела прочь от дома.

— Рут!

Это был Савинков. Он стоял среди деревьев парка. Она поспешила через дорогу к нему.

— Они схватили Розу, — сказала она нетерпеливо.

— Я знаю. Я сбежал. Я пришел за тобой.

— Манфред был с ними. Манфред Лисс. Он сказал им: «Эта сука здесь!»

— Я знаю. — Он взял ее за руку. — Я видел его. Рут, давай убираться отсюда.

Они поспешили через темнеющий парк по направлению к станции.

— Я доставлю тебя в Познань, — сказал он. — Оттуда ты сможешь добраться домой.

— А как же ты? Здесь все кончено.

— Есть другой путь, — ответил он. — Ты увидишь.

Из-за деревьев слышались лязг металла, топот сапог и пение военной маршевой песни. Рут в ужасе схватилась за руку Савинкова.

— *Freikorps!* — задыхаясь, проговорила она и потянула его. — Мы должны бежать!

Он крепко держал ее, вглядываясь сквозь деревья в приближающуюся колонну.

— Людей, которые бегут, убивают, — твердо произнес он. — Быстро!

Он прижал ее к стволу дерева у тропинки, его руки расстегнули ее пальто. Она ощутила холод и его холодные руки на своей груди под блузкой.

— Мы влюбленная парочка, — прошептал он. — Любовь смеется над слесарями, и над войной тоже.

Они слились в поцелуе, и она вцепилась в него, словно в плот в бушующем море. Топот сапог и громкое солдатское пение приближались. Хор замер, остались только звуки шагов, хохот, а затем кто-то затянул новую песню, и все смачно заорали ее. Ей не было нужды подглядывать через плечо Савинкова и видеть показывающие на них дула винтовок и ухмыляющиеся лица. Не разжимая объятий, Савинков помахал им поднятой рукой с дружеской признательностью.

Они услышали, что солдаты удалились, но рука Савинкова осталась под блузкой, а ее рот еще жарче прижимался к его рту. Она вся горела. Девушка открыла губы ему навстречу, чувствуя, как его рука задирает ей юбку на талию. Ее ноги обхватили его, она притянула его к себе. Где-то вддали солдаты взревели последний припев...

6

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА ИСТОРИИ

Москва, март 1919

Рут выбралась из грязного вагона. Ее ноги так заочечнели, что она споткнулась о платформу. Ей казалось, что стужа длится целую вечность. Петроград встретил ее завыванием ветра, ледяные порывы со стороны моря прохватывали ее до костей, когда она шла пустыми улицами с Финляндского вокзала. С детской надеждой девушка шла в квартиру своих родителей на Невском проспекте, но та оказалась заколоченной. Заглянув в замочную скважину, она увидела пыль и запустение; обуглившиеся ножки гнutoго стула и какие-то части другой мебели, видневшиеся в камине, говорили о том, что когда-то здесь разводили огонь.

Рут потащилась по грязной промерзшей улице к станции, где бесконечно долго ждала поезд на Москву. Он пришел, наконец, и она вошла в вагон, пристроившись на дощатой лавке как можно ближе к выходу. Струи теплого воздуха потянулись по вагону, и через некоторое время ее замерзшие слезы оттаяли и потекли по щекам. Она вытерла их грязным шарфом, который когда-то ярко алел. Вагон резко дернулся, стуча изношенными буферами, и она ударилась головой о верхнюю полку. Она старалась не вспоминать вагонов с коврами и мягкими диванами, в которых девочкой играла в карты с матерью, чтобы скоротать время в дороге, когда волнующиеся поля с налитыми зерном колосьями пробегали за окном. Тот поезд тоже ехал в Москву, и так же ритмично перестукивали колеса, плавно катящиеся мимо рошиц и речушек, а отец сидел у окна и читал, и уютно звякали фарфоровые чашки на подносе, когда разносили чай.

Поезд остановился среди пустого поля, покрытого снегом, из которого торчала там и сям какая-то гниющая растительность. Эта однообразная картина простиралась до горизонта. Потoki теплого воздуха пропали, и, когда где-то впереди шум от удара молотка о металлические части обозначил начало ремонтных работ, Рут вышла из вагона.

Ржавые стебли высовывались из-под снега. Пронзительный писк, словно верещал миллион сверчков, стоявший вокруг, свидетельствовал о наличии хозяев. Такого количества мышей это поле, наверное, никогда не видело. Остатки богатого урожая, которым всю осень питались мыши, засыпал снег. Вскоре мыши тоже погибнут от голода, который наступит после чудесного изобилия.

Роза Люксембург лежит в холодной могиле, и смерть заледенила ее горячее сердце. В Ландвер-канале вода была ледяной. Рут надеялась, что смерть пришла к Розе раньше, чем солдаты Freikorps сбросили ее в канал. Избитая, израненная, кровоточащая, она тонула в ледяной воде. Думать об этом было ужасно.

У Рут болел живот, но она знала, что это от голода. Поезд, наконец, изъявил намерение двинуться. Она вернулась в вагон и снова уселась у выхода, сложив руки на коленях. В такой позе она однажды сидела у ног Александры, остроумной блестящей Александры, всей душой желая стать такой, как она. Что ж, пожалуй, она и стала такой, если, конечно, единственное безумное совокупление в парке у дерева, когда панический страх смешивался с дикой похотью, можно назвать эмансипацией. Образ Александры каким-то образом был связан с образом Маркса. Значит, все это имело смысл, было частью нового мира, откуда старые болезни должны быть изгнаны магией слов.

Она закрыла глаза. Было множество слов для описания ее положения. Ее мать могла бы их употребить и употребила бы. Старые слова, описывающие старые болезни: Незамужняя. Незаконнорожденный. Внебрачный ребенок. Глупая. Беременная.

Она вышла из поезда на ледяную платформу и заставила разжаться свои посиневшие, не сгибавшиеся от холода пальцы, чтобы взять сумку. Она шла, спотыкаясь, вперед, держа билет в зубах.

Послышался возглас.

— Товарищ! Товарищ!

Она оглянулась, но горстка пассажиров, вышедшая с ней вместе, оставила ее далеко позади. Платформа была пустой.

Мужской голос. Мужчина махал ей рукой из-за барьера, властно проталкиваясь вперед. Маленький улыбающийся человек.

Предательский страх преодолел боль в животе. Рыков! Но он, улыбаясь, уже брал из ее рук сумку.

— Однако ты замерзла, — сказал он, снял пальто и опустил его ей на плечи. Черной кожанки, которую она

помнила, не было. Теперь он носил вязаную армейскую фуфайку.

— Мне сообщили, что ты в дороге, — сказал он, — так что я поспешил встретить поезд.

— Сообщили? — удивленно спросила она.

Он укоризненно посмотрел на нее.

— Неужели ты думаешь, что один из членов главного штаба мировой революции мог бы вернуться в Москву без предварительного уведомления?

Звонкие фразы эхом отдавались в ее голове, словно трубы обреченной на скорый разгром армии, продвигавшейся к полю сражения.

— Мы проиграли, — хмуро сказала Рут. Она вернулась, чтобы выслушать приговор, и понимала это.

— Програли? — переспросил он, широко открыв глаза. — Разве революционеры в девятьсот пятом проиграли? Нет, они победили в семнадцатом. Мы, пролетариат, победили.

— Мы победим, — с жаром произнесла она, к ней вдруг вернулась надежда. — Там, во всем мире. Это будет. Мы свергнем угнетателей. Мы принесем новый мир в старый.

Они остановились у входа. Из укрытия в галерее с колоннами поднимался дым от маленькой переносной буржуйки. Горели щепки, бумага, и доносился запах чая из старого самовара. Старик знал, что еще встречались люди с монетами в карманах и болью в суставах после морозного путешествия из Петрограда. По-видимому, он знал Рыкова, ибо поспешил к ним с жестяной кружкой, дымящейся на морозе.

— Вот, товарищ, — сказал он, протягивая ее. Он даже съежился, чтобы не показаться выше Рыкова. Даже не намекнул на плату.

— Для дамы, товарищ, — мягко сказал Рыков. — Ты стоишь перед героем мировой революции.

Сальная шапка снята с головы, и она ощутила горячий металл кружки в руках.

— Вот, — сказал Рыков. Он держал в руке блестящую серебряную фляжку. Она была точно такой, какая была у ее отца, это было вечно назад, вне пределов досягаемости его «Пьюрдея». Рыков налил золотистую жидкость в чай. Она выпила, и чай разлился теплом в ее животе, побежал по венам, как огонь. После долгого пребывания на холоде жар приглушил ее чувства, и она не сразу осознала, что Рыков что-то говорил.

— Вернулся с фронта, — сказал он мягко и скромно. — Дальше на юг, в Царицын. Некоторое время в

Петрограде. Меня послали в Москву, чтобы готовить новых ребят. Для дальнейшей борьбы.

— Ты все еще в Чека?

— Да, да, в Чека. Мы должны заботиться о сознательности наших революционеров, верно? Мы спасаем их от ошибок. Немного похоже, как попы спасали души людей от греха. Но, наверное, такое сравнение неуместно. Ленин бы не одобрил.

— Ты должен быть осторожнее, чтобы не впасть в богостроительство, — согласилась она. Странно, но приятно обсуждать научные законы, которые управляют поведением человека, в продуваемом ветром вокзале. И с Рыковым, горячий чай и ликер вдохновили ее. Она улыбалась. — Ты бы допустил ошибку, если бы заговорил о Боге, и твоим друзьям из Чека пришлось бы снимать с тебя грехи.

Он довольно улыбнулся ей в ответ:

— Разговоры о Боге и дьяволе всего лишь труположество. Я читал работу Ленина по этому вопросу: «Материализм и эмпириокритицизм». Если обучаешь молодежь, надо знать ее.

Рыков продолжал улыбаться.

— Но послушай, — произнесла она, — я задерживаю тебя. Мне пора идти.

Улыбка испарилась с его лица. Он снял шапку, стал мять ее в руках и выглядел немного смущенным.

— Нет, я хотел бы, чтобы ты задержалась, если можешь. Понимаешь, у меня проблема с ребятами, которых я обучаю. Я столкнулся с этим как раз теперь. Я знаю, ты не откажешь.

Он выжидающе посмотрел на нее.

— Религия? Ленин? — уточнила она.

— Да. И Маркс. То, чему он учил. Я всего лишь простой парень. Я не читал столько, сколько ты. Я не смогу наставлять этих курсантов — они все хорошие ребята, — так, как это смогла бы ты. Я могу объяснить им, что надо делать, там, на фронте, но не излагать учение Маркса. Мой марксизм вот здесь, как горячий уголь, — он тяжело стукнул себя небольшим кулаком в грудь, — но я не могу это выразить. Так, как можешь ты. Я помню тебя.

Она жаждала скинуть грязную одежду, залезть в горячую ванну, найти какую-нибудь еду и поесть. Уснуть.

Она улыбнулась.

— Ты хочешь, чтобы я выступила перед твоими молодыми парнями?

— Ты вернулась из революционного мира. Ты могла

бы дать им свое благословение, так сказать... У меня есть небольшой грузовичок, — сказал Рыков. — Я доставлю тебя потом куда ты скажешь.

Если было нужно, чтобы кто-то оставался допоздна, делал тяжелую работу, шел по холоду поворачивать колесо Революции еще на один оборот, можно было поспорить, что этим человеком окажется Рут Ганзберг.

— Конечно, я все сделаю, — сказала она.

Здание на Лубянке было теплым, паркетный пол все еще блестел, даже запах воска, которым натирали паркет, еще не выветрился.

Он почтительно открыл перед ней дверь. Полдюжины молодых парней бездельничали, сидя на скамейках за рабочими столиками. Двое были в черных кожанках, остальные скинули их на крышки столов. Острые взгляды ощупали ее с ног до головы, и какое-то мгновение она почувствовала себя голой. Когда они увидели позади нее Рыкова, то встали и приняли более подтянутый вид, глядя на него с готовностью и вниманием.

— Хорошо, хорошо, — буркнул Рыков. — Порядок, ребята, садитесь.

Его рука на локте Рут направляла ее вперед, к массивному дубовому столу. Шестеро парней сидели на скамейках с прямыми спинами, внимательно и осторожно следя за Рыковым.

— У меня для вас есть особый подарок, — сказал Рыков. — Это товарищ Ганзберг, которая была большевиком даже раньше меня.

Он улыбнулся. При свете она увидела, что его зубы были желтыми, как у волка.

— Это говорит о многом!

Они засмеялись, все шестеро, находившиеся так близко.

— Да, комиссар! — произнес один из них. Рыков снова улыбнулся, как дрессировщик собак, видя, что его подопечные выполняют все, как надо.

— Товарищ Ганзберг служит в главном штабе мировой революции. Она только что вернулась из Германии.

Парни заплодировали. Рыков слегка поднял руку, и они перестали. Он по-прежнему почтительно повернулся к Рут.

— Вы так много знаете из учения Маркса и Ленина, что могли бы просвещать нас целыми днями, и мы все время оставались бы здесь, внимая каждому вашему слову. Но нас ждет Революция. Мы должны ехать на фронт, чтобы вести борьбу против агентов контрреволюции. Против старого порядка. Иностранцы империалисты, окружившие нас, развязывают войну против нового мира.

— Последняя фаза капитализма, — добавила она.

— Да, так. Я знал, что вы понимаете. Когда мы выиграем войну, мы вернемся и будем у вас учиться. Но сейчас я хочу задать вам вопросы от имени этих ребят.

— Пожалуйста, — сказала она, не вполне понимая, что происходит.

— Кто мы? Вы, я, мои ребята?

— Мы большевики.

— Кого мы представляем?

— Мы представляем пролетариат.

— Мы представляем пролетариат, — тихо повторил за ней Рыков. Он поднял свою руку, и она услышала, как молодые парни тихо, нараспев, повторяют за ним слова.

— Кто для нас главный?

— Маркс и Ленин.

— Маркс и Ленин, — опять повторил Рыков и сделал паузу. — Вы вернулись из Германии. Получилась ли там Революция? Наши братья-пролетарии получили в Германии свободу и счастье, как мы здесь?

— Нет, — ответила она. — Мы проиграли.

— Почему?

— Силы контрреволюции были слишком велики.

— Тогда мы туда придем более сильными, чем когда-либо, и сокрушим их.

— Да, придем, — пылко произнесла она. — О, да, мы придем туда.

— Мы особые коммунисты? Первопроходцы?

— Конечно!

— Можно ли признать только часть учения Маркса и Ленина, или то, чему они учат, это единое целое?

— Это учение как монолит, — гордо сказала она, как учил ее Савинков. — Это единое учение!

— Кого мы представляем?

— Пролетариат.

— Мы ведем войну за пролетариат. Мы используем насилие?

— Да.

— Конечно. Что такое насилие? Что Ленин говорит об этом?

— Это повивальная бабка истории.

— Насилие дает жизнь Революции. Свободе. К кому мы применяем насилие?

— К классовым врагам пролетариата.

В комнате стояла тишина, только слышалось слабое поскрипывание кожи рядом с ней. Она повернулась и увидела, что Рыков поглаживает свою черную кожаную куртку.

— Наша задача священна. Мы призваны защищать пролетариат от всех, кто способен повредить ему. Обеспечить его победу, править во имя его. Мы призваны использовать насилие против тех, кто может причинить ему вред.

Он быстро открыл шкаф у стены. Внутри были сложены винтовки, коричневые и синие. Запах ружейного масла распространился в воздухе, когда Рыков кидал оружие каждому присутствующему.

Рут пришла в себя от внезапного холода. Она не заметила, как оказалась во дворе, будто очнувшись на свежем воздухе. У стены стояли две согбенные фигуры с мешками на головах. Снег под их ногами был грязен и темен от старой крови. Она держала винтовку, которую вручил ей Рыков. Ее подтолкнули в строй с остальными, и она чувствовала Рыкова за своей спиной.

Пара у стены дрожала в своих жалких одеждах.

— Убейте наших врагов.

Голос Рыкова охрип от желания, и винтовка взорвалась в ее руках...

* * *

Савинков нашел Рут у церкви. Не у большой церкви, подобной Храму Христа Спасителя, который вознесся за рекой у Кремля, где служил митрополит с несколькими монахами. Нет, возле маленькой и незаметной церкви. Верующие, однако, в ней находились, и так было века. Камень ее колонн потемнел от копоти ладана и мириада свечек, поставленных за спасение душ, живых и мертвых.

Он нашел ее на паперти. Неподалеку стоял священник, его губы шептали молитву. Два молодых чекиста стояли у дверей и насмеялись над ним. Со стороны сводчатого прохода била полоса света, слышался голос, отдающий команды, и ответы подчиненных. Лампы освещали грязные стекла. Христос сложил руки, благословляя московскую улочку.

Сапоги Савинкова скрипели на снегу. Он остановился около нее.

— Зарубежные делегаты здесь, — сказал он. — Ты разве не пойдешь?

— Какие делегаты? — мрачно спросила она. — Мы набрали их из здешних прихлебателей. Большинство из них никогда не было в странах, которые они якобы представляют. Некоторые из партий, которые они представляют, вообще не существуют.

— Когда-то и партии большевиков не существовало, — мягко напомнил он. — И может быть, вы никогда не ездили в Америку, но однажды вы поможете ей построить пролетарскую демократию.

Рут не отвечала, пристально смотря на церковь.

— Я торопился в Коминтерн, — сказал он, — но мне сказали, что видели тебя здесь. Один из зарубежных «прихлебателей», который когда-нибудь принесет свободу и счастье всем.

Он вынул из-под пальто сложенную газету. Вспышка красного цвета алела в заголовке.

— Я принес это тебе. «Красное Знамя». Жогич восстановил обстоятельства убийства Розы. Он указал имена убийц, и их предали суду.

Она взяла газету.

— Спасибо, — прошептала она.

Он огляделся с полуулыбкой.

— Ты пришла посмотреть это представление?

— Я хотела помолиться, — ответила Рут. — Но они уже были здесь.

— Помолиться? Зачем? — тихо спросил Савинков. — Бога нет, ты это знаешь.

— Я больше ничего не знаю.

— Конечно, Бога нет! Без Бога все позволено.

Она подняла глаза на него.

— Я это знаю. Здесь, в этом месте, которое мы построили, все позволено. Я — тому доказательство.

Савинков насмешливо взглянул на нее, стоявшую неподвижно в немой печали.

— Что-то не так с утопией? — спросил он.

— С утопией, — повторила она.

— Скоро она не будет утопией. Скоро будет свобода и счастье для всех. Но не раньше, чем мы уничтожим всех наших врагов.

Ее лицо исказилось, будто ее ударили.

— Ты не можешь обвинять меня в неверии! — воскликнула она. — Я была большевичкой еще перед Революцией, и я не изменяла большевизму.

Из церкви донесся стук колотушки.

— Мы с тобой прошли одинаковый путь, — сказал Савинков. В его уверенности она должна была найти утешение. Но его не было.

— Не всем дано быть в армии пролетариата, — продолжал он. — Мы авангард этой армии, мы созданы из особого материала. Для нас нет большей чести, чем состоять в ее рядах, нет высшего призвания, чем это.

— Меня уже ждал Рыков, — внезапно перебила его

Рут. — На станции. Он хотел, чтобы я побеседовала с молодыми ребятами, которых он обучает. С такими, как те, вон там.

Савинков посмотрел на двух чекистов в дверях, нагло ухмылявшихся над тем, что они видели внутри, развязно засунувших руки в карманы курток. Он понимающе кивнул, понуждая ее наконец двинуться с этого места.

— Я говорила им, что мы все коммунисты...

Ее прорвало, краска прилила к ее бледным щекам.

— ...что мы боремся за пролетариат. А про себя я думала, я подумала — за какой пролетариат?

Она иступленно махнула в сторону улицы.

— Где они, Сергей? Те, кого мы представляем? Фабрики пустынные, там нет рабочих, — слезы текли по ее лицу. — Я сомневаюсь, Сергей, — прошептала она, — я не могу больше верить. Все встало на голову. Перед Революцией мы знали, что, по Марксу, после ее победы государство отомрет, что в тот самый день, когда мы придем к власти, бюрократия, армия, полиция — все исчезнет.

Она показала на двух секретных сотрудников — немое доказательство противного. Ногти на ее руках были сломанные, обкусанные.

— Ты думала, что все, что требовалось, это совершить Революцию, и все болезни мира вдруг исчезнут? Словно по мановению волшебной палочки? — спросил он.

— Да, — ответила она.

— Это не так, Революцию надо выигрывать каждый день. А откуда мы возьмем силы для победы? Из нашей веры. Мы пришли к коммунизму, как люди приходят к чистому роднику, и мы испили.

Она чувствовала на себе взгляд его серых, стального цвета глаз. Она видела, как он смотрел на других.

— Ведь еще существует эксплуатация? — тихо спросил он.

— Да.

— Ненавидят ли нас наши классовые враги? Посылают ли они против нас свои армии? Топчут ли англичане, американцы, чехи, японцы советскую землю?

— Да.

— Желают ли они лишить пролетариат на земле плодов коммунизма?

— Да, — прошептала она.

— Значит, пока мы не уничтожим эксплуататоров, мы должны держать наше оружие острым. Нашу армию, наших рабочих, нашу полицию. Неустанно и бдительно.

— Это насилие, это убийство, — произнесла она и

содрогнулась, словно само слово было ножом и порезало ей рот.

— Мы вынуждены убивать их. Иначе они убьют нас.

— Наших, своих. Кривицкий посылает команды Чека, чтобы достать продовольствие, и они убивают крестьян. Разве перед революцией большевики не представляли также и крестьян?

— Дорогая, — нежно сказал Савинков, обняв ее плечи рукой. — Мы делаем это. Те, кого уничтожает Кривицкий, — кулаки. Когда пришла Революция, богатые крестьяне захватили земли помещиков. Они украли то, что по праву принадлежит народу. Теперь они скрывают огромные запасы продовольствия и лишают народ еды. Они встали на пути Революции, но она как могучий локомотив истории сокрушит их.

— Рыков тоже убивает.

— Как и Кривицкий, он исполняет правосудие от имени народа, — поправил ее Савинков.

— Он поставил двоих человек, там... к стенке. Их головы скрывали мешки. Каким-то образом у меня в руках оказалась винтовка. Ее мне вложил Рыков. Мы стояли в ряд. Рыков был сзади меня. Моя винтовка выстрелила, и человек у стены упал. Он закричал. А потом они все выстрелили. Во дворе стоял дым. Рыков подвел меня. Он стянул с их голов мешки.

Она посмотрела на Сергея, и слезы медленно потекли по ее щекам.

— Это были мои родители. Моя мать и отец. Сергей, я убила их.

На мгновение наступила тишина. Слышались только крики приказов внутри церкви и топот бегущих ног. Несколько человек высочили оттуда и присоединились к чекистам, которые двинулись прочь. Священник стоял рядом, все еще молясь.

— Но кто ты, Рут? Ты большевик, как и я. Мы строим новый мир. Мы сделаны из особого материала. У нас наивысшее призвание. С кем мы боремся?

— С теми, кто нас эксплуатирует. С нашими классовыми врагами, — проговорила она, послушно, как ребенок, повторив интонацию.

— Некоторые из нас призваны принести величайшую жертву для нашего дела. Некоторым из нас суждено умереть за пролетариат, — сказал он мягко. — Некоторые из нас уже умерли. И я умру, если будет нужно. Ты готова умереть?

— Да, — прошептала она, — думаю, что готова.

— Другие погибли. Жогич мертв. Его схватили. Его при-

вели в комнату, полную офицеров Freikorps. Его избивали целый час, пока он не скончался. За то, что сказал правду о гибели Розы.

— Роза погибла, — снова прошептала она на ледяном ветру.

— Ты любила ее?

— Да. Она была мне как мать.

— Кто убил ее?

— Немцы.

— Есть честные немцы, коммунисты, наши товарищи, которые мертвы или скрываются, или в тюрьме. Кто убил ее?

— Империалисты. Эксплуататоры. Убийцы рабочего класса.

— Кто убил твою мать?

Она очень внимательно посмотрела на него. Это должно было сработать. Она видела, как он так делал по отношению к другим. Внутри нее зажглась искра и распалила костер веры.

— Я убила, — ответила она посеревшими губами, свинцовые слова падали в холод. — Я убила ее. Я убила и своего отца. Ничего не стоит этой жертвы, Сергей. Не убивай своих родителей, нет. Ни по какой причине.

Его рот скривился в разочаровании.

— Ты не выдержала испытания, — сказал он, его голос был холоден и лишен дружелюбия. — Ты должна быть дочерью рабочего класса, дочерью нищеты и борьбы, беспримерного лишения и сражения. Ты должна светить, как маяк, для всех, ясным и чистым светом. Но ты тащишь с собой пережитки прошлого. Помни слова Ленина: «Хороший коммунист — это хороший чекист». Тебя будут снова испытывать. Ты не должна опять потерпеть неудачу.

Из церкви донеслись приглушенные взрывы, и восьмьсотлетняя крыша рухнула каким-то замедленным движением. Пыль и обломки взметнулись высоко над крышей, когда почерневшие от ладана колонны упали вниз.

— Меня уже испытывают, — сказала она. — Я беременна. Я ношу твоего ребенка.

— Он будет новым человеком. Потомственный коммунист. У него не будет сомнений, — уверенно и жестко произнес Савинков.

— Я хочу пить, Сергей.

Он взял ее за руку, и они пошли по улице. Когда пыль улеглась на руинах, они увидели мертвого священника на снегу. На нем лежало большое распятие.

— Видишь? — сказал Савинков. — Бога нет.

Зал был подготовлен для танцев. Диваны и стулья стояли вдоль стен, в центре оставалось свободное пространство. За стенами барского дома деревья и кусты покрывались молодой зеленью. Неухоженный, заросший сад пробуждался навстречу новой весне. После долгой, холодной, темной зимы весна энергично вступала в свои права.

Булавин взял аккордеон, привычно обхватив его своими большими руками, пальцы забегали, и мелодия украинской народной песни заполнила зал. Рыков особо настаивал на местных мелодиях, он надеялся, что это позволит девушке, готовившейся танцевать, чувствовать себя как дома. Сапоги ритмично затопали по полу, и все подхватили мелодию, поддерживая ритм танца. Она танцевала в кругу мужчин. Их было около десятка. Ее косы развевались, руки были раскинуты в стороны. Ее бросало от одного мужчины к другому, толчками перекидывавшего ее внутри круга в следующие руки. Стоя рядом с Булавиным, Рыков тоже хлопал в ладоши и притопывал ногами. Они принесли сюда Революцию, и теперь отдыхали и праздновали.

Ключья ее платья взлетали в воздух, потому что веселые парни дергали и рвали ее одежду, прежде чем бросить танцорку, завертев, через круг. Наконец она осталась в комбинации и лифчике. Их тоже сорвали, торжествуя, подкинув к потолку.

Тем танец и закончился. Она осталась совсем обнаженной, только в туфлях. Ее распластали на широком валике дивана. Парни ухмылялись своему начальнику. Рыков скинул пальто на пол и не спеша направился к ним. Глаза жертвы в ужасе следили за его приближением. Она поняла, кто они такие, в тот момент, когда грузовик Чека подъехал к деревенскому дому с разбитыми окнами. Деревенская глушь была полна неясными слухами о революции, о гражданской войне, но никто не мог и подумать, какие дьяволы появятся в этих забытых краях.

Когда Гайдук насильствовал женщину, он привычно выкручивал ей мизинец, постепенно ломая суставы, что заставляло ее страшно кричать. Он понимал своего начальника, который подходил, держа в руке отвертку. Он всегда носил ее в кармане на случай допроса или веселья, вроде сегодняшнего. Он сжал ее в руке. Пока все происходило, девушка стонала, изредка дико вскрикивая, когда отвертка вонзалась ей под ребра.

Он поднялся вверх по ступенькам, чтобы осмотреться, пока его ребята продолжали праздновать. Шум вече-

ринки проникал сквозь дощатые стены. Они использовали барский дом как штаб. Зловонные миазмы Петрограда и Москвы были далеко, они находились в тылу, позади войск.

Захлебывающийся жуткий вопль проник в комнату вместе с взрывом хохота. Рыкову стало любопытно, что такое особенное Гайдук сотворил с девушкой. В общем-то Гайдуку, как и другим его парням, недоставало воображения. Он, Рыков, делал все, что только возможно, с тем, что он имел. Он всегда чувствовал, что работу можно улучшить. Это как приготовление пищи. Каждый может съесть кусок баранины, но только если положишь трав, специи, будешь готовить на углях, она станет сациви*, которое тает во рту. Рыкову требовались специи, краски, сильные ощущения. Он делал все, что было в его силах, чтобы добавить острую приправу к простым удовольствиям.

В саду на толстой ветке цветущей старой вишни слабо покачивалась старуха, подвешенная вверх ногами. Рыков посмотрел на нее из окна спальни. На кровати стояла небрежно застегнутая сумка Гайдука. Внутри что-то белело. Рыков потянул и увидел, что это рукав белого платья. Рыков потянул еще, и на кровать выползло шуршащее шелковое платье. Это было свадебное платье той девушки в ледяном доме, который он выстроил для нее. Он погладил шуршащие складки и почувствовал острый приступ настоящего восторга.

Внизу его подопечные высыпали наружу, в сад. Гайдук скакал на чем-то белом, хлестая кнутом. Это была еле живая девушка, которая едва тащилась, на четвереньках, падая под своей ношей. Она была похожа на отупевшее от истязаний животное. Она упала, и Гайдук ударил ее ногой, побуждая снова двигаться.

Рыков осторожно держал платье в руках. Оно не должно было принадлежать такому скоту, как Гайдук. Он недостоин иметь такую ценность. Это платье носила юная аристократка с его, Рыкова, фотографии в рамке из слоновой кости.

Рыков внезапно почувствовал, что Гайдук скрывает контрреволюционные склонности. Он заплатит за то, что испачкал такое прекрасное платье. Рыков погладил нежную ткань, созданную для аристократок. Скоро, он был уверен, другая аристократка наденет его. Их было несколько, улыбающихся ему с фотографии.

* Сациви — грузинское мясное кушанье.

КРАСНЫЙ КРЫМ

Крым, июнь 1920

Они лежали на противоположном склоне. Когда раздавался свист и офицеры поднимались, с трудом продвигаясь вперед через край горы, те тоже поднимались, длинная, тонкая цепь людей. Пулеметы стреляли отрывистыми очередями из-за деревьев, и они наклонялись вперед, держа винтовки наперевес, напоминая людей, идущих под проливным дождем.

Воздух вокруг ревел, и линия деревьев извергала комья летящей коричневой земли. Зеленые листья ковром устлали землю; тело человека, так и не дождавшегося получения военной формы, долго кувыркалось в воздухе, прежде чем упало на землю.

Елена увидела это с гребня горы, и в секундной тишине между разрывами снарядов она услышала, как глухо ударило тело о землю. Моторы взревели прямо в ее ушах, она перекатилась на бок, продолжая сжимать свой ранец, пока мимо проезжал броневик «рено». Люди слышали треск его четырех пулеметов прямо над головами, и тонкая линия начала сбиваться в кучки, как цыплята, грудящиеся подле наседок. Их спины теперь выпрямились, и они преодолели последние 100 метров бегом. Их штыки сверкали, маленькие черные шарики летели в воздух, чтобы упасть в окопы, взорвавшись, словно фейерверк. Кавалерия неслась галопом по полю битвы, и Елена двинулась вперед.

Уже смердело разложением. Потом зловоние станет невыносимым. Испарения свежей крови и разорванных внутренностей, запах бойни, смешавшись с кислым комком в горле от взрыва, вызывали в ней позыв к рвоте.

Она нашла первого раненого в поле. Дым поднимался над линией фронта, ее глаза слезились. Он зажал руками колено, и кровь била струей сквозь пальцы.

— Спаси тебя Господь! Спаси тебя Господь! — хрипло воскликнул юноша, увидев красный крест на ее нарукавной повязке.

Она отрезала штанину его английских военных брюк и остановила кровотечение, наложив тугую повязку и зафиксировав шиной раздробленную кость. Затем она дала юноше небольшой кусок белой материи.

— Подойдут санитары с носилками, — сказала она ему. — Когда их увидишь, помаши белым флагом.

Елена продолжила свой путь. Около линии наскоро вырытых вражеских траншей она обнаружила солдата, склонившегося на коленях в земном поклоне, как кланяются в храме простые люди. Она опустила руку на его плечо, и он медленно стал валиться на бок. Половина его головы отлетела, отделившись от шеи, другая половина была совершенно неповрежденной, словно ее только что аккуратно отделил хирургический скальпель. Девушка увидела мозг внутри половины черепной коробки.

— Ему уже не нужна помощь, — услышала она чей-то голос, — подойди к нам. Помощь нужна моему товарищу.

Подняв глаза, она увидела человека, склонившегося возле окопа.

— Иду, — отозвалась она и скатилась вниз по земляной стенке.

Там валялись останки отставного офицера, срочно призванного в войска, и обломки почерневшего бревна. В ногу солдата вонзилась одна из острых щепок. Его товарищ старался вытащить эту застрявшую деревяшку, но она, пройдя сквозь бедро, вошла клином в землю, пригвоздив раненого. Он смотрел наверх, как она перебирается через завал.

— Мы из Красной Армии, — прямо заявил он. — Ты нам можешь?

— Я помогаю раненым, — ответила она. — Меня не интересует, красные они или белые.

Елена склонилась над несчастным. Он был без сознания, но дышал.

— Ему практически оторвало ногу, — сказала она. — Деревяшка действует как жгут. Я ампутую ногу, и мы доставим его в лазарет в нашем тылу.

— Действуй, как считаешь нужным, графиня, — спокойно ответил человек, и она с удивлением посмотрела на него. Улыбка появилась на закопченном лице. Она поняла, что он матрос, потому что на нем была грязная бескозырка с надписью «Аврора», все еще различимой под грязью.

— Ты меня знаешь?

— Я Павел из Кронштадта. Твои друзья еще перед революцией привезли меня однажды в вашу школу. Я запомнил вас всех, графиня.

Бедро раненого было раздроблено. Она аккуратно спилила торчавший клин. Павел передавал ей, что нужно, из ящика, который был в ее ранце.

— Мы думали, что вы уже разбиты, — сказал Павел. Елена взяла скальпель и стала разрезать мышцы и соединительную ткань, не касаясь грязной плоти и размозженной кости.

— Мы снова возвращаем Крым, — ответила она. — Присоединяйся к нам, Павел из Кронштадта. Мы теперь не такие, как были. Я больше не графиня. Я просто медсестра. Врангель раздаёт крестьянам землю, и ты тоже ее получишь. Поверь, ни Ленин, ни Троцкий не дадут крестьянам землю.

Павел поправил бескозырку привычным жестом.

— Мы — герои Революции, — гордо произнес он. — Так сказал нам Троцкий. Он не предаст нас, он не обманет, особенно после того, как мы столько сделали для Революции.

Елена взяла длинный кусок кетгута* и туго перевязала с помощью пинцета большую артерию. Кровь тотчас перестала бить струей, и она вытерла с лица тыльной стороной ладони пот и брызги крови. Она подрезала и сложила свисавшие куски кожи на обрубке ноги, крепко сшив их рядом быстрых стежков.

— Я не знал, что ты такая умелая, — восхищенно сказал Павел.

— Научишься, — коротко заметила она. — Я посещала класс шитья и вышивки мадам Шатильон. Каждая аристократка учится рукоделию.

Она отложила инструменты, и Павел протянул руки и осторожно поднял своего находящегося в бессознательном состоянии товарища на плечо.

— Мы с Тимофеем Яковлевичем были вместе во многих боях, — сказал он. — Спасибо тебе за то, что ты спасла ему жизнь.

— В тылу — передвижные лазареты, — ответила она устало. — Отнести его туда, сделай это вместо меня.

Ступеньки обрывались на противоогневой стенке. Павел преодолел их со своей ношей, и теперь они брели с поля боя, оставив позади зловещие звуки. Поднимался дым, красноватый от утреннего солнца. Полевые травы и цветы, которые они мяли ногами, источали аромат.

Передвижной лазарет, переделанный из автобуса «моррис», ждал в дальней стороне гребня. Кучка санитаров-носильщиков и забинтованных людей сгрудилась у его

* Кетгут — нити, изготовленные из кишок мелкого рогатого скота, применяются в хирургии.

задних дверей. Рядом с автобусом стоял высокий мужчина в гвардейской шапке и мягких сапогах.

— Михаил! — окликнула его Елена. — Есть место для еще одного?

Он поднял глаза и улыбнулся.

— Только одно, для тебя.

Павел опустил своего товарища на деревянную лавку.

— Позаботься о нем ради меня, — попросил он.

— Сними свою бескозырку и послушай, — приказала Елена. — Врангель берет большевиков в свою армию, если они переходят на нашу сторону. Подумай, мы — настоящая русская армия.

Павел улыбнулся.

— Я герой Революции. Герои не могут стать перебежчиками.

Затем он ушел, пробираясь сквозь дым к деревьям. Санитары с носилками пошли обратно к склону горы, на поле битвы. Михаил собирался закрыть дверцы.

— Лучше доставить их на эвакуационный пункт...

Его голос прервался, он уставился на что-то внутри автобуса. Невысокого роста солдат сидел, скрючившись, на полу. Его лоб прикрывала кепка, нижняя часть лица была скрыта под бинтами. Военная форма пропиталась кровью, сочившейся из груди, и на спине гимнастерки зияла громадная дыра, обожженная порохом. Это была, без сомнения, смертельная рана, моментально убившая хозяина военной одежды. Но рубашка, выглядывавшая через дыру на спине, была целой и чистой.

Михаил вопросительно посмотрел на Елену, и она кивнула. Михаил протянул руки и грубо схватил дезертира за плечо, собираясь выкинуть его из автобуса.

— Эй, ты, убирайся отсюда! Это для раненых, а не для трусов.

Михаил гневно потрянул его кулаком, и с головы замаскированного слетела кепка. Быстро, как змея, рука его скользнула за пазуху и выхватила «маузер». Другой рукой он стащил бинты.

— О Боже! — тихо вымолвила Елена. — Рыков.

— Врангель вербует чекистов, госпожа? — злорадно спросил Рыков.

— Мы вешаем таких, как ты, — холодно произнес Михаил. — Собираешься сбежать, Рыков? Вы здесь исподтишка расстреливаете тех, кто медленно идет вперед?

Чекист внимательно смотрел на них, направив на них свой «маузер».

— Залезайте внутрь, — приказал он, — и поезжайте.

Они вошли в автобус. Михаил сел за руль, Елена

рядом с ним, Рыков пристроился у дверей, направив дуло пистолета ей в бок.

— Немного расстроился от того, что оказался на стороне проигрывающих, а, Рыков? — протяжно проговорил Михаил. — Веселее расстреливать раненых и запуганных юнцов, не так ли?

Рыков вглядывался в окно. Приближалась кавалерия, похоже, Врангеля. Он был очень беден и дышал коротко и отрывисто.

— Испугался, Рыков, дружище? — насмешливо спросил Михаил.

Рыков приставил дуло к боку Елены, и она глубоко вздохнула.

— Вперед, — приказал он. — Гони машину, иначе я пристрелю ее.

Михаил завел двигатель, и автобус, вздрогнув, ожил. Сзади донесся слабый одобрителный возглас незнакомых раненых солдат. Автобус проехал по склону и выехал на грязную дорогу, ведущую к залитым солнцем, поросшим деревьями холмам.

— Я был там, когда Семенов вешал Харбинскую Чека, — объяснял Михаил. — Чекисты болтались, как поплавки, на главной улице.

Рыков ничего не сказал, просто сидел, всматриваясь через стекло окошка сузившимися зрачками. Когда они достаточно отъехали от места сражения, он немного расслабился.

— Нам надо доставить этих людей в госпиталь, Рыков, — спокойно сказала Елена.

— Его высокоблагородие повесит меня, — мрачно ответил он. — Нет, мы поедem в мой госпиталь. Сейчас сворачивай на левую дорогу.

— Мы около линии фронта, — произнес Михаил. — Красные недалеко отсюда. Ты можешь здесь выйти и отыскать их.

— Езжай налево, — повторил Рыков и ударил Елену пистолетом.

Впереди они увидели заграждение, установленное между берегом реки и лесистой стороной поляны.

— Я убью вас обоих, — пригрозил Рыков. — И раненых тоже.

Они ехали вперед, и пыль, поднятая колесами, попадала в автобус через открытое окно.

— Мы выбираем обходной путь, — сказал Михаил, и его голос звучал устало. — Красные перекрыли дорогу к госпиталю.

— Осторожность не помешает, — сказал гвардеец. Он

был молод, носил имперские кавалерийские брюки и военную форму Британской армии. — Объезжайте справа вокруг холма. Говорят, что Жлоба контролирует местность к северу.

— Мы будем осторожны.

— Может быть, лучше вернуться к развилке, — с надеждой в голосе предложил юноша.

— У нас здесь раненые! — закричал Рыков. — Поезжайте к заграждению.

— Поезжай к заграждению, — спокойно произнесла Елена.

Михаил включил передачу, и они тронулись вперед.

На перекрестке они снова остановились.

— Прямо, — указал Рыков.

— Как ты сам сказал, мы возем раненых, — сказала Елена. — Теперь мы должны доставить их в один из наших полевых госпиталей. Ты же теперь в безопасности.

— Я могу пристрелить вас сейчас, графиня, — без всякого выражения сказал Рыков. — И проехать через линию фронта. Я умею водить машину. Но я не сделаю этого, пока вы не сопротивляетесь мне. Я везу вас и этих раненых в один из наших госпиталей. Так что поехали.

Они с сомнением посмотрели на него. Потом Михаил опять со скрежетом завел мотор, и автобус двинулся на север.

Уже стемнело, когда они прибыли. Они проследовали вдоль реки до подножия холмов, откуда она вытекала, и в свете фар увидели серые каменные стены с оспинами маленьких окошек. Каменный крест стоял в стороне.

— Давайте выйдем, — предложил Рыков и постучал по стеклу автобуса пистолетом. — Мы только сходим за помощью, ребята, — сообщил он, и слабый одобрительный гул послышался изнутри.

Они вошли в высокие монастырские двери. Там находились охранники из Чека. Они узнали Рыкова и усмехнулись. Ужасный запах стоял в высоком, холодном каменном коридоре, как пелена. Иисус висел на кресте на стене, смотря на них сверху вниз в смертной агонии.

— Что это за место? — прошептала Елена.

— Госпиталь. Я говорил вам. — Он повернулся к страже. — Где Землячка?

— Здесь, — хрипло ответил женский голос.

Рыков улыбнулся.

— Пойдемте повидать сестру-хозяйку.

Они прошли по коридору. Их сапоги эхом звучали среди каменных плит, отглаженных за века ходившими здесь монахами. Они вошли в ризницу. Длинный шкаф,

предназначенный для облачений, занимал одну стену. Женщина средних лет сидела в резном кресле, стоявшем на каменном полу. Казалось, в шкафу висели цепи, топоры, ножи и другие подобные инструменты. Женщина вся была в черной коже, начиная от сапог на бриджах до буденновки на голове. Отвратительный запах наполнял комнату, одновременно и острый, и гнилой, и он исходил от нее. Она посмотрела на них налитыми кровью глазами.

— Ну что у вас? — проскрежетала она.

— Пациенты, — насмешливо ответил Рыков, и она улыбнулась, обнажив желтые от табака зубы. — Я захватил их в бою.

Михаил презрительно хмыкнул, и Рыков топнул ногой.

— Как дела? — спросила Землячка. Михаил прислонился к стене, и она не обращала на него внимания.

— Плохо. Они сражаются, как кролики. Мы расстреляли дюжину, чтобы заставить их воевать. Мне надо в штаб, чтобы разузнать, что будет дальше. Может, нам придется отступить, если резервы Врангеля на подходе.

— Значит, у нас будет много дел утром.

Перспектива, казалось, была приятной для красноглазого существа в кресле. Она потянулась, и небольшие кучки табачного пепла слетали с ее кожанки.

— Я сейчас уйду, — сказал Рыков. — Послушай. Сохрани этих двоих для меня. Посади их в какую-нибудь келью.

Землячка кивнула. Ее красные глаза прикрылись, будто она смотрела в какое-то неизвестное будущее.

— Мы привезли полный автобус пациентов с собой, — сказал Рыков. — Я сейчас помещу их в палату.

Они слышали удаляющийся стук его сапог, слышали, как он саркастически обменялся несколькими словами с охраной, слышали, как они рассмеялись.

— Мы оба обладаем медицинскими знаниями, — четко произнесла Елена. — Мы готовы помочь вам ухаживать за пациентами, если это и есть ваш госпиталь.

Глаза открылись, и она посмотрела на Елену.

— Да, это госпиталь, — шепотом произнесла она. — Госпиталь, где мы дезинфицируем, где мы уничтожаем болезнь, где мы очищаем. Это госпиталь для наказания безжалостным мечом Красного террора. Красный Крым... Мы сделали Крым красным... Здесь мы очищаем рабочих-титанов России от вешателей, поработителей, мучителей рабочего класса. Нет, нам здесь не нужны медицинские навыки вашего класса.

— Вашего класса тоже, — тихо возразила Елена. — Вы крестьянка или рабочий-титан не более, чем Ленин или Троцкий.

Кровавые глаза посмотрели на нее зрачками, сузившимися до размеров булавочной головки.

— Очень умно, но это не так. Да, я Розалия Залкинд, но меня называют Землячкой. Да, я родилась в достатке, но я передовой борец, один из закаленных большевиков, большевиков, закаленных, как сталь. Но я, в отличие от вас, отвергла прошлое и принимаю только будущее. Однако погодите, у меня может найтись работа и для вас после всего...

Она повернула голову назад и закричала:

— Мерзавка! Сюда, мерзавка!

Откуда-то неподалеку послышался топот ног, спешащих по команде ее голоса. Кто-то вошел в дверь и остановился за ними, и они повернулись.

— Это мерзавка. Она носила прекрасные одежды, добытые потом рабочих. Она ездила в экипаже, в то время как они страдали. Теперь она здесь, перед вами. Настоящая мерзавка, законченная мерзавка, насквозь мерзавка.

Ужасное существо стояло в дверях. Жалкое тряпье, какие-то омерзительные космы, которые были когда-то волосами, жуткое лицо — все было покрыто гнилостной темной слизью. Только два ярко-зеленых глаза на обезображенном какой-то чудовищной коростой лице свидетельствовали, что это был человек.

— Я нашла ее, — сладко произнесла Землячка. — Это одна из вас, угнетатель пролетариата. Я выяснила, что она хочет стать одним из нас, так что теперь она работает на меня, помогает очищать русский народ. Может быть, я поручу вам такую же работу.

Она зевнула и снова заорала, на сей раз обращаясь к охране:

— Бросьте их в камеру. Пусть будут там, пока Рыков не придет за ними...

Их провели под конвоем по коридору к каменным ступеням. Где-то сзади них раздался глухой стук и треск. Взглянув назад, Елена увидела, что чекист ударил жалкое существо сапогом. Оно было человеком: яркая красная кровь оставила след на камне.

Их поместили в монашескую келью. Как только дверь захлопнулась, Михаил подошел к окну.

— Тот человек, — тихо произнесла Елена, — тот, кого эта женщина называла мерзавкой, это Катя.

Он посмотрел вниз, попробовав решетку.

— Твоя школьная подруга?

— Я бы узнала эти глаза везде. И она смотрела на меня. Она тоже узнала нас, Михаил.

— Там Рыков, — вдруг сказал он, и Елена тоже выглянула. Они видели автобус, видели Рыкова в желтом свете фар, видели, как он поставил вниз на землю большую канистру. В его руке зажегся огонек, и затем внезапно вспыхнуло пламя, побежало по кузову автобуса и устремилось вверх. Окно кельи было зарешечено, но без стекол. Тишина ночи была разрушена страшными криками, треском лопающихся стекол.

Автобус ярко вспыхнул и осветил келью. Из его окна вылетел костыль, раздалось два, а потом три ужасных взрыва. Разлетевшиеся части упали и покатались. Они горели, пока Михаил и Елена безмолвно наблюдали сцену. Какой-то человек в автобусе продирался к окну, тяжело работая одной рукой, в то время как его волосы, одежда и бинты горели. Рыков наблюдал в отдалении, подбоченившись. Они увидели, как блеснули его зубы в свете огня. Ветер донес до монастыря дым, и келья наполнилась едким запахом горящего мяса.

Заскрипел замок двери, и Елена очнулась. Она дернула Михаила. Они прижались друг к другу в углу. Показалась тонкая полоска света, очертившая дверь, и они увидели, как она качнулась и открылась.

— Елена, — просипел голос. Дверь закрылась. Свет от свечного огарка, который прятался в заскорузлых ладошках, слабо осветил келью. Его окутывал страшный запах смерти.

— Катя!

— Вы не спите? Вы должны очень тихо идти со мной. Я спасу вас.

— Как? — быстро прошептал Михаил.

— У меня есть ключ. Я давно украла его. Я храню его... Туда они никогда не заглянут. В ужасном месте... Он открывает некоторые двери внутри, но ни одну снаружи.

— Что с тобой сотворили, Катя? — спросила Елена, в ее голосе звучало сострадание. — Почему ты покрыта... всем этим...

— Она убивает по-разному, дорогая.

Чистый голос ее подруги прозвучал в темноте так, словно она находилась в лицее на сцене, и их родители аплодировали в зрительном зале в конце действия.

— Она убивает разными способами всякого, подобного нам, когда находит его. Они все убивают. Это лагерь особого назначения, один из спецлагерей. Они созданы для убийства всех классовых врагов большевиков. И я... я должна распоряжаться телами тех, кого она убивает. Она

получает своего рода удовольствие, наблюдая меня в таком виде... Но довольно. Слушайте меня. Я отведу вас вниз через черный ход. Я выведу вас во двор. Там лежат тела тех, кого она убила вчера. Я положу вас в груды трупов, и вы должны лежать там очень-очень тихо. Позже, утром, я погружу некоторые тела на телегу, которую возит ослик. Мне откроют ворота, и я погоню осла к реке, куда сброшу мертвые тела. Вы сможете уплыть вниз по течению вместе с мертвыми.

— Можешь ли ты тоже бежать?

— Нет, — просто ответила Катя. — За мной наблюдают.

— Но если она узнает, что ты помогла нам бежать, когда обнаружит келью пустой?

— Утром она даже не вспомнит, что вы были здесь. Она убивает очень многих и постоянно нюхает кокаин. Если Рыков спросит, где вы, она просто предположит, что убила вас, как и других. Теперь поспешим. Нельзя терять время.

Катя открыла дверь, сложив руки чашечкой, чтобы пламя свечи стало не более чем слабым отблеском. Они выбрались наружу, спустились вниз по узкой продуваемой лестнице.

— Сюда.

Они прошли в дверь, и Катя закрыла ее. Она поставила огарок на землю, и в его внезапном свете Елена прижала кулак ко рту, чтобы не закричать.

Они находились в часовне. Иисус Христос смотрел вниз скорбными глазами. Купель для крещения, поставленная к престолу, была наполнена отвратительной жижей. Слизь толстым слоем покрывала каменный пол. Беспорядочно валялись искалеченные трупы, отрезанные части тел. Несколько мертвецов свесились с престола с проломанными головами, и их мозг стекал в купель. Лом, покрытый кровью, лежал на испачканной алтарной пелене.

— Здесь я живу, — вымолвила Катя. — Ей нравится содержать меня здесь.

В глубине часовни были другие двери. Катя сняла замок и задула свечку. Они услышали скрип, потом она открыла дверь, и холодный, свежий воздух разбавил зловоние.

Девушка вывела их. Только звезды освещали их путь, но она нашла груды тел на ощупь.

— Теперь быстро, — зашептала она, стянув вниз несколько тел. — Забирайтесь!

Елена и Михаил полезли по мертвецам, которые

поддавались, как резина. Катя положила на них сверху трупы.

— Вы должны сейчас быть такими же тихими, как они. Вы должны походить на них. Я должна это сделать, потерпите.

Елена закрыла глаза, и холодная мерзкая слизь полилась на ее лицо. Она в ужасе стиснула зубы и безмолвно заныла.

— Я уйду. Сейчас я уйду, дорогая. Лежите тихо оба. Лежите очень тихо, и я отвезу вас к реке...

Запах горящего угля проникал в ноздри, смешиваясь с запахом смерти. Михаил вдыхал его, лежа в куче среди мертвецов. Слышались хриплые крики команд, шарканье ног, глухие периодические удары падающих тел, стоны боли и страха.

Кровь, покрывшая его лицо, высыхала и склеивала его закрытые глаза. Через некоторое время он смог приоткрыть один глаз и посмотреть сквозь острые концы слипшихся красных ресниц.

Он увидел двор. Толпа людей сгрудилась у стены, охраняемая чекистами, вертевшими в руках тяжелые дубинки, ломы и топоры. Возле стены тлела кучка древесного угля, огороженная железными стойками по краям. Он увидел, как из дверей вышла Землячка. Она была одета, как и давеча, в черную кожу. Она стала перед группой людей — мужчин, женщин и детей, которые дрожали у стены.

— Буржуи, — тихо и внушительно произнесла она. — Вы буржуи.

Она как-то болезненно облизала губы, будто пробуя что-то отвратительное.

— Вы пришли сюда, чтобы умереть. Мы — те, кого рабочие-титаны послали, чтобы очистить мир от вашего присутствия. Мы ведем безжалостную войну, непримиримую борьбу против самого вашего существования.

Три фигуры стояли впереди, отделенные стражей, двое мужчин, один старый, в военной форме, а другой средних лет, и молодая красивая женщина в желтом шелковом платье. На мужчине средних лет были остатки черного фрака, а на голове — порванный цилиндр. Михаил услышал, как он говорил.

— Мы люди, — сказал он четко и смело. — Как и вы, я полагаю. Какое вы имеете право убивать тех, кто одет не так, как вы, кто говорит не так, как вы?

— Мы те, кого избрал рабочий класс. Для нас не существует старая система морали и гуманности, изобретенная буржуазией для подавления и эксплуатации рабо-

чего класса. Нам все дозволено, ибо мы первыми в мире подняли меч во имя освобождения всех от порабощения. Мы закаленные большевики.

Старый человек в полинявшем генеральском мундире презрительно фыркнул. Землячка подошла к нему.

— Разве вы не убили тысячи рабочих в армии?

— Крестьян, — коротко поправил он. — Рабочие были на фабриках. И народ воевал из-за любви к России и царю.

— Ложь!

Она ударила его чем-то, и кровь потекла по его лицу. Однако его высоко поднятая голова выражала презрение.

— Принесите бочку! — крикнула она. — Так как вы доводили рабочих до смерти, вы почувствуете их острую сталь.

Охранники прикатили большую деревянную бочку от стены и сунули связанного генерала внутрь, стуча по крышке. Михаил услышал хрип его агонии, услышал, как застонала Елена сквозь стиснутые зубы. Они держались за руки среди трупов, и он сильно сжал ее, и она притихла.

Землячка повернулась к мужчине в рваном фраке.

— А ты, — негромко сказала она. — Какое ты совершил преступление против рабочих?

— Я промышленник, — с достоинством ответил он. — Я обеспечивал их работой и платил им жалованье, чтобы они могли кормить и одевать свои семьи.

Она ударила его тем же предметом, и кровь показалась на его лице.

— Ты пил их кровь! — заорала она. — Ты жрал их плоть!

— Я понимаю, что вы собираетесь нас убить, — сказал он, и его голос слегка дрогнул. — Но оставьте детей. Они не причинили вам вреда, чтобы вы ни думали. Отпустите их.

— Отпустить их? Когда сжигают вшей, разве сохраняют их яйца? Они вырастут в новом мире, но они не станут похожи на нас! На все времена они до мозга костей останутся буржуйской мразью. Предателями рабочего класса. Будут пытаться снова поработить нас. Нет, нет!

Ее рука протянулась в толпу, прижатую к стене, и вытащила из нее женщину. Она была беременна и в ужасе держалась за живот, стараясь не глядеть на женщину в черной кожаной форме. Землячка указала на нее рукой:

— Вот она, — прошептала она. — Вот он, враг.

Полоска металла сверкнула на солнце, и платье женщины окрасилось алым цветом. Она упала, продолжая

держаться за живот. Промышленник попытался остановить Землячку, когда та двинулась к ней, и чекист ударил его винтовкой. Землячка перевернула женщину на спину. Женщина заклинала ее о пощаде, но лезвие ножа поднялось и упало.

Когда Землячка разогнулась, свежая кровь текла по ней, и она тяжело дышала. Она держала что-то розовое, похожее на кролика.

— Вот он, — с торжеством произнесла она и швырнула его в стену. — Вот он, враг!

Она глянула, как пьяная, на промышленника, который, скрючившись, лежал на земле.

— Заняться этим!

Охранники сорвали с него одежду и привязали его к кольям в земле. Появился чекист с небольшой птичьей клеткой, и другой — с медной чашей из церковной утвари. В клетке находилась не птица, а нечто иное, яростно верещащее. Землячка поднесла клетку прямо к лицу промышленника, чтобы он увидел крысу.

— Вот кто ты есть, — прошептала она.

Они сунули крысу в чашу, которую прижали к его голому животу. Затем принесли горящие угли из тлеющей золы и положили их на перевернутое дно.

Наконец Землячка встала перед молодой женщиной. Ее светлые волосы спадали на канареечную желтизну платья, и она с ужасом смотрела на жуткое существо перед собой.

— А ты... худшая из всех.

— Я ничего не сделала, — запротестовала девушка.

— Ничего? — переспросила ехидно чекистка. — Разве ты не жила в хорошем доме? Разве ты не питалась хорошей пищей? Разве ты не ходила в хорошую школу, не носила хорошие платья? Разве ты не красивая?

— Это преступление? — смело спросила она.

— Да, преступление. Красота нужна бездельникам. Я никогда не была красивой, потому что всю свою жизнь боролась за победу рабочего класса. Красота отвратительна, красота преступна. Мы искореним красоту.

Она бочком подошла к молодой девушке, которая не могла не отшатнуться, съежившись, от нее.

— Каково это, быть красивой? — зашептала она. — Каково это, знать, что все мужчины, которые видят тебя, желают обладать тобой? Ты могла бы иметь любого мужчину, какого пожелала, разве не так? И нарожать себе подобных, чтобы угнетать и поработать. Вот к чему привела бы эта красота.

С нее сорвали платье, и охранники насильовали ее по

очереди, и она кричала. Землячка впервые за это утро засмеялась. Затем они прикрутили ее проволокой к длинному железному шесту и поместили его на стойки по краям кучи с углем. Ее длинные волосы свесились и загорелись. Она вскрикнула, заглушив хохот охранников. Они начали поворачивать вертел.

Два охранника покатали бочку по двору. Она странно блестела на солнце, и вскоре через ее обручи стала просачиваться кровь. Распятый на кольях мужчина с медной чашей на животе задыхался и стонал от боли.

Землячка вынула из кармана блестящую серебряную табакерку и вдохнула щепотку белого порошка.

— В часовню, к остальным, — небрежно произнесла она, указав на оставшихся пленников. — Пусть помолятся.

Она подошла к вертелу, на котором поворачивали и поджаривали девушку, стонавшую в агонии.

— Теперь ты уже не красивая, — удовлетворенно сказала Землячка, затем откинула назад голову и крикнула:

— Мерзавка!

Одним глазом Михаил увидел Катю, спешившую из дверей часовни, где в ожидании смерти стояла толпа жертв. В своем отвратительном тряпье она встала перед палачихой.

— Пришло время избавиться от них, мерзавка. Но вначале ты должна кое-что съесть.

Нож сверкнул в ее руке и отрезал кусок от покрывшегося волдырями, обуглившегося тела. Девушка еще была жива и билась в предсмертных конвульсиях. Землячка протянула кусок...

Ослик стоял, запряженный в телегу. Его ноздри раздувались, его шерсть вставала дыбом от страха. Кате помогала пленная женщина, они грузили трупы в телегу. Они взяли Михаила за руки и подняли его на вершину груды. Другие тела заскользили по нему.

Телега двинулась к воротам. Они подъехали к бочке, и он увидел, что сотни гвоздей вонзились в человека, их головки сверкали на солнце. Промышленник лежал неподвижно, распятый на кольях, в растекающейся луже крови. Крыса изнутри тыкалась в его нос, пытаясь выбраться из дыры, которую она прогрызла в его теле. Она выскользнула, наконец, наружу, скользкая от крови, и кинулась прочь через двор.

Когда они проезжали через ворота, их тень упала на телегу. Послышался винтовочный выстрел, и пленная женщина замертво упала среди трупов. Он услышал мужской смех.

Затем он услышал плеск воды, речной поток спускался с гор к морю.

Телега остановилась. Он услышал скрип заднего борта и всплески от падавших в реку тел. Он почувствовал руки Кати на своих ногах, когда она потянула его из тележки, и краем глаза заметил возле ее рта засохшую кровь женщины в желтом платье, увидел, как побелели ее зеленые глаза, когда она стаскивала тела погибших в поток. Затем он унесся прочь, плывя среди мертвецов.

Он нашел Елену там, где река образовала небольшой залив.

Она стояла на коленях в воде и неистово терла лицо пригоршнями песка. Ее светлые волосы потемнели и спутались. Она яростно скребла свою кожу, будто желая содрать ее.

— Будет, — мягко сказал он, беря ее за руки. — Нам надо скрыться.

Она позволила поднять себя на ноги.

— Я никогда не смогу очиститься, — прошептала Елена. — Никогда...

По дороге приближался грузовик. Это был один из их грузовиков. Водитель остановился, когда они замахали своими нарукавными повязками с красным крестом.

— Залезайте, — сказал он. — Пять армий красных двигаются по дороге.

Они уставились на него.

— Но мы выигрываем войну, — сказал Михаил.

— Поляки вышли из войны, — коротко ответил водитель. — Они подписали перемирие. Теперь красные наступают. Нас вытесняют с полуострова.

На щитке приборов лежал черепаховый гребень. Михаил взял его и медленно и осторожно провел им по волосам Елены, расчесывая ужасные слипшиеся космы.

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ УМЕРШИХ

Крым, ноябрь 1920

Поезд назывался «Красное Знамя». Его мощный локомотив раньше, во время войны, тащил бронированные платформы с установленными на них огневыми точками и воевал с Деникиным и Колчаком на обширных пространствах вдоль железнодорожной линии. Сейчас он вез более впечатляющее оружие. Вагоны были украшены лозунгами и яркими плакатами, изображавшими героических солдат, крестьян и рабочих, вместе борющихся и усердно трудившихся над построением нового мира, где торжествовали социальная справедливость и социальное равенство. Константин усовершенствовал свои шаблоны, и художники на местах могли размножить их для наглядной агитации в своих городах или селах буквально за полдня. Это помогало в деле воспитания населения в коммунистическом духе. В вагонах имелся печатный пресс, груды книг, брошюр и памфлетов, написанных просто и понятно, а также целый ряд специальных фильмов, показывающих населению и войскам вождей России и путь к новой жизни. Платформы везли также автомобили и грузовики, чтобы доставлять плакаты в деревни и хутора, находившиеся в стороне от железной дороги. В поезде ехали актеры, музыканты и певцы для поднятия духа солдат. Его называли агитпоезд. Красные разбили белых на полях сражений, теперь надо было разбить их в сознании людей.

Поезд «Красное Знамя» двигался вдоль линии с одной остановкой в день. Более ста восьмидесяти тысяч красных солдат Фрунзе сосредоточивались для последней атаки на сорокатысячную армию белых, расположившуюся за Турецким валом, который защищал Севастополь. Фрунзе захватил у белых тридцать шесть тысяч тонн зерна в ходе своего наступления, и поезда, в том числе и «Красное Знамя», везли новые шинели и валенки в нескольких вагонах. На фронте было достаточно пулеметов, чтобы обеспечить первые эшелоны огнем из расчета один пуле-

мет на группу в двадцать солдат. Белые, взятые в плен, были в оборванной летней форме, набитой соломой и мхом. Приближалось 7 ноября. Войска Фрунзе включали Конную армию и пятьдесят первую дивизию Блюхера. Это были орлы революции, и в канун ее третьей годовщины красные генералы обещали Ленину окончательную победу. Для вдохновения солдат прибыли артисты «Красного Знамени».

Воины утоптали замерзшую землю перед большой, залитой светом прожекторов сценой. Им было тепло в новых шинелях и валенках, а повара обеспечили им горячую и сытную еду. Они были готовы воспринять то, что скажут им, за что и почему они воюют.

Они с удовольствием слушали революционную поэзию. Декламатор на сцене не был Маяковским или Блоком, но он читал их стихи. Солдаты, победившие в революции, узнавали себя в двенадцати красногвардейцах Блока. Они знали, кого имел в виду поэт, когда писал о паршивом псе, видя перед собой оборванные войска Врангеля.

Они знали Маяковского как «барабанщика» революции, они во всю глотку выкрикивали: «Левой! Левой! Левой!», когда выступавший начал декламировать «Левый марш».

Они с удовольствием глядели, как выступают танцоры, музыканты. Крестьянская девушка-волжанка Верочка выступала последней, и все смолкли, потому что ее голос звенел серебряным колокольчиком, а волосы рассыпались золотом в лучах прожекторов. Когда она танцевала, поднимала юбку, и мелькали ее красивые ноги. Ее грудь была высокой, а кожа персиковой. Все были влюблены в нее.

Грузовики доставили артистов назад к поезду. Поезд двигался всю ночь напролет, чтобы на следующий день успеть быть на месте назначения. Верочка была «звездой», и партийный комиссар выделил ей собственное помещение в конце последнего вагона, чтобы она могла репетировать. Она носила французское шелковое нижнее белье под крестьянской блузкой и простой юбкой, которые так восхищали солдат, а армейская шинель, которая умиляла зрителей, была отделана мягким теплом мехом. Она ела мясо и овощи, мазала масло на хлеб, когда в стране был голод. И ей казалось, что новый мир не слишком отличался от старого. Для немногих было все, и немногое — для всех. Единственное, что действительно было новым, так это необходимость прятать то, что имеешь, скрывать.

Она открыла дверь своего купе и вошла, заперев ее за

собой. Ее обслуга оставила масляную лампу зажженной, стеклянная кружка с водой, стоявшая перед ней, рассеивала мягкий свет, занавески были опущены, сохраняя уют этого одинокого пристанища. Раскаты артиллерийских орудий, обстреливающих железную дорогу, и ответный огонь батарей бронепоездов белых доносились как далекая гроза.

Сегодняшняя ее ночь была свободна. Партийный комиссар сегодня развлекался с новенькой танцовщицей. Она скинула свою теплую шинель с плеч и повесила ее на дверь на вешалку в виде звериной лапы. Комиссар не любил холод, поэтому он следил, чтобы поезд хорошо обогревался углем из бункера «Красного Знамени». В ее купе было тепло, и она сняла нелепые деревенские одежды, к которым испытывала отвращение. Тихий кашель из угла комнаты заставил ее схватить блузку и юбку в руки, и она в тревоге прижала их к телу. Там сидел мужчина в темной военной форме, слившийся с деревянной обшивкой. Маленького роста. Он вежливо улыбался.

— Кто вы, черт побери? — нервно спросила она.

— Я не хотел вас напугать, — извиняющимся тоном ответил он. — Меня зовут Рыков.

Он встал и вручил ей букет цветов.

— Я взял их в буржуйской оранжерее, — проговорил он. — Как человек, проделавший путь в пятьдесят верст под дождем, чтобы услышать ваше пение, могу я вручить их вам?

Один из них, подумала она, и доверие начало понемногу возвращаться. Глупые простачки, до безумия влюбленные в ее красоту, с которыми так легко справиться. Она приняла цветы с милой улыбкой. Однако как он попал сюда? Станция охранялась.

— Я из ГПУ, — ответил он, и новый приступ страха поднялся из низа живота. Чека оставалась Чека, как бы она себя ни называла. Сегодняшний висельный юмор гласил, что ГПУ расшифровывается не как Государственное Политическое Управление, а как Господи, Помилуй Умерших.

Маленький человек, очевидно, хорошо знал, какой эффект на людей оказывало объявление его профессии, поскольку успокаивающе улыбнулся.

— Нет, нет, не бойтесь. У нас, чекистов, есть и внеслужебные интересы. Я люблю ваше пение и стараюсь присутствовать на каждом вашем концерте. Я, можно сказать, поклонник.

Она опять улыбнулась, хотя гораздо менее уверенно, все еще прикрывая своей крестьянской одеждой узкое нижнее белье.

— Теперь, когда война почти выиграна, мне надо записать на граммофонные пластинки наши великие революционные песни. Настоящие пластинки, на 78 оборотов. Я была бы рада послать вам набор.

— А я — получить его. Я, кстати, друг товарища Луначарского, — сказал он, назвав комиссара просвещения. — Вероятно, вы бы хотели получить рекомендацию?

— Хотела бы, конечно, если это возможно, — страстно сказала она.

— Видите, ваш поклонник пришел с подарками. У меня есть еще один. В заброшенном буржуйском доме, где я нашел для вас цветы, я обнаружил что-то еще. Как только я увидел это, я понял, что оно не может подойти никому, кроме вас.

Из-за ручки кресла, в котором сидел, он достал платье. Белое, оно в мягком свете чуть отливало цветом слоновой кости.

— Конечно, это свадебное платье, — сказал он извиняющимся тоном, — но какая красивая ткань, и его, наверное, можно переделать.

Она потерла ткань между указательным и большим пальцами. Настоящий шелк. Превосходная вышивка. Теперь нет подобных материалов, в это гнусное революционное время.

— Это отличное платье, — согласилась она.

— Такое платье вы могли бы надеть на свадьбу, если бы времена изменились? — размышлял он вслух.

— Что вы имеете в виду, товарищ? — нерешительно спросила она. — Я простая деревенская девушка.

— Ну, что вы, мадемуазель. Вера Владимировна, не так ли?

Она смотрела на него, как кролик, парализованный ужасом, смотрит на маленького, но смертельно опасного горностаю.

— Верно? — тихо спросил он. — Вы ведь учились в Царскосельском институте?

— Да, — прошептала она.

Он приятно улыбнулся.

— Я это знал. Это чувствуется по вашему пению, понимаете. Вас обучали, а деревенских девушек не обучали.

— Нет, — с несчастным видом произнесла она. Он близко подошел к ней и схватил за руку.

— Не волнуйтесь, — успокоил он ее. — Пусть это останется нашим секретом. На самом деле меня не заботит, какого вы происхождения. Я просто ваш поклонник. Послушайте, почему бы вам не примерить это платье. Я бы хотел увидеть вас в нем.

— Хорошо, — согласилась она. Она пыталась оценить положение. Каковы были намерения этого малорослого прохвоста? Возможно, это какая-то игра и снаружи поджидают головорезы, чтобы увезти в Чека? Или он хотел обладать ею? Поезд скоро должен тронуться, может быть, она как-то выкрутится?

Она отложила свои крестьянские одежды и немного успокоилась, увидев, что он не смотрел на ее тело, скромно не сводя глаз с ее лица, когда передавал платье. Она нырнула в него, быстро продев руки в длинные рукава.

— Вот так, — сказал он. — Позвольте мне застегнуть пуговицы.

Она повернулась к нему спиной, и он осторожно застегнул длинный ряд перламутровых пуговиц, протолкнув их в петли. Затем она почувствовала, как его руки скользнули по ее телу и ощупали ее груди под шелком.

— Поезд отходит через несколько минут, — сказала она.

— Да, я знаю. Значит, нам не следует тянуть слишком долго.

Верочка не сопротивлялась. Она послушно согнулась над валиком дивана и почувствовала, что он задрал ей платье на талию. Она слышала его тяжелое взволнованное дыхание. Во всяком случае, ее оставят в покое. Очевидно, он и впрямь был ее поклонником, если это так можно назвать. Она расставила ноги от его напора, и его руки двинулись от лобка к ее грудям и выше, к шее.

Он прижал ее всем своим весом, но, когда его пальцы вонзились в нежную кожу ее горла, она выпрямила руки и резко откинула голову назад, ударив его затылком в лицо. Он зарычал от боли. Она оказалась неожиданно сильной. Девушка выпрямилась, пытаясь сбросить его со спины, и от рывка поезда они ударились о стенку вагона. Засвистел свисток, заглушая ее крик. Его пальцы нащупали ее глотку. В неожиданно наступившей тишине он выдавил из нее дыхание, как давят яичную скорлупу. Взвизгнули тормоза, вагон дернулся назад. Он оттолкнул ее, кровь текла у него из носа. Он смотрел, как она зашаталась, держась за горло, и упала. Потом он опустился рядом с ней на колени. Свистел свисток паровоза, а он завершил насилие над уже мертвым телом.

Поезд набирал скорость, покидая станцию, когда он спрыгнул с подножки последнего вагона. Он двинулся прочь, зажав под мышкой что-то белое.

Отблеск солнца на рельсах постепенно тускнел по мере того, как незаметно крепчал мороз. Поезд стоял безмолвный и неподвижный — только локомотив с бункером топлива и пустые вагоны. Огромные красные кресты виднелись на их крышах и боках. Вдалеке небо потемнело от дыма, и воздух сотрясался от артиллерийской канонады. Где-то в конце холодной, замерзшей железнодорожной линии лежали раненые, ожидая поезда.

Елена сидела подле одного из громадных колес локомотива. Она была в солдатской форме, на руке повязка с красным крестом. Две ноги в валенках торчали из-под локомотива. Михаил предпочитал валенки из-за своих опухших покалеченных ног. Время от времени она подавала ему одни инструменты и брала у него те, которые уже не нужны. Наконец он выполз наружу и сел, держа в руке блестящую тяжелую деталь.

— Сломана, — с горечью произнес он. На ней виднелись желтые и синие разливы, видимо от перегрева, проржавевший стержень неровно выступал изнутри.

— Ты сможешь отремонтировать ее? — спросила она. Деталь выглядела безнадежной.

— Нет, нам нужна новая с завода в Киеве, но они больше не производят поставок.

— Значит, нам придется идти. Будем прокладывать путь в Севастополь.

Михаил поднялся, с трудом разгибая одеревеневшие конечности.

— Александр Борисович! — позвала Елена, и из кабины высунулась чумазая голова, покрытая пылью, которая свидетельствовала о профессии ее обладателя.

— Поезд нельзя отремонтировать, поэтому попытаемся добраться до Севастополя и до эвакуационных кораблей. Князь Михаил Александрович не сможет идти пешком. Поспешите вперед, надо найти какой-нибудь транспорт.

— Хорошо, графиня, — ответил кочегар. Двинувшись вдоль поезда мимо пустых вагонов, они увидели, что он быстро идет по рельсам, на полмили опередив их.

— Нам бы стоило вспомнить о велосипедах, — сказала Елена, видя, как Михаил с трудом волочит больные ноги.

— Велосипеды? — улыбнулся он. — Для железнодорожных королей?

Она рассмеялась. Ровная земля расстилалась перед ними, впереди сверкало море.

— Я была уверена, что мы победим, — вдруг печально произнесла она. — Я так надеялась.

Они устало тащились вдоль промерзшей железной дороги.

— Теперь Россия принадлежит им, — сказал он.

— Мы доберемся до Лондона, — отвечала она, — и будем узнавать о том, что здесь происходит, из газет.

— В Найтсбридже есть православная церковь. Мои родители ходили туда на воскресную службу, — отозвался он. — Мы можем там обвенчаться.

Она обняла его одной рукой, и он добавил с внезапной горечью:

— Это должно было произойти в соборе святого Андрея. Там венчались мои родители. На их венчании присутствовал император...

— Михаил, Найтсбриджская церковь вполне устраивает меня, — сказала она. — А чем мы будем заниматься в Англии, ты думал?

— Я думаю, что после всего, чем нам пришлось заниматься в эту гражданскую войну, мы справимся с чем угодно. Может быть, я займусь железнодорожным делом.

— А у меня прежняя мечта стать садоводом. Хочу иметь хоть совсем небольшой сад. Англия славится садоводами...

Вдалеке показалась выехавшая из леса группа всадников.

— Наши или красные? — спросил, останавливаясь, Михаил.

В полумиле от них маленькая фигурка кочегара внезапно как подкошенная свалилась на землю у железнодорожной насыпи. Мгновением позже ветер донес отрывистый хлопок выстрела. Всадники поскакали по насыпи, и они слышали стук копыт по промерзшей земле.

* * *

Холод проникал до самых костей. Мокрая соленая грязь Сиваша, пропитавшая их одежду, когда они жгли белых в траншеях, теперь замерзла и была как броня. В этой заледеневшей одежде вымерзли даже вши. Во власти мрачных мыслей Акулов, ритмично покачиваясь в седле, проезжал мимо дома, окруженного садом. Немного отстав, за ним двигались его кавалеристы.

Он слишком долго воевал, чтобы радоваться победе. Пока они гнались за отступавшими войсками Врангеля, преследуя их по пятам, его кавалерийская рота сократилась в два раза. Особо большие потери были в ту туманную ночь, которая осветилась желтыми вспышками огня

сзади них и пулеметными очередями засады Кутепова впереди. Когда рассвело и наступил прилив, вода скрыла под собой трупы десятков людей, с которыми он прошел всю войну с первого дня и которые погибли в ее последний день.

Взгляд Акулова упал на дом и сад, мимо которого проезжал. В том, что он увидел, не было ничего необычного: солдаты приготовились расстрелять выстроенных в ряд захваченных в плен белогвардейцев. Партийные комиссары проводили расстрелы с самого начала войны. Белых расстреливали за то, что воевали слишком хорошо, своих за то, что воевали не слишком рьяно, в назидание другим.

Смазанные затворы выталкивали холодные патроны из магазинов в ствольную коробку винтовок с характерным металлическим лязгом. Белогвардейцы стояли неподвижно и молча спинами к изгороди, покрытой белым инеем, лицом к изготовившимся стрелять солдатам.

Она стояла в общем ряду, в солдатской форме, с нарукавной повязкой красного креста.

Акулов спрыгнул с лошади, бросив поводья, и кинулся наперерез линии огня. Его люди не спеша двинулись за ним, не покидая седел.

— Елена! — заорал он, и дула покачнулись, как деревья под порывом ветра, отклонившись от цели. Он налетел на нее, обхватив ее обеими руками, большой, как медведь.

Он сдернул с нее английскую пилотку, и грязные светлые волосы упали на ее лицо. Он повернулся к своим кавалеристам. Команда стрелков глядела на него с изумлением, опустив ружья.

— Моя невеста, — выкрикнул он. — Ее схватили, увезли, и вот я ее нашел!

Он выхватил ее из ряда, почти неся ее над замерзшей грязью одной огромной рукой. Его лицо сияло, и, когда до всех дошел смысл его слов, эти простые люди тоже просияли в ответ, перемигиваясь, радостно посмеиваясь и подталкивая друг друга локтями.

— Что за чертовщина?

К линии стрелков в ярости подбежал комиссар. Трое уставились друг на друга.

— Рыков, — сказал будто про себя Акулов.

— Акулов! — Рыков смотрел то на него, то на нее, страх и злоба сменяли друг друга на его лице. — Верни сучку назад, Акулов, — тихо сказал он, и ветер оборвал его слова, так что только они трое расслышали их. — Я все равно расстреляю ее, и тебя тоже, если ты будешь мешать мне.

— Она моя невеста, — ровным голосом громко ответил Акулов. — Она большевичка и женщина, на которой я собираюсь жениться. Это докажут тебе винтовки моих людей.

Глаза Рыкова метнулись на группу вооруженных всадников, и он смешался и повернулся к ряду ожидавших расстрела белых.

— Когда вы захватили эту женщину? — спросил он. Вперед шагнул высокий молодой человек в старом царском мундире кавалерийского офицера и больших, не по размеру, валенках.

— Два дня назад, — медленно выговорил он. — Нам нужен был повар. Мы офицеры его императорского величества, и не привыкли сами себе готовить.

— Ваше имя.

— Михаил Покровский. Князь Покровский, — ответил он, подчеркнув свой титул, и Акулов увидел, что Елена закрыла глаза. — Мне жаль, что мы похитили твою невесту, — продолжал он, обращаясь к Акулову. — Ведь ты крестьянин, и на моих землях работало много таких, как ты. Я не хотел обидеть тебя.

— Теперь никто не будет на тебя работать, — сказал Рыков, и это было правдой. Он повернулся к Акулову, по-прежнему державшему Елену за плечи, и непонятная улыбка осветила его лицо: — Что ж! Мы отпразднуем везение счастливой пары, ребята! — крикнул он. — Она спаслась от смерти! Я думаю, что им не следует больше ждать, пока их снова не разлучили, верно? Они должны пожениться! Что скажете, ребята? А мы выпьем за их счастье!

Он хохотнул, и усталые солдаты развеселились.

— Я представитель партии, — сказал Рыков, — пристально глядя на пару. — Я обладаю властью, и здесь много свидетелей.

Он повернулся к своим людям.

— Антон, я видел, как ты вчера раздевал мертвую женщину. Спорим, на ней были золотые кольца. Дай мне кольцо.

Редкозубый мужик, ухмыляясь, полез в карман. На грязной ладони блеснуло золото.

— Возьмитесь за руки, — велел Рыков, и Акулов взял неподвижную руку в свою лапу.

— От имени Ленина и партии я объявляю вас мужем и женой.

Он вручил кольцо Акулову, и тот надел его на ее ледяной палец.

— Поцелуй свою невесту, — насмешливо сказал Ры-

ков, и Акулов прикоснулся губами к ее губам, чувствуя, что они были холодны и неподвижны, как смерть. Солдаты радостно заулыбались, и Рыков послал за водкой.

Мужчина и женщина молча смотрели друг на друга через лес винтовок, прощаясь перед вечной разлукой. Мужчина чуть-чуть улыбнулся ей.

Сивушный запах самогона витал в воздухе, и замерзшие, потрескавшиеся лица приобретали более яркий цвет.

— О чем думаем, ребята? — крикнул Рыков, и они посмотрели на него, похожего на вожака собачьей стаи. — Мы их обвенчали, но у них нет времени гулять свой медовый месяц, потому что война еще не кончена и Революция не завершена.

Антон, чьи толстые пальцы были достаточно проворны, чтобы стащить кольца с мертвой женщины, оказался самым смекалистым.

— Дом, — выкрикнул он. — Там есть кровать. Она очень большая, мы ее не смогли вынести.

Стрелки зашумели одобрительно. Рыков оставил нескольких охранников сторожить пленных, и остальные внесли на руках Акулова и Елену в дверной проем и потащили их внутрь.

Дом был ограблен еще не полностью. Красные мародеры утащили только то, что могли спрятать в карманы и связать в узлы. Мебель, рамы с лохматыми от вырезанных холстов краями в беспорядке валялись в комнатах.

— Сожгите эту рухлядь, — приказал Рыков. — Где кровать, Борис?

Они протопали вверх по лестнице в спальню. Ковры были содраны со стен, но кровать была на месте. Чтобы вынести эту большую темного резного дерева кровать, потребовался бы отряд стрелков. Толстое стеганое одеяло покрывало матрац. Рыков запрыгнул на край, и кровать громко скрипнула. Он одобрительно хмыкнул, и его подчиненные поощрительно загоготали. Они ухмылялись Акулову в знак поддержки, сопровождая гогот непристойными жестами, и поглядывали на Елену, явно завидуя ее жениху.

Акулов остановил Рыкова, когда тот собрался уходить.

— Отпусти белых мальчишек, — тихо произнес он. — Врангель грузит их на корабль и увозит. Больше нет нужды в расстрелах.

— Разве эта война не против эксплуататоров? — фыркнул в ответ Рыков. — Разве Ленин не велел их уничтожать? Сперва здесь, а потом в других странах. Уничтожать надо сейчас, иначе придется все равно делать это потом.

Затем комната опустела, слышался только удаляющийся топот солдат, спускающихся вниз, чтобы погреться у горячей мебели и пошарить в поисках чего-нибудь ценного, что можно унести.

Комната промерзла, на оконных стеклах был иней. Их дыхание исторгало белый пар. В тишине тихо прозвучал ее голос:

— Ты теперь офицер или солдат? Ваша форма выглядит одинаково.

— Я теперь военачальник, госпожа. Офицер — это в прошлом. Я — комбат, командир батальона, — тихо ответил Акулов. Снизу доносился треск ломаемой мебели, которую жгли для обогрева. — За мной идут люди.

— За моим братом тоже шли его люди. В офицерском мундире он был очень красивым. Он был высоким и красивым. Смелым. Когда они шли в атаку на немцев, его люди двигались ползком по земле, а он шел выпрямившись во весь рост, гордо.

— И он погиб, госпожа. На поле боя нельзя быть гордым павлином.

— В России не осталось ничего красивого. Я предпочитаю видеть гордых павлинов, а не грязных хорьков.

— Мы строим новый мир. Те, кто был ничем, теперь стали всем. Не будет ни тиранов, ни рабов.

Акулов наклонился, чтобы стянуть сапоги и снять брюки.

— Снимите вашу одежду, госпожа, — очень серьезно сказал он.

Ее голос был таким же холодным, как и воздух в комнате.

— Я не имею намерения ложиться с тобой в постель, какой бы фарс ни разыграли вы с Рыковым.

Акулов широко шагнул к ней ногами в толстых носках и сдернул мундир с ее плеч. Он был подбит мхом от холода.

— Мне казалось, что насилие — это специальность Рыкова, — с вызовом сказала девушка.

— Специальность Рыкова — расстрел, — тихо, но с силой возразил он. — Он партийный комиссар и выполняет волю Ленина.

— Ни тиранов, ни рабов? — съязвила она. — Всех расстрелять? Таков результат вашего нового общества? Здесь правит Рыков-насильник, Рыков-убийца?

Большие руки сняли с нее валенки, расстегнули ремень и стянули брюки. Он поднял ее и положил в кровать, накрыв одеялом. Затем он вынул пистолет из кармана своего мундира и устроился рядом с ней.

— Рыков хотел расстрелять тебя. — Приходится платить за то, что он позволил мне спасти тебя.

Под толстым одеялом их тела стали согреваться.

— От меня воняет, — сказала Елена, — так же отвратительно, как и от тебя.

Послышались шаги людей, поднимавшихся по лестнице и старавшихся идти бесшумно. Снаружи со стороны сада донеслись лязганье затворов и отрывистый лай команды. В небольшом окошке над дверью появились ухмыляющиеся лица. Пружины кровати скрипели, и они радостно взревели, увидев, что парочка лежит в постели, тесно прижавшись друг к другу.

Выстрелы заставили задребезжать заледеневшие стекла. Кто-то вскрикнул в агонии, затем наступила пауза, а потом — глухой резкий звук пушечного выстрела.

— Господи, помилуй усопших, — шепнула Елена.

— Ты большевичка, — зашипел ей в ухо Акулов, лежа на ней сверху.

Дверь с треском растворилась, Акулов скатился с нее и взглянул с яростью. На одной рукавице Рыкова была кровь, в другой — пистолет.

— Князь Покровский в тот раз не умер, — сказал он, — но он умер сейчас.

Он пристально посмотрел на Елену и нарочито удивился:

— Слезы? В день свадьбы?

Елена села, и стрелки за спиной Рыкова с удовольствием глазели, как она натягивает на себя рубаху. Она открыто улыбнулась им.

— Это от радости, — сказала она. — Да здравствует Революция!

9

СЕРП И МОЛОТ

Петроград, январь 1921

В комнате было тепло, и снежная наледь на потрескавшихся сапогах начала таять. Павел стоял возле камина, в котором весело горел огонь. Человек за письменным столом просматривал его расчетную книжку. Он легко нашел этот дом. На улице, серебристой от снега, где дома казались ледяными и необитаемыми, этот дом выделялся всем своим видом. На нем висел флаг, красный с золотым. Под флагом на льду толпилась очередь. Люди стояли за разрешением встать в очередь за билетами на поезд, за разрешением встать в очередь за талонами на одежду, за разрешением встать в очередь на приобретение дров, за разрешением на похороны умерших. Они стояли в этой очереди, чтобы получить разрешение встать в другие очереди.

Павел недолго стоял в очереди, его пригласили войти внутрь. Пока остальные жители Петрограда стояли на улице и обращались к мелким чиновникам через маленькие окошки, наподобие окошек билетных касс, он прошел внутрь, в теплую комнату и стоял, наблюдая, как тает лед, обнажая грязь Крымских равнин, облепившую его сапоги.

Человек за письменным столом был полным и розовым, а люди снаружи — исхудалые и бледные, если не считать синевато-багровых и кирпично-красных рубцов на обмороженных местах. Должностное лицо по фамилии Капустин листало страницы красной расчетной книжки медленно, тщательно облизывая розовым языком влажные губы и сипло дыша через нос. Как и флаг снаружи, как и маленький флажок на столе, расчетная книжка была украшена золотыми серпом и молотом.

— Вам должны порядочно заплатить, матрос Волков.

— Я был слишком занят в сражениях, чтобы собирать то, что мне должны, товарищ. Но теперь война выиграна, и я возвращаюсь домой. Поэтому я пришел за расчетом.

Ему было приятно ощущать тепло, проникающее сквозь заднюю часть брюк, пока он стоял спиной к огню. Прошло много времени с тех пор, когда он не чувствовал холода.

— А также, — добавил он, — мне причитается дополнительный паек за участие в боевых действиях. Я сэкономил его, чтобы отвезти домой. Мука, сахар, масло и консервы. Посмотрите, там все указано.

Толстый человек кивнул.

— Да, это все есть в требовании, — сказал он и все-таки не потянулся ни за бланками пропусков, ни за ручкой у чернильницы или, самое главное, за штампом.

— Вы можете найти кое-что не менее ценное, чем рубли, — сказал он. — Все очень подорожало с тех пор, как вы уехали.

— Я верю, — невыразительно заметил Павел. — Это еще причина для нас поскорее вернуться к работе и строить наше новое, свободное общество. Теперь война выиграна.

— Да, да, — пробормотал чиновник Капустин. — Хотя наше новое общество уже многим может похвалиться, не правда ли?

— Я один из тех, кого Троцкий называл героями Революции, — серьезно заявил Павел. — Я из Кронштадта. Я и мои товарищи подняли там флаг Революции. Мне кажется, нам предстоит многое сделать, прежде чем мы достигнем цели. И мы уже начинаем. Теперь мне пора ехать, поэтому...

— Конечно, — Капустин продолжал перелистывать книжку. — Знаете, вам придется нести очень много. Это будет тяжело.

— Своя ноша не тянет. Я постараюсь унести все, что смогу.

— Я бы смог немного облегчить вашу ношу, — предложил Капустин, рассматривая книжку.

Павел ничего не ответил, но достал из ножен на ремне штык и прикрепил сорок сантиметров сверкающей стали к концу своей драгунской винтовки привычным жестом. Он поставил ее прикладом на влажный ковер у своего сапога, и сталь блеснула в его глазах.

— Я хочу, — произнес он, — получить то, что мне должны. Ни больше и ни меньше. И вы дадите это мне.

— Вы все получите, товарищ, — поспешно проговорил Капустин. — Каждый мешок, каждая банка, каждый куль. Я просто сказал, что мог бы обеспечить вас некоторыми удобствами перед отъездом. Некоторыми... вещами, которых вы не могли иметь там, вдалеке, сра-

жаясь за наше новое общество. За новое общество, которое хотело бы вас вознаградить.

— Какими вещами?

Капустин улыбнулся, обретя весьма неприятный вид. Его влажные губы казались особенно красными в свете пламени.

— Я сказал... новое общество может похвалиться многими завоеваниями. Мы живем в справедливом мире, товарищ матрос Волков. Возьмите меня, скромного слугу народа. До Революции я работал у жестокой эксплуататорши, которая угнетала трудящиеся массы, а сама наряжалась в шелка и ела из золотых тарелок. И хотя я изо всех сил трудился на эту жестокую женщину, она обвинила меня в безделье, лени, нечестности и выгнала из своего огромного дома, безжалостно выбросила меня на улицу.

Потом настала славная Революция. Мне как представителю народа поручили работать здесь в качестве комиссара. Во имя угнетаемых ею трудящихся я разыскал эту женщину, которая была угнетателем, эксплуататором. Я нашел ее. Она незаконно жила в подвале того большого дома, который украла у народа. Я выбросил ее на улицу, а ее имущество конфисковал именем народа. Она должна была заплатить за преступления, которые совершила. Во имя торжества справедливости она должна жить на улице, на холоде и голоде, как когда-то я. И пришел день, когда она должна была прийти ко мне, встать передо мной на колени и просить о помощи.

Капустин сделал паузу, облизывая розовым языком толстые губы, видимо, смакуя подробности своей мести.

— Я согласился немного облегчить ее долю, но при некоторых условиях.

Павел резко оборвал его длинную речь:

— Вы что, предлагаете мне, чтобы эта старуха гнула на меня спину?

Капустин улыбнулся.

— Нет... нет. Не она. С ней был несчастный случай. Она упала с верхнего этажа... она умерла. Но у нее осталась дочь, которая тоже ездила в экипажах, наряжалась, танцевала на балах, пока трудящиеся массы голодали. Она... очень красива. Она должна приходить сюда каждую неделю, чтобы получать разрешение на приобретение продуктов, одежды, на проживание в комнате, которую я ей выделил.

Глаза толстого человека были масляными.

— Это доставляет удовольствие... придумывать всякие новые способы, чтобы наказать эксплуататоршу, поставить ее на место.

Он поднял глаза на Павла.

— Здесь есть комната, которой вы можете воспользоваться. Целая ночь удовольствий. Она сделает все, что вы пожелаете, уверяю вас. Все, что угодно, и за очень небольшую плату. Скажем, за треть пуда проса.

— Она красива, вы говорите?

— И уступчива.

— И я должен уплатить ей треть пуда проса?

Капустин выглядел недоуменным.

— Не ей. Мне.

Павел улыбнулся.

— Ладно. Подпишите-ка мне пропуск и выдайте деньги.

Комиссар ослабился, и золотые зубы сверкнули у него во рту. Наконец он занялся бланками и отсчитал деньги из кассы.

— Вы можете получить ваши пайки со склада на соседней улице, а я тем временем доставлю ее сюда.

Он протянул Павлу бланки и деньги и тяжело встал из-за стола. Он заговорщически взял его за руку и подмигнул ему:

— Вы не пожалеете.

— Я знаю, — ответил Павел.

Сильной, тяжелой, мозолистой рукой он сунулся в обширные складки брюк толстяка и схватил его за яйца, сжав их со всей силы.

Капустин взвизгнул, как резанный поросенок, его глаза полезли из орбит. Павел грубо смял то, что держал в руке, и почувствовал, как что-то лопнуло, словно спелая слива. Капустин завопил колоратурным сопрано и упал на ковер, его начало рвать.

Когда Павел открыл дверь, на пороге стояла встревоженная молодая работница.

— Комиссару стало плохо, — сказал он, вешая через плечо свою винтовку, и увидел простодушную радость в глазах подчиненной, когда она глянула на скорчившуюся фигуру.

Он вышел на улицу. Становилось темно. Очередь молчаливых и продрогших мужчин и женщин терялась в наступивших сумерках. Около склада он обменял некоторое количество рублей на небольшие санки, которые петроградцы обычно использовали для перевозки шепок, собранных в брошенных домах.

На складе он загрузил санки положенными ему товарами, упаковав их предварительно от любопытных глаз в свой большой армейский мешок, и двинулся в неблизкий путь к Московскому вокзалу в конец Невского про-

спекта. Винтовка висела у него через плечо, со все еще прикрепленным штыком.

Желтые уличные фонари освещали зеленый фасад здания вокзала. Новая надпись гласила об Октябрьской железной дороге, однако грубо наложенная краска не скрывала рельефного глазированного черепичного покрытия с именем императора. Он прошел мимо огромной статуи Александра III, все еще стоявшей на площади, на которой не так уж и много лет назад толпы людей привели к власти Керенского. Во мраке площади притаилась женщина. Она возникла прямо перед ним, и он вынужден был остановиться. Она была в длинном, отороченном мехом пальто, и у нее был звучный, интеллигентно звучащий голос.

— До завтра не будет поездов, — сказала она.

Это был голос из прежних времен, но при тусклом свете он не различил ее лица.

— Значит, я останусь на вокзале и подожду, — равнодушно ответил он.

— На вокзале холодно и нет скамеек. Я могу предложить вам ночлег. Это совсем близко. И за очень небольшую плату. Может быть, у вас есть какие-нибудь продукты?

— Есть. Но я привык к неудобствам. Я могу обойтись без постели.

Он двинулся, собираясь обойти ее, но она снова оказалась перед ним, загородив ему дорогу. Свет теперь пал на ее исхудавшее от голода, но нарумяненное лицо. Она запахнула пальто, и он увидел ее обнаженную грудь и шею.

— Я приду в вашу постель, — сказала она. — Я согрею вас.

— Я уже отклонил сегодня похожее предложение, — сказал он. — А теперь застегнитесь. Слишком холодно.

Она запахнула пальто. Ее зубы выбивали дробь.

— Я — дворянка, из бывших. Я оденусь, как подобает аристократке, а вы можете делать со мной, что пожелаете.

— Я знаю, что вы аристократка, мадемуазель Катерина, — бесстрастно сказал Павел.

— Вы знаете меня... — ее голос прозвучал вкрадчиво и даже льстиво.

— Я матрос Павел из Кронштадта. Я приходил в ваш институт вместе с Константином, поэтом, и с Савинковым, и с Рут Ганзберг. Тогда был фотограф. Я помню всех. Многие из ваших просто не заметили какого-то матроса, но вы разговаривали со мной.

— Тогда была несправедливость, — пробормотала она, — хотя и не такая ужасная, как сейчас.

От стыда она опустила голову. Собираясь уходить, она добавила:

— Идите своей дорогой. Мне жаль, что вы увидели меня при таких обстоятельствах.

— Что делать! Теперь трудные дни, — сказал он. — Однако подождите. Неужели нельзя что-то изменить?

— Мои родители стары, они голодают. Я единственная, кто беспокоится о них.

Павел залез в свой большой мешок и достал оттуда куль муки, немного масла и консервы.

— Вот, передайте им это. И послушайте меня. Ваша подруга Елена в Петрограде. Она недавно приехала со своим мужем Иваном Ивановичем Акуловым, моим товарищем.

— Елена... — выдохнула Катерина. — Она была невестой Михаила...

— Князь Михаил погиб. Я видел, как это случилось. Но выслушайте меня. Вы можете найти Акулова на складе Красной Армии, где раньше была Калашниковская зерновая биржа. Это недалеко отсюда. Через Акулова вы найдете Елену, и она, возможно, поможет вам.

Катерина держала продукты в руках.

— Как мне благодарить вас? Спасибо, спасибо.

— Теперь идите. Отнесите продукты родителям и сделайте, как я говорю.

Она двинулась прочь, и он успел крикнуть ей вслед:

— И снимите эту чертову краску с лица. Она делает вас не похожей на себя!

Ему показалось, что он услышал ее смех, когда она убегала через площадь, исчезая в темноте.

Он пошел на вокзал. Поезд отправлялся утром. Он купил билет, нашел безветренный уголок и поставил свой мешок, усевшись на него для безопасности. Он завернулся в шинель и взял винтовку в руки.

Что-то зашуршало во мраке. Он снял штык с металлическим щелчком и держал его перед собой.

— Я вооружен, — сердито проворчал он.

— Я вам не причиню вреда, — произнес юный голос. Девочка вышла из-за колонны; ей было лет двенадцать, совсем ребенок. Большие глаза светились в полутьме. Она подняла юбку, так что он увидел ее худенькие икры, потом выше, показывая такие же худые бедра. Наконец она подняла ее до талии, демонстрируя свой товар...

Саша принес последнюю коробку лент для пулемета, когда первые лучи солнечного света прорезали серый туман вокруг. Павел расстрелял их очередями, ожидая крика «ура» пехоты Тухачевского, проходившей по крепкому льду через гавань. К тому времени как он увидел группы солдат, двигавшихся в тающей дымке, патроны кончились. Они поднялись и оставили оружие на месте.

Павел потерял Сашу в толпе на огромной Якорной площади, где Кронштадт провозгласили Парижской Коммуной 1918 г. Тяжелые артиллерийские снаряды с Красной Горки завывали над головой, падая на неподвижные корпуса двух больших военных кораблей, «Петропавловск» и «Севастополь», все еще вмерзших в лед. Сзади слышались разрывы гранат, когда атакующие войска начали штурмовать дом за домом. Треск выстрелов из винтовок и пистолетов говорил о том, что матросы расходовали последние боеприпасы. Пятнадцать тысяч героев Революции непрерывно сражались в течение десяти дней против пятидесятитысячного войска. В толпе людей, пытавшихся протолкнуться по запруженным кронштадтским улочкам ко льду Финского залива, были женщины и дети. Матросы брали с собой свои семьи, так же, как и дух Революции.

На дороге залп ружейного огня скошил всю семью, шедшую впереди него, и Павел увидел, как одетые в белые маскировочные костюмы войска перерезали другой путь. Он истратил три обоймы, и они залегли на землю. Возле него оказалась дверь, и он вломился в нее, захлопнув ее за собой, оставив на улице только белый туман своего дыхания.

Внутри никого не было. Грубый стол стоял на каменном полу, пустые полки лепились к стенам. Это был склад. Единственный путь наружу — тот, которым он вошел. Он опрокинул стол набок и подтащил его к дальнему углу, укрывшись за ним.

Тяжелый сапог вышиб дверь. Что-то грохотало по полу, словно чугунный шар. Павел припал к полу так тесно, как только мог. Осколки вонзались в его плоть, терзая его. Но он сел, и, когда солдаты сгрудились в дверях, он расстрелял их, одного, второго, третьего.

Какой-то гигант загородил свет. Наган бесполезно шелкнул в его руке. Он бросил ружье на штык, но тот остановился над его головой.

— Павел, — сквозь звон в ушах прогремел голос. — Какого черта ты здесь делаешь?

Он поднял глаза. Это был Акулов.

— Я хочу тебя спросить о том же, — ответил он.

Иван повернулся и ударом ноги закрыл дверь. Его сапоги скользили по крови на полу. Павел поднялся и посмотрел на убитых.

— Кого это я прикончил? — спросил он.

— Тухачевский использует татар и башкир. Еще латышей. Украинских командиров. Чекистских пулеметчиков, чтобы не дать им отступить.

— Чтобы убивать русских матросов.

Акулов устало присел на край перевернутого стола: «ли-энфилд» выглядел как детская игрушка в его огромной лапе.

— Мы пошли в наступление несколько часов назад. Около половины моего батальона пало. Павел, Павел, зачем ты сюда приехал?

— Я ехал домой, когда кончилась война, — ровным голосом произнес ветеран Революции.

Они разглядывали друг друга в темном подвале: сырой воздух смердел от взрывчатых веществ.

— Вот почему я здесь, — резко и обвиняющим тоном сказал Павел. — А ты почему?

Шум сражения все еще грохотал и сотрясал фундамент здания. Они ощущали это своими телами.

— Для разговоров нет времени, — сказал Акулов. — Выбирайся отсюда. Уходи по льду в Финляндию с другими. Здесь для тебя нет будущего.

Павел почувствовал горечь поражения.

— А что с твоим будущим, Иван Иванович? — с укором воскликнул он. — Какую ленинскую побрякушку повесят тебе на грудь за такое служение Революции?

— Нет времени! — повторил Акулов. Он стянул белый балахон, покрывавший его форму и промокший от растаявшего снега. — Надень и добираться до льда.

Он поднял с пола наган и полез в карман за патронами. Он передал их Павлу и выглянул за дверь.

— Теперь иди, — ласково произнес он. — Иди.

Павел оказался на льду. Город остался позади. Он не помнил, как это случилось, казалось, чья-то гигантская рука перебросила его на лед.

Солнце било в глаза. Он лежал на ледяном поле. Дыра с зазубренными краями отмечала место, где упал снаряд, не долетев до цели совсем немного. Однако нападавшие взяли остров. Сквозь гул в ушах Павел слышал, как справляются с последними защищающимися матросами. Лед простирался впереди него, и он поспешил прочь, к безопасным берегам Финляндии.

К тому времени как он достиг земли, вновь опустился густой туман. Строения нависли над ним, когда он выбрался на берег. Это были улицы, которые он хорошо знал. Он тяжело опустился на колени, в отчаянии глядя по сторонам. Он заблудился в этом белом пространстве. Он опять был в Петрограде.

Павел слишком ослаб, чтобы пытаться вернуться назад, на лед, и он это понимал. Он много дней существовал, глотая сгущенное молоко и изредка кусочек плохо консервированного мяса. Последние события отняли большую часть оставшихся у него сил. Он нуждался в крове, еде, отдыхе.

Тетка Дарья. У нее комната около Садовой, одна из двух, которые она и его дядя получили, когда стали работать на военном заводе. Теперь дядя умер, и она сдает вторую или сдала. Он с трудом передвигался по улице. Серебряный покров инея выдавал нежилые здания. Нагретая изнутри комната выдавала себя, зияя темной заплатой на бесконечном серебряном фоне.

Палисадники, мимо которых он проходил, глядели особенно уныло со своей скудной заиндевевшей растительностью. Он нашел нужный дом и вошел во двор. У лестницы он увидел очень худого человека в выжидающей позе. В руке у него был длинный тонкий нож. Павел остановился, сунув руку в карман за револьвером.

— Не беспокойтесь; проходите, пожалуйста, — произнес человек. — Я караулю кошку, которая обычно здесь спит.

Павел, шатаясь, поднялся по лестнице, покрытой каким-то мусором. Было темно, освещения не было. Он нашел теткину дверь на ощупь и слабо постучал в нее рукоятью револьвера.

— Бесплезно туда стучать, — заявил худой мужчина. — Пришла Чека, и ее забрали. На прошлой неделе.

— За что?

— Какой-то ее племянник где-то за городом, на морской базе. А раз он виновен, то и она тоже.

— Куда ее забрали?

— Кто знает? — произнес мужчина. Все еще сосредоточенный на своем деле, он незаметно продвигался вперед: — Какое это имеет значение? Разве вы после видели когда-нибудь тех, кого они забирали?

Что-то отчаянно металось, когда человек равномерно и быстро продвигался в угол, не выпуская свою добычу. Нож пронзил истощенное тело кошки, она пронзительно мяукнула, и человек торжествующе поднял ее. Откры-

лась дверь, и выскочила женщина с кастрюлей, чтобы не пропала ни капля ценной крови. Парочка нырнула внутрь со своей добычей, быстро закрыв дверь, чтобы Павел не сделал попытки получить свою долю. И он остался один на ледяном дворе.

Павел заставил себя напрячься и думать. Он умрет, если останется на морозе всю ночь. К утру кошки, крысы или собаки будут пировать на его костях.

Та девушка, Рут. Она так хотела быть с ними, когда штурмовали Зимний. Она чуть не наделала беды, размахивая в восторге своим пистолетом. Она была совсем неопытна в обращении с оружием. Он вынул из ее пистолета пули, пока она кого-нибудь нечаянно не убила, а после позволил размахивать им сколько угодно. На проспекте, кажется, была квартира ее родителей? Революция выселила эксплуататоров из их жилищ, передала их пролетариату. Но Рут Ганзберг, будучи революционеркой, могла сохранить квартиру родителей. Шутки Революции были разнообразны.

Он поспешил, насколько мог. Вестибюль огромного дома был темным и холодным, лед окаймлял зеркала, но сверху из-за больших двустворчатых дверей просачивался свет, и он рукоятью револьвера постучал в нее.

— Кто там? — спросил женский встревоженный голос.

— Я ищу Рут. Это Павел. Павел, матрос.

Дверь приоткрылась, и она через щелочку посмотрела на него. Тяжелая цепь сохраняла безопасность. Дверь закрылась, и он услышал металлический звук звеньев цепи, когда ее снимали.

— Что с тобой? — воскликнула она. — Несчастный случай? Ты весь в крови.

Он поднял руку и ощутил, что его лицо покрыто замерзшей кровью.

Он вошел. В большой квартире жилой была только одна большая комната. Там, где Ганзберги устраивали блестящие приемы, встречая гостей на своих драгоценных бухарских коврах, их дочь вздумала класть на пол газеты, чтобы не чувствовался холод, струящийся от мраморных плит. Чугунная печка топилась, и ее труба уходила в дымоход роскошного камина, возле которого лежала куча дров. На изящных полках, где ее мать держала изысканные изделия Фаберже и китайский фарфор, Рут хранила картошку, яйца, муку и масло. На печке грелась кастрюля. Рядом стояла большая кровать с настоящими шерстяными одеялами. Под ними, свернувшись, спали дети, по-видимому двойняшки. Он оглядывался с удивлением.

— С тобой произошел несчастный случай? — озабоченно повторила она.

— В некотором роде... — ответил он. Тепло от печки непреодолимо влекло его, и он подошел к ней ближе.

— Я ехал домой, — сказал он. — В свою деревню, где борьба, как я считал, закончилась, где мы победили и изгнали помещиков, на которых так долго работали. Парни из моей семьи из поколения в поколение нанимались в матросы. Мы были бунтовщики. Мы хотели думать сами за себя. Если ты живешь в мире, где тебе запрещено ехать в трамвае с «чистой» публикой, где тебе запрещено посещать те места, куда ходят только господа, то начинаешь думать о том, как сделать мир таким, чтобы все люди были равны и свободны.

— Как ты думаешь, почему я стала большевичкой? — страстно ответила ему Рут. — Я была частью того порядка, который эксплуатировал вас. Мои родители сидели на горбу таких, как ты. Я отвергла их и их мир, чтобы создать новый.

— Я боролся за него, — просто сказал он. — Я был там, в Зимнем дворце.

— Да, я тоже!

Он улыбнулся.

— Ты была там, — согласился он. — Но сейчас ты, наверное, стреляешь лучше?

— Я была там не для того, чтобы стрелять. Я принимала участие, исполняла обязанность...

— Обязанность... да. Я исполнял свою. Я боролся. Гордость и слава Революции, вот как нас называл Троцкий. Мы спасли его и Ленина в тяжелые дни 1918 года. Мы остановили Юденича в пригороде Петрограда. Мы дрались и умирали в Пулковом, под Свяжском и на сотнях других полях сражений. Мы делали это, чтобы спасти Революцию, спасти демократию, пролетариат. Мы следовали за Троцким в Таврический дворец, в камеру в Крестах, мы следовали за ним к стенам Казани... Мы слушали его советы, исполняли его приказы... Мы думали, что он так же верит в новый мир, как и мы.

Рут слегка озадаченно приподняла брови. Павел сощурился, стоя у печки. После многих недель пронизывающего до костей холода ее жар был ядовит, как алкоголь.

— На чем я остановился? — пробормотал он.

— Ты шел домой, — напомнила Рут, — в свою деревню.

— Да, так... Я пришел на вокзал и уселся ждать поезда, и тут ко мне подошла малолетняя проститутка. Ей было двенадцать лет. Это была моя младшая сестренка

Настя. Она была голодная, как бродячая собака, и я дал ей поесть. Я вез домой свой паек. Потом я спросил ее, как она здесь очутилась и как дошла до такого дела. Оказалось, что она приехала из деревни искать работу, потому что деревня голодает. Наша тетка Дарья приняла ее и устроила на завод, где работала сама. Но большевистский Комитет закрыл его, потому что завод не могли обеспечить топливом, и пайки урезали. Тех, кто протестовал, избили курсанты. Чтобы не подохнуть с голоду, Настя пошла на улицу продаваться.

Тепло вгоняло его в сон. Он стоял, пошатываясь, потом заставил себя продолжить рассказ:

— Но почему же деревня голодает, спросил я. Она сказала, что большевики изъяли все зерно, всех лошадей, свиней, птицу. Они отобрали лошадей и телеги. Жизнь в деревне стала страшней, чем смерть. Тех, кто поднимал голос, расстреливала Чека. Моя семья оставалась все еще там, и я истратил все свои деньги — у меня было несколько золотых рублей, не бумажки, — чтобы купить несколько мешков зерна и посевной картошки у мешочников на черном рынке, и привез это в деревню. Только отец был еще жив. Мать умерла зимой, братья не вернулись с войны. Когда мы приехали, отец лежал, он был слишком слаб, чтобы передвигаться. Он спросил, кто пришел. Со слезами на глазах я склонился к нему и сказал, что это я, его сын, Павел. «Я не вижу своего сына, — произнес отец. — Я вижу одного из угнетателей, я вижу убийцу».

Он не захотел говорить со мной. Мы сварили суп, и Настя хотела накормить его, но он отказался. На другой день он умер. Я дал зерна и посевной картошки соседям, чтобы они взяли к себе Настю, и уехал.

— Но почему? Почему ты не остался?

— Революция была в опасности, — просто ответил он. — Я вернулся в Кронштадт, чтобы защитить ее.

Ее глаза расширились от внезапного понимания:

— Ты один из повстанцев!

Колени Павла подогнулись. Он опустился на подстилку из газет, его веки сомкнулись.

— Большевики убили Революцию, — пробормотал он. — Они загадили то, что должно было быть чистым. Он свалился на пол и уснул.

* * *

От тепла снова открылось кровотечение от ран на его лице, от потери крови он ослаб и очнулся от боли, когда его поднимали с пола.

— Привет, Павел, — сказал Кривицкий. Рут подкладывала в печку чурку, и ее красный отсвет вспыхнул на его круглых очках. — Готов идти?

— А-а, комиссар, — медленно проговорил Павел. — Я узнал тебя, Израиль Шапиро. Троцкий обещал перестрелять нас, как куропаток. Ты пришел выполнить его обещание?

— Пойдем. Ты проиграл.

— Мы зажгли маяк, который будет гореть, пока большевизм не рухнет, — парировал Павел. — Весь мир теперь знает, что мы, герои Революции, поднялись против вас, превративших страну в тюрьму. Мы с Якорной площади, мы с «Петропавловска» и «Севастополя» будем сегодня у всех на устах.

Кривицкий кивнул головой, и двое его людей повели Павла к двери.

— Я никогда и не слышал таких названий, — проворчал Кривицкий. — Ты говоришь о площади Революции? О славных красных кораблях «Марат» и «Парижская Коммуна»? И какие матросы? Большевики свергли царя, разбили эксплуататоров. Им не была нужна никакая помощь от матросов.

Он кивнул Рут.

— Спасибо, товарищ. Хороший коммунист — одновременно и хороший чекист.

Рут слышала его хихиканье, когда он закрыл дверь, слышала топот их ног, когда они спускались вниз на улицу, где уже ждал «воронок». В прежние дни огромная лестница была покрыта ковром, но его украли, чтобы сшить штаны и пальто.

Она услышала звуки хорового пения и поспешила к окну. Просторная улица была темна, над ней навис туман. Только два фонаря мерцали желтым светом. Это шла колонна солдат Тухачевского, распевая «Интернационал».

Они исчезли. Только фонари мерцали в тумане и вдруг показались ей свечками, зажженными возле головы и ног покойника.

Она стояла на коленях у окна. Ее губы шевелились, моля кого-то о прощении. Она не понимала, кого и о чем просит.

С кровати раздался детский голосок, и маленькая ручка настойчиво высунулась из-под одеяла:

— Мама, мама.

Она взяла на руки свою дочь.

— Кто были эти люди, мама?

Сергей работал в Комитете. Он достал банку английского солодового порошка. Она налила немного молока в

кастрюлю и поставила греть. Дети просыпались, если были голодны. Поев, малышка Роза снова уснет.

— Они приходили, чтобы кое-кого забрать. Нехорошего человека. Потому что мама попросила их об этом.

Малютка уже понимала, что плохих людей надо забирать. Она много раз видела, как это делается.

— Потому что мы коммунисты, мама?

— Да, именно так, дорогая.

Она подняла крышку и бросила полную ложку драгоценного порошка в молоко. Аромат наполнил воздух.

— Мы строим новый мир, дорогая. Такой, в котором все равны. Но есть плохие люди, которые хотят сломать наш новый мир, и от таких мы должны избавляться.

— Как этот плохой человек.

— Да, как этот плохой человек.

Девчушка начала есть. Рут была отчаянно голодна, но сегодня ей было не до еды. Хороший коммунист в то же время и хороший чекист. Так утверждал Ленин. Но она совершила ошибку, когда вдруг стала молиться несуществующему Богу. За это она должна была наложить на себя строгую епитимью. Но и этого было мало, чтобы быть правильной. Быть коммунистом означало думать. Безупречно. Или подвергнуться наказанию.

Она еще сидела у окна, когда вернулся Савинков. Он принес плитку шоколада. Она взяла его, но спрятала в карман для детей.

— Я поела, — сказала она.

— Я разговаривал с Лениным, — сказал он. По привычке он стал шагать по комнате, и она должна была попросить его снять обувь, чтобы не разбудить детей. Он натянул пару толстых шерстяных носков. — Надвигается голод, — продолжал он. — Зерна в амбарах осталось чрезвычайно мало, не говоря уж о посевном зерне. Такова цена победы в войне. Мне поручено начать организацию международной помощи, и Ленин поддержал меня. Я называю это Международным рабочим кредитом, снабженческой колонной пролетариата. Мы добудем деньги в Западной Европе и Америке для закупки продуктов, мы наладим поток продовольственных подарков. Но это далеко не все. На Западе сейчас не предвидится наступление революции. Время упущено. Предстоит затяжная война. Наша кампания помощи будет началом великой пролетарской борьбы.

Я хочу обратиться к влиятельным прогрессивным деятелям Запада. К писателям, академикам, юристам. К театральным деятелям. К ученым и врачам. Они пока не

коммунисты, но они могут симпатизировать нам, особенно пролетариату.

Поскольку они верят в прогресс, то открыты новым идеям. Нашим идеям. Мы можем добиться, чтобы они взяли на себя обязательства. Пусть пока небольшие. Ежедневный взнос. Они — попутчики в нашем движении в будущее. Акт солидарности с пролетариатом даст им замечательное теплое чувство. Мы сможем завербовать их. Они получают яркий красный значок с серпом и молотом, маленький, скромный, который можно носить на лацкане пиджака. Мы создадим клуб, к которому они смогут присоединиться, будем выпускать информационные бюллетени, они смогут встречаться. К тому же существуют честолюбцы, которых можно соблазнить почестями и славой, каких они не имеют в своих странах. Есть и просто продажные люди, которые хотели бы верить, но сделают это гораздо лучше за деньги. Можно использовать и женщин, и всякие пороки, доставляющие удовольствие. Но это, конечно, для наивных. Легче же всего манипулировать интеллектуалами, которые не чужды тщеславию или стяжательству, но не очень расчетливы.

— Я тоже верю в идеалы, — устало произнесла она. — У меня тоже нечистая совесть. Я тоже не очень расчетлива. Но я не наивна, Сергей. И не буду наивной.

Он перестал вышагивать.

— Те, кто управляют событиями, не могут быть наивными. Нам работать с Кривицким. Видишь ли, некоторые из этих наивных могли бы быть действительно полезными. Не просто сочувствующими, но агентами.

— Где мы будем расставлять твои рыболовные сети?

— В Берлине.

— Не здесь?

— Нет. Ты поедешь?

— Да, — сказала она. — Пожалуйста...

ВСЛЕД ЗА АНТОНИНОЙ

Рыков вышел из леса, по течению ручья. Вещевой мешок висел на плече, ноги бесшумно ступали по толстому слою сгнившей листвы. Он был один. На опушке лес редел, и сквозь деревья виднелся луг, спускавшийся к озеру. Он притаился за деревом, глядя на бурлящую воду. По берегам росли цветы и травы. Их было великое множество, цветущих и благоухающих. Деревенские бабки знали их целебные силы. Их полагалось собирать в особые дни; одни надо было рвать на заре, другие в сумерках. Иным старикам бывало иной раз недосуг уйти со двора, и они посылали по травы своих молоденьких внучек.

Рыков осторожно огляделся. Тут не услышишь, подкрадись к тебе кто-то из-за кустов по мягкому мху. Тоненькая светлокосая красивая Антонина, дочка старой Петровны, ходила рвать травы одна. Ранним утром, когда солнце еще не взошло и дымка стелилась над озером, она спешила к ручью, чтобы собрать майские травы. И пучок голубых незабудок.

Он настороженно прислушался. Нет, никого. Он стал спускаться. Там, где ручей делался спокойнее и шире, он опять остановился и замер, всматриваясь. Здесь, над Антониной, камыши разрослись особенно густо и буйно, они походили на лесную чащобу. Кто будет ходить в камышах? Он вышел на луг. Раньше тут паслось стадо коров. Теперь луг зарос. Не было даже следов коровьих копыт.

По озеру все еще плавали утки. Гладкие, коричнево-зеленые и серые. Капли воды стекали с их жестких перьев. Их легко поймать, если быть осторожным. Он смотрел на них, и какое-то подобие улыбки блуждало по его лицу. Ноздри его расширились, будто он учуял запах керосина. Глаза прищурились, запоминая знакомую картину.

Он двинулся по берегу озера. Здесь всегда охотились еноты, но их поймать трудно. Только хитростью. Если

проделать дырку в дереве, такую большую, чтобы туда могла влезть его лапа, вставив туда несколько гвоздей, направленных остриями внутрь, и положить поглубже лакомый кусочек, например рачье мясо, на другое утро, может быть, енот будет в капкане с искалеченной лапой.

Рыков улыбнулся старым воспоминаниям. А когда ты всласть натешешься, озеро скроет следы забав. Он нахмурился. Конечно, это только о маленьком. Большое лучше схоронить в земле, чтобы не всплыло ненароком.

Дернув плечом, он поправил мешок и зашагал быстрее. Смеркалось, а он хотел успеть в деревню до ночи.

Он вышел на дорогу, поросшую бурьяном. Раньше она не могла зарасти, по ней постоянно ездили телеги, ходили лошади и люди. Воздух, в котором, бывало, витали запахи человеческого очага, копченой свинины и рыбы, а то и испарений от варившегося самогона, сейчас был совершенно чист. Деревья по-прежнему росли вдоль дороги, переходящей в единственную улицу. Он двинулся задворками мимо хат и сараев, чутким ухом ловя там и сям писк цыплят и даже хрюканье свиньи.

Она сидела на завалинке, и сероватая шерстяная пряжа спускалась с веретена в ее руке. Она вгляделась в идущего человека, помертвела и скрылась за дверью, уронив веретено.

Родительский дом стоял, где стоял. Бревна потемнели, дом оказался более ветхим, чем он помнил. Дверь была открыта, и он прошел по дорожке внутрь. Нагнувшийся к столу человек вставлял фитиль в железную коптилку, собираясь зажечь ее, когда станет совсем темно. Он посмотрел на Рыкова, и лицо его окаменело.

— Плохо дело, — сказал он. — Я надеялся, что ты уже подох.

Его борода стала совсем седой. Он сильно сдал с тех пор, когда Рыков видел его последний раз.

Рыков кинул свой мешок на лавку в глубине комнаты.

— Чего ты так? — сказал он и запер дверь на деревянный засов.

— Черт тебе, наверное, помогает, — сказал старик мрачно. — Нам живется совсем худо, а по тебе не скажешь, что ты голодал. Вестимо, черт заботится о своих.

— Деревня кажется пустой.

— Людей осталось мало. Молодые ушли на войну, а старики поумирали с голоду. Не было еды. То и дело нас грабили. Тащили последнее, а теперь еще тебя черт принес.

— Человек должен сам о себе позаботиться. Я тебе принес продуктов. Муки, масла, сахару.

— От тебя мне ничего не надобно. Подавись своей

жратвой. Ты тут не нужен. Я помню, что ты творил. И деревня не забыла, за что тебя прогнали.

— А, ты об этом... — небрежно сказал Рыков.

— Говори, выродок, куда пропала Антонина! — сказал гневно старик. — Отвечай.

— Девчонка сбежала в большой город, чтобы наряжаться. Я ее видел в Москве.

— Бреешь! — старик горько тряхнул головой. — И всегда врал. Ты сроду не сказал ни слова правды, паскуда. А Марфа, дочка Федора? Может, она тоже носит наряды? Она здесь, она выжила. Только она хуже покойницы. Это ты загубил ее жизнь!

— Бабы сказки, — ухмыльнулся Рыков. — Бабий язык, что помело.

Кто-то громко забарабанил в дверь кулаком.

— Он заявился? — проревел голос за дверью.

— Это Федор, — сказал старик и ответил тому, за дверью: — Он заявился. Только я не звал его.

— Пусть он ко мне выйдет!

— Я уйду перед рассветом, — быстро проговорил Рыков.

— Он говорит, что уйдет перед рассветом.

— А я его не упусти. Я не уйду отсюда.

Старик посмотрел на Рыкова, и глаза его вспыхнули гневом.

— Ты не отделаешься трепкой, как прошлый раз, когда тебя прогнали.

— Меня уже здесь были палками, ты ведь помнишь? — равнодушно сказал Рыков.

— Мало били! Из тебя палкой черта не вышибешь, — и он внезапно схватил Рыкова за грудки, притянул к себе и долго смотрел ему в глаза. — Мы все знаем, кто ты есть. Я сам видел знак. Я знаю, что ты сделал с Марфой, душегуб.

— Ну, знаешь, — Рыков кивнул. — И что?

Грязное маленькое окно внезапно осветилось снаружи ярким желтым светом.

— Что там? — в тревоге пробормотал старик.

— Открой дверь, давай посмотрим, — Рыков развязал свой мешок за его спиной.

Старик нащупал засов и отворил дверь. Он сделал несколько шагов за порог и остановился, потрясенный тем, что увидел. Дом напротив пылал в огне, а испуганные односельчане стояли, сбившись в кучу, окруженные ухмыляющимися молодыми парнями в черных кожанках и с оружием в руках.

Рыков вышел на улицу. Он тоже был в кожаной куртке и черной остроконечной шапке. Он поигрывал маузером. Улыбаясь, он подмигнул своим:

— Привет, ребята! — крикнул он им. — Давай сюда! Это мой дом. Что мое, то ваше.

Они действовали быстро. Они вытащили из домов табуретки и короткие лавки, на которые ставят ведра с водой в сенях. Они поставили их под каждым деревом с двух сторон улицы. Веревки они привезли с собой на грузовике. Они спустили с деревьев петли, а жителей поставили на табуретки и лавки, всех мужчин и женщин, кроме горстки девушек, которых загнали в сарай и закрыли.

Они обыскали дома в поисках еды и питья и все, что нашли, разложили на длинном деревенском столе, вытасканным на улицу. Первый дом уже догорал, и они запалили второй, чтобы было тепло. Потом они вынесли большую деревянную кровать, которую много лет назад сработал плотник Федор, готовясь к свадьбе, и поставили ее поперек улицы. На двух табуретках с обеих сторон кровати они поставили Федора и его жену, связав им руки, каждого на свою табуретку и накинули им петли на шею. Они содрали с их дочери Марфы все до последней тряпки, и она зашла в плаче.

Тогда Рыков поставил ее, совсем голую, на кровать и затянул веревку вокруг ее шеи.

— Ты не должна была говорить обо мне плохо, — мягко обратился он к ней. — Это было нехорошо. Ты непутевая. Видишь, что ты наделала.

Один из его сподручных ждал окончания речи с головешкой в руках и, когда Рыков уложил ее на кровать, закрепив веревку на изголовье, поджег сухое дерево. Искры взметнулись в воздух, отлетая от яркого пламени, которое лизало вопящее, извивающееся тело.

— Отлично, ребята, — добродушно крикнул он, и они выпустили девушек из сарая, преследуя их с веселым гиканьем, когда те с воплями мчались по умирающей деревне.

Рыков пошел вдоль ряда, выбивая табуретки из-под ног односельчан, приговаривая каждому до свиданья. Дойдя до старой Петровны, он добавил:

— Ступай, Петровна, вслед за своей Антониной.

Улица вспыхивала новыми пожарами.

Теперь осталась только одна табуретка в конце ряда.

— Твоя мать отдала Богу душу, родив выродка. На тебе была красная метка, след копыта Сатаны, чертов знак, — сказал старик. — Сейчас этой метки нет. Значит, ты встретил своего хозяина, Сатану.

— Теперь этот мир принадлежит ему, отец, — ответил Рыков, выбил табуретку ногой и пошел по пылающей улице, не оглянувшись.

11

НОВЫЙ МИР

Москва, май 1921

Петр Садовский, Андрей Стукалов и Борис Федин подолгу лежали по утрам, не вставая. Петр от нечего делать подсчитывал стоимость продуктов, которые они получили как солдаты Красной Армии и теперь уже съели, и сравнивал ее с пайками, которые они получали теперь, когда не служили. Они представляли собой в некотором смысле деньги в банке. Будучи израсходованными, пайки являлись всего лишь увеличивающейся задолженностью, поэтому они брали их по очереди. Обычно они лежали в некотором подобии коконов, которые были сделаны Петром из армейских шинелей, снятых с погибших белых солдат и ловко сшитых вместе. Неподвижность сохраняла энергию. Когда это удавалось, они покупали номера «Известий», «Правды» или «Красного Крыма» и прочитывали их перед тем, как использовать в туалете. Газетные статьи порой вызывали у них улыбку. У Петра сохранилось несколько томиков Пушкина и Достоевского, обладавших скрытой ценностью в качестве топливного резерва. Обычно двое из них лежали, тихо читая, тогда как третий, тот, чей был черед, уходил стоять в очереди. После полудня все трое выходили посмотреть, не найдется ли какой-нибудь работы или не удастся ли что-нибудь выцыганить.

Стук в дверь был властным. Так стучать мог только уверенный в себе, а значит, сытый человек. Никто из их друзей не стал бы тратить столько энергии, чтобы постучать в дверь. Андрея не было, он сегодня стоял в очереди. Борис Федин не подавал признаков жизни. И потому Петр выбрался из своего гнезда. Он был полностью одет, поскольку это тоже сэкономило энергию, и ему только оставалось сунуть ноги в армейские сапоги.

Когда он увидел знакомую кожанку и маузер у стучавшего в их дверь человека, он сразу же приступил к обороне.

— Я ничего не сделал! — горячо воскликнул он. —

Перед вами ветеран гражданской войны, солдат славной Красной Армии, человек, который участвовал в классовой войне на стороне большевиков...

Чекист улыбнулся и сразу стал молодым человеком почти одного возраста с Садовским, пришедшим вовсе не для того, чтобы арестовать или убить его.

— Я знаю, товарищ, — проговорил он, жестом останавливая его. — Комиссар Кривицкий мне все сказал.

— Кривицкий? — подозрительно переспросил Петр.

— Да. У него остановились часы. Он хочет, чтобы ты пришел к нему на обед и починил их.

Обед. Теперь это слово потеряло прошлое каждодневное значение. Обед. Слово вертелось у него в голове, и Петр пытался уловить его аромат. Он пошел в угол, где поднял доску пола. Он взял набор маленьких инструментов и приспособлений из этого импровизированного сейфа и завернул их в тряпку, положив сверток в карман пальто. Затем завязал шнурки на сапогах. Обед. Он поймал немое выражение вопроса у Бориса Федина, лежавшего в своем коконе.

Они вышли на мостовую Саввинского переулка, что вел мимо бледно-зеленых зданий с их многоярусными рядами арок и серебряными башенками, увенчанными крышами в виде шатров, пересекли улицу Неждановой и прошли через маленький сквер, где цветы пробивались наружу в затоптанных клумбах.

Кривицкий занимал небольшой кабинет на Лубянке с видом на площадь. Площадь была чистой, возможно, это было единственное чистое место в Москве. Никто не осмеливался бросить мусор рядом со штабом Чека.

У Кривицкого действительно были карманные часы. А также пирог. Настоящий пирог с мясом на тарелке и полная банка целых груш, таких, какие лежали рядами в Английском магазине вместе с мелким сладким горошком, маленькой морковкой и малиной в коньяке. Было похоже на то, что груши тоже мариновали в коньяке. Петр Садовский вычислил, что половина груши делает его веселым, а целая — очень счастливым, если ему позволят вдобавок употребить полную ложку ликера с каждой.

— Они просто остановились, — сказал Кривицкий. — Эти замечательные часы ходили всю войну, а теперь не ходят.

Петр развернул свою чистую тряпочку, аккуратно разложил инструменты в ряд на стол и взял круглые часики.

— Что ж, посмотрим.

— Пирога? — предложил Кривицкий, держа нож.

— Почему бы и нет? — согласился Петр, стараясь произносить слова небрежно. Его рот наполнился, и он сглотнул слюну. Потом открыл профессиональным движением заднюю крышку часов и посмотрел на механизм.

— Прекрасные часы, — прокомментировал он. — Английского производства. Их нужно только почистить. Я сделаю это для тебя. Их продавали обычно на набережной в Санкт-Петербурге, помнишь?

— Да, ты прав, — сказал Кривицкий, подталкивая к нему тарелку. Он увидел замечательное мясо, без хрящей. Золотистое желе переливалось светом. Петр осторожно положил часы на тряпку и взял пирог. Корочка хрустела, мясной сок и жир источали необычайный аромат у него во рту.

— Часы достались мне, на самом деле, от моего отца, — сказал Кривицкий, чавкая своим куском.

— Ты дорожишь ими? — проговорил Петр с полным ртом. — Знаешь, у меня нет ни одной отцовской вещи. Даже фотографии.

Кривицкий показал на искусный порядок инструментов.

— У тебя его знания.

Петр посмотрел на него с неожиданным подозрением.

— По-настоящему, нет, — твердо произнес он.

— Нет, есть. Ты все понимаешь в механике, я знаю. Ты всегда крутился на заводе аэропланов у своего отца. Ты это любил. Твой отец дарил тебе детские конструкторские наборы, и ты всегда что-то мастерил. Всякие там гаечки, болтики.

— Ты ошибаешься. Я сын шахтера из Донбасса. Я изучил механику, ремонтируя двигатели на ремонтных пунктах, когда был молодым большевиком.

Кривицкий изумленно уставился на него.

— Ты никогда не был на Донбассе. И ты никогда не был молодым большевиком.

— Нет, был, — упрямо возразил Петр.

— Ты не был. Я ходил в школу вместе с тобой. Ты приносил в класс модели, которые делал своими руками. Маленькие поезда, которые ездили, аэропланы, которые летали. Маленькие часовые механизмы. Почему, ты думаешь, я взял тебя тогда с собой на поезд? Я знал, что у тебя золотые руки и что ты хорошо разбираешься в технике.

— Если ты вместе со мною ходил в эту школу, то, если ты разоблачишь меня, я разоблачу тебя, — коварно вильнул в сторону Петр. — Тогда тебя тоже расстреляют.

— Никого никто не расстреляет! — с раздражением

воскликнул Кривицкий. — Послушай, заканчивай свой пирог, и я скажу тебе, что мне от тебя надо.

Петр отодвинул тарелку.

— Это слишком жирно для меня. Я сын трудящегося шахтера с Донбасса. Я привык к квасу и шам.

Кривицкий стукнул кулаком по столу.

— Ты Петр Павлович Садовский, сын владельца завода! — прорычал он. — Ты знаешь, как управлять заводом.

— Нет, я не знаю! — заорал Садовский. — Всех, кто знает, как управлять заводами, расстреливают.

— Вот в чем суть! — выкрикнул Кривицкий. — Война выиграна. Теперь проводится новая политика. Ее объявил Ленин. Новая экономическая политика. Мы должны восстановить работу заводов и фабрик. Нам нужны люди, знающие, как управлять ими.

Петр посмотрел на пирог. Он протянул руку за куском.

— Значит, их уже не расстреливают? — спокойно спросил он.

— Нет.

Петр поднес пирог ко рту и откусил от него.

— Даже если они сыновья заводладельцев?

Кривицкий откинулся назад и улыбнулся.

— Они могут быть сыновьями шахтеров из Донбасса, если им так нравится. В действительности лучше, чтобы ты был оттуда. Я расскажу тебе об этом через минутку. Петр Павлович, ты не имеешь понятия, насколько это серьезно. Мы выиграли войну... Я не понимаю, каким образом мы ее выиграли. Мы вынуждены были использовать все, постоянно. Наверное, поэтому она была такой ужасной, такой жестокой. Ибо мы знали, что если мы не выиграли сегодня, то не доживем до решения завтрашних проблем, значит, новый мир, который мы хотим построить, будет задушен в своей колыбели.

Мы должны жить в настоящем. То, что мы принимали сиюминутные решения, создававшие долгосрочные проблемы, не беспокоило нас. Но теперь нужно другое, и у нас впереди долгосрочные задачи. Мы рушили городские дома, чтобы иметь топливо, мы рвали приводные ремни заводских машин, чтобы сделать подошву для сапог. Мы использовали людей просто как еще один источник. Страна разрушена, и мы должны начать все сначала.

Петр потряс головой.

— Вам нужны заводы и люди, которые знают, как ими управлять. Я бы желал, чтобы мой отец был здесь. Вы могли бы его назначить комиссаром промышленнос-

ти. Послушай, мне нечего было делать с тех пор, как вернулся из армии. Я лежу в постели по утрам, чтобы сохранить силы, читаю и думаю. Прошло немногим более трех лет после Революции. Я подсчитал, что в среднем, исходя из нынешних цен, один рубль ноября 1917 года стоит около ста сегодняшних рублей. Бумажные рубли — одна из немногих вещей, в которых нет недостатка, и я полагаю, что мог бы найти этому объяснение. Я читал в «Правде» описание печатного пресса государственного монетного двора. Это «пулемет Комиссариата Финансов, стреляющий в задницу буржуазной системы». Комиссар Зиновьев, я читал, утверждает, что «мы движемся к полной ликвидации денег».

Кривицкий выглядел принужденно.

— Как я буду расплачиваться со своими рабочими? Яблоками? — спросил Петр.

— Какое бы средство обмена ни было выбрано, рабочие будут получать сдельную оплату, — сказал Кривицкий.

Глаза Петра расширились.

— В самом деле? Кто это говорит?

— Ленин.

— Я припоминаю, что перед Революцией какой-то человек, произносивший зажигательные речи, описывал сдельщину как одну из худших форм капиталистической эксплуатации. Я считал в то время, что его зовут Ленин, но ясно, что этого не может быть.

— Петр, разве важно, кто когда что сказал? Нам необходимо наладить производство.

Он вручил ему остаток пирога. Петр откусил, а затем, заботясь о друзьях, сунул толстый ломоть в карман.

— Человек, — произнес он, — чье имя я запомнил, слышал одну из речей Ленина. Он пришел к моему отцу, домой, а не на завод, и застрелил его. Мой отец был капиталистом, знал, как делать деньги и как заставить двигаться дело. Все, что у тебя есть вместо него, это его сын, который притворяется сыном шахтера из Донбасса. Я еще кое-что прочитал в газете. Ленин произнес речь, всю посвященную тому, как восстановить производство. Он сказал, не один раз, а повторил несколько раз, что следует наладить «строгий учет и контроль». Поэтому мне показалось, что наш вождь, очевидно, провел большую часть времени вне заводов и фабрик, подстрекая рабочих на убийства своих работодателей, а не внутри, наблюдая, как осуществляется производство и как ведутся дела.

С пирогом было покончено. Кривицкий открыл банку и

вывалил груши на тарелки вместе с соком. Они начали есть их оловянными ложками, и ликер увлажнил глаза Петра.

— Очевидно, лучше держать такие мысли при себе, — предложил Кривицкий. — Но Ленин сделал кое-что, что поможет тебе руководить заводом. Все рабочие должны состоять в профсоюзе, а профсоюз делает забастовки незаконными. Никакие забастовки не могут иметь места в Советской России. В твоём распоряжении угроза голода, чтобы погнать их на конвейер. Сам Ленин сказал: «Кто не работает, тот не ест». Если у тебя возникнут какие-либо проблемы с недисциплинированными рабочими или хулиганствующими элементами, мы в Чека располагаем трудовыми лагерями для их перевоспитания.

Он положил последнюю ложку сока в рот.

— Ты должен быть благодарен Ленину. Он на твоей стороне.

Петр чувствовал приятное оцепенение на щеках.

— Моему отцу было бы очень приятно услышать это, — вежливо сказал он. — Но послушай меня, будет недостаточно застрашать людей таким образом. Мне надо дать им что-нибудь тоже. Немножечко сверх. Нам надо будет иметь свое хозяйство, чтобы люди могли брать домой продукты. Одну-две картофелины, луковицу, несколько яиц, цыпленка к праздничному дню.

Кривицкий посмотрел на него с сомнением.

— Я прав, — упрямо сказал Садовский. — Нельзя одним страхом заставить людей работать хорошо. Это неэффективно. Гораздо большего можно добиться, если их иногда вознаграждать.

Кривицкий пожал плечами.

— Ладно, тебе лучше знать, как достигнуть успеха. Ты будешь руководить автомобильным производством. Но вначале я хочу, чтобы ты поехал в Донбасс. Те твои товарищи по поезду, Федин и Стукалов, вы все еще вместе?

— Борис и Андрей? Да, мы вместе снимаем комнату.

— Возьми их с собой. Федин был шахтером, верно? Ты помнишь Хрущева, он был у меня комиссаром? Он там, на шахтах, партийный секретарь. Их шестнадцать, но они ничего не могут сделать. Они не знают, как управляться с техникой.

— Должны быть учебники.

Кривицкий вздохнул.

— Петр, мы ходили в гимназию, мы образованны. Они же, те, кто в забое, они крестьяне. Они же свои мысли выражают мычанием. Сам Хрущев малограмотный. Он справляется, когда надо гнать их на фронт, но ему нужна помощь тех, кто может заставить работать машины.

— Он-то не против?

Благоухание ликера все еще чувствовалось где-то в ноздрах. Это было так приятно.

— Против? С чего бы это?

— Он же один из них. Никита Сергеевич из крестьян и сам работал на шахте. Теперь у него в руках кнут.

— Он партийный секретарь. Он с начальством. Он не лижет ничьих сапог, лижут его сапоги. Они все одинаковые, Петр. Дай любому красивую форму и власть, и они сделают все, что угодно. Они родную мать спустят под землю ковырять уголь, только прикажи. У Никиты Сергеевича правильная идея: «Кто не работает, тот не ест».

Петр хитро улыбнулся.

— Тогда как же международная солидарность трудящихся?

Кривицкий как бы про себя усмехнулся.

— Давай оставим эти вещи Савинковку и его западным интеллектуалам, ладно? Итак, ты готов?

— Да. Хотя нам будут необходимы кое-какие продукты. Последнее время мы недостаточно питались.

— Нет проблем. Ленин создал специальное управление для обеспечения таких, как мы, всем необходимым.

— Мне нужен еще один человек в команду.

— Кто угодно!

— Анна Суворова.

Кривицкий нахмурился, стараясь припомнить.

— Послушай, это та девушка из Царского? В которую ты был влюблен?

— Я уже женился бы на ней, если бы не обстоятельства.

— Хорошо. А где она?

— Я не знаю. Ты завербовал меня на ремонт поезда, а когда я вернулся, она бесследно исчезла. Но ты работаешь в Чека. Именно ты можешь разыскать ее.

— Да, но теперь ты власть. Ты можешь выбрать любую, всего за несколько банок с едой.

— Я не хочу другую, — упрямо проговорил Петр. — Мне нужна Анна Суворова. — И он любезно улыбнулся Кривицкому. — Видишь, как быстро все возвращается в нормальное русло? Ты даешь мне то, что мне нужно, и я делаю то, что нужно тебе. Оставь для манифестов всякие другие идеи. Дела ведут именно так.

* * *

Рыков был удивлен. Ожидая за занавесом с края сцены, этот человек казался неприметным, просто одним из бюрократов. У него был клеенчатый кисет, и он стоял,

по-стариковски невозмутимо попыхивая своей трубкой, пока в зале люди шумно занимали места. Там, где убивали, он был другим — энергичным, властным. Однако взгляд желтых глаз, которые смотрели на Рыкова, оставался по-прежнему страшен, и Рыков был — весь внимание.

— Дела утрясаются, — пробормотал Сталин, держа черенок трубки близко у рта. — Война выиграна. Период консолидации. Чека реорганизуется, она не будет теперь такой, как во время войны.

Рыков знал. Он горько негодовал на это.

— Немногие из нас. Я говорю о старой гвардии. О старых большевиках. Мы возьмем на себя ответственность.

Рыков знал. Человек, ожидавший, когда наступит время вручать награды, был одним из тех, у кого власть.

— Тяжелая работа. У меня у самого в подчинении два комиссариата. Очень много обязанностей.

— Я в вашем распоряжении, товарищ Сталин, — тихо произнес Рыков.

— Хорошо. У тебя есть способности, я заметил. Я найду тебе применение. Возможно, позже. Тебе недостает практического опыта. Ты был в войсках особого назначения?

— Я служил недолго с Землячкой в Крыму.

— Полезный административный опыт, — сказал Сталин. — Она здесь, ты знаешь.

Он странно посмотрел на Рыкова.

— Она действительно такой хороший специалист, как о ней говорят?

Рыков коротко усмехнулся воспоминаниям.

— Она придумывала такие методы работы, которые даже не воображаешь. Даже я научился кое-каким приемам в ее тюрьме.

— Я мог бы доверить тебе руководство тюрьмой.

— Война выиграна, — возразил Рыков. — Там не будет много работы. Я слышал, что заключенные быстро вымирают.

— Я думаю, что ты должен понять, что тебе еще не грозит безработица, — сказал Сталин, и его слова прозвучали почти весело. — В стране еще есть нераскрытые враги.

Рыков просиял.

— Тогда я согласен.

— Значит, решено. Я буду иметь тебя в виду. Докладывай мне.

Он прошел на сцену, и зал поднялся. Сталин проверил свой список, а секретарь стоял наготове возле стола с маленькими красными коробочками с медалями.

Она поднялась на сцену одной из последних, одетая в новую черную кожу, чистую и без пятен.

— Розалия Залкинд, комиссар Восьмой и Тринадцатой Красной Армии, — объявил Сталин, и она поднялась по ступенькам. — За неустанную, беззаветную и эффективную организационную и политическую работу в гражданской войне.

Она стояла, гордясь всеобщим вниманием, пока Сталин прикреплял награду к ее кожанке.

— За вклад в окончательную победу Красной Армии, интернациональной армии пролетариата награждается орденом Красного Знамени.

Землячка повернулась к залу и помахала товарищам рукой. Ей аплодировали. Слезы гордости стояли в ее красноватых глазах.

* * *

Петр Павлович Садовский пересек улицу Неждановой и сквер. Истощенные люди сидели на сломанных скамейках, греясь на солнышке. Это тепло было бесплатным. Они смотрели на энергичного, очевидно, сытого человека с равнодушной завистью.

Он миновал бледную зелень Саввинского переуллка с его рядами арок. Он постучал в дверь и вошел.

Она стояла спиной к окну. В воздухе чувствовался запах краски, а в ее руке была кисть. Ее глаза вспыхнули навстречу ему, но она оставалась неподвижной, и их разделял наполовину выкрашенный деревянный стол. Сдерживая волнение, он обратился к ней так, словно они расстались вчера:

— Привет, дорогая.

Он закрыл за собой дверь.

Анна приветственно махнула ему свободной рукой, посмотрела на свою работу, а затем окунула кисть в банку и положила еще одну полосу.

— Кривицкий сказал мне, что нашел тебя.

Она молча кивнула.

Он подошел ближе и положил сумку на пол. Она склонилась над столом, продолжая свою работу, и он увидел в ее черных волосах серебряные пряди. Он достал из сумки бутылку красного крымского вина, поставил ее на еще незакрашенную часть стола и открыл штопором перочинного ножа.

— Я принес вина.

Она указала на полку, где бокалы составляли аккуратный ряд.

— Я был в Донбассе. Хрущев подарил мне это вино перед отъездом. Хрущев был комиссаром на поезде, а теперь он главный на шахтах. Он был с Кривицким, когда тот увез нас работать на бронепоезд.

Он взглянул на бокалы. Они ослепительно сияли на заново отполированной полке. Он огляделся вокруг. Комната была очень чистой.

— Ты убрала дом.

Она кивнула и опустила занавески на окнах. Они были яркими и не очень подходили к обстановке.

— Анна, — сказал он с нежностью и подал ей бокал. — Давай немного выпьем. Мы так давно не виделись.

Она послушно выпила, по по-прежнему ее глаза избегали его взгляда.

— Что с тобой, дорогая? — спросил он. — Почему ты молчишь? Ты не можешь говорить?

Она подняла на него глаза, и он внезапно увидел, как она исхудала. Ее рот мучительно кривился, пытаясь выговорить его имя.

— П... П... Пе... П...

Потом она умолкла, закрыв лицо руками. Он протянул к ней руку, пытаясь обнять ее, но она уклонилась. Он подумал мгновение, а затем вернулся к сумке и достал свою тетрадь с голубой обложкой, в которой он делал заметки и наброски для работы шахт. Он открыл тетрадь на чистой странице и стал совать ей в руку плотницкий карандаш.

— Почему бы тебе не написать то, что ты не можешь сказать?

Она посмотрела на тетрадь, а потом взяла карандаш.

«Петр, моя любовь, я постоянно думала о тебе с тех пор, как вернулась на летное поле и обнаружила, что тебя нет. А теперь я не могу говорить, потому что...»

Она хотела закончить предложение, но потом перечеркнула слова резкими штрихами.

— Что случилось, когда ты обнаружила, что нас нет? — терпеливо спросил он. — Нас насильно увез Кривицкий для обслуживания бронепоезда.

Она сжала карандаш и с усилием стала писать.

«Я ждала. Ту ночь, следующий день. Я ходила проводить маму и папу. В сарай. Потом возвращалась на летное поле. Однажды туда приехали большевики на грузовиках. Они забрали все вещи из хранилищ, а я поняла, что вы не вернетесь. Поэтому я вернулась к папе и маме в сарай садовника».

Петр склонился рядом с ней, читая через ее плечо.

— Я так счастлив видеть тебя, — произнес он. — Я боялся, что тебя нет в живых.

Она кивнула, и черно-белые ее волосы колыхнулись. Они были совсем тусклыми.

«Я молилась за тебя каждый день».

Она посмотрела на рубиновое вино в бокале и отпила глоток.

— Что случилось с нашей дворнягой Троцким?

«Мы съели его».

Карандаш колебался, а потом продолжил заполнять страницу.

«Той весной, когда мы голодали. И когда ничего не осталось, мы сварили суп из его костей. Потом мама дала мне свое обручальное кольцо, и я ушла в город, чтобы обменять его на еду на черном рынке. Меня схватили чекисты. Я говорила, что я из пролетариев, но они смеялись надо мной, потому что у меня не простонародная речь. Они отняли у меня мамино кольцо и забрали на принудительные работы, копать рвы и укрепления, так как подходили белые».

Она остановилась. Петр взял ее бокал и осторожно наклонил его.

— Выпей немного, — сказал он, и она подчинилась.

«Белые не дошли до нас, хотя мы слышали стрельбу. Через несколько недель я сбежала. Я пришла по снегу в сарай, где жили мама и папа, но они уже умерли. Они замерзли. Я не могла сдвинуть их с места. В доме, наверное, был пожар, и там никто не жил. Я стала жить в подвале. Я копала корни в саду, собрала остатки яблок, тем и питалась. Было трудно, земля замерзла. Мои руки... Два дня выдались теплые, и я стала рыть яму, чтобы похоронить родителей. Я боялась, что их съедят собаки. Я их похоронила. Маленькая собачка ходила вокруг, высматривая какую-нибудь еду. Я заманила ее в подвал и убила, хотя она укусила меня. Я съела ее. Так прошла зима. Когда появилась зелень, я опять стала выкапывать луковицы цветов и носить на рынок. Люди покупали их для еды».

Слабый румянец появился на ее впалых щеках после вина.

«Как ты выжил, Петр?»

— Я обслуживал поезд Кривицкого, следил, чтобы он был на ходу, — просто ответил он. — Теперь он хочет, чтобы я возродил завод.

«Ты это можешь».

Он осторожно обнял ее. Она опустила голову, потом решительно схватила карандаш и начала писать с яростью.

«Ты не захочешь больше прикасаться ко мне. Я хотела быть чистой для тебя, но это уже не так. Я была потом в тюрьме. Там меня и нашел Кривицкий. А перед тюрьмой я еще была миловидной, а главное — буржуйкой».

Слезы катились из ее глаз.

«Это они так говорили, когда пришли в подвал. Гвардейцы, чекисты».

Ее лицо исказилось, и искривленный рот произнес первое слово, грубое и полное ненависти:

— Буржуйка... буржуйка...

Оно звучало как скрежет металла о камень, буквально вырывалось из ее груди. Она всхлипнула, и слезы увлажнили бумагу тетради.

«Они это повторяли все время, когда мучили меня».

Он прижимал ее к себе, глядя по волосам, пока она безутешно рыдала.

— Теперь все прошло, — нежно говорил он. — Мы начнем все сначала. Сейчас начинается все другое. Новые фабрики, новая жизнь.

«Я не могу выйти отсюда. Они там».

Она смотрела на него, как зверек, пойманный в капкан. Она держала страницу так, чтобы он мог ее видеть.

«Я не могу выйти».

— Возле завода есть маленький домик для управляющего и его жены, — ласково сказал он. — А вокруг садик с высоким забором.

«Ты не можешь теперь любить меня».

— Я не люблю никого, кроме тебя.

«Я не могу говорить. Я помню слова, но они не выговариваются».

— Они выговорятся. И нас ждет наш дом.

«Я не могу выйти».

— Тогда не выходи. Я выйду.

Она оглядела комнатушку.

«Я вычистила ее, насколько смогла. Я вычищу дом. Я не та, которую ты знал, но я буду хорошей женой».

— Все плохое кончилось, — тихо произнес он и обнял ее. — Я буду беречь тебя. Мы больше не расстанемся.

* * *

Валериан и Надя сопровождали иностранцев по Петровке, как две овчарки, она впереди, а он сзади. Они были одинаково одеты в хорошо сшитые рабочие брюки из простой ткани и рубашки с закатанными рукавами, на ногах — тщательно начищенные рабочие сапоги. Они уже не носили крестьянскую одежду. Выражающая успе-

хи Октябрьской Революции, образцовая социалистическая деревня, созданная Валерианом и Константином, привела их всех к повышению. Теперь Валериан и Надя были ответственны за организацию специальных экскурсий для специально отобранных иностранцев, приехавших увидеть коммунистическое будущее. Они жили в «Метрополе», прекрасной гостинице, построенной при царизме, выбранной за ее удобства и близость к Петровке, к некогда фешенебельным торговым рядам, к Большому театру, площади Революции, Красной площади и к самому Кремлю. Из гостиницы их заботливо сопровождали в автобусные и железнодорожные поездки, во время которых они могли собственными глазами увидеть достижения социалистического государства, новую деревню, новые фабрики, школы и больницы, созданные волей народа под предводительством большевиков.

Они шли сейчас смотреть парад возвратившихся победоносных войск Красной Армии. Среди них были американцы из руководства Фонда помощи, британские и американские журналисты и академики, симпатизировавшие большевикам и советской стране. Их прислал Савинков.

Валериан замыкал группу иностранцев. Он шел рядом с Сайрусом Уолдбергером из американского Фонда помощи, большим, важным и искренним человеком, христианином, чья душа была потрясена репортажами о людях, умирающих от голода в России, опустошенной более чем шестилетней войной. Плакаты Кете Кольвиц* с изображением голодного ребенка с огромными глазами, протягивающего руки с мольбой о помощи, не оставили их равнодушными. Преисполненные сочувствия иностранцы приехали посмотреть, чем они могут помочь.

В чем нуждались русские, так это в зерне. Крестьяне уже давно ели хлеб из желудей, лебеды, коры деревьев и старого навоза. Они умирали. Это означало, что они целиком истощили запас зерна, что, в свою очередь, означало, что в деревне было нечего взять, чтобы накормить рабочих в городах. Правительство было близко к краху. Имелась новая экономическая политика. Но вначале нужно было зерно.

— Вы были в деревне имени Октябрьской революции, — сказал Валериан. — Вы собственными глазами видели, что мы можем сделать, если введем коммунизм в деревне. Мы должны распространить этот опыт на всю страну, да, и тогда мы не будем просить зерна, а будем

* Кете Кольвиц (1867—1945) — немецкая художница-график и скульптор.

сами экспортировать его в другие страны. Но вы не представляете себе размеров опустошения, причиненного империалистическими белыми армиями, когда они отступали под натиском Красной Армии. Наши солдаты видели полное разрушение. Деревни, поля и сады сожжены, все запасы продуктов — зерно, даже посевное, крупный рогатый скот, свиньи, вся живность — все силой отнято у людей белыми, когда они бежали. Народ оставили голодать.

— Чудовища, — сказал Уолдбергер, — просто чудовища. Я понял тебя, Валериан, за те несколько дней, что мы были вместе. Ты христианин, как и я. Вы, коммунисты, в действительности оживили и претворили в жизнь то, что по существу, исторически, является христианской идеей. Вы применили ее там, где ее и надо применять — к обществу, к нашим общественным обязанностям. Я знаю, что Ленин по-своему, несмотря на всю его атеистическую риторику, такой же христианин, как и я. Вот почему я хочу помочь вашим замечательным людям сколько могу. Ибо силы Сатаны все еще велики. Когда злые люди обрекают женщин и детей на голод, мы все должны объединиться. Я видел вашу деревню, я был на ваших фабриках, и я бы желал, чтобы мы смогли достигнуть подобной эффективности в Америке. И вы пережили ужасную войну. Стоит посмотреть на ваш чудесный город. После шести лет войны вы содержите его в чистоте и опрятности. Ваши люди аккуратны и дисциплинированы. Дела в гостинице, в которой мы проживаем, идут гладко. Культурная жизнь города бьет ключом. Вы делаете Нью-Йорк похожим на Калькутту.

Улица была чистой и вымытой. «Бывшие» наводили порядок, очищали улицы и площади города по ночам, когда их приводили сюда. Они убирали трупы умерших, а их охрана — каждого оборванца, который забредал туда ночью.

— Стоит послушать твой прекрасный английский язык, чтобы понять, какие ресурсы имеет ваше новое государство. Подумать только, что ты, простой фабричный рабочий, которого оторвали от токарного станка, чтобы мы могли познакомиться с простым русским рабочим, так хорошо знаешь английский! Это настоящее чудо.

— Диктатура пролетариата открывает все дороги перед рабочими, — произнес елеинным голосом Валериан. Его отец был англофилом, и вся семья два месяца в году проводила в Лондоне, останавливаясь в отеле «Кларидж». К тому же с детства у него была гувернантка-англичанка.

— Несомненно, это чудесные результаты! — подтвер-

дил молодой человек, шагавший чуть впереди и слышавший их разговор. Это был корреспондент «Юнайтед Пресс» Джонни Николс.

— Там, в Нью-Йорке, я живу в вонючем многоквартирном доме на Корлеарс Хук. Это не лучшая часть Америки, товарищ. Старина Сайрус — жирный кот*. Но здесь мы оба помогаем пролетариату.

«Америка, пожалуй, неплохое место, — размышлял Валериан, — если парень из трущоб смог стать журналистом». Но он держал свои мысли при себе. Ему нравились американцы с их трогательной уверенностью в том, что мир можно переделать к лучшему.

Вдруг он увидел нечто такое, что от его благодущия не осталось и следа. Ее не было там, где она должна была находиться! Он быстро догнал разбредавшуюся, беспорядочную колонну.

— Надя, Надя! — зашипел он, пытаясь не выдать своей тревоги. — Англичанка. Миссис Уэбб. Где она?

В группе были два английских преподавателя, чрезвычайно продуктивные писатели, муж и жена, глубоко преданные социалисты. Их интересовала работа Советских профсоюзов. И вот она исчезла. Надя в ужасе вглядывалась в уличный поток.

— Вы ищете мою жену? — отозвался худощавый мужчина в очках. — Она пошла туда по улице, ее что-то заинтересовало, и она пошла посмотреть.

Валериан побежал назад по улице. Вдалеке, в переулке, он увидел ее. Ее черная шляпка, приколотая к волосам, наклонилась вперед. Казалось, она рассматривала что-то, и он рванулся к ней. Ей не следовало находиться здесь. Здесь не чистили. Когда он бежал, тусклые, пустые глаза наблюдали за ним из грязного входа в многоэтажный дом.

— Миссис Уэбб.

Она повернулась и улыбнулась ему открытой улыбкой:

— Сколько раз можно повторять, товарищ Валериан. Называйте меня товарищ.

Ей было около шестидесяти. Она стояла перед большим пустырем, на котором торчал остов из каменных глыб и валялись кирпичи. Жителей этих домов выселили, а дома использовали на топливо. Все, что осталось, это каменные развалины, которые невозможно было сжечь.

— Дворец, — быстро выговорил он. — Его выстроил царь для премьер-министра.

— А-а! — вздохнула с облегчением Беатрис Уэбб. —

* Жирным котом называют человека, финансирующего политическую кампанию.

А теперь это место строительства нового великолепного здания для пролетариата.

— Да. Именно так. Здание. Для пролетариата. Не присоединиться ли нам теперь к другим?

Они пошли назад по аллее.

— Если бы только мы смогли последовать вашему примеру. Мы обязательно должны упразднить такие архаичные структуры, как Палаты Парламента, и такие символы буржуазных привилегий, как колледжи Оксфорда и Кембриджа. Они должны быть снесены, снесены до основания, так, как это сделали вы.

На аллее она остановилась и глубоко вдохнула, оглядевшись вокруг. Валериан содрогнулся. Запах мочи и гниющих отбросов был ужасен. Изголодавшийся человек выползал из дверного проема по направлению к ним. Валериан злобно замахнулся на него ногой у нее за спиной.

— Удивительно! — воскликнула она, разглядывая гниющий старый дом. — Если бы мы могли иметь такие городские дома!

— Революция грядет, — еле выговорил Валериан. Он умудрился увлечь ее вперед и чувствовал, что все его тело под синей рабочей рубашкой стало влажным от пота.

Какой-то человек подходил к ним по аллее. Он был в брюках, поверх — изорванное, замызганное пальто. Он грыз завянувшее яблоко.

— Привет! — с сияющей улыбкой произнесла англичанка. — Да здравствует Революция!

Человек посмотрел на Валериана.

— Что она говорит?

— Она спросила, как вам нравится Революция.

Человек цинично улыбнулся.

— Это рай. Здесь люди едят яблоки и ходят в чем мать родила.

— Что он сказал? — заинтересованно спросила Беатрис Уэбб.

— Он говорит, что живет в раю, — честно ответил Валериан.

— Как это благоразумно питаться фруктами. Диета из свежих фруктов, злаков и сырых овощей как питательна, так и вкусна. Я думаю, что товарищ Ленин скоро введет ее в обязательном порядке.

— Теперь пойдемте, товарищ, нам нельзя пропустить военный парад, — сказал Валериан.

— Я знаю, сейчас мы с радостью увидим ваших молодых парней, возвращающихся с войны к мирной жизни.

Они снова очутились среди чистоты Петровки. Надя задержала группу и смотрела, чтобы они не разбрелись. Она выглядела испуганной. Валериан сдержанно помахал ей, и она вздохнула с облегчением.

— Это чудесно! — заявила Беатрис Уэбб. — Мы в будущем, и оно работает.

— Да, это так, — весело подтвердил Джонни Николс, газетчик. Он поскакал вперед по улице со своими горящими рыжими волосами в каком-то несуразном танце, распевая во все горло:

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.

Когда они двинулись на звук маршировавших войск, Валериан с облегчением поплелся за ними. Пот высыхал на нем. Волнения остались позади.

Кто бы ни упражнялся на фортепиано, теперь он уже разыграл пальцы. Гаммы закончились, и в воздух полились нежные звуки си-бемольного концерта. Она слушала, стоя у окна, и не расслышала тихий стук в дверь. Постучали громче, и, взглянув мельком на спящего в детской кроватке ребенка, она пошла открывать.

Высокий и широкоплечий человек стоял на пороге. Он снял шапку и держал ее в руках. Это был Акулов.

— Я обеспокоил тебя, госпожа? — спросил он неловко.

— Разве ты не беспокоил себя, посылая мне деньги все это время? — мягко возразила Елена. — Входи. И не называй меня госпожой. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Ведь нам пришлось познакомиться гораздо ближе.

Она улыбнулась с легким оттенком грусти, и он ответил ей застенчивой улыбкой. Он был в поношенных высоких сапогах, в красных штанах с серебряными лампасами и кавалерийской куртке конармии Буденного. Она скрылась за занавеской в маленькой кухоньке, чтобы поставить чайник. Выйдя, Елена увидела, что он стоит у окна там, где только что стояла она сама, и слушает музыку.

— Здесь раньше жила Рут Ганзберг. Она передала мне эту комнату, а сама переселилась в гостиницу «Люкс». Там проживает вся Коминтерновская компания, и все они там шпионят друг за другом. Она не может выносить это, но вынуждена терпеть.

Елена говорила это, но в ее воображении всплывали картины далекого прошлого — еще до начала войны. Сколько раз ее гость возникал на ее пути. Сегодняшняя встреча не была случайным эпизодом в ее жизни, она коренилась в прошлом.

— Рут говорила, что ей нравится эта комната, потому что можно слушать, как играют внизу, в консерватории. Рут говорила мне, что, когда ей бывало тяжело, она становилась у окна, и музыка снимала тяжесть с ее души. Мне кажется, что я была единственным человеком, с

которым она способна общаться... Она вышла замуж за Савинкова, но разве с ним можно говорить? Он целиком занят тем, что убеждает других делать то, что ему нужно... Что ж! Он делает это хорошо! Все эти средства, полившиеся с Запада, на закупку зерна для Ленина — это его работа. Рут прислала мне письмо. Кажется, она счастлива, что они уехали в Берлин. Мы встречались перед ее отъездом, и она привела меня в эту комнату и сказала, что я могу здесь поселиться. Раньше этот дом принадлежал княгине Офросимовой. Теперь она живет тут, в полуподвале... Нас осталось совсем мало, тех, что еще держатся...

Она ушла за занавеску и вернулась с двумя чашками чая, обжигаяще горячего, красновато-коричневого и сладкого.

— Знаешь, как называют таких, как я, Иван?

— Бывшие, — коротко ответил он.

— Бывшие люди, так оно и есть.

— Поэтому ты теперь так одеваешься?

Она коснулась пальцами своей простой блузы.

— Нельзя выделяться, — произнесла она. — Иногда часами стоишь в очереди, и лучше не привлекать к себе внимание, это небезопасно.

— Я помню тебя в красивых нарядах. Может быть, настанет время, когда девушки снова будут носить красивые платья.

— У меня сохранилось несколько красивых платьев. Когда-то я спрятала их в своем доме, — просто сказала она. — Я могла бы надевать их дома, если тебе это приятно. На улице нельзя выделяться, но здесь...

— Я выхлопочу тебе армейский паек. Я командир, — с тихой гордостью произнес он.

Комната была обставлена простой мебелью, но на стенах висело несколько картин, старая фотография в рамке из слоновой кости, полка с книгами.

— Я вижу некоторые вещи из Царского, — сказал он. — Как тебе удалось их сохранить?

— Они были спрятаны в небольшом тайничке в нашем доме. Я сама положила из туда. Мы были тогда с князем Михаилом... мы собирались бежать в Финляндию, но Рыков схватил нас. Вы с Рут освободили нас тогда, помнишь? Потом, после войны, я пробралась туда и унесла их.

Ее лицо внезапно омрачилось.

— Иван, — сказала она, схватив его за рукав. — Я должна рассказать тебе. Однажды во время войны я приезжала сюда, после того, как мы с Михаилом сбежали на поезде. В Петрограде мы пытались найти доктора, чтобы

вылечить его ноги. В моем тайничке дома лежали спрятанные консервы и теплая одежда, и я на лыжах хотела добраться до нашего дома и взять все это.

И когда я пробиралась вдоль реки, я увидела жуткое зрелище. Там возле реки, в уединенном месте стоял домик с крышей, с колоннами, сделанный из льда. Это было так невероятно, что я осмелилась войти внутрь. Иван! Там была ледяная кровать, а на ней лежали два обнаженных заледенелых тела.

На лице Акулова отразился обуревавший ее ужас.

— На них лили воду на морозе, и они оказались внутри ледяной глыбы. Я узнала их, — она сняла фотографию со стены. — Посмотри, это фотография последнего класса моего института. И наши друзья. Вот Женя. Это была она вместе со своим женихом Василием, вот он стоит рядом с ней. Это они погибли такой ужасной смертью, я узнала их.

— На войне было много ужасного, — сказал он. — И ты, и я видели ужасное. Одни люди мучили других, и некоторые делали это ради забавы, получая от чужих страданий удовольствие. Я встречался с такими. Но для меня эта война была борьбой за коммунизм, борьбой за справедливость. Когда я встречал подлецов, я расстреливал их, независимо от того, на чьей стороне они были. Что с тобой было дальше?

— Как и тебя, война ожесточила меня. Несмотря на потрясение, я отправилась дальше. Дом я нашла в плачевном состоянии. Наверное, там жили солдаты. Они заперли гостиную на нижнем этаже и проделали дыру в полу верхней спальни. Они пользовались этим как отхожим местом. Но хотя дом был ограблен и загажен, мой тайник они не нашли. Я взяла одежду и продукты и спрятала некоторые памятные мне вещи, подобранные в развалинах. Но прежде чем покинуть Петроград, я попыталась узнать, что случилось с Женей и Василием. Я знаю Петроград, как родной дом. Я выяснила, где жили последнее время Василий и Женя. Я нашла женщину, жившую этажом ниже. Она была ужасно напугана, и я узнала у нее немного. Она сказала, что о них спрашивал человек из Чека и забрал их, и они не вернулись. Это был человек маленького роста, чекист. Она говорила о нем с ужасом. Как ты думаешь, Иван, кто подходит под это описание?

— Рыков. Он одновременно и маленький, и страшный. Но все же под это описание может подойти и кто-то другой.

— Иван, тут есть что-то еще. Женя — моя институт-

ская подруга. Я знаю, как он ненавидит меня. И я прочитала в газете, что другая моя институтская подруга Верочка была задушена неизвестным в своем агитпоезде.

— Верочка, эта певица-крестьяночка, разве она училась с тобой? — с удивлением спросил он.

Она печально улыбнулась.

— Верочка была первой красавицей в институте и из хорошей семьи. Она была готова на все, лишь бы выжить.

— Я был на ее последнем выступлении, — произнес он.

— В Крыму, — тихо вымолвила она. — Нас схватили через несколько дней, и, если бы не ты, я была бы уже мертва. Потому что Рыков тоже был там.

Он казался взволнованным.

— Это еще не доказывает...

— Мне этого достаточно, чтобы бояться. И я боюсь.

— Я могу сказать тебе, где сейчас Рыков, — неожиданно сказал он. — Он на севере, управляет лагерем для врагов народа.

— Господи, помоги им... Откуда ты это знаешь?

— Мне сказал Кривицкий.

— Ты возвращаешься в таких высоких кругах, Иван. Что за дела у тебя с Кривицким?

— Германия перевооружается. Они создали ряд компаний под прикрытием подставных лиц. В Испании, в Турции, в Швеции и Финляндии. Для производства стрелкового оружия, танков и другого вооружения.

— Мой дед был генералом. Мало пользы в оружии, если офицеры и солдаты не обучены.

— Это так. Поэтому немцы приезжают к нам, сюда.

— Зачем, Иван?

— Сейчас разрабатываются новые методы ведения войны, — с увлечением заговорил он. — Совсем новые. Все преодолевающая сила, быстрая и применимая к большим массам людей. Авиация, танки, стрелковое оружие и люди. Быстро передвигающиеся. Нам надо сотрудничать с немцами. У них лучшие офицеры, лучший генеральный штаб. Лучшие промышленники. В обмен на пространство они сделают нас лучшими.

— Что может быть более странным, чем союз прусских генералов с большевистскими кавалеристами? — изумилась она. — И ты должен командовать в этом новом партнерстве?

— Это новый мир, — просто ответил он. — Я солдат.

Он встал и коснулся пальцами книг, стоявших на полке и на камине.

— В твоём доме всегда было полно книг... и ты всегда

читала. Я не слишком хорошо читаю и пишу, но мне придется освоить это, если я хочу быть полезным новой армии.

— Тогда я могу помочь тебе. Но ты ведь умеешь писать, я видела твои карты.

Акулов взглянул на детскую кроватку. За окном густели сумерки. В окно вливались звуки симфонии.

— Можно мне посмотреть на ребенка? — Он подошел к кроватке, из которой доносилось сонное дыхание. — Это мальчик? Как ты назвала его?

— Алешей. Алексей Михайлович, сын князя Михаила.

— Да. Удивительно, что ты забеременела в самое тяжелое время. Голод, страх, борьба за выживание. Я не предполагал, что новая жизнь зарождается, несмотря ни на что.

Несколько мгновений он оставался склоненным над кроваткой, потом повернулся к ней.

— Князь Михаил не может позаботиться о сыне, — сказал он прямо. — Я не хочу, чтобы то, что произошло с нами, когда Рыков схватил тебя, принуждало тебя делать то, что тебе не хочется. Но у мальчика должен быть отец. Я буду о нем заботиться, если ты позволишь.

Елена посмотрела ему прямо в глаза.

— Может быть, лучше мы все будем заботиться друг о друге. Конечно, было бы лучше, если бы кто-нибудь другой, а не Рыков совершил брачную церемонию. Но я не хочу ничего менять. Я согласна быть твоей женой, если тебе суждено стать моим мужем. И я постараюсь сделать тебя счастливым.

— Я буду тебе хорошим мужем и хорошим отцом Алеше, — искренне ответил он, просияв. — Тогда нам предстоит важное дело. Я должен познакомить тебя с моей семьей. Обычно это делается перед свадьбой. Мы поедем в Полтаву.

Она подумала о полтавском имении Михаила, о землях, которыми он владел.

— Я с удовольствием познакомлюсь с твоей семьей, — сказала она.

Полтава, Украина

— Кто ты такой?

Высокий, широкоплечий, седоусый человек, работавший около огня, не взглянул на него, но тщательно продолжал вырезать дырки в деревяшке, как делал это раньше тысячу раз на глазах у Ивашки. Хата была полна

людей — там были его мать, его брат с женой, сестра с мужем, его племянники. Но для отца она оставалась совсем пустой. Все стояли в полном молчании.

— Кто ты? — снова грубо спросил он. — Кто это пришел сюда в большевистской форме?

— Я твой сын, отец, я Иван.

Отец все еще не поднимал глаз, но отрицательно потряс головой. Он смахнул стружки в огонь.

— Нет, нет. Ни один из моих сыновей не надел бы такую форму.

— Это новая Россия, отец. Мы создаем новый мир.

Отец расхохотался. Через окно Акулов видел желтые цветы, сверкавшие в зелени заливного луга, видел реку, переливавшуюся под солнечными лучами.

— Новый мир рабов! Значит, ты из тех, кто использует царские пушки против крестьян, кто убивает народ во имя этого вашего Ленина?

Иван молчал.

— Отвечай, мальчишка!

— Я воевал с бунтовщиками.

— С бунтовщиками? Против кого они бунтовали? Против тех, кто хочет сделать нас своими рабами?

Он дунул в дудочку, очищая ее от мелких стружек и древесной пыли. Иван тысячу раз видел, как он это делает. В окно было видно, как пастухи гнали стадо через лиственный лес. В руках у них были кнуты.

— Мы знали, что такое власть. Князь Михаил брал с нас то, что положено. Но он оставлял нам то, чем мы кормились и что сеяли весной. Это не было справедливым, и, когда настал срок, мы забрали княжескую землю себе и разделили между собой, между теми, кто горбатился над нею от зари до зари. Тогда Ленин сказал, что нам нужно получить его разрешение из Москвы. Мы не нуждаемся в большевиках, которые указывают нам из Москвы, что нам можно, а что нет. Царя нет, так почему здесь, на Украине, мы должны слушаться указки Москвы? Ваш Ленин понимал это, потому что послал войска против нас. Сюда пришли люди в такой же форме, какой ты опоганил мой дом. Теперь у нас новая большевистская власть. Этот ваш Ленин говорит, что мы все должны стать большевиками. Он говорит, что земля принадлежит народу, но при этом считает, что хлеб, который мы растим на нашей земле, принадлежит ему. Он говорит, что реки наши, но считает, что рыба, которую мы выловим в них, принадлежит ему. Он говорит, что леса наши, но нас заставляют рубить деревья и посылать ему.

— Люди в городах тоже должны есть и иметь крышу над головой, — произнес Иван.

— Правильно. Тогда пусть они придут с деньгами и купят у нас то, что им надо.

— То была война, отец. Теперь новая политика.

— Не обманывай меня. Этот Ленин будет делать по-прежнему, что бы он ни говорил. Мы знаем большевиков. Единственное, в чем мы убедились, так это в том, что они всегда врут. Вранье и вранье.

— Отец, тебе трудно понять... — начал Иван.

— Я не хочу ничего понимать. Уходи и живи в своем новом мире. Я буду жить в своем, в том, который понимаю.

— Я привез вам, отец, продукты.

Пожилой человек подул в другой конец дудочки — Ивашка тысячу раз ждал, когда он это сделает, — и чистый голосок деревенской свирели прозвучал в хате.

— Нет, нам не надо. Мы не нуждаемся в еде. Еду мы как раз и выращиваем. Мы взяли себе то, что нам надо, — землю князя. А ты взял в жены невесту князя Михаила. Никто из нас не внакладе. А теперь уезжай. И не называй меня отцом. Ты мне больше не сын.

Иван Акулов вышел. Небольшая лошадка терпеливо стояла, запряженная в телегу, на которой лежало несколько тщательно завязанных мешков. Он сел в телегу и привычным движением дернул за вожжи. Когда лошадка двинулась вдоль узкой дорожки, поросшей по краям смородиной и крыжовником, то услышал, как из сарая шумно выбежали дети, и вздохнул.

Там, где дорожка кончалась и начинался луг, на траве сидела, видимо, кого-то ожидая, девушка в светлой кофточке. Неподалеку журчал ручей.

— Я сразу узнала тебя, Иван,

— Я тоже узнал тебя, Марийка.

Она была небольшой, с яркими карими глазами под четко очерченными бровями.

— Вот ты и вернулся, как обещал, — сказала она. — Я ждала тебя, потому что знала, что ты честный человек.

Акулов молчал. Со своего места на телеге он видел, как колышутся в речной заводи зеленые водоросли, словно длинные пальцы, касаясь гладких белых камней. Если лечь на берег и опустить руки в хрустальную воду, к ним подплывет рыба, длинная коричневая форель с белым мясом, и ее можно осторожно погладить, будто доверчивую девушку, а потом выхватить из воды. Иван увидел там сейчас маленького мальчика...

— Пока тебя не было, Анатолий, сын дяди Андрея,

каждую неделю спрашивал, не хочу ли я прогуляться с ним, но я отвечала, что я не могу, потому что жду возвращения Ивана. Я говорила, что не могу обмануть честного человека. И Анатолий перестал приходить ко мне, потому что он тоже честный человек.

Акулов сидел на мешках и по-прежнему молчал, смотря на речку. Руки мальчика ушли в воду по локти, и он, казалось, замер. Иван тоже замер, и ему почудилось, что его пальцы осторожно касаются гладкой спины рыбы, так же нежно, как струйки ручья.

— Так куда же ты меня увезешь, если ты вернулся за мной, как обещал? — безжалостно продолжала Марийка. — Ты увезешь меня туда, где ты живешь со своими новыми хозяевами, Иван? И я буду прислуживать им, пока ты едешь по их делам и убиваешь людей по их приказу? Ты служишь в большевистских войсках и носишь их форму. Ты возьмешь меня туда?

— У меня есть жена, Мария.

— Мы ее знаем, — произнесла она ослабевшим голосом. — Мы помним, как она проезжала по деревне в экипаже вместе с князем Михаилом, и мы низко кланялись им. Должны ли мы теперь кланяться тебе так же низко, когда ты будешь проходить мимо в большевистской военной форме, Иван Иванович?

— Что поделаешь, — сказал он. — Не все получается так, как задумываешь в юности.

— Нет, бывает, что и получается. Если бы ты остался здесь еще на неделю, то увидел бы, как я в свадебном платье выйду из церкви с Анатолием под руку. Я стану женой честного человека, как и мечтала.

Вода неожиданно брызнула вверх сверкающим на солнце фонтаном, и на траву шлепнулась рыба. Мальчик торжествующе поднял ее за жабры. Акулов прищелкнул языком, и лошадка наклонилась вперед в упряжи.

— Не возвращайся сюда никогда, — сказала Мария.

Акулов остановился у деревянного дома. Коровник, где содержался скот, примыкал к хате. Пахло зерном, цветами, подсыхающим навозом и свиньями. Дорога на Полтаву пролегла через зеленые леса. Он слез с телеги и вошел в дверь. Внутреннее помещение было почти таким же, как то, которое он недавно покинул. Все деревенские хаты похожи друг на друга, а этот дом помогал строить его брату отец. Елена сидела за столом и читала книжку девочке лет пяти с толстенькой косичкой на спине. Ребенок с интересом заглядывал в книгу, рассматривая картинки.

— Дядя Иван! — приветствовала она его, оглянувшись. — Она так хорошо читает, что я все понимаю.

— Я знаю, Танюша. У тети Елены дом полон книг.
— У меня есть даже детские книги, — сказала Елена. — Они сохранились с тех пор, как я была маленькой девочкой. Я пришлю детские книжки Танюше. Ты будешь рада?

— Да. Пожалуйста, пришли.

Молодой парень лет двадцати, такого же крупного телосложения, что все Акуловы, сидел у огня.

— Помоги мне с мешками, Василь, — сказал Иван, и брат поднялся.

— Я предупреждал тебя, — сказал брат. — Отец стал еще упрямее.

— Ты держи продукты у себя. Может, удастся что-нибудь потихоньку передать маме, когда его не будет рядом.

Братья вышли, и тут же суетливая фигура метнулась от тележки с кулем в руках. Побежав вслед за воришкой быстро и мягко, что было весьма неожиданно для такого крупного человека, Акулов поднял камень и запустил его одним молниеносным движением.

Воришка — это был молодой парень — взвыл, схватившись за голову, и выронил куль с сахаром. Он отбежал на безопасное расстояние, когда Акулов подошел поднять куль, и остановился.

— Кое-что никогда не меняется, а, Тимоха? — хмыкнул Акулов. — Овцы приносят весной ягнят, честной народ пашет в поле, а Тимоха все крадет.

Парень потер ушибленную голову и злобно сплюнул.

— Ты еще получишь по заслугам, — с угрозой крикнул он и, крадучись, пошел вдоль живой изгороди.

Братья принялись разгружать мешки, в доме смеялась Танюша, и они улыбались, слушая детский смех.

Апрель 1924

Зазвонил звонок, и Елена услышала частый топот ножек Алеши, побежавшего к двери. Он уже так подрос, что мог сам открыть ее, и с гордостью делал это при каждом удобном случае.

— Папочка! — радостно закричал он и въехал в комнату верхом на плечах Акулова.

— Ты справился с дверью! — восхитилась Елена.

Акулов ласково опустил на пол Алешу и поцеловал жену.

— Елена, я уезжаю в Казань через два дня, чтобы помочь организовать военное училище. Поэтому я насто-

ял на маленьком отпуске. А где Наташа? Где моя маленькая девочка?

Он пошел к кровати взглянуть на нее, и Алеша пошел с ним. Малышка дремала, одетая в нарядное длинное вышитое платье.

— Она такая красавица. Вся в свою маму. И какое красивое платьице! Откуда оно?

Он протянул огромную ладонь и благоговейно дотронулся до нее.

— Рут прислала его из Берлина, — ответила довольная Елена. — Я ей написала, что здесь не достать детских вещей, и от нее пришла посылка. Она такая отзывчивая, такая добрая.

— У нее все в порядке?

— Похоже, что все хорошо. Я покажу тебе ее письмо. Конечно, она разочарована тем, что прошлогодний кризис не вызвал Революцию, которую они все, кажется, ожидали. Она пишет об этом как-то раздраженно. Рут радуется, что немцы разделались с каким-то ненормальным Адольфом Гитлером, который пытался захватить власть в Баварии вместе с этим ужасным человеком, пришедшим с войны, Людендорфом. Этот Гитлер руководит какой-то социалистической партией, он теперь в тюрьме. Вообще он почему-то очень ее занимает. Она в восторге от Берлина. Она пишет, что если левые и не пришли до сих пор к власти, то они определенно выиграли войну в области культуры. По правде говоря, мне кажется, что Ленин не одобрил бы ее восторга по поводу немецкого современного искусства. Она изучает Weltbuhne* и часто бывает в театрах. Что же еще? А, она читает Фрейда.

— Все это за пределами моего разумения, — улыбаясь, сказал Акулов. — То, что читаю я, не было бы интересно Рут. Слишком сухое и техническое. Я прочитал Триандафиллова**. Еще я достал кое-что на английском. Ты мне переведешь? Это Лидделл Харт***. Статья о военной технике. Он верит в танки, как и мы.

— Мы можем посмотреть ее вечером, — пообещала она, — когда уложим детей. Как дела с немцами?

Акулов переодевался в парадную форму. Алеша, счастливый присутствием обоих родителей, возился на полу с деревянным броневином, который Акулов смастерил для него.

* Weltbuhne (нем.) — мировой театр.

** Триандафиллов В.К. (1894—1931) — советский военный деятель.

*** Сэр Бэзил Генри Лидделл Харт (1895—1970) — британский военный историк.

— Хорошо. Мне немцы нравятся, они настоящие профессионалы, и мы разрабатываем вместе нечто совсем особое. Послушай, что я тебе скажу. Вскоре я должен буду прочитать курс лекций в штабе в Берлине. Под видом болгарина! Чтобы не волновать англичан и французов, а то они решат, что немцы готовятся к новой войне. Ты могла бы тоже поехать. Как тебе эта идея?

— Конечно, мне хотелось бы повидать Рут. Но как же оставить детей? Подождем, пока они подрастут.

— Ты права. Да к тому же тебя трудно было бы выдать за болгарку.

— Знаешь, Иван, кто собирается в Берлин? — сказала Елена. — Катя. Савинков организывает киностудию «Русь», и она приглашена на главную роль, кажется в «Аэлите». Он привлек лучших русских *avant-garde** директоров и актеров. — Протазанова, Отсепа, Пудовкина. Катя говорит, что скоро кино станет звуковым. Ты можешь это представить? Это так удивительно — услышать актеров. Катя придет к нам на крестины. Она приведет с собой американского негра, который ухаживает за ней. Знаешь, один из этих ребят, которых держат в Ленинском институте как символ угнетаемой расы. Лерой Смит. Ты его помнишь?

Акулов простодушно хохотнул.

— Мне так нравится смотреть на них. Черные, как чернила.

— Хочет прийти этот милый Джонни Николс, корреспондент «Юнайтед Пресс», — она указала на граммофон с трубой и стопку пластинок в бумажных пакетах. — Посмотри, сколько! Мы сможем потанцевать. Константин тоже придет. О, друг мой, он написал поэму для нашей дочери!

— Я рад, что ты видишься со своими старыми друзьями, — спокойно произнес Акулов, застегивая свой мундир с высоким воротничком. — У них все благополучно?

Елена быстро глянула на него. Алеша невозмутимо играл на полу.

— Я... прилагаю усилия, чтобы узнать, как сложилась судьба каждого. Ты сам знаешь, почему. Владислав и Глеб погибли на войне. В бою. Юрий, Николай и Ирина в эмиграции в Париже, Только Женя, Василий и Верочка — только они...

— Была война, Елена! Не надо об этом забывать.

— Да, ты прав. Но это было так страшно. Я не могла даже осознать все, что происходило. Но, послушай, теперь ты должен оценить мои труды.

* *Avant-garde* (франц.) — авангард, авангардистский.

Стол, накрытый белой скатертью, был заставлен тарелками, прикрытыми большой салфеткой. Он приподнял уголок и заглянул.

— Закуски, — почтительно произнес он. Там стояло несколько тарелок с разными *horse-d'oeuvre**. Маринованные грибы, черная икра, селедка, ломтики копченой колбасы, холодный язык, яйца под майонезом, винегрет, сыр. Все это было украшено зеленью. На подносе лежал серый хлеб.

Она взволнованно смотрела на него, ожидая одобрения.

— Ну как?

Сбоку возвышались бутылки с водкой и вином.

— Милая, это великолепно!

Она улыбнулась от удовольствия.

— Взгляни сюда, — она подняла другую салфетку.

— Торт с кремом! — восхищенно произнес он.

— Люди снова могут встречаться за столом, — сказала она. — Жизнь входит в норму. Я получила весточку от Танюши, я говорила тебе? Посмотри, вот ее письмо. Посмотри, какой прекрасный почерк! Я посылаю ей книги, ты ведь знаешь. Она удивительно смышленная девочка. Пишет о выращивании растений и об урожае... Твоя мама передает тебе привет. И сообщает, что у Марии родился малыш.

— Моя мать хотела, чтобы я остался в деревне и женился на Марии. Я их огорчил, разочаровал.

— Мать все равно посылает тебе привет, — нежно повторила она. — Видишь, Танюша пишет об этом.

— И ничего не пишет об отце.

— Дай ему время. Когда-нибудь он еще будет тобой гордиться, как я. О, я забыла рассказать тебе что-то забавное. Я опять нашла Катерину! Посмотри, вот она на этой фотографии. Правда, хорошенькая? Она тоже придет на крестины. Знаешь, она вышла замуж.

— Это очень хорошо, — серьезным тоном произнес он.

— За армейского офицера. Такого, как ты. За казака.

— Вот видишь, благородные дамы не могут обходиться без нас.

— Это просто наш способ победить в Революции, — улыбнулась она. — Я обязательно научу тебя танцевать мазурку, это решено.

Она колебалась какое-то мгновение.

— Дорогой, ты помнишь, как Катерина приходила к нам в самом конце войны и мы смогли ей помочь. Жизнь

* *Horse-d'oeuvre* (франц.) — закуска.

была так ужасна, а у нее на руках были родители. У нее было безвыходное положение, и она вынуждена была торговать собой. Разве она виновата в этом? Мы должны вести себя так, чтобы не напомнить ей об этом времени. Сейчас у нее есть шанс начать все сначала.

Акулов обнял ее и осторожно сжал своими сильными руками.

— Я уважаю ее. И ничего не знаю о ее прошлом, кроме того, что она подруга твоей юности.

Елена поцеловала его, подошла к зеркалу и навела последние штрихи в своем туалете.

— Алеша, иди сюда, надень пальто, — позвала она сына. Из окна доносились нестройные звуки музыки — музыканты настраивали инструменты.

— После полудня будет играть оркестр, — сказала она.

— Мы распахнем окно, когда соберемся за столом.

Акулов взял из кровати дочурку. Он бережно держал ее в своих больших руках, пока Елена укутывала ее теплое тельце в кружевную шаль.

— Все соберутся на Арбате, поспешим, — сказала она, и вся семья вышла на солнечную улицу.

Москва, декабрь 1927

Елена шла по кремово-золотистому коридору. Она знала, где нужная дверь — гостиница совсем не изменилась, — постучала в высокую, украшенную резьбой деревянную дверь, и негромкий интеллигентный голос пригласил ее войти.

Она открыла дверь. Интерьер соответствовал всему остальному — она оказалась в прекрасной приемной, мебелированной в английском стиле: диван, стулья, пара столиков для карточной игры. У окна стоял французский двухтумбовый стол, за которым сидел, склонившись над бумагами, профессор. Живые цветы стояли в хрустальной вазе. Он учтиво встал ей навстречу.

— Профессор Бехтерев, — представился он, склоняясь к ее руке.

— Профессор, я так хорошо знаю ваши апартаменты, — улыбнулась Елена. — Моя мать всегда останавливалась здесь, когда приезжала из Санкт-Петербурга в Москву.

— Понимаю, — он жестом пригласил ее сесть на диван и расположился напротив, взмахнув лапами сюртука. — Вероятно, рождественские подарки, посещение театров?

— Да. Мы ходили в Малый, иногда — в Большой... и в магазины, о... они были для ребенка, как пещера Аладдина.

Он понимающе кивнул.

— Я знаю... Ваша мать, она...

— Графиня Исакова. У нас была усадьба в Царском Селе. Недалеко от Института благородных девиц под патронажем императрицы.

— Я помню вашу мать. Вы бы сейчас, конечно, были представлены ко двору.

— Не сейчас, профессор, — спокойно ответила Елена. — Если бы я не вышла замуж за Ивана Ивановича Акулова, который стал большевиком еще до семнадцатого года, я бы была «бывшей», если бы вообще осталась в живых.

— Да, — тихо произнес он. — Много изменилось.

Он потянулся за темно-желтой медицинской тетрадкой, которая лежала на маленьком, круглом тисовом столике.

— Теперь перейдем к цели вашего визита. Вы жалуетесь на головные боли?

Она подняла руку, как школьница, прося слова.

— Прежде всего разрешите мне извиниться за то, что я отнимаю ваше время. Дело в том, что я никогда не попаду в Санкт-Пет... в Ленинград, и доктор Андреев рекомендовал мне... Он мне посоветовал...

Профессор улыбнулся и мягко прервал ее сбивчивую речь:

— Петр Алексеевич был когда-то моим студентом. И он говорил мне о вас. Вы страдаете головными болями, и он полагает, что я мог бы вам помочь. Расскажите мне подробно о своей болезни.

Елена с благодарностью кивнула.

— Это мучительная боль. Вся голова делается каким-то сплошным барабаном, в котором движутся какие-то металлические зубцы, острые, как ножи, гвозди впиваются в мозг. Всполохи света перед глазами, даже если закрыть глаза. Я испытываю безысходный ужас, и тошноту, и острую боль.

— Понятно... — пробормотал он сочувственно. — Когда наступают такие состояния? С чем они связаны, вы не замечали?

— Они появляются при... угрожающей ситуации. Страшно сказать, они наступали у меня после рождения обоих детей. Однажды мой муж пропал на учениях, и когда его нашли, у меня начались эти боли, длившиеся два дня.

— Вы страдали ими с детства? Или они начались позже? Когда?

— Нет, — негромко ответила она. — Они начались во время войны.

— Ну конечно. Ужасное время. Я помню жестокие зимы в Санкт-Петербурге, когда была война. Я чуть не умер.

Он взглянул на стол, где лежала другая кожаная тетрадь, в которой он делал какие-то записи, когда она вошла.

— С сожалением должен признать, что некоторые нежелательные состояния появляются слишком легко. Иногда обстоятельства раннего детства создают своего рода благодатную почву, и потом какое-нибудь событие или стечение обстоятельств, словно спусковой курок, освобождают синдром, который впоследствии появляется вновь и вновь. У меня был один пациент... О, нет, не совсем пациент; он меня попросил о консультации — очень важный человек, — совсем недавно, я как раз записывал, когда вы пришли. Он страдает совершенно другой болезнью, не похожей на вашу, но она выявилась со всей определенностью как раз в середине жизни и теперь стала неотъемлемой и, пожалуй, доминирующей частью его личности. Я пытаюсь решить, как ему помочь.

Он умолк, задумавшись. Глубокая складка пересекла его лоб. Потом он поднял на нее глаза.

— Вы должны мне помочь, — сказал он, вернувшись в настоящее. — Подумайте, не можете ли вы вспомнить какое-то особое событие, которое повлекло за собой эти жестокие головные боли?

Елена сидела некоторое время, прямо глядя на него.

— Возможно, — еле выговорила она. — Так много ужасного произошло во время войны.

— Вы рассказывали кому-нибудь об этом, делились переживаниями с близким человеком?

— Другие страдали не меньше меня, многие — больше. Я не хочу беспокоить людей своими собственными заботами, когда у каждого полно своих. Я должна быть благодарна судьбе, у меня двое хороших детей и прекрасный муж.

— И ужасные головные боли, — заметил он.

— Я думала, может быть, есть какой-нибудь порошок, который я могла бы принимать... — уклонилась она от прямого ответа.

— Возможно, откровенный разговор об этом поможет больше, чем порошки, — предположил он. — Расскажите мне то, что вы хотите забыть и что могло вызвать эту болезнь.

— Мы были в Крыму, — решительно начала она. —

Михаил и я. Мы служили в Красном Кресте у барона Врангеля.

— Михаил ваш муж?

— Нет. Это был мой жених — князь Михаил... Его расстреляли... Я слышала выстрел. Но он был тогда еще жив, в то время, о котором я думаю... он был со мной на этой бойне...

Они внезапно появились жутким наплывом и окружили ее. Она прижала руки к глазам, чтобы остановить их, но они приходили изнутри.

— Они здесь! — в ужасе вскрикнула она. — М-м-м-мертвые люди... к-к-кровь... лежат там... о-о-она у-убила их... к-к-к-рОВЬ и их м-м-м-мозги...

Бехтерев быстро протянул руки и взял ее руки в свои.

— Довольно... довольно!

Она пыталась овладеть собой, уйти от кошмара.

— Ради всего святого... что-нибудь другое. Только не это. Любое другое. Этот ваш пациент. Расскажите о нем. Его мучают головные боли?

— Нет, не головные боли.

Ощущение мертвых тел вокруг себя, холодная, застывшая кровь на глазах, в ноздрях, в волосах. Предсмертные хрипы замученных.

Она вцепилась в свои волосы, с ужасом ожидая ощутить на них слипшуюся кровь; запах разложения вызывал тошноту.

— Пожалуйста, расскажите о нем, — с ужасом в глазах настаивала она. — Что-нибудь, что угодно, но помогите мне избавиться от них.

Бехтерев пристально посмотрел на нее, встал и подошел к стеклянному шкафчику на дубовом основании. Он налил добрую порцию коньяка в бокал.

— Мой пациент... да. Если бы ситуация была иной, это был бы очень интересный случай.

Он вручил ей бокал. Она схватила его, но не стала пить.

— Что же с ним случилось? — невнятно проговорила она, закрыв глаза и молча борясь с демонами в своей голове.

— Он параноик, — ответил Бехтерев. — В сильной степени. Вы знаете, что это такое?

— По-гречески... *para noos*... за пределами разума. Он умственно больной?

— Может быть. Это может быть также ненормальное состояние личности, в котором человек, обладающий этими психопатическими чертами, остается компетентным, осознающим свои действия, и значит, ответственным за них. Именно этим и страдает мой пациент.

Он наблюдал за ее искаженным лицом, когда она упорно пыталась преодолеть свои кошмары.

— Это интересно, профессор. И что же это за черты?

— Симптомы, связанные с параноидными состояниями, это обычно хроническая подозрительность, зависть, поглощенность собой, повышенная чувствительность и мания величия.

— Не думаю, что хотела бы встретиться с вашим пациентом! — нервно сказала она. — Этих людей легко распознать? Я спрашиваю, чтобы держаться от них подальше.

— Я бы желал, чтобы это смогли распознать... — как-то страшно произнес Бехтерев. — Таких больных не всегда можно определить, если нет медицинского опыта. Они весьма искусно скрывают свою истинную сущность. Этот человек таков. Очень искусен. Он кажется спокойным, разумным, скромным. А под личиной — бурлящая иллюзия величия и страха. Мания величия и мания преследования. Он уверен, что является жертвой преследования и заговора. Эта ложная вера непоколебима и постоянна. Жертва паранойи все время добавляет новые детали в логическую картину, которую постоянно и искренне приспособливает для защиты своей веры. Сверхподозрительность и недоверие порождают неукротимое желание уничтожать врагов, будь они реальными или воображаемыми, до того, как они повредят ему самому.

Елена покачала головой, словно споря. Ее лицо стало спокойнее, но глаза были по-прежнему закрыты.

— Он, должно быть, большевик, этот человек. Ленин тоже видел повсюду врагов.

Бехтерев посмотрел на нее с испугом.

— Он... — пробормотал он. — Чем болезненнее делаются иллюзии, тем больше включается в них элементов действительности, которая воспринимается через их призму. Революционная деятельность, почти по определению, — построенная на ненависти, ожесточенная, интриганская и скрытая от посторонних глаз деятельность. Параноику становится очень просто найти или осознать как реальность потенциальную угрозу своему существованию или своему делу и действовать так, чтобы предупредить ее.

— Что вы будете с этим делать?

— Я не знаю, — тихо ответил Бехтерев. — Он, как вы понимаете, не из бывших, а из настоящих. Он очень могущественный человек. Я надеюсь скрыть от него свои подозрения по поводу его состояния. И не попасть в список врагов.

Она открыла глаза.

— Все прошло? — спросил он.

— Да.

— Как вы заставляете их уйти, когда они приходят?

— Я отвлекаюсь. Я решаю в уме арифметические задачи или заставляю себя до мелочей обдумывать планировку сада, который у меня когда-нибудь будет, в то время, как видения шумят в голове. Когда они начинают отступать, я думаю о приятном — о цветах, о детях, — она вынула маленькую пачку зачитанных писем и раскрыла одно, очевидно, ища успокоения в круглом почерке. — Я читаю письма моей племянницы. Ее зовут Танюшей, и она пишет мне из украинской деревни, где родился мой муж. Она знает смысл цифр. Они посеют меньше зерна в следующем году, государственные цены очень низкие, и на эти деньги нечего покупать. Она считает, что им будет лучше, если ее отец будет ловить рыбу, а не работать в поле. Дети рассуждают очень разумно. Я не выпила коньяк. Может быть, мы выпьем вместе?

Он подошел к буфету, и она убрала письма в сумку.

— Бог смилуется над Россией, — сказала она.

— О, да, — пробормотал он. — Но не теперь.

Они выпили. Бехтерев взял в руки ее темно-желтую медицинскую карту со стола. Он взял также и ту, которую заполнял, и положил обе в потрепанный черный портфель. Затем написал что-то в маленьком белом блокноте и помахал листком в воздухе, чтобы высушить чернила.

— Я верну вашу карту доктору Андрееву. Боюсь, что я мало могу помочь вам, хотя вы страдаете от пережитого так сильно, как если бы попали в автомобильную аварию или пережили крушение поезда. Возможно, со временем симптомы ослабнут. Что касается головной боли, то некоторое облегчение вам даст травяной чай. Раньше была аптека, где спокойно можно было заказать нужный травяной сбор, но это было раньше... Вот рецепт, попытайтесь приобрести или даже собрать ингредиенты, пропорции указаны.

— Благодарю вас! Я сожалею, что отняла у вас столько времени. Вы выпишете счет?

— Никакой платы, графиня, — ласково произнес он. — Ваша матушка была очень добра ко мне в дни моей молодости.

Он помог ей надеть пальто и подошел с ней к двери, когда в спальне настойчиво зазвонил телефон.

— Возьмите трубку, не беспокойтесь, — сказала она. — Я отлично знаю, где выход. Спасибо!

— Мне было очень приятно, — ответил он, подчиняясь ей и уходя в спальню. — Надеюсь, мы еще встретимся.

Она услышала, как он взял трубку и ответил, остановившись возле дверей, чтобы положить рецепт в сумку и надеть перчатки. Затем она открыла дверь... и услышала тихий звон стекла.

Кто-то поднимался по ступенькам. Служащий отеля... она видела, как его белая форма с золотой тесьмой мелькала сквозь перила. Он нес поднос, на котором стояла бутылка и высокий бокал для шампанского.

Она замерла в дверях, остановленная каким-то страшным знанием. Служащий остановился на верхней ступеньке и что-то проверил в верхнем кармане. Он был маленький и опрятный. Это был Рыков!

Она бросилась обратно, бесшумно закрыв дверь. Паника переполняла ее. Бехтерев продолжал разговаривать в спальне, и она зажала рот рукой, чтобы не закричать. Рыков не должен догадаться, что она здесь, когда будет проходить мимо.

Она в страхе стояла у двери, прислушиваясь, когда он пройдет своей бесшумной походкой. Но тихие шаги остановились возле двери. В дверь постучали.

Тяжелые бархатные занавески широкими складками спускались с окон до пола.

Обезумев от ужаса, она стремительно пронеслась через комнату и вжалась в стену за темными бархатными складками. Она услышала голос Бехтерева.

— Кто там?

— Обслуга, профессор.

Роскошные бархатные портьеры сохранились еще с царских времен, и вблизи оказались потертыми и ветхими. Замерев и почти не дыша, она смотрела в просвет, образовавшийся в бархате от протершихся ниток. Она видела, как профессор открыл дверь, и в комнату вошел Рыков.

— Подарок от ваших товарищей с международной конференции, господин профессор, — почтительно произнес Рыков и закрыл за собой дверь, умело удерживая серебряный поднос. — Не желаете ли, чтобы я налил?

— Нет, не сейчас, спасибо. Поставьте сюда.

— Да, профессор.

Рыков осторожно поставил поднос на буфет, на его руках были белые печатки. Из верхнего кармана он вынул толстую авторучку и блокнот.

— Не будет ли вы так добры, профессор? — проговорил он, протягивая их.

— Конечно, пожалуйста.

Бехтерев сделал шаг к нему, и Рыков вытянул руку вперед. Елена увидела его молниеносное движение, словно удар змеи. То, что казалось авторучкой, оказалось возле лица Бехтерева, и что-то негромко взорвалось в воздухе. Рыков держал носовой платок у лица свободной рукой. Бехтерев задыхался, хватал руками пустоту, медленно поворачиваясь на одной пятке. Его голова запрокинулась назад, лицо исказилось и вдруг стало бордово-синим. С глухим стуком он упал на ковер и остался недвижимым.

Рыков завернул авторучку в носовой платок и, задержав дыхание, быстро пошел прямо к двери, высунул голову, словно ласка, появляющаяся из норы кролика, и вышел, закрыв за собой дверь.

Окаменевшая за занавеской, Елена только сейчас почувствовала, что она почти до кости прокусила палец. Она заставила себя замотать кровоточащий палец носовым платком, прежде чем подошла к лежащему на полу Бехтереву. Горький запах миндаля ощущался в воздухе. Его лицо покрылось синими пятнами, он был мертв, и его открытые глаза неподвижно смотрели в потолок.

Инстинкт самосохранения гнал ее прочь из этой комнаты, но она заставила себя подойти к столу, возле которого стоял потрепанный черный портфель. Она вытащила тонкую тетрадь и свою карту в темно-желтом переплете и сунула их под пальто. Потом она пошла к двери, толкнула ее и выскользнула в коридор и дальше — на лестницу.

Москва, июль 1929

Вечерний свет заливал комнату. Сквозь высокие окна Катя видела в отдалении купола собора, все разной формы, размеров и цвета, будто набор заморских фруктов. Заходящее солнце отсвечивало на блестящей, наголо обритой голове Константина, который стоял у окна.

— Мне нравится твоя новая студия, — сказала она.

— Я важная птица, как говорят, — произнес он без улыбки. — Государство заботится о нужных людях.

Огромная комната с высокими потолками казалась почти пустой.

У окна стоял мольберт, а пюпитр, которым он пользовался как конторкой для письма, выглядывал из угла.

— Ты сейчас рисовал? — спросила она.

— Нет.

— Значит, писал?

— Да.

— Я помешала тебе.

Он улыбнулся и повернулся к ней, сразу утратив свой хмурый вид.

— По правде говоря, я только и ждал, чтобы кто-нибудь помешал мне и мне было бы с кем выпить.

Он достал из небольшого буфета бутылку красного грузинского вина и два бокала. Одним ловким движением он вытащил пробку и налил вина в бокалы.

— Знаешь, они распродают все картины, — вдруг сказал он.

Она пригубила пряное, с ароматом черной смородины вино.

— Какие картины?

— Рембрандта, Рубенса, Франца Хальса, Ван Дейка, Рафаэля, Боттичелли, Тициана... назови имя любого великого художника, чьи работы есть в наших галереях, и окажется, что его продают.

— Кому?

— Западным миллионерам. Некто по имени Меллон

приобрел самые ценные, он дал за них Сталину шесть миллионов долларов.

— Зачем Сталину шесть миллионов долларов?

— Он разорен. Он не заплатил крестьянам настоящую цену за зерно, поэтому они не сеяли. В прошлом году он послал отряды головорезов, чтобы отобрать его, как это делали во время войны, и в этом году они посеяли еще меньше, и он не смог подкупить рабочих, не говоря уж об экспорте. Это черт те что! Если бы он сразу заплатил им, что положено, все были бы довольны.

— Это было бы слишком просто. Совсем не по-революционному. Но разве это имеет какое-нибудь значение? Я о картинах, — негромко возразила она. — Разве не ты говорил, что только будущее имеет значение, а прошлое надо искоренить?

Константин осушил свой бокал и вновь наполнил его.

— Я раньше говорил много гадостей. Однажды я написал на стене в кафе: «Я люблю смотреть, как умирают дети».

Он криво усмехнулся.

— Я не выношу даже вида крови! Я ждал Революцию, потому что думал, что наступит восхитительное время, и оно потрясет людей, как и моя глупая поэма. Люди приходили в кафе потому, что им говорили, будто я художник. И я относился к ним как к «буржуазии, которой пока еще не перерезали глотку». Делал все, чтобы раздражать. Когда я занимался этим эпатажем, моя бабушка посоветовала мне быть осторожнее, потому что то, чего я желаю этому миру, может исполниться. Что ж, я получил, что хотел: прошлое искоренено, а великие художники убывают на Запад.

— А это важно?

— Да! — воскликнул он. — Потому что эти картины написаны в тысячу раз лучше, чем это делаю я. Я уж не говорю о треугольниках с рыбьими глазами — даже Ленину не нравилось, что мы делали. Но и это все же лучше, чем героические рабочие, воздвигающие электростанции и марширующие в будущее. Даже эти квадраты с ножками лучше, чем изображения счастливых, упитанных, улыбающихся крестьян на залитых солнцем колоссящихся полях!

— Я только что закончила, — сказала она, — играть счастливую, улыбающуюся крестьянку.

— Фильм снят?

— Да. Я хотела это отпраздновать. Я думала, что наконец-то побреюсь.

Он озадаченно посмотрел на красавицу с темно-ры-

жими длинными волосами. Он явно отвлекся от своих волнений, и она удовлетворенно засмеялась.

— Я подумала, у кого достать бритву? И решила, что у Константина наверняка есть бритва и бутылка вина.

Он опять посмотрел на ее великолепные волосы.

— Неужели тебе не жалко такой роскоши? Я-то в любом случае скоро буду лысым, обриться наголо — это единственное, что осталось старому Константину.

— Я не о голове, Константин, — терпеливо начала она. — Совсем нет.

— О... — внезапно поняв, только и мог сказать он. — О, я понял...

Она игриво хохотнула.

— Мне давно хотелось это сделать. Стать снова гладкой, как ребенок. Итак, где твоя бритва, Константин?

— В ванной. Там, наверху.

Она поставила бокал.

— Я не надолго.

Он все еще стоял у окна, когда она вернулась. Катя сняла свою длинную юбку и осталась в белоснежных панталонах и кроваво-красной шелковой блузке. Она загадочно улыбнулась ему и уселась на диване, поджав по-турецки ноги.

— Ну и как? — с любопытством спросил он.

— Трудно сказать, — ответила она и достала из сумки флакон с французской наклейкой. Лак для ногтей был ярко-красного цвета.

— Видишь? Я настоящий член партии, — сказала она, ловко орудуя пилкой. — Даже если лак и французский, то цвет все равно большевистский.

Она кивком указала на пюпитр, где лежали бумаги и карандаши.

— Поэма? Или сценарий? Ты знаешь, Эйзенштейн дал мне роль, — проговорила молодая женщина, закончив обтачивать ноготь и готовясь покрыть его лаком. Он оторвался от окна и подошел к пюпитру.

— Знаешь, я не могу ухватить, чего хочет Эйзенштейн, — произнес он смущенно. — Он хочет, чтобы центральный персонаж, которого он называет кулаком, был по-настоящему ужасен, эдакое чудовище — жирное, прожорливое, ленивое, жестокое. Такой подлец, своего рода помещик-угнетатель, который эксплуатирует других крестьян. Беда в том, что такого в природе не существует. Катя, я, наверное, один из немногих большевиков, кто действительно знает кое-что о деревне и о крестьянах. Я ведь ходил в народ, будучи юным романтиком, вместе с другими такими же идеалистами. Мы

хотели «социализировать» крестьянство. Бесплезная тра-та времени. Как бы это сказать? Они были с нами обходительны и принимали нас за то, чем мы и были, — за шутов гороховых. Большинство из наших романтиков кончили настоящей ненавистью к ним. Они ведь были готовы черт знает на какие жертвы, чтобы просветить крестьян по части преимуществ социализма, а те даже не поблагодарили. Я тоже к ним ходил. Они другие, вот и все. Они просто хотят, чтобы их оставили в покое. Этот эйзенштейновский кулак, он просто не существует, это фантазия на крестьянскую тему. Я попрошу Эйзенштейна найти другого сценариста. Я вообще-то поэт и художник.

— Так что же ты писал?

Его лицо выразило беспокойство, и он взял листок бумаги и помахал им в воздухе.

— Тут один приходил от Сталина... Маленький такой человек по фамилии Рыков. Он что-то такое говорил, что, мол, писатели имеют дело со словами и что я писатель.

Константин взглянул назад на большой собор вдалеке.

— Он вызвал во мне страх, — добавил он рассеянно. — И, кажется, ему это понравилось.

— Ты не должен бояться, Константин. Никто не должен бояться.

— Мне показалось, что заставлять людей бояться — это дело жизни Рыкова, смысл или что-то в этом роде. А мое дело — производить вот такое, — он опять махнул листком. — Прочитать? Ты должна сидеть тихо, как лютик. Так я обычно говорил в кафе, когда читал свою новую поэму. И они сидели там, в сумеречном свете и сигаретном дыму — я тоже дымил, — и я читал с рабочей кепкой на голове и красным шарфом, завязанным большим бантом на шее. Приходила Революция, и наступал совсем другой мир...

Его взгляд смягчился, когда он посмотрел в бумажный листок.

— Вот оно. Поэзия в новом мире. Сталинград, Сталинград, Сталиногорск, Сталиноморск, Сталинабад, Сталиноштадт, Сталинопорт, Сталинофорт, Сталино, Сталинск, Сталинаул, Сталиниши, Сталинпри.

Он оторвал глаза от бумаги.

— Что ты об этом думаешь?

— Что это такое?

На правой руке ногти уже сияли ярко, красным цветом. Она, осторожно растопырив пальцы, наносила лак на левую.

— Названия. Для больших и малых городов, на выбор.

Когда кто-нибудь вроде Рыкова придет с этим вопросом, они смогут выбирать. Тут есть еще. Стальной человек. Железный солдат. Твердый ленинец. Гранитный большевик. Всемирный гений. В декабре его день рождения. Ему будет пятьдесят.

— Ты хочешь, чтобы я отгадала, кто это?

— Нет. Знаешь, Катя, тогда в 1917 году, когда Революция явилась к нам словно огромная телега, скатившаяся с горы, я написал поэтому о том, как Революция сокрушит мертвую, ссохшуюся руку религии, хватающую живую руку людей, то есть наших предков, а теперь нас. Теперь мне было бы стыдно, если бы кто-то помнил ее. А сейчас я пишу литургию. Не желаешь ли ты послушать еще немного? Вот она. «Если станут трудны для тебя труды твои или сомнение тебя обуяет — вспомни имя его — Сталин — и уверишься в себе снова. Если вдруг ослабеешь в час неурочный — вспомни имя его — Сталин — и дела твои пойдут в гору. Если должен на что решиться — помни имя его — Сталин — само тебя да настигнет!» Как это тебе?

— Я думаю, что ты выбрал правильный размер, — серьезно сказала она. — Это на самом деле молитва.

— Заклинание... — пробормотал он.

— Константин, отложи свои бумаги и лучше налей мне вина, — приказала она. — Меня одолевает жажда.

— Да, конечно... — Бутылка звякнула о бокал.

Она резко поднялась и встала у стены, помахивая приподнятыми руками в воздухе, чтобы лак быстрее высох.

— Тебе придется подержать мой бокал у моего рта.

Он поднес бокал к ее губам и осторожно влил вино в ее улыбающийся рот.

— Теперь выпей сам.

Катя смотрела в его темные глаза сверкающими зелеными глазами.

— Я кое-что упустила, Константин. После бритья надо смазать кожу кремом. Я забыла. Крем в моей сумке, такая розовая баночка.

Она помахала алыми ногтями.

— Достань его.

Он открыл ее сумку и нашел баночку дорогого французского крема.

— Открой.

Свежий аромат цветов окружил их.

— Если не намазать, будет болеть кожа, — сказала она. — А сама, ты же видишь, я не могу.

Она помахивала руками.

— Придется это сделать тебе.

Белый шелк соскользнул с ее бедер, она отклонилась назад и прижалась плечами к стене.

— Холодно, — произнесла она и, не заботясь больше о ногтях, развязала кушак своей блузы. Его руки нырнули под кроваво-красную блузку, под ней было обнаженное тело. Своей длинной ногой она обхватила его бедро и притянула к себе. Он поднял ее и понес на диван, и ее тело с по-прежнему вытянутыми над лицом кистями оказалось неожиданно легким. Алый шелк, сбившийся вокруг ее белой шеи, струился, будто поток крови, и ярко-алые ногти казались брызгами крови.

Они лежали рядом, тесно прижавшись, и сумерки медленно тушили краски в пустынной комнате.

— Я люблю тебя, Катя, много лет, — сказал он. — С тех, твоих институтских времен.

— Я знаю, — ответила она. — Но почему же ты никак не проявлял свою любовь?

Стемнело, и только шелк ее блузы тихо шуршал в темноте.

— Я на самом деле застенчив, — тихо признался он. — Я боялся.

— Неужели? Ты ли это, Константин Футурист? Константин поэт? Константин великий любовник? — нежно засмеялась она.

— Константин великий хвостун, — сказал он. — Я всю свою жизнь был полон показухи.

Она села, и он зажег масляную лампу и открыл новую бутылку вина. В окно они видели огоньки внутри собора.

— Из него убирают утварь, — заметил Константин. — Его собираются использовать как склад под зерно.

Она оделась, но запах далеких цветов все еще висел в воздухе. Женщина держала бокал в одной руке, а другой подняла исписанный листок бумаги.

— Что это? — спросила она и прочитала: «Досадные нарушения советской законности. Скатывание к методам военного коммунизма. Соревнование между сельскохозяйственными кооперативами».

— Это не мое, — ответил он. — У Рыкова был целый список таких фраз. Он сказал, что если писатели понимают толк в словах, то не мешало бы и мне придумать что-то подобное.

— Ты придумал?

— Я придумал одно. «Управленческие ошибки». В действительности я взял это у Троцкого. Ленин выражал недовольство тем, что Троцкий был слишком озабочен администрированием.

— И что это будет означать?

— Это будет означать все что угодно. Рыков, кажется, это понял, — неуверенно проговорил он. — Но управление для Ленина и для Троцкого всегда означало террор...

Берлин, ¹июль 1930

Окна были открыты, занавески отдернуты, и комнату освещали отсветы белых огней от ресторанов, магазинов и кабаре улицы Курфюрстендамм, нацеленной, словно меч, на Тиргартен-парк. Сидя в комнате, Савинков и Кривицкий вдыхали запах цветущих каштанов, поверх которых пролегли электропровода трамваев, гремевших внизу, на улице.

Манфред Лисс взял в дверях поднос у официанта и вручил ему деньги.

— Превосходно, Ганс. Я позвоню, если нам понадобится еще. Когда ты заканчиваешь? В десять? Поднимись ко мне, когда освободишься, и мы с тобой выпьем по кружке пива.

Он поставил поднос на стол, налил пиво орехового цвета из кувшина в три пивные стружки и передал две своим гостям.

— Почему мы не спустились вниз, в пивную? — поинтересовался Савинков.

— Может быть, Лисс не хочет, чтобы его видели с нами, — предположил Кривицкий, потягивая пиво. — Впрочем, лагерь** хорош.

— И почему ты в плаще? Сейчас лето, — произнес Савинков.

— Увидите, — загадочно ответил Лисс. — Я хочу поговорить с вами без свидетелей. Сколько лет прошло? Почти десять?

Революционер со спутанной копной волос, которого они когда-то знали, облысел, остался только ободок кудрявых локонов вокруг головы, но он, как и прежде, бурлил энергией.

— У меня есть предложение для вас. Для вас обоих.

Окно слегка окрасилось зеленым, когда светофор внизу снова мигнул, и ожидавший трамвай с жалобным воем тронулся вперед.

* Schutzstaffeln (нем.) — букв. «охранные отряды», отряды СС.

** Лагерь — сорт светлого пива.

— Грядет революция, — сказал он тихо и значительно.

— Я думаю, ты прав, — согласился Кривицкий. — Я думаю, что коммунисты возьмут здесь власть года через два.

— Просто скажем, что старый порядок изжил себя, — осторожно проговорил Лисс. — Ты все еще член партии, Лев?

— Я? — небрежно переспросил Кривицкий. — Нет. Я отбросил все эти пустяки. Сейчас я просто бизнесмен.

Он глотнул пива.

— Меня больше интересует практический результат, чем результат партийного голосования, — пошутил он.

— Странно звучит для одного из ленинских чекистов, — заметил Лисс. — Но вы помните достаточно, чтобы понять, что происходит здесь. Веймарская республика проходит, так же, как прошло время самодержавия в шестнадцатом или семнадцатом. Вопрос в том, как подтолкнуть ее в пропасть. И кто это должен сделать. Ты согласен, Сергей? С Веймаром покончено?

— Веймарская республика безусловно уязвима, — осторожно произнес Савинков. — Из-за депрессии. Массовая безработица, зарботки и оклады сокращены, ремесленники и фермеры становятся банкротами... Почва здесь удобрена, будьте уверены. Но не думаю, что вы сможете повторить то, что случилось в России в восемнадцатом году. Немцы очень образованы. Они не допустят до путча.

— Мы это понимаем, — как-то таинственно сказал Лисс. — Здесь нужно прийти к власти законным путем, через избирательную урну. Революция состоится после. Однажды позволив нам войти, они не смогут убраться из кабинета власти, разве что ногами вперед. А мы постараемся, чтобы они никогда не смогли этого сделать.

— Ты говоришь так, будто имеешь к этому отношение, — сказал Кривицкий. — Должно быть, именно ты член партии.

— О, да. Я член партии. Мы могли бы вас использовать, — тихо ответил из полутьмы Лисс. — Вы это сделали в действительности. И ты, Сергей, должен помочь нам добиться наших целей. Теперь настало время. Произошла катастрофа, как он и предвидел. Теперь настало время понять чувства людей. Я прав, Сергей?

Савинков с любопытством посмотрел на него.

— Ты прав, — согласился он. — Это психология. Экономические факторы — безработица, нехватка денег, банкротства, — они новые и даже более шокирующие

для немецкого народа, который уже перенес немало потрясений.

— Ловите момент, — прервал Кривицкий. — Некто предвидел, что катастрофа произойдет? О ком ты говоришь?

— Подожди секундочку, — ответил Лисс, поднимая руку. — Заканчивай, Сергей.

— Немецкий народ в состоянии психологического шока. Все началось с поражения в войне, со страшных потерь. Потом был Версаль и репарации. Крах монархии, революция — страна стояла на грани гражданской войны — и массовая инфляция. Затем короткий период оздоровления, в ходе которого люди стали восстанавливать нормальную жизнь, словно выжившие после землетрясения. А теперь все опять срывается! Оздоровление — иллюзия! Жестокий обман! Люди, с которыми такое произошло, не могут быть разумны. Они во власти ядовитого страха и негодования, они лелеют фантастические надежды. Они поддержат тех, на кого в иное время и смотреть бы не стали...

— Если бы это было в семнадцатом году, я бы сказал, что пролетариат поднимается, — заметил Кривицкий, — и готов впитать идеи коммунизма.

— Немцы не поднимутся, ты знаешь, — мягко сказал Лисс. — Не потому, что коммунизм неверен, понимаешь. Но это объективно. Причина в том, что немцы ждут вождя. Способного предвидеть. Героя, носителя божественной власти, вождя народа. Его нельзя создать, нельзя выбрать. Он приходит, как рок, как молния — страшный, внезапный и непреодолимый. Теперь его час пробил.

— О чем ты, черт побери, говоришь? — сильно удивленный, спросил Савинков.

— О ком! О ком я говорю? Я говорю о вожде, о фюрере, который явился, чтобы показать настоящий путь. Это Адольф Гитлер.

— Гитлер? — подавился пивом Кривицкий. — Ты примкнул к этим хреновым нацистам, Манфред?

Лисс встал, расстегнул свой плащ и сбросил его на пол. В полумраке он достал из ящика стола фуражку и торжественно надел ее. Он встал в свете окна, чтобы они могли разглядеть его.

— Вот, — просто сказал он.

— Мать Божья, — пробормотал Савинков. — Вам разрешают в этом ходить?

В свете уличного освещения сиял только серебряный череп на фуражке, все остальное было черным, как ночь. Алая нарукавная повязка с черными полосками по краям

блестела, как кровь. Черная свастика, похожая на паука, притаилась в центре.

— Да, я нацист, — гордо произнес Лисс. Черная кожа его военной экипировки приятно поскрипывала, когда он двигался. — Не слишком большое расстояние для прыжка от коммунизма. Вы тоже могли бы это сделать...

— Нацисты наши враги! — возразил Савинков.

— Только потому, что лишь кто-то один может взять власть. Что нас по-настоящему разделяет в существенном? Очень малое. Оба — радикальные движения. Оба ненавидят установленный порядок и желают разрушить его и все его принципы, моральные, социальные и религиозные. Оба обладают могучими идеологиями и главенствующими партиями. Придя к власти, и вам, и нам потребуются услуги тайной полиции для поддержания этой власти и партии, как это было осуществлено в России. Нет почти ничего, что бы разделяло нас. Какая бы сторона ни выиграла в состязании, она включает в себя сущность другой.

— Однако ваша униформа лучше, — пошутил Савинков, все еще зачарованный обмундированием Лисса.

— Я из СС, Schutzstaffeln, — гордо сказал он. — Мы на стороне Гитлера.

Лисс поднял пивную кружку.

— Почему бы вам не присоединиться сейчас к победителям? Присоединяйтесь к нам, вы оба. Я могу пообещать вам богатые награды.

— Какая у тебя власть, Манфред? — осторожно поинтересовался Савинков.

— Я уполномочен свести вас обоих с самим Гитлером.

Кривицкий осушил свою кружку и встал.

— Послушайте, друзья, — примирительно произнес он. — Я думал, что мы собрались на кружку пива, поговорить о старых временах. Но если вы настроены серьезно, я лучше уйду. Меня ждет обед с одной дамой.

— Я не знал, что ты женат, Лев, — сказал Савинков.

— Я живу с замечательной немецкой фрау Мартой. Хотя мы еще не женаты. Послушайте, хорошо было повидать вас обоих. Но мне предстоит утром встретиться с кое-какими гамбургскими торговцами, так что...

Он вышел из комнаты, и они услышали топот его ног по лестнице и шум отодвигаемого засова внизу, когда он уходил.

— Он действительно бизнесмен? — полюбопытствовал Савинков. — У него руки по локти в крови после гражданской войны.

Манфред рассмеялся.

— Может ли леопард вывести свои пятна, а негр сменить цвет кожи? Нет! У него дело. Это гоняет его по всей Германии. Он живет с Мартой, у которой есть маленькая дочка Элизабет. Марта член ГКП, Германской коммунистической партии. Мы полагаем, что Кривицкий тайный резидент, ответственное лицо советской разведслужбы.

— Этому я бы поверил. Он очень любит власть.

— А как ты? Нам нужен пропагандист. Гений. У нас есть Геббельс, но ты лучше... Сам рейхсфюрер СС Гиммлер желает, чтобы ты был с нами.

— Он желает... и Гитлер действительно возьмет меня в команду?

— Он ненавидит коммунистов. Не так, как он ненавидит социал-демократов. Не забывай, он тоже социалист! Нацистская партия — это социалистическая партия.

— Я бы мог это делать... — мягко произнес Савинков. Он сидел в темноте и обдумывал. — Возможно, Гиммлер хочет, чтобы я вытеснил Геббельса. Это политика, то есть то, что не должно меня волновать в моем настоящем положении — вне кружения коршунов вокруг друг друга...

— Это нетрудное дело, — настаивал Лисс. — Оно не доставит тебе хлопот.

Внизу зазвенел трамвайный звонок, послышалось громыкание трамвая.

— Помни, что тебе уже приходилось делать это, — тихо сказал Лисс в темноте. — Когда мы здесь делали революцию, и Freikorps схватили тебя. Я уже тогда присоединился... Ты выдал нам Розу Люксембург, главную социалистку того времени...

Савинков какое-то мгновение сидел молча, вспоминая прошлое.

— Я знал, что я делал...

Он еще мгновение помолчал.

— Ленин хотел, чтобы ее уничтожили, если она не покинет Германию и не уедет за границу, — тихо сказал он. — Это должна была быть наша революция, а не социал-демократов. Поэтому я сообщил Freikorps, где она прячется... Ленин был доволен. Когда я вернулся, он дал мне особые полномочия.

— Ты спас тогда молодую девушку, — заметил Лисс, — Рут.

— В ней было что-то действительно трогательное, ее полнейшая наивность. Это все равно, как иметь рядом милого, совсем глупого ребенка. Я мог рассказывать ей

все, что угодно... Во всяком случае я хотел трахнуть ее. А в освобождении от опасности есть нечто, что делает женщин страстными... Черт возьми, Манфред. Она забеременела. Я женился на ней. Конечно, теперь она не такая наивная. Просто сучка, как и все остальные...

Он утопил свое ворчание в глотке пива, и Манфред вернулся к прежней теме.

— Так что ты решишь, Сергей? Приходи в нашу команду...

— Послушай, Манфред, одного человека, одного великого человека, такого, как Гитлер, я бы потопил. Что хорошо в коммунизме, так это то, что мы не позволяем появиться какому-то одному, единственному лидеру. Никаких Бонапартов. Нашим великим вождем был Ленин, и он умер. А у меня остались полномочия от него. Мои удостоверенные полномочия — распространять слово... Поэтому я избавился от Розы. Она знала его таким, каким он по-настоящему был, понимаешь, Манфред. Ни один комитет не может указать мне, что делать, потому что мне уже указано... Это дало мне огромную свободу, Манфред. Нет, думаю, я останусь верным тому, что я делаю. Может быть, я и пожалею об этом. Ты предлагаешь прорву возможностей. Но я думаю, они задавят меня.

Савинков осушил свою кружку.

— Мы еще увидимся с тобой, — сказал он.

Дверь тихо закрылась за ним, и несколькими мгновениями позже Лисс услышал шум голосов и звон стекол, когда открылись двери пивной.

Он встал, закрыл окна, задернул занавески, зажег две небольшие лампы по сторонам высокого трюмо и встал перед ним, любуясь собой в эсэсовском мундире. Он все еще был в хорошей форме, живот не выпирал, под высокой фуражкой залысины были незаметны.

Лисс был готов к новым делам. Он привлечет внимание Гимmlера к своим проектам, когда хорошо все разработает. Его критический взгляд обежал обмундирование. Коричневую рубашку лучше убрать и заменить белой, и белые перчатки, по контрасту с черным, как смоль, цветом одежды от остроконечной фуражки до блестящих черных сапог. Черное, оттененное серебром черепа, серебряными рунами, серебряной каймой, серебряными листьями знаков различий. Новый рыцарский порядок...

Он тяжело дышал, его черные бриджи раздувались, когда он взял телефонную трубку.

— Ганс? Ты уже свободен? Ну, тогда заходи.

Он услышал топот ног юноши по ступеням и стоял, откинув голову назад и подбоченившись.

— Манфред, ты великолепно выглядишь... — выдохнул молодой человек. Блондин с голубыми глазами, он поставил кувшин с пивом, с благоговением разглядывая униформу.

— Я думаю, что мог бы помочь тебе. Возможно...

Ганс опустился на колени и стал расстегивать пуговицы на бриджах.

— А твои друзья не вернутся?

— Они коммунисты. Дай время, они еще зайдут.

— На прошлой неделе мы избили парочку коммуняк на улице, а вчера один из них пришел! Спрашивал, можно ли ему присоединиться к нам!

— Правда? Однако я думаю, что тебе следует порвать с этими отвратительными ребятами из СА, Ганс. Я посмотрю, что могу для тебя сделать.

Серебряная кайма у воротника, двойная блестящая, как зеркало, полоса, четырехугольные звездочки.

Юноша, стоя на коленях, работал с тем же усердием, с которым избивал своих сверстников-коммунистов на улицах. Лисс ощутил в себе твердость железного стержня.

Зазвонил телефон.

— Манфред, — пришел по проводу голос Кривицкого. — Я видел, что Савинков ушел. Я не могу присоединиться к вам. Это было бы неправильно.

— Как знаешь, Лев. — Лисс старался придать голосу твердость. — Ты знаешь, где меня найти.

— Да, конечно. Я тоже обосновался здесь. Давай не терять связи. В конце концов мы старые друзья.

— Мы думаем одинаково, Лев, — напомнил ему Лисс.

— Мы старые друзья, — повторил Кривицкий. — Давай поддерживать связь.

Лисс положил трубку и победоносно перегнул юношу через подлокотник кресла...

ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ УМЕРШИХ

Москва, апрель 1931

— Володя!
Из дверей пионерского зала Володя Савинков увидел, что его друг Алеша машет ему рукой из толпы детей. Красные галстуки и значки с серпом и молотом пламенили в лучах электрического освещения.

— Я не знал, что ты вернулся.

— Мама привезла нас, — сказал Володя. — Отец остался в Берлине. Какая дурацкая форма.

Алеша Акулов осторожно огляделся по сторонам. Стоял гул голосов.

— Я знаю, но только не надо это говорить, Володя.

— А Розе нравится. Она ее не снимает с тех пор, как получила.

Алеша заметил ранец за его спиной. И посмотрел на него вопросительно.

Володя в ответ кивнул, и его глаза весело блеснули.

— Настоящие?

— Да. Стрелы и все остальное.

— Роза тоже здесь?

— Она где-то там.

Шум внезапно смолк, слышалось только шарканье ног. Высокая женщина, на детский взгляд уже старая, стояла, улыбаясь им со сцены на фоне белого экрана. У нее были седые волосы, и она была одета в незнакомую им черную униформу — кожаные брюки и сапоги, кожаная куртка. Кожа была жесткой, они слышали ее скрип, когда она двинулась к ним со сцены.

— Здравствуйте, ребята. Я комиссар Землячка.

— Доброе утро, товарищ комиссар, — хором ответили они.

Старая женщина взяла деревянный стул и села.

— Подойдите ко мне, ребята, — одной рукой она дотронулась до рукава своей куртки. — Посмотрите на мою старую форму. Кто знает, когда я ее носила?

Володя увидел, как рука его сестры Розы взметнулась

вверх. Ее светлые волосы блестели в свете ламп. Занавески в зале были опущены.

— Как тебя зовут?

— Пионерка Савинкова, — гордо ответила она. — Это форма Чека, значит, вы воевали на гражданской войне, товарищ комиссар.

Землячка одобрительно улыбнулась.

— Очень хорошо, пионерка Савинкова. Я участвовала в гражданской войне. Ты знаешь, что я там делала?

— Ловили врагов народа, товарищ комиссар.

— Да. Много-много врагов. Всех, кто пытался поработить пролетариат. Но пролетариат не признает ценей, вот почему у нас самая прекрасная, первая в мире коммунистическая страна. А сейчас эта форма висит в моем шкафу, я надеваю ее, чтобы показать ее смелым юным коммунистам, таким, как вы. Подойдите сюда. Вы можете ее потрогать.

Она протянула к ним руки, и дети сгрудились вокруг, дотрагиваясь до черной кожи своими маленькими руками. Володя увидел пристальный взгляд ее красноватых глаз под полуопущенными ястребиными веками поверх ее улыбки. Он почувствовал, что Алексей толкал его вперед и потянулся за другими, глядя в глаза, проверяющие каждого из детей.

— На этой форме осталась кровь, — сказала старая женщина. — Кровь врагов народа. Это беспокоит вас?

— Нет! — крикнула Роза, и другие эхом повторили за ней.

— Это хорошо, — сказала Землячка, — потому что вы должны знать о врагах народа. Вы знаете, о чем я говорю?

Они нахмурились, столкнувшись с новым вопросом, ответ на который они не знали.

— Их никогда не вывести, — прошептала Землячка, оглядываясь вокруг и ловя ответные взгляды детей. — О, да. Вы можете обнаружить их, можете даже убить их. Но вскоре, подобно крысам, расплодившимся в сточной трубе, они появляются вновь. Их нельзя изменить, вы понимаете, ребята! Крыса всегда останется крысой, она никогда не станет кроликом. От нее рождаются крысы, а не кролики. Ребенок буржуа всегда буржуй, а не пролетарский титан. Ребенок кулака — кулак.

Роза Савинкова нахмурила брови, как и многие другие озадаченные ребята.

— Что такое кулак, товарищ комиссар?

— Враг народа, ребята!

Землячка вглядывалась в лица детей, добываясь, чтобы они встретили ее взгляд. Володя почувствовал его на себе, он был жгучий, как взгляд дракона.

— Моей задачей было сокрушить буржуев, которые хотели поработить народ. Теперь появился новый враг, и ваша задача — помочь уничтожить его. Он кулак. Вы видели людей, которые стоят за хлебом на улицах? Они стоят в длинных очередях из-за кулака. Разве в вашем доме нет недостатка в продуктах, обеспечиваемых государством? Вам не хватает продуктов из-за кулака. Разве вы не слышали, как плачут маленькие голодные дети? Они плачут из-за кулака. Кто такой кулак? Это богатей. Он уселся верхом на своей земле, в то время как бедняки тяжело трудятся, чтобы заплатить ему золотом. Он прячет от голодных огромные горы зерна, бочонки масла и сыра, полные бочки яблок и других фруктов. Все его амбары забиты говядиной и свининой, которые он скрывает от голодающего пролетариата. Он — зло, он — враг народа.

Темные глаза сверкали красноватым блеском.

— Сейчас вы его увидите!

Лампы погасли, и на экране в свете кинопроектора появились изображения.

Сельская местность, группа людей.

— Вы видите землю, украденную им у народа.

Люди что-то копали. Рядом стояла большая телега, нагруженная мешками.

— Вот как они прячут еду от людей.

Пухлые животы, толстые, плотоядные рты.

— Вы видите этих злых людей. Это кулаки.

Толстые люди на экране побежали, крадучись, и спрятались в кустах. Кто-то подходил.

— Вот они, смелые пионеры.

Пара подростков, мальчик и девочка, в пионерской форме, стояли, потрясенные, у ямы, заполненной мешками.

— Они раскрыли врага. Смотрите!

Злобные фигуры были рядом с пионерами, они повалили их на землю. Мертвые лица детей в пионерских галстуках крупным планом.

— Кулак способен на все, чтобы народ голодал. Но смотрите, справедливость торжествует.

Сквозь деревья приближались знамена, подходила большая колонна детей.

— Смотрите, как юные пионеры их хватают.

Дети повалили кулаков на землю и стали бить их своими лопатами.

— Они хотят знать, где лежат продукты, которые принадлежат народу.

Смелые, улыбающиеся дети несли назад мешки. Мертвые лица двух первых пионеров улыбались им с солнечного неба, а кулаков увозили прочь в цепях.

Зажегся свет.

— Вот, ребята, вот ваш враг, — тихо произнесла Землячка, и Володя увидел, как блестели глаза его сестры. Землячка встала.

— Сейчас, до того как вы пойдете играть, давайте споем ему. Тому, кто заботится о нашей безопасности, кто следит за нами. Давайте споем пионерскую песню.

Она начала хриплым голосом, и детские звонкие голоса присоединились к ней.

«Сталин, ты — солнце весной...»

Потом они вышли наружу, где светило настоящее солнце.

— Давай играть, будто мы ловим врагов народа, — предложила Роза. — Кто будет кулаком? Ты, Иван.

— Нет...

Алеша подтолкнул локтем Володю.

— Пошли. Пойдем лучше в лес.

Лес был недалеко. Они пошли по направлению к нему.

— Эй, возьмите и меня.

У едва распустившихся кустов Алеша обернулся.

— Это не для девочек, — важно сказал он. — Мы будем сражаться.

Его младшая сестренка не обратила на него внимания. Ее глаза блестели.

— Ты принес, Володя? — нетерпеливо спрашивала Наташа. — Алеша только об этом и говорит.

Володя открыл ранец. Внутри оказались две небольшие стрелы, блестящие голубые пистолеты с деревянными рукоятками, пакет с круглыми бумажными мишенями и круглая высокая жестяная банка.

— Настоящий «Уэбли», — выдохнул Алексей.

— Два пары, — гордо произнес Володя. — Мама не возражала. Она даже себе купила пистолет. Настоящий, с настоящими пулями, но она не разрешает мне его трогать.

— А почему ты не принес и для меня? — укоризненно спросила Наташа.

— Девочкам не нужно оружие, — заявил Алеша.

— Мы можем стрелять по очереди, — сказал Володя. — Только пошли скорее в лес, пока эта ведьма не спросила нас, что мы собираемся делать.

Они прикрепили мишень к стволу березы и зарядили пистолеты блестящими серебряными стрелами со сказочно пушистым алым и зеленым оперением. Они выстрелили. Пистолеты издали негромкий хлопок.

— Моя ближе, чем твоя, — образовалась Наташа.

— Просто тебе повезло, — высокомерно ответил Але-

ша. — Во всяком случае тебе лучше сейчас вернуться, потому что мы с Володей собираемся сражаться.

— И я тоже! Я буду на стороне Володи, ладно, Володя?

— Хорошо, будешь на моей стороне.

— Ну иди, Алеша. Ты будешь скрываться, а мы будем на тебя охотиться.

Ворча, но почтительно неся свой воздушный пистолет, Алексей ушел в лес. Через минуту они услышали его возглас:

— Готов.

Охотники постояли мгновение рядом, а потом разошлись и направились на Алешин голос с двух сторон.

Володя крался, передвигаясь от одной группы папоротника-орляка к другой. Он замер, припав к земле под завивающейся зеленой листвой, и, сложив руки рупором, крикнул:

— Ку-ку.

Моментом позже в глубине леса он услышал Наташино ответное: «Ку-ку».

Он перебежал небольшую поляну и услышал, как пистолет Алеша хлопнул в воздухе, услышал свистящий звук стрелы, вонзившейся в ствол дерева. Он услышал шелчок в густых зарослях орляка, когда Алеша сжимал пружину и перезаряжал пистолет. Он прыгнул вперед на открытое пространство и поднял руки.

— Не стреляй! — выкрикнул он. — Я безоружен.

Алеша встал из папоротника.

— Мы не можем сражаться, если ты безоружен, — сказал он.

Сзади него раздалось дребезжание, и он взвизгнул, схватившись за заднее место. Володя услышал, как весело хохотала Наташа, появляясь из-за деревьев.

— Она-то вооружена, — рассудительно заметил Володя.

— Очень умно, — проворчал Алеша, вытаскивая стрелу. — Ой!

— Ты, великий герой, — съязвила младшая сестренка, — и получил пулю в зад!

За деревьями они слышали голоса других детей.

— Нам лучше вернуться.

— Мы сможем снова сразиться за нашим домом. Там, где старые бараки.

Володя нашел стрелу, вонзившуюся в дерево. Алое оперение было похоже на кровь. Он осторожно положил ее в банку. Они двинулись назад через заросли и потом через площадку к спортивному залу. В громком шуме голосов Володя услышал тонкий, испуганный, жалобный голосок. В углу две девочки держали третью, поменьше. Его

сестра Роза скручивала ей волосы, и он увидел, как натягивается кожа возле ее ушей.

— Подлая кулачиха! Говори, где зерно, — говорила Роза.

Краем глаза он заметил старую женщину, Землячку, которая стояла на верхней лестничной площадке у окна и смотрела вниз. Она улыбалась. Потом она повернулась, будто кто-то позвал ее из комнаты, и скрылась за дверью.

Володя вытащил свой пистолет «Уэбли» из ранца и толкнул Розу вбок, оттаскивая Галю от двух девочек, выкручивавших ей руки.

— Что ты делаешь? — сердито спросила Роза.

— Мы забираем Галю на допрос, — сказал Володя. — Мы из Чека.

— Мы первые поймали ее! Она еще не созналась.

Володя махнул пистолетом перед лицом сестры.

— Мы — секретная служба. У нас оружие.

Он взял всхлипывающую девочку за руку и пошел прочь, сопровождаемый Наташей и Алешей.

— Пойдем, Роза, — сказала одна из девочек. — Будем играть во что-нибудь другое.

— Но это хорошая игра. Я хочу ловить настоящих кулаков.

За углом Володя спрятал свой пистолет в ранец, а Наташа дала Гале свой носовой платок. Маленькая девочка высморкалась, на глазах ее еще были слезы. Кожа вокруг ее ушей была ярко-красной.

— Мне тут не нравится, — произнесла она. — Совсем не нравится...

* * *

Рут ждала трамвай на остановке. Неподалеку в сумерках блестела вода Чистых Прудов. Бульвар был перегорожен деревянным забором, из-за которого виднелась огромная куча земли. Здесь шло строительство станции метро.

Подошел трамвай, гроыхая по рельсам, его электрический мотор жалобно завывал. Стоя на тротуаре, Рут увидела ее, стоявшую на площадке в ожидании остановки. Она выглядела немного старше, чем Рут ее запомнила, и как будто немного сутулой в пальто с высоким воротником. Однако она просияла, когда увидела, что Рут ее ждет.

— Надежда!

— Рут! Как чудесно. Давай пройдемся немного. Но я не хотела бы опаздывать на лекцию.

Женщины пошли по бульвару мимо Народного комиссариата просвещения. Рут на ходу вопросительно взглянула на свою подругу:

— Я ожидала увидеть персональную машину, а ты вышла из обычного трамвая. — Надежда покачала головой.

— Мне это не нужно. Разве мы для того совершили революцию, чтобы ездить в машинах, как буржуи?

— Значит, ты стала студенткой! Что же ты изучаешь?

— Текстильное производство. Откровенно говоря, это на самом деле интересно. И я чувствую, что делаю что-то реальное, чтобы помочь людям.

— Это прекрасно... а каковы твои однокурсники?

— Они действительно замечательные, Рут. Я никому не сказала, кто я, совсем никому. Я записалась как Аллилуева, и ко мне с самого начала все относились по-доброму. Конечно, в конце концов они узнали, кто я, но продолжали относиться ко мне по-прежнему, как к обычному члену группы. Мне даже удалось немного помочь некоторым. У нас учится чудесный парень из Донбасса, Никита Сергеевич. Он носит с собой рабочие инструменты — это так мило, — но он первоклассный партийный организатор. Он далеко пойдет. Я представила его одному из людей Иосифа — Кагановичу. Он взял его своим помощником.

— Они все птицы высокого полета, да? Все, кого отобрали для Промышленной Академии.

— О, да. Они все хорошие люди, хорошие коммунисты. Все — члены партии и, конечно, все имеют рабочее происхождение.

— Конечно. Мне не стоит и пытаться, да? — сухо произнесла Рут.

— О, дорогая, я не имела в виду ничего такого! Ты такая же хорошая, как и любой из нас. Ты была большевичкой с самого начала. Я просто люблю своих студенческих товарищей. Посещение Академии дало мне такое же чувство, как и перед Революцией — переполненность надеждой. Вот так. Она вернула мне надежду.

— Жизнь обычно стирает розовые краски нашей мечты, не так ли? — задумчиво произнесла Рут. — Начинаешь понимать, что в жизни гораздо больше грязи, чем думаешь вначале, больше жаб и меньше принцесс.

Надежда бросила на нее острый взгляд.

— Как дела у тебя с Сергеем?

— С Савинковым? Мы видимся нечасто.

— Ты занята?

— Занята? Нет. Просто он любит бутерброды, а я нет.

— Что ты имеешь в виду — какие бутерброды? — озадаченно спросила Надежда.

— Знаешь, когда мужчина в середине, а две девушки по бокам. Он полагал, что я буду одним из кусков хлеба, и я отправила его спать в отдельную спальню. Думаю, что сейчас он проделывает свои гастрономические опыты на работе.

В темноте Надежда покраснела от смущения.

— У меня тоже отдельная комната, — сказала она после некоторого молчания, когда они шли мимо церкви Святого Федора.

— Твой тоже развлекается? Что ж! Они все одинаковы. Им только покажи лакомый кусок, и их можно водить, словно свиней, дергая за кольцо в рыле.

— Нет... не в этом дело, — она сделала несколько больших шагов. — Ты принесла? — вдруг спросила она.

— Пистолет? — медленно выговорила Рут. — Я не уверена, что это правильно. Но все-таки я его купила. Твое письмо звучало... отчаянно. Но я хочу знать, зачем он тебе.

— Из-за него, — решительно произнесла Надежда. — Я боюсь. Он не такой, как мне раньше казалось. Наша семья — родители и мы с сестрой — мы все много лет знали его. Я считала его героем, когда была девочкой. Настоящим революционером. Он был в тюрьме, в ссылке, всегда боролся за наше дело. Он был почтителен к моим родителям и так бережно обращался со мной. Я восхищалась им. Герой... Я вышла за него замуж в шестнадцать.

— Нужен закон об этом, — раздраженно сказала Рут. — Савинков добился меня таким же образом. Я была молодой и наивной, а он был моим наставником. Он прижал меня к дереву в Берлине, а я была уверена, что мы делаем Революцию. Я думала, что у него на все есть ответ, что он чистый, как пламя. Я думала, что он предан Революции, как я была... как я ей предана. Не думаю, что Савинков во что-либо действительно верит. Его просто почему-то забавляет заставлять людей думать так, как он этого желает...

— О, Иосиф верит... Он верит в Историю. И я начинаю думать, что именно поэтому его надо бояться.

Она замедлила шаг. Перед ними лежал большой перекресток. Какой-то экипаж, запряженный одной лошадью, проехал мимо. Они остановились около высокого жилого дома, украшенного странными фигурами.

— Ты знаешь, здесь жил Эйнштейн. Там, напротив, Институт. Я не хочу быть в стороне, но не уверена, что

могу все объяснить, Рут. Но я боюсь. Я должна была бы понять много лет назад... Он изменился, он совсем не такой, каким был, когда женился на мне. Он разыгрывает спектакль, Рут, он дурачит людей, но меня он не обманет. Это он избавился от Троцкого, потому что Троцкий зажигал людей, у него был дар влиять на людей и увлекать их за собой. И Иосиф завидовал... А теперь Иосифа называют всемирным гением, и он притворяется, что не доволен этими восхвалениями, но это не так... Вскоре после того как родился Василий, он окунул пальцы в вино и дал ему их пососать. Маленькому ребенку... Я очень рассердилась и потребовала, чтобы он это прекратил, но он делал это снова и снова, чтобы вывести меня из себя...

Она повернулась к Рут, неподвижно стоявшей возле какого-то странного зверя.

— Он очень жесток, Рут. Он любит причинять боль. Иногда он даже бьет меня... или мы можем спокойно сидеть, и он вдруг берет меня за руку начинает выворачивать большой палец, пока я не закричу, но я стараюсь терпеть... внутри он бешеный, он словно кипящий горшок с закрытой крышкой — ты можешь смотреть на него, но если тронешь, тебя ошпарит...

— Тебе нужен пистолет, чтобы убить его? — почти шутливо предположила Рут. — Однажды я подумала о пистолете, когда пришла домой и обнаружила... Савинков предложил мне к ним присоединиться... Если бы у меня был пистолет, я бы пристрелила его.

— Нет... — тихо и печально ответила Надежда. — Просто на всякий случай. Просто, чтобы защитить себя, если действительно до этого дойдет. Один раз я уже ушла от него, но он меня вернул. Несколько недель после этого он был очень внимателен ко мне и добр, но однажды у него стало ужасное лицо, очень белое, вначале он запер дверь... я не позволю ему больше так бить меня, так издеваться. Я сказала ему... Но он сильнее меня, мне необходимо оружие.

Рут сунула руку в карман. Она достала маленький черный пистолет.

— Вот, — сказала она. — Я объяснила продавцу, что он мне нужен для защиты от грабителей. «Вальтер». Он не слишком большой, и вот к нему пули. Продавец велел направить его на грабителя и плавно нажимать на курок, пока не прозвучит выстрел.

Надежда быстро положила его в карман.

— Не знаю, как благодарить тебя. Извини меня за то, что заставила тебя беспокоиться, но я могла обратиться

только к тому, кого он не знает. — Она взглянула на часы. — Мне пора бежать на лекцию.

Она посмотрела через бульвар на зеленое здание в стиле барокко со светящимися окнами, и ее лицо осветилось счастьем.

— Там мои друзья, — сказала она неожиданно и просто. — Настоящие друзья.

* * *

— О, Боже! — восклицание вырвалось у нее раньше, чем она закрыла дверь. — Что случилось?

Акулов так тяжело опустился на ближайший стул, будто он очень долго шел пешком и больше был не в силах идти. Он поднял на нее глаза, и ей показалось, что он постарел на много лет.

— Бога нет, — произнес он. — Зачем Его призывать?

— Что случилось? — тихо повторила она, опустившись на колени рядом со стулом. — Расскажи мне, что произошло. Ты попал в аварию? Ты ранен?

Он посмотрел на нее рассеянным взглядом.

— Ранен? Это не я...

Его голос дрогнул, а губы дрожали, словно он готов был разрыдаться. Однако он взял себя в руки и начал говорить:

— Утром пришло сообщение по телеграфу. Начальник областного ОГПУ докладывал о серьезных сражениях в районе Полтавы и просил направить регулярные армейские части для подкрепления своим людям.

— Сражения? — спросила она озадаченно. — Кто на них нападал?

— Белые. Мы самая близкая к Полтаве часть, и в нашем распоряжении были броневики БА-27.

— Белые? Иван, гражданская война закончена. Белых больше нет. Те, что спаслись, давно за рубежом.

— Мы получили сообщение, — упрямо сказал он. — Из Кремля. Нас предупреждали об опасности вторжения белых войск.

— Этого не может быть! — запротестовала она. — Белые работают таксистами в Париже. Это же нелепо.

— Нам прислали сообщение, — повторил он. — Командующий дивизией назначил меня ответственным, потому что я знаю местность. Под Полтавой прошло мое детство. Когда мы вышли из лагеря, я указывал путь без карты, так как это мои родные места. Я знаю там все поля, речки, леса и дороги. Я шел домой. На дороге, которая ведет к деревне, мы увидели первые признаки

военных действий — брошенную телегу, а возле нее тела сотрудников ОГПУ. Несколько людей из погранотряда. Они были зарублены насмерть. Мне это сразу показалось странным. Такие раны не получишь на поле боя. Телега была доверху нагружена мешками с зерном, и это тоже было странно. Однако мы услышали стрельбу в самой деревне, ружейную стрельбу. Поэтому мы зарядили пушки разрывными снарядами и приготовили пулеметы. БА-27 служат для обеспечения поддержки пехоты. Он имеет сорок снарядов для пушки и более двух тысяч 7,62-миллиметровых патронов для пулемета Дегтярева. Когда мы двинулись на возвышенность, чтобы связаться с начальником ОГПУ, я думаю, всем хотелось испытать себя в реальном бою. БА-27 задумывались как машины, способные противостоять легким танкам. Я был уверен, что белые не решились бы напасть без бронетехники, и мы были начеку.

Я связался с начальником ОГПУ по радио. В его распоряжении был целый батальон, а сам он находился в тылу. Это меня не слишком удивило. Он хотел, чтобы наши броневики обеспечили прикрытие артиллерийским огнем, когда его войска будут входить в деревню, и сопровождали их там. Я разделил свои силы на две части, взяв командование одной из них на себя, а другую передал Иваницкому, чтобы он зашел белым в тыл, когда мы будем атаковать с фронта. Был пасмурный, облачный день. Мы видели вспышки ружейного огня в окнах домов, когда белые начинали стрелять из винтовок по продвигающимся пограничникам. На каждый раз мы посылали в дом артиллерийский снаряд, и вскоре передний край деревни окутался дымом: деревянные дома загорелись. Войска ОГПУ сразу же понесли потери, но огонь белых ослаб, мы подавили их артиллерией и двинулись вперед, чтобы обеспечить наших мобильной артиллерией в самой деревне. Меня беспокоило, что белые могли разместить свою артиллерию в сараях, замаскировать ее и отрезать нас, когда мы продвигались по дороге — мы были хорошими мишенями.

Но я знал местность так хорошо, что послал Круглова со взводом в обход заливного луга, чтобы он оттуда двигался к главной площади и атаковал белых с фланга. Потом мы вошли в деревню. Я велел Меркулову идти по боковой дороге, а сам двинулся по главной. Когда он шел мимо сарая Орлова, его схватили, прыгнув с сеновала. У них были бутылки с горючей смесью и фитили. Они метали их через смотровые отверстия, и машина взрывалась. Солдаты ОГПУ с ним уничтожили их пуле-

метным огнем. Меркулова так же легко освободили, как и упустили. Броневику вломился в сарай, и тот загорелся.

Деревня расположена на склоне холма. Когда мы подошли к развилке, сверху, грохоча, покатила телега, груженная камнями. Меня отбросило к броневнику и ударило о его бок, вот там я и получил эти порезы и ушибы.

Сидя на стуле, Акулов как-то странно посмотрел на свои ободранные руки и потрогал заживающие шрамы на голове. Он перевел взгляд на Елену, все еще стоявшую на коленях перед ним.

— Знаешь, когда я выбрался, все, что я чувствовал, было восхищение! Эти белые воевали очень хорошо! — Его лицо снова омрачилось. — Но я не мог понять, почему они не использовали свою артиллерию или пулеметы. Все, что у них было, это винтовки и бутылки с зажигательной смесью. Телега раздавила одного из солдат ОГПУ, как клопа, и я взял его винтовку. Остальной экипаж выбрался, и я велел им отойти в тыл и следовать за войсками ОГПУ. Я пошел по тропинке к нашему дому. Ты его помнишь, Елена? Помнишь эти ягодные кустарники? Их посадила мама. Отец еще до моего рождения замостил дорожку камнями, чтобы могла проехать телега. Свиньи хрюкали в хлеву. Я слышал, как мычат коровы, напуганные стрельбой и запахом дыма.

Я боялся, что белые схватили мою семью, поэтому я шел, крадучись, по дорожке. Я загнал патрон в патронник и держал винтовку наготове. Маленькая тропинка вела мимо сарая в огород, и я пошел по ней. У сарая, где отец хранит инструменты, кто-то бросился на меня с вилами, но я увернулся, и зубцы только задели мое плечо.

Он был большой и ревел от ярости. Я выстрелил в него. Он ударился о стену сарая и упал.

Вдруг послышалась сильная пальба. Это солдаты ОГПУ подошли со стороны луга, и заработала пушка Круглова, который обеспечивал артиллерийскую поддержку. Дом загорелся. Когда он вспыхнул, люди выскочили оттуда. Они все были вооружены. У мужчин было несколько винтовок, у женщин и детей — топоры, ножи и другие кухонные принадлежности. Они кинулись на солдат, с ненавистью что-то выкрикивая, и были расстреляны, все до одного. Словно скот на бойне. Раненые пытались отползти, но солдаты подходили к ним и добивали.

Тогда я взглянул на того человека, которого убил. Это был мой брат Василь. Он умирал. Он плюнул в меня кровью... Я опустил винтовку и вбежал в дом. Они все были там, мои сестры, младшие братья. Отец и мать...

Двоюродная сестра Надя еще была жива. Солдат ОГПУ уже прицелился в нее, но я бросился на него. Мы стали драться, и тогда другой солдат ударил меня по голове.

Когда я пришел в себя, дом был в огне. Я лежал среди мертвых. Я отполз от горящего дома. Мое лицо было залито кровью, и меня бросили умирать. На заливном лугу войска ОГПУ окружили уцелевших людей, сбившихся в кучу, как скот. Там были старики и старухи. Старик Кутепов держал свою маленькую внучку Ольгу на руках. Дети жались к юбкам матерей.

Начальник ОГПУ тоже был там. Теперь, когда бой закончился, он прибыл. Это был Рыков, Елена. Рыков за все отвечал. Один из броневиков, кругловский, стоял невдалеке. Я видел, как Круглов кричал на Рыкова. Потом два человека Рыкова схватили Круглова, и Рыков вытащил свой пистолет и застрелил его. Они установили пулеметы, и Рыков отдал команду. Зазвучали выстрелы. Рыков тоже стрелял по людям. Когда всех убили, мертвых так там и оставили, даже не похоронив. После этого солдаты ОГПУ пошли по деревне грабить. Они все зерно сложили в телеги, набили карманы деньгами и всем, что можно унести, они угнали коров и свиней, они скрутили головы птицам, пили водку и сожгли все. Деревня все еще горела, когда опустилась ночь. Я знаю, я это видел.

— Что ты сделал? — прошептала Елена, похолодев от ужаса.

— Я укрылся в заросшей канаве у заливного луга и ждал, пока они не ушли. Ночью я выбрался и тоже ушел. Если бы Рыков увидел меня, он бы меня убил, и тогда я не смог бы никому рассказать обо всем.

Акулов заплакал. Слезы катились по его лицу, падая на его разбитые руки.

— Мой брат Василь, — всхлипывал он. — Я держал его, когда он умирал, а он плевал в меня кровью и называл врагом.

Она обняла его и покачивала его голову, успокаивая, как маленького ребенка.

— Когда я вернулся в часть, я все рассказал командиру. Он держал меня в другой комнате, пока разговаривал по телефону, и когда он привел меня назад к себе, был очень испуган и бледен и приказал мне ничего никому не говорить. Мы перевезли погибших и похоронили их в другом районе. По официальной версии деревня погибла из-за несчастного случая, пожара, а меня послали в отпуск.

Через некоторое время он поднялся и вытер лицо своими большими израненными руками.

— Что мне делать, Елена? Кому рассказать?

— Никому! — яростно ответила она. — Мы должны думать о наших детях. Мы живем в страшном мире и должны помнить о детях. Послушай меня, дорогой мой. Если ты немного пришел в себя, вспомни, может быть, кто-нибудь из твоей семьи уцелел?

— Да, — вдруг сказал он. — Татьяна. Моя племянница, которой ты посылаешь книги. Я не видел ее там.

Елена схватила его руки.

— Тогда мы должны молить Бога о ее спасении, — убежденно проговорила она. — Спаситель Мира, Господи! Мы верим не в сильных мира сего, ибо они смертны. Из праха вышли и в прах обратятся. Их намерения тщетны. Мы веруем в Тебя, Христе Боже наш! Спаситель, спаси Татьяну.

Она подняла глаза на Акулова.

— Ты не хочешь помолиться?

Он смутился.

— Я не могу, — произнес он. — Потому что Бога нет.

— Ты все еще веришь в революцию, Иван? — печально спросила она. — После всего этого? После того, как Рыков уничтожил твою семью?

— Рыков — не революция, — упрямо ответил он. — Революция такого не совершает. Нет. Я не могу этому поверить.

* * *

Директор машиностроительного завода Петр Павлович Садовский поднялся на трибуну. Внизу, заполняя весь большой двор, стояли рабочие. Он ощущал специфический запах производственного цеха, исходивший от них. За ним, на стене главного корпуса висел огромный кусок материи. Директор встал рядом с заводским парторгом, и они вместе потянули за веревку. Покрывало соскользнуло со стены вниз, и глазам собравшихся открылось громадное, новое, ярко раскрашенное панно. Настоящий шедевр наглядной агитации.

Петр Садовский улыбался так широко, как только мог. Он указал на изображение и начал хлопать в ладоши. Андрей Стукалов, его заместитель, и Борис Федин, председатель профкома, бывший шахтер с Донбасса, стояли немного ниже — на возвышении. Они тут же горячо поддержали его аплодисменты, как и народные массы внизу. Все хлопали до тех пор, пока их ладони не стали гореть.

Это ловкий трюк, подумал Петр. Случалось, что люди аплодировали до изнеможения, а кто первый прекращал, того первым увольняли. Продолжая радостно улыбаться, показывая на изображение и хлопая в ладоши, он пошел к краю возвышения под взглядами партийных работников. Он сошел по ступенькам со своей командой, и они образовали короткую линию у входа на завод.

— За работу, товарищи! — крикнул Петр. — Перевыполним! Перевыполним! Преодолеем новый рубеж! Выпустим тысячный грузовик!

Поток рабочих, направлявшихся в цеха, остался позади, и шум аплодисментов утих, только Стукалов и Федин все продолжали хлопать в ладоши, шествуя за Петром вверх по ступеням. Только когда дверь кабинета закрылась за ними, они остановились. Встряхнув горящими ладонями, Петр выглянул в окно из-за занавески. Партийное руководство тоже удалялось.

— Сегодня эти сволочи нас не достанут, — удовлетворенно сказал Петр. Когда он сел за стол, его спутники опустили на стулья, ослабив туго стянутые галстуки. Публичные акты поклонения были опасным делом. Жреца всегда можно принести в жертву. Петр снял телефонную трубку и набрал номер.

— Константин? Это ты? Это Петр. Я с завода. Я только хотел тебе доложить, что мы открыли сейчас твой шедевр с прекрасным лозунгом, тут на заводской стене. Я был утром в суде. Если бы те дураки только последовали твоему совету, они бы сейчас не ожидали расстрела.

Он отодвинул телефонную трубку от уха, чтобы остальные могли услышать утомленный голос писателя:

— Это не мой лозунг. Он принадлежит великому вождю и учителю человечества товарищу Сталину.

— Конечно, конечно, — поспешно произнес Петр. — Ты просто переложил его мысли в слова. Конечно, это великий вождь и учитель. Громовые аплодисменты рабочего класса приветствовали указания любимого Сталина. Что у тебя?

— Я работаю сейчас над романом, — сказал Константин. — Это необыкновенно волнующе. Партия сформулировала истинную теорию социалистического эстетического метода, который открывает великие перспективы перед каждым писателем. Ты понимаешь, что для творческой личности большое счастье работать в таких границах. И мне обеспечили партийное руководство, которое обеспечит содержательность будущей книги. Это товарищ Рыков, он работник ОГПУ. Он сейчас здесь. Мы обрабатываем нашу прозу кувалдой и придаем ей нужную форму тракторами.

— Тогда я не смею тебя задерживать. Но от имени всех рабочих, от всех нас, выполняющих и перевыполняющих нормы, мы благодарим тебя.

Петр положил телефонную трубку. Кабинет был расположен в углу здания, и из окна он видел громадное новое панно. Мощные мускулистые мужчина и женщина выковывали светлое будущее на раскаленной докрасна наковальне:

«НЕТ КРЕПОСТИ, КОТОРУЮ НЕ МОГ БЫ ВЗЯТЬ БОЛЬШЕВИК».

— Жалкое ничтожество. Писать агитки с помощью ОГПУ, — рассеянно произнес Петр. — Я помню его, когда он был революционером, футуристом. Он ратовал за полную свободу от любых норм и правил. Что ж, такое будущее ожидает нас всех.

— Как прошел суд? — спросил круглолицый лысый Стукалов. Все трое постарели с тех пор, как участвовали в боях на железных дорогах России, но они все еще оставались солдатами одного взвода, только сражавшимися в новой войне.

Петр достал из стола бутылку и три стакана и налил в каждый по большой порции.

— Отвратительно, — коротко ответил он. — Они даже не смогли вызвать для допроса Зайцева. Помнишь, того, что обслуживал станки. Его защитник сказал, что он сошел с ума. Двенадцатилетний сын Лескова опроверг его. Он, однако, и на второй день не явился. Повесился. Говорят, что не из-за чувства вины. Багиров попытался было отказаться от собственных показаний, но его быстро вывели, и через пару часов он вернулся, белый, как привидение. Тюремщик поддерживал его, потому что он не мог стоять. Не представляю, что они делали с ним. Но так или иначе, все сознались в саботаже и вредительстве в пользу буржуазии.

Подлец Ульрих был судьей. Восемьерых приговорили к расстрелу, а восьмерых отправили в лагеря на лесоповал. Нашего брата, директоров, присутствовало в судебном зале человек тридцать. Думаю, что всем сообщили. С нами, конечно, очень любезно обходились. Прокурор Вышинский пригласил нас на чашечку чая, пока Багирова обрабатывали. Он весьма многолик. В суде он не церемонится с обвиняемыми, обзывает их «зловонным отребьем» и «гниющей падалью». Никаких доказательств, сплошная брань. А с нами он вел себя как... воспитанный человек. Говорят, он из порядочной семьи. Когда мы уходили, нам вручили новые нормы трудовой битвы. У меня с собой ударные показатели для транспортного и тракторного фронта.

Он протянул бумагу Стукалову, который проглядел ее и передал Федину. Потом все трое выпили.

— То, чего и следовало ждать, — проворчал Федин.

— Последнюю часть пятилетнего плана мы буквально выцарапали, — мрачно произнес Петр. — Будем производить цифры. Слава Богу и Ленину за «строгий учет и контроль». Статистику мы можем производить. В этот раз никакого запаса не оставили, так что лучше скажите мне, как прошло дело? С чем мы будем работать?

— Однажды утром, как и планировалось, мы добрались до блокпоста и нейтрализовали сигнальщика, — сказал Федин. — Товарный поезд опоздал, но мы успешно остановили его, отогнав на запасной путь. Двое парней было на линии с сигнальными фонарями, и машинист, кочегар и охрана сошли, чтобы узнать, в чем дело. Мы их тоже нейтрализовали. В том месте дорога идет вдоль линии, и погрузка прошла настолько быстро, что даже превзошло наши ожидания. Мы выставили ограждение с обоих концов, ребят в форме НКВД. За два часа все было погружено на грузовики. Чего мы достигли? Двух тонн сахара.

— Прекрасно! — воскликнул Петр.

— Он сейчас перегоняется на водку, — доложил Стукалов.

— Рулоны ткани и брезента. Две полные грузовые автомашины.

— Хорошо. Я разговаривал с Пришвиным, с самолетостроительного завода. Он не может окупить свои самолеты. Он достал целую партию карбюраторов и магнето, которые не может использовать. Мы можем заключить сделку и приспособить их к грузовикам.

— Ткань светлая. Для рубашек. Она не прослужит долго на самолетах.

— У каждого свои задачи. Наши и его — это выпустить за ворота тракторы, грузовики, самолеты. Если они сломаются в руках потребителя, это не наше дело. Но все же оставь немного ткани — можно использовать для пошива рубашек для рабочих. Знают ли бедняги, что их ждет дополнительная смена? Да? Ударники социалистического труда. Мы попытаемся сделать все по возможности хорошо. Попридержи также малость водки.

Он потер лицо.

— Помнишь, когда только еще внедрили нормы, месяц начинался с прохладцей, чуть ли не десять дней раскачивались, прежде чем приняться за работу. Потом начинался аврал. Конец месяца был сущей лихорадкой, а, выполнив норму, мы могли снова валять дурака и

хлестать водку дней десять, а потом все начиналось сначала. Но теперь наступает постоянный аврал. Мне кажется, мы скоро все сойдем с ума. Достали что-нибудь еще?

— Шарикоподшипники, — с удовлетворением ответил Стукалов. — Я расходую их очень аккуратно, потому что они всем нужны. Но мне твердо обещали за них шины, а строители предлагают стекло и гофрированное железо. Ума не приложу, зачем им подшипники, но у них много стекла и кровельного материала.

Стукалов был толкачом, снабженцем, тем, кто знал, у кого что достать и кому позвонить. Благодаря его хитрым комбинациям завод продолжал работать.

— Тут подходил конструктор с предложениями по модификации грузовиков, — сказал Федин. — Мы сможем сэкономить около десяти процентов на ходовой части, а отчеты делать по старым расчетам. Конечно, это снизит их качество, но они в любом случае не служат долго. Откровенно говоря, мы производим брак. Но всегда можно все свалить на состояние дорог.

— Посмотрим. Что с борделем?

— Почти готов, — ответил Федин, одобрительно кивнув головой. — Настоящее качество. Толстые ковры, отличные диваны и стулья и, конечно, кровати. Я кинул на него наших лучших столяров и швей.

— Внесите его в отчет как медицинскую клинику.

— Я имел дело с американцем из делегации. Он работает на их продовольственном складе. Если мы поставим ему девочек, он снабдит нас виски и джином, и сладостями — печеньем и конфетами. Я пытаюсь получить от него также фильмы.

— Я думал, что НКВД следит за всеми иностранцами?

— Он не обладает секретами, чтобы его пасли. Он совсем простодушный, по-моему, ничего не понимает.

— Фильмы — это хорошо. Ременюк из Наркомата продовольствия мог бы поставлять нам мясо и муку, если бы мы смогли обеспечить ему по-настоящему хорошее времяпрепровождение. Ублажи американца сразу двумя девочками в обмен на «Фред Эстер» и «Джингер Роджерс». Как девушки? Есть хорошенькие в новой партии рабочих?

— Ольга обучает их.

— Надо бы отобрать из вновь поступивших наиболее привлекательных. Им объяснили, что они получают улучшенные пайки и соответственно жилищные условия? Мы награждаем передовиков.

— Кажется, они довольны.

— Они это отработают, — мрачно заметил Петр. — Я

бы не хотел возиться с Ременюком. Действительно, передовой кавалерист... Но это полезно. Наши люди на железной дороге получили вознаграждение? Да? Они скоро понадобятся нам снова.

— Кое-кто приходил ко мне позапрошлой ночью, — сказал Федин. — И ждал, пока я вернусь. Рогов. Борис Рогов.

Садовский улыбнулся.

— Центр-форвард «Динамо»? Я бы не отказался снова увидеть его.

— Ты можешь увидеть его, когда хочешь, — спокойно произнес Федин. — Я взял его на работу.

— К нам? Каким образом?

— Он больше не может играть в футбол. У него повреждены оба колена. На прошлой неделе он получил новую травму. А когда вернулся домой, обнаружил, что кто-то уже занял его квартиру. Я выделил ему комнату.

— Куда ты его определил?

— В часовой цех подсобником.

— Нельзя ли подобрать ему что-нибудь получше?

— Он совсем неграмотный. Окончил спортивную школу и ничего больше не умеет.

— Он играл за сборную. — Петр был потрясен. — И как играл! Я видел его.

Секретарь Садовского просунула голову в дверь.

— Петр Павлович, тут учителя.

— Хорошо, я встречу с ними.

Его ждали пять розовых от возмущения молодых женщин. Одна из них, чуть постарше других, выступила вперед.

— Директор Садовский? Вы можете объяснить, почему мы здесь?

— Разумеется, товарищи женщины, — приятно улыбнулся Петр. — Вас, осмелюсь признаться, похитили.

— Похитили? Кто? И зачем?

— Я. О, все правильно, уверяю вас. В наркомате пересмотрели ваши документы. Вы направлены в наше распоряжение. Инспектор... обедает иногда со мной, и я просил его о помощи.

— Мы получили образование учителей младших классов. Чего вы от нас хотите?

— Разумеется, чтобы вы учили. Но здесь ваша жизнь будет более приятной. В смысле жизненных благ. К тому же вы просто обязаны будете остаться. Вы знаете положение о паспортах, не так ли?

Он показал вниз на просторный цех, где собирались тракторы и грузовики.

— Им запрещается покидать цех без разрешения, которого могут и не получить. Вы тоже не имеете права покинуть завод без разрешения. Так что считайте это командировкой. Теперь видите того мужчину?

Он указал на мужчину в очках лет тридцати, который стоял у доски в центре окружавших его рабочих, примостившихся кто где в этом относительно тихом углу цеха.

— Это мой главный конструктор Михаил Каледин. Он очень талантливый инженер, и у него очень талантливые сотрудники. Его предполагают привлечь к работе над танком, который мы обязались создать для Главного Военного Совета. Это будет настоящая передовая техника. Модифицированная подвеска Кристи, наклонная броня. Но у него уходит очень много времени на обучение рабочих.

— Но почему?

— Мне присылают столько рабочих, сколько мне надо, — ровным голосом объяснил Петр. — Но это люди от сохи. Крестьяне. Самые грамотные имеют два-три класса начальной школы. Если находится кто-то выше этого уровня, я ставлю его мастером. А у нас точнейшие американские инструменты. Они изготавливают шестерни, зубчатые колеса, подшипники. Эти люди очень стараются. С помощью пальцев они измеряют, тот ли размер они выбрали. Но они не умеют считать, не могут прочитать инструкцию. Я хочу, чтобы вы освободили моего конструктора от этой работы и учили их. В сущности, это и есть ваша работа, и вы будете ее делать, а конструктор будет выполнять свою работу.

— Наша работа — обучение детей в начальной школе, — язвительно заметила учительница. — И я не знаю, что будет с новым поколением, если учителя будут обучать взрослых на заводах, не работая в школах.

— Что касается молодого поколения, мне нечего вам сказать. Но я знаю, что случится со мной, если я не смогу выполнить свои обязательства и эти машины не выйдут вовремя за ворота. Я советую вам спуститься вниз и представиться. А я присоединюсь к вам через несколько минут.

Петр вернулся в кабинет и открыл ящик стола. Он налил очередную порцию в стакан. Он вспомнил молодого офицера НКВД, который сидел в судебном зале в первом ряду, положив ногу на ногу, рядом со скамьей подсудимых. Он был прекрасно одет, пару перчаток из мягкой кожи он придерживал на колене. Как только кто-нибудь из подсудимых запинался, он сменял ноги в блестящих сапогах выше колен и с хлопком опускал пер-

чатки на верхнее колено. И подсудимый, будто гальванизированный этим тихим хлопком, с расширенными глазами на помертвевшем лице судорожно начинал говорить, стараясь смотреть куда угодно, но только не на этого элегантного офицера.

Из окна Петр Павлович видел маленький домик, окруженный аккуратным хорошеньким садиком. Иногда он видел склонившуюся к растениям Анну, которая любила работать в саду. Утром и вечером пробегала в школу и из школы их дочь Галина, Галя, и он следил глазами за фигуркой в школьном платье, пока она не исчезала из виду.

Доказательства преступления не нужны. Так объяснил им сегодня Вышинский своим интеллигентным голосом, тихо прихлебывая чаек и откусывая сладкое пирожное, которое застревало у них в горле сухой деревянной стружкой. Закон выражает волю правящего класса — пролетариата — и должен быть поддержан силой социалистического государства. Закон защищал жизненно важные завоевания победившего под руководством коммунистической партии народа. Доказательства были излишними, потому что они были принадлежностью лживого буржуазного права. Партия не могла ошибаться.

Он залпом выпил водку.

4 ноября 1932

Чувственная изысканность барочной лепнины была скрыта красным кумачом. Алые знамена с золотой бахромой и золотыми символами вновь и вновь знаменовали победу пролетариата. Там, где когда-то ставили рождественскую елку, ныне праздновали очередную годовщину Революции, и Промышленная Академия, соответствующим образом убранная по случаю праздника, казалось, испытывала неловкость, как вдова, чье траурное убранство прикрыли девичьей фатой. Дверь комнаты, где некогда собирались за чаем самые близкие царской семье люди, открылась, и в нее вошла небольшая приземистая фигура Никиты Сергеевича Хрущева. Теперь здесь проводились занятия, и Хрущев пришел с черным кожаным портфелем. В комнате было тепло от огромных, отлитых в императорских мастерских чугунных радиаторов, и он снял куртку, повесив ее на спинку стула и оставшись в мешковатом сером пиджаке.

Он открыл портфель и вынул голубую тетрадку, потом извлек ручку — одну из целого набора, маленьким строем торчащих из нагрудного кармана, — и стал ждать.

Дверь снова открылась, и появился лектор, невысокий человек с аккуратно подстриженной черной бородкой. Он нес пачечку конспектов, двигаясь мимо ряда столов к небольшому возвышению, где стояли стол и классная доска. Пожалуй, он потратил слишком много времени, размещая и перекладывая свои конспекты на столе. Наконец он вытер доску тряпочкой, выбрал и положил отдельно кусочек мела, потом кинул взгляд на часы.

— Что ж, начнем, — сказал он, повернувшись спиной к аудитории, состоявшей из единственного человека, и начал писать мелом на доске формулы.

Он не повернулся, когда высокие двери классной комнаты с грохотом ударились о стену. Он также не повернулся, когда услышал женский голос:

— Никита Сергеевич!

Хрущев внимательно смотрел на доску, переписывая формулы в тетрадь.

В комнате послышалось эхо ее решительных шагов, но лектор продолжал выводить на доске делавшиеся все более неразборчивыми каракули.

— Смотри мне в глаза! — гневно крикнула Надежда. Она схватила Хрущева за щеки.

— Смотри мне в глаза, негодяй!

Он вспотел. Его кожа стала скользкой.

— Где все они? Где мои друзья?

— Я не знаю, — прошептал он.

— За ними пришли из НКВД. За каждым из них. За всеми, кроме тебя. Их забрали. Где они?

— Я не знаю.

— Это ты! — пронзительно воскликнула она. — Это ты сказал ему, ведь ты?

— Он спросил меня. Он спросил меня, кто твои друзья. Он сказал, что готовит тебе сюрприз.

Слезы текли по ее щекам, а ногти вонзались в его лицо.

— Ты сказал ему! Ты перечислил всех, никого не пропустил.

Хрущев вдруг сжал ее руку, вцепившуюся ему в подбородок, и на мгновение сбросил свое крестьянское простодушие.

— Послушай. Если власть задает вопрос, ты отвечаешь. Немедленно. Потому что тебе нечего скрывать. Ты не спрашиваешь, почему власть хочет что-то знать. И ты не должен колебаться.

Мгновение они молча смотрели друг другу в глаза.

— Я испугался, — сказал он, и плоские слова повисли в воздухе. Неожиданно она отпустила его, послышался

звук ее удаляющихся шагов и затем, в отдалении, тихий безнадежный плач.

Никита Сергеевич Хрущев остался в аудитории один. Лектор продолжал писать на доске формулы...

8 ноября

Надежда услышала, как открылись двери их кремлевской квартиры, и несколькими мгновениями позже он вошел в ее спальню. Загорелся свет.

— Мы празднуем сегодня день Великого Октября, — холодно произнес он.

Надежда уставилась в потолок и не смотрела на своего мужа.

— Мне нехорошо, — сказала она. — Празднуйте без меня.

Сталин стоял возле кровати. На нем были белый китель и белые брюки, заправленные в мягкие кожаные сапоги. На груди — орден Ленина.

— Празднуют те, кто привержен Революции, — сказал он не без угрозы в голосе. — Когда человек сторонится праздника, другие спрашивают почему.

— Я привержена Революции, — произнесла она, — а ты? И я плохо себя чувствую.

— Ты скучаешь по своим молодым друзьям? — насмешливо спросил он. — Ты беспокоишься за них?

— Они настоящие революционеры, — горько ответила она. — Они рассказали мне, что ты делаешь и в чем ты заставляешь их участвовать. Ты делаешь их соучастниками твоих преступлений.

— Они лгали тебе. Они — предатели Революции! Но не беспокойся. Они вернуться в твою драгоценную Академию через несколько... недель. И тогда они скажут тебе совсем другое, обещаю тебе. Можешь спросить любого. Они не будут повторять эту клевету. Говорить о якобы голодающих людях. А сейчас...

Его рука метнулась и схватила ее за запястье, и он стал выворачивать ей большой палец.

— Ты можешь отпраздновать с нами годовщину Революции или провести ее, вставляя на место кости. Что выберешь, Надежда?

* * *

Все собрались в зале дворца екатерининских времен. Сливки социалистического общества. Все глаза были устремлены на распахнутую дверь, в которую хозяин вталкивал к гостям свою жену.

Мужчины в военных формах и цивильных костюмах, женщины — в неброских темных платьях. Длинный ряд красных флагов украшал одну из стен. Официанты привычно скользили между гостей с подносами, уставленными бокалами. Через открытую дверь был виден стол, роскошно сервированный для банкета.

Надежда подошла к Полине, жене маленького тонкошеего Молотова, стоявшей у колонны. Среди бывших здесь людей она была единственным существом, которое Надежда могла назвать другом. Официант в белом френче с золотыми галунами приблизился к ней с шампанским. Она отрицательно покачала головой, и он принес ей высокий бокал апельсинового сока.

Громкий стук заставил всех обернуться. Это Сталин стукнул по столу бутылкой водки, требуя внимания, и наступила мгновенная тишина.

— Сейчас мы все собрались здесь, — он язвительно, почти злобно, посмотрел на свою жену, — чтобы поднять тост за Великий Октябрь, за Революцию.

Официанты кинулись наполнять бокалы по движению Ворошилова — он играл роль хозяина. Ворошилов был первым красноармейским офицером, в своей военной форме он казался высоким и внушительным.

Все глаза устремились на Сталина, когда он поднял стакан с водкой.

— За Революцию! — негромко сказал он.

— За Революцию! — заорали в ответ гости. Несколько секунд каждый в сосредоточенном молчании залпом опрокидывал свой бокал, а затем гул голосов возобновился, пока резкий окрик Сталина не оборвал его. Все смолкли.

— Эй, ты.

Надежда вздрогнула и подняла глаза.

— Да, ты, сучка!

Он приближался к ней. В наступившей тишине был слышен шум его шагов по мозаичному полу.

— Почему ты не пьешь за Революцию? — требовательно спросил он.

— Я выпила! — возразила она.

— Апельсиновый сок? — прорычал он. — Революция ковалась в огне и закалялась в крови. А ты посмела пить за нее апельсиновый сок!

Внезапным ударом он выбил бокал из ее рук, и тот упал на пол, расколовшись на куски. Липкий сок плеснул ей на платье. Он схватил со стойки бокал и опрокинул в него бутылку водки. Бокал был уже переполнен, и водка заливала скатерть, образуя огромное пахнущее спиртом пятно.

Он протянул ей расплескавшийся бокал прозрачной жидкости, запах которой вызывал спазм тошноты в ее горле.

— Пей за Революцию, — произнес он глухим от злости голосом. Он был бледен, как его белый китель. Мелкие бусинки пота блестели на лбу, там, где начинались волосы.

— Иосиф, я не могу... — умоляюще сказала она.

Он прижал ее к колонне, запрокинув ей голову, и насильно вылил в ее рот содержимое бокала. Она давилась, водка лилась по ее подбородку, воздух свистел в глотке. Стоявшие кругом мужчины и женщины застыли неподвижно, как манекены.

Он бросил пустой бокал в сторону, и тот разлетелся на кусочки.

— Видишь? — сказал он, внезапно отпустив ее. — Ты можешь пить.

И так же внезапно он отвернулся от нее и крикнул с неожиданным дружелюбием:

— Климент Ефремович! Что ты сегодня приготовил для нас?

И Ворошилов, никогда не трусивший в бою, трусливо выпрыгнул вперед, как послушный пес, подобострастно улыбаясь и пригибаясь, чтобы стать меньше ростом. Крошки еды падали с его губ.

Оставшуюся у колонны Надежду выворачивало. Грязные, маслянистые испарения поднимались откуда-то из желудка. Она чувствовала, что вся провоняла водкой, что водка переполнила ее и сейчас выплеснется наружу.

— Ты хочешь выйти? — пробормотала Полина. — Выйдем вместе.

— Нет, — едва смогла ответить она, внезапно охваченная страшной неуправляемой яростью. — Нет, я не собираюсь уходить.

Она огляделась.

— Кое-кого здесь не хватает, — отчетливо сказала она, и Полина в тревоге глянула на нее.

— Надежда, — попыталась она ее успокоить.

— Оставь! — резко сказала она подруге в крайнем раздражении.

Сталин посмотрел на них с другого конца зала.

— Ты что-то сказала? — обратился он к ней.

— Кое-кого здесь не хватает! — выкрикнула она, водка и ярость бурлили в ее венах. — Это день Революции, и кое-кого здесь не хватает.

В зале вновь воцарилась мертвая тишина, нарушаемая только тихим шорохом незаметно отходящих от нее людей.

— Где же священник? — громко спросила она. — Без него нам нельзя. Кто понесет гроб? Где могильщики, чтобы вырыть яму?

Надежда медленно шла, внимательно вглядываясь в каждого. И они отступали от нее подальше.

— Революция умерла! — крикнула она и обвиняющим жестом указала на Сталина. — Он убил ее.

Недалеко от нее оказался Ягода. Помощник аптекаря в главной аптеке ОГПУ поспешно шагнул прочь от нее, словно от прокаженной. Но она уже ухватила его за отворот пиджака, и он остановился, не понимая, что происходит, и не решаясь, что-нибудь предпринять.

— Хотите знать, как я все обнаружила? — спросила она. В другом конце зала Сталин попытался скрыться из виду за спиной Ворошилова.

— Мне рассказали мои друзья. Партийное руководство послало их на Украину как стойких и надежных большевиков. С поручением. Они должны были избивать, расстреливать и грабить крестьян. Сделать детей сиротами, обречь их на голод. Смешать крестьянство с навозом. Разорять и жечь их дома. Грабить деревню от имени Революции, якобы уничтожать по-разбойничьи деревню нужно для пользы рабочего класса. Те, кого послали разбойничать, не поверили, что такое может приказать партия, и они, вернувшись, все рассказали мне, потому что я его жена.

Она опять указала на него пальцем. Сталин спрятался за колонну.

— Они рассказали об этом мне, потому что думали, что он ничего не знает.

Ягода осторожно старался высвободиться от хватки ее руки, ожидая самого худшего. Внезапно Надежда близко взглянула в его глаза:

— Однако зачем я рассказываю это тебе? Ты и сам знаешь! Мои друзья сейчас у тебя, не так ли? Танцуют какой-нибудь предсмертный танец, разучивают новый похоронный марш. Да, Ягода?

Ее рука разжалась, и он отшатнулся назад.

— Здесь нет священника, чтобы отпеть Революцию, нет гроба, нет факельщиков, только похоронная процессия. Но мы можем провести суд над убийцами. Здесь хватит людей.

Все они, молчащие и скованные, съезились от страха, стараясь не привлечь ее внимания. И Сталин осторожно скользнул за узловатую фигуру Вышинского*, немного даже пододвинувшись к ней.

* Вышинский А.Я. (1883—1954) — в 1933—1939 гг. заместитель генерального прокурора и генеральный прокурор СССР.

— Давайте проведем суд, — Надежда медленно поворачивалась в пустом пространстве вокруг себя. — Что у нас для этого есть?

Она посмотрела на неуклюжего, наголо бритого Ульриха.

— У нас есть судья. Ты всегда выносишь справедливый приговор, всегда обвинительный.

Сталин теперь пригнулся за Молотовым, который был приятно ниже его, и прошмыгнул за военачальника Тухачевского.

— Ну, конечно. Вот и прокурор. Вышинский всегда выигрывает дело. Здесь и сотрудник НКВД, чтобы виновный предстал перед судом. А что касается свидетелей, то надо бы принести убитых. — Она слегка покачивалась, поворачиваясь от одного к другому. — Надо бы вызвать умерших. Нет, их слишком много. Давайте начнем с живых. Ты готов, Генрих?

Ягода в страхе сжался.

— Твои офицеры из ОГПУ были там, и ты тоже там был. Ну а ты, Климент? Разве не твои войска охраняли фронтную линию, заперев голодающих внутри?

Ворошилов нервно посмотрел на Сталина, притаившегося за спиной Тухачевского.

— А ты, Вячеслав? Ты отвечал за грабежи, то бишь за изъятие зерна. Ты сам видел, что происходило.

Полина Молотова была смертельно бледна, неподвижно застыв у своей колонны.

— А ты, Бухарчик? — назвала она по прозвищу бородастого Бухарина. — Должно быть, ты тоже связан с этим. Так что ты будешь теперь делать? Как будешь протестовать, когда придут за тобой?

Она медленно поворачивалась, разглядывая их бледные лица.

— Что вы скажете, когда наступит ваша очередь?

Сталин стоял на полусогнутых ногах, скрываясь за карликом Ежовым, которого подталкивал вперед. Ежов подчинялся с блуждающей слабой улыбкой на белом лице. Когда она оборачивалась к Ежову, Сталин внезапно выскочил и ударил ее по лицу кулаком. Она тяжело упала на мозаичный яшмовый пол. Полина Молотова храбро бросилась между ними и стала помогать ей подняться.

— Она пьяна, — спокойно произнесла она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну да, — добродушно подтвердил Сталин. — Она не выносит спиртного.

Никто не остановил Полину, когда она под руку вывела Надежду из зала. Сталин стоял у окна и смотрел

в освещенный двор. Он увидел, как во дворе появились две фигуры и медленно двинулись, как возле развалин храма Воскресения, снесенного для постройки Военной школы, Надежда наклонилась и как ее рвало на шестисотлетние камни. Полина поддерживала ее. Потом они постояли, не двигаясь.

* * *

— Ты уверена, что с тобой все нормально?

Полина включила свет в гостиной.

Надежда кивнула. Она чувствовала себя грязной, больной и никчемной.

— Я приму ванну и лягу. Все будет хорошо. Утром я соберу вещи и уеду.

— Куда? — озабоченно спросила ее подруга.

— Как можно дальше от него, — просто ответила Надежда.

Полина пошла к двери.

— Запри за мной, — произнесла она.

— Я запру. Спасибо, Полина.

Ключ повернулся в двери. Надежда стояла, слушая, как шаги подруги удалялись по кремлевскому коридору.

— И как далеко от меня ты собираешься?

Она медленно повернулась, слишком усталая и разбитая, чтобы что-то чувствовать.

— Не мог бы ты оставить меня в покое? — сказала она.

Сталин вышел на свет из темноты спальни.

— Ты делала сегодня ужасные вещи, — тихо произнес он. — Кто научил тебя говорить эту ложь, Надежда?

— Это правда, — с отчаянием выговорила она. — Все, что я сказала, — правда.

— Ты поверила словам этих лжецов, притворяющихся твоими друзьями, и использовала их против меня? Надежда, Генрих заставит их признаться в клевете, и они принесут тебе извинения за свой обман. Я тебе обещаю.

— Ягода служит у тебя палачом! Конечно, они скажут все, что ты захочешь.

— Ты странно судишь, — мягко сказал он. — Если они признаются, что обманули тебя, значит они обманули тебя. Какие еще нужны доказательства?

— Неужели ты не можешь признать правду? — горько заметила Надежда. — Если ты не можешь никому сознаться в том, что совершил, признайся хотя бы мне. Я твоя жена, и я знаю тебя. Подумай, сколько миллионов погибло.

Сталин пожал плечами.

— Зачем считать врагов? Важно только то, что они побеждены.

— Они не враги! — выкрикнула она безнадежно. — Это не война. Это просто люди, которых ты убил.

Из-под полуопущенных век он рассматривал ее лицо в свете лампы.

— Они против меня, — произнес он, — и потому мои враги. Разве не они хотели уморить голодом народ? Они пытались удушить Революцию костлявой рукой голода. Они рассчитывали таким образом устранить меня. Вот что они задумали.

— Ты ограбил их, — устало сказала она. — Ты не заплатил им за зерно, и они меньше посеяли. Потом ты послал силой забрать то малое, что они оставили, и они поднялись, чтобы защитить свои семьи. Это ты объявил им войну.

— Ты не понимаешь... — прошептал он. — Враги везде. Они ищут, как разрушить то, что мы строим, и, если бы не я, кто мог бы их распознать.

Они стояли совсем близко друг к другу, и она наклонилась вперед в последнем усилии.

— Они твои враги, Иосиф, и больше ничьи. А что они хотят разрушить, так это морги и камеры пыток. Я тоже хотела бы снести их с этой земли.

Его кулак, появившись из ниоткуда, ударил ее в лицо. Она шагнула назад, кровь струйкой стекала из угла ее рта.

— Нет! — вскричала она.

Она повернулась и бросилась через комнату к письменному столу.

— Нет! — снова крикнула она. — Я больше не позволю!

Ее рука шарил в ящике, но когда она вытаскивала маленький черный пистолет, он уже настиг ее. Пистолет вылетел из ее руки. Когда она поднялась, он был в его кулаке.

— Ты из них, — убежденно произнес он. — Ты — враг...

* * *

Они все пришли взглянуть на нее, прежде чем увезли гроб. Карлик Ежов привстал на цыпочках, чтобы поглядеть на бледное лицо. Бухарин был немного выше, он мог видеть ее со своего места, но никаких мыслей не

отразилось на его лице. Пришел и Хрущев, и тоже тщательно скрыл свои мысли. Сталин позволил ему обнять себя как бы в сочувствии и на мгновение опустил голову к его плечу, как бы скорбя.

— Как она могла предать вас? — спросил Хрущев. На его невинном крестьянском лице была так явственно написана наивность, что Сталин только покосился на него своими желтыми глазами.

Полина Молотова была очень бледна, когда входила, но, уходя, была белой, как мел. Все это время Сталин не спускал с нее глаз. Вышинский с Ульрихом прибыли из зала суда, где был объявлен перерыв.

— Она была не совсем в себе, — негромко, но достаточно ясно, чтобы быть услышанным, сказал Вышинский, и Ульрих кивнул своей блестящей головой в знак согласия.

— Самоубийство, — произнес он.

Затем они отбыли; и подсудимых можно было вести из камер в зал суда, где их признали виновными и прочли приговор.

Ее убийца стоял у открытого гроба. Гример сделал свою работу хорошо, раны не было видно, лицо казалось спокойным.

Неожиданно он вытянул вперед руки, словно желая защититься от нее.

— Она бросила меня, как враг!

Когда он ушел, гроб закрыли крышкой и забили. Потом ее отвезли на Новодевичье кладбище, где она, наконец, осталась одна.

ЛИШЕНЦЫ

До революции сад, окружавший особняк, был по своему удивительно красив в любое время года. В двадцатых годах в нем появилось несколько строений, грубо нарушавших прежнюю выверенную до мелочей картину. Их наспех построили в случайном порядке, поскольку комиссариату просвещения понадобились подсобные помещения. И бывшие хозяева сада охватывали пришельцев своими зелеными пальцами, вели с пришельцами вечную борьбу, стремясь разрушить их.

От террасы, на которую некогда выходила хозяйка дома в утреннем светлом платье, чтобы под шелковым зонтиком спуститься в зеленое благоухание сада, оставались только ступени. С истинно революционным коммунистическим равноправием жильцы разделили между собой сад. *En masse** они разобрали камни, на которых была сложена терраса и плиты дворика, и продали их строителю-нэпману. На вырученные деньги они приобрели удобрения и семена. Землю для грядок они таскали ведрами из дальней части сада, где росли деревья.

Сейчас, когда начались теплые дни, старая аристократка часто выбиралась из своего подвала с вышитой подушкой в руках, и подолгу сидела на залитой солнцем широкой ступени, вдыхая аромат цветущей зелени и грезя о прошедших днях.

Елене казалось, что ей достался самый лучший участок. Он был в глубине за двумя постройками, и она могла там возиться вдаль от чужих глаз. Правда, далеко-далеко вато носить воду для полива в жаркие дни, но относительная изолированность ее куска земли все искупала. Она могла сажать все что угодно.

У одной стены рос розовый куст. Как только он расцветал розовыми цветами с яблочным запахом, она спешила собрать лепестки. Она готовила из них розовую воду и мыла ею головы всей семье, пропитывая ароматной жидкостью тряпочку и чистя волосы,

* *En masse* (франц.) — все вместе.

пока те не засияют. Туалетные мыла давно ушли в прошлое.

Вдоль стен она посадила шиповник. Незадолго до цветения Елена собирала молодые листья и сушила их на зиму. Зимой она заваривала травяной чай, и дети обязательно выпивали кружку перед школой. На гибких с острыми шипами кустарниках осенью вызревали ярко-красные мелкие плоды, и она сушила их и варила подобие варенья, которым лечила всю семью от простуды и других зимних хворей.

На другой стороне у нее была грядка помидоров, за которой она ухаживала особенно тщательно. По мере созревания она подавала их на стол, приправляя скудную пищу витаминами. Осенью она собирала еще зеленые помидоры и приготавливала острую приправу, бережно расходуя, чтобы придать вкус однообразной еде и стараясь дотянуть до весны.

Но главное ее увлечение и главную заботу составляли лекарственные растения. Там рос русский эстрагон, и ее заботливый уход приносил плоды: он благоухал все сильнее.

Она заваривала из душистых листьев чай, и вся семья выпивала вечером по чашке — цинга стала обычным явлением. Она также выращивала окопник, делая из листьев салаты. Хороши они были и для припарок, для лечения ран, порезов и ожогов. У нее всегда рос чеснок, а неподалеку от него петрушка, укроп и сельдерей. Она стала настоящим знатоком трав: узкие листья розмарина она использовала для борьбы с молью, кошачьей мятой лечила кашель. Из ромашки, пиретрума и других трав, которые были в сборе, написанном Бехтеревым, она готовила чай и медленно пила его ранним утром, предупреждая появление кошмара наступающих на нее черных кожаных курток и бешеного шторма в раскалывающемся черепе.

Это было такое удовольствие выкроить часок возни с этой зеленой жизнью, аккуратно пропалывая, бдительно высматривая тлю и других вредителей, которых она безжалостно уничтожала. Сейчас она сидела на корточках перед розовым кустом, замерев, чтобы не спугнуть прилетевшую бабочку.

Елена выпрямилась только тогда, когда закончила вносить перегнившие старые чайные листья в разрыхленную землю под розовым кустом и выровняла пальцами почву. Только тут она увидела двух детей, направлявшихся к дому по узкой тропинке. Мальчику было лет тринадцать, у него были черные вьющиеся волосы, и он под-

держивал за руку худенькую девочку примерно одинакового роста. Лица детей были ей определенно знакомы, но она никогда не видела их вместе, и это на какой-то миг повергло ее в замешательство. Потом она бросилась к ним через небольшую калитку.

— Таня! Татьяна, деточка, ты жива!

Прижав к себе девочку, она повернулась к Владимиру.

— Откуда вы, Володя? Как ты ее нашел?

— С Украины. Совсем недалеко от границы.

Девочка была одета в грязные отрепья, они были велики для нее. Ее тельце было почти невесомым, и Елена легко подняла ее и понесла в дом, чувствуя через одежду косточки. На исхудалом личике оставались одни глаза, носик походил на клюв птички, кожа обтягивала скулы. Ее сил хватало только на слабую улыбку.

— Сюда, Володенька, вызови лифт, пожалуйста. Вот так.

Они поднялись наверх. Елена устроила девочку на диване, который она сама переделала из старой кровати, и обложила ее подушками.

В доме, к счастью, было молоко и буханка хлеба, и пока молоко разогревалось на печке, Елена ломала хлеб на маленькие кусочки. Несколько дней назад Иван нашел около полигона пчелиную семью и принес домой кусок меда. Елена положила две ложки в молоко, размешала его, и оно приобрело золотистый оттенок. Присев на край дивана, она стала с ложечки кормить девочку.

— Володя, налей, пожалуйста, чашку чая. Себе тоже налей, это полезный чай, — распорядилась Елена. Проглотив сладкую смесь, Татьяна сразу заснула. Елена осторожно поднялась и посмотрела на нее. Слабый розовый оттенок появился на желтой коже.

— Она выглядит теперь лучше, — с надеждой в голосе произнес Володя. — Я боялся, что она умрет по дороге.

— Нет, сейчас она не умрет. Я выхожу ее. Но как ты ее нашел? Как попал в те края? Я думала, что ты в школе. Я думала, что ты проводишь каникулы в Берлине, а сюда приезжаешь только на учебу.

— Нас, ребят из спецшколы, взяли в особую поездку по Украине. Мы дети партийных работников, пионеры, а те, что постарше, — комсомольцы. Нам рассказывали о кулаках и показывали фильмы об этих злодеях, которые крадут зерно народа и закапывают его. К нам специально приходила старая коммунистка, комиссар Землячка, и рассказывала об этом.

Елена почувствовала, как звуки этого имени пронзили зловещей болью все ее тело.

— Кто, Володенька, кто? — переспросила она шепотом.

— У нее такая чудная фамилия: Землячка. Она была одета в черную кожаную форму, как во время гражданской войны.

— Да, — прошептала Елена, — она...

— Нам показывали фильм, как комсомольцы находили пшеницу в ямах, куда они ее прятали, а кулаки укрывались в лесах, потом выходили и убивали комсомольцев. Мы разучили песню:

Нешадно мы караем
Всех кулаков-воров.
Мы землю защищаем,
Народное добро.

Землячка рассказала нам много историй про детей, которые узнавали, что их родители воруют зерно, и эти дети сообщали о своих родных властям. Она говорила, что мы должны брать пример с этих детей. А я думаю, что, может быть, эти люди были голодные и потому воровали хлеб. Я не стал бы сообщать про свою маму, если бы она была голодна и украла хлеб.

Он неожиданно остановился как бы в задумчивости:

— Мы спорили об этом с Розой, Роза считает, что у меня неправильные мысли. Она называет меня мягкотелым рохлей.

— Хочешь семечек, Володя?

Он отсыпал немного в горсть и стал их грызть, складывая шелуху в руку и продолжая свой рассказ:

— Нам дали дубинки и пруты, чтобы защищаться от кулаков, если они нападут. Мы должны были искать спрятанное зерно. В первой деревне было много мертвых, и нам сказали, что они умерли, потому что кулаки отняли у них продукты. Они лежали в хатах. Некоторые из них еще были живые, но посиневшие и с большими волдырями, покрывавшими их тела. В одной хате мы нашли человека, который еще мог двигаться. Нам сказали, что он уклонялся от работы, и Роза вместе с другими стала бить его прутом, чтобы он шел работать в поле. Возле дома он упал и умер.

На подоконник сел воробей и посмотрел на них. Володя отсыпал немного из своей горсточки и бросил за окно. Воробей улетел.

— Мама говорит, что вы ее лучшая подруга. Она много о вас рассказывала... она говорит, что вы добрая... Когда папы нет дома, и... и она выпьет, она любит рассказывать

о том, как она училась в институте, еще в царское время. Роза не выносит эти рассказы, и она уходит, а мама все говорит и плачет, и пьет, и в конце концов я помогаю ей улечься. На другой день она встает поздно и становится совсем другой — она говорит о марксизме, о Ленине, о Революции и о пролетарском движении. Розе эти разговоры нравятся, а мне нет, и я ухожу к друзьям, потому что, когда мама не пьет, она не нуждается во мне. Но мне ее так жалко, когда она плачет и рассказывает о вас. Конечно, она иногда совсем не пьет или пьет совсем чуть-чуть. Это самые хорошие дни, она играет с нами, или мы вместе чем-нибудь занимаемся... ходим на рыбалку... иногда гуляем в парке, запускаем воздушного змея...

Володя остановился и снова вернулся к описанию недавних событий:

— Потом нас привезли в большую деревню, где еще были живые люди, хотя и сильно ослабевшие. Ребятам понравилось, потому что они гоняли крестьян в поля и сторожили, чтобы те как следует работали. Мы жили в специальных бараках, как солдаты, и нас хорошо кормили. Но мне было неудобно есть, потому что там были ничьи дети, сироты, худющие, с руками, как палки, и большими головами. Они наблюдали потихоньку за нами из-за кустов и кланчили у нас еду. Я спросил бригадира Баранова, нельзя ли их накормить, ведь у нас было много продуктов. Он сказал мне, что они — кулацкие дети. Я ему сказал, что они не виноваты в том, что их родители кулаки. А он мне сказал, что они члены того класса, с которым мы боремся. Я спросил его, может быть, они евреи, но он даже не понял, почему я заговорил о евреях.

Он посмотрел на Елену глазами, в которых притаилась боль.

— В Германии почти так же говорят о евреях. Я думаю, что это очень похоже... Бригадир Баранов считал, что уклоняющиеся от работы прячутся в лесу, и наши отряды организовали их поиск. Мы нашли несколько трупов. Потом недалеко от ручья мы почуяли запах дыма и вышли на девочку, очень худую, которая курила самокрутку. Рядом с ней лежал рыбий хвост и объединенная голова — она ухитрилась поймать рыбу. Моя сестра Роза хотела арестовать ее за кражу народной собственности — рыбы, которую она съела. Но девочка сказала, что она курьер комиссариата сельского хозяйства в Киеве.

Я сказал ребятам, что отведу ее к бригадиру, чтобы он решил, как с ней поступить. Я сказал ребятам, что,

наверное, другие тоже скрываются в лесу, и возбужденные ребята ушли на их поиски, а я пошел с ней назад в деревню. Она сказала мне, что ее зовут Таней. У меня сразу сложился план. Мне надоело охотиться на кулаков, и я решил вместе с ней вернуться в Москву.

Я привел ее к Баранову и представил ее как связного партии из Киева, ограбленного кулаками по пути в Москву. Таня показала ему свои бумаги. Это было умно, потому что он читал с трудом. Потом я сказал ему, что хотел бы отправиться вместе с ней в Москву, потому что должен встретить своего отца Сергея Савинкова, который, как он знал, являлся руководителем Рабочего Фонда взаимопомощи и старым партийцем. Баранов становится очень почтительным, если речь идет о высших партийных слоях, и он тут же поручил своему помощнику выписать все необходимые для проезда документы, сразу поставил все штампы и сам подписал их с многочисленными «этим удостоверяется» и «товарищ», «оказывать содействие». После чего телега доставила нас на станцию. Я даже не попрощался со своей сестрой. Когда мы сели в поезд, я просил Татьяну, где она остановится в Москве, и она сказала, что в Москве у нее есть тетя, самая красивая в мире женщина. Она сказала мне имя и адрес тети, и тут я понял, что она ваша племянница, и обрадовался за нее.

В Михайловке в поезд вошли работники ОГПУ. Они тщательно проверили весь поезд, нашли много людей, прятавшихся по всем углам, у которых не было разрешения на проезд, и забрали их. На станции стоял другой поезд, пришедший из России, и с него тоже снимали людей, которые везли мешки с хлебом. Хлеб они выгрузили и выставили охрану, а украинцев, которые громко кричали, что купили его, увели. Потом наш поезд двинулся, и мы наконец доехали до Москвы.

Володя отставил банку с семечками.

— Мама скоро приезжает. Папа приведет сюда иностранцев. Я не вернусь больше в лагерь ловить кулаков. И не хочу ехать в Берлин. У меня есть друзья из Англии, и я хочу учиться в Англии. Я собираюсь сказать об этом маме.

— Если твоя мама приезжает, я поддержу твою просьбу.

Татьяна заворочалась на диване. Елена села рядом с ней, взяв ее худую руку. Девочка открыла запавшие глаза.

— Тетя Елена, все умерли, — прошептала она, — они все умерли...

Старый танцевальный зал, как и положено, гудел от болтовни пьющих и жующих гостей. Они фланировали в своих лучших нарядах, не упуская из виду тех, кто был выше их по положению.

Держа бокал с тягучим белым вином в руке, Елена повелительно улыбнулась пожилому человеку, несущему поднос с бутербродами, и он изменил курс, словно направляемый проводами дистанционного управления.

— Так приятно снова оказаться здесь на приеме, — пробормотала она как бы про себя, и его глаза поднялись на нее с укоризной. Танцевальный зал бывшего Дворянского клуба, ныне Октябрьский зал Дома профсоюзов, нередко служил и залом суда.

Она не сводила с него задумчиво-высокомерного взгляда, и вышколенный старый слуга покорно смотрел в ее лицо, пока ее рука, изящно взяв с блестящего овального подноса тонкий бутерброд двумя пальцами, тремя другими пальцами ловко сбросила несколько бутербродов с края подноса в свою сумочку. Когда почтенный официант продолжил свой путь, она небрежно опустила в сумочку и легально полученный бутерброд. Для детей это будет настоящее пиршество.

Иностранные гости находились в другом конце зала вместе с начальством. Оттуда доносились отрывистые звуки иностранной речи. Длинный ряд столов, покрытых белыми скатертями, занимал одну из стен. На нем были бутылки. Шампанское, десертные вина. Где-то должен был быть сок. Некоторые из иностранцев не пили спиртное. Она заметила бутылки с закручивающейся крышкой с импортным апельсиновым соком. Она стала пробираться туда. Когда она была уже близка к своей цели, ей пришлось пронзить буфетчика сияющей улыбкой.

— О, не могли бы вы помочь мне? Я ищу Макса. Максима. Товарища Литвинова, наркома иностранных дел.

Присутствие красивой женщины, которая могла запросто обратиться к могущественному наркому по имени, назвав его просто Максом, не оставило буфетчика безразличным. Он вытянул шею и встал на цыпочки, чтобы разглядеть его в снующей толпе. Рука Елены метнулась и ухватила одну из бутылок, опустив ее в изящную, но весьма вместительную сумочку.

— Товарищ нарком там, мадам...

— Дорогая! — перебил его чей-то голос. — Как чудесно!

Она повернулась и увидела Рут, одетую в элегантное французское черное шелковое платье, модные туфли и прозрачные американские чулки. На ее шее блестело золотое украшение, на плечи была накинута шаль.

Они обнялись. Потом Рут отступила на шаг, не отпуская рук Елены, и внимательно посмотрела на нее.

— Я так рада, что ты смогла прийти! Сергею будет приятно. И ты прекрасно выглядишь. Такая стройная, моя дорогая.

— Это совсем нетрудно, — пробормотала Елена, стараясь не вспылить.

— О, конечно, ты всегда была от природы стройной, — с готовностью согласилась Рут и взглянула вопросительно на подругу юности. — Зачем ты взяла этот апельсиновый сок, Елена?

— Витамины, — уже совсем спокойно ответила Елена. — Сок полезен детям.

— О, конечно. Я тоже настаиваю, чтобы Володя и Роза принимали драже. Очень полезен и рыбий жир. По крайней мере я его пила. Дорогая, я уже вышла из бунтарского возраста. Ты знаешь, что дети учатся здесь? Теперь Роза категорически не желает ехать в Берлин на каникулы! Она говорит, что не хочет жить ни в какой стране, где нет коммунизма. Я объясняла ей, что депрессия сигнализирует о падении старого капиталистического порядка, что практически в ближайший момент весь мир станет коммунистическим, но нет, она не желает слушать. Она такая увлеченная, вся в своих пионерских и комсомольских делах.

— Да, я слышала... — произнесла Елена, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Сквозь толпу она увидела Савинкова в группе иностранцев.

— Такой отец, как Сергей, конечно, влияет на нее. Я думаю, что он сделал хорошую карьеру.

— О, у него все время новые идеи. Он просто не может их не генерировать!

— Рут, дорогая, пока мы одни, — быстро проговорила Елена. — Не могла бы ты попросить Сергея оказать мне небольшую услугу?

— Разумеется. Так в чем же дело?

— Мы все еще живем в тех комнатах, которые ты мне оставила, рядом с Залом Чайковского. Ты помнишь княгиню Нарышкину, эту старую даму, которая была когда-то хозяйкой этого дома?

— Ну да, помню.

— Она живет в подвальном помещении, в одном из

помещений бывшей прачечной. В одной небольшой комнате. Но кто-то прознал, кто-то послал анонимку одному из чиновников, и ее выселили. За проживание без прописки. Она совсем старая, нельзя же допустить, чтобы она умерла на улице. Пришлось взять ее к себе, и теперь у нас тесновато — ведь кроме нас с детьми у нас приютились и некоторые родственники, так что...

Рут смотрела на нее с ужасом.

— Как? Ты все еще живешь в двух комнатах? У меня с Сергеем шесть, как раз рядом с Александерплац. Сергей, правда, сейчас добивается продолжения борьбы из Парижа, когда в Германии пришел к власти Гитлер...

— Рут, я не о себе. У меня все хорошо. Но у княгини есть своя гордость. Она хочет вернуться назад, в свою комнатку. Послушай, если бы Сергей просто попросил комнату для какой-нибудь из своих компаний. Под склад. Не упоминая ее имени. Этого нельзя ни в коем случае. Но потом она могла бы стать при ней сторожихой. Официально. Когда он получит комнату под склад. Почему бы и нет? Ветераны гражданской войны работают же сторожами мусорных свалок. Она могла бы сторожить комнату.

Рут остановила проходившего официанта и схватила бокал вина. Слушала ли она, подумала Елена.

— Ты помнишь ее? Весь этот дом принадлежал ей. Полностью. Ты помнишь огромный холл с фреской, на которой изображены херувимы? Она была закончена в десятом году. Когда я возвращаюсь поздно, я нахожу ее там в жутком свете одной жалкой лампочки. Она смотрит на фреску. Херувимы были списаны с ее детей.

— Я выполню твою просьбу. Не беспокойся, — Рут отпила вина.

— Он не будет возражать?

— Савинков сделает все, что я ему скажу, — холодно произнесла Рут, и маска благожелательности соскользнула с ее лица. — Он мне должен.

Елена посмотрела на подругу опытным взглядом продавца, оценивающего покупательную способность посетителя.

— Хорошо. Тогда я еще кое-чего хотела бы от Савинкова.

— Еще одна княгиня? — спросила Рут, вопросительно подняв бровь.

— Твой родственник.

Рут мрачно смотрела в пустоту через бокал.

— Вряд ли у меня осталось много родственников, Елена.

— А твой дядя Исаак? Он ночует у меня на полу под столом.

— Почему? — Рут была поставлена в тупик.

— Потому что ему некуда больше идти. Он имеет статус лишенца, знаешь, как другие бывшие. Понимаешь, дорогая, люди любят, когда все понятно. Со мной все в порядке, я как бы искупила свое происхождение, потому что замужем за Иваном. Но Исаак — просто бывший. Когда ты лишенец, то не существуешь. И если никто из нас им не поможет, они просто погибнут.

— Я бы хотела помочь дяде Исааку. Если примет мою помощь, — прошептала Рут. — Скажи мне, как.

— Пусть Савинков придумает ему применение — он может, например, помочь в пропаганде на Западе, стать каким-нибудь специальным советником.

— Я его заставлю, Елена, — сказала Рут твердым голосом.

— Рут? — раздался голос с английским акцентом. Они обернулись и увидели угловатую фигуру в очках, пробирающуюся к ним между кучками беседующих людей. В ее руке был стакан с апельсиновым соком.

— Елена, — голос Рут стал вкрадчивым, — ты ведь знаешь Беатрис Уэбб? Она и ее муж Сидней пишут о нас книгу. «Правда о России», так она будет называться. Очень большая, а также ученая книга.

Женщина самодовольно улыбнулась. Предусмотренное волнение произошло в конце зала. Все смотрели, как высокий, бородатый пожилой человек поднимался на сцену с хозяевами и своей постоянной спутницей леди Астор.

— О, великолепно! — воскликнула англичанка, — Джордж будет говорить. С днем рождения, Джордж*.

Драматург дружески помахал рукой. Его глаза весело сверкнули. В них Елена увидела насмешку человека, радующегося собственной жестокой шутке. Фотографии Шоу мелькали во всех газетах, как иностранных, так и советских. На них он аплодировал достижениям колхоза имени Октябрьской Революции, посещал передовую тюрьму в Болшево, рассуждал о производительности завода, сидел верхом на Царь-пушке в Кремле. Он был мастером спецэффектов.

Он помахал собравшимся гостям бутербродом.

— Вы ни за что не поверите мне. Но когда мои друзья в Англии узнали, что я собираюсь в Россию, они нагрузили меня снизу доверху всякими консервами. Там были

* Джордж Бернанд Шоу (1856—1950) — английский писатель. Посетил СССР в 1931 г.

говядина и цыплята, копченая рыба, сладкие пироги и варенье. Они все мне говорили, что Россия голодает. Да. Все говорят это с помощью владельцев капиталистических газет. И люди этому верят!

Он весело хохотнул.

— Знаете, что я сделал? Я выбросил большую часть своего багажа в Польшу, еще до пересечения советской границы.

Почти все — от рабочего до интеллигента — едва не закричали от боли. Мало того, что этот тип выбросил еду, так еще выбросил какой-то польской свинье, которая ни за что ни про что собрала урожай у железной дороги.

— Мне говорили, что советские люди голодают, что новая система близка к краху. И что же я увидел, когда сменил поезд и оказался в роскошном вагоне поезда, который нас ждал? Пышущих здоровьем розовощеких официанток у великолепно накрытого стола. Эти девушки, работающие в обслуге поезда, не только прекрасно говорили по-английски, но оказалось, что они хорошо знают мои произведения! Я пригласил их быть моими гостями в Москве на представлении моей пьесы в театре. Я видел публику, упитанную, здоровую и довольную, которая толпой шла на спектакль.

Он посмотрел в зал хитро и бесстыдно.

— Может быть, за щеками у каждого был каучук? Но нет, давайте забудем этот вздор о голоде, распространяемый буржуазной прессой.

Драматург положил на стол бутерброд, и сто пятьдесят пар глаз смотрели, как он это делает.

— С тех пор как я приехал в Москву, у меня живот набит даже слишком, — сказал он игриво, и все засмеялись, потому что так полагалось.

Пока он превозносил колхоз, образцовую тюрьму, завод и победивший пролетариат, Елена наблюдала за Беатрис Уэбб.

— Что-то не так? — спросила англичанка.

— Я думаю, что каждый из нас пожалел, что ваш добрый Джордж поспешил выбросить свои продукты, не дождавшись границы России, — сказала Елена и тут же попыталась обратить свои слова в шутку: — Если бы он уведомил нас, что собирался сделать, боюсь, очень многие выстроились бы у дороги, чтобы схватить все, что вылетело из окна.

Англичанка холодно посмотрела на нее и показала вокруг себя.

— Где вы видите голодающих?

Елена вдруг устала от ее надменной глупости.

— Возможно, вам не помешало бы поговорить с моей соседкой. Она простаивает в очередях по четыре часа, чтобы достать молока для своей больной дочери. Далеко не всегда ее стояние увенчивается успехом. Да и тогда молоко кислое.

— Значит, она должна кормить ребенка своим молоком. Грудное молоко намного полезнее.

— Ее дочери восемь лет!

— Ну и что из этого? Эскимосы вскармливают своих детей до двенадцати.

— Даже если бы она пожелала, — сказала Елена сквозь зубы, — она сама питается не так хорошо, чтобы давать молоко в нужном количестве.

— Елена, — предупреждаяще прошипела Рут.

— В таком случае ее отсутствие аппетита — полностью ее ошибка, — явно отделиваясь от Елены, сказала Беатрис Уэбб. — Если люди не едят достаточно среди изобилия, им следует обвинять только себя.

— Вы думаете, что оборванные люди, которых вы видели на улицах, носят тряпье, следуя местной моде? Или у них нет одежды, как и пищи?

— Мы слишком много внимания уделяем одежде, — возразила Беатрис Уэбб. — Готтентоты ходили почти голые и были совершенно счастливы.

— Готтентоты, очевидно, пользовались преимуществами коммунизма более длительное время, чем мы, — едко сказала Елена.

— Елена!

Глаза Беатрис Уэбб были холодными за очками.

— Вы говорите как подрывной элемент, — сказала она негромко.

— Елена — мой старый друг, — защитила ее Рут. — И Сергея тоже. Она пошутила. Она шутила не так удачно, как друг Джордж. Шутка иногда не получается да, Елена?

Рут очень крепко схватила Елену за руку, и Елена заставила себя улыбнуться.

— Да, — подтвердила она.

Удовлетворенная ее унижением, англичанка перенесла свое внимание на сцену.

— Не создавай осложнений, — в тревоге прошептала Рут. — Это важные люди. Сам Сталин проявляет к ним интерес и хочет, чтобы они видели нашу страну с наилучшей стороны. Давай-ка лучше выпьем.

В зале разразились аплодисменты, так как речь подошла к концу. В лучах света они увидели английскую аристократку, леди Астор, которая вышла вперед. Она пове-

лительно взмахнула рукой, призывая к молчанию. В ее руках была телеграмма, она развернула ее. Листок трепетал в ее руке. Она повернулась к Максиму Литвинову, и выражение милостивого удовлетворения на его мясистом лице сменилось нервной тревогой, когда она экстравагантно пала перед ним на колени.

— Давным-давно я коленопреклоненно просила ваше правительство за эту семью, — заявила она. — Я смиренно просила о гуманности. Эта телеграмма, которую я передаю вам, от профессора Крынина, ныне живущего в Америке. Он желает воссоединиться со своей семьей. Он просил свою семью приехать к нему, но им отказали в выездных визах. Он телеграфировал мне, прося о содействии.

Литвинов, который знал английский, быстро просмотрел телеграмму, затем вернул ее, приятно улыбаясь.

— Но профессор Крынин может в любое время воссоединиться с семьей, возвратившись в Россию, — сказал он экстравагантной даме. Однако, к сожалению, дела ждут меня, и я должен вас покинуть.

Елена видела, как иностранные корреспонденты сгрудились вокруг леди Астор, чтобы побольше узнать об истории, которую они собирались поведать своим читателям. Копна ярко-рыжих волос, мелькавшая среди них, могла принадлежать только Джонни Николсу из «Юнайтед Пресс». Затем все с шумом двинулись к дверям, и Елена догадалась, что отчаявшийся профессор, должно быть, указал адрес своей семьи.

Участие в демонстрации популярных в советской стране именитых иностранцев вознаградило ее небольшим бутербродом, который она медленно жевала. Она чувствовала себя отвратительно.

— Рут, я хочу подышать немного воздухом, — сказала она. — Боюсь, что ты уже уйдешь, когда я вернусь, поэтому позволь мне обратиться к тебе еще с одной просьбой. Разреши Володе учиться в Англии.

Потрясенная Рут поперхнулась вином, которое пила, и оно потекло по ее подбородку.

— Он приезжал повидать меня, — сказала Елена, но не стала рассказывать о подробностях их встречи.

— Он не делился с тобой своими выдумками? — испуганно спросила Рут, совсем растерявшись. Ее глаза тревожно бежали вокруг, не слушает ли кто-нибудь.

— Это не выдумки, — ответила Елена, твердо смотря подруге в глаза.

— Не смотри так на меня! Ты меня осуждаешь.

— Разреши Володе уехать в Англию, — упорно повторила Елена.

— Но разве Англия не полна такими людьми, как эта Уэбб и ее муж? — с отчаянием прошептала Рут. — И как все другие, которых использует Савинков?

— Ни в одной стране не встретишь много таких людей. Они мучаются завистью, полны желчи и хотят переделать мир, чтобы играть в нем какую-то роль. Этого и ищут они в конторах Сергея. Обычные люди не хотят переделывать мир. Англия полна людей, которых они называют косными, отсталыми, реакционными. Они любят свои сады и «пабы», то есть пивные, они любят пить пиво. Джонни Николс говорит, что их девиз звучит так: «Мы перейдем через мост, когда подойдем к нему».

— Как же они живут без идеологии?

— А как мы живем с ней? — пробормотала Елена. — Они не доверяют людям с «идеями». Они считают, что гораздо более важен «характер».

Рут печально улыбнулась.

— Значит, я им не понравилась бы.

— Попробуйся, — настаивала Елена. — Поезжай с Володей. Разве может быть что-то хуже того, что есть у тебя сейчас?

Рут неожиданно прямо посмотрела подруге в глаза, и на этот раз в ее глазах была полная искренность.

— Иногда я просыпаюсь и понимаю, что сошла с ума, Елена. Окончательно сошла с ума. Во мне живут два человека, которые борются между собой даже когда я сплю.

— Тогда уезжай. Займись садом, пей пиво в пабах.

— Роза не приедет, — печально произнесла она.

— Ты потеряла ее?

Рут кивнула.

— Она полностью на той стороне, и это моя вина.

— Не только твоя. Рут, уезжай и возьми с собой Володю.

Елена повернулась, чтобы уйти, но Рут окликнула ее.

— Передай дяде Исааку, что я люблю его.

— Хорошо.

— Попроси, чтобы он простил меня, если может.

Елена вышла из зала. В коридоре было открыто окно, и она встала у него, ощущая нежную прохладу на лице.

— Что с вами? — обратился к ней неприязненный голос. За ней стояла Беатрис Уэбб.

— Я не испытываю удовольствия, зная, что несчастная женщина с детьми приговорена к смерти. Это вызывает у меня боль, которую ни вам, ни вашим глупым спутникам не понять.

Женщины разглядывали друг друга с явным отвращением.

— Несчастный профессор в Америке, видимо, совсем выжил из ума, — продолжала Елена. — Как только иностранные корреспонденты удалятся, удовлетворив свое любопытство, за несчастной семьей придет арестантский экипаж, его называют здесь «воронок». Как-то мне довелось ехать в таком, знаете, перед самой гражданской войной. Эта была маленькая карета, запряженная лошадью. Вам приходилось видеть современные? Они очень усовершенствованы. Вам следовало бы разузнать о них, раз уж вы о нас пишете. Вы обязательно должны описать их в вашей книге. Они очень вместительные, но без окон, только маленькое отверстие около крыши, через которое внутрь попадает немного воздуха. На Западе такие, наверное, используют для перевозки мебели. Здесь их используют для перевозки народа.

— Врагов народа! — огрызнулась Уэбб.

— А-а, — ехидно протянула Елена. — Так вы знаете, о чем я говорю. Нет, не врагов народа. Самого народа. Враги в другом месте.

— Где? — с угрозой в голосе просила Уэбб.

— Я не настолько глупа, — коротко заметила Елена. — Вы бы помчались к Максу или в ГПУ, не так ли? Но вы все знаете, ведь так? И вы, и ваши омерзительные приятели. Вы знаете об убийствах. И вас это не заботит.

Беатрис Уэбб выдержала паузу прежде, чем говорить. Она, казалось, приняла всерьез слова Елены.

— Это не совсем честно, — спокойно возразила она. — Вы говорите о коллективизации крестьянства. Неустойчивый слой в структуре вашей экономики, но весьма необходимый обществу. Да, были жертвы, но вы должны понимать, что просвещенные руководители страны достигают своих целей в очень короткий период времени. События, которые в Европе происходили в течение веков — изменения в землепользовании, промышленная революция, — здесь происходят значительно быстрее. И здесь, так же как и в Европе, не обходится без жертв. Но здесь все намного героичнее! Новый мир, очищенный и приведенный в порядок... Но я понимаю вашу точку зрения. Действительно, вера должна быть сильной, а воля решительной у людей, которые в интересах общественного благополучия принимают такие судьбоносные решения.

Она качнула головой и одобрительно поджала губы.

— Нужна ли человеку сильная вера и решительная воля, чтобы сжечь другого живьем на костре за то, что

его вера в Бога отличается от его собственной? — все еще с гневом спросила Елена, однако голос ее звучал тихо. Она с беспокойством оглянулась. Разговор становился опасен, но она не могла остановиться: — Надо ли нам что-то одобрять, когда одна-единственная мадам может причинять страдания миллионам?

— Давайте уточним, о ком или о чем мы ведем речь, — явно осуждая ее нелогичность, сказала Беатрис Уэбб. — Мы говорим сейчас о самых худших элементах социалистического общества, о тех, кто еще не подвергся полностью его благотворному влиянию. Крестьянство в целом характеризуется такими пороками, как алчность и коварство, варьирующими только от вспышек пьянства и периодов великой лени. Да, и воровство. В наших путешествиях по вашей стране мой муж и я сталкивались с многочисленными примерами, когда отдельные люди или даже целые деревни были явно виновны в саботаже и диверсиях по отношению к урожаю, предназначенному для Советской власти. Те люди, которые из злобы вымачивают зерно из колосьев или даже скашивают колосья и уносят их в потайные места, являются просто бессовестными ворами общественной собственности.

— Они уносят зерно, которое сами же посеяли на своей земле, чтобы прокормить свои голодающие семьи, — тихо произнесла Елена. — Им трудно понять, что их земля им не принадлежит и что они должны работать для того, чтобы кормить других безо всякого вознаграждения.

— Совершенно точно, — сказала Уэбб. — Алчные, коварные и бесчестные. Разве это морально? Разве не справедливо, что их должны привлечь к общественному, совместному труду по научно обоснованному плану для производства общего продукта, который на равных условиях будет разделен между всеми? Послушайте меня. Я приехала из капиталистического мира, мира штормов и стресса, где мораль исчезла, где наука в тупике, производство остановлено, нищета повсюду. И я приехала в Советский мир, мир порядка и целеустремленности, где будущее открыто перед ребенком, родившимся сегодня, как заботливо ухоженная дорога посреди прекрасного пейзажа. Ленин, а теперь Сталин — художники, которые работают с человеком, как другие работают с мрамором или металлом. Конечно, стружка и отбросы летят в сторону, но разве продукт не удивителен?

Елена была раздражена и расстроена.

— Люди... Из них вырезают новые формы, и они истекают кровью. Их вталкивают в новые формы, и

они разрушаются. Их скручивают, сжимают, и они неистово кричат. Но им говорят, что это делается ради блага народа.

Беатрис Уэбб вздохнула.

— Слепы те, которые смотрят и не видят, — произнесла она.

Елена заставила себя говорить спокойно.

— Миссис Уэбб, я сожалею, если чем-то раздражаю вас. Но разве не может так случиться, что вас и Джорджа, и других, подобных вам, обманывают? Что ваши визиты сюда не более спонтанны и свободны, чем железная дорога и расписание поездов? Что вы видите только то, что хозяева желают, чтобы вы видели, что вы разговариваете только с теми, которые отобраны по желанию хозяев?

Англичанка недоверчиво улыбнулась.

— Какое необычное мнение! — громко сказала она.

Елена нервно глянула вдоль коридора.

— Что с вами? — властно спросила Беатрис Уэбб. — У вас какое-то нервное потрясение?

Не дождавшись ответа, она холодно взглянула на Елену:

— Откровенно говоря, мне кажется, что вы страдаете каким-то нервным расстройством, может быть, комплексом преследования. Я бы на вашем месте отправилась в одну из замечательных здешних больниц, рассказала о своем болезненном состоянии и попросила бы медицинской помощи от этого несчастья.

Она посмотрела через плечо Елены.

— А-а, Сидней, вот и ты, — произнесла она.

Она двинулась к нему, обходя Елену.

— Нам выпало счастье встретиться с товарищем Сталиным, — ее очки зловеще сверкнули. — Известить ли мне его о разногласиях во взглядах в его вотчине?

Елена побелела.

— Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали.

— Да. Потому что вы знаете, что то, что я говорю, правильно. Что ж, всегда приятно побороться с неверующим, посеять семена сомнения, которые дадут богатый интеллектуальный урожай. Я предоставлю вам еще один факт, опровергающий ваши страхи. Генеральный секретарь товарищ Сталин — его имя «сталь» и его решения стальные, — и мы встречались раньше. Сказать вам, что он нам говорил? «Человека следует взращивать так же заботливо и внимательно, как садовник выращивает любимое фруктовое дерево». Товарищ Сталин — это воплощение коммунистического идеала, который ныне вне-

дряется в практику. Он сочетает глубокие теоретические знания с безошибочным практическим мастерством, сочетает истинно научный подход ко всем проблемам с глубочайшей силой чувства. И сейчас мы уже должны идти. Советую вам: сходите к врачу и получите медицинскую помощь для решения ваших проблем. Душевные расстройства излечимы.

* * *

Прозвенел трамвай и унес с собой стон изношенных подшипников и плотную массу битком набитых людей, безразличных к его страданиям. Елена быстро перешла улицу, грязь летела из-под ног, то и дело попадавших в выбоины на мостовой. На стене здания длинный плакат, закрывавший окна, подсчитывал: «Там — безработица, забастовки, фашизм. Здесь — новые фабрики, бригады ударного труда, полная занятость, гидроэлектростанции». За ним люди жили в комнатах, ставших темными, как пещеры.

Солдаты со штыками охраняли общественные здания от проникновения шпионов, саботажников, диверсантов и врагов народа, которые кишели повсюду, невидимые, пока их не разоблачало ОГПУ.

Вход в частные жилища охранялся замками и засовами и открывался только после сложного и правильного звонка.

Она помнила код Кати, и через несколько минут дверь щелкнула и скрипнула, и в дверную щелку выглянула пара зеленых глаз.

— Входи, дорогая, — тепло сказала Катя.

Ее комнатка была наверху, где надстроили этаж восемнадцатого века — будто почтенной вдове надели рабочую кепку. Сверху открывался вид на площадь, на которой выстроились длинные очереди за керосином, хлебом, на трамвай и очереди для получения пропуска в очередь.

Толпящийся народ был какого-то серого цвета: лица, как и одежда, казались грязными, выцветшими, полинявшими.

— Ты работаешь? — спросила Елена.

Катя зажгла сигарету «Герцеговина Флор» и стояла в пелене крепкого дыма. Она махнула ею, обводя комнату.

— Не может быть ничего лучшего для актрисы, чем роль современной девушки, — сказала она. — Я красивая комсомолка, искренне преданная выполнению пятилетки за четыре года. Но я сбиваюсь с пути истинно-

го, влюбившись в буржуя Сашу. Я бросаю свой токарный станок, и пятилетний план под угрозой срыва. В последний момент я осознаю свою ошибку и возвращаюсь на завод в пламени кумача. И пятилетний план таким образом выполняется за три года. А Саша перевоспитывается беззаветным трудом на строительстве канала.

Она пожала плечами.

— Это не так уж плохо, Елена. Мне не досталась роль того, кто творит, чтобы выжить. Не то, что бедному Константину. Как поэт он пишет душой, а теперь он должен сочинять стансы в честь советской минеральной воды и ОГПУ.

Легкая складка пролегла меж бровей Елены.

— Хочу еще заметить, что он вынужден с этим ходить на цыпочках вокруг Рыкова.

— Ты держалась от Рыкова подальше, правда Катя? — озабоченно спросила Елена. — Он очень опасен.

— Да. Я помню, что ты говорила. Но ты ведь пришла не для того, чтобы спросить меня об этом? — с хитрецей добавила Катя.

Она заварила чай, горячий, сладкий и почти черный.

— Тот... Юноша, ты знаешь, этот американец. Черный. Он все еще поблизости?

— Лерой? Да, я думаю, совсем недалеко. Зачем он тебе?

— Мне нужно связаться с его другом Джонни Николсом, журналистом. Он сейчас в Москве, но я не могу просто пойти и спросить об иностранце, особенно работающем в прессе.

— Ты боишься?

— Еще бы!

Катя встряхнула головой и села на кровать, украшенную веселым ковриком, который она позаимствовала из студии.

— Константин тоже боится. Он просыпается среди ночи, плачет, и я должна обвиваться вокруг него. Я говорю ему, что не надо бояться, но он боится.

— Катя, милая, а ты не боишься?

Она покачала головой, и темно-рыжие пышные ее волосы показались Елене кроваво-красными.

— Это всего лишь кино, Елена, — сказала Катя буднично.

— Что? — спросила в замешательстве Елена.

Сигарета описала в воздухе круг.

— Все это — просто фильм. В действительности нас здесь нет.

Катя засмеялась, и Елена увидела в ее ярко-зеленых глазах явное безумие.

— Ну да, конечно, мы не здесь. Знаешь, когда я это поняла? Когда играла эти сценки на бойне Чека. Помнишь, ты тоже там играла. На редкость плохой сценарий... одну минуту я была в институте, в следующую минуту меня перемещали на эту бойню и заставляли действовать там, где они убивали людей... Это ужасное существо с нелепым прозвищем Землячка, все покрытое черной кожей и кровью. Какая бездарность! Меня, настоящую аристократку, она заставила работать с мертвецами. Я вынуждена была стоять рядом, пока она пыталась и убивала заключенных. И, знаешь, ей казалось, что она должна все время придумывать новые идеи. Одних она убивала, скручивая им шею все сильнее и сильнее, пока они не погибали. С других она заживо сдирала кожу. Некоторых она закапывала. Или их стаскивали в яму, а члены их семей должны были закидывать их землей, и их еще заставляли танцевать на шевелящейся грязи. У нее была бочка, утыканная внутри гвоздями, острием внутрь. Ей очень нравилось поместить туда человека и катать эту бочку по двору для расстрелов, а я должна была вытаскивать оттуда мясо, когда она заканчивала свою сценку.

Тогда я еще не понимала... Однажды, когда я ждала очередного вызова на эту работу, я подумала, что лучше мне повеситься. И вдруг это явилось, огромная яркая дуговая лампа, какие используются в киностудии, и я осознала, что это фильм и мы просто играем. Все! Вот почему я не чувствовала боли, когда они меня били. И когда я вышла и Землячка кого-то потрошила, я знала, что это не настоящее, а просто особые трюки. Все это просто кино...

— Значит, оно до сих пор продолжается.

— О, да. Стоит только оглядеться. Знаешь, ведь люди не будут совершать подобные дела. Это все довольно-таки скучно, до прискорбия бездарно. Мне хотелось бы начать новый фильм, Елена.

— Мне бы тоже, дорогая, — мягко произнесла Елена, в ее глазах блеснули слезы.

— Может быть, это получится. Если я найду тебе Джонни Николса, может быть, это поможет нам начать другой фильм.

ДОРОГА К УТОПИИ

Елена стояла спиной к красным стенам Исторического музея, наблюдая за толпами, двигавшимися на Красную площадь. Слева сквозь деревья она видела потоки людей, устремлявшихся в огромный универсальный магазин, ГУМ. Вдалеке великолепные, красные, белые и зеленые, луковицы куполов и башни Храма Василия Блаженного весело сверкали на солнце, но, подходя ближе, пешеходы видели зияющую в стене дыру, откуда раньше на них смотрел лик Пречистой.

Этим путем он и пришел. Он был в каракулевой шапке, скрывавшей его рыжую шевелюру, в теплом пальто. Веселые глаза улынулись ей над шарфом, обмотанным до подбородка.

— Елена! Как долго мы не виделись.

— Здравствуй Джонни, — тепло сказала она и двинулась навстречу. — Не прогуляться ли нам? Здесь многое изменилось с тех пор, как ты тут бывал.

— Конечно, — с готовностью согласился он. — Веди.

Они пошли к Кремлевской площади. Впереди высились леса. Рабочие работали над сооружением какого-то здания из коричневого и черного камня.

— Ну вот ты и вернулся. Почему не захотел оставаться в Америке?

— Там сейчас весьма плохие времена. Настоящая депрессия, понимаешь. Резкий спад, и наши политические и деловые лидеры, кажется, не имеют ни малейшего понятия, что делать. Здесь, в Советском Союзе, удивительная и совершенно конструктивная альтернатива.

— Наверное, ты пишешь об этом книгу? — предположила она.

— Собираюсь, — горячо произнес он. — Я уже начал. Она называется «Дорога к Утопии». В США испытываешь реальное чувство, что мы стали свидетелями предсмертной агонии капитализма и рождения новой эры.

— Прекрасно, — заинтересованно сказала она. — Я знала, что ты будешь писать. Поэтому я подумала, что могла бы тебе помочь. Я договорилась с друзьями, кото-

рые могут показать тебе разные стороны нашей новой жизни. И я думаю, что интересно встретиться с детьми. В некотором роде это первое поколение новых людей, опыт ровесников новой эры.

Его лицо зарделось от удовольствия.

— Что ж, это замечательно! Как мне отблагодарить тебя?

— Просто напиши книгу, — любезно ответила она. Они прошли мимо ряда небольших мемориальных досок из черного гранита, недавно установленных в стене в память ведущих коммунистов мира.

— Большой Билл Хейвуд*, — сказала она. — Один из ваших, я думаю. Как я понимаю, он приехал сюда, чтобы избежать тюремного заключения в Америке?

Николс хохотнул из-за шарфа.

— Вот теперь я тебя узнаю, Елена! Твой скепсис не позволяет тебе допустить, что в коммунизме есть мощное потрясающее содержание. Разве не так? Хорошо, пусть к нему и прилипают какие-то мошенники, но Большой Билл был действительно человеком из народа, до мозга костей. Некоторые из ваших вождей тоже похожи на необработанные алмазы, но никто не может сомневаться в их искренности.

Красно-черный Мавзолей был рядом с ними..

— Я бы предпочла, чтобы это был деревянный домик, — сказала Елена, — если уж вообще его нужно строить. Ленин бы этого не одобрил. Представляешь, как ково быть полностью набитым снадобьями для бальзамирования и выставленным напоказ для всеобщего обозрения. Он не одобрял обожествления.

Группа полных женщин в твидовых костюмах двигалась через площадь в направлении Мавзолея, сопровождаемая остроглазой женщиной-гидом.

— А-а, — протянула Елена, — конечно же, иностранцы.

— Почему ты так говоришь?

— Они такие искренние. Они устали от собственных церквей, и зарубежная им кажется гораздо привлекательней.

Женщины образовали полукруг перед Мавзолеем. Они трепетно глядели на свою руководительницу — внушительную даму с пышной грудью и тройным подбородком.

Она прочистила горло и начала декламировать:

* Хейвуд Уильям Дадли (1869—1928), деятель рабочего движения США, с 1921 г. жил в СССР. —

О, сколь же немощен язык!
Как будто говорить отвык.
Не в силах выразить в словах
Твои свершенья и дела.
Ты подарил нам Знания свет,
Твоих детей счастливей нет.
Окончен преступлений век.
Свободным станет человек.

Руководимые гидом, ее подопечные разразились аплодисментами. Николс увидел выражение лица Елены и нахмурился.

— Хорошо, Елена, пусть она наивна. Но она по крайней мере на правильном пути, — он поднял руку. — Я знаю, что ты собираешься сказать. Что дела здесь несовершенны. Мне это известно. Вашим вождям приходится принимать трудные решения. Большевистские решения. Может быть, даже жестокие. Но они направлены на всеобщее благо. Возможно, одному или двум спекулянтам или плутам дадут по рукам, или еще похуже. Что ж, нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

— Возможно, ты прав. А-а, вот и он, Джонни. Твой первый гид. Одно из разбитых яиц.

К ним подошел высокий пожилой еврей. Он был в темном пальто, которое, вероятно, было элегантнее и дорогим, когда его хозяин был моложе и упитаннее. Теперь оно было потерто и висело свободно на его худом теле. Он приятно улыбнулся.

— Джонни, это Исаак Ганзберг.

— Я очень рад познакомиться с вами, — вежливо сказал Исаак.

— Ганзберг?..

— Да, именно так. Я дядя Рут.

— Мы увидимся с тобой попозже, Джонни. Исаак позаботится о тебе, — Елена повернулась и скрылась в толпе.

— Какой приятный день, — пробормотал Ганзберг. — Не пройтись ли нам по свежему воздуху?

Он повел Николса через площадь.

— С тех пор как вы здесь были последний раз, открылось несколько интересных магазинов. Если вы хотите иметь память о настоящей России, которую вы могли бы взять с собой домой, вам следует походить по ним.

— Я больше интересуюсь людьми, чем сувенирами.

— О, в этих магазинах полно представителей народа, — тихо произнес Исаак.

Николс начинал испытывать раздражение.

Гигантский ГУМ занимал целый квартал. На каждой его стороне висели на стальных тросах, прикрепленных к крыше, громадные портреты Ленина и Сталина. Портрет Ленина был чуть поменьше и смотрел на Сталина, словно спрашивая совета. Вдоль магазина под изображениями вождей стоял неровный ряд молчаливых, одетых в тряпье людей. Они стояли, протягивая руки за милостыней, и Николс понял, что Ганзберг ведет его к ним. Он хотел было возразить, но еврей уже остановился около одного из них.

— Как идут дела, Соломон?

— О, лучше, чем завтра, — прохрипел нищий. Как и Ганзберг, он, видимо, когда-то был полным. Сейчас его лицо имело мертвенную окраску туберкулезника.

— Я показываю мистеру Николсу достопримечательности, — сказал Исаак. — Он американец.

— Замечательное место Америка. Я обычно ездил в Нью-Йорк с братьями Готлиб, мистер Николс. Напомните им о Соломоне Шафаровиче, если там будете.

— Непременно, — пробормотал Николс, пока Соломон конвульсивно кашлял в темную тряпку.

— Напомните Бене, что он остался должен мне за ковры!

Николс полез в карман и сунул несколько рублей в сухую ладонь.

— Ради бога, уйдем из этого ужасного ряда!

— Спасибо.

Деньги тут же исчезли.

— Пойдемте... Вы можете купить себе что-нибудь поесть?

Соломон улыбнулся с извиняющимся видом.

— Я не могу отлучиться. Иначе мы с Исааком потеряем место.

Николс с ужасом посмотрел на Ганзберга.

— Вы здесь побираетесь?

Ганзберг улыбнулся, пожав плечами.

— Пойдемте, не стоит больше здесь задерживаться.

— Запомните, мистер Николс, — прохрипел Соломон, — наступили великие дни. Русские становятся евреями. Они тоже перестали есть свинину.

Они двинулись вдоль площади.

— О чем это он? У вашего друга странное чувство юмора, — раздраженно заметил Николс.

— Соломон любит посмеяться. У меня была яхта — перед беспорядками, конечно, — и мы любили плавать на ней летом. Однажды Соломон внезапно приплыл на своей яхте, и она оказалась на метр длиннее моей! — он

встряхнул головой. — Интересно знать, куда делись теперь эти яхты... Вот, это один из магазинов, о которых я вам говорил. Здесь можно кое-что с выгодой приобрести. За валюту, конечно, за настоящие деньги, доллары и фунты...

Витрина была заставлена всеми видами дорогих товаров. Прекрасные ковры, картины, настенные и карманные часы, хрусталь и фарфор, столовое серебро и золото, иконы, кубки, крестики из драгоценных камней.

— Что вы имели в виду, говоря, что магазин полон представителями народа?

Оборванная фигура еле тащилась по тротуару, сжимая серебряный подсвечник. Человек завернул в магазин. Его тряпье было когда-то царским военным мундиром.

— Он отдаст там часть своей жизни.

— Кто он? — спросил Николс.

— Один из нас, из бывших.

— Послушай, это на меня не действует, Исаак. В Америке тоже есть нищие. И бесплатные столовые.

Искра интереса сверкнула в глазах Исаака.

— Бесплатные? У нас нет бесплатных столовых.

— Вам они не нужны. В такой стране. И у нас есть ломбарды, вроде этого.

— Это не ломбард, — вежливо заметил Исаак. — Вы не можете ничего вернуть назад и вы не получаете того, что вещь стоит, нет, не более одной десятой или одной двадцатой ее стоимости. Я был купцом, я знаю цену товарам.

— Вы продавали здесь вещи?

— Я нуждался в деньгах для пропитания семьи.

— Послушайте, я все понимаю. Но и вы поймите, что неизбежны какие-то страдания, когда старый мир уступает дорогу новому. Но это не такая большая цена за тот новый мир, которой строится.

— Несомненно. А вот и новый мир, мистер Николс, посмотрите.

Из магазина, неся свернутый в трубу дорогой бухарский ковер через плечо, появился весьма довольный человек. С виду это был типичный партработник.

— Пойдемте теперь отсюда. Здесь небезопасно.

— Почему небезопасно?

— То, что вы имеете дело с валютой, дает основания считать, что она у вас есть. С посещения этого магазина начались наши несчастья.

Николс остановился и с тревогой взглянул на свою руку. Она была испачкана кровью.

— О, не волнуйтесь, — сказал Ганзберг, — это не

ваша кровь, это всего лишь кровь Соломона. У него бывает кровотечение из-под ногтей. Я думаю, что связано с недостатком витаминов или чего-то еще. Впрочем, и сон на улице, возможно, способствует.

— Почему он спит на улице? — воскликнул Николс.

— Потому что он лишенец. Понимаете, если вы бывший человек, то у вас нет прав. Ваши дети не могут ходить в школу, вы не можете получать паек; когда служащие пересматривают жилую площадь, то вас не включают в список жильцов.

Он почти с удивлением посмотрел на американца.

— Ну, что тут непонятного? Разве вы думаете, что революция уничтожила класс буржуазии, как считается у благоверных коммунистов? Видите ли, мы никуда не исчезли. Нас просто предстоит ликвидировать. С кровью, как на вашей руке, или без крови, но мы подлежим ликвидации.

На углу женщина продавала небольшие букетики цветов. Ганзберг деликатно кашлянул.

— Я стараюсь принести жене хотя бы цветочек, когда навещаю ее. Я бы очень хотел...

— О, да, — неуверенно согласился Николс. — Позвольте мне.

Николс снова полез в карман и заплатил за букетик фиалок. Он не мог не посмотреть на пальцы Ганзберга, когда давал ему деньги.

— О, нет, — с присущей ему чуткостью отреагировал Ганзберг, — я пока не истекаю кровью. Елена так добра ко мне. Она готовит для детей особый чай из трав, сама выращивает их, она прекрасный садовод и мне выделяет полчашики ежедневно перед сном.

— Как, вы ночуете у Елены?

— Да. Она была настолько добра, что приютила меня. Я стараюсь не особенно обременять ее. Я рано утром ухожу побираться, а когда вечером возвращаюсь, то придумываю какие-нибудь интересные истории, чтобы позабавить детей. Я сплю под столом.

— Но почему же не со своей семьей? — воскликнул раздраженно Николс.

— Ну, пока я не готов воссоединиться со своей семьей. Все мое время, — странным тоном произнес Ганзберг. Они покидали огромное пространство площади, и послеполуденные тени со стороны Кремля падали на маленький старинный храм.

— Этой дорогой везли крестьянского бунтовщика Стеньку Разина, чтобы казнить на площади, — пояснил Ганзберг. — Это место теперь зовется его именем.

— Послушайте, я не все понял о вашей семье. Мы их собираемся навестить? И какие неприятности произошли с вами из-за продажи вещей в том магазине?

— Да, мы собираемся навестить мою семью. Я женился во второй раз, знаете ли. Я потерял свою первую жену в гражданскую войну и женился на Соне около шести лет назад. У нас был ребенок. Давид родился через год. Беременность Сони была тяжелой, после родов она стала болеть, ей были нужны лекарства. Поэтому я пошел в комиссионный магазин. У меня оставалось несколько вещей от лучших времен — серебряные ложки, ковер, обручальное кольцо моей первой жены. Я решил их продать.

Он показал своим букетиком цветов:

— Нам лучше перейти здесь.

Они пересекли бульвар и пошли по небольшой сквозной улочке, застроенной старыми домами.

— Я не получил, пожалуй, и двадцатой доли от стоимости моих вещей, но все же смог купить лекарства. К несчастью, я не подумал о подстерегающих нас в таких магазинах ловушках, пока за мной не пришли в тот же вечер и не забрали. Понимаете, в каждом магазине есть мужчина или женщина из ОГПУ, чекист, который числится на какой-нибудь должности. Каждый, кто принес что-то продавать, обязан предъявить документ, удостоверяющий личность. Так они узнают, где вы живете. Меня привезли на Лубянку и пытали.

— Это нелепо! — взорвался Николс. — Пытали за что? За продажу каких-то вещей?

— Нет, не за это, — ласково поправил его Ганзберг. — В конце концов эти вещи они уже получили от меня по дешевке. Нет, тут дело в другом. Придя в магазин с вещами, которые можно продать за валюту, за настоящие деньги, я дал им основание полагать, что у меня есть еще какие-то ценности. Меня взяли и пытали, чтобы получить эти предполагаемые ценности.

— Мне жаль, но я просто не могу поверить вам, — возразил Николс. — Ни одно правительство в мире не поступает таким образом. О'кей, итак, кто-то с пристрастием допрашивал вас из-за денег. Должно быть, они гангстеры. Так? Вы попали в лапы ростовщика? И если вас пытали, остались следы, и вы можете обратиться в суд.

— Следы, мистер Николс, остаются внутри, — тихо ответил Ганзберг. — Они пытаются различными способами, понимаете. Меня посадили в «парилку». Несколько сотен людей стоит в одной камере. Никакой вентиляции,

но горячие радиаторы. Одна голая лампа. Вы стоите, пока не распухнут ноги. Вши ползают по вам, поедая вашу кровь. Никакого туалета, так что вы стоите в своих испражнениях. Через день или два после «парилки» вас ставят на конвейер. Вы переходите от одного следователя к другому, бегаєте по коридору, проклятый, избитый, на вас кричат, бьют вас, угрожают. Они работают по-сменно, а вы продолжаете ходить. Ими прекрасно вычислено, мистер Николс, вычислено, как довести самых сильных, будь то дворник или профессор, до уровня слюнявого страха. Совсем немного времени требуется, чтобы ты забыл, что ты человек, что где-то есть люди, а не только эти дикие звери, что где-то существуют музыка, пища, вино и поэзия.

Моя проблема была в том, что то, что я продал, на самом деле было все, что я имел. Мне не хотели верить, так что через неделю меня снова поместили в «парилку», и на этот раз забрали также мою жену Соню и нашего сына Давида.

Они пересекли улицу и двинулись к разгромленной и забытой церкви. Ее окна были выбиты, а фасад напоминал череп.

— На третий день я стал думать, каким образом достать для них валюту. У меня есть двоюродный брат в Питтсбурге, и я решил написать ему, умоляя переслать мне доллары. Я попросился к главному следователю, но он отправился домой спать после смены. Я увидел его только на следующее утро, а ночью Давид, простудившись после «парилки», умер. Соню отпустили и разрешили забрать тело Давида. Она сама очень ослабела от такой пытки. Меня они не отпустили. Они держали меня до тех пор, пока не пришел перевод от двоюродного брата. Он добрый человек, и наверняка Бог воздаст ему по справедливости. Когда они забрали его деньги, меня отпустили. Я пришел домой. Соседи сказали мне, что Соня тоже умерла и что сына и жену увезли на мусорной телеге...

Они вошли в ворота разрушающейся церкви и направились к церковному кладбищу. Только эта территория носила следы присутствия людей. Большие свежие насыпи показывали места коллективных могил.

— Я думаю, что они здесь. ОГПУ используют старые кладбища для своих жертв. В каждой могиле, несколько дюжин человек, и их поливают негашеной известью, прежде чем закопать.

Ганзберг бережно положил свои фиалки на одну из мрачных земляных куч.

— Вы можете помолиться вместе со мной, — тихо сказал он. — Потом я провожу вас обратно.

— Извините, но я не верю в предрассудки, — сказал Николс.

— Вы хотите сказать, не верите в Бога? Какое несчастье для вас. Я не знаю, в кого, кроме Бога, можно верить.

Они двинулись назад той же дорогой, какой пришли.

— Большевики обещали построить новый мир, мистер Николс, и они держат свое слово. Где еще вы можете найти эту новую индустрию, добычу золота в камерах пыток?

Шедший рядом с ним Николс опустил голову вниз и ничего не говорил.

— И социалистический капитализм, — безжалостно продолжил Ганзберг.

Николс вздрогнул, словно его ударили кнутом.

— А это еще что за чертовщина? — сердито проворчал он.

— Люди в «парилке», которые были со мной, те, кого пропустили через конвейер передо мной, или те, кто приполз после меня, вовсе не все совершили мою ошибку, пойдя в комиссионный магазин. Нет.

— Хорошо. Как же они попали туда?

— По доносу. Родственника, друга, товарища по работе или соседа. Информировали о преступлении, то есть о владении какими-либо ценностями.

— Зачем людям, которые знали их, доносить на них?

— Ради выгоды, — торжественным тоном произнес Ганзберг. — Государственный декрет двадцать девятого года обещает информатору целых двадцать пять процентов комиссионных, четвертую часть всех денег, ценностей и другой собственности, изъятых правительством. Да, если на небесах, а скорее в преисподней, тени Ленина и Маркса общаются между собой, у них имеется самая интересная и тонкая диалектическая тема для обсуждения. Мотив социалистической выгоды! Я чувствую, что им понадобится талант Троцкого, чтобы ее поднять. Возможно, если информатор получает четвертую часть вещей и ценностей, он или она автоматически становится реставратором капитализма, реакционным империалистическим эксплуататором народных масс, и потому должен быть готов к самообличению. Процесс мог бы, безусловно, продолжаться какое-то время.

В его голосе звучала ирония.

Они снова подходили к Красной площади. Высокий, светловолосый мужчина в форме гида Интуриста стоял

около собора. Он помахал им, и Ганзберг помахал в ответ. Мужчина держал в руке небольшой фанерный чемоданчик, и, когда они подошли ближе, его лицо показалось Николсу знакомым.

— Скажите, пожалуйста, — начал Николс и внезапно вспомнил: — Я тебя знаю. А-а... Валериан, правильно? Ты показывал мне Москву несколько лет назад.

— Совершенно верно, мистер Николс. Я показывал вам некоторые большевистские замечательнейшие достижения, не так ли?

— Точно! — с восторгом произнес американец. — Коммуну Красного Октября...

— Бутырскую тюрьму...

— Какая удивительная модель для преобразования мира!

— Какая модель? — улыбаясь, спросил Валериан.

— Детский сад...

Николс украдкой торжествующе взглянул на Ганзберга, чтобы узнать, как он принял маленькое перечисление бесспорных достижений, но увидел, что тот, как и Валериан, улыбается.

— Не говорите ничего, — устало произнес он. — Сейчас вы собираетесь показать мне что-нибудь отвратительное.

— Bravo! — искренне воскликнул Валериан. — А почему бы нам не продолжить в том же духе?

— Это все Елена подготовила для меня сегодня, — сказал Николс с убежденной тупой решимостью. — Куда мы идем?

— Ты слышал о ночлежке?

— Дом, где спят по ночам? Ну конечно. Я читал Горького «На дне». Дно эксплуататорского общества. Самая последняя черта для людей, которым некуда идти.

— Правильно. Построена в царское время и все еще используется большевиками. Хочешь ее увидеть? Ты будешь первым западным журналистом, которому это удастся. Но предупреждаю тебя, это в самом деле отвратительно.

— Я вырос в трущобах восточной части Нью-Йорка, дружок, — негромко объяснил Николс с глухим раздражением в голосе. — Я на себе испытал, что такое ночлежки Бауэри*, зловонные многоквартирные дома, третьесортные комнатухи. Я упрямый человек, который верит в лучший мир, Валериан, потому что я видел дно. Да, я пойду с вами. Вы оба думаете, что я

* Бауэри — улица в Нью-Йорке, район низкопробных кабаков и бездомных бродяг.

наивен. Послушайте, я знаю, что не все здесь еще совершенно, что встречаются вещи, которые отнюдь не прекрасны, но это потому, что большевики имели мужество сорвать внешнюю оболочку и показать все, как оно есть на самом деле. Никакого притворства. Язвы, которые не скрывают, можно вылечить. На Западе их прячут за милосердием, подачками, благотворительностью. Здесь они излечиваются.

Русские одинаково печально и понимающе улыбнулись. Николс видел, что эти двое — такие разные — без слов понимают друг друга. И это вызывало у него досаду и какую-то боль.

Они пошли назад через площадь, прочь от собора, дошли до Тверской, которая являлась началом дороги на Ленинград. Мостовая была разобрана, и на тротуарах громоздились кучи булыжника.

Леса скрывали новые здания, на них были огромные плакаты с магическими символами: « $2+2=5$ », «Пятилетка», «Пятилетний план за четыре года». Воздух переполняла барабанная дробь насосов, компрессоров и грузовиков. Они шли по грязи. Валериан повернулся к Николсу.

— Ты взял с собой деньги? Валюту?

Николс вздрогнул и не посмел поднять глаза на Ганзберга.

— Да, — пробормотал он. — Елена меня предупредила. У меня есть доллары.

— Я договорился о тебе с несколькими людьми, но им надо дать немного денег. И, если можно, какой-нибудь еды и курева. Можно купить в Елисейском.

Они находились рядом со старым, еще с царских времен продуктовым торговым центром. Его новое имя «Гастроном № 1» резко контрастировало с позолоченными цветными витражами и нарядными колоннами.

— Я зайду, — сказал Николс.

— Мы подождем тебя здесь, — ответил Валериан. — Русским туда нельзя.

Через сверкающее стекло они видели зарубежных дипломатов, журналистов и специалистов различных областей промышленности, совершающих покупки. Когда Николс вышел со свертком, они двинулись вверх по улице.

— Ее теперь называют Тверская-Горького, — тоном профессионального гида пояснил Валериан. — В честь знаменитого советского писателя Максима Горького, который...

— Я знаю, кто он, — огрызнулся Николс.

Они пробирались мимо больших куч земли и камней,

нагроможденных на Пушкинской площади. Группа обшарпанных грязных людей появилась из ямы. Они несли лопаты, ломы, мешки и тела двух своих товарищей, которые опустили на землю.

Валериан заметил тревожный взгляд Николса.

— Рабочие, — лаконично произнес он. — Строят метро.

Николс увидел охрану НКВД.

— Что случилось с теми двумя рабочими?

— Возможно, диверсанты или вредители, — небрежно ответил Валериан, — разоблаченные своими товарищами. А может быть, просто сердце не выдержало нагрузки. Здесь используются компрессоры, чтобы не проникла вода, пока не застынет бетон. Наш метрополитен станет мировым чудом, и весь народ энергично взялся помочь в его строительстве.

Спутники пошли дальше и свернули на боковую улицу. Район стал более убогим. Они остановились в переулке, где повсюду был разбросан мусор.

— Тебе надо переодеться, — сказал Валериан. — А то ненароком кто-нибудь убьет тебя ночью из-за твоего пальто.

В чемоданчике в газетном свертке оказалась грязная обтрепанная одежда и такая же обувь. Чувствуя, что с него от брезгливости слезает кожа, Николс переоделся. Валериан предстал в таких же отрепьях. Ганзберг сложил их одежду в чемоданчик.

— Я присмотрю за ними, — сказал он. — До завтра.

Затем он ушел вдоль по улице. Валериан сунул сверток с едой и куревом под свою бесформенную куртку и двинулся по переулку. Николс ступил в грязную лужу, и мерзкая жижа проникла через дырявую подошву его ботинок без шнурков. Он почувствовал, как что-то зашевелилось под его рубашкой, и заскрипел зубами. Он сжал пачку долларов в сальном кармане брюк.

Здание было высоким, с этажами и окнами, как в учреждении. Они прошли через арочный вход, шлепая башмаками. Очередь оборванных мужчин и женщин медленно проходила через дверь.

— Я заплачу, — проговорил Валериан. — Это всего по пятнадцать копеек с человека. Не показывай свою валюту ни при каких условиях.

Мерзкое зловоние, просачивавшееся из-за двери, заставило Николса задержать дыхание, когда он вошел внутрь. Угрюмый человек принимал жалкую пригоршню копеек за столом, освещенным голой лампочкой, другой, в форме, наметанным взглядом оценивал посетите-

лей, посылая их по коридору направо и налево или вверх по двум разным каменным лестницам.

— Они очень стараются, — пробормотал Валериан. — Они пытаются отделить простых бедняков от преступников и больных.

Их послали наверх по одной из лестниц. Охранник кинул на Николса острый взгляд, когда тот проходил.

— Что это он? — спросил Николс Валериана.

— Ты выглядишь здесь не вполне естественно. Не тот цвет, не тот вид. Ты питался качественной пищей, это заметно.

Они поднялись на лестничную площадку, лестница и пол были мокрыми, скользкими от грязи. Длинное помещение предстало перед ними. Целая стена была занята многоярусными деревянными нарами, на которых лежали калеки. Люди без ног и без рук, парализованные, застывшие в странных позах, слепые, сидящие неподвижно, горбатые, лежавшие на досках. Стоны боли перемежались ревом и ругательствами. По другую сторону была такая же общая спальня для женщин. Изможденные существа лежали апатично, полураздетые, на тряпье, положенном поверх досок. Некоторые держали грязных младенцев у груди, а дети постарше возились среди мусора на полу. Некоторые из женщин не потеряли кое-какой живости и, встречая потрясенный взгляд Николса, осыпали его бранью. Валериан провел его выше по следующему лестничному пролету, и они попали в комнату меньших размеров, обитатели которой сдвинули вместе несколько коек в один угол и образовали платформу, на которой сидели, прислонясь к стене. Николс увидел, что они быстро посмотрели на входивших, острым, как у вороны, взглядом.

Симпатичная женщина сидела в углу между двумя подростками — мальчиком и девочкой. Мальчик читал вслух книгу. Память журналиста подсказала Николсу, что это Надя, коллега Валериана, а мальчик, очевидно, их сын. Видимо, они по очереди читали вслух, а другие слушали. Неожиданно Николс понял, что слышит историю приключений Гекльберри Финна на русском. Когда пришла очередь читать его матери, мальчик, светловолосый и красивый, но очень худой, закрыл глаза, чтобы отгородиться от реальности и вернуться на плот, к Геку, на Миссисипи. Девочка, сидевшая рядом с Надей, совсем не открывала глаз, сжавшись всем телом, словно от боли. Она была необыкновенно красива.

Валериан взобрался на платформу привычным движением.

— Иди сюда, — позвал он, и Николс тоже вскарабкался. Запах стоял ужасный, но он устроился между длиноволосым крестьянином и небритым мужчиной в темном пиджаке, испачканном жиром и грязью. Напротив него сидел высокий человек в угольно-черных брюках и в куртке, в каких обычно работают кочегары поездов. Валериан залез в свою мешковатую саржевую куртку и выудил оттуда длинную, покрытую жесткой оболочкой темную колбасу из свертка, с которым Николс вышел из Елисеевского магазина. Острым ножом он стал резать ее на аккуратно отмеренные, равные доли, начав с того, что разрезал ее пополам. Вокруг себя Николс услышал неожиданное глотание, будто квакали лягушки в пруду. Он догадался, что они все истекали слюной и сглатывали ее. Валериан раздал куски, и они начали их жевать. В своем углу Надя заложила книжной закладкой страницы, прежде чем осторожно засунуть книгу за пазуху. Она поймала его взгляд и взяла свой кусочек колбасы.

— Долгой жизни, мистер Николс.

— Эти люди расскажут тебе о себе, — тихо сказал Валериан.

Их было четверо: крестьянин, управляющий, железнодорожник и девочка. Первой заговорила девочка:

— Меня зовут Кристина Забнерска. Я полька из Минска, в наших краях много поляков, это совсем близко от Польши. У меня была старшая сестра. Когда умерла наша мама, мы остались вдвоем. Мы стали активистками в Минске, потому что Ганна сказала, что так мы сможем прокормиться. Я была пионеркой, а она — комсомолкой. Из Москвы приехал партийный начальник. Он был дружелюбен с нами и спрашивал, почему такие хорошие активистки остаются в Минске. Он сказал, что поможет нам переехать в Москву, устроит Ганну на работу и мы получим жилье.

Ганна решила, что мы должны ехать. В Минске мы постоянно голодали и там негде было работать. Поэтому мы сразу поехали в Москву, как только он прислал бумаги. Он сдержал свое слово и поселил нас в комнате. Скоро он пригласил нас на праздник. Он прислал за нами машину. Там собралось около двадцати человек, все партийные работники. Было много еды и спиртного. А когда они наелись и напились, нас изнасиловали... Потом нас отвезли домой. До этого мы с сестрой не имели дела с мужчинами. На следующей неделе он приказал нам явиться снова, а утром я нашла Ганну в туалете. Она повесилась. Я убежала оттуда и теперь плачу по пятнадцать копеек за ночь, чтобы спать здесь. Когда я истрочу

свои деньги, буду уличной проституткой, чтобы выжить. Я та, которой не существует. Если бы у меня были деньги, я бы добралась до Польши, нашла монастырь святой Терезы и стала бы монахиней.

Валериан поднял глаза на Николса.

— Она не имеет в виду рубли, Джонни. Рубли — это слишком веселые деньги для путешествия. Все над ними смеются. Ей поможет валюта.

— Сколько? — тихо спросил он. Из глубин ночлежки донеслись крики и звуки ударов, а затем захлебывающийся вопль.

— Сотня долларов позволит ей добратся до границы и попасть в Польшу.

Николс полез в карман и отсчитал банкноты. Глаза Кристины были закрыты, и он передал деньги Наде, которая, в свою очередь, передала их ей. Валериан достал головку сыра и разрезал его на сегменты.

Крестьянин поднес свой кусок к бороде.

— Я мужик, я приехал из Малой Лепетихи, с Украины. Односельчане дали мне всякие вещи — горшки, листы меди, несколько монет, обувь, пальто, — отвезти и обменять на хлеб. Я купил хлеба и положил его в мешок, но когда я добрался до вокзала, охранник не разрешил мне взять хлеб. Он сказал, что таков приказ, и меня посадили на поезд без хлеба. Я вернулся в деревню, но пока меня не было, приехала бригада «Буксир» и забрала последнее, что у нас было — остатки зерна.

Мой двенадцатилетний сын оказал им сопротивление, и его убили. Моя жена к тому времени уже была в могиле: ее застрелил председатель Совета однажды ночью, когда она собирала колосья в поле. Когда я узнал такие новости, то вернулся туда, откуда приехал. Я нашел охранника, который запретил мне взять хлеб с собой, и попросил его отдать мне мой хлеб. Он стал смеяться и выкинул меня с вокзала. Я дождался, пока он сдал смену, и убил его по дороге к дому. Я забрал его деньги и приехал сюда. Здесь я прошу милостыню на улице. Если бы у меня были деньги, я бы уехал на Черное море. Я встретил человека, который живет там в рыбацком поселке. Он сказал, что до его поселка от Москвы много верст. Человек с деньгами смог бы там купить лодку и ловить рыбу.

— Я этого не понимаю... — смущенно начал Николс.

Крестьянин издал такой пренебрежительный звук, что Николс мгновенно вспыхнул.

— Он иностранец, — произнес крестьянин, — он ничего не понимает.

Николс молча отсчитал доллары, и они исчезли в пальто мужчины. Когда деньги были спрятаны, крестьянин сложил руки, закрыл глаза и уснул.

Они были готовы рассказать свою историю, каждый из них. Мужчина в ужасно грязной одежде провел рукой по лицу. Она была большой и ширококостной, пальцы глубоко пропитались желтизной никотина, так же, как и у крестьянина. Многочисленные белые тонкие рубцы покрывали кожу, отметины разлетающихся искр. Он был кочегаром, таскал уголь лопатой, чтобы прокормить ненасытную топку. Он начал говорить:

— Меня зовут Яким, я — герой Революции. Мой командир, Троцкий, который был Народным комиссаром по военным делам, наградил меня этим званием, когда прикреплял медаль к моей рубашке. Именно я поддерживал давление пара в поезде. Мы проехали вместе не один километр пути в Советской России, пока мой командир побеждал в войне на стороне большевиков, и эти руки, эти ладони кидали уголь из бункера в топку. Эти руки вели поезд Троцкого.

Когда война окончилась, нам дали хорошую работу, тем, кто служил ему. Многого надо было сделать, чтобы восстановить то, что разрушили во время войны. Я сам командовал бригадами на восстановлении Одесской железной дороги. Мы гордились своим революционным прошлым, революционным наследием, как говорил наш командир, и каждый год мы собирались здесь, в Москве, все те, кто служил на поезде, и каждый год с нами встречался Троцкий, который заказывал замечательный зал в ресторане для нашего праздника. Нам подавали прекрасную еду, прекрасные напитки, потому что он-то знал в этом толк и хотел, чтобы наша встреча прошла на славу.

В двадцать седьмом году мы как один присоединились к нашему командиру и вышли на московские улицы, чтобы выразить несогласие с политикой Джугашвили, который называет себя Сталиным. Сталин бросил против нас войска, против нас, героев Революции. А сам он никогда не был на фронте и не слышал выстрелов врагов. Наш командир был отправлен в ссылку, а мы, которые служили на его поезде, продолжали каждый год встречаться тайно. В прошлом году, когда мы встретились, нас осталось всего несколько человек. Остальные исчезли в лапах НКВД. Это был сталинский приказ.

Вначале НКВД прошелся по офицерам, по тем, кого отобрал для службы сам командир, тем, кто был готов командовать войсками. Затем взяли тех, кто обслуживал

радио, работал на печатных станках, отвечал за обмундирование, водил его машину, его артиллеристов и пулеметчиков. Они даже пришли за его денщиком. Однажды я шел на работу, и один человек, проходя мимо меня, шепнул, что там ждут люди из НКВД. Я не пошел на работу, а сбежал, потому что понял, что пришла моя очередь. Сталин пришел и за мной. Теперь я скрываюсь здесь. Они меня довольно скоро найдут, если я не исчезну. Если бы у меня были деньги, я бы уехал за рубеж, туда, где находится мой командир. Я служил ему и хочу служить снова.

Николс молча отсчитал валюту и вручил ему деньги. Как и крестьянин, железнодорожник сложил руки и опять притулился к стене.

— Моя фамилия Баршай, — сказал похожий на управляющего. — Я еврей из Кишинева. Я вступил в партию большевиков в девятнадцатом году. Мы страдали при царизме, и я знал, что значит «бей жидов», еще до того, как научился говорить «мама». Бей жидов, бей жидов. Моего отца убили лавочники во время еврейской пасхи. Они называли это охотой на жидов. Мою мать и сестру изнасиловала толпа, которую благословил епископ кишиневский. Мой отец хотел остановить их, но они отрезали ему яйца и забили до смерти.

Большевики сделали меня комиссаром во время гражданской войны и послали меня назад в Кишинев. Когда не хватало пуль, я своими пальцами вцеплялся в глотку врагов и душил их. Когда я встречал попов, я отрезал им яйца. После войны меня направили поднимать промышленность. Это были дни НЭПа, новой экономической политики, и власти нуждались в таких, как я, чтобы вести дела. Одни партийные лозунги ничего не сделают. Директор сделал меня своим ближайшим помощником, потому что я понимал в цифрах, а он, крестьянин, нет. «Хорошо иметь рядом жида, Лев, — обычно говорил он мне. — Жиды умеют считать деньги». Он говорил «жид», как и те, кто уничтожили мою семью, ибо не знал, как иначе назвать еврея.

Двадцать девятый год был год перелома, решительного разрыва с прошлым. Так определил товарищ Сталин. Тяжелая промышленность должна была доказать превосходство коммунизма над гнилым капиталистическим Западом. К нам прислали инструкторов. Задача управляющих состояла не в изучении экономики, а в ее изменении. Не могло быть крепостей, которые не взяли бы большевики. Ввели новые нормы. Это касалось меня. Директор сделал меня ответственным за все, и я отчитывал-

ся за дела перед ним. Только снижая качество, мы могли увеличить количество. Выплачивая меньше рабочим, мы смогли больше закупить. Даешь рубеж в два миллиона пудов! Перевыполним! Перевыполним! Именно я организовывал дело так, чтобы наш ударник смог произвести две тысячи тонн стали за смену. Конечно, ему помогали тридцать других рабочих, но он оправдал доверие. Москве это понравилось. Его везде возили и выставляли, пока он не умер с перепоя.

Но пришло время, когда я уже не смог подвести баланс. И я услышал, как директор договаривался с парторгом. Они прекрасно знали о трибуналах, они знали, что спасут свои шкуры, если найдут вредителя, на которого все можно свалить. «Отдадим им жида, — настаивал директор, — обвиним во вредительстве». Я понял, что они говорят обо мне. Они собирались меня сдать, чтобы сохранить свои спецмагазины, свои дачи, спецшколы для своих детей, свои автомобили и привилегии. Меня, жида. Они убили мою семью и собирались убить меня. Ничего не изменилось. Я сбежал, и вот я здесь, в этом месте.

В комнате было темно. Надя загасила огарок свечи, ее сын спал, и ее рука лежала на его плече.

— Если бы у меня были деньги, я бы сделал, как этот, который храпит напротив меня, который загребал лопатой уголь для Троцкого. Я бы бежал за границу. Я бы поехал в Америку, где понимают, что экономика — это экономика, а не кровавые игры.

Купюры прошелестели в темноте, и Николс почувствовал, как их взяла рука Баршая, и услышал, как он устраивается поудобнее, собираясь уснуть.

— Валериан? — тихо позвал Николс.

— Да, Джонни?

— Это все? Мы можем идти домой?

— Это и есть наш дом, — тихо ответил ему Валериан. — Мы с Надей и Петриком давно ночуем здесь. Мы прячемся, как все эти люди. Мы скрываемся от человека, который хочет нас убить.

— О, Господи Иисусе... — Николс едва не разрыдался. — Если кто-то хочет вас убить, почему бы вам не заявить в полицию?

— Человек, который хочет нас убить, — спокойно пояснил Валериан, — и есть полицейский.

ЛЕНИНСКИЙ ДОМ

Николс оглянулся назад. В ранних лучах солнца людской поток вытекал из учреждения, казавшегося особенно серым; и расплзался по улице, исчезая в закоулках. В его мозгу возникла картина огромного пробитого и протекающего резервуара. Он отвернулся и поспешил за Валерианом.

Там, где строилась станция метро, насосы и компрессоры изрыгали в воздух сизый дым. Группа рабочих молча примерялась к инструментам под цепкими взглядами охраны, и Николс увидел их новыми глазами.

— Это арестантская партия, да, Валериан? Кто они?

— Крестьяне. Чуждые элементы. Бывшие. Люди, чью квартиру, жену или работу хочет получить кто-то другой.

На Красной площади вдоль ГУМа выстроились в ряд нищие. Они шли мимо них, и Исаак Ганзберг молча улыбнулся ему. Николсу показалось, что в его улыбке была ирония. Когда они подходили к Мавзолею в убранстве из лесов, то увидели Елену, пробирающуюся к ним сквозь множество служащих и туристов, которые легко узнавались по глазам, горевшим энтузиазмом.

— Как спалось? — спросила она.

— Никак, — тихо молвил Николс. — Я не спал.

— Я покидаю вас, — пробормотал Валериан. — Не стоит здесь долго околачиваться.

Он взял небольшой сверток, который протянула ему Елена, и удалился.

— Я хотел дать ему денег, — сказал Николс.

— О, это успеется, — утешила его Елена. — Пойдем. Он прав, лучше тут не околачиваться.

Они двинулись. Елена задержалась, пропуская группу туристов. Их возглавлял крупный румяный американец, явно со Среднего Запада, в пальто с собачьим воротником, и ведомая им группа остановилась, благоговейно воззрившись на гробницу вождя мирового пролетариата.

— Мы здесь, — значительно сказал их руководитель, — здесь, на Красной площади, в Советской России. Мы находимся здесь в судьбоносное для мира время.

кормить детей? Партийное начальство испугалось, когда увидели женщин с дубинками, и спряталось, а Тимохов со своим комитетом разбежались, потому что женщины были очень злы за такое дело и хотели его выпороть. Таким путем вернули скот. Но после этого нас считали индивидуалистами и закрыли школу, а почтальон перестал приносить письма.

Татьяна замолчала, чтобы хлебнуть чаю, что она делала со вкусом. Николсу травяной чай не понравился.

— Все мы гордились бабьим бунтом и надеялись, что нас оставят в покое. Однако Комитет бедноты с Тимохой вскоре снова пришли и привели с собой пожарных. Они стали поджигать церковь. Мы отогнали их всей деревней и погасили огонь. Но тогда на мельнице не стали молотить наше зерно, а ночью забрали кузнеца. Мой отец нашел мне работу у Степана Лукашенко. Он был хороший человек, он рассказал мне, как заставляли крестьян в России вступать в колхозы: просто облагали таким налогом, который нельзя заплатить. Так было с Антоном Андреевичем, мужем Маши. Когда он не заплатил налог, его арестовали и... он пропал. В его дом заселился Тимоха — Тимофей Васильевич из Комитета бедноты. Тогда Маша забрала своих четверых детей и ушла к своей тетке, и они стали жить у нее в сарае.

Указы запрещали делать любую работу, кроме колхозной. Они арестовали скорняка за то, что он выделывал кожу. Забрали хозяев, у которых были ручная мельница или пресс, и больше их уже никогда не видели. Забирали тех, кто пел песни Кобзаря или украинские песни. И вот я однажды приехала домой и увидела, что наши дома сожжены, а все родные убиты. Они лежали совсем голые, потому что Комитет бедноты снял с них одежду. Я хотела похоронить их, чтобы их не съели собаки или вороны, но Тимоха со своим комитетом, которые сидели за столом прямо на улице и пили самогон, стали кидать в меня камнями. И я вернулась обратно в Полтаву.

Она потеряла красный рубец на лбу.

— К весне люди отказались защищать то, что осталось от их добра, и вошли в колхоз. Они поняли, что будут опять крепостными, как наши деды. Но это все же лучше, чем быть высланным на север. И в тот год все еще пытались наладить работу в колхозе, но это было трудно. Руководили колхозом партийные начальники, а машинно-тракторная станция подчинялась ОГПУ. Если трактор ломался, починить его было трудно. За лето все куры передохли и половина свиней тоже. За ними же нужен уход. Пало много лошадей. Но неко-

торые поля все-таки засеяли, и урожай созрел. Когда подошла осень, его убрали.

Татьяна в первый раз подняла глаза от своего чая.

— Я интересуюсь цифрами, мистер Николс. Мне было интересно, как работает колхоз. И когда мы собрали урожай, мы узнали, как он работает. Колхозники не могут получить несколько зерна, пока не сдадут долю государству, и государство не заплатит за это зерно по установленной им самим цене. В прошлом году эта цена была в двадцать пять раз ниже, чем цены на зерно на рынке. Правительство взяло на себя использование тракторов и мукомольных заводов, но цены на эти услуги высокие и оплачиваются зерном по низкой цене.

Колхоз называют сельскохозяйственной фабрикой. Рабочим должны платить. Колхозникам платят «трудоднями», это количество сделанной работы — вспашка гектара земли или намолот тонны зерна. Для выполнения «трудодня» требуется несколько настоящих дней работы.

— Ты узнаешь это, Джонни? — мягко спросила Елена. — Это же сдельщина, которую так критиковали большевики. Правда, до октября 1917 года.

— Стоимость еды вычитается из «платы» за трудодни, — продолжала Таня. — Когда урожай, наконец, собран, с колхозниками расплачиваются. Натурой, а не деньгами. После того как заберут зерно, приезжает грузовик, груженный хлипкой обувью и дешевой хлопчатобумажной одеждой. В деревне не остается продуктов после того, как забирают зерно. Степан брал меня с собой, когда ездил по деревням, и везде были голодные, умирающие и мертвые люди. Люди делают хлеб из лебеды и коры, потому что все зерно забирает правительство.

— Татьяна достаточно все прояснила, Джонни? Ты понял, как это устроено? — спросила Елена. — Крестьянин выполняет по-прежнему все сельскохозяйственные работы, но абсолютно не владеет конечным продуктом. Новая система явно неэффективна, колхозы производят меньше, чем старая деревня, но государство предпочитает ее, получая взамен полный контроль над урожаем и людьми, которые его выращивают. Более того, сокращение урожая возмещается за счет того, что крестьянам вообще ничего не оставляют. Крестьяне выживают за счет собственных маленьких участков земли, которые облагаются налогами как в деньгах, так и в натуре. Система коллективного хозяйствования была введена как метод изъятия государством и для государства зерна и других сельхозпродуктов в сочетании с закрепощением класса крестьян, в которых большевики видели потенциальных врагов еще задолго до гражданской войны.

Такие времена наступают не часто. Последний раз подобное свершилось почти две тысячи лет назад. Почему Господь на сей раз избрал русских большевиков, а не нас, американцев, — это Его тайна, такая же великая, как и тайна избрания Иисуса две тысячи лет назад. Забудьте антирелигиозные фразы, которые произносят большевики. Их не следует принимать в расчет. Это только лишь философия, а на практике люди творят здесь единую философию жизни, по которой живет советский народ. Пока мы, американцы, плутаем в потемках в поисках истинного пути, русские под руководством своих вождей осуществляют в жизни заповеди Нового Завета, создавая новый, христианский мир. Теперь давайте склоним наши головы в молитве Иисусу и Его новому пророку Ленину.

Николс почувствовал руку Елены на своем локте, и они снова двинулись.

— Опять твои статисты, Елена?

— Не мои. Они здесь постоянно. Это паломники, они восхищаются всем, что им показывают. Убежденные сторонники пропорционального представительства в парламенте приняли с восторгом диктатуру пролетариата, как только им ее объяснили. Убежденные пацифисты присутствуют на военных парадах с восторженным одобрением. Убежденные священнослужители повезут домой полные сумки атеистической литературы и будут распространять ее среди своих восторженных прихожан.

— Но они искренне верят, что видят рождение нового мира, Елена, — взорвался Николс. — У них добрые намерения.

— Они испытывают неудовлетворенность своим собственным обществом, и потому безоговорочно одобряют все, что происходит в нашем, — холодно сказала Елена. — Это моя страна, и она похожа на женщину. Она лежит обнаженная, потому что ее заставили, вынудили. Эти иностранцы приезжают сюда тысячами и думают, что она лежит так для их удовольствия и что ей это тоже доставляет удовольствие. Она корчится от боли и ужаса, а большевистский сводник прячется за дверь. То, что здесь происходит, это не любовь, а насилие.

— Я понимаю, что происходят ужасные вещи, — возразил Николс. — Но это не значит, что при правильном руководстве не может появиться именно новый порядок.

— Ты думаешь так же, как они. Тебе кажется, что хороший результат оправдывает преступные средства. Ты не понимаешь. Тут нет никаких результатов, а есть только средства. Ты совсем не понял, где ты находишься, Джон-

ни. Ты провел ночь в ночлежном доме. Это ужасное место, но мы все здесь живем в таком доме.

Она махнула рукой вокруг себя.

— Вот он, этот дом, который построил Ленин. Он стал еще больше, но Ленин заложил фундамент. Он создан на костях и разрушенных мечтах, на лжи, тирании и бесконечном терроре. Его стены снаружи ярко раскрашены, но внутри обитают химеры и демоны. Внутри дом обширен и пуст, в нем воздвигнут гигантский алтарь, на котором непрерывно день и ночь совершаются человеческие жертвоприношения.

Она повернулась к Николсу.

— Это и есть то, что тебе кажется галлюцинацией, — хмуро сказала она. — Дом, который построил Ленин. Никогда не было ни единого шанса, что он может быть заселен какими-то мудрыми людьми из твоего наивного лепета. Откуда им взяться? Ленин и его наследники уничтожили их всех, и мы остались с зиновьевыми и камневыми, с бухаринными и троцкими, с партийными начальниками и нравственными релятивистами, и все они — просто убийцы. Но здесь правят даже не эти. Нет. Правит Иосиф Сталин.

А Иосиф Сталин — психически больной.

* * *

— Областной партийный комитет закрыл нашу школу, и отец устроил меня на работу к Степану Лукашенко, родственнику, в Управление сельского хозяйства в Полтаве. Он был рад, что я пошла к нему работать, потому что хотя мне было всего четырнадцать, я хорошо считала.

Они пили знаменитый травяной чай, который Елена заварила из своих трав. Таня сжимала свою кружку в ладонях, как будто ей все еще было зябко. Два пальца правой руки, указательный и средний, были глубоко окрашены никотином.

— Почему у вас закрыли школу? — спросил Николс.

— Сказали, что мы индивидуалисты, потому что мы не хотели отдавать им нашу скотину и разные вещи, нужные для работы в поле, и не хотели в колхоз. Сельсовет они закрыли, потому что в него были выбраны сильные хозяева, а вместо него поставили главным Тимофея Васильевича, по прозвищу Тимоха-вор, и Комитет бедноты. Они ночью похитили весь скот и загнали его в колхоз. На другое утро бабы под предводительством моей матери пошли, чтобы его вернуть. Без коров чем же

Николс не ответил, а просто в отчаянии тряхнул головой, и Татьяна продолжила свой рассказ:

— Однажды ночью за Степаном пришло ОГПУ. Забрали его, его жену и детей. Я спряталась. Когда они ушли, я решила ехать спасаться в Москву к тете Елене. Я взяла документы и собиралась говорить, что я курьер Комиссариата по сельскому хозяйству. У меня была теплая одежда, а у Степана я взяла на всякий случай несколько крючков и леску.

Дорога заняла у меня много времени. Земля была опустошена, все поросло бурьяном. Даже дым не поднимался над хатами, никто не гнал самогон, не жарил мясо, не коптил рыбу. Хозяева лежали мертвые в своих избах. И они были счастливые. Кто был жив, тому было хуже. Один раз мне встретилась женщина, съевшая своего ребенка. Голод был ужасный.

Я видела зерно, которое забрали у крестьян. Оно лежало огромными кучами на железнодорожных станциях в ожидании транспорта. Колочая проволока и солдаты с ружьями окружали их, а каждую ночь они стреляли в голодных, которые хотели украсть зерно. Иногда оно уже дымилось, перегорая внутри, но даже испорченное зерно не отдавали людям.

В одной деревне ко мне подошла женщина, партийная работница. Я была худой, но еще не такой истощенной, как деревенские девочки. Она сказала, что для меня есть кое-какая работа, за которую я могла бы поест. Они ожидали иностранцев, которые должны были скоро приехать, чтобы осмотреть местное коллективное хозяйство, и им не хватало людей: колхозники были слишком истощенными, чтобы их выставлять напоказ, а я, мол, могла бы пойти и за это поест. Я была очень голодная и согласилась. Когда мы шли по улице, с нее убирали трупы и приказывали местным убраться с глаз долой в лес.

Нас посадили за стол в столовой, которая была красиво обставлена мебелью, кажется, привезенной из театра. На окнах висели нарядные занавески, на столах были белые скатерти и вазы с цветами. Мы сидели с партийцами и агентом ОГПУ, которые переоделись в крестьянскую одежду, вместе с наиболее подходящими случаю рабочими. Когда приехали иностранцы, на стол подали еду — большие куски мяса, капусту, картошку, свеклу и подливу с хлебом и пивом. Начальника ОГПУ им представили как председателя колхоза. Их было двое — мужчина и женщина, англичане. Они были очень довольны и взволнованы тем, что увидели, смотрели, что мы едим.

Вскоре они ушли осмотреть силосные ямы и колхозный детский сад, куда на этот случай собрали детей аппаратчиков. Но как только иностранцы уехали, все эти партийцы тут же начали грузить всю обстановку на грузовики, чтобы отвезти обратно в Киев.

Я побоялась оставаться, потому что эти партийные работники косились на меня масляными глазами, и, пока все занимались мебелью, я сбежала, прихватив с собой несколько пачек табака и пару книг. Я пошла лесом. На окраине города я проходила мимо сарая. В нем было, наверное, двести детей, худых, как скелеты. Они стонали, просили попить, хлеба. Им было от двух до двенадцати лет. С ними был мужчина, и я спросила, что они там делают. Он ответил, что это местный сиротский приют. Партийные власти каждое утро посылают телегу, чтобы привезти подобранных детей и увезти трупы.

Другого человека я встретила возле старой кучи навоза. Он мне сказал, что в таких кучах встречаются зерна злаков, которые целыми прошли через животных, а также земляных червей. Я воспользовалась его уроками, и это помогло мне дожить до весны. Когда голод мучил меня особенно сильно, я делала папиросу из кусочка книжной страницы, набивала табак и курила. Курение помогает переносить голод. Я была совсем близко от границы, но она охранялась. Однажды утром, когда я удила рыбу в ручье, меня застали врасплох пионеры, ловившие в лесу врагов. Один из них — мальчик Володя — спас меня и привез сюда, — закончила свой рассказ Таня и посмотрела прямо в глаза Николсу. — Что вы еще хотели бы знать?

Николса особенно ужаснула сухость ее повествования, полное отсутствие чувств.

— Как ты оплакивала родных, — спросил он, — свою семью?

— Я не плакала, — ровным голосом произнесла она. — Это могло вызвать подозрения.

Елена глянула в окно. Солнце сияло.

— Иди, Танечка, поиграй с Алешей и Наташей в саду. Я видела сегодня утром два спелых помидора, так что разделите их между собой, а потом я спущусь, и мы пойдем на вокзал встречать дядю Ивана.

Татьяна вышла, задержавшись у книжной полки, чтобы взять с собой томик. Она вынула из кармана самокрутку, закурила, и по дому разнесся запах махорки.

— Она необыкновенно умная, — с гордостью сказала Елена. — Я занимаюсь с ней по вечерам и выходным, как и с Алексеем и Наташей. В школе их учат ужасным

нелепостям, будто весь язык состоит из звуков «рош», «сал», «бер» и «йон», будто экономических законов нет, а есть только энтузиазм, будто ученые могут превратить сосну в дуб. Я трачу все свое время, чтобы исправить вред, который приносит школа.

— Она очень юная девушка, — сказал потрясенный Николс и прибавил с чувством: — Я бы в ее годы не выжил в таких условиях.

— Ты понял, что она говорила? Этот голод на Украине — не стихийное бедствие. Это случилось, потому что Сталин этого хотел, он так все организовал, чтобы люди наверняка голодали и умирали.

Николс сидел молча.

— Это неразумно, — наконец выговорил он. — Все это... действия сумасшедшего. В этом нет смысла... Они даже не эффективны, это просто безумие.

— Ты прав... — тихо произнесла Елена. — Это безумие. Все это... Какое правительство в мире объявляет войну собственным гражданам? Кто после этого может чувствовать себя в безопасности? Когда правитель расстреливает из пулемета целые слои общества, развращает умы детей, уничтожает многовековую культуру. Кобзари — эти украинские певцы, они мертвы. Говорят, Сталин распорядился пригласить их в Украинское национальное собрание, и, когда они все там собрались, их расстреляли. Миллионы крестьян умерли голодной смертью. Миллионы искалечены. А за что? Он думает, что может все преодолеть, заставив людей жить в постоянном страхе. Но страх не может быть основой созидания. Устрашенные люди будут приносить в жертву другие человеческие жизни ради спасения собственной. Даже Безумный Шляпник* не смог бы понять смысл этого. Разве что Красная Королева**...

— «Алиса в Стране чудес»... — пробормотал Николс. За окном внизу слышались детские голоса. — ... но Красная Королева была безумна.

— Именно так, Джонни. Так же, как и Сталин. Не верь тому, что говорят «вожди», Джонни. Все иностранцы захлебываются от восторга перед новым обществом, которое якобы мы строим, и восхищаются «вождями». Может быть, они и впрямь верят, что в Кремле полно этих суровых, но справедливых и мудрых вождей, которые ведут через штормы наш великий государственный

* Безумный Шляпник — персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

** Красная Королева — имеется в виду Королева Червей из «Алисы в Стране чудес».

корабль. Чепуха. Никто из большевиков не думал ни о какой справедливости, и никто из них не мог определять курс более чем на неделю, потому что все они были заняты собственной борьбой и интригами. Сталин сумел их всех убрать. У нас в стране у власти один-единственный человек, и он — душевнобольной.

Она подошла к столу и вытащила из глубины ящика тонкую желтую тетрадь.

— Это не только мое мнение.

Она открыла кожаный переплет. Внутри было несколько листков бумаги, исписанных быстрым убористым почерком.

— Это записки профессора Владимира Михайловича Бехтерева. Он был ведущим советским неврологом и психиатром, основателем научной школы. В декабре 1927 года он приехал в Москву на международную научную конференцию. Он принял меня через несколько дней после конференции по просьбе своего ученика, моего доктора. Я пришла к нему в гостиницу, в его номер. Я мучилась очень сильными головными болями, которые наступают ужасными приступами, и доктор Андреев отправил меня к нему на консультацию. Но я не была его единственной пациенткой во время этого его приезда в Москву. Я узнала об этом случайно. Когда он стал задавать мне вопросы, у меня начался приступ моих кошмаров, настоящая атака, и, отвлекая меня, доктор стал рассказывать мне о своем другом пациенте, который очень беспокоил его. Он не назвал его имени. После того как я более или менее справилась с собой, мы выпили по рюмке коньяка, и я собралась уходить. Тут ему позвонили по телефону, а я замешкалась в дверях. Когда я открыла дверь, я увидела, что по лестнице поднимается Рыков. Рыков — это работник ОГПУ, приближенный Сталина. Этот человек вызывает во мне настоящий ужас. Помимо своих официальных обязанностей сотрудника секретной службы, Рыков выслеживает и убивает некоторых людей ради собственного удовольствия. Это он преследует Валериана и Надю, это он убил некоторых близких мне людей.

Ее серые глаза испытующе взглянули на него.

— Ты веришь мне? Если нет, не стоит продолжать, тогда это было бы бесполезно.

— Я верю тебе, — искренно сказал Николс. — Я верю всему, что ты говоришь.

— Когда я увидела Рыкова, я кинулась назад, в номер, и закрыла за собой дверь. Профессор Бехтерев все еще говорил по телефону, он был в спальне и не видел меня.

Рыков постучал в его дверь. Я спряталась, а Бехтерев впустил его. Рыков был одет в форму служащего отеля.

Ты можешь проверить официальную версию смерти профессора Бехтерева, согласно которой с ним случился в тот день сердечный приступ в гостиничном номере, и он скончался. Но я была свидетелем всего, что произошло. Я не знаю, как называется яд, который он вдохнул, но у него был запах горького миндаля. Рыков поднес к его лицу что-то, похожее на авторучку, и Бехтерев моментально упал и сразу умер. Рыков закрывал свой нос платком и немедленно ушел. Я не стала звать на помощь, потому что не надо было быть специалистом, чтобы сразу увидеть, что он мертв. Я испытала панический страх, но именно страх, что они узнают, что я была у Бехтерева, заставил меня взять из его портфеля свою медицинскую карту. Я схватила все бумаги, которые были в его портфеле, и поспешно ушла. Только дома я увидела, что, кроме моей карты, там была и эта. Его другим пациентом был Сталин.

Она положила раскрытые записи на кухонный стол перед Николсом.

— Ты разберешь почерк?

— Нет, Елена, я не уверен. Лучше прочитай сама.

Елена подвинула стул и начала читать:

«Сегодня утром я имел беседу со Сталиным. Моя особа привлекла его внимание в связи с восхвалениями в мой адрес со стороны иностранных коллег, и я весьма самонадеянно решил, что руководитель страны желает быть лично знаком с таким светилом научного мира, каким я предстал на конференции. Однако то, что я понял в ходе беседы, настолько сильно обеспокоило меня, что я считаю своим долгом завести на него нечто вроде медицинской карты. Я нахожусь в весьма щекотливом положении, потому что человек, который явно должен был бы быть моим пациентом, занимает чрезвычайно высокий пост и обладает неограниченной властью.

Он маленький человек, и я полагаю, что это важно. С виду он невыразителен, нескладен, с полупарализованной и немного скрюченной левой рукой. Его ум всегда настороже, но он не чувствует себя свободным в сфере интеллектуальных абстракций. Это странно для старого большевика, члена партии, которая вела сложные схоластические дискуссии о правильном истолковании высказываний Маркса, что напоминает скорее средневековые религиозные диспуты, чем научные исследования. Я полагаю, что это важно для клинического описания. Личностью Сталина владеет зависть, и

поэтому реванш для него одновременно и важен, и доставляет удовольствие. Это явствует из его собственных слов. Наилучшие дни для него — это дни детальной разработки и шепетильного исполнения реванша за долго переносимую зависть, после чего он может мирно лечь дома спать. Сталин остро чувствует (к вопросу о страдании и боли) то, в чем он уступает другим людям: свой рост, свое сложение, свою внешность, свои умственные способности. Это восстанавливает его против многих людей, к которым он испытывает зависть. Если добавить к ним тех, которые, независимо от своих умственных и физических данных, способны удачно устроить свою социальную или семейную жизнь, список может стать угрожающе длинным.

Сталину нравится криминальный мир. Ему импонируют законы преступного мира, с которым он близко соприкоснулся во время ссылок. Законопослушные граждане не вызывают в нем доверия как люди, руководствующиеся абстрактными принципами.

Он убежден, что сам он избран Историей среди других живущих людей. Я написал «живущих», поскольку Ленин умер. Чувство избранности, ощущение своего особого предназначения, по его словам, он испытывал с ранней юности, и оно окончательно откристаллизовалось в претензии стать преемником и равным Ленину.

В нем сочетается могучая воля, кажется, с полным отсутствием сострадания. Он выжил три года царской ссылки в морозной пустыне Сибири почти без человеческого общения, и это не тяготило его. У него нет потребности в душевных контактах. Но он не осознает это как ущербность. Он ощущает себя полномочным Историей, а такой мандат может оправдывать любое действие.

В целом эту картину можно классифицировать как манию величия, мегаломанию.

Сталин убежден в том, что враги кишат вокруг него, не меньше, чем в своей исторической роли. Он маниакально подозрителен и находится в состоянии полной готовности бороться с теми, кто, как он чувствует, настроен против него. Очевидно, многие из тех, кто догадывается о его подлинной натуре, действительно настроены против него, и это обстоятельство еще больше закрепляет его состояние, превращая иллюзорные страхи в реальную действительность.

Это типичный случай жестокой паранойи, и такие больные могут представлять социальную опасность. Они стремятся уничтожить все, что нарушает картину, создан-

ную ими самими, и что угрожает вызвать болезненные чувства самоанализа или угрызений совести. Их иллюзорная система непоколебима. Они знают, что Бог или История вещает через них. Эта система как бы заключена в капсулу и не снижает других умственных функций. Тайно сложившаяся в юности, с годами она укрепляется, чтобы проявиться в зрелом возрасте. Особенно сильные приступы, опасные для окружения, провоцируются извне трудными ситуациями. Они наступают волнообразно, достигая апогея, затем спадают, пока не созревает следующая волна.

Личностные цели у параноика часто замещаются социальными, которые персонифицируются. Параноидная личность начинает уничтожать людей, совершая тщательно подготовленные убийства. Параноик не только осознает, что он намеревается совершить, но и готовится к их совершению с большой тщательностью и нередко с незаурядной хитростью, свойственной этим больным. Бред параноика обладает большой степенью убедительности, и это при благоприятных условиях может вовлекать в параноидальный бред и соответствующие действия людей из окружения параноика.

Содержание беседы, которая состоялась между мной и Сталиным, вызвало у меня серьезные опасения, потому что исходили от человека, облеченного огромной властью. Его интерес, а значит, и страх направлен теперь на ученых, в частности, на тех, предметом изучения которых является разум, интеллект.

Возможно, его интерес к этим проблемам, и в том числе ко мне, вызван подсознательным страхом перед возможным обнаружением его патологии.

По-видимому, не было случайностью, что человек такого типа смог прийти к власти в Советском Союзе. Коммунизм как утопическая система содержит в себе черты параноидальной иллюзорности. Иерархическое строение партии и секретной службы основано на конспирации, секретной информации и секретной деятельности. В сущности эта система не может существовать без противостояния и борьбы, а значит, без врагов. Если он сможет породить их, прекрасно, если нет — он должен их изобретать. В конце концов, он изобретет буржуазию, чтобы продлить свое существование. Он требует объекта для борьбы так же точно, как человеческим существам для жизни нужны пища, вода и воздух.

Сталин готов к борьбе не на жизнь, а на смерть, он способен на убийство. Патологическая цепь создается. Теперь, а может быть, через год или два, он это совер-

шит. Кто будет жертвой или жертвами, не могу судить. Но раз начавшись, цикл убийств, совершаемых параноиком, продолжается, повторяясь через некоторое время, и так длится до тех пор, пока его не схватят и не изолируют.

Но к кому я могу обратиться с этой проблемой? Опасный душевнобольной не в больничной палате, он у власти. Кто остановит его? Для кого я пишу?»

...Елена закрыла тетрадь, и в комнате воцарилась тишина. Оба молча смотрели друг на друга.

— Бехтерев стал первой жертвой, — проговорила она. — За ним последовали крестьяне.

— Кому, черт возьми, мы об этом расскажем, Елена? — сказал Николс.

— Западу. Ты напишешь книгу, и мы расскажем читателям об этом. Для Сталина имеет значение, что думает о нем Запад. Воистину невероятные усилия прикладываются для одурачивания иностранцев. Им показывают тщательно подготовленные постановки и спектакли. Пороки системы, которые невозможно скрыть, выдаются за происки вредителей и шпионов. Пока Сталин может опираться на одобрение Запада — на всех этих паломников, приезжающих к нам, — он сможет оправдать то, что он делает. Поэтому мы должны рассказать им правду. Пока не накатилась следующая волна.

— Боже милостивый, Елена, кто же следующий?

— Кто угодно, — серьезно ответила она. — Любой...

Берлин, май 1933

Они спустились на Ку-Дамм, великий Белый Путь. Он лежал тихий в утреннем свете. Знаменитые неоновые огни, что освещали небо на километры вокруг, дремали. Кабаре, клубы и рестораны были наглухо закрыты.

— Мы здесь не останемся? — спросил Володя, сидя рядом с Рут в такси.

— Нет, дорогой, — терпеливо ответила она. В кухне осталась бутылка из-под минеральной воды, в ней было с полстакана джина. Она подумала, что могла бы послать Володю за парой *Amerikaners** на завтрак и за сдобными булочками с изюмом. У нее бы осталось время пропустить маленький стаканчик, совсем маленький, просто чтобы успокоить желудок.

— Мы не вернемся в Россию, мама?

— Дорогой, ну сколько можно? Нет и нет. Мы будем жить в Лондоне.

— Тогда почему же мы здесь? — спросил он и ласково улыбнулся матери. — Теперь, раз уж мы здесь, ты могла бы мне рассказать. Ведь не для того, чтобы закрыть квартиру.

Она вспомнила этот страшный скандал. Савинков только пожал плечами и повернулся спиной, поняв, что она одержала окончательную победу.

— Если мы собираемся жить в Лондоне, нам надо иметь деньги, — наконец прямо сказала она. — Иначе нам придется жить в Париже с отцом. Или стать беспризорными. Мы же не можем стать бездомными, не иметь своего угла? Наши деньги здесь, в Берлине, но твой отец боится сходиться за ними, поэтому я собираюсь сделать это сама.

— А еще вечно говорит о штурме Зимнего, — насмешливо заметил Володя.

— Он был там, — улыбнулась она. — Плелся за кем-то.

* *Amerikaner* (нем.) — лепешка или коржик с сахарной или шоколадной глазурью на одной стороне.

Они повернули на улицу Унтер ден Линден. В воздухе чувствовались запах цветущих каштанов и аромат кофе.

— Улица изменилась, — сказал Володя, настороженный, как зверек. Рут немного наклонилась вперед и достала сигарету из сумки.

— Пожалуй, ты прав. Но что заставило тебя это сказать?

— На вокзале, когда мимо проходили коричневорубашечники, люди приветствовали нацистов. Ты ведь такого не ожидала.

Да, люди их приветствовали. Респектабельные граждане в приличных костюмах. Она почувствовала их страх, скрытый за одобрительными улыбками, страх перед этими молодыми парнями, которых они считали подонками, которые долгое время нигде не работали и толкались в партийных бесплатных столовках. Теперь они получили военную форму и пьянящую власть.

— Мама, смотри, их здесь нет, — сказал, оглядываясь по сторонам, Володя.

— Кого?

— Отцовских людей. Коммунистов.

— Нет...

Окна были испачканы розовой и желтой краской. Шестиконечные иудейские звезды — знак изоляции.

— Давай позавтракаем в кафе, — предложила Рут и попросила таксиста остановиться.

— В любом случае, мама, это слишком рано, чтобы пить, — вежливо произнес он, беря сумки.

— Дорогой, к чему это бесполезное умствование? — заметила она и направилась в кафе. Сев за стол на террасе, она заказала кофе, булочки, джем.

— Извини, я должна позвонить Кривицкому, — сказала она, вставая. Пронзившее ее странное чувство *deja vu** заставило ее вновь оглядеться. Потом она осознала: с улиц исчезла *Zivilisation***², *Geist****³, который позволяла себе Веймарская республика.

Не было афиш Жозефины Бейкер, она больше тут не танцевала. «Weltbuhne» не продавался. Еврей Тучольский своим бойким пером больше не возбуждал страсти восточных людей. Заметные, броские люди исчезли, как утерянные племена, как буржуазия с улиц Петрограда...

Когда она вернулась к столу, завтрак уже был подан.

— Его там нет, — сказала она. — Я позвонила туда, где он жил с Мартой и ее дочкой. Девочку зовут Элиза-

* *Deja vu* (франц.) — уже увиденное.

** *Zivilisation* (нем.) — цивилизация.

*** *Geist* (нем.) — дух.

бет. Она взяла трубку. Нацисты арестовали всех коммунистов. Кривицкий был на нелегальном положении и скрывал свою партийную принадлежность, но два человека из новой полиции Геринга, гестапо, пришли и забрали его.

Володя нахмурился.

— Как я хочу уехать куда-нибудь, где никто не приходит и не забирает людей.

— Все это произошло на прошлой неделе, — продолжала Рут. — Марта на следующий день ушла его искать и до сих пор не вернулась. Я сказала Элизабет, чтобы она поспешила сюда.

Она шла по улице, и у нее были глаза, как у затравленного зверька. Володя уже видел такой взгляд. Когда она вошла, он вежливо поднялся и предложил ей стул. Это была десятилетняя девочка в школьном платьице с фартучком. Рут заказала для нее горячий шоколад.

— Дорогая, — сказала она, — твоя тетя Рут знает буквально каждого в Берлине, поэтому я обязательно выясню, где твоя мама, и вызволю ее. Сейчас я должна пойти в банк и получить деньги, а потом, пока я буду разыскивать твою маму, ты пойдешь с Володей и вы присмотрите для нас машину, хорошую подержанную машину. «Мерседес». Элизабет, дорогая, мама говорила, куда собиралась идти?

— На улицу принца Альберта, — прошептала девочка. — Там офис, где была старая авиашкола. Я туда ходила, но снаружи стоит солдат СА, и меня прогнали.

— Сейчас я кое-кому позвоню.

Она оставила их заканчивать завтрак под утренним солнцем, и вошла внутрь, чтобы заплатить за телефон. Когда она вышла, радостно улыбнулась девочке.

— Я нашла кое-кого, кто поможет нам отыскать твою маму. Он через некоторое время приедет сюда, и мы встретимся, — она взглянула на Володю. — Вернер Гофман. Один из чиновников прусского Министерства юстиции. Я хорошо знаю его жену. У нее... дорогие вкусы.

Она вынула деньги из сумки и дала сыну.

— Сейчас возьмите такси и поезжайте за машиной. Встретимся дома. Но вначале, пожалуй, свози Элизабет к «Вертеймеру». Мне кажется, она обрадуется новой кукле. Ты ведь не против, дорогая?

Девочка просияла. Подруга матери, элегантная, могущественная, великолепная, казалась ей какой-то богиней.

Когда дети ушли, Рут пошла по зеленому бульвару к банку. Там ее знали, и она спустилась с неподкупным

служащим вниз и открыла сейф. Много денег, присланных в знак солидарности с русским и международным пролетариатом, было истрачено тем или иным образом, но с выгодой для первого в мире и единственного коммунистического государства. Но кое-какие остатки лежали здесь, словно богатый осадок.

Их отобрали, чтобы было легче перевозить. Пригоршня золотых соверенов, из-за легкости обмена. Золотой портсигар. Небольшая пачка акций. Пачка долларов и фунтов в крупных купюрах. Мешочек из моющейся замши с ограненными бриллиантами. Короткоствольный револьвер «кольт» и коробка с патронами.

Все это спокойно вошло в ее сумку, и она вернулась в кафе и снова устроилась на террасе. Вскоре из подъехавшего такси вышел мужчина и подошел к ней. Он поклонился и поцеловал ей руку.

— Фрау Рут, — пробормотал он.

Она заказала для него пиво и кофе для себя. Ему было за тридцать, и на лице виднелись синевато-багровые шрамы, выдававшие дуэлянта.

— Я была на курорте, Вернер, — небрежно произнесла она. Она играла драгоценным камешком, катая его от пальцев к ладони и обратно.

Грани вспыхивали в солнечных лучах. Он сдержанно наблюдал за ним.

— Кажется, многие люди исчезают.

— Коммунисты, — легко произнес он.

— Иногда попадают и невинные, если много арестов...

— Ты разыскиваешь Марту Ковач, Рут, — пронизательно сказал он. — У нас ее нет. Это хаос. Мы — секретная полиция Геринга, но есть и СА Рема, СС Гиммлера и другие. Они арестовывают людей независимо от нас и сажают их в собственные подвалы и лагерь. Это беспорядок. Наверное, она в СА.

— Но Марта не коммунистка! Я приехала, чтобы взять ее с собой на курорт. Ее арестовали просто по ошибке, — она протянула бриллиант. — Как тебе кажется, он подойдет Ильзе? Ты мог бы оправить его у ювелира, который будет рад оказать услугу секретной полиции.

Она сжала бриллиант в ладони и вытасила пачку банкнот из сумки, осторожно протянув ее под столом.

— Я уверена, что ты вырвешь ее из СА. С соответствующим ордером и несколькими военными следователями.

Он взял деньги.

— Я проверил перед приходом. У нас есть данные на нее, в другом деле. В деле Кривицкого, русского. Мы полагаем, что он из ОГПУ. Твоя подруга жила с ним.

— Что может быть лучшим прикрытием для него, чем сожительство с честной немецкой гражданкой? — воскликнула Рут с притворным возмущением. — Мне нет дела до этого Кривицкого. Только вырвите Марту из рук этих страшных людей!

Рут завершила утро покупкой подержанного «мерседеса» для туристической поездки, выбранного Володей. Элизабет играла с новым тирольским плюшевым мишкой. Они пообедали дома, и девочка кормила с ложки своего медвежонка. Вскоре после обеда зазвонил телефон.

— Я поеду за твоей мамочкой, дорогая, — сообщила она Элизабет после разговора и увидела, как детское личико просияло. Она позвала к двери Володю.

— Если я не вернусь, возьми мою сумку, — тихо сказала она. — Там ценные вещи. Садись на поезд в Париж и поезжай к отцу. Он позаботится о тебе, дорогой мой.

Она села в свой «мерседес» и направилась на улицу принца Альберта. У дверей стоял вооруженный человек из СА — на сей раз это был Вернер Гофман. Он был в черном кожаном пальто, и она машинально подумала, чем привлекает секретную службу кожаная униформа. Он провел ее внутрь, где в самом воздухе ощущалась боль, слышались звуки пилы и молотков.

— Вы хотите остаться надолго, — заметила она. — Теперь, когда оппозиционные партии вне закона, так ли уж вы нужны?

Он повернулся к ней с удивлением.

— Мы здесь для того, чтобы подавлять подрывные тенденции и враждебную деятельность. Они не исчезли. Мы всегда должны быть готовы обнаружить опасные элементы.

— Врагов государства, — мягко сказала она. — Но для чего нужны СА и СС, эти полувоенные формирования? Ведь больше нет никого, кто мог бы сопротивляться.

— Их ценность в том, что они осуществляют террор. Это благотворно, — серьезно ответил он.

Они были на первом этаже. Он остановился у свежеразкрашенной двери и повернулся к ней.

— А-а... где же...

Она вынула бриллиант из кармана.

— Он здесь, Вернер.

Ее голос не дрогнул, она держала себя в руках.

Он взял камешек плавным движением и передал ей пропуск с подписью и печатью.

— Это даст вам возможность выйти из здания. Но было бы лучше, фрау Рут, если бы ты совсем увезла ее из страны.

— Я так и сделаю. Незамедлительно.

Он развернулся и двинулся обратно.

— Ей, возможно, понадобится врач, — сказал он напоследок и, по-видимому, неожиданно устыдившись, поспешил прочь.

Она открыла дверь. Марта тяжело обвисла через стол. На ней была мужская рубаша, рукава голубые, а спина темная от крови.

— Это Рут, Марта, — тихо произнесла она и помогла ей подняться.

Марта смотрела на нее глазами, полными боли.

— Им это нравилось, Рут, — прошептала она. — Когда они сорвали с меня одежду, я подумала, что... Но они не стали это делать. Они драли меня кнутом...

Рут почувствовала, как кожа съежилась у нее на животе. Она перекинула руку Марты себе на плечо через шею, так нежно, как только могла, и они вышли в коридор. У лестницы она оглянулась назад. Кровавые следы ног остались на опилках пола. Какой-то рабочий с банкой краски в руке выглянул из двери. Он придержал ее локтем, и она на миг открылась. За этот миг, пока она была открыта, Рут увидела внутренность комнаты. Там сидели со стаканами в руках Кривицкий и Манфред Лисс. Лисс был в черной униформе, и оба они смеялись!

Марта споткнулась, и Рут поддержала ее. Когда она оглянулась, дверь была уже закрыта. Они спустились по лестнице, вышли, и Рут усадила ее в машину на заднем сиденье. Человек из СА усмехнулся им вдогонку.

Она знала доктора-еврея и поехала прямо к нему домой. Она подождала, пока он забинтовывал страшные рваные раны, разорвавшие кожу Марты от шеи до ягодиц, и после того как он дал ей пузырек с лекарством для облегчения боли и Марта выпила немного, они устроили ее на заднее сиденье.

— Я увезу ее из страны, — сказала Рут. — Вам бы тоже лучше уехать. Здесь вас не ждет ничего хорошего.

— Просто очередной погром, — флегматично произнес доктор. — Мы, евреи, привыкли к этому.

Она поехала домой. Под воздействием обезболивающего лекарства Марта погрузилась в глубокий сон. У двойных стеклянных дверей с латунными ручками парадного она увидела Кривицкого. Он увидел выходящую из машины Рут и направился к ней. Заглянув внутрь, он увидел спавшую Марту.

— Спасибо, что вызволила ее, — просто сказал он. — Нам следует срочно покинуть страну.

— Я уезжаю в Швейцарию. С Мартой и детьми.

— Я могу войти?

— Как ты освободился, Лев? — как бы между прочим спросила она.

— Мне удалось убедить их, что произошла ошибка при опознании личности.

Он стоял на тротуаре без всяких следов истязаний.

— Когда я уводила Марту с улицы принца Альберта, какой-то рабочий открыл дверь, и я видела тебя. Ты беседовал с Манфредом Лиссом.

Страх мелькнул в глазах за стеклами очков.

— Именно так мне и удалось освободиться, — быстро произнес он. — Я знаю его.

— Я тоже знаю его. Я знаю каждого, у кого есть влияние.

— Рут! Не имеет значения, за какие нити я потянул. Но люди в Москве. Они не должны знать, — испуганно умолял он. — Опасно даже просто жить за границей. Тебя проверяют, не заразился ли ты зарубежными идеями, каждый раз, когда ты возвращаешься. Если бы они узнали, что я был арестован...

Он показал внутрь машины.

— Если Марта и Элизабет поедут со мной... Если в Москве узнают, что с нами случилось, нас всех расстреляют.

Рут отвернулась с внезапно возникшим отвращением.

— Неужели ты хочешь к этому вернуться? Я собираюсь любой ценой уехать в Лондон. Тебе бы следовало сделать то же. Поезжай с нами.

Они поехали к югу. Теплый ветерок дул сквозь открытые окна. Они остановились, чтобы закусить Schinken* с горячим хлебом и маслом. Рут наполнила свою флягу кофе и потягивала его, когда вела машину ночью, пока другие спали.

В Ульме они пересекли на рассвете Дунай. В утренних лучах они пили кофе, ели булочки на берегу Баденского озера, и Рут вела переговоры, чтобы нанять парусную шлюпку. Она демонстративно оставила свой «мерседес». У них не было никакого багажа, это была увеселительная лодочная прогулка.

Долгие часы сна оживили Марту, и она смогла взойти на шлюпку без посторонней помощи и села у кормы. Остальные тоже взобрались, и хозяин оттолкнул их багром. Его скептицизм начал исчезать, когда он увидел, как Рут перекладывает румпель и одновременно легко управляется со шкотом, как хорошая наездница с вожжами.

* Schinken (нем.) — окорок, ветчина.

— Где ты выучилась этому? — нервно пробурчал Кривицкий, когда первые беспокойные волны ударились о борт.

— У моих родителей было поместье. Там было судоходное озеро, и у нас были небольшие парусные лодки. Мы устраивали соревнования, и это было так весело...

Ветер надул паруса, когда они вышли на водный простор и земля их уже не прикрывала. Пена с шипением билась о нос.

— Было бы лучше для каждого, если бы мы все управляли лодками, — сказала она. — Володя! Фок!

За сверкающей водой лежала Швейцария.

— Я смогу выпить там пива, — сказала она задумчиво, ни к кому не обращаясь.

Нью-Йорк

Они стояли, очень вежливые и терпеливые, родители и сын, на сквозняке в большом зале. Оттуда, откуда они явились, доносились гниловатые запахи доков и самоуверенные вопли чаек. Иммиграционный служащий медленно просматривал их бумаги, его челюсти равномерно двигались. Когда он закончил, то в замешательстве поднял на них глаза.

— Что ты будешь здесь делать, приятель?

— Бумаги в порядке? — беспокойно спросил Валериан.

— Да, да. Все в порядке. Но позвольте мне понять. Вы покинули Россию в прошлом году и проделали путь через Европу в Англию. У вас там были друзья, вы получили работу, накопили деньги, пока оформляли иммиграционные документы для въезда в США. И теперь вы здесь.

— Все правильно, сэр, — подтвердил Валериан, не понимая, к чему он клонит.

Американец удивленно развел руками.

— Почему сюда? Вы оставили Россию для этого? У нас здесь наихудшие времена, которые кто-либо видел. Депрессия. Мой шурин без работы, а он опытный слесарь. Он видел объявление, призывающее ехать на работу в Россию, и я посоветовал ему рискнуть. Вы здесь никогда не получите работу. Если требуются шесть тысяч человек, откликаются сто тысяч. Россия, должно быть, замечательное место, раз люди там такое делают. Новый мир. А вы приехали сюда?..

Задумчивая складка пролегла на лбу у иммиграционного служащего.

— Скажите... подождите минутку.

Он быстро пролистнул бумаги.

— Этот Джон Николс, который обеспечивает ваше проживание здесь, он писатель? Вы знали его в Москве?

— Да, сэр.

— Ну, он наверняка ничего не понял. Он написал книгу, целиком о России, и рассказал в ней об отвратительных вещах, которые там творятся. Но все это оказалось ложью. Знаете, что он совершил в России? Он совершил там мошенничество, хищение и изнасилование. И теперь власти требуют его выдачи.

Валериан почти физически почувствовал тревогу, охватившую Надю.

— Но это, конечно, не лишает документы законной силы? — со страхом спросил он. С того места, где он стоял, он видел Исаака Ганзберга по ту сторону барьера. На нем было новое теплое шерстяное пальто, а его лицо приобрело розовый цвет. Человек с ним рядом был, должно быть, одним из братьев Готтлибов. По другую сторону барьера была еда и теплая одежда.

— Я полагаю, что нет... он не подлежит ответственности по закону США. Пока нет, во всяком случае. Ладно, приятель, проходи.

— Благодарю вас, сэр.

Валериан наклонился и поднял чемодан.

— Куда вы направляетесь?

— В Калифорнию, сэр. В Голливуд.

— В Голливуд? Вы хотите заняться фильмами?

— Да, сэр. Мы с женой иллюзионисты. Мы создаем фантазию.

Лондон

— Готов или нет, я иду.

Спрятавшись в огромном шкафу, Володя улыбнулся сам себе. Все вокруг было смесью запахов — как старых, так и новых. Запах Берлина, исходивший от висевшей на плечиках одежды матери. Новый запах Лондона от самого шкафа, от ковров, занавесок, туманного воздуха на улице.

— Спишь или нет, вот я иду...

Он хихикнул.

— Спишь или нет, вот я иду...

Он слышал голос матери совсем близко, слышал скрип половиц.

— Нет, не здесь...

Скрипнула дверь.

— Спишь или нет, вот я иду...

Снова скрип двери.

— Нет, не здесь.

Он слышал ее мягкие шаги, смех в ее голосе.

— Спишь или нет, вот я иду...

Дверь шкафа распахнулась, и он выскочил.

— О-о!

Они разразились смехом.

— Замечательное место для игры в прятки, правда? — спросила она. Они опять пошли осматривать квартиру. Через окна они видели блестящие черные автомобили такси, красные omnibusы, легковые машины и грузовики. Все они спешили по делам на Найтсбридж.

— Тебе нравится? — спросила она.

— Это грандиозно, — с энтузиазмом ответил он. — Ты помнишь Джеймса из посольства в Берлине? Он живет буквально за углом. У меня порядочно друзей в Лондоне.

— Я подумала, что нам бы следовало сходить завтра в школу, познакомиться с окрестностями. Это недалеко, около Виндзора.

— Хорошо. Мы ведь купим машину, мама? Как насчет «ровера»?

Рут стала переставлять посуду в буфете, а Володя занялся распаковыванием модели планера из большой коробки из-под чая.

— Знаешь, мама, ты мой самый лучший друг, — сказал он неожиданно.

Рут была по-настоящему тронута.

— Мне так приятно, что ты это говоришь. Почему ты так думаешь?

— Просто ты такая есть. Ты никогда не против сделать мне что-нибудь хорошее, поиграть в прятки или пойти на рыбалку... У папы никогда нет времени. Он вместо этого дает мне деньги.

— О, ну, твой папа любит играть в совсем другие игры, дорогой.

— Я знаю, — произнес он, неловко усмехнувшись. — Я видел иногда по утрам его девушек. Каждый раз другая... А ты не хотела бы иметь друга? Я не был бы против, честное слово.

— Я, дорогой? — засмеялась Рут. — Нет, я не хочу иметь друга.

— Но ты красивая.

— Это заставляет их желать меня, дорогой. Я не хочу их. Я предпочитаю играть в прятки.

— Ты любишь играть в разные игры. Почему?

— Так хорошо быть ребенком, — тихо произнесла она. — Лучше, чем... если у тебя были...

Он увидел, что ее глаза вдруг наполнились слезами. Она отвернулась, вытирая их рукой.

— Послушай, знаешь, что мы забыли? — сказала она приглушенным голосом. — Квартира сухая, как Сахара. Я сбегаю в магазинчик, принесу что-нибудь. Ты хочешь пива, дорогой?

— Я пойду с тобой, — быстро ответил он, и она улыbnулась и шмыгнула носом.

— Ты не веришь своей маме?

— Конечно, верю, — великодушно сказал он. — Я просто хочу пойти с тобой.

— Я вот что скажу. Мы спустимся вниз и купим джина и несколько бутылок пива. Мы капельку выпьем, пока будем собираться, а потом пойдем искать ресторан. Что ты скажешь?

— О, да! Я закажу английский бифштекс?

Она взъерошила ему волосы.

— Ты закажешь английский бифштекс. А завтра мы возьмем с собой планер, найдем какой-нибудь холм и запустим его. Знаешь, у нас с Еленой были планеры. Их делал для нас Петр Садовский. Бьюсь об заклад, что смогу удержать его в воздухе дольше, чем ты.

— Какая модель планера? — спросил он.

— О, у меня был «Ньюпорт», а у Елены «Сонвиз Кемел».

— Это не планеры! — воскликнул он. — Это истребители, у них есть мотор.

— Они летали, так? Значит, планировали.

Они спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Честно, мама...

Париж, июнь 1937

Савинков снял куртку, кинул ее на спинку стула. Она соскользнула и упала на пол. Пригоршня маленьких красно-золотых значков, сверкающих, как леденцы, рассыпалась по половицам. Он опустился в кресло и расслабил пылающе-алый шарф на шее, а две юные девушки начали снимать друг с дружки белые блузки. Они не сняли свои алые шарфы, символ их веры.

...Его пылающий шарф притягивал взгляд. Золото на его запястье и пальцах вспыхивало на кровавом фоне в лучах прожектора. Они сидели внизу — море побледневших лиц и вождедеющих глаз, — прикованные восторгом

к своему идолу, как кролики, не в силах противиться человеку нового мира...

Руки девушек ласкали груди друг другу, они целовались розовыми губками, их язычки источали желание. В Новом мире не было табу, так он им сказал.

...В сущности, все, пришедшие в зал, жаждали быть соблазненными. В Новом мире не было запретов, не было невозможного, только совершенный человек и будущее. Рождались новые, незнакомые и чудесные формы демократии. Иисус Христос снова пришел в мир и обновил его. Все стало возможным для нового человека.

Декан* Кентерберийский тоже был на этой встрече с учеными, философами, художниками и писателями, врачами и юристами. И он высказал ему все это, когда шел вместе с ними по окончании встречи, и его грудь тоже была украшена красно-золотым значком, символом солидарности...

Девушки извивались, их руки не справлялись с крючками юбок. Наконец одежды распластались на полу, алые шарфы струились по обнаженным плечам, желание томил юные тела. Это не было частью утопии, как он им сказал.

Они стояли обнаженные на обломках старого порядка, на руинах либерального мира. На востоке, словно солнце, сиял Новый мир. Но между вожделевыми Нового мира и Новым миром была темнота, страшная долина, полная чудовищ. Там были звери, которые жаждали разрушить небеса земли. Там были нацисты, ведомые самим Антихристом.

Савинков ценил власть усиления, удивительную дьявольскую магию прожекторов и софитов. Как и Гитлер, он понимал ценность *son et lumiere*** . Он тоже верил в постановку и эффект. Как профессионал, он восхищался немецкой демагогией. Как и Гитлер, он понимал, что массы вступают в партию по своей воле, которую подчиняют вождю, своему пророку, а он ее принимает, связывает со своей, которая усиливается и делается непреодолимой.

Они всегда тяжело дышали на встречах. Руки невольно поднимались, словно обращались к небесам. Глаза блестели. Они были возбуждены, они отбросили старые философские одеяния и помогали друг другу одеть новые, которые он им дал...

Девушки упали на него, стаскивая с него одежду, их

* Декан — титул старшего после епископа духовного лица в католической и англиканской церкви.

** *Son et lumiere* — (франц.) — звук и освещение.

рты и пальцы хватали и ласкали его, их волосы и груди колыхались.

Их поддерживала музыка. Вагнер — Гитлера, Рахманинов — Новый мир. Весь оркестр поднялся в мощном крещендо, и они тоже поднялись, их бледные лица вспыхнули, взмокли от желания.

Одна из девушек растянулась на диване, раскинув ноги. Другая встала на колени между ними. Савинков натягивал одежду, наблюдая за ними. Они были такими же, как и люди в толпе, его слова соблазняли их, ласкали, возбуждали их души, от которых они отказались, будто рабы. Девушка в экстазе выгнулась дугой, алый шарф стек с ее тела, словно кровь, и он вышел. Зал был пуст, грехопадение свершилось.

На бульваре он остановился у кафе «Chat Noir»* и выпил на теплом вечернем воздухе крепкого бледно-золотого пива в высоком бокале. Красные такси «рено» стрелой проносились среди степенных «пежо» и traction avants**, мчащихся, как жужжащие стрекозы. Когда пот высох на нем, он закурил сигарету со смесью нескольких сортов табака, наслаждаясь терпким смоляным дымом, и пошел домой.

Из своей квартиры на верхнем этаже он мог видеть крыши домов до самой Сены. Солнце скрылось за дальними облаками, превратив их в поток крови, в алый шарф. Он вспомнил девушек, людей из толпы и усмехнулся.

Сейчас он был голоден. Он не мог есть до выступления, а теперь в нем проснулся волчий аппетит. Когда он давал представления, у него всегда под рукой имелась femme*** для того, чтобы сходить за едой в ресторан внизу на улице. Возбуждение столь многих людей своей волей истощало его, и он любил обедать один.

В столовой уже был накрыт стол. Половина homard**** — его красная клешня уже разломана, — лежала на тарелке с хрустящим зеленым салатом, политая змейкой яично-желтого майонеза. Холодный ростбиф, недожаренный, на английский манер, обложенный ломтиками картошки с пятнышками чеснока, блестел маслом. Свежий салат. Спаржа. Горшочек с топленым маслом. Кусок пирога с малиной. Сверкающие дольки фруктов, уложенные на сладком заварном креме, и слоеное пирожное. Небольшой набор сыров.

* Chat noir — (франц.) — черная кошка.

** Traction avant (франц.) — автомашина с передним приводом.

*** Femme (франц.) — женщина.

**** Homard (франц.) — омар.

Он задержался у книжной полки и взял томик «Одиссеи» на греческом, почитать за обедом. Он поднес к губам бокал вина, но тут зазвонил звонок.

Он нахмурился, затем пожал плечами и, поставив бокал, вышел в широкую прихожую к высоким позолоченным дверям. Его туфли стучали по узорчатым изразцам. Он открыл дверь. Снаружи стоял маленький человек. Он улыбался, засунув руки в карманы, как школьник.

— Привет, Сергей, — весело произнес он. — Я надеялся застать тебя.

Жизнь — Савинков это понимал — была зоной войны. Не имело значения, лежал ли ты в пуховой постели во дворце или на соломенном тюфяке в протекающей лачуге. Революционеры могли поднять в дорогу или люди короля постучать в твою дверь в любое время. Нет никакой пользы, если тебя вздернули на твоём дубе или заставили лезть под артобстрел, жаловаться, что ты этого не ожидал. Поэтому Савинков широко улыбнулся в хорошо выказанном восторге.

— Егор! Как чудесно! А я как раз собирался обедать в одиночестве. Ты как нельзя вовремя.

Рыков улыбнулся и переступил через порог.

— Я немного голоден, — признался он. — Не возражаешь, если я поем?

Он по-прежнему был похож на подростка, его густые коричневые волосы спадали впереди на лоб, и Савинков с тревогой отметил, что он, пожалуй, знал расположение квартиры. Он вошел в столовую и встал, разглядывая в восхищении накрытый стол.

— Банкет. Ты, должно быть, знал, что я приду, — неожиданно он повернулся лицом к Савинкову. — Но вначале...

Его рука опустилась в карман, и Савинков почувствовал, что его гостеприимная улыбка спадает с лица.

Рыков дьявольски рассмеялся, с юмором палача. Он панибратски хлопнул Савинкова по руке.

— Нет, нет, — хохотнул он. — Я кое-что для тебя привез. Что-то замечательное.

Рыков вынул красивую красную коробочку и открыл ее. Внутри лежала блестящая золотая медаль.

— Хозяин доволен тобой, — сказал он. — По-настоящему доволен. Теперь постой немного.

Он осторожно приколол Орден Ленина на савинковский пиджак из прекрасной светлой шерстяной ткани. Затем вынул из внутреннего кармана своего серого костюма небольшую книжечку.

— Видишь? — сказал он. — Подписано самим генсеком, за выдающиеся услуги партии.

Он придвинул стул и сел на стол.

— Теперь о деле, — сказал он, — то, для чего я приехал, чтобы обсудить с тобой. Он — хозяин, — хочет дать тебе новую работу. Садись сюда. Давай чего-нибудь пожем, пока говорим. У тебя есть стакан для себя?

Рыков хлебнул из полного савинковского бокала и пододвинул к себе тарелку с ростбифом.

— Этот лягушачий народец, французишки, знают, как следить за собой, не правда ли? Приходится привыкать к разному хламу там, куда приезжаешь.

Савинков наполнил другой стакан. Красное вино расплескалось на скатерти. Руки начали трястись.

— Куда?

Он сдерживал голос, как только мог.

Рыков взял руками и положил в рот кусок нежного недожаренного мяса.

— Испания, — неразборчиво проговорил он, жуя мясо. — Мы поддерживаем республиканцев. Разразилась гражданская война, и для нас там много дела. Для начала — их золотые запасы. Но более того. Мы будем там, как говорят американцы, людьми в белых шляпах*. Знаешь, как в американских фильмах. Как их зовут?

Савинков вилочкой положил кусочек омара себе в рот. Он оказался сухим, как бисквит.

— Хорошие парни.

— Ну, да. Мы будем хорошими парнями. Мы хотим, чтобы все твои придурки подались туда. Знаешь, все эти писатели, поэты, все эти умники. Мы создаем Интернациональную бригаду. Подумай, какие у тебя могут возникнуть трудности?

— Для Дела? — рот Савинкова цинично скривился вопреки его воле. — Нет, никаких затруднений... Это великолепно... шикарно, волнующе... заставить их близко услышать сражение, почувствовать его запах, держать их там столь долго, чтобы они ощутили настоящее томление, когда вернутся в отель, и они разразятся прозой о смертельном оргазме окопов, прежде чем ты скажешь: «Коммунистический Интернационал». Твои интеллектуалы будут ползать по битому стеклу ради хорошего Дела.

Савинков выдержал паузу.

— Ты хочешь, чтобы я туда поехал прямо отсюда?

— Вначале надо вернуться в Москву, — небрежно бросил Рыков и положил ложку картошки в крот. Хозяин сам хочет проинструктировать тебя. Мы можем выехать утром.

— Прекрасно, — также небрежно произнес Савинков.

* Белая шляпа — хороший парень, герой вестернов.

Он выпил большой глоток вина, чтобы омар наконец прошел через глотку.

— Ты простишь мне минутную задержку? Твой визит застал меня, когда я собирался принять ванну.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Рыков. — Ты покончил с этим омаром?

— Да. Угощайся сам.

Савинков прошел по коридору в ванную комнату и запер дверь. Его внутренности были переполнены жидкостью, и он стянул брюки. Он дернул за цепочку и, когда вода заурчала из высокого бачка, воспользовался шумом, чтобы открыть окно. Затем он вылез наружу и побежал по свинцово-серой крыше. Где-то под собой он услышал треск выламываемой Рыковым двери.

Он забрался на ребро крыши и бросился вперед сломя голову. Когда он поднимался, увидел, что Рыков вылезает из окна, улыбаясь, как горноста́й. Там, в нише, была дверца, похожая на корабельную сирену. Он вломился в нее, его потные пальцы скользнули по ключу замка. Он ощутил его щелчок, когда Рыков хлопнул по филенке. Сбегая вниз по лестнице, он услышал смех Рыкова.

Он спускался вниз по общей лестнице, торопливо ступая по мягкому ковру, вокруг центрального проема, и наконец вырвался через инкрустированные стеклянные двери на улицу. Мимо проезжало такси. Он закричал ему, и водитель остановился у тротуара.

— Площадь Плас де ля Мадлен, — выдохнул он.

Водитель странно посмотрел на него, и он заставил себя робко улыбнуться.

— Ее муж вернулся, — сказал он, и водитель хохотнул.

— Bien,* — хмыкнул он и, влившись в поток машин, начал длинный рассказ об одной из своих собственных amours**, которая пошла наперекосяк. Савинков посмотрел назад, но увидел только водоворот уличного движения на бульваре.

К тому времени когда они подъехали к изящной площади, дыхание уже пришло в норму, хотя сердце все еще колотилось. Он заплатил таксисту и проскользнул в двери элегантного, канареечного цвета здания. Швейцар знал его и поздоровался, а затем вызвал для него лифт.

На третьем этаже дверь уже была открыта, и дворецкий ждал его. Он удивленно смотрел на Савинкова.

— Леди Уэбб в рабочем кабинете, сэр, — доложил он, и Савинков вошел.

* Bien (франц.) — хорошо.

** Amour (франц.) — любовная страсть.

Беатрис Уэбб сидела за голым письменным столом, делая заметки в книге авторучкой. Она тревожно уставилась на него сквозь пенсне, когда он вошел.

— Товарищ Савинков! Что привело вас сюда в таком виде?

Савинков придал своему голосу *bonhomie**.

— Прошу прощения, что побеспокоил вас, я не был уверен, что вы еще здесь.

— Мы поедem в Лондон только завтра.

— Прекрасно. Я хотел бы знать, не найдется ли в вашей машине место и для меня? У вас ведь «ролс»?

— Конечно. Но это несколько неожиданно. Вы об этом раньше не говорили...

— Это из-за жены. Мне необходимо срочно увидеть ее.

Беатрис Уэбб нахмурилась.

— Товарищ Савинков, вы потеряли туфлю? И у вас на руках и на лице кровь. Почему?

Савинков уставился на нее, его разум временно помутился.

— Ограбление, — сказал он. — Кто-то пытался ограбить меня на улице.

Холодный огонек вспыхнул в ее глазах.

— По моим сведениям, вы разошлись со своей женой, и у вас холодные отношения. От вас сильно несет вином, у вас течет кровь, и вы в беспорядке. У вас на груди орден Ленина, а вы рассказываете какие-то небывалые истории и хотите, чтобы мы взяли вас в Лондон. Скажите, вы пьяны? Вы совершили какое-то преступление, сошли с ума, или же и то и другое и что-нибудь третье? Доложите мне, пожалуйста.

Савинков сел на подлокотник кресла.

— Ну что ж, хорошо, — спокойно сказал он, — я расскажу. Я находился в своей квартире, когда пришел человек, чтобы убить меня.

— Грабитель? Наемный убийца? — ее голос звучал скептически.

— О, да, он наемный убийца... Но он не собирался убить меня сейчас. Он должен был отвезти меня в другое место, где бы это совершилось.

— И вы сбежали, как сделал бы любой другой. Очень хорошо. Но это не объясняет ни вашего присутствия здесь, а не в полиции, ни вашего желания уехать в Лондон, ни вашего ордена Ленина.

— Именно он дал мне орден Ленина, чтобы я ни о чем не догадался и вернулся в Москву. Его фамилия Рыков, он из тварей генсека.

* *Bonhomie* (франц.) — простодушие.

Она чуть подняла бровь.

— Генсека?

— Генерального секретаря Сталина. Он сказал, что меня пошлют руководить пропагандистской группой в Испании. Но меня никуда не пошлют. Меня привлекут к суду вместе с другими и расстреляют.

— Расстрел? Суд? Вы, должно быть, пьяны. Или сошли с ума. Если вы нужны партии в Москве, значит, вы должны ехать. Теперь идите.

Савинков отрицательно потряс головой.

— Я бы хотел уехать в Лондон. С вами. Пожалуйста.

— Ради всего святого, зачем?

— Для безопасности, — тихо сказал он. — В Англии правительство не является по ночам убивать своих граждан. Там существуют законы. Вас защищает полиция, и полицейские не приходят, чтобы вас убить. Рыков — сотрудник НКВД, он чекист.

— Какой невероятный вздор! Британия самая реакционная страна в мире. О, если бы у нас было такое правосудие, как у вас, в вашей смелой, новой стране! Как я жажду наступления этого дня!

— Это вы мне говорите? — раздраженно прошипел Савинков. — Мы можем быть честны друг с другом, мы делаем одно дело.

Ее лицо застыло.

— Какое это дело, мистер Савинков?

— Мы ответственные, — он махнул рукой. — Все они, глупцы, они хотят верить. Они хотят быть оболваненными. Они хотят, чтобы им рассказывали о Новом мире, который создается, что старые нормы больше не годятся и что мы создаем новые. Вы можете заставить их делать все, что угодно. Они подчиняют свою волю вашей.

Он потрянул головой.

— Есть девушки, которых я могу убедить сделать что угодно во имя партии. Они просто такие же, как все остальные. Вы можете поставить их перед московскими трущобами и говорить им, что это восхитительное здание Нового мира, и они закатят глаза от восторга. Кровь будет сочиться из-под фасада, а они решат, что это фруктовый сок.

Он с напряжением смотрел на нее.

— Они думают, что я некий ангел, — произнес он отчетливо. — Они думают, что я спустился с небес со словом Божьим, и я получаю все, что хочу. Они только не понимают, что не Бог, а Сатана за это в ответе. Рыков пришел убить меня, и я пытаюсь сбежать. Я знаю, как это делается. Я знаю, что происходит. И я слишком люб-

лю жизнь, чтобы не попытаться скрыться. Я не гордый. Я лжец. Я врал, я жил во лжи так долго, что у меня не осталось гордости. Я просто хочу жить.

Его глаза смотрели в прошлое.

— Я не всегда был таким, — спокойно сказал он. — Знаете, когда-то я действительно верил, что существуют такие вещи, как научные законы истории.

Беатрис Уэбб безмолвно разглядывала его с выражением остоленения на лице.

— Не смотрите так на меня! — он провел рукой по лицу и глянул на кровь, измазавшую ему руку. — Вы такие же. Вы живете, как короли. Вы — высшее духовенство тоталитаризма. У вас есть благосостояние, автомобили «роллс-ройс», прекрасные дома. Вы пишете всякую дрянь для таких дураков, какие слушают меня. Единственное различие в том, что ваше правительство производит вашего мужа в лорды, а мое приходит убить меня.

Послышался скрип открываемой двери, и появилось лицо Сиднея, барона Пассфильда, который неловко встал возле двери.

— А-а, товарищ Савинков, — нервно произнес он. — Так вы здесь.

— Он здесь, — слабо произнесла его жена, махнув рукой.

— А-а. Хм. Товарищ Савинков, я, э-э...

Дверь широко распахнулась, и за спиной Сиднея Уэбба оказалось три человека. Двое были высокими, а третий — маленький. Все были одеты в белые медицинские халаты.

— Доктор Рыков хочет...

— Нет! — взвизгнул Савинков. Он подбежал к окну, но, когда он срывал вниз язычок шпингалета, два больших человека схватили его. Они легко преодолели его сопротивление, свалив его вниз, и Рыков вколол ему в руку иглу. Борьба прекратилась. Он неподвижно лежал на абиссинском ковре с открытым ртом и закрытыми глазами. Кровь стекала по его лицу. Рыков встал, убрав шприц в карман.

— Я очень сожалею, что вам причинили столько беспокойства, лорд и леди Уэбб, — вежливо сказал он. Он указал вниз на Савинкова. Двое больших мужчин принесли матерчатые носилки с ручками и привязали его к ним ремнем.

— Это очень трагический случай. Замечательный и неутомимый работник ради общего Дела охвачен душевной болезнью. Полное разрушение личности. Он слишком много работал.

— Он говорил такие вещи... совершенно безумные. Ужасные вещи.

Облегчение растеклось по ее лицу.

— О, это замечательно. У вас самые лучшие в мире дома для душевнобольных.

— Да, — согласился Рыков.

Они унесли Савинкова, Рыков коротко поклонился и последовал за ними. Уэббы стояли у окна, наблюдая, как санитары поднимают носилки в белую карету скорой помощи, как она отъезжает.

— Бедняга! Полное помутнение рассудка. О, уж если кто и может его вылечить, так это советская медицина. Он на самом деле думал, что они пришли за ним, чтобы увезти в Россию, привлечь к суду и расстрелять. Классическая мания преследования.

Сидней Уэбб смотрел в окно, пока карета скорой помощи не затерялась в уличном движении.

— А если, скажем, его привлекут. Когда доставят в Россию. Я имею в виду — привлекут к суду. Мы же знаем, что там проходят судебные процессы.

— Над вредителями и саботажниками, эксплуататорами народных масс.

— Да.

— Ну что ж, тогда, значит, он один из них. Их система правосудия непогрешима. Если его будут судить, значит, он преступник, предатель.

Она повернулась, уселась за стол и возобновила свою работу.

Виндзор, Англия, июль 1937

Полевые цветы делали вид за окном похожим на великолепный индийский ковер. Шины ее «морриса» катились по загородной дороге, и запах лугов проник в машину. Когда она подъезжала к городу, несколько более солидных машин обогнали ее по параллельной дороге, увозя одетых в формы румяных и веселых школьников.

Она направилась к разбросанным в продуманном беспорядке зданиям старинной постройки и припарковала свой ярконосый «седан» среди блестящего собрания «роллсов», «хамберов» и «ланчестеров», наполненных дорожными сундуками, коробками сладостей, битами для крикета и мальчиками-школьниками. Она вышла и двинулась через двор. С другого конца двора бежал мальчик с моделью парусника в руках.

— Приветствую вас, юный лорд, — весело сказала она. Пара спокойных глаз взглянула на нее из-за оснастки.

— Доброе утро, леди.

Юный хозяин этого замечательного места взбежал на ступеньку.

— Сэр, сэр! — обратился он к заведующему пансиона, стоявшему наверху в сияющей белизной накрахмаленной манишке и галстукe, по-летнему свободно завязанном бантом.

— Сэр, приехала мать Володи.

Мистер Робертс оторвал взгляд от дальнего конца двора и пошел по ступеням ей навстречу. Казалось, он был обеспокоен, и она внезапно почувствовала тревогу.

— Что-то случилось, мистер Робертс? — взволнованно спросила она. — Где Владимир?

— Он уехал к отцу, леди. Два дня назад он получил от него письмо, в котором отец просил его приехать в Париж пораньше, потому что они должны вместе отправиться в путешествие. Владимир показал мне письмо и сказал, что каникулы он должен был провести с отцом. Я знаю почерк вашего мужа, он регулярно писал Владимиру. У меня не было оснований сомневаться, и я решил ему уехать. Он сказал мне, что он сообщит вам о своих планах.

— Да, да, — воскликнула она, страдая от непонимания.

— Мистер Мелкастер нашел на столе в комнате Владимира письмо, оставленное для вас.

Он протянул ей жесткий белый конверт, подписанный почерком сына.

Она открыла письмо.

«Дорогая мама,

я получил письмо от папы, в котором он просит меня приехать в Париж к нему. По причинам, которые я изложу ниже, я не поверил этому письму, хотя оно написано им. Поэтому я отправился в город и заказал междугородный телефонный разговор с его офисом в Париже. К телефону подошел человек, которого я не знаю, он мне сообщил, что папа должен был срочно уехать, но он оставил мне деньги и билет, чтобы я ехал за ним. Я спросил, не в Москву ли он уехал, и, немного замаявшись, этот человек сказал, что да. Затем он спросил, приеду ли я за билетом, и я ответил, что приеду».

Стоя в залитом солнцем дворе, в котором двигались, готовясь к отъезду, мальчики, шоферы и родители, похолодевшая Рут сжала зубами сустав пальца, чтобы не разрыдаться. Мистер Робертс с тревогой смотрел на нее.

«Помнишь, мама, те десять дней в Париже, которые я провел с папой в прошлую Пасху? В тот день ты заехала за мной, и мы отправились кататься на лыжах. И вот в тот вечер у папы был посетитель, и они допоздна просидели разговаривая. К моему стыду, я должен признаться — мистер Робертс этого не одобрил бы, — что я подслушивал (мистер Робертс не понимает, как трудно выжить там, откуда мы приехали. Он живет в другом мире).

Папиного гостя звали Виктором. Он офицер ОГПУ и работал в Наркомате иностранных дел. Он говорил папе, что получил вызов в Москву. Это означает, сказал он, смертный приговор, потому что все оперативники, которые были отозваны, были расстреляны. Это ежовщина. Он бросил все и пытался выехать в США со своей женой и дочерью. Вот почему ему нужна была папина помощь. Что испугало его больше всего, говорил он, это то, что они послали людей, чтобы похитить его семью и вынудить его сдать.

Утром этот человек ушел, и я не знаю, что с ним было дальше. Но я думаю, что мне надо возвращаться в Москву. Я думаю, что они устроят суд над папой и что они хотят, чтобы я (с Розой у них не будет проблем), публично отрекся от него. Они почему-то жаждут, чтобы дети отрекались от своих родителей.

Я выживу, мама. Тебе было бы труднее. Ты знаешь, что я прав, потому что все это время мы были вместе и обо всем переговорили. Оставайся в Англии с хорошими людьми, и я все равно вернусь к тебе. Я обещаю.

Твой любящий сын
Владимир».

Оцепеневшая Рут застыла на летнем солнце, и слезы беззвучно катились по ее щекам. Мистер Робертс стоял с нею рядом, чувствуя, что что-то темное и страшное пришло в старинный двор, пока мать лучшего друга ее сына не подошла и, обняв ее за плечи, не увела в дом.

Переделкино, июнь 1938

Петр Павлович Садовский, Никита Сергеевич Хрущев и Андрей Януарьевич Вышинский смотрели на гребень горы. Это было странное трио: промышленник, партийный босс и Генеральный прокурор. Они наблюдали за приближающимся поездом. Крестьянин Хрущев и интеллектуал Вышинский, потомок польских дворян, смотрели на разворачивающееся действие с одинаковым детским наслаждением. Садовский, который знал, что должно произойти, умело управлял рычагами.

Они находились в огромной комнате, занимавшей половину верхнего этажа дачи Садовского. Москва находилась отсюда всего в каких-то тридцати километрах к востоку, а вокруг был лес из лиственниц и берез. Здесь расположился дачный поселок людей с весом и властью.

Это был бронепоезд. Он гордо нес пушки, вагоны с боеприпасами, спальный вагон и платформу, на которой разместился лимузин «роллс-ройс».

— Казань, Волга, — тоном экскурсовода сказал Садовский. — Восемнадцатый год. Ярость гражданской войны. Повсюду доблестные силы большевиков вынуждены отступать под натиском превосходящих в сто крат по численности империалистов и их белых прислужников.

Если бы Садовский взглянул на Вышинского, то увидел бы в его глазах мгновенную вспышку. В восемнадцатом Вышинский был меньшевиком, а идеологическая чистота была подобна девственности. Но щекотливый момент прошел, и теперь он, улыбаясь, склонился к поезду. В своем тугом белом воротничке, аккуратном галстуке и прекрасно сшитом синем костюме, он благожелательно смотрел на мир, как биржевой маклер в своем доме на своих играющих детей.

— Казань. Последний важный город на восточном берегу. Белые захватили золотые и платиновые запасы империи. Теперь только открытая равнина отделяет их от Москвы. Все завоевания большевиков в этот момент висят на волоске. Ленин посылает самозванного Наркома по военным делам Льва Троцкого спасти положение.

Теперь вспышка мелькает в глазах Хрущева, который присел на корточки, упер руки в колени и следит за разворачивающейся драмой. Он был на гражданской войне, и вспышка в его глазах была благодушной. Отличный обед, вина и особенно эта сливовица веселили его желудок. Садовский был учтив, и теперь еще это интересное развлечение.

Поезд остановился на одном из путей диорамы у небольшого домика на берегу реки. Задний борт платформы откинулся, и «роллс-ройс» съехал. С заднего сиденья поднялась маленькая фигурка с черными волосами и в кожаном пальто. Крохотное пенсне с круглыми стеклами блестело на носу.

— Троцкий, — произнес Садовский голосом, полным презрения. — Прибыл спасать положение.

Со стороны города маленькие клубы дыма поднялись от размещенных там пушечек, а через скрытый громкоговоритель раздалась артиллерийская канонада.

Игрушечный Троцкий сел.

— Троцкий спасает положение.

Все засмеялись.

Послышались звуки труб, и из ближайшего лесочка выскочила кавалерия. «роллс-ройс» Троцкого резко рванул и уехал другой дорогой, скрывшись в лесу.

— Троцкий спасает свою шкуру!

Они расхохотались. Кавалерия остановилась, и они услышали звуки веселья.

— Белая армия победила, а Троцкий сбежал. Дорога на Москву, к полной победе империалистов, лежит открытая. Родина в опасности, неужели никто не спасет Новый мир от уничтожения?

Садовский приложил ладонь к уху.

— Но тише, что мы слышим?

Через громкоговоритель послышался вначале чуть слышный, но нарастающий с каждой секундой звук тысяч голосов, поющих «Интернационал». Из-за деревьев, куда укатил Троцкий, появился второй поезд. Он был ярко-красный. Алые флаги с золотыми серпом и молотом торчали по всей его длине, и он ошетинился пулеметами. Когда поезд с шумом двинулся к городу, они стали стрелять, и сквозь пение донесся грохот артиллерии.

— Трудящиеся массы! Рабочие-титаны! Вы спасены!

Огни начали тускнеть. Алые и белые всполохи на поле битвы обозначали ярость сражения.

— Бой продолжается всю ночь.

Крики поражения, бегущие в панике люди, ржание лошадей.

— Войска великого вождя восставшего пролетариата одержали победу. Только что одержавший победу под Царицыном, великий полководец пришел на помощь большевистским армиям, покинутым Троцким, и возглавил их. Его руководство делает их непобедимыми. Выдающийся военный стратег берет на себя командование. И под его предводительством Красная Армия одерживает победу над превосходящими количественно силами врага.

В затемненной комнате ослепительное солнце осветило дальнюю стену. В сиянии его лучей появилось лицо Сталина. Красный поезд был в центре, и от него разбегались в разные стороны перепуганные белые и Троцкий. Лицо вождя сияло надо всем. По выработанному условному рефлексу Хрущев и Вышинский разразились аплодисментами. Садовский медленно вновь зажег свет, но лицо Сталина осталось сиять.

— Очень хорошо! — весело сказал Вышинский. — Прекрасное и правильное произведение.

— Спасибо, — ответил Садовский и скромно улыбнулся. — Я посвящаю это товарищу Сталину. Я стараюсь руководствоваться в своем творчестве указаниями великого вождя и учителя.

Вышинский выпрямился.

— Ты все это сделал один?

— Нет, не один. У меня был помощник, мой товарищ по работе.

Он незаметно покосился на Хрущева и увидел едва заметный поощряющий кивок головы.

— В сущности я уже приступил к новой работе, товарищ академик, — обратился он к Вышинскому, — и очень хотел бы показать ее вам, если вы нашли время прийти сюда. Это касается вашей деятельности.

Вышинский оторвал взгляд от поездов и благодушно улыбнулся:

— Моей? Каким образом?

— Мы делаем зал суда. Яркая иллюстрация неусыпной бдительности партии, работа по выявлению и разоблачению вредителей и врагов народа. Скамья подсудимых. Схваченные с поличным враги прячутся друг за друга, злобные, как змеи, вероломные, как гиены. Они изворачиваются, но неумолимая логика суда заставляет их признаться. Безжалостный, карающий меч правосудия. Это вы, товарищ Вышинский. Вы произносите одну из своих замечательных речей. Великий вождь и учитель сияет над вами, олицетворяя справедливость. Судья выносит приговор. Поверженные враги плетутся из зала, где их ожидает команда стрелков, чтобы свершить пролетарское правосудие.

— Это интересно! — воскликнул Вышинский. Его глаза засверкали из-под круглых стекол.

— Я хотел показать это сегодня.

— Хотели? — его лицо помрачнело. — Но почему же только хотели?

Садовский вздохнул.

— Произошла ужасная ошибка. Мой коллега, с которым я разработал эту панораму о деятельности правосудия, по ошибке был арестован НКВД.

Глаза Вышинского вдруг стали зоркими, как у сокола.

— По ошибке?

— Да, — уверенно сказал Садовский. — Он преданный и неутомимый борец за большевистское дело. Он помог нам преодолеть рубеж в тысячу грузовиков. Нет более преданного Революции человека, чем он. Я думаю, что есть какой-то другой Андрей Стукалов, его однофамилец и тезка, и это его ищут наши органы безопасности. Моего же коллегу они взяли по ошибке. Без него я не смогу закончить свою новую работу, которую хотел бы вам представить.

Вышинский облизал свои губы. Тщеславие и осторожность боролись в нем.

— Он сознался?

— Я сильно сомневаюсь. Он невиновен.

— Признание — это доказательство вины, — пробормotal Вышинский. — Этого одного вполне достаточно для осуждения.

Он поджал губы. Его щеки пылали.

— Когда, говоришь, его арестовали? — спросил он.

— Два дня назад.

Они все помолчали, решая, как долго обычный человек может выдержать в застенках НКВД.

— Это надо бы расследовать, — предложил Хрущев, — не хотелось бы, чтобы какие-нибудь ошибки имели место в нашей совершенной системе правосудия.

— Да, конечно, — прокурор, казалось, заставил себя принять решение и, вынув маленький блокнот в кожаной обложке, записал в него что-то аккуратным почерком юриста.

— Я проведу расследование, — объявил он. — А сейчас, товарищ директор, я покину вас, я должен быть с раннего утра за рабочим столом.

Когда они шли по коридору к двери, та распахнулась и на пороге предстала красивая девушка лет пятнадцати. Ее голубые глаза сверкали, а на шее алел пионерский галстук.

— Здравствуй, папа, — с порога крикнула она. — Мы сейчас разучивали песни к пионерскому празднику.

— Галя, ты знаешь, какие замечательные люди пришли к нам в гости? Это партийный секретарь Хрущев и академик-прокурор Вышинский. Это моя дочка Галина, товарищи.

Девочка неловко поклонилась им, иссиня-черные волосы качнулись, белые зубы обнажились в улыбке.

— Что же вы пели? Ты нам споешь?

— Песню, — улыбнулся Хрущев.

Вышинский заулыбался девушке, как биржевой маклер, встретивший школьную подружку своего сына.

— Спеть? Мы пели замечательную новую песню.

«Сталин, ты свежесть весенних дней,

Сталин, ты солнечный свет для людей...»

Когда она закончила, они захлопали в ладоши.

— А теперь иди. Тебе пора спать, певица, — сказал Садовский.

На прощание все обнялись и поцеловали друг друга в щеки.

— Мой дом — ваш дом, товарищ академик, — искренне говорил Садовский, провожая прокурора до машины. Он махал и махал, пока оба лимузина не скрылись за темными деревьями.

Только тогда он закрыл за собой дверь и повернул ключ внезапно задрожавшими руками. Он добрел, пошатываясь на плохо слушавшихся ногах, до ванной комнаты и почти упал над тазом. Его выворачивало, все тело было мокрым от струящегося холодного пота.

Он ощутил, как знакомые руки умывали его лицо, поддерживали его, когда он пошел в комнату. Они сняли с него одежду и уложили его в постель. Молчаливая Анна присела с краю, держа его руку в своей и нежно ему улыбаясь, а их дочь меняла компрессы на его лбу.

В мире свирепствовала ежовщина. И никакие замки, никакие молитвы не могли от нее защитить.

— Папа нас не даст в обиду, мама, — уверенно сказала Галя своей безгласной матери. — Не волнуйся, ведь папа с нами.

Сочи, Северный Кавказ, июль 1938

Стоя у открытого окна, Кривицкий вдыхал аромат акаций. Он смотрел на зеленые ветви, в которых сверкали золотые апельсины и мандарины, чуть дальше — едко-желтые лимоны, розовые райские яблочки. Фонтаны искрились на солнце, осыпая брызгами мраморные статуи, что стояли по щиколотку в воде. Единственное, что было

здесь неуместным — рабочие, копавшие три ямы на красивой поляне внизу. Очевидно, чтобы установить какие-то стойки.

Кривицкий был на первом этаже загородного дома. Это был волшебный дворец, выстроенный как летняя резиденция грузинским нефтяным магнатом. Когда Революция пришла на Северный Кавказ, Орджоникидзе, ее воплощение в этих местах, расстрелял хозяина дома вместе с семьей, и дом стал достоянием Революции. В свое время Революция погубила и самого Орджоникидзе, но сохранила дворец за собой. Кривицкий разглядывал парк, разбитый царским садовником, из дома, построенного царским архитектором.

— Вы можете войти, — сказал ему дежурный секретарь, сидя за столом и не поднимая глаз, видимо, в ответ на скрытый сигнал. Кривицкий вошел.

Кабинет был огромный — бывшая гостиная. Черные вентиляторы крутились под потолком. Он ступал по громадному, толстому ковру, узор которого представлял собой геральдику расстрелянного магната. Среди великолепных портретов на стенах был и его портрет, и он глядел с явным неодобрением. Мягкая и удобная грузинская тахта стояла среди более жестких имперских стульев с высокими спинками.

Он остановился перед большим письменным столом с обязательным набором телефонов.

— Я Кривицкий.

Холодные, водянистые, зеленовато-серые глаза осмотрели его из-за круглых очков.

— Вы Кривицкий, — согласился человек. Он откинулся на спинку стула, взял свежую белую салфетку из небольшой стопки, лежавшей на столе, и вытер ею свои руки. Это был Лаврентий Павлович Берия, и он представлял здесь Революцию. Он указал на стул перед столом. Резной, с круглой спинкой стул. Кривицкий сел. Уже садясь, он заметил, что обитое шелком сиденье было запятнано. Он сидел, и слабый запах старой крови витал вокруг него в ласковом ветерке вентиляторов.

— Я хочу сделать здесь то, что никто не осмелился здесь сделать, — сказал Кривицкий. — Чего никто не смел сделать долгое время.

— Вы хотите спеть «Боже, царя храни»? — предположил Берия.

— Нет. Нечто более опасное. Я собираюсь высказать правду.

— Мне? — поднял брови Берия.

— Я должен. У меня нет выбора. Если бы я остался в

Москве дольше, то Ежов уже расстрелял бы меня. Если вам не понравится, что я скажу, вы можете расстрелять меня. Но если вы выслушаете...

Берия изучал обкусанные ногти своих коротких пальцев, потом снова вытер руки салфеткой. Она стала совсем мокрой, и он выбросил ее в мусорную корзину, где уже лежало несколько таких же.

— Что ж, давайте, — равнодушно проговорил он.

— Я должен сказать, что я один из тех, кто был чекистом с самого начала, называлась ли эта организация ГПУ, ОГПУ, НКВД или, как первоначально, Чека. Я также знаю службу в ГРУ, военной разведке. Сейчас я работаю в ИНО, Иностранном отделе НКВД, и у меня диплом юриста, я окончил Московский университет. В Иностранном отделе я выполнял задания в Париже, Берлине, Швейцарии, Вашингтоне, Праге и Лондоне. До недавнего времени я являлся нелегальным резидентом НКВД в Берлине. Мой опыт полезен для партии и государства, для государственной безопасности. У меня есть действующие секретные агенты в Германии, и я больше любого другого знаю, что там происходит и что произойдет.

Берия, казалось, сучал.

— Но все это не спасет вашу несчастную шею, если вы виновны.

— А-а... виновен. В чем же? Но я согласен. Ежов только что расстрелял маршала Тухачевского и восемь других высших военных чинов, а маршал был намного более могущественной фигурой, чем я. Но в чем же виновен Тухачевский?

Берия зевнул.

— Хватит об этом.

— Я рассказал вам о своем прошлом не для того, чтобы вы смягчили свой приговор, а чтобы имели представление о широте и глубине моего опыта. Я профессиональный революционер, и, разумеется, марксист. Но моя вера в учение Маркса не отрывает меня от связи с реальностью. Я верю, например, в то, что пуля двигается по стволу ружья в силу объективных законов физики. Ежов, возможно, не согласился бы со мной. Он только что уничтожил Харьковскую физическую лабораторию, которая была, может быть, самой лучшей в Европе. Он арестовал почти всех ее ведущих специалистов, и те, которых не расстреляли, сейчас в лагерях. Если все останется по-прежнему, все они в ближайшее время перемрут. Известно ли вам, что требуется пять лет, чтобы получить инженера, и не меньше пятнадцати — физика?

— Разве это важно? Несколькими физиками больше, несколькими меньше.

— Это имеет очень важное значение и вообще, и в

частности. И в том числе к политике. Конечно, когда я говорю о политическом руководстве, я не имею в виду ни Ежова, ни Политбюро. Я говорю о Сталине.

Водянистые глаза за стеклами расширились.

— Я полагаю, что вы не уйдете отсюда живым. Мы вас отправим в Москву для исполнения приговора.

— Я сказал, что собираюсь говорить с вами начистоту, — ровным голосом продолжал Кривицкий. — И буду. Вернемся к нашей теме. Я секретный сотрудник, и меня можно сравнить с физиком. Потому что я специалист в своем деле. Я один из немногих, кто знает, о чем говорит, знает глубоко и во всех деталях. Таких, как я, очень мало. А в том темпе, в каком Сталин руками Ежова убивает, в будущем нас станет совсем мало.

— Меня никогда не убеждали аргументы в пользу защиты подвергшегося опасности вымирания вида.

Кривицкий внимательно посмотрел на профессионального убийцу, сидевшего напротив.

— А вот я этим обеспокоен, — спокойно произнес он. — Однако есть и другие редкие виды, которые периодически отбраковываются. Например, руководители секретных служб. Я надеюсь, что вы обдумаете то, что я скажу.

Глаза сузились. Очень давно никто не осмеливался говорить с ним даже в отдаленно похожей манере.

Отчаянное напряжение сказалось на Кривицком страшными головными болями. Иногда даже на работе он украдкой обматывал вокруг головы влажное полотенце, а в конце дня принимал холодный душ. Но он знал, что показать слабость здесь было бы смертным приговором. Ни малейшего намека на просьбу о защите! В ветре, который дул с Закавказья, всегда было что-то особенно грязное. Обыкновенные люди просто испытывали инстинктивный страх, но посвященные, вроде Кривицкого, знали в деталях об извращенном сладострастии человека, сидевшего напротив. Он наслаждался страхом людей, моливших его о сохранении жизни, боявшихся за жизнь своих жен и детей и не понимавших, что эти мольбы не только неизбежно приближали их смерть, но и делали казнь еще более ужасной. Поэтому Кривицкий, преодолевая боль и тяжесть в голове, заставил себя смотреть Берии прямо в глаза с той же степенью безразличия, с какой ледяной пот струился по его спине.

— Я марксист. Именно поэтому должен сказать, что марксистские законы развития человеческого общества не могут работать, если вместо общества существует только одно лицо, причем способное исказить систему до такой степени, как это произошло у нас. Я говорю о

Первом номере, о Генсеке, Хозяине. О Вожде. Об Иосифе Виссарионовиче. О товарище Сталине.

Берия взял очередную белую салфетку и начал вытирать пот, постоянно сочившийся из его рук. Его молчание было тягостным, но Кривицкий продолжал держаться невозмутимо.

— Итак, следует себя спросить, что он замышляет? Мы живем в обществе, которое имеет мало сходства с тем, о котором мы мечтали, будучи молодыми большевиками-идеалистами.

Берия посмотрел на Кривицкого с безгловым сожалением, и тот осознал, что человек за письменным столом был вполне удовлетворен тем, что получилось. Это и было тем, о чем он мечтал. Словно уродливый, потеющий, мерзкий, похабный подросток насмеялся над очарованием девичьих грез.

— Во всяком случае, некоторые из нас не мечтали о том, что будут вести войну против собственного народа. Не мечтали о гражданской войне. Не мечтали о войне с крестьянством. Мы ограбили их, подвергли их пытке, убивали их десятками тысяч, сотнями тысяч. И все, кто делал это — а Сталин стремился, чтобы их было как можно больше, — запятнали себя, ожесточились, стали виновны. Совершив во имя коммунизма преступления по отношению к другим, кто может по-настоящему протестовать, если теперь наступила его очередь, кто бы он ни был — партийный работник, военный или сотрудник НКВД? Может быть, самым важным побочным результатом расправы с крестьянством было разрушение защиты тех, чье время подходит?

Кривицкий позволил себе налить стакан воды из графина, не спросив разрешения у хозяина кабинета.

— Итак, что делает генсек, и не менее важно, почему он это делает? Между прочим, позвольте мне задать вам вопрос. Кем больше всех восхищается Хозяин?

— Я не думаю, что он восхищается кем-нибудь, — сказал Берия. Его слова падали, как металл.

— Неверный ответ, — произнес Кривицкий, приятно улыбаясь. — Есть единственный человек в огромном мире, которым он восхищается и который в свою очередь восхищается только им в этом огромном мире. Это Адольф Гитлер.

Кривицкий позволил своим словам повиснуть в воздухе, а затем продолжал в молчании, ставшем напряженным:

— Не следует удивляться, что они восхищаются друг другом. Оба делают одинаковую работу, оба стремятся к одному и тому же, и они, естественно, учатся друг у

друга. То, что Гитлер освоил опыт Ленина и Сталина по установлению режима, основанного на необузданном использовании террора, вряд ли вы будете отрицать. Гитлер учел, что уничтожение Лениным и Сталиным профессионалов по управлению промышленностью старого режима и их подчинение партийным идеологам нанесло значительный вред советской экономике, и потому запретил своим революционным элементам проделать то же самое в Германии. Гитлер учится на чужом опыте. Он быстро создал собственную систему концентрационных лагерей для своих врагов, используя наш опыт. Гитлер — талантливый человек, у него тоже много есть чему поучиться. Возьмем режим, установленный им в январе 1933 года. Что, с его точки зрения, как единственного всеобщего лидера, как фюрера, было в нем неправильно?

Ответ в том, что там была сила, не подчинявшаяся ему полностью — СА, или коричневые рубашки, под командованием Эрнста Рема. Сила в один миллион человек к осени того года. И Рем планировал сделать ее радикально новой, революционной армией. Это также не входило в планы Гитлера. Теперь нам известно, как Гитлер разрешил эту проблему. Приготовившись с большой тщательностью, он использовал Гимmlера для создания сил политической полиции, объединенных под одним началом, и применил их 30 июня 1934 года, чтобы уничтожить сразу всех своих непосредственных политических врагов. Помимо разгрома СА, он одновременно устранил таких людей, как Грегор Штрассер, фон Шлейхер, Эрнст Клаузнер и многих других опасных либо неугодных людей.

Кривицкий выпил еще немного воды. Снизу, из сада, доносился стук деревянных колотушек.

— И он вышел сухим из воды. Гитлер выиграл в глазах немецкого народа и мирового общественного мнения, в глазах своих коллег и последователей. И на кого это произвело наибольшее впечатление? На Иосифа Виссарионовича. Я знаю, потому что когда это случилось, он созвал экстренное заседание Политбюро. И знаете, что он сказал? «Вы слышали, что произошло в Германии?» Гитлер, каков молодец! Знает, как вести дела с политическими оппонентами». Это первое, что он сказал.

Я думаю, что 30 июня 1934 года — это водораздел. По многим причинам. Не последняя из них — эффект, произведенный на нашего вождя, товарища Сталина. Эти события заложили в его голову две сильные идеи. Они заставили его осознать, что он тоже мог бы обладать безграничной властью. Находясь в других обстоятельствах, с которыми он вынужден был считаться, он не мог продвигаться так же

быстро, поскольку был ограничен тем, что у власти находилось несколько лидеров, которые совсем не хотели, чтобы он имел больше власти, и желали уменьшить его влияние. Все устали, даже те, кто наиболее неукоснительно исполнял его приказы, направленные против крестьянства. Требовался период нормализации, время передышки. Главной мыслью среди верхушки руководства стало то, что теперь Сталина можно было бы оттеснить, пересадив его в более декоративный кабинет, и позволить Сергею Мироновичу Кирову захватить пост Генерального секретаря и стать во главе коллективного руководства. Никто из них, кажется, не осознавал, что Сталин не больше способен отказаться от власти или разделить ее, чем Адольф Гитлер. «Вы слышали, что произошло в Германии? Гитлер, каков молодец! Знает, как вести дела с оппонентами».

Киров мертв. «Убит». Сейчас Сталин приканчивает остальных. Совсем как Гитлер, только ему на это требуется больше времени.

Берия снова начал промокать свои руки.

— Я вижу, что вы так захвачены тем, что говорите, что вам не составит большого труда записать все это, когда мы отправим вас в камеру. Мне доставит большое удовольствие направить ваши записи товарищу Сталину, великому вождю пролетариата, от которого ничто не может быть сокрыто.

Некоторое подобие улыбки впервые мелькнуло на лице Кривицкого.

— Я думаю, что мы должны понять друг друга. Мне кажется, это возможно.

Берия все превосходно понимал. Уж если этот с парализованной рукой немолодой маленького роста бандит из Грузии с изрытой оспинами кожей, гнилыми зубами и скверно пахнущими ногами смог подняться из ничтожества до восхваляемого великого теоретика и гениального вождя трудящихся всего мира, то каковы же возможности несравненно более умного, более молодого человека, который стал начальником Чека Грузии в двадцать с небольшим лет и правителем всего Закавказья десятилетие спустя! Человек, обладающий великими возможностями, глянул на часы.

— Покончим с этим. Я должен присутствовать при исполнении приговора.

— Я еще не закончил. Конечно, мы оба знаем, что Хозяин не прав в главном. Гитлер избавился от людей, которые действительно угрожали ему. Хозяин убивает каждого. Как рабочие задания, «квоты на уничтожение» «врагов народа» рассылались на заводы телеграммами. В

ответ должно было прийти подтверждение, что указанное количество людей расстреляно — две, пять, десять тысяч за раз. Однако когда террор завершится, Сталин станет единственным правителем в Советском Союзе, власти которого никто и ничто не угрожает изнутри. Но является ли это его целью? Зачем уничтожать нас, НКВД? Зачем вырезать военных? Гитлер ведь оставил гестапо в покое, и Вермахт тоже.

— Тухачевский готовился совершить государственный переворот, — ровным голосом произнес Берия.

— Не собирался, вы сами знаете. Сталин постарался, чтобы немецкое гестапо разработало доказательства сотрудничества между Тухачевским и его командармами с фашистскими генералами, но вы сами знаете, что это фальшивка. Однако Тухачевский возражал бы очень сильно против некоторых планов Сталина. И потому его следовало убрать. Так же, как возражали бы и мои люди в Иностранном отделе. И потому их уничтожают.

— Так что же это за планы? — спросил Берия.

— С 30 июня 1934 года Сталин разрабатывает планы, как сговориться с Гитлером, с явным врагом Советского Союза. Вы можете забыть все бранные оскорбления в адрес фашизма. Этим занимается Радек, и он мне сам рассказывал, что это простое очковничество, стратегия введения в заблуждение глупцов, что в действительности советская внешняя политика ориентирована на Германию. Радек лично встречался с немецкими официальными лицами. Сталин убежден, что Гитлер реалист и что они смогут поделить Европу между собой.

— Сталин — гений всего человечества, — пробормотал Берия.

— Приближается война. Каждый, кто полагает, что гитлеровская программа перевооружения задействована для того, чтобы ликвидировать безработицу, весьма заблуждается. Новые вооруженные силы Германии созданы для войны. Сделка состоится. Гитлер получит Австрию, Чехословакию и часть Польши. Сталину достанется часть Польши, Финляндия, если, конечно, Красная Армия сможет ее завоевать при отсутствии опытных офицеров. Возможно, Румыния. И, конечно, Латвия, Эстония и Литва. Запад — Британия и Франция — собирают силы для войны с Германией. В обмен на собственную свободу действий Сталин обеспечит германскую военную машину нефтью, зерном, хлопком, хромом, марганцем и так далее. Его надежды состоят в том, что Германия и западные страны истощат себя в войне, а Сталину останется только собрать урожай после всего.

— Как я и говорю, Сталин — великий гений всего человечества, — произнес Берия. — У вас все? Вы готовы спуститься в камеру?

— Нет, — не теряя хладнокровия, ответил Кривицкий. — Вам же интересно знать, зачем я вам это рассказал. Ведь что-то тут должно касаться лично меня и, разумеется, вас. Не мог же я прийти к вам просто для того, чтобы прочитать лекцию о соотношении внешней и внутренней политики советской страны, хотя выслушать ее, надеюсь, вам было приятно.

— Что ж, продолжайте, — бесцветно буркнул Берия.

— Я пришел, чтобы спасти вашу жизнь. И, конечно же, свою.

— О чем вы? — Берия не скрывал скептицизма.

— Когда Сталин замыслил заменить Ягodu как главу НКВД, он рассматривал две кандидатуры — Ежова и вашу. Он без колебаний выбрал Ежова. Это может означать только то, что он намеревался использовать Ежова для целей текущего террора, чтобы после его осуществления возложить на него же вину. Разве не называют этот террор «ежовщиной»? Никому и в голову не придет назвать его «сталинщиной».

Поскольку Ежов выполнил свою задачу, его заменят Вами. От вас ожидают борьбы за это место, ибо Сталин не преподносит богатых призов на блюдечке. Мои знания аппарата Московского НКВД намного более детальны, чем ваши. Я могу обеспечить вас секретными сведениями, чтобы помочь победить гладко.

— Я могу осилить любого, вроде Ежова, — грубо прервал Берия. — Это нельзя назвать спасением жизни.

— Кто-нибудь другой явится убить вас, — тихо произнес Кривицкий. — И его людям доставит особое удовольствие сделать ваш конец настолько долгим и мучительным, насколько возможно.

— Кто? — яростно закричал Берия. — Кто он?

— Адольф Гитлер. Генсек совершит свою хитрую сделку. Он даст Гитлеру все, что он хочет. И когда Гитлер почувствует себя достаточно сильным, он двинется на нас. В действительности он мало заинтересован в Западе, как думает Сталин. Он заинтересован в Востоке. Здесь, он знает, находится центр ядовитого еврейства и большевизма, что, по его мнению, одно и то же. Здесь, в Советском Союзе, обширные открытые пространства, Lebensraum*, которое требуется немецкому Volk** как народу господ. Здесь находятся массы славян, рабов, которые будут работать на своих

* Lebensraum (нем.) — жизненное пространство.

** Volk (нем.) — народ.

немецких хозяев. Здесь евреи, цыгане, низшие азиатские народы и, наконец, последнее по списку, но не по значению — коммунистические чиновники, которые все до единого должны быть уничтожены. Эта последняя категория включает вас и меня.

Вспомните, что в начале разговора я специально указал на глубину и широту своего опыта работы в секретной службе. Я работал в ГРУ, в военной разведке. Мое мнение таково, что, если Гитлер подготовился должным образом, он одержит победу. Нам надо надеяться, что он не будет готов. Но мы не можем полагаться на это, и моя оценка германского Вермахта, особенно его офицерского корпуса, очень высока. Наши офицеры погибли или медленно умирают в лагерях, в то время как Вермахт получает прекрасные танки от лучших конструкторов, сделанные первоклассными инженерами. Он получает поддержку в виде превосходных истребителей и бомбардировщиков, которые разработаны знающими авиаконструкторами и инженерами. Наши ученые, конструкторы и инженеры в основном сидят в лагерях, постепенно вымирают, как и профессиональные руководители фабрик и заводов, производящих необходимые компоненты. Сталин не верит в профессиональную экспертизу. Он не любит людей, возвышающихся над ним в любом отношении. Но если кто-нибудь не убедит его, что хотя бы некоторые из наших выдающихся ученых и специалистов должны остаться в живых, то, когда Гитлер появится на Красной площади, чтобы посмотреть, как вешают Сталина, среди тех, кто будет висеть в петле во время первого же действия, будете вы. Законы физики воздействуют на веревку точно так же, как и на пулю.

Кривицкий указал пальцем на Берия.

— Вы будете главой НКВД. Вам будут необходимы конструктора, инженеры и ученые в области вооружений, военачальники и специалисты по обороне. Создайте конструкторские бюро в спецлагерях. Воспретите уркам, холоду, голоду, болезням и шахтам уничтожать нужных вам людей.

Берия долго смотрел в окно.

— Я вас проверил, — произнес он наконец, — когда вы попросили о встрече со мной. Вы подрывной элемент, Кривицкий. Вы думаете, я собирался вас расстрелять, там, на поляне? Не думаю, что я это сделаю, во всяком случае пока. Я защищу вас, я прослежу, чтобы вас не расстрелял Ежов. А когда я займу его место, я сделаю то, что вы говорите, с военными людьми.

Из открытого окна доносились голоса: приказы и ответы.

— Я обдумаю вашу оценку международных дел. Если события не докажут, что вы ошибаетесь. Если не докажут. Однако ваши представления о внутренней политике полностью ошибочны. Приговоры суда, которые имеют место, не имеют ничего общего с желанием товарища Сталина обладать какой-то особой властью. Они целиком вызваны огромным количеством шпионов и саботажников, которые стремятся разрушить наше общество.

Кошачьи холодные глаза смотрели на Кривицкого через круглые стекла.

— Я сам обнаружил двух шпионов. Двух германских шпионов. Подойдите сюда.

Берия подвел Кривицкого к открытому окну. На поляне внизу к двум столбам были привязаны женщина и девочка. Они с мольбой смотрели на него. Небольшая группа стрелков из четырех человек под командованием сержанта стояла, в готовности подняв ружья, в нескольких шагах от них.

— Ваши шпионы, Кривицкий.

— Если они шпионы, тогда и я должен считаться шпионом, — твердо сказал Кривицкий. — Они истинные немецкие коммунисты, преданные труженики на благо партии.

— Поберегите громкие слова, Кривицкий, — тихо произнес Берия. Он махнул рукой, и стрелки опустили винтовки. Сержант начал развязывать путы, которыми Марта и Элизабет были привязаны к столбам.

— Очень хорошо. Они будут жить. Пока мы не выясним, правы ли вы...

Переделкино

Было темно, глухая ночь. Кто-то постучал в дверь. Тихий, настойчивый стук. Он пошел по коридору дачи в тапочках, завернувшись в теплый шерстяной халат, и посмотрел через небольшое окошко. Снаружи стоял мужчина. Против своей воли он открыл дверь.

— Да?

— Это я, — тихо произнес человек, и он потянулся вперед, пытаясь разглядеть, кто это был. Из-за облака выплыла луна, и он увидел, что на дороге среди лиственниц и берез стояли машины, а позади стучавшего в дверь человека уже ждали люди в униформе.

— Ты вонючая куча дерьма! — воскликнул человек, и все они бросились на него и сбили с ног. Его держали, пока другие не пробежали внутрь, и он услышал крик

своей дочери, охваченной страхом, когда ее вытащили из постели.

Петр Садовский проснулся. Он насквозь промок от пота. Было темно, глухая ночь. Он осторожно, чтобы не разбудить Анну, вылез из кровати. Он взял свежую пижамную пару из комода и пошел в ванную комнату, где вымылся и переоделся в сухое. Затем закутался в теплый шерстяной халат и надел тапочки. Он заглянул в спальню дочери. Она, устав за день, мирно спала.

Садовский спустился вниз, пошел по коридору дачи в тапочках, завернувшись в халат, и выглянул в маленькое окошко. Он ничего не мог разглядеть, кроме деревьев. Он отпер дверь и выглянул наружу. Только теплый воздух и запах сосен и цветов окружали его.

Он запер дверь и шагнул назад. Наверху у него была маленькая комнатка, совсем крохотная, где он разрабатывал свои проекты. Он пошел туда, закрыл дверь и включил свет. Там стоял стол, за которым мог чертить, и это было очень удобно. Он сел за стол и стал обдумывать план побега.

Ночные кошмары посещали его с увеличивающейся частотой. Петр Садовский кинул взгляд на часы, которые сделал своими руками, где за накрытым столом сидит священник, ест и пьет и, когда наступает его час, встает, продвигается вперед, толкаемый часовым механизмом, взбирается по спиральной лестнице, появляется наверху и звонит в колокол пивной кружкой. Он уже около тридцати минут обжирался перед своим следующим восхождением, потому что полчаса назад отбил полночь.

Петр Садовский размышлял о побеге. Его ночные кошмары не были фантазией. Однажды люди в униформе обязательно придут и заберут его, и он больше никогда не увидит жену и дочь.

Но это было непросто. Никто не мог спрятаться. Никто не мог поехать в другой город под другим именем. Незнакомцев разоблачали. Было множество людей, которые разоблачали каждого, кого знали, и скитались по улицам в поисках тех, кого не знали.

Если бежать, то только за границу. Значит, надо как-то пересечь границу. Но целые семьи давно уже не путешествовали за границу. Отдельные личности — да, по государственным делам, оставляя свои семьи дома, как деньги, отданные в залог, которые подлежат конфискации на случай невозвращения на родину.

Значит, надо оставить все добро. Товары проходили через границу как предмет торговли. Им было, например, то, что разрабатывалось на его заводе, но было сконструировано за пределами России и ввезено. Скажем, танк, английский «Викерс». Его ввезли под предлогом принять

участие в соревновании с американским «Кристи» и французским «Чаром», организованном военной дирекцией, но в действительности для того, чтобы выкрасть, скопировать и по возможности усовершенствовать его конструкторские особенности.

Настало время вернуть «Викерс» его хозяевам вместе с письмом, выразившим сожаление по поводу его технических недостатков. Он, директор завода, будет сопровождать его на всем его пути до погрузки в ленинградском порту.

Он взял лист бумаги и быстро сделал набросок машины. Двигатель был большой, «Армстронг-Сиддели», с расположенными в ряд восемью цилиндрами, и помещенный в передней части коробкообразной машины. Если его удалить, там хватит места, чтобы спрятаться трем людям, пока танк будут спускать краном в отсек грузового судна. Набивочный материал делает его удобным, и можно взять с собой еду и питье. Когда они выйдут в открытое море, покинут территориальные воды страны, они могли бы появиться, попросив политического убежища в Великобритании. Там, он был уверен, для такого человека, как он, найдется работа.

Анна... С Анной будет трудно. Внутри любого из их двух домов она чувствует себя в безопасности. Она совершает короткие переезды между дачей и квартирой в «седане», с опущенными занавесками и закрытыми глазами. Ее страх перед внешним миром не исчез, как он надеялся. Она знала, что там, снаружи, они прячутся, готовые и выжидающие, чтобы броситься на нее.

Может быть, она легче перенесет это во сне. Он мог бы достать снотворное и продержат ее на нем день или, может быть, два.

За окном было темно. Петр подумал, стоит ли ему возвращаться в постель. Он начинал бояться сна, бояться ночных кошмаров, бояться людей, которые являлись к нему в снах.

Он выключил свет и тут же услышал стук в дверь. Тихий, настойчивый стук во входную дверь. Он подошел к окну. Там стоял человек, темная фигура. Пот прошиб все его тело, горячий и прокалывающий, а затем липкий и холодный. Он заставил себя приоткрыть окошко.

— Кто там? — хрипло спросил он.

— Это я, твой друг. Академик Вышинский. Открой, Петр. Я тебя разбудил? Со мной твой коллега Стукалов. Я вызволил его с Лубянки. Ты не мог бы выйти и принять его?

— Конечно, товарищ Вышинский, я сейчас выйду.

Его сердце тяжело колотилось, когда он спускался по

ступеням и шел по коридору в тапочках, кутаясь в теплый шерстяной халат.

Он открыл дверь и увидел фургон, припаркованный на дорожке среди лиственниц и берез.

— Он сзади, — сказал Вышинский, когда они спешили сквозь темноту, спотыкаясь о камни. Вышинский открыл заднюю дверь.

Там было темно, смоляная чернота.

— Андрей? — неуверенно позвал Садовский, протягивая вперед руки. — Где ты? Это я, Петр.

Сзади него раздался неожиданно громкий металлический лязг, и задняя дверь захлопнулась.

— Эй!

Он стал шупать в темноте, но стенки были гладкими, без ручек. В окошко он увидел Вышинского, отступающего назад. Юрист насмешливо помахал ему. Луна вышла из-за облаков, и он увидел, как люди в униформе вламываются в дачу, он услышал вопль ужаса своей дочери, когда ее вытаскивали из постели.

Затем заработал двигатель, и фургон зашатался, съезжая с дорожки. Он вытянул руки, ища поддержки, и наткнулся на что-то свешивающееся сверху. Петр упал на металлический пол, охваченный ужасом. Фургон качнулся на неровной дороге, и мертвые руки Андрея Стукалова хлопнули его по лицу...

Москва

Красочные луковки куполов собора сияли в окне, словно леденцы. Рыков пробежал пальцами по белому шелку платья, стоявшему на подставке в глубине мастерской.

— Надеюсь, ты собирался пригласить меня на свадьбу, — проговорил он.

— Конечно, — ответил Константин. Он стоял у окна и нервно тер руки.

— Это хорошо. Я люблю свадьбы, люблю.

Он повернулся.

— Невеста очень красивая, — сказал он, и что-то страшное мелькнуло в его глазах. — Я уверен, что где-то тебя раньше видел.

— Я актриса, — певуче ответила Катя. Она стояла, небрежно прислонившись к стене. — Вы, может быть, видели какой-нибудь из фильмов, где я играла.

— Нет, еще раньше...

— Катя собиралась уходить, — сказал Константин.

— Так скоро? Мы уже встречались, правда?

Рыков ходил по комнате короткими шажками, беря в руки всякие вещицы и снова возвращая их на место. Он

был похож на ласку, выжидающую добычу. Константин — большой испуганный кролик — беспомощно наблюдал за его передвижением.

— Что это? — Рыков взял тонкое перо. Он попробовал черкнуть им по какой-то бумажке.

— Просто перо.

— Оно слишком тонкое, чтобы писать.

— Им рисуют. Рисунок пером.

— Почему бы нам не выпить? — лениво проговорила Катя. Она подошла к буфету и вынула стаканы. Бутылка была откупорена и брызнула в них рубиново-красным вином. Рыков положил перо назад, отошел от стола, и Константин облегченно расслабился.

— Долгой жизни, — произнес Рыков и улыбнулся, как волк. Он осушил стакан одним глотком.

— Ну, мне пора, — сказал он. — Много работы.

Он поставил стакан на стол. Потом снова взял перо.

— Не следует разбрасывать свои вещи, — проговорил Рыков. — Аккуратность — вот мой девиз.

Он открыл ящик стола и вынул оттуда кусочек ватмана.

— Это тот рисунок, о котором ты говорил?

Он посмотрел искоса на Константина, стоявшего у окна с белым, как полотно, лицом.

— Замечательная работа, — сказал он. — В самом деле, замечательная. Ты хороший художник, Константин. Я понял это, когда ты создал портрет хозяина. Гениально, сказал я сам себе. Кто бы мог быть этот большой могучий человек с руками, как у гориллы? Конечно, это наш любимый вождь! Да.

Рыков опустил рисунок в стол.

— Прямо не догадаешься, кто из них настоящий, верно?

Он пошел к двери, и в душе Константина на секунду вспыхнула надежда. Снаружи два человека прислонились к стене.

— Забирайте Константина с собой, ребята, — любезно бросил Рыков.

Он закрыл дверь и вернулся в комнату. Снаружи доносился только топот их шагов вниз по лестнице.

— Я действительно должен вернуться, — сказал Рыков. — Молодой Ежов не держит нас без дела.

Он опять пробежался пальцами по белому шелку.

— Такое прелестное, — пробормотал он и посмотрел на Катю острыми, как у птицы, глазами. — Давай посмотрим, как ты в нем смотришься.

Катя отодвинулась от стены, ее красновато-каштановые волосы взметнулись роскошной волной. Она была в голубой запахающейся юбке и мужской свободной рубашке в белую и голубую полоску. Она встала перед

ним и стала неспешно расстегивать пуговицы сверху вниз. Расстегнув последнюю, она движением плеч сбросила ее и уронила на пол мягким комком. Под рубашкой ничего не было. Она развязала узел на юбке, и та съехала к ее ступням.

— Надень платье, — хрипло приказал Рыков.

— Кому нужны эти глупости? — сказала она и шагнула вперед, почти касаясь его. — Просто делай, как я.

Она приоткрыла рот и обежала языком по губам.

— Платье! — сказал Рыков.

— Ну, за дело! Ты из Чека... покажи-ка мне, какой он величины у чекиста.

Ее рука скользнула вниз и ткнулась в его брюки.

— Я знаю, что ты прячешь его где-то там, — сказала она и насмешливо улыбнулась.

— Люди меня боятся, — медленно произнес Рыков.

Ее глаза расширились в притворном удивлении.

— Он настолько большой?

Его рука взвилась по дуге, и в ней что-то сверкнуло. Кровь брызнула из ее шеи, она отступила к стене.

— Опять этот бездарный сценарист. Кому нужен такой фильм?

* * *

В камере не было холодно, но Константин лежал свернувшись калачиком на нарах, подтянув колени к груди. Он услышал шаги, подходившие по проходу, и заставил себя сесть. В полутьме он разглядел Рыкова, который слегка покачивался. Должно быть, он был пьян.

— У меня грязные ботинки, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты их вылизал. Тогда я отпущу тебя.

Константин прополз на животе по полу и вылизал ботинки от носков до пяток.

— Я заберу тебя домой, — сказал Рыков. В коридоре Константин вытер рот рукой и в свете голых лампочек увидел, что она потемнела от слипшейся крови.

Рыков остановил машину. Недалеко мерцали огни собора.

— Можешь идти, — сказал он.

— Почему? — прошептал Константин. — Почему?

— Знаешь, как кошка играет с птицей, — любезно ответил Рыков, его дыхание успокоилось, и он уже не казался пьяным. — Она держит ее в лапах и время от времени отпускает. Птица взлетает всего на секунду...

Константин открыл дверь и пошел, шатаясь, по тротуару.

— Берегись, — проговорил Рыков.

Возле кабинета Кривицкого на полу была кровь. Старуха-уборщица, бесформенная, как полупустой мешок, мыла пол грязной тряпкой, намотанной на швабру, когда привели Садовского. Он был невредим, как и Савинков, молча сидевший рядом на стуле, пока Кривицкий разбирался со своими бумагами.

— Сожалею, что ты во все это влип, Петр Павлович, — сказал он. — Я сейчас найду бумаги. А-а, вот они. Послушай, мы хотели бы привлечь тебя по делу Сергея, но это значит, что тебе придется выучить очень быстро свою линию. Сергей у нас уже некоторое время и, конечно, свою линию знает.

Садовский украдкой взглянул на Савинкова, сидящего неподвижно на деревянном стуле. На нем не было следов побоев. Но он был бледен какой-то восковой бледностью. Садовскому показалось, что сквозь кожу он видит кости его черепа.

— Иди ты к чертовой матери, — грубо ответил он. — Какого черта я должен что-то учить? Я ничего такого не сделал.

— Послушай, Петр, никто ничего не сделал, — мягко проговорил Кривицкий. — Я просто пытаюсь тебе помочь. Спроси у Сергея. Он собирается молодцом проговорить весь этот вздор. И я думаю, он получит легкий приговор. Немного поработает в каком-нибудь совхозном свинарнике и, прежде, чем освоит эту работу, вернется в Москву. Я могу сделать то же и для тебя.

— В этом нет необходимости. Я выйду отсюда сегодня же. Этот ублюдок Вышинский, это он мне нагадил. Если первый секретарь Хрущев узнает об этом, то Вышинский, а не я, предстанет перед судом.

— Ну ладно, поступай, как знаешь.

Он нажал кнопку на столе.

— Если ты не против, сходи остуди свои пятки, пока ждешь.

Охранник открыл дверь. Снаружи пол был чистым,

только блестящее влажное пятно показывало, где была кровь. Пока дверь за ним закрывалась, Садовский видел, что Савинков продолжает по-прежнему безмолвно сидеть на стуле и смотреть в никуда.

Другая дверь, из-за нее донеслись звуки музыки. Она открылась, и он вошел. Странно — щуплый человек выполнял пируэты посреди пустого зала. Граммофон, стул, кресло.

— А-а, новый ученик танцкласса, — человек лучезарно улыбнулся. — Любите танцевать, директор Садовский? А-а, мазурка...

Танцор выполнил несколько движений, держа в объятиях воображаемую партнершу. Он резко остановился перед Садовским.

— Ну-с, — произнес он, — теперь исполняем стойку. Подойди.

Вдоль одной из стен на полу была установлена тонкая блестящая ограда, наверное, сантиметров восемь в высоту.

— Сними туфли и носки.

Садовский повиновался.

— И встань вот так... Правильно. Лицом к стене и поднимись на носках. Прекрасно.

Садовский стоял на цыпочках, разглядывая стену.

— Так? — спросил он.

Скрипки сыграли каденцию, и он услышал, что танцор сунул пластинку назад в пакет.

— Хватит. Боюсь, это довольно скучный танец. Всего одно па.

Зашипела игла, и заиграла другая пластинка. Икры Садовского начали болеть...

Снаружи было темно. Тишина, граммофонная игла бездвижно лежала на середине пластинки, слышалось только равномерное дыхание танцора, отдохавшего в кресле. Пот струился по лицу Садовского и капал на пол. Ноги горели огнем от ногтей до поясницы, он задыхался от боли. Он осторожно взглянул через плечо. Танцор спал. С облегчением он опустился на пятки.

Удар подбросил его в воздух. Он свалился на пол, и тонкий металлический брус, как молния, ударил его электричеством в измученные икры. Потеряв способность контролировать себя, он грохнулся на пол. Мышцы свело судорогой.

Боль медленно отступала, и он осознал, что кричит. Танцор смотрел на него сверху вниз.

— Я забыл предупредить вас об электричестве, — сказал он, пододвигая плетеный стул. — Хотели бы сесть?

— Пожалуйста, — проворчал Садовский. Он пополз

по полу и с трудом поднялся. У стула не было сиденья, поэтому он примостился на ребре. Почти немедленно возобновилась боль.

— Не слишком удобно, — прошептал он.

— Знаю, — сказал танцор.

— О-о.

Танцор полулежал в кресле.

— Послушайте, нельзя ли мне хоть немного передохнуть? Никто не узнает. Здесь только вы и я.

— Все так, — произнес танцор, разминая ступню. — Или вы, или я. Боюсь, что вы. Но я вот что вам предложу. Как насчет того, чтобы поесть и немного отвлечься от танцев? У меня есть бутерброды.

— Да, если можно.

Танцор достал сверток из пергаментной бумаги, развернул его, в нем оказались тоненькие кусочки хлеба с толстыми кусками ветчины. Он жадно стал рвать ее зубами, не замечая, насколько она солонa, пока почти все не съел.

Танцор налил себе стакан воды.

— Разрешите и мне попить, пожалуйста, — попросил Садовский. Танцор отрицательно покачал головой.

— Сожалею...

Танцор зевнул. Сейчас освещение придало окну бледно-серый цвет.

— Время поспать, я полагаю, — сказал он. Садовский глядел на него сквозь набухшие веки. У него был жар. Пот пропитал его одежду, пот пропитал его туфли. Они хлюпали, потому что ноги лихорадочно дрожали, и он не мог остановить их усилием воли.

Танцор встал.

— Вы, наверное, заскучили в моей компании.

Дверь снова открылась, и вошли два охранника. Они подняли Садовского со стула, и он закричал, когда кровь потекла из его ног.

Он едва мог передвигаться, когда его спустили в мрачный подвал, набитый людьми. Он освещался одной маленькой желтой лампочкой, свешивавшейся с полукруглого потолка. было жарко и душно. Железная дверь то и дело открывалась, и одних людей вталкивали в подвал, а других вытаскивали в коридор. Стояла ужасная вонь, страшный запах крови и смерти.

Некоторые были уже мертвы. Их складывали в коридоре штабелями. Рядом с Садовским тяжело дышал какой-то мужчина, жадно хватая ртом отвратительный горячий воздух, как будто это был свежий ветер с гор. Его обнаженные ноги раздулись и потемнели, и из-под ногтей медленно сочилась черная кровь.

Заключенных затолкали назад, и среди них был Садовский. Теперь вонь стояла везде вокруг него, горячая и

отвратительная, как дыхание дракона. Его прижало к людям, которых он не знал. Его плоть горела от прикосновений. На него с них переползли какие-то насекомые и кусали его. Они залезли в его волосы, и где-то в глубине страшной камеры запричитала женщина.

— Когда выносят мертвых, становится немного легче, — произнес рядом с ним женский голос. — Это дает нам чуть больше воздуха.

В слабом свете, проникающем через зарешеченное окошко, он смог ее разглядеть.

— Добро пожаловать в парилку, — сказала Елена.

— Я танцевал стойку, — пробормотал он. Его язык разбух и высох во рту, он чувствовал, как в его одежде копошатся всякие твари.

— Вши, — сказала Елена, — клопы, блохи. Здесь есть решетка, через которую их специально и довольно часто подбрасывают целыми коробками. Интересно, где они их разводят?

В слабом свете, льющемся из окна, он увидел, что ее лицо покрыто вздувшимися укусами. Что-то ползло по ее виску. Елена схватила его двумя пальцами, и Садовский услышал, как она раздавила насекомое, и ощутил вонючий запах.

— Я к ним привыкла, — сказала она. — Только ненавижу, когда они заползают в волосы.

— Когда тебя взяли? — спросил он.

— Несколько дней назад. Дети в Минске. Слава Богу, я их успела отослать. Где Иван, я не знаю...

Железная дверь снова открылась.

— Заключенная Акулова!

— Что еще? — спокойно спросила она.

Людей стали вытаскивать наружу, чтобы она смогла протиснуться через толпу. В полутьме он увидел, что она неожиданно улыбнулась ему.

— Знаешь, что я сделала? — весело прошептала она. — Я послала донос на Рыкова! Конечно, анонимный. Может быть, и за ним придут!

Он почувствовал, что она сжала его руку.

— Держись, Петр Павлович. И это пройдет.

Она вышла в коридор, и людей стали запихивать назад. Женщина-конвоир стукнула ее рукой в перчатке.

— Наверх, мразь.

Кто-то спускался вниз. Женщина тяжело ступала между двумя охранниками. Она с усилием делала шаги, одетая в бесформенную грубую рубаху, ее лицо было искажено ужасом, словно она беззвучно кричала. Анна Садовская!

* * *

Людей затолкали назад. Кто-то упал у двери, когда она закрылась. В последних лучах света Садовский увидел Анну. В отчаянии он стал протискиваться среди людей, плотным кольцом окружавших его, и они бранились в ответ. В толпе было трудно дышать.

— Моя жена... — выдохнул он.

Свет проникал сквозь зарешеченное окно, сквозь качавшиеся головы и махавшие руки, и он видел ее. Ее глаза были закрыты, чтобы не видеть кошмаров, и она обмотала рукав, оборванный от рубахи, вокруг шеи.

— Анна!

Сверху послышался металлический скрип, и мужчины, женщины и дети стали кричать, ругаться и плакать, когда на них посыпались летающие и ползающие кусающиеся насекомые.

— Анна!

Рукав был туго намотан. Она скручивала его и скручивала, как жгут, вокруг шеи. Он пытался пробиться к ней, его ноги скользили в кровавой грязи. Его били отчаявшиеся, озлобленные люди, чьи-то ногти царапали его лицо.

Он оказался рядом с окошком и сквозь грязное стекло увидел Кривицкого. Он стал колотить в него.

— Я все сделаю! Я все сделаю! — кричал он.

Кривицкий не повернулся. Там, у двери, Анна закатила глаза, сползая вниз.

— Дайте мне пройти... — рыдал он. — Пропустите меня, ради всего святого, пропустите...

* * *

Это был настоящий зал суда, это каждому было понятно. Судья был в парадном костюме, и они с адвокатом обращались друг к другу вежливо. На стене был государственный герб. В зале находилась скамья подсудимых, присутствовали секретарь суда и строгие, облаченные в военную форму стражники, вводившие заключенных. Имелась и галерея, где сидела публика, наблюдавшая, как свершается правосудие. Танцор внимательно смотрел из переднего ряда, как Садовский поднялся со скамьи подсудимых.

Вышинский строго посмотрел на него.

— Вы обвиняетесь в шпионаже, вредительстве, в пособничестве британским империалистам, — произнес он нараспев. — Что вы скажете в свое оправдание, подсудимый Садовский?

— Виновен, — прошептал он.

— Говорите громче, мы не слышим вас, — грубо приказал Вышинский.

— Я виновен.

* * *

Пол, по которому плелись ее разбухшие ноги, был покрыт полированным паркетом. И так, она до сих пор на Лубянке. Но могла бы и не быть.

В карцере было невыносимо жарко. Трубы центрального отопления проходили через маленькое отверстие, а с потолка свисала большая лампа. При ее свете она составляла перечень различных обитателей камеры: один человек, тридцать шесть видов насекомых, которые питаются им. Это был способ сохранить рассудок.

Трудно запоминать дни, ей очень долго не давали спать, казалось, глаза ее застилал какой-то дым. Она оставила классификацию насекомых, но они не оставили ее в покое, и она чувствовала их на своей коже. Однако пол, по которому плелись ее разбухшие ноги, был покрыт полированным паркетом, значит, она все еще на Лубянке.

Это была другая комната, но мощные лампы не давали разглядеть и половины ее. Ее ждала красивая молодая женщина. Она была одета в приталенную синюю юбку и белую рубашку. Перед ней стоял крепкий деревянный стул.

Охранники посадили Елену на него и привязали ее ноги к дереву. Из-за ослепительного света появился молодой человек. Аккуратный, высокомерный и безжалостный, новая порода чекистов. Большинство старшего поколения было расстреляно. У нее возникло чувство, что он был в группе первых, кто ее допрашивал, и что его зовут Андрей.

— Настало время тебе сознаться, — сказал он. Он обратился к ней на «ты», чтобы оскорбить ее, и в глубине души она почувствовала раздражение.

— Будьте повежливей, — резко сказала она. Он улыбнулся молодой женщине, которая готовила инструменты рядом со стулом.

— Вот так говорят аристократки, — с издевкой сказал он и звонко шлепнул ее по лицу тыльной стороной ладони. Из-за ослепительного света послышался глухой задушенный яростный рев, за которым последовал хлесткий удар резиновой дубинкой по телу.

— Мы встряхнем твою память, — сказал чекист. — Она в твоём распоряжении, Роза.

Девушка опустилась на колени перед Еленой. Рядом с

ней была белая овальная медицинская чашка, а в руке блестящие хирургические щипцы. Ими она защемила ноготь на мизинце левой ноги Елены и сжала так, что захват сомкнулся. Затем она начала тянуть.

Из-за лампы опять донеслись приглушенные звуки ярости, за которыми снова последовали удары. На сей раз она все поняла.

— Держись, Иван! — крикнула она. — Нет смысла говорить с ними, тебя просто избыют.

Ноготь вырвался из ложа, и девушка опустила его в чашку. Ее руки покрылись кровавыми брызгами, и она перешла к следующему пальцу ноги Елены.

— Я знаю тебя, — произнесла Елена. — А ты меня знаешь?

Боль терзала ее, и она схватилась за стул скользкими руками.

— Ты враг народа, — бесстрастно ответила девушка. Она тянула ровно и искусно, не позволяя ногтю выйти слишком быстро.

— Значит, тебя сюда перевели, Роза? Ты отняла всю еду у голодных детей? Ты отобрала у них одежду, унесла у них последний горшок борща? Ты выгребла все из старушечьих сундуков? Ты не слушала их жалоб, плач маленьких голодных детей? А весной ты выгоняла еле живых людей на поля, чтобы выполнять революционный посевной план в ударном порядке? Ты так хорошо там работала, что тебя приняли сюда?

Ноготь вышел, ноги Елены задрожали барабанной дробью от боли. Она стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Я выполняю революционный долг. Я и те, кто меня послал, знают лучше, чем остальные и враждебные крестьяне, как им надо жить, что им сеять и когда пахать, — спокойно ответила Роза. — И там, и здесь мы осуществляем историческую необходимость. Я работаю для социалистического Отечества. Я выполняю план.

— Я с детства знаю твою мать, — проговорила Елена. — Я не думаю, что она счастлива от того, что ее дочь выбрала профессию палача.

— Моя мать, как и ты, враг народа. Любое страдание, которое, как тебе кажется, я причиняю, вызывается на деле необходимостью пресечь происк классовых врагов. Я работаю, чтобы было осуществлено великое и необходимое преобразование общества. Я очищаю общество, чтобы трудящиеся могли быть свободными и счастливыми.

Она сжала тисками один из кровоточащих пальцев Елены и начала медленно раздавливать его.

Елена вскрикнула, потому что эта боль была сильнее,

чем раньше, она была невыносимой. Когда она закусила губу, то услышала из-за света мужской смех.

— Я хочу во всем сознаться, — неожиданно сказала она. Роза подняла на нее глаза и ослабила давление на палец. Андрей шагнул вперед от стены, у которой он стоял, прислонившись.

— Я английская шпионка, — сказала она. Андрей взял одну из стандартных форм для признания с письменного стола. Кто-то яростно зашипел на него из-за спящих огней, и он вздрогнул.

— Правильное решение, графиня, — одобрил он. — Шпионаж в пользу Британии, это похоже на аристократку.

— Во-первых, я должна признаться, кто меня сбил с пути истинного, кто меня нанял, кто заставил меня изменить партии и народу.

На лице Андрея выразилось утомление, а Роза не сводила с нее глаз, вся превратившись во внимание.

— Я полагаю, что ты должна, — нехотя согласился Андрей. — Мы арестуем их, а они разоблачат еще двадцать...

Он вздохнул.

— Я сегодня не выспался... Ну, кто это?

— Его зовут Егор Рыков. Он работает на самого Сталина, и именно он заставил меня изменить партии и народу, служить английскому империализму.

Глухие одобрительные звуки где-то за потоками света исходили от Акулова.

В жаркой комнате наступила тишина, только слышалось жужжание мощных ламп. Оперативники посмотрели друг на друга, а потом на Елену.

— Развяжи Акулову, — резко сказал Андрей.

— Но... — начала было Роза.

Охранники склонились ослабить ее узы и подняли ее со стула.

— Отведите ее в камеру.

В комнате для допросов наступила тишина. Скрипнул стул, и человек, скрывавшийся за светом ламп, вышел вперед. Это был Рыков. Он в ярости смотрел на оперативников.

— Верните ее! — приказал он. — Это было только начало.

— Она созналась, — сказала Роза и посмотрела на Рыкова. — И впутала вас.

— Роза, будь умницей, приготовь нам кофе, — сказал Андрей. Она вышла в маленькую смежную комнатку, и мужчины услышали звон чашек.

— Послушай, товарищ, — сказал Андрей. — Я бы сейчас не советовал тебе возвращать ее. Я их знаю. Она

снова укажет на тебя, а еще это дело с анонимкой на тебя, которое мы получили... Нас сейчас сменит бригада Боярского. А у него нет моего понимания таких вещей. Мне стоило труда позволить о тебе позаботиться. Роза вырвала ей ногти, и ты слышал ее слова. Если мы приведем ее назад и она опять назовет твое имя, тогда Боярский посадит на стул тебя, близок ты к Сталину или нет. И если он скажет, что ты враг народа, Роза выдерет твои ногти. Мой совет, оставь все, как есть.

Он повернулся спиной к столу и погрузился в бумаги, когда Роза вернулась с чашечками ароматного черного кофе.

— Видишь, Роза, они ни перед чем не останавливаются, эти враги народа, — пояснил Андрей. — Они даже пытаются опорочить тех, кому доверяет сам Сталин.

Услышав это имя, Роза ощутила, как ее глаза засветились любовью, и почувствовала пылкую решимость с корнем вырвать всех, кто хочет причинить вред государству и великому вождю.

— Когда я устаю, я думаю о нем, и ко мне приходит новая энергия, — призналась она трепетно.

Мужчины равнодушно посмотрели на нее. Андрей повернулся, чтобы подробно заполнить бланки.

— Какой будет приговор? — рассеянно спросил он.

— А какой обычно? — мягко спросил Рыков.

— Ну, говоря по правде, товарищ, мы последнее время главным образом расстреливали. Переполненность здесь такова, что мы остро нуждаемся в свободных местах.

— Меня слушает сам Сталин. Именно по его просьбе я работаю здесь, понимаете. Она совершила преступление, о которых я не могу вам рассказать. Но расстрел для нее был бы слишком милосердным.

— Что же делать? — спросила Роза.

Рыков выключил дуговую лампу. В свете обыкновенной лампочки была видна фигура Акулова, привязанного к стулу, его рот был заткнут кляпом, а лицо исполосовано свежими алыми подтеками. Рыков с бесстрастным видом вытянул из кармана резиновый жгут и хлестнул его по лицу.

— Колыма, — сказал он. — Пошлите обоих на Колыму. Он протянул руку и взял бланки.

— Скоро вы отправитесь спать. Я вам приготовлю бумажную работу.

— Я пойду приму душ, — сказала Роза. — До завтра.

Она вышла, а Андрей продолжал сортировать дела. Его перо скрипело в тишине комнаты, заполняя стопки бланков: кого расстрелять, кого отправить в лагерь, кого все еще держать, а кого арестовать.

Уже собираясь уйти, он заметил Акулова, по-прежнему тяжело обмякшего на стуле, и поднял трубку телефона.

— Пришлите двух конвоиров.

Они развязали Акулова, вынули кляп изо рта и поставили его на ноги. Он волочился между ними по полированному паркету коридора, испытывая боль во всем теле. Он тоже танцевал «стойку» мучительными днями напролет. Коридор был длинным. Днем выхоленные люди работали со своими делами и бумагами в кабинетах по обеим его сторонам. Сейчас, когда он тащился вдоль коридора, он слышал звуки работы ночной смены.

Молодая женщина закричала: «Вы не смеете! Вы не смеете!» Потом она вопила, и вопль разбивался на сотню нот: «Как вы можете?»

Когда его тащили мимо двери, человек, мокрый от пота, резко открыл изнутри дверь, видимо, чтобы охладиться. Не взглянув на него, он вернулся назад в комнату, где его коллеги избивали мужчину резиновыми шлангами. Залитое кровью лицо казалось бурым, и он вскрикивал: «мама, мама» снова и снова. Акулов узнал в нем Савинкова.

Из этой двери вышел человек и пошел перед ними.

— Кривицкий! — хрипло рявкнул Акулов. Дубинка резко ударила его по животу, и он скрючился на полу. Пара блестящих туфель подошла и встала у его лица.

— Поднимите его.

Акулова прислонили к стене, и Кривицкий махнул охранникам, чтобы они отошли в сторонку.

— Что ты хочешь? — холодно спросил он. — Я не могу вызволить тебя отсюда. Ты признался?

— Я ничего не совершил, кроме исполнения долга офицера Красной Армии. И мне не в чем признаваться.

Спазм ярости исказил лицо Кривицкого.

— Никто ничего не совершал, ты, глупый крестьянский сын! — прошептал он. — В этом суть.

Он отодвинулся так, чтобы Акулов смог разглядеть Савинкова внутри комнаты. Его перестали бить и держали под руки. Он вскрикивал от сильной боли, и Акулов увидел, что они загоняли большие заостренные щепы ему под ногти пальцев рук.

— Как ты думаешь, почему он здесь?

— Вы хотите, чтобы он сознался в том, чего не совершал.

— Ты глупый крестьянин. Он уже сознался. Его судили и приговорили. Его расстреляют утром.

Савинков вспыхнул, как римская свеча*, как воспламененный фосфор. Кто-то ногой захлопнул дверь, но это не захлопнуло звуки.

— Зачем? — прохрипел Акулова. — В чем смысл?

* Римская свеча — род фейерверка.

— Так находит нужным Хозяин, — просто и невыразительно произнес Кривицкий.

— Елену взяли, — сказал Акулов. — Ее приговорили к Колыме.

— Значит она, как ты и как Савинков, должна смириться с судьбой.

— Там был Рыков. Он взял ее дело. Он не допустит, чтобы она добралась до Колымы. Он мучительно и медленно убьет ее.

— Колыма и тебя убьет медленно и мучительно. Для того она и предназначена. Это падеж, чума, убивающая скот.

— Но не то, что нужно Рыкову, — в отчаянии произнес Акулов.

Кривицкий пожал плечами и отвернулся.

— Ты учился в Царском Селе, комиссар? Ты фотографировался с ними?

Кривицкий повернулся к нему, но его лицо ничего не выражало.

— Елена знает, что у Рыкова есть ваша институтская фотография, а ты тоже снят на ней. Рыков убивает всех этих людей, комиссар. Иди в квартиру Рыкова. Там ты увидишь эту фотографию. И там будет моя жена. И ты увидишь, что тебе самому угрожает смерть.

* * *

На тускло освещенной улице стояли старые, но крепкие дома. Сапоги двух сотрудников НКВД эхом раздавались в каменном лестничном колодце, когда они тащили Елену наверх. Ее ноги оставляли пятна крови на каждой ступеньке. Утром люди будут отводить свой взгляд, точно так же, как они будут прятать головы под подушку, чтобы не слышать ее криков.

У Рыкова были две старые, царских времен, комнаты с высокими потолками, большие и просторные, с прихожей, отдельной ванной и кухней. Они являлись таким же символом его власти, как боязливое молчание его соседей.

Ее провели в спальню. Кровать была большая, заправленная безупречно белым бельем. Длинные белые свечки горели по обеим сторонам изголовья, а в ногах аккуратно лежало свадебное платье. Рыков услышал шум открываемой двери и стоял, выжидая и улыбаясь.

— Добро пожаловать, хозяйка, — сказал он. Он надел черную кожаную чекистскую куртку, которой она не видела более пятнадцати лет. Он повернулся, чтобы она поняла, что это за форма.

— Хорошие деньки, хозяйка, хорошие деньки, — негромко произнес он. — Они опять вернулись.

Она молчала. Она испытывала сильный страх, но знала, что должна держать себя в руках.

— Вот твоё свадебное платье. Не желаешь ли его надеть?

Она посмотрела на него, затасканное, испачканное и разорванное, оно все еще было красивым.

— Это не мое платье, — сказала она. — Это платье Жени. Я была у нее, когда портниха пришла к ней для примерки. Женя погибла, превратилась в ледяную глыбу. Платье испорчено.

Рыков одобрительно кивнул.

— Многие надевали его. Но оно никому так не подходит, как тебе. Так что надень его.

— Нет!

Два сотрудника ГПУ схватили ее за локти, и она с ужасом поняла, что все трое не раз уже разыгрывали эту сцену, в которой только четвертая участница, как и она только что, не знала, что последует.

Она была одета в бесформенные штаны и рубашку — одежду заключенной. Рыков подошел к ней. В руке он держал нож, и она ощутила, как лезвие царапнуло ее по животу, когда он разрезал шнурок, и штаны упали на пол. Он срезал пуговицы рубашки, одну за другой, и его помощники сняли ее.

— Кровь на белой коже, — сказал Рыков, посмотрев на нее, — очень привлекательна.

Глаза двух охранников рассматривали ее тело. Ей захотелось прикрыться, так же, как захотелось молить о пощаде, но она знала, что именно этого добивался Рыков, и заставила себя стоять прямо. Она ничего не говорила.

Два помощника похабно хохотнули.

— Если бы это был обыкновенный случай, я бы позволил ребятам немного позабавиться первыми, потому что мое удовольствие немного иное, после которого для моих ребят ничего интересного не остается. Но на этот раз здесь ты, хозяйка, и я собираюсь заняться тобой сам. Ребята не будут возражать. Я устрою им небольшой праздник завтра. Поэтому прошу надеть платье.

От платья шел запах, когда его натягивали на нее, и оно было запятнано кровью.

— Оно было замечательно чистым, когда его надела Женя, и Верочка тоже, — произнес Рыков. — Но это было очень давно.

На камине стояла фотография. Такая же, как у нее дома. Юноши и девушки смотрели с нее, тревога или ожидание в их улыбках отражали страхи и надежды наступавшей Революции.

— Там вы все, — сказал Рыков.

— Какое ты имеешь к этому отношение? — спросила она. — В чем смысл?

Его глаза блестели, когда он смотрел на нее в свете свечей.

— В этом есть смысл, хозяйка. Это есть Революция.

— Революция давно закончилась.

— Нет, хозяйка, Революция будет длиться вечно. Она никогда не кончится.

— Значит, по-твоему, не будет мира, не будет нормальной жизни?

— Что значит «нормальной»? Такая жизнь нормальная для меня.

— И все это? Это платье, эта ужасная пьеса, которую ты разыгрываешь со мной. И то, что ты делаешь с друзьями, в чем смысл?

— Ты можешь расстрелять кого-нибудь, хозяйка, но так ты не доберешься до его души и не узнаешь, где она находится и как она живет и в чем выражается. Я понял это на войне. Нам пришлось убить множество людей, чтобы заставить других воевать. Но если не спешить, то более интересно убивать их понемножку за раз и таким образом можно понять их. Еще интересно подвесить человека вверх ногами на дереве и беседовать с ним день или два. Таких, как ты, интереснее одеть в свадебное платье и провести вместе ночь, твою последнюю ночь. Только ты и я.

Он подошел и положил на ее плечи свои руки. Она не смогла удержать дрожь омерзения, она почувствовала, что ее кожа покрылась мурашками.

— Вот и хорошо, — прошептал Рыков. — Очень хорошо...

Снаружи послышался топот сапог и треск выбитой двери. Вошел Кривицкий, а за ним еще трое. Он был в униформе, сверкающие ромбики указывали на его ранг. Он окинул взглядом всю картину в мягком освещении свечей.

— Поезд отходит, — произнес он. — Заключение Акулова — на выход.

— Так скоро? — спросил Рыков. — Графиня хотела примерить новое платье.

— Поезд! — рявкнул Кривицкий грубым голосом.

— Очень хорошо.

Елена почувствовала пальцы на своей спине, они расстегивали пуговицы, и платье соскользнуло с ее плеч. На нее натянули ее одежду с оторванными пуговицами. Кривицкий взял пальто у одного из своих людей и накинул его ей на плечи. Она выпрямилась и увидела, как Кри-

вицкий сунул сложенную фотографию во внутренний карман кителя.

Их ждала машина. Она остановилась на какой-то из улиц, выпустив Кривицкого в ночной город.

— Береги пальто, — сказал он. — На Колыме холодно.

Она сунула руки в карманы и обнаружила в одном из них пачку денег. Она тайком туго свернула их и запрятала в волосы.

Оставшись в своей квартире один, Рыков тщательно заполнил бумаги. Он вписал полное имя Елены и указал, что ее шпионская деятельность доказана. Он написал, что ее осудили по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР. Обычно таким, как она, приписывали также троцкизм и контрреволюционную деятельность. Он написал и это. Срок — двадцать пять лет. Он подписал бумагу, поставил штампик со своей фамилией и с должностью внизу и только тогда поставил основную печать. Документы у Рыкова всегда были безупречны...

Лубянка, Москва

Дверь камеры стукнулась о стену, когда охранник толкнул ее.

— Первый секретарь Московского обкома, — громко объявил он, и Хрущев вошел внутрь. Камера воняла потом, кровью и выделениями. Это был специфический запах, но он привык к нему с тех пор, как проверка городских тюрем была вменена ему в обязанность.

На каменном полу валялся очень крупный человек. Его обнаженное тело было исполосовано красочно, как ковер. Кровоподтеки, опухоли и рубцы были всех оттенков — от желтого до ярко-красного. Его запястья и щиколотки сковывали кандалы. Над ним стояли двое — молодые мужчина и женщина. Черные резиновые шланги вились в их руках. Они подняли глаза и отступили, когда вошел Хрущев. Девушка была очень красива, но ее красота была холодна и жестока. Она отбросила с лица свои длинные светлые волосы. На окровавленном полу медленно и тяжело зашевелилось большое тело.

— Есть трудности? — формально поинтересовался Хрущев. Это входило в его работу. У государства имелись враги, и он должен был быть в курсе борьбы на этом фронте.

— Он редкостно упрям, товарищ, — с улыбкой ответил молодой человек.

— Но мы как коммунисты переупрямим его, товарищ Первый секретарь, — убежденно сказала девушка.

Истерзанное тело раздулось и было сплошной раной, за исключением неповрежденной правой руки.

— Почему так? — указав на нее, спросил Хрущев.

Молодой человек добродушно улыбнулся.

— Он должен подписать, иначе он не сможет поставить подпись. Нужна собственноручная подпись.

Крупный человек с трудом поднялся на четвереньки.

— Ну что ж! Продолжайте.

— Подождите. Никита Сергеевич, подождите!

Это произнес человек на полу. Его низкий голос звучал хрипло, он повернул к Хрущеву свое избитое лицо. С ужасом он узнал его.

— Это же комдив Акулов! — сказал он оперативникам. Он казался потрясенным. — Почему он здесь?

— А-а... его взяли... он обвиняется в шпионаже... — суетливо заговорил молодой человек, Андрей.

— Я невиновен... — прохрипел Акулов.

Хрущев указал на стул легким взмахом руки.

— Усадите его.

С немалым трудом оперативники помогли Акулову взгромоздиться на стул. На столе лежало полотенце, которым они вытирали свои потные лица. Хрущев положил его Акулову на колени.

— Ты говоришь, что он упрям, — спросил он. — Как это понимать? Он не сознался?

— Да, он не сознается, — ответил Андрей. — Мы с Розой работаем над ним уже несколько недель...

Девушка скользнула за его спиной.

— Простите, — пробормотала она, — я сейчас вернусь.

Она вышла через боковую дверь, невидимую из-за мощных ламп, и Хрущев сказал нечто, чего ему никогда не приходилось говорить до сих пор.

— Так, может, он невиновен?

Акулов поднял на него глаза, в глубине которых вспыхнула благодарность.

— Я не виновен. Я честно исполнял свой долг офицера Красной Армии, — хрипло сказал он.

— Удивительно, что он не сознался, — пробормотал Андрей с покорностью.

— Признание — это все. Разве не так говорит прокурор Вышинский? Признание — доказательство вины. А здесь перед нами человек, который не признается многие недели.

— Возможно, он невиновен, — согласился Андрей.

За светом огней открылась дверь и послышались шаги вошедших людей. Роза сразу вышла на свет, но другой человек остался сзади, в тени.

— Но он должен быть виновным, — тихо произнесла Роза. — Его обвиняет партия, а партия по самой своей природе не может ошибаться.

Андрей стоял спиной к свету. В его глазах появился страх, и он пытался разглядеть что-то через плечо. За огнями кто-то негромко кашлянул и тихонько побарабанил пальцами по столу.

Румянец медленно сходил с круглого лица Хрущева.

— Это, конечно, верно, — прошептал он. — Об этом нельзя забывать.

Надежда угасла на лице Акулова. Хрущев не мог взглянуть на него.

— Что нам делать, товарищ Хрущев? — вкрадчиво спросила Роза. Где-то за ней был слышен стук пальцев по столу и какое-то шарканье.

— Вы должны доказать вину. Получить признание, — пробормотал он. Он уже поворачивался, чтобы уйти, но девичий голос вернул его.

— Но как? До сих пор нам это не удалось.

— Бить! — задохнувшись, выговорил он.

— А если не поможет?

— Бить и бить снова! — крикнул он. — Разве вы не знаете вашу работу?

Дверь стукнулась о стену, когда он вышел, и они услышали его быстро удалявшиеся по коридору шаги. Из потока слепящего света появилась нога. Она ударила по спинке стула, толкая его вперед, и Акулов упал на пол.

— Вы слышали слова Первого секретаря, — с удовольствием буркнул Рыков. — Выполняй его указание, Роза.

Девушка весело подняла свой резиновый шланг и со восторгом размахнулась.

— Ты жалкий таракан, кусок говна! — взвизгнула она.

Рыков повернулся к мертвенно-бледному молодому оперативнику:

— Андрей, — тихо выговорил он, — выйди со мной на минуту...

Роза Савинкова зевнула. Было поздно, близился конец смены. Дверь открылась, и вошел сотрудник с заполненным бланком.

— У нас будет отдых на этой неделе, — весело сказал он. — Камеры решено очищать. Многих будут отгружать на Колыму.

— Да ну? — удивилась она.

— Очень многих, и признавшихся, и нет. Не скажу, чтобы я был против, — он огляделся в пустом кабинете. — А где Андрей?

— Его обвинили сегодня утром, — ответила она со

злорадством. — Он участвовал в заговоре с целью помочь бежать заключенным.

— Андрей? — удивленно переспросил тот.

— Он уже сознался, — с торжеством сказала она. — Я сама с ним работала, пока он не подписал признание. Она вдруг нахмурилась, заглянув в бумагу.

— Постой-ка. Дай мне посмотреть.

Сотрудник вручил ей список.

— Вот этих будут отвозить на пересыльную станцию завтра с пяти утра. Мне повезло, я могу поспать.

Бумага была из Московского горкома. Подписана Первым секретарем Хрущевым. Она ругнулась и встала. Сунув бумагу в руки сотруднику, она вышла.

Акулова держали в крошечной камере, специально предназначенной для крупных высоких людей. Голая лампочка светила круглые сутки, независимо от того был день или ночь. Он мог лежать только скорчившись, и он скорчился под тонким хлопчатобумажным одеялом. Он проснулся и взглянул на нее, когда дверь, открывшись, хлопнула в стену.

— Тебя отсылают! — прошипела она. — Ты сбегашь, ты, шпионская мразь.

— Отсылают куда? В лагеря? — спросил Акулов. — Это не побег.

— Ты сбегашь от меня, сифилитичная вошь. Я каждого могу заставить признаться. Я — воля партии.

Она побелела от ярости. Неожиданно она ухватила за подол своей приталенной синей юбки, задрала ее вверх до талии и встала над ним, раздвинув ноги. Под юбкой она была совсем голой.

— Посмотри хорошенько. Туда, куда ты поедешь, тебе не придется этого даже понюхать.

Его глаза на избитом, истерзанном лице хладнокровно рассматривали ее.

— Ты гадкая девчонка с гадкими привычками, — равнодушно сказал он. — Оставь меня в покое.

Он натянул одеяло и закрыл глаза. Роза стояла и смотрела на него с отчаянием. Она выглядела, как испорченная маленькая девочка, готовая расплакаться от обиды. Юбка сползла на место, и она вышла.

Магадан, Колыма

— **Е**лена, Елена!
Она стояла у длинного барака. Когда она прибыла сюда, увидела надпись на двери: «Регистрация и распределение». Над воротами, через которые она прошла вместе с другими, висел лозунг: «Труд — дело чести, доблести и героизма». Но сейчас было совсем темно. Ее щеки еще горели от ударов, и было очень холодно. Длинная, медленно ползущая очередь серых людей волочилась в утробу лагеря. Умерших и потерявших сознание убирали с ледяной каменистой дороги причала.

Умирающих складывали, как бревна, вместе с умершими, и ночной холод уравнивал их. Немногих, которых посчитали заслуживающими спасения, взяли в длинный барак рядом с отделом регистрации. А она стояла снаружи, сжимая свою влажную, потрепанную папку в руках.

— Елена!

— Кто это? — прошипела она в ответ.

— Это я, Катерина.

— Катерина! Я не вижу тебя. Я слепну в сумерках, а в темноте совсем слепая. Где ты?

— В слабосилке, в лазарете. Я должна скоро родить. Я была беременна, когда нас взяли... Послушай, эта слепота — из-за недостатка витаминов. Многие ее приобретают при перевозке... нужен рыбий жир. Почему ты там стоишь?

— Мне приказали. Одна из охраны. Здоровенная баба с громким голосом.

— Гридасова! Что ты сделала?

— Я уронила свою папку в лужу. Она говорит, что я должна здесь стоять до утра, пока регистрационный отдел не откроется, чтобы мои бумаги вновь перепечатали.

— Вот сука! Как ты до сих пор сумела сохранить пальто? Как тебе удалось? Уголовницы все снимали с нас, все, что у нас было, когда мы прибыли...

— Нам повезло. С нами была женщина, которую звали Таня Шилова. Она была членом партии, мастером на

машиностроительном заводе. У нее руки, как лопаты, а голос, как вулкан. Когда уголовницы набросились на нас, она так ударила одну, что сбила с ног. Она заорала на них их же словами так, что они испугались ее и не стали с нами связываться... Мой папа любил говорить: «Молодец против овец, против молодца сам овца!» А потом они оказались не таким уж страшными. Я рассказывала им разные истории, и они слушали, как дети. Каждый день они приходили и сидели в ужасной, вонючей каталажке в полумраке, чтобы послушать мои рассказы. Я пересказывала им разные книги. Им так понравился «Ветер среди ив»*. Я столько раз пересказывала им историю о Барсуке, Кроте, Крысе и Жабе, сражавшихся с ласками.

— Какой это был пароход?

— «Журма».

— Там все еще стоит этот большой бак? На краю которого пристраиваешься по нужде на корточках?

— Да. У одной был страшный понос, и утром ее нашли там, упала от слабости и утонула. Ее даже не стали вытаскивать...

Из темноты донеслась какая-то возня.

— Елена, мы протянем тебе кружку на палке. Мы у окна. Иди ближе. Протяни руку. Немного выше. Осторожнее. Теперь чуть-чуть левее. Вот так.

Она почувствовала тепло и схватила жестяную кружку.

— Это чай, вернее, то, что здесь называют чаем. Мы положили туда немного масла и рыбьего жира. Это из аптеки. Иногда нам удается что-нибудь стащить...

Жидкости было чуть больше трети кружки, но она была горячей и маслянистой.

— Ивана взяли? — спросила Катерина.

— Да.

— Может быть, он тоже жив и ты еще увидишь его. Вы снова встретитесь. А Бориса расстреляли.

— Иван не признается. Он все еще верит... Он не признается в том, чего не делал.

Она с сожалением допила чай и повесила кружку на палку. Палка вернулась в окно. Было ужасно холодно. Она начала дрожать и не могла остановиться.

— Катерина... ужасно холодно. Папка замерзла... У тебя нет чего-нибудь теплого?

— У тебя есть деньги? Или чего-нибудь ценное? У надежных людей можно купить или выменять что-нибудь.

Она сунула руки в свои свалявшиеся густые волосы и нащупала плотно скатанную пачку денег, засаленных, но целых.

* «Ветер среди ив» — произведение Катерины Гриневей.

— У меня есть деньги.

Снова появилась кружка на палке, и она положила деньги внутрь.

Через некоторое время рядом с ней послышался глухой шлепок. Что-то упало к ее ногам.

— Валенки, — прошептала Катерина, — и шерстяной шарф. Обмотай голову.

В ослепших глазах Елены вспыхивали огоньки, яркие, мрачные молнии пульсировали по нервам, боль пронеслась в голове, словно раскаты грома. Она заставила себя надеть валенки и шарф. Она не почувствовала тепла, но холод ощущался меньше. Она не умрет этой ночью. Но денег, которые она так бережно хранила для утра, которое должно наступить, уже не было. Во время долгого путешествия до Владивостока она ухитрилась вытащить из вагона длинный гвоздь и спрятать его в своей обуви. Теперь она держала его в руках. Осторожно, останавливаясь время от времени, когда боль становилась нестерпимой, она приступила к делу...

Наконец наступил рассвет, а за ним и утро, и ее глаза стали видеть.

Вся голова болела, и боль пробегала где-то в костях скул как затухающие звуки грома, исчезающие вдаль. Какая-то старуха смотрела на нее из окна барака. Она помахала ей, и Елена подняла в ответ негнувшиеся синие пальцы.

— Привет, Катерина, — прохрипела она, узнав подругу.

— Привет, Елена. Я так рада, что ты жива. Здесь говорят, что Бог сейчас в отпуске, но ты знаешь, что это не так. Я ухожу, потому что идет охрана. Когда родится ребенок, я надеюсь, мы будем вместе. А сейчас мне надо идти.

Люди брели по огромному лагерю. Мимо Елены прошла женщина, отперла дверь здания регистрации и вошла. Потом приходили служащие, через полчаса первая женщина появилась в дверях.

— Заходи, — сказала она Елене.

Елена ползла за ней, едва передвигая ноги. Она совсем закоченела за ночь, и холод, казалось, проник до мозга костей. Женщина была одета в ватник и штаны. Она сидела в маленьком кабинете за пишущей машинкой и бросила опытный взгляд на Елену.

— Можешь встать у печки, — сказала она. Она говорила негромко и быстро. У нее была явно старорежимная манера речи. Елене показалось, что они ровесницы, хотя здесь трудно было судить о возрасте.

— Тебе надо научиться побыстрее соображать, — про-

бормотала она. — Уронить папку в лужу, это не слишком умно.

Она заложила новый бланк в машинку и стала быстро печатать.

— Ты училась в институте благородных девиц. В лазарете есть женщина, которая ждет ребенка, она тоже училась там. Я недавно заполняла ее бумаги.

— Это Катерина. Мы учились вместе.

— Ну конечно. Мой отец говаривал: «Если постоянно ходить на Шалыпина, то встретишь всех своих знакомых»... Он, разумеется, не сидел в лагере, — иронически усмехнулась она. — Послушай, чтобы получить хоть какой-то шанс выжить, тебе следует постараться добиться работы в помещении. Товарищ Сталин приказал, чтобы за нами, заключенными, перестали «ухаживать, как за больными». Поэтому на внешних работах заключенным дают пальто, подбитое ветром, и парусиновую обувь. А морозы здесь доходят до пятидесяти градусов. Может быть, ты встретишь здесь какого-нибудь знакомого, который сможет тебе помочь. Если ты попадешь на лесоповал, ты умрешь...

Ее пальцы перестали стучать по клавишам.

— Ох... — безнадежно сказала она.

Елена напряженно наблюдала.

— Ты дошла до моей категории? — сказала она.

— Да. Ты КРТД, обвиняешься в контрреволюционной троцкистской деятельности. Твой следователь невзлюбил тебя?

— Да. Что это значит на деле?

— Особые инструкции. Во все время заключения запрещена переписка и телеграммы. Использовать только на тяжелых работах, сообщать о поведении каждые три месяца.

— Кто-то протягивает три месяца?

— Иногда.

— Шесть?

— Нет. В этом-то и дело. Это удостоверение на смерть.

Елена держала руки в карманах пальто. Теперь вынула и положила на стол окровавленную золотую коронку зуба.

— Я уронила папку нарочно. Пропусти букву «Т», тогда я стану просто политической.

Женщина внимательно посмотрела на золото и положила в карман. Она снова начала печатать. Когда она закончила, она молча вручила ей влажную мятую папку, не взглянув на нее.

— Кинь этот мусор в печку, — сказала она.

Небольшая печка зашипела, приняв еще влажную бумагу, и женщина подняла глаза.

— Тебе бы следовало попросить меня перезаписать тебя лошадю, — сказала она с подобием улыбки. — Я бы в любой момент согласилась стать лошадю. У меня была бы еда, выходной через десять дней, я работала бы только по своим возможностям, а главное, у меня была бы теплая конюшня и попона. Но мы политические, и наша цена намного ниже, чем у лошадей. Теперь быстро скажи, что ты можешь делать? Что-нибудь необычное?

— Я хороший садовник и огородник, — живо ответила Елена. — Травы, овощи, фрукты, цветы. Начальство ведь любит поесть?

— Любит, — подтвердила женщина. Она взяла лист бумаги, вложила его в машинку и что-то напечатала.

— Возьмешь это и пойдешь к Гумилеву в подсобное хозяйство. Я объясню, где это.

— У меня ловкие руки, — сказала Елена. — Я им помогу управляться с рассадой, если у них есть теплица.

— Ты быстро соображаешь. Это хорошо. Да, в теплице не холодно, — она вынула бумагу и поставила на нее штамп. — Большинство охранников не умеют читать. Если тебя остановят, показывай бумагу. Они уважают напечатанное слово.

Она отдала ей бумагу и добавила:

— Надеюсь, ты и со мной поделишься. Всякими травами, особенно чесноком. Прошлой зимой у меня была цинга. К тому же я почти ослепла, а ослепшей машинистке место только на лесоповале.

— Хорошо, — пообещала Елена. — Я думаю, садовника, у которого нет урожая, тоже посылают на лесоповал.

— Я сразу поняла, что ты сообразительная, — сказала женщина и улыбнулась.

Москва, сентябрь 1939

— Ну, за работу!

Кривицкий снял куртку, повесил ее на спинку стула и уселся. Марта села напротив, приготовив свой блокнот.

«Личные дела» шли в алфавитном порядке, и имя на первой же папке привлекло внимание Кривицкого.

— Акулов, — сказал он. — Смотри-ка, он, оказывается, жив!

Открыл папку и перелистал бумаги.

— Его посылают на Колыму. Х-м-м... Смотри-ка, он не подписал. Удивительно!

— Он что же, не признался?

— Да... да, похоже, его не смогли сломить. Наверное, они сильно рассердились... Давай-ка прочитаем... «Заключенный Акулов упрям и замкнут. Никакие меры воздействия не сломили его упорство заперательства. Он стоит на своем, заявляя, что якобы предан партии и долгу офицера Красной Армии. Факты признания своей вредительской деятельности со стороны известных ему офицеров не влияют на его упорное заперательство, он объясняет их ошибками и самоговорами. Работе с этим подозреваемым следствие уделяло много внимания, согласно указанию по очищению камер для новых подозреваемых, допросы в настоящее время прекращены. Однако выявленные через свидетельские показания контакты подследственного с агентами иностранных держав дают основания на подозрение в шпионаже, согласно статье 58 УК. Можно утверждать, что фактически имел место шпионаж как государственное преступление. Рекомендовано в случае отмены ограничений на ликвидацию лиц его специальности приговорить к расстрелу». Ну, уж он точно перешел кому-то дорогу. Надеюсь, его не вовсе изувечили. Он, должно быть, прошел изрядную мясорубку.

— Какая у него специальность?

— Командир танковой дивизии. Ты знаешь, сколько требуется времени, чтобы подготовить командира такого уровня? Не меньше пятнадцати лет обучения и практического опыта. Такие, как Акулов, составляют государственную ценность, — он улыбнулся Марте. — Но об этом ни слова.

Она ответила улыбкой понимания.

Совмещение в одном лице хозяйки дома и личного секретаря было дополнительной мерой безопасности. Кривицкий мог быть уверен, что она не донесет на него Берии...

— Вот и хорошо... Так в чем же они его обвинили? А-а. Он же был одним из ведущих руководителей в объединенной Советско-германской танковой школе в Казани. Значит, его обвинили в шпионаже в пользу Германии. Ну что ж! В свете славного соглашения между нашими великими странами, подписанного в том месяце и закладываемого основы вечной дружбы, я думаю, что мы можем это пересмотреть и вернуть заключенного Акулова к работе.

— Не могу поверить, — с горечью сказала Марта. — Я посвятила жизнь борьбе с фашизмом, вот почему я коммунистка. И видеть Риббентропа и других нацистских свиней здесь, в Москве, видеть, как наш вождь Сталин обнимается с ними... Мне хочется плакать...

Кривицкий закрыл папку Акулова и аккуратно отложил ее в сторону — первой в стопке дел, требующих пересмотра.

— Прежде всего отменить распоряжение о направлении его в Спецотряд 28.

Он посмотрел в окно на площадь, где совсем недавно черная свастика колыхалась на ветру рядом с золотыми серпом и молотом. Отдел, ответственный за оформление улиц, был крайне удивлен распоряжением по подготовке к этому международному событию. Не меньше был удивлен и директор киностудии, впрочем, тут же остановивший съемки очередного антифашистского фильма и приказавший срочно убрать реквизиты.

— Марта, это не продлится долго, — сказал спокойно Кривицкий. — И все это кончится плачевно. И дело не обойдется слезами.

Колыма

— Катерина, я здесь.

В лагере был ангар, в котором раньше хранились телеги. Сейчас их не было, потому что их сожгли для топлива, но ангар уцелел, и в нем можно было спрятаться от чужих глаз. Катерина чуть передохнула после утомившего ее пути и вошла внутрь.

— Иди сюда, — шепнула Елена, суя ей в руки кусочек колбасы и две печеные картофелины. — Мне удалось обменять несколько морковин на колбасу. Смотри, там есть даже сало. Ешь скорее. У тебя будет молоко. Я держала картошины на котле, они еще теплые. Ну, ешь поскорее.

Катерина равнодушно держала еду в руках.

— Мне больше ничего не надо, Елена.

— Не глупи...

— У меня совсем нет молока, — хмуро сказала Катерина. — Понимаешь, они проверяют. Бедный Борюшка. Он все время голодал. А сегодня не было ни капли.

— Может быть, мы сумеем достать коровьего? Я постараюсь что-нибудь придумать...

— Борю забрали. Они оставляют тебе ребенка, пока у тебя есть молоко. Потом он уже не твой. Такие у них правила. Они сказали, что если я враг народа, то Боря не принадлежит мне. Он принадлежит органам безопасности, и они его воспитают. Бори больше нет. Его забрали в детприемник, в детдом НКВД.

Она подняла на Елену сухие глаза.

— Бог накажет меня, но я предпочла бы видеть его мертвым, чем одним из них. Они разрушат его душу, вывернут наизнанку и превратят в свое подобие. При царе таких, как они, ловили с полицией и запирали. Теперь они ловят нас и запирают. Они забирают наших детей,

чтобы сделать из них чудовищ, таких, как они сами. Было бы лучше, чтобы Борюшка умер, чем знать, что он может стать извергом!

Она стояла, прижав руки к плоской груди, ее поседевшие волосы в беспорядке падали на лицо.

* * *

Этот человек напоминал Садовского. У него что-то было с руками, обе кисти вместе с пальцами забинтованы. Грузовик остановился за колючей проволокой, и Акулов выбрался. Здесь было теплее. Под резиной колес «ЧТЗ» была мягкая земля. На Колыме она замерзла, и ее снимали вместе с дерном, чтобы растереть в поисках маленьких вкраплений золота. Эта земля чем-то привлекала его... он глянул вниз с искрой вспыхнувшего профессионального интереса. На ней были следы гусениц!

— Да, это танки, Иван Иванович, — сказал человек. Теперь он уже точно понял, что это Садовский. — Вас вовремя освободили.

— Я думал, что меня везут на расстрел, — проговорил Акулов. — Люди в моей бригаде умирали, а мы не выполняли нормы. Я не мог им помочь даже шепоткой табака. Что это за место?

— Испытательный полигон Красной Армии, — Садовский двинулся по направлению к зданиям, и Акулов пошел рядом с ним. — Мы — зеки-специалисты. Инженеры, конструкторы, директора. А теперь и ты, командир. Нам здесь нужен танкист. Ты можешь водить танк, а, Иван Иванович?

— Могу. А ты-то что здесь делаешь, Петр Павлович?

— О, не подумай, что я прямиком с завода. Я был в лагере на сорок четвертом километре. Вот оттуда меня и привезли, когда я понадобился. Я признался в организации саботажа в пользу Британии. А ты в чем признался, Иван Иванович?

— Да ни в чем. Я ничего не сделал и потому ни в чем не признался.

Тень улыбки озарила лицо Садовского.

— У вас, крестьян, дубленая кожа.

— Как это тебя взяли, Петр Павлович? Мы с Еленой всегда думали, что тебя заберут последним, потому что у тебя могущественные друзья. Ты же был в приятельских отношениях с Хрущевым.

— Он закончил метро досрочно благодаря мне и нашим машинам и я ничего не имел против, когда он приписал все это себе. Никита Сергеевич не такой человек, чтобы испытывать чрезмерную благодарность, но ее было достаточно. Нет, это не он. Это Вышинский.

— Прокурор? Однажды нам пришлось встретиться. Всегда готов лизать зад властям.

— Да, это о нем. Как-то вечером он пришел ко мне с Хрущевым на обед, и я показал им свою модель поезда с декорациями и световыми эффектами. Я сам ее сделал. Если соблюдать правильную последовательность и сопровождать текстом, то эта игрушка демонстрирует, как кремлевский ублюдок выиграл гражданскую войну. Там Троцкий убегает из-под Казани, а Сталин спасает большевистское дело. Конечно, полная ложь. Сталин никогда не приближался к линии фронта, а только убивал из-за угла, в тылу. Троцкий хоть не был трусом и действительно победил под Казанью. Но за эти маленькие подлости я получал небольшие льготы для себя и своей семьи. Я не обижусь, если ты скажешь, что это — технология подхалимства...

Воздух был мягок, как одеяло, и Акулов прочистил горло, отсыревшее от смены перегретого пара, что растопляет замерзшую почву, холодным ветром при минусовой температуре, который все вымораживает.

— Я думал, что нас пронесло. Ежова убрали, и я полагал, что с этим покончено. Но ночью они за нами пришли, не в городе, на дачу. Я считал, что договорился с Вышинским, но эта сволочь Маленков приезжал на Лубянку, чтобы полюбоваться, как меня бьют. От него я и узнал, что произошло. Вышинский занял мою дачу. Он не рискнул освободить Андрея, как я его просил, в обмен на модель зала суда. Он просто взял панораму с поездом, так что смог приползти к заднице Сталина. Он взял ее и представил Сталину в Кремле, а Сталин показал ее иностранным дипломатам и другим дуракам. Маленков считал, что это очень забавно. Там замешан Рыков, он палач у Вышинского. Вышинский взял дачу, а Рыков отдал мою дочь Галю. Иван Иванович, я и сейчас слышу ее крики. Она звала меня.

Садовский задохнулся. Он неловко вытер лицо забинтованной рукой.

— Она кричала, когда ее тащили, она кричала «Папапапапа», а я ничего не мог сделать. И я до сих пор не знаю, жива ли она. Жены моей Анны нет в живых.

— Если мы живы, кто знает, может быть, и твоя дочь жива, — мягко произнес Акулов.

— Анна вообще боялась выходить из дому. В гражданскую войну ее схватили чекисты и насильовали в камере снова и снова. Она так и не оправилась от этого ужаса. Она едва могла говорить, ужасно заикалась. И безумно боялась. Она никогда не выходила на улицу, потому что

снаружи были они. Я обещал ей, что сберегу ее, ее и нашу дочку. Я обещал Андрею и Борису, что они будут в безопасности. В фургоне, куда меня кинули, на мясном крюке висел Андрей. Как я ошибся, Иван Иванович. Я совершил страшную ошибку...

По лицу Садовского катились слезы.

— Я думал, что Хрущев обладает властью, что у нас есть надежная защита. Я думал, что он мне поможет уговорить Вышинского освободить Андрея. Он был Первым секретарем, но ничего не сделал, чтобы остановить Вышинского...

— Вышинский — это личная собственность генсека, — негромко сказал Акулов. — Знаешь, «из грязи да в князи»? Он из этих. Хрущев видел меня на Лубянке, когда явился с одной из своих проверок. Он почти готов был меня освободить, но в камеру, где меня били, вошел Рыков. Рыков ничего не сказал, просто стоял за лампами. И Хрущев весь побелел. Кончилось тем, что он приказал меня бить, пока я не сознаюсь. Потом он вышел, и все продолжалось. Говорят, что в партии первое правило выжить состоит в том, чтобы отказывать каждому, кто просит о спасении, но до этого все они обучаются ползать.

Они подошли к двери, и Садовский неловко открыл ее своими забинтованными руками. Друзья очутились в огромном ангаре. Внутри стоял танк, лоснящийся, массивный, смертоносный. Его широкие траки вцепились в пол. Воздух пах машинным маслом и металлом.

— Вот он. Новый танк. Номер тридцать четыре. Очень хороший. Скажи ему спасибо, Иван Иванович, ибо он спас твою жизнь и мою.

В ангаре Акулов разглядел руки Садовского. Под бинтами на месте пальцев были короткие пеньки. Целыми были только большие пальцы. Садовский поймал его взгляд.

— Отморозил пальцы на сорок восьмом километре. Я сохранил большие пальцы, потому что засунул их в рот. Я не смог держать кирку, и меня с другими больными и покалеченными погнало по железнодорожной линии. Нас доставили в ужасное место. Просто человеческая скотобойня. Они заводили мотор грузовика без глушителя, чтобы не были слышны вопли, но когда мы добрались туда, у них сломался грузовик. Я не мог держать кирку, но я сумел воспользоваться гаечным ключом и починил его. Поэтому меня посадили на грузовик, и я гонял мотор, пока они забивали беделог ломками. Мне не надо было вступать в партию, чтобы понять, как можно отказаться от товарищей и как ползать. Я не такой, как ты, Иван Иванович, я не храбрец. Я делал это целых три месяца, пока меня не нашли и не привезли сюда.

23 СОЕ*

Лондон, сентябрь 1940

Рут отдернула занавески, и солнце заглянуло в окна, образовав на ковре клетчатую дорожку. Стекло было целым, но исполосовано лентой, которую она аккуратно приклеила в соответствии с правилами, когда в прошлом году была объявлена война между Великобританией и Третьим Рейхом.

Рут тщательно обдумала туалет. Она всегда учитывала значение одежды для создания нужного впечатления. На сей раз она выбрала простые, но красивые коричневые туфли, в которых обычно гуляла с Владимиром по Даунс**. Вчера вечером она вычистила их до блеска. Чулки были в тон туфлям, а поверх простой, но соблазнительной белой блузки она надела костюм из пестрой шерстяной ткани. Шею она обвила двойной нитью жемчуга и слегка надушилась французскими духами.

Рут была готова. Она постояла в гостиной возле стеклянного шкафчика на дубовом основании. Ее рука невольно потянулась к одному из узорчатых стеклянных графинов. Джин, виски, бренди. Она подумала, и ее рука опустилась. Она взяла сумку с противогололом чуть трясушей рукой и вышла.

Рут шла к автобусной остановке. Голубое небо поблекло от дыма на востоке. Немецкие бомбардировщики вновь прилетали ночью. Потом следы самолетов переплелись в спутанный клубок, когда молодые парни старались убить друг друга высоко в небе, много миль над головой.

Выйдя из автобуса, она прошла по улице до отеля «Нортумберленд». Он казался тусклым, как вдова под печальным покрывалом. Недалеко от входа были сложенные мешки с песком. Рут сообщила свое имя сержанту за стойкой и воздержалась от каких-нибудь замечаний, хотя ее так и подмывало разрядить нервы.

Ее провели наверх, в одну из бывших спален. Табличка на двери лаконично гласила: «Джепсон». Помещение было

* СОЕ — специальные операции в Европе.

** Даунс — известковые холмы на юге и юго-востоке Англии.

совершенно пустым; только два складных стула стояло на половицах. У экрана затемнения рядом с окном стоял человек в армейской полевой форме. Он повернулся к ней.

— Селвин, дорогой, — воскликнула она. Она подумала, что не следует казаться слишком сдержанной, иначе он усомнится, та ли это Рут Ганзберг.

— Рут, — пошел к ней навстречу военный. — Как приятно снова тебя увидеть. Не хочешь ли сесть?

Она села на один из стульев, положив ногу за ногу, и достала сигарету, к которой он поднес зажигалку прежде, чем сесть самому.

— Какая аскетичная комната, Селвин, — бесцеремонно заявила она. — Ты здесь работаешь?

— Я беру здесь интервью.

— У кого?

— У разных людей... — неопределенно ответил он. — Иногда у таких, как ты. Ты хотела увидеть меня, так чем я могу тебе помочь, Рут?

Она улыбнулась.

— Я имею некую теорию, дорогой. Это звучит не очень серьезно? Рут Ганзберг, заядлая говорунья, болтавшая на тысяче вечеров, имеет некоторое теоретическое предположение. Как ты на это смотришь?

— Лично я с некоторых пор считаю, что ты весьма проницательна в том, что касается людей, — сказал Джепсон.

— Ну конечно. Видишь ли, я много училась. Сотрудничая с Сергеем, приходилось учиться... скажем так, разбирать... разбираться в ком-то или чем-то очень быстро и часто делать это по косвенным данным, то есть не зная точно. Я достигла в этом, можно сказать, мастерства... С людьми, что...

Моя теория, или, вернее, мое теоретическое предположение касается того, существует нечто, о чем ты, вероятно, знаешь и что я бы хотела найти. Если ты не можешь помочь мне сам, то скажи, куда мне следует пойти, чтобы найти это нечто. Возможно, тебе известно, что Колин Габбинс приезжал ко мне прошлой весной. Я немного знала его, он был в России во время гражданской войны, только мы были по разные стороны фронта. Так вот он хотел поговорить со мной о тех временах. Он сказал, что пишет небольшую книжицу для армии о партизанской войне, а в России она была очень распространенной. Он сказал, что увлекся этим вопросом, когда стрелки Майкла Коллинза* в Ирландии в девятнадцатом году одержали победу.

* Коллинз Майкл (1890—1922) — один из лидеров ирландской партии шинфейнеров. Подписал англо-ирландский договор 1921 г.

Я не смогла быть ему особенно полезной в практических деталях, хотя и передала ему некоторые сведения, о которых поведала мне моя близкая подруга Елена — она, видишь ли, воевала за обе стороны во всей России. Однажды я даже помогла ей скрыться от Чека в Красной Армии, но в конце войны она оказалась с Врангелем. Она многое знает об этом. Помню, она говорила, что если надо быстро вывести из строя механизм или агрегат, лучшее средство для этого — тяжелый молот, потому что там всегда есть очень хрупкие части. Даже такие мощные машины, как локомотив, можно легко сделать бесполезными. Но если вам надо вывести из строя сразу несколько машин или механизмов, то надо разбить обязательно одну и ту же деталь на всех, чтобы враги не разобрали одну из них, чтобы отремонтировать другую. Знаешь, однажды она выиграла целое сражение в пользу белых, добавив песок с маслом в колесную смазку красного транспортного поезда. Смазка затвердела, и красные не смогли добраться до поля битвы, поезд просто остановился, и красным пришлось сдаться и перейти на сторону белых. Елена никогда никого не убивала, но она была искусна в саботаже. Моя подруга очень изобретательна.

Рут посмотрела на Джепсона, потягивая сигарету, проверяя, понял ли он ход ее мысли, но он хранил невозмутимый вид.

— Как мне кажется, я могла бы быть столь же изобретательной в психологическом плане. В сущности весь Рабочий Интернационал Сергея держался на психологических трюках. В нем формировали установку на солидарность с нашим делом. Многие просто никогда бы не пришли к нам, если бы не работа с ними. В конце концов, они делались и душой и телом нашими.

Горечь промелькнула на ее лице, и это не ускользнуло от ее собеседника, однако он промолчал.

— Итак, теперь о поисках того, что, согласно моим теоретическим предположениям, существует и что меня интересует. Англия единственная страна, борющаяся с нацизмом. Отвратительный Сталин вступил в сговор с мерзким Гитлером. Французы в считанные секунды были разбиты, и теперь остались только мы. И мы будем бороться. Отважные летчики бьют Геринга в зад, а он бомбит Лондон. Я говорила об этом с Бобби Томасом, он считает, что это значит, что Гитлер не может осуществить вторжение, так что мы будем продолжать борьбу. Но где? Здесь? Нет, пожалуй, там. Я видела фотографию этого милого Уинстона, держащего солдатскую винтовку.

Он крепкий старик, не так ли? Сергей судил о характерах по поступкам, и кто будет отрицать, что существует такая вещь, как национальный характер. Он говорил, что нельзя недооценивать британцев, которые в мирное время похожи на кучу мятого белья, но когда дело доходит до сражения, действуют грубо и энергично. Англичане изобрели правила бокса, говорил он, и первыми наполнили их реальным содержанием.

Я видела эту милую бедняжку Мелани, жену Колина. Они почти порвали отношения. Она жаловалась, что он с ней совсем не разговаривает, уезжает на много дней и не желает объяснять, где был. Она уверена, что у него другая женщина.

Рут бросила на пол окурок и прижала его каблук своей простой, но элегантной туфли.

— Я так не думаю. Но он не в полку. Он занимался чем-то особым в сражающейся Норвегии. Теперь он вернулся, но его нигде не видно.

Рут зажгла следующую сигарету.

— Я думала, что бы я сделала, будь я на месте дорогого Уинстона? Конечно, он стремится поддержать дух сопротивления в оккупированных странах Европы, и чудесное Би-Би-Си вещает на каждую из этих стран, и люди слушают. Но надо бы сделать что-то еще. Дать им надежду. Что, если бы время от времени они узнавали о взорванных мостах, поездах, развалившихся у полустанка, видели подожженную цистерну с нефтью? Или увидеть погибших немецких солдат...

Она откинулась назад на непрочном стуле.

— Согласно моей теории, милый Уинстон предусмотрел что-то подобное. Наверное, создана организация, засылающая в Европу мужчин и женщин с целью вредить немцам и дать людям оккупированных стран надежду. Я думаю, что Колин, который беседовал со мной о своей небольшой книжечке, видимо, предназначенной для таких людей, занимается чем-то похожим.

— Ну, допустим, такая организация существует, тогда что? — спросил Джемсон.

— Тогда я должна вступить в нее. Конечно, должна!

— Что ты знаешь о боях, Рут? О подпольной работе?

— Я, о боях? Мой дорогой Селвин, я штурмовала Зимний дворец! С винтовками наперевес мы сражались на баррикадах. Кровь текла рекой. Подпольная работа? Я была одной из тех, кто вытащил старшего оперуполномоченного НКВД, работавшего в Германии, из страны, всего на несколько часов опередив нацистов. Кстати, я бегло говорю на четырех языках. И я знаю всех и каждого. Каждого.

— Знаешь... — задумчиво произнес Джемсон. — Но ответь мне, Рут, как у тебя с алкоголем?

— Дорогой! Глупо задавать этот вопрос женщине с моей биографией. Послушай меня, если ты однажды поверил в некую идею спасения всего человечества, как поверила я, и когда носители этой идеи, а значит и я, уничтожили, то есть я уничтожила всю... семью... вместе с миллионами других людей, и ты, наконец, осознал, что все время жил... во лжи, наверное, и ты бы выпивал время от времени. Ну, конечно же, да, я тысячу раз просыпалась, лежа ничком на полу своей гостиной рядом с пустыми бутылками. Я признаю, это было. Но теперь с этим кончено.

Он взглянул в ее глаза, и она заставила себя смело встретить этот взгляд.

— Ты выглядишь почти счастливой, — заметил он. — В разгар отчаянной войны?

— Да! — страстно воскликнула она. — Я была коммунисткой. Мы всегда верили, что боремся с врагами. Вначале врагами были буржуи. Потом меньшевики и эсеры. Затем кулаки, после любой крестьянин. И всегда — контрреволюционные элементы, шпионы, саботажники, вредители, скрыто действующие в обществе. И вот ты просыпаешься однажды утром и понимаешь, что никаких врагов нет, кроме самой коммунистической партии. И ты тянешься за бутылкой. Но теперь, да, теперь в самом деле есть враг. Он там, по другую сторону пролива, и мы можем все вместе что-то сделать. И я могу, если организация, которая, как я предполагаю, существует, действительно действует.

Джемсон вздохнул.

— Я не сразу решаю все вопросы, даже если кандидат мне кажется подходящим. Видишь ли, кандидат должен хорошо понять, что ему предстоит.

Рут восторженно улыбнулась.

— Итак, я права!

— Ты, кажется, самостоятельно проскочила многие вопросы, которые я должен был объяснить тебе. Но скажу одно. У людей, засылаемых в Европу для выполнения такой работы, которую ты описала, очень велика вероятность быть убитыми. Пожалуй, один шанс из двух. Ты понимаешь, Рут? Если тебя примут и пошлют на выполнение грязной работы у немцев, где не слишком пекутся о соблюдении правил поединка, то ты будешь иметь всего пятьдесят процентов на то, что останешься живой и сможешь рассказывать об этом истории.

Она лучезарно улыбнулась.

— Нет, — сказала она, тряхнув головой. — Я была мертвой. Но теперь я словно Лазарь*, я снова живу! Я приму участие в борьбе.

Москва

Берия подписал бумагу, вложил ее в дело, лежавшее перед ним, и откинулся назад, решив немного передохнуть от груза административных забот, что составляло его главную ежедневную обязанность. Он посмотрел на Кривицкого.

— Вот человек, который может заглянуть в будущее, — сказал он не без приятности. — Если мы станем снова враждовать с Германией, мы пошлем тебя туда в качестве резидента под кличкой «Кассандра». Но чем она была еще замечательна, кроме способности предвидеть то, что произойдет?

— Ее беда была в том, что ей никто не верил.

— Это понятно. У нас в Сухуми был школьный учитель, большой знаток древней истории. Когда я был на ответственной работе, его посадили по какому-то обвинению. Я его расстрелял. Каждый, кто слишком много знает о прошлом, не может быть хорошим коммунистом.

Он улыбнулся Кривицкому.

— Ты был прав. Хозяин добился подписания пакта о дружбе с Гитлером и очень доволен этим. Он старается это закрепить, снабжает немцев сырьем, в котором они нуждаются. Это существенная помощь для их войны на Западе, я уверен.

Он умолк. В Москве было прохладнее, и его руки не так сильно потели.

— Ты думаешь по-прежнему? — тихо спросил он.

— Да. Хотя Гитлеру вряд ли удастся захватить Англию. Он и не будет пытаться. Это надо было сделать сразу после эвакуации Дюнкерка**. Англичане были полностью дезорганизованы, и полувоенные формирования вряд ли смогли бы удержать плацдарм, где могли бы высадиться силы вторжения. Но не теперь. Это ошибка, запомните. Главное препятствие для победы Гитлера в войне не Россия, а Британия. Его главный соперник не Сталин, а Черчилль, потому что благодаря Черчиллю американцы

* Лазарь — брат Марфы и Марии, которого воскресил из мертвых Иисус Христос.

** Дюнкерк — порт во Франции на Ла-Манше, откуда эвакуировались в 1940 г. британские экспедиционные силы.

вступили в войну против Гитлера. Но Гитлер повернет на Восток, ибо верит, что таково его предназначение.

Берия задумчиво посмотрел на Кривицкого.

— Посмотрим. Я отобрал заключенных-специалистов. Они снова за работой, изобретают, конструируют и изготавливают. Они просто делают это в заключении, вот и все. Но об этом не стоит болтать. На данный момент Хозяин хочет, чтобы германо-советский договор выполнялся, поэтому все должно идти гладко. Мы посылаем один товарный поезд за другим с зерном, нефтью, резиной, хлопком, рудой. А немцы шлют нам в ответ ненужный им устаревший авиационный двигатель, но! — это устраивает Хозяина! Поэтому нам надо соблюдать все договоренности с немцами. Будь молодцом, съезди на Белорусский вокзал. Оттуда отходит спецпоезд в Германию. Рыков будет сопровождать его до моста через Буг в Брест-Литовске, а там его примут немцы. Поезжай с ним на вокзал и проверь погрузочные документы. Понял? Убедись, что все, что положено, загружено.

— Конечно, — сказал Кривицкий, — я сейчас иду.

— Да, еще об одном. Ты ведь мыслитель? Помнишь этого зануду Бухарина, которого расстреляли год или два назад? Он хныкал насчет коллективизации крестьянства. Что эта сволочь говорила? Что массовое уничтожение беззащитных людей — стариков, женщин, детей — приучает членов партии к насилию и бессмысленному послушанию, превращает их в винтики какой-то машины. Что ты на это скажешь?

— Бухарина расстреляли за эти его взгляды, — осторожно ответил Кривицкий. — Мне нечего сказать.

Берия рассмеялся и пододвинул к себе еще какие-то бумаги.

— Кажется, он считал, что коллективизация была ошибкой, — пояснил он. — Мне нравится Нечаев. Знаешь, что он сказал о коммунистах? «Чтобы стать хорошим коммунистом, необходимо отказаться от любой мягкости, нежных чувств родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести. Тот не революционер, кому что-либо жалко в этом мире. Яд, нож, петля — революция все освящает». Я запомнил его слова, потому что они показались мне подходящими. Хозяин тоже зачитывал Нечаева — у него в кабинете есть сочинения Нечаева. Сообщи мне о поезде, ладно? Хозяин хочет быть уверенным, что все идет гладко.

Снаружи Кривицкий увидел ожидавшего Рыкова в форме сотрудника НКВД. Рыков вежливо улыбнулся и провел его вниз, там их ждала машина. Они выехали с

площади, где снесли большую часть стены Китай-города, и направились к улице Горького. Статуя Ивана Федорова осуждающе смотрела им вслед.

В машине Рыков тихо насвистывал что-то сквозь зубы.

— Похоже, у тебя хорошее настроение, — сказал Кривицкий.

— Да, — согласился Рыков. — Меня всегда радуют встречи с немецкими парнями, я даже немного выучил их язык. Мы уже несколько лет обмениваемся сведениями с СС и гестапо, сравниваем их. Меня посылали в Германию оказать помощь в организации лагерей, ты ведь знаешь, я работал начальником тюрьмы на Крайнем Севере несколько лет в двадцатых годах. Хозяин посылал меня туда обменяться опытом. Когда Адольфу понадобилась техническая помощь по чистке своих отбросов, он послал меня. Мы здесь сажали врагов народа, а Адольф сажал жидов.

Он повернулся и добродушно оскалился:

— На мой взгляд, это одно и то же.

Они свернули направо на большую новую улицу и стали подниматься в сторону Советской площади. Рыков разглядывал большие восьмиэтажные жилые дома, недавно выстроенные, широкие, серые, с узкими, как в тюрьме, окнами.

— Мы далеко ушли, мы с Хозяином, — сказал он.

Внутри вокзала перед входом на перрон был установлен стол. Два человека проверяли документы, и образовалась очередь людей, окруженных охраной. Стол стоял у стены, и чиновники сидели под огромной мозаикой с изображением большевистских вождей, шагающих в Историю. Эта революционная икона была частично замазана белилами, из-под которых проглядывали Каменев, Троцкий и Бухарин. Ленин оставался чистым. Большая секция была залатана и изображала Сталина, указывающего рукой путь вперед.

— Нам сюда, — сказал Рыков деловито.

— Что отсылают в Германию? — с неожиданной тревогой спросил Кривицкий.

— Отбросы, — небрежно бросил Рыков. — Адольф хочет, чтобы его немецкие коммунаки вернулись. Он высылает нам украинских кулаков, которые сбежали в Германию в тридцать втором, и всех эмигрантов и предателей, которые сбежали после революции. Я ездил за границу, чтобы помочь Генриху* и его парням вернуть наших беглецов. Какой груз! Целые косяки аристократов и буржуев, которых мы давно не видели! Расплоди-

* Имеется в виду Генрих Гиммлер.

лись, как мухи. Глоток свежего воздуха на Колыме вскоре их поубавит. А Адольф рассортирует по лагерям своих немецких предателей. У него есть много новых идей. Мы могли бы поучиться кое-чему у Адольфа, помани мое слово.

Он задержался у стола.

— Это майор Кривицкий, Виктор. Я пойду проверить свой поезд. Если у тебя есть вопросы, обращайся к майору, он решит.

— Слушаюсь.

Там в ряду, под охраной НКВД, стояли те, кого он знал, те, кому сам велел бежать, когда стало ясно, что их дело в Германии не удалось, те, кому он помогал перейти границу и достичь Убежища, достичь Первого в мире Коммунистического Государства. Он пристально вглядывался через огромный зал, чувствуя, что их взгляды схватили его, словно клешнями, он слышал безнадежное шарканье их ног, когда их повели на перрон к ожидавшему поезду.

— Давайте, теперь трогайтесь, — сказал мужчина впереди. Локомотив фыркнул, и пар вырвался через платформу.

— Не проверит ли майор наши документы, — услышал он ровный женский голос. — По-видимому, это какая-то ошибка.

Он поднял глаза, а встретил знакомый взгляд голубовато-серых глаз. Рядом с Мартой стояла Элизабет, держа небольшой чемоданчик в одной руке, а другой сжимая тирольского медвежонка.

— Я родилась в Австро-Венгрии, — сказала Марта. — Моя дочь родилась в Будапеште. Нас не должны отправлять в Германию.

Она указала на линию в желтом бланке офицеру, осуществлявшему эвакуацию.

— Но вы взяли немецкую национальность, — возразил он и полуобернулся. — Майор?

— Подойдите сюда на минуту, — сказал Кривицкий, и две женщины вышли из ряда.

— Слава Богу, ты здесь, — произнесла Марта. — Как ты догадался приехать?

— Берия мне велел, — медленно проговорил он. — Я имел с ним беседу. Он цитировал мне Нечаева.

— Нечаев был маньяк, такой же, как и он.

— Берия одобрил его.

— Дорогой, как нам выбраться отсюда? — тревожно сказала она.

Кривицкий видел Рыкова на платформе, маленького,

но подтянутого в своей длинной шинели сотрудника НКВД с полированными пуговицами и петлицами. Его фуражка сидела на затылке, и он улыбался Кривицкому. Кривицкий вернулся за стол.

— Вышлите их за границу, — произнес он, не поднимая глаз.

Он слышал протестующий крик Элизабет, когда их тащили по платформе.

— Отечество трудящихся, Оплот свободы, Убежище для преследуемых. Вот что ты говорил нам, ты, подлец и подонок!

Он услышал ее стон, когда приклад винтовки ударил ее по почкам, и ее поволокли в вагон. Когда он поднял глаза, удалявшаяся Марта все еще оглядывалась на него.

— Мы выживем, — крикнула она, встретив его взгляд. — Мы тебе этого не забудем!

Ее опять ударили, и последние из тех, кого он знал, побрели по платформе.

— Я уйду, — сказал он, ни к кому не обращаясь. Где-то захлопывались двери одна за другой, словно равномерные выстрелы, доносимые ветром из-за холма. Он споткнулся на ровном месте и чуть не упал. Ему показалось, что кто-то засмеялся ему вдогонку. Он оглянулся. Это Рыков весело отфутболил игрушечного медвежонка ловким пинком на рельсы.

Арисейг, Шотландия, апрель 1941

Майор был в военной форме и в вязаной шерстяной шотландской юбке в клетку. В лучах весеннего ласкового солнца он стоял словно чудесная статуя на взгорье, и его было видно на сотни ярдов вокруг. Он вглядывался в озеро, будто оценивая свои шансы поймать лосося.

Среди ярко-зеленого орляка и пылающе-желтого утесника кто-то пробирался по направлению к живописному шотландцу. Рут разглядела девичью фигурку.

Великолепный каштан с раскидистыми ветвями, одевшийся в свежий зеленый наряд, был превосходным укрытием при восхождении на склон. Выскользнув из большого шотландского каменного дома и добравшись до холма, Рут спряталась под каштаном, вынула из-за пазухи своей военной куртки номер «Таймс» и присела на корточки возле маленькой кучки сухого хвороста и щепок, которые она собрала по дороге. Она быстро смяла газету, сложила аккуратной пирамидкой хворост и ловко разожгла маленький костер, щелкнув своей золотой рон-

соновской зажигалкой. Язычки пламени весело вспыхнули в тени каштана.

Бесшумно взобравшись на нижнюю ветку, Рут огляделась. Стройная темноволосая девушка была в нескольких ярдах. Она была босиком и бежала быстро и бесшумно, потряхивая подолом шотландской юбки и волосами, стянутыми на затылке конским хвостом. Шотландец повернулся к ней, улыбаясь. Казалось, он поздравлял ее. Рут сунула пучок влажной зеленой травы в свой костерик, быстро вскарабкалась на свою ветку и припала к стволу.

Девушка вытащила из каждого из своих двух карманов по туфле без каблука, надела их, и пара двинулась по склону прочь от озера. Белый дымок от костра Рут относился ветерком на их тропу.

— Эй! Что там такое?

Рут услышала ее грассирующий голос почти под собой.

— Маленький костер, — сказал ее спутник. — Должно быть, краснокожие индейцы.

Рут приземлилась со своей ветки прямо перед шотландцем, издав воинственный вопль.

— Ты готов! — торжествуя, сказала она.

Он улыбнулся ей.

— Отлично, леди. Немножко театрально, можно было бы и без шумовых эффектов, но весьма профессионально.

— Мне даже в институте говорили, что я слишком театрально, — не смутившись, ответила она. — А сейчас я должна научить Джоанну управлять парусником, майор. Мы можем уйти?

— Да. Увидимся вечером в баре.

Он пошел вверх по холму, а Рут с Джоанной отправились к небольшой пристани, где были пришвартованы парусные лодки.

— В десять часов он проведет последнюю проверку, а затем — в грузовик, который выбросит нас в неизвестность, и мы будем искать дорогу назад! — щебетала Джоанна. — Честно говоря, я распаковала свои сумки только вчера вечером.

Она зевнула, но смотрела по сторонам с удовольствием.

— Здесь очень красиво, не правда ли, Рут? Что мы будем теперь делать?

— Пойдем под парусами. Тебе хотелось бы лосося и стаканчик рейнвейна?

— Черт возьми, конечно. Но где мы это возьмем?

Рут достала из кармана небольшой кусочек какого-то вещества, похожего на пластилин; от него шел сильный запах миндаля.

— Вот наша рыболовная удочка.

— Ради Бога, что это? — удивилась Джоанна.

— Пластическая взрывчатка. Ты бросаешь ее в воду, и после взрыва остается только поживее собирать рыбу. А рейнвейн мы приобретем в охотничьем домике на той стороне озера. Я это выяснила на прошлой неделе.

Она нашарила в кармане нож с большим набором разных лезвий. Джоанна хихикнула.

— Знаешь, мы как будто стали героями «Ласточек и Амазонок»*. Мы похожи на компанию подростков, играющих в дикарей.

Но вдруг ее тон стал неожиданно серьезным.

— Но я понимаю, Рут, какая это опасная игра. До того как я приехала сюда, был такой длинный путь через всю страну. Меня даже допьяна напоили джином. Кажется, что ты играешь забавную игру, не то жмурки, не то прятки, в которой надо подкрасться к кому-то так тихо, чтобы он тебя не услышал и не увидел. Я приобретаю навыки вора-взломщика и браконьера, а днём я буду стрелять из пистолета, как профессиональный убийца. Конечно, эта учебная программа привела бы в ужас почтенную мисс Трабшоу из Академии для юных леди. Скажи мне, неужели все это нам действительно понадобится? Зачем эта сегодняшняя игра?

— Вот и скажи мне, — парировала Рут.

— Мне кажется... Я полагаю, что если бы у меня был нож, я смогла бы, бесшумно подкравшись, заколоть майора Уатта.

— Bravo! Бесшумное убийство — это действительно один из уроков, который преподаст тебе завтра майор Фейбэрн.

Джоанна снова хихикнула.

— Знаешь, а ведь первоначально шла речь о работе секретарши, владеющей двумя языками. Ну, что ж! Давай глушить лососей, я проголодалась...

* «Ласточки и Амазонки» (1930) — автобиографическая повесть английского писателя Артура Мичелла Рэнсома (1884—1967) о детстве в деревне.

Барановичи, Белоруссия, 22 июня 1941

Если бы отец узнал об этом, он отрекся бы от него, а маршал Тухачевский привлек к военно-полевому суду и, вероятно, расстрелял бы. Но Тухачевский был сам осужден военным трибуналом и расстрелян, а отец исчез в северных лагерях. Лейтенант Алексей Акулов сидел в оружейной башне своего легкого танка Т-26, поднимавшегося вверх по склону с пехотой, точно выполняя приказ. Это было глупо, но у него не было выбора. Он поднялся на холм, скованный страхом.

Он должен был оставаться там, обеспечивая огневую поддержку лейтенанту Баркову, который командовал ротой пехотинцев. Оба молодых человека накануне вечером в Минске смотрели популярную кинокомедию «Свадьба в Малиновке». Алексей встретил в кинотеатре Володю Савинкова, который был с его сестрой Натальей, недавно окончившей среднюю школу. Они были одеты в военную форму цвета хаки, и теперь каждый из них сидел в своем танке. Они ждали.

Они были на вершине холма, где Барков расположил своих людей. Он обладал всеми знаниями, которые дают пятимесячные лейтенантские курсы, чтобы выполнить свою тактическую задачу. Вообще-то дивизионом командовал майор Жигеля, но он был на срочных военных курсах, готовясь к должности начальника штаба. Где-то позади них капитан Андреев пытался определить, где находится артиллерия. Старый штат дивизиона, обученный еще Тухачевским, был сейчас, как и их командир, в могиле, либо, как Акулов, в северных лагерях.

Молодые люди готовили позиции для защиты. Барков поступал, как помнил по учебнику, а учебник велел удерживать высоту. В учебнике говорилось о необходимости иметь танк для огневой поддержки, и это был танк Алексея. Это был новый учебник, потому что учебники Тухачевского или Акулова, в которых рассматривались вопросы об использовании танков на примерах сражений двадцатых и тридцатых годов, были изъяты из обращения. Но Алексей

знал, что Тухачевский и отец считали, что танковые части должны были действовать одновременно, чтобы быть мощными и мобильными. Они должны иметь полный комплект транспортных средств и войск обеспечения, и все их службы должны быть объединены единым управлением. Они разрабатывали современную военную доктрину, как и новые технологии, вместе с немцами, Гудерианом и Готом, в тайных совместных военных школах.

С новой волной террора все это было закрыто для Красной Армии. Поэтому Алексей Акулов сидел в своем одиноком танке и ждал, когда появится Гудериан и продемонстрирует, как надо воевать по-современному.

Стоял прекрасный летний день — день летнего солнцестояния. Гусеницы легкого танка неподвижно замерли на гребне горы. Алеша с двумя другими членами экипажа вылезли, чтобы замаскировать ветками башню. Затем все снова забрались на места, и он доложил капитану Андрееву:

— Взвод «С» на позиции.

Последовала пауза, слышался только треск разрядов, и он уже хотел было сделать новую попытку связаться, как до него донесся голос капитана.

— Взвод «С» на позиции, — подтвердил он.

Алексей решил, что это все, но голос вернулся и сказал:

— Артиллерийской поддержки не ждать.

— Как понимать, что не будет артиллерии? Гудериан подходит.

— Хозяин не желает провоцировать немцев.

Ясное солнечное небо становилось грязноватым. Маслянистый дым нарушил чистую голубизну, словно кисточка ребенка замутила воду в банке. Близился Барбаросса.

Люди Баркова были хорошо вооружены. У них были длинные противотанковые ружья РТРС, способные вывести из строя любой танк, который бы имел неосторожность подойти на расстояние ста метров. Но это был Барбаросса.

Их обучали борьбе с танками, но не с самолетами. Самолет налетел так быстро, что исчез до того, как они это поняли. Небольшой, злобный, зеленовато-голубой, он издавал раскалывающий уши звук. Алексей успел заметить только паучью свастику на его борту. Самолет сбросил две темные бомбы, и Алексей припал ниц в башне. Но взрыва не последовало, а только смертельное шипение, и позицию начало заволакивать желтым дымом.

Самолет ушел в воздух, и откуда-то, завывая, понесли близко к земле еще несколько крылатых тварей. Алексей заметил блеск одной из них, которая, накренив крылья, спикировала, издавая пронзительный звук.

Барбаросса.

Взрыв приподнял его танк и ударил его головой о прицел. Он почувствовал, что со лба стекает кровь. Затем последовали, один за другим, тяжелые удары. Потом все смолкло. Он осторожно высунул голову из люка. Все вокруг было покрыто грязью и дымом, клубилась пыль. Внутри танка кто-то стонал. Песок скрипел на зубах Алексея. В бледном небе пять тварей с косыми крыльями равнодушно уходили ввысь.

Когда воздух очистился, он увидел приближающийся издалека клуб пыли. Он двигался с невероятной скоростью. У Алексея хватило времени только на то, чтобы приказать оставшимся в живых собрать винтовки и боеприпасы погибших и спешно занять позиции в окопах, пока враги не нагрянули. Барков был мертв. Алексей остался единственным командиром.

Броневи́к, украшенный рядами веревок, кирками и лопатами, двигался со скоростью сорок километров в час. Восемь огромных колес выбивали пыль из выбоин грязной дороги. Вдалеке Алексей смог разглядеть наступающие массивные танки и самоходную артиллерию. Он прицелился, словно на перепелиной охоте во время отпуща, и спустил затвор пушки. 37-миллиметровое орудие грохнуло.

Он услышал лязг, когда снаряд отскочил от наклонной брони. Дым тянулся из дула, и башня броневика повернулась к нему, пока Петр внизу перезаряжал пушку. Он выстрелил на ходу, и приклепанная броня легкого танка разорвалась, словно консервная банка. Она треснула до самой башни, ее скрученные пластины покрылись клочками плоти водителя.

Разведывательный броневик не соизволил остановиться. Пыль торжествующе клубилась из-под колес. Вдалеке земля извергла внезапные красные вспышки, а рядом с ним вершина холма усеялась взрывами.

Он стоял среди обломков танка. Когда бронированная туша проехала мимо него, он доложил из разрушенного корпуса танка о подробностях боя капитану Андрееву. По крайней мере радио еще работало. Однако, видимо, несчастливо оно внезапно замолчало на середине фразы. Теперь не доносилось ни звука. Вокруг было совсем тихо, все были мертвы. Снизу, с залитой солнцем дороги, до

Алексея донесся стук — кто-то устанавливал дорожный указатель. Через смотровую щель он увидел автоматчика на мотоцикле с коляской с молотком в руке. Двухцилиндровая машина постепенно затихла вдаль, и он осторожно выбрался. Погибшие люди лежали, разбросанные, словно бревна. Он поднял винтовку Мосина образца 1891 года и стал спускаться с холма, идя по следам своего танка. Сапоги были в крови его заряжающего, и на нее налипала пыль.

* * *

Старик был в превосходном расположении духа. Его красный пропитой нос сиял над беспорядочной бородой, и он довольно улыбался, зачерпывая из ведра кружку воды для Алексея.

— Теперь мы свободны, парень, — говорил он, опершись на стену своего деревянного дома, пока Алексей жадно глотал холодную воду. — Бог смиловался и послал чужие войска, чтобы избавить нас от этого большевистского дьявола. Сюда больше не приедут коммунисты толковать про политику и забирать все наше добро до последнего зерна. Нас не будут загонять в колхозы, увозить молодых работать в город на их чертовых заводах. Нет, кончено. Я сам видел войска, которые освобождают нас от большевиков. Мы встретили их хлебом и солью. Я дал им хлеб, яйца и сыр. Я-то дождался, а мои сыновья нет. Их забрали чекисты, гады в зеленых фуражках, и я их больше не видел.

— Аэродром отсюда недалеко, да? — хрипло спросил Алексей. Пыль и порох саднили его глотку, словно наждачная бумага.

— Да, близехонько. Но ты бы, парень, снял военную форму. Зачем воевать за усатого черта?

Как бы в подтверждение раздался хриплый рокот легкого бомбардировщика По-2, и он взорвался за деревьями.

— Шесть взлетело сегодня утром, но они не вернулись, — охотно поделился старик. Алексей знал некоторых летчиков, которые бы приняли его, но они не вернулись.

— К нам вошли Божьи солдаты. Они нас освободят, — произнес убежденно крестьянин.

— Но это же немцы! — напомнил ему Алексей.

— Они веруют в Бога, — сказал старик. — На их машинах нарисованы кресты. Они откроют церкви.

Кунцево, Москва, 29 июня

Никита Сергеевич вышел из машины. Он был в генеральской форме, застегнутой до самой шеи, несмотря на жару.

У решетчатых ворот стояла охрана НКВД. Вокруг дачи Человека № 1 высился глухой забор. Хрущев двинулся на охрану словно маленький воинственный танк.

— Я — Хрущев. Мне надо видеть Хозяина, — потребовал он.

Молодой чекист отрицательно покачал головой.

— Никого не велено впускать. Приказ.

Хрущев сунул свое круглое лицо почти к лицу охранника.

— Сынок, я только что из Киева. Мое дело — защищать Украину, а немцы продвигаются с большой скоростью. Мои люди гибнут, как букашки, а я не могу связаться с Москвой. Я уже ходил к Молотову, но он не получил никаких указаний, потому что там, — Хрущев указал толстым пальцем на дачу, — никто не поднимает телефон. Молотов боится выйти наружу. Поэтому я приехал сам и пойду к нему.

Молодой чекист с любопытством поглядел на толстого задиристого человека с потным лицом.

— А не боитесь, товарищ генерал?

— Если я не добьюсь встречи и решения, немцы расстреляют меня из одного из своих танков, продвинувшихся на много километров внутрь страны. А потом они вскоре придут сюда и не будут у тебя спрашивать разрешения войти, а пристрелят тебя, а затем, быстренько, и самого Хозяина.

Хрущев вытащил пистолет из кобуры и направил его в нос охраннику.

— Так что имей в виду, я не боюсь. А потому пропусти меня, да доложи Хозяину, что я дожидаюсь приема.

Они вошли в ворота, которые тут же были заперты, и направились к даче. Хрущев убрал пистолет.

— Подождите здесь, — сказал охранник, постучал и исчез за дверью. Хрущев слышал тихие невнятные голоса. Потом дверь открылась.

— Вы можете войти.

Сталин сидел в углу на краешке тахты спиной к окну. За окном росли лиственницы и березки с серебряными стволами, залитые солнечным светом, цвели розы, но он мрачно смотрел в темный угол комнаты. Занавески были частично задернуты, в комнате царил сумрак, и сидевший в ней человек казался постаревшим и сморщенным,

а его лицо заросло серой щетиной. В комнате висел тяжелый запах застарелого пота. Он украдкой покосился на Хрущева, а потом опять опустил глаза к полу.

— Ты пришел ко мне, — пробормотал он.

— Немцы наступают на всех фронтах. Мы должны воевать, — резко заявил Хрущев.

Сталин вдруг сделал резкое движение правой рукой вверх и вправо, не вставая со своей тахты.

— Начните наступление! — рявкнул он. — Отбросьте их назад одним ударом! Расстреляйте виновных!

Он внезапно умолк, как будто его выключили. Он весь обмяк и тяжело дышал.

— Нет военного штаба. Никакой структуры руководства войсками, — продолжал Хрущев. — Всеобщий беспорядок. Нам придется все начать с начала.

— То есть начиная с меня, да, — четко проговорил Сталин, словно не слышал ни единого слова Хрущева. Я первый, кого следует расстрелять. Это моя вина.

Эта мысль вошла ясно сформулированной и отточенной, во всей своей цельности в мозг Хрущева — «Расстрелять».

Его рука дернулась к кобуре.

Сделать это немедленно.

— Молотов и члены Политбюро выезжают, — только и смог произнести Хрущев. — Меня послали первым.

Сталин кивнул.

— Они хотят приговорить меня к расстрелу. Действительно, разве найдется кто-нибудь, кто напортил так сильно, как я? Я думал, что мы договорились с Гитлером. Мне все присылали донесения о том, что он готовит вторжение, но я был уверен, что он не обманет нас...

— Нам нужно создать штаб, чтобы управлять войсками, — перебил его Хрущев. — Нужен план. Хватит болтовни, представлений, всего этого дерьма.

Он подошел к Сталину.

— Там, снаружи, а не внутри страны, настоящие враги, и они вошли в страну! — прокричал он.

Сталин дернулся, как марионетка, и закивал головой.

— Враги? О, да, я знаю. Я знаю о них многие годы. Я знаю, как бороться с врагами.

— Эти — настоящие, — взревел Хрущев. — Это немцы. Они налетели и кусают нас, как осы.

Что-то за окном привлекло внимание Сталина, и он со страхом уставился на ворота. Въехало несколько черных машин.

— За мной, — прошептал он.

Хрущев нагнулся и потянул его вверх, поставив на

ноги. Ванная комната была рядом, и он отвел Сталина туда. Его тело было обмякшим, ноги заплетались.

— Побрейтесь, Иосиф Виссарионович. Наденьте чистую одежду, — приказал он. — Вы — вождь. Вы нужны.

Какая-то тень понимания мелькнула на лице Сталина. За закрытой дверью Хрущев услышал, как потихоньку потекла струйка воды. Он стоял снаружи, держа пистолет наготове.

Сделать это сейчас.

— Политбюро собралось, товарищ генерал, — охранник с тревогой и страхом смотрел на него, полуоткрыв дверь. Пистолет в его руке был вне поля зрения охранника.

— Можно разрешить им войти, товарищ генерал?

— Нет, пусть подождут. Он еще не готов.

Юное лицо исчезло. Хрущев услышал тихие голоса ожидавших снаружи. Прислушиваясь к слабым звукам неловких движений Сталина в ванной, Хрущев вложил пистолет в кобуру, отстраненно осознавая в смертельном напряжении минуты свои истинные эмоции.

Минск, 28 июня

Владимир шел по темной улице. Штукас разбомбил один из коммуникационных центров генерала Павлова в городе, и в красных всполохах огня светофор на перекрестке повис, словно летучая мышь, на порванных трамвайных проводах. Дрожки лежали на боку, и лошади, и кучер были мертвы. Стекла окон фотостудии разлетелись по улице и хрустели под его армейскими ботинками.

Огни не горели, и он изредка чиркал своей зажигалкой, поднимаясь по темной лестнице. Наконец он постучал в дверь.

— Кто там? — тревожно спросил девичий голосок.

— Это я, Володя.

Он услышал дребезжащий звук запоров, и Наташа обняла его.

— Володичка! Мы не знали, что и думать...

За ней со свечкой в руке стояла Татьяна.

— Живой! — сказала она. — Есть хочешь?

— Как волк! Я не ел два дня.

Они прошли в кухню, и он поставил свою винтовку в угол. Татьяна сразу начала готовить картофельные котлеты.

— Что случилось? — спрашивала Наташа. Она казалась очень красивой в золотистом отблеске свечи. — Нам

ничего не известно. По радио говорят об ответном ударе по врагу, но немцы продолжают сбрасывать на нас бомбы, и наши раненые солдаты целыми потоками идут через город...

— Что-нибудь слышно об Алексее? — спросил он.

— Нет... — она прикусила кубу. — Не было никаких известий.

— Немцы будут здесь завтра или послезавтра, — сказал он. — Они сейчас приканчивают то, что осталось от нашей Западной армии. Это их задержало, и потому я оказался здесь раньше их. Полковник Воронов застрелился, у нас совсем не осталось танков, офицеры воюют как простые пехотинцы. Я двинулся в тыл этой ночью, и не только я.

Татьяна подула на уголь. Печь вспыхнула, и скоро в воздухе запахло жареным.

— Что ты будешь делать? — спросила Наташа. Она поставила перед ним кружку горячего чая, и он с жадностью вдохнул его аромат.

— Уйду в лес, — спокойно сказал Владимир. — Возьму палатку, леску для ловли рыбы, самострел и силки и буду жить, пока не пойму, что делать.

Татьяна перевернула котлету на сковородке и, не обращившись, спросила:

— Зачем? Почему бы просто не подождать, пока немцы пройдут?

— Пожалуй, мне не хотелось бы быть здесь, когда в город войдут немцы, — задумчиво ответил он.

В полумраке ему показалось, что Татьяна пожалала плечами.

— Значит, русские проиграли. Кто-то проигрывает войны. Иногда на целые века. Что же делать? Приходится смириться.

— Не знаю. Мне кажется, что на этот раз... будет что-то другое.

Он стал развязывать шнурки, собираясь снять свои армейские ботинки.

— Я прятался в канаве, заросшей папоротником, когда немецкие солдаты передавали пленным людям в черной форме. Те велели комиссарам, коммунистам и евреям выйти вперед. Вышли не все. Пленные стали выдавать их, и тем, кто их указывал, эти немцы в черном возвращали их вещи. Потом пленных увели, а комиссары, коммунисты и евреи остались. Те, в черной форме, велели выстроиться им в ряд прямо над моей канавой и расстреляли их. Один упал прямо на меня, в самую гущу орляка.

Наступило минутное молчание.

— Ну, мы ведь не евреи, — сказала Татьяна.

— Это как-то необычно...

— Почему же необычно? — вскричала с внезапной яростью Татьяна. — Довольно обычно, когда в твою деревню приходят чекисты и убивают всех до единого. Я бы сама убила всех чекистов, комиссаров и коммунистов. Я ничего не знаю про евреев, но, наверное, немцы что-то имеют против них. Все хороши!

Она положила картофельные котлеты с капустой перед Владимиром, и он стал есть. Наталья встала и взяла вещевые мешки из шкафа.

— Надо паковаться, — сказала она.

— Мои вещи не трогай, — сказала Татьяна. — Я останусь здесь до прихода немцев. А потом вернусь домой. Почему бы и тебе не подождать, а потом тоже не отправиться домой?

Наталья посмотрела на нее в свете свечей.

— Как это ехать домой? Я живу здесь, учусь в университете.

— Ты русская, — грубо сказала Татьяна. — Как и Владимир. Ты здесь в чужой стране. А ближе к югу лежит другая чужая страна. Моя родина, Украина. Кто убил моих родных? Русские. Мы, украинцы, ничего так не желаем, как чтобы русские убрались домой. Мы не будем возражать, если немцы помогут нам в этом.

— Почему ты так говоришь? Мой отец украинец, — возмутилась Наталья.

— Он продался русским, — безжалостно произнесла Татьяна. — И русские вознаградили его, отправив в лагерь. Нельзя верить русским.

— Ты предпочитаешь верить немцам? — спросил Владимир.

— Они не могут быть хуже, — ответила она.

Центральный командный пункт, улица Кирова, Москва, 15 июля

Охранник просунул голову в дверь. Он кивнул Константину и Кривицкому, которые поднялись со стульев в коридоре и вошли. Сталин сидел на диване под настенной фреской, изображавшей мускулистых, улыбающихся мужчин и женщин, копающих туннель сверкающими лопатами и кирками. Это была подземная станция метро.

Он дернул рукой, показывая, что им следует сесть. Он

был в однотонной военной форме и выглядел растерянным и истощенным.

— Товарищ Сталин, это поэт и художник Константин Семенов. Он автор прекрасных поэтических произведений, и вы читали его стихи.

Сталин уставился на Константина, вытаскивая из карточки своей памяти нужные сведения.

— Да. Я знаю тебя. Ты писал мой портрет и выступал с Маяковским. Ты постарел.

— Да, — простодушно ответил Константин. — Вы тоже.

Вспышка удивления мелькнула в желтых глазах Сталина, но он не рассердился. У него было особое, чтобы не сказать вызывающее тревогу, уважение к настоящим писателям, из-за их уникальной способности воздействовать на умы, и он позволял им иногда такие выходы, каких не потерпел бы от других.

— Сейчас напряженное время, — сказал он. — Оно не молодит.

Он неопределенно махнул в сторону большой карты, на которой лежал Советский Союз, пронзенный фашистскими стрелами, длинными, как восточные сабли.

— Наши всюду отступают, — проворчал он. — Говорят о русской находчивости. Куда она девалась, эта русская находчивость?

Константин мог бы ответить. Она была погребена в общих могилах и выморожена в северных лагерях. Он уже открыл рот, но, почувствовав его намерение, Кривицкий толкнул его ногой под стол.

— У меня есть некоторые хорошие новости, — поспешно ответил Кривицкий. — А у Константина есть дельные предложения.

Сталин явственно повеселел.

— Что ж, выкладывай. Все, чем я располагаю на сегодня, это заявление Жукова о том, что мы должны оставить Киев. Оставить Киев! «Ни метра», — сказал я ему. Больше ни одного метра советской земли нельзя отдать. Я уничтожу эту сволочь.

Он обмяк на диване, утомленный взрывом негодования.

— Выкладывай свои хорошие новости.

— Немцы продвигаются на всех фронтах. Они заняли главные дороги в Белоруссии и на Украине.

Лицо Сталина начало пылать яростью, и Кривицкий поспешил продолжить:

— Но операция «Барбаросса» — это не обычная война. Вслед за регулярными войсками, осуществляющими этот

очень успешный блицкриг, двигаются другие, люди из Гестапо и СС, во главе Einsatzkommandos*. Задача этих групп — находить и казнить всех «большевистских начальников и комиссаров», «еврейско-большевистскую интеллигенцию» и «всех жителей, оказывающих сопротивление Вермахту». Немцы начали выполнение этой задачи. Это война на тотальное уничтожение.

Сталин кивнул.

— Да, да.

Константин наклонился вперед.

— Понимаете ли, немцы заставляют население себя ненавидеть.

— Ну, это нормально.

— По моим сведениям, деревенское население Восточной Польши, Белоруссии и Украины приветствует появление немцев, видя в них освободителей, — сказал Кривицкий. — Крестьяне ненавидят колхозы. Они были глубоко возмущены преследованиями церкви и подавлением религии. Они считали, что немцы пришли освободить их от коммунистической власти. Если бы немцы и впрямь притворились освободителями, то крестьяне поддержали бы их. Но немцы явились как новые поработители и привели за собой убийц в черной форме.

— А-а-а, — вздохнул Сталин. — Конечно. Немцы тоже ненавидят всякую сволочь.

Константин наблюдал за Сталиным.

— Все так, — пробормотал он. — А теперь весь фокус состоит в том, как заставить население забыть, что мы творили с ним, и переключить их на то, что творят немцы.

Сталин кивнул. Видя, что Сталин не обиделся, Константин продолжал:

— Теперь мы должны представить себя в другом виде. Понимаете, никто, ни украинские, ни русские, ни армянские крестьяне, не будет воевать за большевистскую партию. Рабочие тоже. Даже не думайте об этом. Они, разумеется, не будут воевать и за вас.

Глаза Сталина слегка расширились, и он посмотрел на Кривицкого.

— Он отдает себе отчет? — спросил он.

— Выслушайте его, товарищ Сталин, — тактично проговорил Кривицкий. — У него есть полезные идеи.

— На нашу землю много раз вторгались завоеватели, и мы всегда их отбрасывали, — продолжал Константин. — Во что в те времена верили люди? Они верили в Бога, царя и Отечество. Царя не вернешь, но можно

* Einsatzkommandos (нем.) — особые команды.

вернуть им Бога и Отчизну. Они не будут спасать большевиков и вас, но будут делать все для спасения Родины и веры. Верните священников из лагерей, отдайте им их ризы и иконы. Откройте церкви. Найдите Патриарха, чтобы вас видели с ним. Произнесите речи, призывающие героев прошлого, воспользуйтесь Петром Первым и генералиссимусом Суворовым. Верните им их квасной патриотизм, дайте им повторить за Суворовым: «Пусть хуже, да наше», и они станут драться не на жизнь, а на смерть. Вы увидите, на что они способны, если поймут, что православная вера и Отчество в опасности. Если вы будете призывать их защищать большевистскую партию, то Гитлер будет в Кремле раньше, чем опадет осенняя листва.

В комнате воцарилось молчание, нарушаемое только близким грохотом поезда. Сталин тяжело дышал.

— Да, — буркнул он почти с болью. — Это так. И это выход.

— Я написал несколько речей, — произнес Константин. Он передал пачечку бумаг. Сталин взял ее. Он питал почти мистическую любовь к написанному: то, что написано, то верно. Он пробежал глазами начало и одобрительно кивнул.

— Ты так еще не писал, это сильная штука, — сказал он. Константин открыл было рот, чтобы ответить, но Сталин опередил его. Он хлопнул его по плечу и усмехнулся.

— Я тебе не позволял, так ты скажешь? Но теперь мы все братья и сестры, верно!

Он повернулся к Кривицкому.

— Последни, чтобы о нем хорошо заботились, — велел он.

— Есть, товарищ Сталин. Разрешите мне воспользоваться случаем и представить еще кое-что вашему вниманию.

— Безусловно, — сказал Сталин. У него явно повысилось настроение, когда он просматривал речь, написанную Константином.

— Иосиф Виссарионович, я хочу сказать, что все мои секретные доклады, касающиеся намерений Гитлера относительно Советского Союза, подтверждены последними событиями. Однако все мои доклады, описывающие детально план «Барбаросса», я представлял для вас через Разведывательный отдел ГРУ, возглавляемый генералом Гуликовым. Мне известно, что он визировал мою информацию словами «Сомнительно», а на докладах других источников, которые исключали возможность вторжения,

помечал «Заслуживает доверия». Таким образом, чрезвычайно важная информация скрывалась от вас как главы государства.

Два человека смотрели друг другу в глаза. Константин благоразумно разглядывал партийную фреску на стене. Оба, и Кривицкий, и Сталин, прекрасно сознавали, что генерал Гуликов просто следовал трем известным «у» — «угадать, угодить, уцелеть». Новость, которую Сталин не хотел услышать, вела к прекращению действия последнего «у». Но Гитлер вторгся, и сейчас враг был реален.

Сталин грубо хохотнул.

— Я знаю! Он всегда уверял меня, что нет опасности немецкого вторжения! Ладно, я на прошлой неделе отослал его на фронт, чтобы он лично убедился! На рассвете ему дали возможность сбежать, но его догнал броневик, как мне сообщили... Хорошо, Кривицкий, ты получаешь повышение. Ты — первый заместитель Наркома. И докладывай мне. Напрямую мне. Ты тоже, Константин. Желаю вам обоим успешной работы теперь!

Когда Кривицкий и Константин выходили из двери, они услышали его голос и увидели, что он улыбается сам себе.

— Они тоже ненавидят сволочей... — пробормотал он.

Они снова очутились на улице и пошли по улице Кирова к магазинам.

— Сюда, — сказал Кривицкий, проходя через красный прямоугольник входа. — Вот твоя новая партийная карточка. Ее номер означает, что тыходишь в высшую номенклатуру. Это позволит тебе получать почти все, что ты хочешь, в спецмагазинах.

— Много вина? — поинтересовался Константин.

— Сколько угодно... сколько ты должен был выпить, прежде, чем мы вошли?

— Всю бутылку.

— Тебя бы расстреляли в прошлом месяце.

— Теперь не расстреляют... — добродушно сказал Константин. — Послушай, он сказал, что обо мне надо заботиться, а я чего-то хочу.

— Чего?

Улыбка неожиданно исчезла с лица Константина.

— Рыкова. Дай мне Рыкова.

Кривицкий отрицательно потряс головой.

— Сожалею. Если бы его можно было достать, я бы и сам с ним расправился. Но его не достать, и ты не сможешь.

Константин махнул рукой в сторону горизонта.

— Там гибнут тысячи, а я не могу убить одного гада?

— Кого угодно, но не Рыкова. Его ценят. У Рыкова есть... определенный талант.

— Я знаю, какой у него талант.

— Еще более ценный теперь, чем всегда. Рыков может внушать страх, а это то качество, которое понимает Хозяин. Нельзя выучить такого, как Рыков. Это внутреннее. Эта война беспощадная, поэтому Рыков необходим, равно как и любой другой с его данными.

Порт Нагаево, Магадан, октябрь 1941

— Чай, — удивленно сказала Катерина. Она взяла своими потрескавшимися руками, похожими на клешни, оловянную кружку, впитывая ее тепло, поднеся ее к носу, чтобы вдыхать запах чая. — Настоящий чай. Теперь я верю, что нас освобождают.

Елена смотрела с таким же удивлением на ряд самоваров, пышущих паром, словно чудища, на ледяном воздухе, на охранников НКВД, действительно обслуживавших очередь живых скелетов в лохмотьях, еле волочащих ноги в лыковых лаптях и опорках.

— Наверное, это сон, — сказала она. — Один из тех, что снится, когда тебе по-настоящему плохо, и ты действительно ощущаешь вкус пищи, чувствуешь ее тепло в животе. А потом просыпаешься в том же лагере.

— Это не сон, Елена, это Бог. Я всегда в Него верила, даже здесь, и Он всегда спасал меня.

Катерина закашлялась, неистово вцепившись в кружку, чтобы не расплескать драгоценную жидкость. Ее истощенное тело сотрясилось, и на губах появились следы крови.

— Я не переживу еще одну зиму, Елена. Я совсем доходяга. Но если мы вернемся в Москву...

На пристани смутно вырисовывался корпус грузового судна.

— Никогда не думала, что буду рада снова увидеть «Журму», — заметила Катерина. — Нас везли на ней целый месяц, был ледоход.

— Женщины! Слушайте сюда.

Дородная охранница взобралась на бочку, откуда ее все могли хорошо видеть.

— Женщины? — пробурчала Елена. — Неужели это нам говорит Гридасова?

Здоровенная бабища улыбнулась всем с бочки.

— Женщины, к несчастью, в двигательном отсеке «Журмы» случилась поломка. Но вы теперь свободны, и

мы хотим доставить вас по домам как можно скорее. Поэтому перевезем вас на «Магадане». Он встал в док всего несколько часов назад, поэтому, если вы желаете, пойдите со мной, мы доставим всех вас к нему на баржах.

Глаза Елены расширились от удивления.

— Если мы желаем идти? На прошлой неделе Гридасова вытянула меня кнутом за то, что я недостаточно быстро убралась с ее дороги!

Глаза Катерины с болезненно-желтыми белками блеснули от слез.

— Пусть, но теперь мы снова люди. Все охранники не считают зеков людьми. В лучшем случае рабами, если не животными. Но теперь мы уже не зечки, мы опять женщины.

У нее даже распрямилась спина.

— Я понимаю, что все это из-за того зверя, из-за Гитлера, — заключила она. — Даже усатый зверь в Кремле понял, что ему нужны такие люди, как мы, теперь, когда вторглись немцы. Вот увидишь, все к лучшему. Война спасет нас и от тех, и от других, и вернется прежняя жизнь.

Она вдруг протиснулась вперед.

— Можно спросить? — сказала она, подняв руку, как было принято в лагере.

Гридасова улынулась.

— Вы теперь свободны. Что вы хотите знать?

— Мой сын Борис родился здесь. Я была беременна, когда меня арестовали... его забрали в детприемник НКВД. Теперь, когда мы свободны, я хотела бы вернуть своего сына.

— Не беспокойтесь за сына, — уверенно ответила охранница. — Партия вернет его вам через несколько часов. А сейчас, женщины...

Охранники сформировали колонну, и они медленно побрели прочь экономным медленным шагом опытных каторжан, у которых нет лишних сил. Оловянные кружки гремели и лязгали, когда их ставили на длинные столы рядом с самоварами.

— На борту баржи будет еще чай, женщины, — весело объявила Гридасова, — и суп.

У причала уже ждала длинная баржа, соединенная с сияющим буксиром. Из трубы клубился дым. Заключенные поднимались по трапу и спускались в трюмы через открытые люки.

И вдруг кто-то выкрикнул:

— Акулова! Заключенная Акулова!

Елена плелась среди остальных. Она опустила голову. Она узнала голос лагерной охранницы. Она знала ее, охранница покупала у нее выпивку. Но она боялась, что что-нибудь задержит ее на пути домой и она опять останется здесь. Она молчала, надеясь, что ее не заметят в толпе.

Но твердый взгляд Гридасовой обежал колонну.

— Акулова! — рявкнула она.

Катерина схватила ее за руку.

— Все будет хорошо, Елена. Бог тебя не оставит.

Елена сделала шаг в сторону из ряда.

— Здесь, — сказала она. Охранница о чем-то говорила с Гридасовой.

— Я буду ждать тебя в Москве, — сказала Катерина, продвигаясь все дальше, по мере того как баржа поглощала заключенных. — Ты знаешь, где меня искать.

Гридасова посмотрела на Елену обычным холодным взглядом.

— Тебя возвращают на Лубянку, Акулова. Полетишь на почтовом самолете, который ждет в аэропорту.

— Почему? — прошептала она.

— Новое обвинение, — сказала Гридасова, отворачиваясь.

Когда Елена шла к поджидавшему ее грузовику, она оглянулась назад. Катерина все оглядывалась и крестила ее, уходя...

На борту не было сидений, и второй пилот беззлобно велел ей устраиваться поверх кучи пустых мешков для почты. Немного поколебавшись, он вытащил из кармана толстый бутерброд и протянул ей, прежде чем зайти в кабину.

Большие круглые двигатели завертели пропеллерами, выпустив струю дыма. Он был кроваво-красного цвета в лучах низко висевшего над горизонтом солнца. Елена сгребла вокруг себя как можно больше мешков и уселась в середине, как несущка в гнезде. Она разделила бутерброд на две части и спрятала одну в своей залатанной одежде, где пришила кармашек, в котором хранила все свои ценности, полезные в повседневной лагерной жизни.

Прежде чем есть, она долго рассматривала бутерброд. Пилот намазал его настоящим маслом и положил кусочки копченой колбасы. Она откусила кусочек и стала тщательно жевать.

Даже если тебя везли на Лубянку, стоило смотреть в иллюминатор, чтобы увидеть, как исчезает Колыма. В лагерях она усвоила, что если случилось хоть что-то приятное, надо безотлагательно наслаждаться этим приятным. Ей было тепло в ее гнездышке, во рту у нее была

еда, и еще запас лежал в кармане. А перед ней расстился пейзаж, увидеть который желал бы каждый: вид Колымы, исчезающий под крылом самолета.

Она выглянула в иллюминатор. Они летели над морем. Большие пропеллеры ревели. Вода внизу была необычно спокойной, серо-голубого цвета. Маленький буксир направлялся назад в порт. Самолет сделал вираж, и всего на мгновение она ясно увидела морское дно на глубине нескольких морских саженей. Там лежали баржи, разбросанные на дне моря, как надгробные плиты...

Москва

Пол был из полированного паркета, и она сразу узнала Лубянку. Было тепло, в коридорах стоял карболовый запах дезинфекции. Они остановились, и охранник постучал в дверь. Женский голос разрешил им войти.

Роза Савинкова сидела за письменным столом, на котором лежало дело. Она подняла глаза, и пальцы на ногах Елены поджались от страха. Ногти снова отросли, похожие на нагар на свечке.

— Заключенная Акулова, — сказала Роза.

— Да, — спокойно ответила она.

— Партия никогда не ошибается, — заявила оперуполномоченная.

— Да, — согласилась Елена.

Роза открыла личное дело.

— Здесь ваше признание. Это ложь. Все ложь.

Холодные голубые глаза смотрели на нее.

— Что вы скажете?

— Здесь ли ваш коллега? — спросила Елена. — Тот, который вместе с вами допрашивал меня?

— Нет.

— Если бы он был здесь, я бы спросила его, что мне следует сказать.

— Его признали виновным в преступлениях против народа. Он сознался после допроса.

— Кто его допрашивал? — тихо спросила Елена.

Савинкова нахмурилась.

— Я, — ответила она.

— Поэтому я прошу вас объяснить мне, что я должна говорить.

Сотрудница внимательно посмотрела на нее, а затем, к удивлению Елены, ее лицо озарилось улыбкой.

— Вы должны поблагодарить партию, которая никог-

да не ошибается. Партию, которая прощает. Партию, которая всегда справедлива.

— Да, конечно, я это сделаю, — медленно проговорила она. — Благодарю партию.

— Очень хорошо, — Роза толкнула к ней лист бумаги с несколькими напечатанными строчками. — Подпишите здесь.

Елена сделала, как ей велели, и Роза аккуратно подшила бумагу в дело.

— Теперь пойдемте со мной, товарищ Акулова.

Роза подошла к двери и придержала ее, пропуская Елену. Она внимательно рассматривала ее, пока они шли по коридору.

— Боже, в каком вы виде! — воскликнула она. — Мы подберем вам новую одежду, вам нельзя так выходить. — Она весело рассмеялась. — Вас могли бы принять за арестантку! Но вначале, конечно, баня и еда, — она задержалась у двери. — Да, и кое-что еще.

Она повернула ручку двери и, оставшись снаружи, открыла дверь и махнула Елене, приглашая ее войти.

Дверь закрылась. В комнате с кушетки, на которой он лежал, встал высокий крупный человек. Он исхудал и был похож на зимний дуб. Генеральская форма висела на нем свободно. Его лицо просияло радостной улыбкой, открывшей выбитые зубы.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал ей Акулов...

* * *

Они стояли у окна и смотрели на площадь Дзержинского. Запряженные лошадьми телеги везли противотанковые ежи в одну сторону, а люди спешили в другую, скользя по раннему снегу. Они несли узлы и чемоданы, направляясь на вокзалы, откуда поезда шли на восток.

— Большой драп, — произнес Акулов. — Большое бегство. Большинство правительственных учреждений выехало. Поспешили в Куйбышев.

— А ты? — спросила она.

Он кивком указал куда-то на запад.

— Бронетанковые части Гота всего в ста двадцати километрах отсюда. Он, Хейпнер и Гудериан окружили более шестисот тысяч наших людей менее чем за неделю. Захвачено не меньше тысячи танков и пять тысяч пушек. Немцы в Можайске. Это сто десять километров от Москвы. Наполеон дошел оттуда до столицы за три дня.

— А будут ли немцы здесь через три дня? — серьезно спросила она.

— Это вопрос. Перспектива того, что с ним сделают то, что он сделал с нами, привела генсека в чувство. Всех оставшихся в живых профессионалов вернули из лагерей. Как и меня. Вчера зек, а сегодня генерал. Это благодаря Кривицкому, он где-то в верхах. Жуков назначен ответственным.

— А ты? — снова спросила она.

— Мне дают 5-ю бронетанковую бригаду. Она переоснащена танками Т-34. Я сидел в лагере для зеков-специалистов: там были инженеры, ученые, конструктора, директора. Вместе со мной был Петр Садовский. Его освободили, чтобы он построил танковый завод к востоку от Урала, запустил его с нуля.

— Я останусь в Москве, если получится, — сказала она. — Пиши, когда сможешь. Будем пользоваться кодом, как раньше! Ах, Иван, сообщай мне о себе, чтобы я хотя бы знала.

Он снова указал на запад.

— Подходит Гот. Я встану у него на пути, — он поднялся. — Мне пора, Елена... Но послушай, когда нас увезли с испытательного полигона и переодели в военную форму, меня привезли сюда. Меня уже ждал Кривицкий. После того как он рассказал мне, что от меня требуется, я попросил его освободить тебя. Он ответил, что уже сделал это. И он сделал это, судя по тому, что ты здесь, еще до разговора со мной.

Он сжимал ее плечи своими большими руками.

— Это будет ужасная война. Ее будут вести безжалостно, и такие люди, как мы с тобой, могут рассчитывать только на то, что их рассматривают как ресурс, имеющий какую-то ценность. Тех, кто не представляет для них ценности, бросят на произвол судьбы.

Слезы наполнили ее глаза.

— Они убили Катерину и других заключенных женщин только вчера. Они утопили их на баржах, сказав им, что они свободны.

Он нежно встряхнул ее.

— Мы выживем, потому что имеем ценность. Наверное, ты нужна Кривицкому для каких-то целей, связанных с войной. Он, вероятно, не замедлит прийти. Выполняя свое дело хорошо, и мы оба выживем.

* * *

Горячая вода потекла из крана, и она наполнила ванну. Ее снабдили солью для ванны, а также душистым мылом и шампунем, и Елена долго лежала в горячей

воде, окутанная теплым, пахучим паром. Потрясение для ее загнанных вглубь чувств было как от удара, как от вина, и, когда она вышла, почувствовала себя почти опьяненной.

Ее одежду, темную и лоснящуюся от вьевшейся грязи; унесли, и на кушетке лежал полный комплект белья и одежды. Ярлыки были европейские, и она оделась, наслаждаясь мягкостью белья и качеством одежды, незнакомому ощущению гладкости нейлоновых чулок* на ногах.

Послышался стук в дверь, и женщина внесла еду на подносе. Там стояли большой стакан молока, кусочек мяса с овощами, рисовый молочный пудинг. Она заканчивала есть, когда открылась дверь и вошел Кривицкий. Он был в гражданской одежде и сел напротив нее за стол.

— Очень хорошо, — одобрительно кивнул он, увидев пустые тарелки и стакан. — Ты должна восстановить силы.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — прямо спросила она.

— Хорошо! Сейчас мы все на войне. Это война, которую некоторые, и я в их числе, предвидели. Однако один, особо избранный, не видел ее приближения. Из-за этого мы оказались в худшем положении, чем должны были быть. Мы не можем сразу выиграть. Тем не менее, Жуков считает, что мы можем удержать Москву. У нас есть и другие опытные командиры, как твой муж, которого мы спасли от уничтожения, и, если у нас будет время, мы выучим других, более молодых людей. Новые заводы будут запущены для производства оружия. Но нам необходимо для этого время. И помощь. Помощь от Запада. Англичане и американцы поставляют нам значительное количество вооружений и товаров. Танки, истребители, грузовики, продукты. Но нам нужно больше. Намного больше. Сталь, алюминий, транспортные средства, боеприпасы и, особенно, продукты. Без широкой материальной помощи от Запада мы не уцелеем.

— Каким же образом я могу помочь? — озадаченно спросила она.

— Видишь ли, сейчас важно, чтобы у нас было... лицо. Для Запада. То, как они нас воспринимают. У них есть то, чего нет у нас, — независимая пресса. Мы должны ею манипулировать, заставить их представить нас своей публике в очень благоприятном свете.

* Производство нейлона началось с 1938 г.

— Привлекательный мужик сражается за дядюшку Джо*... — едко произнесла она.

— Нечто похожее...

— Тебе следовало бы обратиться к чтению этого дела, — презрительно сказала она. — Тебе нужен Сергей Савинков. Западные интеллектуалы танцевали под его дудку.

Кривицкий достал блокнот из внутреннего кармана пиджака.

— Где он?

— Я могу спросить тебя, в какую могилу вы его закопали? — со злостью спросила она, и он убрал блокнот назад.

— Я помню, был один... Но нет, это именно твоя задача. У нас не так уж много людей, которые умеют разговаривать с такими людьми, но ты умеешь. Ты говоришь по-английски, у тебя были друзья среди западных журналистов. И, главное, ты аристократка. Люди любят иметь дело с аристократами. Черчилль совершил серьезную ошибку, назначив к нам послом социалиста! Слабаки. Умеренная, трезвая, вегетарианская идеология! Мы давно всех подобных посадили в лагерь. Нам нужны настоящие империалисты, которых можно уважать, — Кривицкий улыбнулся. — У нас противоположная проблема. Мы империалисты и не можем послать одного из наших в Вашингтон. Поэтому мы пошлем тебя. «Бывшую», аристократку.

— Аристократку, которая не коммунистка! Ты уверен, что я та, кто вам нужна?

— Ты думаешь, что люди на фронте борются за коммунизм? Почти первое, что сказал Сталин, это: «Они не будут бороться за нас, но за мать-Россию». Ты будешь в хорошей компании.

— Я тоже готова сражаться за Россию. Я поеду. Но пойми, что, когда я буду там, мне нужна будет свобода передвижения, свобода общения, в том числе и с газетчиками. Я должна встречаться с ними, пить, обедать в их домах. Я не могу быть прикована цепью к политработнику, не смогу зачитывать заготовленные в посольстве официальные сообщения. Я должна буду действовать, как действовал Савинков, пока его не расстреляли. Я должна иметь независимость. Если вы не можете мне ее гарантировать, нет смысла в моей поездке.

— Очень хорошо, — облегченно сказал он. — У тебя будет то, что ты хочешь, в течение всего времени выполнения задания, пока это нам будет нужно.

* Дядюшка Джо — американец.

— И еще одно, последнее.

Кривицкий вздохнул.

— Ты хочешь кого-то вызволить из лагеря?

— Как ты догадался?

Он скромно улыбнулся.

— Это каждый просит. Елена Акулова, я не должен объяснять тебе, что американцы не должны знать о существовании лагерей. Каждое упоминание о них — это грязная клевета на Советское государство и на его народ. Кого тебе вызволить?

— Ребенка. Катерина, которая училась со мной в институте и которую ты знал с юности, была замужем за Борисом Булавиным, казацким офицером. Его расстреляли, а ее сослали на Колыму, где мы снова встретились. Там родился их ребенок. Она умерла, ее убили вчера... а ребенок находится в одном из жутких ваших детдомов под эгидой НКВД. Он мне нужен.

— Зачем?

— Я бы их всех выпустила... — Она умолкла, справляясь с чувствами, охватившими ее. — Но я прошу о нем. Этого хотела бы для него Катерина. Я возьму его с собой в Вашингтон, и он будет ходить в американский детский сад. Корреспонденты будут фотографировать его с американскими детьми, и скоро он станет символом американо-советской дружбы.

Кривицкий улыбнулся.

— Что ж! Хорошо! Ты быстроходишь в роль. Отлично. Борис Булавин? Будет сделано.

Он встал и пристально посмотрел на нее.

— Катерина не хотела бы, чтобы ее сын вырос таким, как я, — сказал он, и Елена кивнула головой в знак согласия. Его лицо потемнело от гнева.

— Я спас тебя! И твоего мужа! Не всех спасают. И не всякий. Запомни это.

Он вышел. Она так устала, что решила прилечь, пока за ней кто-нибудь не придет. Возле кушетки она встала на колени и помолилась за умерших.

«Господи, помилуй умерших».

Машина ехала по подмерзшей земле. Бездорожье заканчивалось. Наступала зима, и мороз освобождал танки из объятий грязи. Акулов был одет, как и его люди, в телогрейку, меховую шапку, рукавицы и валенки.

Точно так же одетая фигура ждала его перед избой под соснами. Позади дома в лесу притаились холодные, тяжелые, на гусеничном ходу чудища.

Акулов вышел из машины и пошел к ожидавшему, который неожиданно бросился вперед и схватил его в медвежьих объятия. Затем он отступил на шаг назад и отдал честь.

— Здравствуй, папа, — сказал Алексей. — Ты прибыл как раз вовремя.

Акулов сжал его руку, радостно улыбаясь:

— Что может быть лучше! Мы вместе, Алексей, а твоя мать в Москве. Наталья в Минске. Я слышал, что она с партизанами. — Затем он внимательно посмотрел на своего отпрыска: — Вовремя для чего?

— Здесь НКВД, — тихо произнес Алексей.

Акулов оглянулся. В избе был его командный пункт.

— Где мои штабные офицеры?

— Вместе с ними. Человек по фамилии Рыков приехал сегодня утром.

Сама кожа Акулова сжалась.

— Рыков здесь? — прошептал он.

— Да, он ожидает тебя. С офицерами. Послушай, отец, мы фронтовики, мы были в сражениях. Мы с Еременко были на Десне, мы должны были остановить Гудериана. Кремлевский ублюдок не дал ему сгруппировать нас в кулак, чтобы контратаковать со всей силой, и нас разрезали на мелкие куски.

— Кремлевский ублюдок гораздо удачливее в убийствах безоружных и беззащитных, — горько сказал Акулов. — И я знаю, зачем здесь НКВД.

Он взглянул на танки, скрытые за деревьями, с широкими гусеницами, мощные, как доисторические чудовища.

— Который твой? — спросил он.

— Этот, — указал на один из танков Алексей. Молодой парень, видимо, из крестьян терпеливо сидел возле на корточках. Он встал и взглянул на Алексея вопросительно. Тот кивнул ему в ответ.

— Очень хорошо. Где Рыков?

— На прогалине. Вниз по тропе. Саня, будь готов.

— Есть, — ответил парень, забираясь в танк.

Акулов вышел из-за деревьев. На противоположной стороне поляны к стволам деревьев были привязаны люди в военной форме. Посередине расположились в ряд четыре пулемета. Возле них высокомерно и равнодушно стояли люди в зеленых фуражках, а позади них — угрюмые солдаты. Испуганные. Испуганные властью людей в зеленых фуражках НКВД.

Акулов вышел вперед и подошел к пулеметам. Маленький человек в зеленой фуражке и с сигареткой в зубах повернулся к нему: это был Рыков.

— Добро пожаловать, генерал, — насмешливо произнес он. — Теперь мы, наконец, можем осуществить правосудие. Заметьте, то же мы сделаем с вами, если вы тоже обманете ожидания партии.

Привязаны к деревьям были офицеры. Рыков не спеша прошелся по траве к одному из них и ударил его по лицу.

— За сколько ты продался, Иуда? — заорал он. — Мы выслушали твою ложь, предатель, а теперь с тобой пора кончать.

Пулеметчики делали последние затяжки, готовясь к обычной работе. Акулов встал перед пулеметчиками. Ватник расширял его высокую истощенную фигуру. За деревьями заворчал, оживая, двигатель тридцать четвертого.

— Ерунда! — взревел Акулов. — Не говори ерунды, Рыков. Никто никому здесь не продавался.

На всей прогалине наступило ошеломленное молчание. Глаза молодых, НКВД недоверчиво расширились.

— Я тебя тоже расстреляю, — яростно зашипел Рыков.

— Никого ты не расстреляешь, гнида, — заорал Акулов. — Это мои офицеры. Это воины Красной Армии, они сражаются за Родину. Ты ни одного моего фронтовика пальцем не тронешь.

— Приказ от самого Сталина. Плохих командиров и солдат расстреливать, — шипел Рыков. — Отойди, если не хочешь к ним присоединиться.

— Нет, — произнес Акулов неожиданно мягко. — Это ты сейчас уберешься.

Двигатель тридцать четвертого внезапно взревел на полную мощь. Мощное чудовище вырвалось из-за деревьев, осыпанное душем сосновых иголок, и двинулось прямо на пулеметы, и зеленые фуражки кинулись врассыпную. Его гусеницы раздавили пулеметы, пропустили их своими звеньями и выплюнули, словно клочки бумаги. Потом танк развернулся и встал. Мотор продолжал урчать. Открылся люк и появился Алексей. Пулемет Дегтярева плюнул возле ног сбившейся в кучку исполнительной команды НКВД.

— Убирайся, — прогремел Акулов. — Следующая очередь будет ваша.

Лицо Рыкова побелело.

— Ты за это заплатишь, — пообещал он. — Я уж позабочусь, чтобы ты заплатил за это.

— Спрячься в свою нору, — сказал Акулов. — Гот подходит.

Он ударил Рыкова ногой, и тот упал в грязь. С веселыми криками солдаты кидали комками грязи в Рыкова и его людей, когда те удирали к своим машинам. Акулов взял нож и разрезал веревки офицера, которого ударил Рыков.

— Гот подходит, — шутливо говорил он. — Нам следует подготовиться.

Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, апрель 1942

Зал был большой и веселый. Весеннее солнце заглядывало в окна и играло на ярких детских игрушках. Воздух наполнял радостный гам игравших детей. Елена наклонилась и поцеловала на прощание маленького мальчика:

— Играй с детками, Боречка, я приду за тобой после обеда.

— Хорошо, тетя, — сказал он и побежал к ним, даже не оглянувшись. Она улыбнулась и направилась к дверям, отделявшим зал от лестничной площадки.

— Привет, Елена.

Его волосы потускнели и уже не пылали огненной рыжиной. Но улыбка осталась той же, какую она помнила.

— Джонни! Ради Бога, что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты. Моя дочка Карен ходит сюда в подготовительный класс. Это внизу. Это твой сын?

— Борис? Нет, я... Я вроде его опекуни. Это сын моей подруги.

— Хорошо, что ты привезла его сюда.

— Я убедила их, что это полезно для понимания общего образа Советского Союза. Это дает ему возможность не находиться все время в посольстве и встречаться с американскими детьми. Боря уже говорит по-английски. А это полезно для него.

— Мы все здесь слышали об аристократке, прибывшей как представитель Советского Союза. Ты стала настоящей звездой, Елена. Ты производишь потрясающее впечатление на здешних людей.

— Спасибо, — спокойно сказала она. — Я делаю все, что могу, чтобы помочь моему народу в этой войне.

— Возможно, ты возвращаешь долг, — заметил он, и она ничего не ответила.

— Знаешь, я в дружбе с одной милой дамой, которая готовит здесь еду, и она пригласила меня на чашку кофе. Не хочешь ли составить мне компанию?

Они сидели на свежем воздухе, в огороженном саду, где тоже резвились дети. Молодые листочки зеленели на деревьях, на клумбах цвели цветы.

— С какой газетой ты теперь связан, Джонни?

— О, я перестал быть наемной клячей. Я решил, что лучше перестать этим заниматься, чтобы окончательно не потерять самоуважение. Я занимаюсь теперь политической.

— Мне жаль, что наша книга не сработала так, как мы надеялись.

— Ну, отчасти она сработала. Она привлекла ко мне внимание людей, которые думают так же. Многие вещи в Советском Союзе нас беспокоят. Помнишь тех людей на Красной площади?

— Иностранцев, поклоняющихся Мавзолею Ленина? Конечно.

— К сожалению, у нас есть такие и в высоких правительственных кругах. И происходят некоторые странные дела. Например, несколько лет назад русский отдел в Государственном департаменте был упразднен. Это было лучшее подразделение по сбору информации о Советском Союзе, которое было в США. Однако это только часть просоветского уклона в Белом Доме.

— Какие формы он принял? — озабоченно спросила она.

— Общая позиция либералов состоит в том, что Советский Союз со всеми его недостатками является естественным союзником США и что он находится намного ближе к истинной демократии, чем империалистические страны — Британия и Франция. Для меня, бывшего ли-

берала, который с трудом освободился от своих розовых очков, и для моих единомышленников, это очень тревожный симптом. Нас волнует, что произойдет, когда война закончится. В том, что союзные державы победят, нет сомнений. Используя выражение Уинстона*, все, что сейчас требуется, это должное применение преодолевающей силы. Но этой силы нет на большинстве европейского опустошенного пространства, где свергнуты правительства. И тот, кто захватил территории, захватит и страны. Мы не должны допустить, чтобы это был Сталин.

— Да, — бесстрастно согласилась она. — Как далеко зашли эти просоветские настроения?

— Через край, — тихо ответил он. Он допил свой кофе и поставил чашку на стол. — Чрезмерно. Президент Рузвельт написал несколько недель назад письмо премьер-министру Черчиллю. Мы раздобыли копию. В ней говорится: «Я думаю, что могу столкнуться со Сталиным лучше, чем с Вашим Министерством иностранных дел или со своим Государственным Департаментом. Сталин ненавидит саму суть всех ваших высших должностных лиц. Он находит, что я ему больше по душе, и я надеюсь, что он не изменит свое мнение».

— Он встречался со Сталиным?

— Нет. Он добавил еще кое-что. Приблизительно так: «Я полагаю, что если я предоставлю ему все, что нужно, и ничего не попрошу взамен, nobless oblige** его не пытаться аннексировать что-либо и действовать вместе со мной ради всеобщей демократии и мира».

— Ты уверен, что он не отбивал в тот день на Красной площади поклоны перед Мавзолеем? — спросила Елена.

— Нет ничего невероятного в том, что он мог там быть. Знаешь, что нас особенно тревожит?

— Я догадываюсь.

— Мы опасаемся, что если Рузвельт предоставит Сталину всяческую помощь, Сталин использует ее, чтобы захватить остальную Европу. Мы разобьем Гитлера, но на его месте окажется его абсолютное подобие. По правде говоря, многое в президенте нас тревожит. Он не прислушивается к голосу разума в отношении Сталина. Кажется, он хочет заслужить его одобрения... Он ищет его расположения.

Ее кофе остыл, и она отставила свою недопитую чашку на стол в подвижную сквозную тень листьев.

— Почему ты мне об этом рассказываешь?

* Уинстон Черчилль.

** Nobless oblige (франц.) — честь обязывает.

— О, потому что все возвращается. Той, прежней Елене, наверное, интересно узнать, насколько она была права, поставив наивного молодого осла лицом к лицу с Революцией. Я тоже тогда был очарован, как теперь очарован Рузвельт.

Он говорил, не глядя ей в лицо. Из дома доносились детские голоса.

— Превжняя Елена здесь, — тихо произнесла она.

— Превжняя Елена дала мне информацию, рискуя жизнью.

— Мои муж и сын на фронте. Они фронтовики. Я тоже в своем роде фронтовичка, Джонни. Я готова сражаться за то, во что верю, — она прямо посмотрела на Николса своими спокойными серыми глазами. — Когда наш посол подсчитывает потери, жертвы, понесенные Британией и Америкой, вносятся в ту же колонку, что и германские...

— Спасибо, — сказал он. — Можем ли мы выпить здесь по чашке кофе еще когда-нибудь? Например, в каждый вторник?

— Да, по вторникам, Джонни, но с одним условием. Если однажды я не приду за Борисом, то ты возьмешь его и воспитаешь. Дело в том, что на фронте иногда убивают. У Бори нет ни отца, ни матери, и если я не приду за ним, это будет означать, что тетки у него тоже не стало...

Сталинград, октябрь 1942

Они именовали себя четвертым танковым корпусом. Если бы кто-то захотел рискнуть подставить голову под немецкий пулемет-пулемет, который тут же раздробил ему череп, и высунулся в окно, он мог бы перед своим концом увидеть четыре танка, лежащие разбитыми среди выжженной дороги, по которой они продвигались. Один из танков принадлежал Акулову, а дом, в котором они укрепились, называли теперь Акуловским домом.

В нем стоял специфический запах, к которому все уже привыкли. Это был тяжелый, въедливый запах горячего металла, обожженных кирпичей, древесного угля, взрывчатых веществ. К нему, становясь день ото дня крепче, примешивался приторно-сладковатый запах разлагающихся мертвых тел, лежавших под камнями. Он проникал в самое горло и был неотвязен.

День принадлежал немцам. Прилетали бомбардировщики, и любое передвижение делалось смертельным.

Русские окапывались. Саперы рыли траншеи, из которых с наступлением ночи они атаквали немецкие укрепленные пункты, или просто закладывали взрывчатку. Русские снайперы брали на прицел двигавшиеся фигуры немцев, а немецкая артиллерия действовала как гигантский снайпер, выбивая своих невидимых противников с верхних этажей зданий. С восточной стороны Волги почти в самую воду заходили «Катюши» и выпускали свои смертоносные залпы по местам скопления немцев.

Город, сотни тысяч жителей которого стали участниками и жертвами всеобщего истязания, избиения и сожжения, лежал распростертый перед Акуловским домом. Теперь война здесь сократилась до этого здания и площади, на которой он находился. В центре площади, напоминавшей о героических событиях Великого Октября, стояла раньше замечательная статуя Ленина, возвышавшаяся среди невысоких деревьев. Деревья стали первыми жертвами, когда окна первого этажа ошестинились 45-миллиметровыми пушками Акулова. Немецкие атакующие части использовали монумент и деревья как прикрытие, и теперь у постамента валялись древесные стволы, а поверженный Ленин лежал на боку, и его рука с земли указывала путь к лучшему миру.

Немцы удерживали дом на восточной стороне площади.

На землю упала ночь. В длинном зале Акулов проводил смотр своих сил. Дом был набит людьми. Во мраке ночи солдаты выходили наружу. Эти малограмотные крестьянские парни знали топографию разрушенного города так же хорошо, как болота, леса и поля в округе своих деревень, и двигались через руины, как тени. Это они помогли собрать живых, которые прятались в подвалах, уцелевших под развалинами; это их ловкие руки стряпали гречневую кашу и раздували уголь под самоваром. Из них — стрелков, танкистов, поваров, санитаров, сержантов-стажеров и прочих уцелевших солдат — Акулов создал боеспособную силу.

Он назвал их «штурмовой группой». В полутемной комнате он шел вдоль первого ряда солдат штурмового отряда. Их было восемь, самые опытные из тех, кто у него был. Они были вооружены «шмайссерами»*, ППШ, полуавтоматическими винтовками, гранатами, штык-ножами и лопатами с заточенными краями, которые использовались как топоры в рукопашном бою. Каждому солдату причиталась махорка, темная и пахучая, и несколько

* «Шмайссер» — система немецкого стрелкового оружия.

кусочков бурого сахара. Акулов внимательно разглядывал их, иногда похлопывая по плечу, и переходил к следующему.

Когда он остановился у предпоследнего солдата, полез за пазуху, вынул брошюру и протянул ее стоявшему перед ним солдату. Тот весело засмеялся, и остальные тоже расхохотались. Это был политрук. Люди Акулова нашли его вместе с другими уцелевшими из только что присланного нового полка пехоты, который немцы разбомбили почти полностью на подходе к линии фронта. Когда его обнаружили, он сжимал свой ППШ и полную сумку брошюр, озаглавленных «Как действовать в городском бою».

Акулов тоже хохотнул и выдал ему махорку и сахар. Политрук воспринял уничтожение своего полка как личное оскорбление и попросился в штурмовой отряд, выходявшей в ночь. В том мире, где генералы командовали семьюдесятью людьми и их влияние распространялось на единственный уцелевший дом, никто не увидел ничего странного в этой просьбе.

Последним стоял Алексей. Отец выдал ему махорку и сахар и обнял его.

— Что означает «баловень судьбы»?

Молодой человек усмехнулся.

— Любимец женщин?

— Нет. Тот, кто возвращается живым. И при этом захватывает дом.

Холодный порыв ветра показал, что дверь открылась. Алексей Михайлович выпустил своих людей и выскользнул за ними в темноту. Работая бесшумно, как воры, саперы расчистили узкую дорожку вокруг всей площади, которая скрывала припавших к земле солдат.

Тем временем внутри дома повар Жаров опустил крышку на кастрюлю нежно дымящейся каши и, согнувшись под тяжестью огнемета, взваленного на спину, пошел к двери.

— Готово, Иваныч, — уважительно сказал он, — Акулов вышел со следующей группой в ночной город. Эта дюжина людей была отрядом подкрепления. Ее составляли самые сильные, поскольку они были нагружены, как мулы, тяжелыми пулеметами, мортирами, противотанковыми ружьями, ломami, кирками и взрывчаткой. Их ноги и груз, который несли, были тщательно обмотаны тряпьем для бесшумного передвижения, и они следовали за штурмовым отрядом по траншеям в сумрачных оранжевых всполохах горящего города. В доме оставались раненые.

Они продвигались, прячась за развалинами, согнув-

шись, почти припадая к земле. Повар Жаров держался за Акуловым так близко, что тот ощущал то запах гречневой каши, то нефтяной запах жидкости, капавшей из сопла его огнемета. Акулов достал из кармана щепотку махорки и стал жевать.

Тишину разорвал внезапный глухой разрыв гранаты, донесли резкие очереди «Шмайссера», словно рвали новый ситец, потом неспешная барабанная дробь ППШ. Зеленая вспышка дугой пересекла площадь, и они поднялись и бросились в проем двери, сорванной с петель.

Убитый политрук лежал у самого порога, и они пере-скакивали через его тело. Воздух был наполнен пылью штукатурки, потому что гранаты снесли крышу и потолок висел над ними неровными кусками балок. Алексей прижался к земле у двери. Он увидел Жарова и позвал:

— Сюда!

Алексей держал кувалду с укороченной ручкой. Он сбил петли двумя ударами и, когда вторая дверь упала, Жаров просунул сопло за проем, и комната наполнилась огнем. Они углублялись в дом, не обращая внимания на стоны и вопли, которые слышались позади...

Акулов наткнулся на кого-то в темноте и понял по чужому запаху, что это немец. Огонь высветил штык-нож в его руке, и Акулов быстро отрубил ему руку заточенной лопатой и воткнул заточку в его живот.

Жаров ушел вперед, пока Акулов вытаскивал свою заточку, для упора наступив ногой на грудь умиравшего немца. Темноту прорезали вспышки выстрелов, и пули ударились в бак позади него, огонь внезапно осветил его и бегущую, кричащую фигуру в проходе. Акулов кинул в нее гранату и выстрелил для надежности из пистолета.

Алексей, прижавшись к лестнице, закладывал взрывчатку. Дом вокруг него горел, упавшие балки и доски тлели в пыльном цементном тумане.

— Выходим! — крикнул Акулов.

Двигаясь назад по горящему коридору, он увидел кого-то, ползущего к дверям. Это был один из его бойцов, и он поволок его за ремни. Они вывалились на холодный воздух с дымящимися волосами, слезящимися глазами и текущими носами. Акулов вытащил ракетницу из кобуры, и алая трасса пролегла через площадь. Немцы кинулись к окнам своей горячей крепости, и внезапный шквал огня обрушился на них от группы поддержки, пока Акулов с первой группой отходил назад.

Внутри их собственного дома все бесчисленные мелкие порезы, уколы, ожоги и кровоподтеки сразу начали болеть и пульсировать. Санитары, ожидавшие их возвра-

щения, сразу принялись за работу. Акулов поел каши, сваренной Жаровым, и пошел спать в свой угол. Засыпая он услышал, как кто-то тихонько молился.

На рассвете, присев перед окном четвертого этажа, он разглядел немецкие пикирующие бомбардировщики, кружившие, как ястребы, над Волгой. Их завывание переходило в визг, когда они почти падали на суда, шедшие со стороны Ахтубы с грузом для города. Доки пылали. Дым стлался над тракторным заводом. Танки двигались вдоль железнодорожной линии, усыпанной автоматами, похожими издалека на муравьев.

Алексей присел у окна, прикрывшись мешковиной; кончик дула его винтовки лежал на подоконнике. На другой стороне площади из сожженного ночью дома несло гарью и дымом, а на мостовой валялись обугленные бревна.

Послышался резкий звук выстрела, и Алексей быстро откатился в сторону, чтобы избежать ответного огня. Из глубины комнаты Акулов увидел в окно, как откуда-то с верха разрушенного здания напротив свалилась человеческая фигура и, зацепившись одеждой за выступавшую балку, повисла на ней, словно подстреленная птица.

— Князь Михаил любил охотиться на фазанов, — сказал Акулов. — Но он говорил, что в новом мире для этого не будет времени.

Он пошел к лестнице, чтобы начать новый день в Сталинграде...

Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, февраль 1943

— Я хочу послать Алексею кое-какие вещи. Ты сможешь мне переправить их через границу? И ты хотел поговорить о генерале Андерсе, — сказала Елена.

— Об этом польском командире?

— Сталин освободил его из лагеря, как Ивана и других военных, после вторжения немцев. Польское правительство в изгнании подписало соглашение с ним о восстановлении польской армии для борьбы с немцами. Андерс в свою армию должен был собрать польских офицеров и солдат, которые оказались в лагерях.

День был холодный. На деревьях лежал иней, и пар от кофе в их чашках поднимался в неподвижный воздух. Сзади доносился шум игравших детей.

— Кривицкий был в посольстве, и я узнала от него, что Андерс не смог найти никаких следов офицеров. Он

обнаружил всего около четырехсот человек, хотя их должно было быть пятнадцать тысяч.

Елена отхлебнула кофе и поморщилась.

— Я с похмелья, чувствую себя отвратительно, — произнесла она. — Пришлось вчера пить виски «Теннесси» с Кривицким до двух ночи... Но к делу. Польские офицеры исчезли еще в 1940 году, то есть до германского вторжения. Они были уничтожены, Джонни. Это были кадровые военные и резервисты из профессионалов. Какой смысл их убивать?

— Естественно, чтобы лишить армию руководства, — ответил Николс. — Это в его характере.

— Да, конечно. Если их схватил Сталин, то он же их и убил. Может быть, он собирается присоединить Польшу к Советской империи. Ах, Джонни, как у меня болит голова... — она прищурилась от холодного яркого солнца. — Джонни, надо как-то передать сообщение немцам.

— В общем это возможно, — ответил он, но посмотрел на нее вопросительно.

— Понимаешь, я знаю, где они, все эти польские офицеры. Кривицкий рассказал мне про этот прекрасный весенний апрельский день. Солнце светило в лесу, а на полях еще не совсем стаял снег. Они все в яме, Джонни, — сказала она, и ее глаза наполнились печалью. — В большой яме в лесу на берегу Днепра около Смоленска, под Катыню. У них руки связаны сзади, и они убиты выстрелом в затылок. Сообщи немцам, где их искать. Когда они обнаружат их, надо чтобы об этом узнал Президент. Может быть, тогда он поймет, что руки Сталина в крови по локоть, поймет, с каким человеком он имеет дело.

Николс записал несколько слов в свой маленький блокнот.

— Я это сделаю, — пробормотал он. — И что-то еще? А ты что-то хотела послать Алексею?

— Спальный мешок, витамины и еще разные мелочи. Мне не хотелось бы, чтобы их украли.

— Я отправлю их с дипломатическим багажом и прослежу, чтобы они попали по назначению.

— Ужасно холодно, — сказала она задумчиво, — спать на открытом воздухе...

Курск, июль 1943

Алексей затянул молнию на своем замечательном спальном мешке, устраиваясь у опорного катка гусеничного хода Т-34. Дождь барабанил по брезенту палатки, но

ему было сухо и тепло. Новый танк еще пах свежей краской. С одного из болтов свешивался противогаз.

Горела толстая желтая свеча. Он положил на колено блокнот и достал из кармана огрызок карандаша. Он только что приготовился писать, когда сильная задубевшая рука просунула металлический кувшин внутрь палатки.

— Держи, командир.

— Давай, Саня.

Кувшин пах нефтью и металлом. Алексей залил ярко-зеленую смесь в противогаз и поставил кувшин. Под противогазной трубой стояла кастрюлька. Он начал писать письмо:

«Дорогая мама...»

Он задумался, посасывая кончик карандаша. Послышался шум капель, когда жидкость, проходя через фильтры противогаза, стала капать вниз, в подставленную посудину.

Писать письмо было трудно. Образы недавнего боя мелькали в его голове, как разрозненные кадры фильма, несвязанные и неистовые, и он никак не мог сцепить их вместе.

«Благодарю тебя за прекрасные подарки, — писал он. — Они прибыли благополучно вместе с почти ста тоннами папиных бронебойных снарядов. Спальный мешок очень удобный, и я его очень берегу. Спасибо тебе также за зажигалку «Зиппо», которая действует в любую погоду...»

...Немецкие танки прошли через поле горячей гречихи, как огромные черные ромбы, гигантские доисторические чудища, которые каким-то образом доселе скрывались в чащобах. Корпус Т-34 был замаскирован, и он видел громадную самодвижущуюся пушку «Фердинанд», ее защитная окраска напоминала карту с темными низинами, коричневыми зигзагами гор, желтыми пустынями, а паучьи лапы свастики свидетельствовали о ее принадлежности. Он выстрелил, прижавшись влево, как только мог, в крохотной, тесной башне. На мгновение он ощутил себя в маленьком кораблике, ударившемся о скалу в бушующем море. Пламя, пыль и стебли гречихи неожиданно взметнулись, когда дуло выстрелило.

Он и сейчас будто воочию видел, как отскочил снаряд от косо́й брони немецкой машины и что-то черное и уродливое пронеслось в воздухе. Послышался рев и свист летящих мин, и поле его зрения заволочло взметнувшейся пылью. Откуда-то снаружи до него доносились крики пехотинцев.

«Фердинанд» выстрелил. Огромное 100-миллиметровое

дуло открылось, похожее на огненный кошачий глаз. Грохот выстрела и грохот удара слились. Ураган, состоящий из шума, пламени, дерна, листьев и пылающего воздуха. Его рот наполнился землей, зубы скрежетали. Горячий ветер, как из топки, пронесся рядом с ним, и он с трудом вылез из люка. Т-34 наполовину перевернуло, и он лежал под ним, распоротым, словно брюхо коровы. Слышался грохот приближавшихся машин, треск сминаемых пушек и лязг металла.

«Фердинанд» продвигался в дыму вверх по холму, Алексей вдруг разъярился. Он не испытывал прежде чувства такого бешенства. На поясе у него висели гранаты, и он припал к земле, изорванной гусеницами. «Фердинанд» шел мимо, почти рядом, широкий, как корабль, наверное, он был в два раза выше его собственного роста. Рев его двигателей стоял в ушах. Огромная пушка дымилась. Он выхватил гранаты из-за пояса одну за другой, выдернул чеку и сунул их между громадными гусеницами и крутящимися колесами.

Он едва различил звук взрыва в общем грохоте, но какая-то сила вдруг развернула его и кинула, почти раздавив о собственный танк. Секции гусеницы изрыгнулись в воздух. Вражеская машина остановилась. За ней волочились металлические хвосты, сдавленные и спутанные, как кишки.

Дым струился из выхлопных труб, как вода из сточных труб, оба двигателя ревели. Переднее зубчатое колесо вращалось, будто грязная пена в водовороте. Мертвые русские пехотинцы в серовато-коричневой форме лежали, разбросанные вокруг, как бревна. Машина вдруг смолкла, застыв в грязи, похожая на металлическую крепость.

Он был неистово зол. У его ног лежал мертвый солдат, придавленный баком с горючим. Алексей стащил с него бак за лямки. Он держал в руке зажигалку «Зиппо», гладкую и теплую. Он повернул выпуклую головку огнемета и чиркнул кремнем. Воздух стал горячим, пламя выплеснулось перед ним.

Он влез на верхушку машины, бормоча что-то под нос. У него страшно заболела голова, но он знал, что внутри неповоротливого судна таится опасность. Он прошелся по обшивке, широкой, как палуба корабля. Машина была запечатана, тщательно заклепана, крепко закрыта. Сквозь продолговатое толстое стекло он увидел, что кто-то смотрит на него изнутри.

Открылся люк, и вылетела граната, звякнув о броню. Он отбросил ее сапогом. Полетели еще гранаты, и он

затанцевал на броне, лягаясь и отбрасывая их прочь. Горящие осколки царапнули его по спине, и он неимоверно разозлился. Он сжал рукоять огнемета, и огонь поглотил люк. Он услышал оттуда крики.

Далеко в поле с неба упала комета, бесшумно уходя в горящее поле пшеницы. Когда дым и пламя вырвались кверху, до него донесся тяжелый удар ее падения. Он сунул сопло огнемета в вентиляционное отверстие вражеской самоходной пушки и нажал на ручку.

Они лежали вразброс, эти шестеро в обожженной черной военной форме. Он решил, что это все, кто там были. Они лежали, как обуглившиеся головешки из костра. Он вернулся в свой Т-34 с огнеметом за спиной. Его спальный мешок лежал там, где он его оставил, в башне, и он сунул его под мышку. Тысячи мух облепили пробоину в корпусе и ползали с жужжанием по липкой густо-красной грязи. Это жужжание раздражало его, и он полил из огнемета всю пробоину. В отдалении он слышал шум развертывавшегося сражения...

«Спасибо тебе за пузырек витамина С», — написал он.

Алексей задумчиво посасывал кончик карандаша, уставившись на написанные строчки. Капли падали в кастрюлю со слабыми всплесками. Он опрокинул кувшин, вновь наполнив противогаз.

«У них апельсиновый вкус, и они замечательно освежают. Я думаю, что они помогут мне не простудиться...» — написал он и вспомнил про ту воронку, где его ждал неожиданный сюрприз.

Воронка была частью вторичных защитных сооружений, и через них уже прошли немцы. Он мчался так, что пятки сверкали, и скатился на ее дно по склону. Когда он поднялся, почувствовал на себе чей-то взгляд. Это был солдат в сером, его нога была наспех замотана, из руки сочилась кровь.

Ярость Алексея уже прошла, и он улыбнулся. Немец улыбнулся в ответ. Увидев надежду в его глазах, Алексей улыбнулся еще шире. Его головная боль улетучилась. Он подобрал свой спальный мешок и потрогал внутренний карман. Пузырек с витаминами был цел. Он достал его с видом фокусника, демонстрирующего свое искусство, открутил крышку и протянул горсть витаминов немцу.

Они сидели на солнце на краю воронки и жевали ярко-оранжевые таблетки, словно конфеты.

— Schon... gut.*

Немец вытащил из кармана колбасу и разломил на два куса здоровой рукой.

* Schon gut (нем.) — хорошо; ладно уж.

— Спасибо, — по-русски сказал Алексей.

— Blutwurst*, — приглашая к трапезе, произнес немец.

У Алексея был полевой перевязочный пакет, и он перевязал ему рану на руке.

— Danke, dankeschon**, — сказал раненый солдат.

— До свидания, — снова по-русски произнес Алексей, уходя по склону.

— Wiederseh***...

«Спальный мешок оказался очень полезным, — продолжал он письмо. — Он совершенно водонепроницаем. Мы попали в сильный ливень несколько дней назад, и благодаря ему я совсем не промок».

... Они отступали. Покалеченные чудовища с белыми царапинами, сверкавшими в страшном свете приближавшейся грозы, усеянные оспинами пулеметного огня и черными следами от огнеметов. На их боках запекалась кровь пехотинцев. Пушки извергали пламя в проливной дождь.

Бегущие стрелки в черном, катящиеся самоходные пушки и солдаты с Panzerfausts****. Оранжевый и желтый огонь, гром и артиллерийская канонада. На дне канавы он влез с головой в свой спальный мешок и застегнул молнию. Он прижал колени к груди, закрыл глаза, и все стало похоже на летнюю грозу. Скоро она пройдет, и он выглянет из своего мешка на свежий воздух и увидит голубое небо.

«Я встретил замечательную девушку. Я думаю, что, когда ты ее увидишь, тебе она тоже понравится. Ее зовут Анастасия», — написал он и задумался.

...В овраге было тихо. Нежно-зеленые травы и кусты манили к себе, маленький ручеек бурлил, продолжая привычный бег, будто и не было над ним ветра, пахнущего керосином и порохом. Алексей ловко соскользнул в овраг, съехав вниз по склону. Ручей постепенно расширился в запруду, и он, положив свернутый рулоном спальный мешок, встал на колени и стал пить, черпая воду пригоршнями.

И вдруг он замер, вода потекла по его подбородку. На другой стороне тоже на коленях стоял немец. Он пил воду из запруды, опустив лицо в воду.

Алексей бесшумно опустил руки, дав воде стечь. Он осторожно потянулся за своим пистолетом Токарева.

* Blutwurst (нем.) — кровяная колбаса.

** Danke, dankeschon (нем.) — спасибо, благодарю.

*** Wiederseh (нем.) — до свидания.

**** Panzerfausts (нем.) — фаустпатроны (ручные противотанковые гранатометы).

Немец в серой униформе не двигался, его лицо оставалось опущенным в воду. Позади лежал на траве другой, как будто спал. Третий сидел, развалившись, на башне танка, словно принимая воздушную ванну в тени, но какое-то пятно темнело на его черной рубашке.

С пистолетом в одной руке и спальным мешком в другой, Алексей перешел вброд мелкую запруду. Никто из немцев не шевельнулся.

Затылка у того, что пил воду, не было. Алексей осторожно продвигался к танку. Отверстие обзора водителя было открыто на несколько сантиметров. Кровь забрызгала металл. На ней пировали насекомые.

Мошкара гудела над ним, отлетев от брони. Что-то ужалило его в плечо. Он припал к земле рядом с гусеницей. На фоне неба двигался черный силуэт — автоматчик. Очередь «шмайссера» прошла кустарник рядом с его укрытием, срезав ветки.

Автоматчик вытащил что-то похожее на картофелину из-за пояса и двигался по гребню, избирая правильный угол. Граната полетела по красивой дуге, и Алексей выскочил на открытое место. Взрыв на том месте, где он только что был, оглушил его. Он нажал на курок, но боек ударил по пустому патроннику.

Автоматчик стоял на верху гребня. Потом он внезапно упал, перевернувшись в воздухе. Алексей услышал, как шмякнулось его тело после того, как исчезло из вида.

Он стоял в воде с бесполезным пистолетом в руке.

— Иди сюда, — позвал его чей-то голос.

Он выбрался с трудом, вытаскивая сапоги из илистой грязи, все еще держа под мышкой свой спальный мешок.

— Идем, — сказала девушка, и он двинулся за ней вдоль оврага, потом полез по склону, хлюпя промокшими сапогами.

— Идем, — повторила она, и они оказались в маленькой пещерке, откуда можно было видеть всю небольшую долину, расстилавшуюся за маскировочным щитом из веток и листьев. Длинная винтовка Драгунова с большим оптическим прицелом лежала наготове перед ней. Дуло было направлено в воздух, поддерживаемое сошкой.

У нее были зеленые глаза, очень ясные, как раз такие, какими хорошо смотреть в оптический прицел. Ее руки, изящные, аккуратные и сильные, ловко нажимали на спусковой крючок. Ее алые губы открыли в улыбке белые зубы.

— Я здесь, — сказал он...

Противогаз перестал капать. Алексей сложил листок солдатским треугольником и положил его в нагрудный карман. Кто-то двигался снаружи.

— Саня, ты?

— Да, командир.

Молодое крестьянское лицо просунулось под брезент. Капли дождя капали с носа.

— Готово, — сказал Алексей. — Пролезай. Шампанское готово.

Алексей взял две оловянные кружки и осторожно наполнил их содержимым кастрюльки. Жидкость почти не потеряла свой ярко-зеленый цвет.

— Пахнет по-другому, Саня. Где ты ее взял?

— Из танка «Тигр», сзади, там, где передача.

— Трансмиссионная смазка «Тигра», а? Что ж, это как раз для нас.

Они опрокинули жидкость в рот и сидели, вдыхая аромат. Их глаза увлажнились.

— Знаешь, Саня, а дед мой пил настоящее шампанское. Если бы вернулись прежние времена, я был бы графом. Как тебе нравится? Граф Алексей. Но я никакой не граф. Разве графы сидят под брезентом и пьют трансмиссионную жидкость для смазки... Знаешь, когда-нибудь я достану множество бутылок с шампанским и нарочно искупаюсь в нем.

Саня держал свою пустую кружку с явным расчетом, и Алексей еще налил ему и себе.

— Сколько танков на счету в последнем бою, Сань?

— Два у меня да три у тебя, командир. Меня уже качает. Я пошел.

— Остались только ты и я, Саня. Я надеюсь, что мы его выиграли.

— За этим будет другой, командир.

Вдали громыхнул гром, словно артиллерийские раскаты. Алексей натянул на себя свой замечательный спальный мешок и окончательно опьянел.

Кремль, Москва, май 1944

Константин притаился за мраморной колонной. Мимо прошла группа людей в иностранной генеральской форме, их шаги дробью стучали по мрамору.

— Где этот щеголь Акулов? Его никогда не найти, когда он нужен. Я бы хотел, чтоб он доложил Сталину все, о чем он говорил, и не могу найти его! Он был где-то тут. Куда же он делся?

Военные не спеша ушли из просторного коридора с мраморными полами и позолоченными стенами. В наступившей тишине слышались шаги. Акулов появился из-за колонны и направился в противоположную сторону. Когда он проходил мимо Константина, тот шагнул к нему.

— Привет, Иван Иванович. Что ты делал за колонной? Акулов усмехнулся.

— Привет, Константин. Что тебе за дело? Знаешь, если какой-то британский генерал боится, что я только и думаю, как бы сообщить Хозяину, что он не военный гений, то он зря боится.

— А не выпить ли нам?

— Не думаю, что поблизости есть буфет. Где, по-твоему, тут найдешь выпивку?

Художник радушно улыбнулся.

— В личном буфете Константина Вольского! Пошли!

Они завернули за угол и, миновав небольшой коридорчик и арочный проход, оказались в маленьком садике, где был фонтан.

— Большинство даже не подозревают, что здесь что-то есть, — сказал он. — А вот теперь...

Он засучил рукав и опустил руку в воду.

— Вот оно! — и он вытащил из фонтана бутылку вина.

— Прекрасно охладилось. Я должен был пережить очередную встречу с Хозяином. Но, увидев тебя с твоей компанией, решил с тобой выпить. Бог свидетель, бутылочка после встречи с ним не помешает. Этот фонтан довел вино как раз до нужной температуры.

Константин опять сунул руку в воду и вытащил два высоких стакана, которые сполоснул, прежде чем вернуть штопор в бутылку.

— Я делаю свою жизнь терпимой, Иван. Вопрос просто в том, чтобы не оказаться слишком далеко от выпивки. У меня есть тайники по всей Москве.

— Ты пристрастился к спиртному, Константин? — с сочувствием спросил Акулов.

— Пристрастился? Разве это не единственное, что имеет смысл? — Он наполнил стаканы и протянул один Акулову. — Я постоянно пьян.

Он сделал добрый глоток.

— Ах... — он посмотрел на большого воина. — Ты двинешься на Германию, Иван?

— Вначале надо отбить Минск.

Константин пошарил в карманах мешковатого пиджака и вытащил лист бумаги.

— Тогда тебе это будет интересно.

Акулов взял бумагу.

«Кружитесь, демоны. Вставайте из могил, кружитесь в танце смерти. Светловолосая колдунья ждет, когда ее привяжут к столбу и вспыхнет очищающий огонь. Пусть топоры сверкнут, реванша час пробил».

Он посмотрел на Константина.

— Есть еще много такого же, — сказал поэт. — Светловолосая колдунья — это, конечно, Германия.

— Это беспощадная война, — произнес Акулов, складывая бумагу, — и мы это хотя бы понимаем.

— О, это не моя идея. Это его, Хозяина.

— Немцы достаточно натерпятя после поражения. Мои солдаты — хорошие ребята, фронтовики. Нам не нужны поэмы о реванше.

— Ему нужны. Он нашел мои стихи недостаточно хорошими. Мне надо идти и переписать ее. Он хочет, чтобы в поэме советские солдаты в отместку за все насильствовали немецких женщин.

Константин опрокинул стакан в рот и налил себе еще.

— Насильствовать и убивать немки, так он мне сказал. Ну, теперь я напился и пойду писать поэму об изнасиловании.

— Я в своей армии расстреливаю насильников, — хмуро сказал Акулов.

Константин посмотрел на него неожиданно трезво.

— Я хотел бы как раз об этом поговорить с тобой, — тихо произнес он. — Ты мог бы оказать мне услугу?

— Чем могу? — осторожно спросил Акулов.

— Ты не мог бы убить Рыкова?

— Я без всяких возражений убил бы Рыкова. Только в разгаре войны, будучи в действующей армии, боюсь, у меня мало шансов столкнуться с ним.

— Как знать...

— Почему ты желаешь его смерти? — Акулову было любопытно.

— Он душегуб. Он разрушил мою душу... Но не за меня, за Катю.

— Где она? Перед тем как меня забрали, вы были вместе. Я помню.

— Они пришли и за мной. Ночью Рыков появился в моей камере. Он был весь в крови... на ботинках... он сказал, что если я вылижу его ботинки, он меня отпустит... На ботинках была кровь.

Константин опустил на край фонтана с остановившимися глазами.

— Потом он освободил меня... он отвез меня до дома и отпустил. Я поднялся наверх. То, что осталось от Кати, лежало на кровати.

Беззвучные слезы текли по его щекам.

— Она вся была изрезана на куски, Иван. Рыков разрезал ее на мелкие куски. Ее глаза, волосы... все на кровавые куски...

Акулов нагнулся и, обняв, стал укачивать плачущего мужчину, словно ребенка.

— Я обещаю, — сказал он. — Я тебе обещаю, я убью его, если встречу.

Минск, июнь 1944

— Его называют «Голубой Туман», — сказал Акулов. — Голубые туманы часты в этих местах, и говорят, что он и его партизаны проходят сквозь леса и болота незаметно, как будто окутанные туманом.

За соснами послышались отдаленные раскаты и тяжелые удары. Это войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского перемалывали 41-й танковый корпус, прижав его к реке Березине.

— Там мог быть и я, — сказал Алексей. — Я начинал войну недалеко отсюда.

Он оторвал от «Правды» продолговатую полоску и ловко скрутил в козью ножку, склеил ее языком и набил темной махоркой. Потянуло уютным дымком.

Они были впереди всех. Сквозь лес доносился рокот и скрежет тридцатьчетверок, треск срубаемых деревьев — инженерные войска Карпова прокладывали дорогу. Групп-

па пленных немцев угрюмо сидела невдалеке под охраной.

— Какого черта она тут делает? — вдруг воскликнул Акулов.

Из-за деревьев появилась молодая, стройная, темно-волосая женщина. Рядом с ней неуверенно шел ребенок.

— Откуда она взялась? — пробормотал Алексей. — Разве она не знает, что там танки?

Женщина подняла ребенка на руки и повернулась, и тогда Акулов побежал к ней по лесной тропе, и она просияла, узнав его. Акулов обхватил их обоих, на его глазах выступили слезы.

— Иди поздоровайся с сестрой, Алексей, — крикнул он сыну.

— Что ты здесь делаешь, Наташа? — бежал к ним Алексей. — А это кто такой?

Он улыбнулся мальчугану, который во все глаза снизу вверх смотрел на дядей, обнимавших его мать.

— Это твой внук, отец, — сказала Наталья.

— Я стал дедушкой? — удивился Акулов. — А где же его отец?

— Появится через минуту, — загадочно ответила она.

— Послушайте, что мы сплетничаем, как бабы. Нам с Алексеем предстоит бой. Наташа, мы ждем партизанского командира, парня по прозвищу Голубой Туман.

Она улыбнулась.

— Это я, папа. Я — Голубой Туман.

На лесной тропинке показались мужчины и женщины. Они вышли из леса совершенно бесшумно. Все они были худые, волосы у них были перевязаны сзади либо спрятаны под кожаные кепки, и они были вооружены самым разнообразным оружием: от захваченных «шмайссеров», до ПТРС, противотанковых самозарядных ружей.

— Это мои люди. Они проведут вас через болота.

— «Голубой Туман»? — с искренним восхищением переспросил Алексей. — Когда я видел тебя последний раз, «Голубой Туман» был для тебя названием французских духов!

— Пятьдесят тысяч немецких марок и дом в Тироле тому, кто выдаст меня, — гордо похвасталась она. — А еще больше за него.

Акулов посмотрел на внука.

— Настоящий партизан, должен признать, — с уважением произнес он.

— На его счету целый железнодорожный мост, — сказала она. — Когда ему было несколько месяцев, я взяла на одну руку его, а на другую корзину с яблоками

на продажу. Мы шли через мост и дали часовым яблок, и они пропустили меня. Три часа спустя взорвалась мина. Вместе с проезжавшим поездом.

Ее глаза сверкнули на группу немцев, сидевших под деревьями. Но она ничего не сказала. Худой молодой человек с темными волосами вышел из леса, и она улыбнулась. Он подошел к ним и поднял мальчика на руки.

— Вот и отец Ивана.

Это был Владимир Савинков, и все они обнялись. Подошла и молодая женщина в очках, дужки которых были примотаны проволокой.

— Татьяна тоже с нами.

И они бросились обнимать Татьяну.

— У тебя ведь есть карта? — спросила Наталья. — Понимаешь, вы находитесь близко от нашей базы. Я отмечу ее. У нас есть баня, можно даже попариться. Вы можете пройти вот так и так. На первый взгляд кажется, что прохода нет, и немцы считают это место непроходимым, но благодаря кустарникам и бревнам, это болото выдержит и танки. Вот здесь надо быть осторожным, потому что они знают, что тут есть тропинки, и заложили мины.

Акулов опытным взглядом оценил линии продвижения.

— Мы сможем обойти фланг 20-го танкового корпуса, если удастся этот маневр, — пробормотал он.

— Есть еще кое-что, — сказал Владимир. — Мы знаем, где расположен командный пункт их 9-й армии. Он в тылу, но мы знаем обходной путь через линию фронта. Немцы не могут удерживать болота. Если вы дадите нам подмогу, мы доберемся до них.

— Думаю, что смогу найти подходящих людей. Алексей, позови Захарова. Карпов, выдели своих людей. Они пойдут с этими ребятами по их тропам.

Наталья снова посмотрела на немцев.

— Откуда эти свиньи?

— Мы захватили их в плен сегодня утром. По-видимому, войска СС отступают перед Рокоссовским, и солдаты воюют плохо.

— Конечно, плохо, — буркнула она. — Они не любят, когда их бьют в ответ. Можно я взгляну на них?

Они шли мимо пленных, и она смотрела в их лица.

— Ты кого-нибудь знаешь из них? — с любопытством спросил отец.

Она кивнула.

— Одного или двоих. Вот этот руководил командой, которая согнала всех жителей деревни Любава в церковь и заперла их там. А затем подожгла ее. И этого я знаю,

его послал Гартнер, чтобы расстрелять по меньшей мере 400 мирных граждан. Убийство мирного населения — вот зачем здесь был Гартнер.

Ее глаза изучали знаки отличия.

— Гартнера здесь нет, — с сожалением произнесла она. — Но такие, как он, редко попадаются. Они дают деру до того, как начинается битва.

— Кто такой Гартнер?

— Здешний шеф Гестапо. Тот, кто держит на службе Einsatzgruppen*. Так называемые «особисты». Это не бойцы, не солдаты, а просто убийцы. Поэтому они воюют плохо. Они ничего не умеют, только убивать мирное население и пленных.

Акулов задумчиво разглядывал их.

К ним по их следам подходил человек. Он был одет в одноцветную униформу без знаков различия.

— Это Захаров, — сказал он Наталье. — Он пойдет с тобой. У нас везде есть штрафные батальоны при основных силах. Люди, совершившие преступления. Они искупают свою вину кровью, выполняя самые опасные задания. Захаров командует нашим штрафбатом.

— Что же ты сделал? — тихо спросила она.

— Моя часть попала в окружение под Сталинградом. Нам удалось вырваться из кольца и вернуться к своим, и за меня взялось НКВД. «Почему тебе удалось скрыться, когда другие не смогли? — такие были ко мне претензии. — Ты, очевидно, предатель», — сказал мне тыловая крыса, следователь. Я дал ему в морду и сбил с ног. И вот теперь я здесь, командую совсем особенной частью.

Он криво усмехнулся.

— Мы все тут уголовники, любой и каждый. Ты уверена, что хочешь связаться с такими, как мы? В наших рядах есть такие преступники, которые посмели назвать Сталина убийцей, и его тайную полицию — отбросами человеческого общества.

— Мне кажется, они думают одинаково со мной, — сказала она, улыбнувшись.

— Вам надо взять командный пункт 9-й армии, — сказал Акулов. — Те, кто выживут, вернут свои добрые имена и звания. Скажи это своим ребятам.

Наталья поцеловала сына. К ним сразу подошла Татьяна.

— Возьми дедушку за ручку, — наставляла Наталья. — Ты будешь с ним и с тетей Таней, пока я не вернусь.

Акулов наблюдал, как она исчезла в лесу с последователями за ней людьми Захарова. Он поднял внука на

* Einsatzgruppen (нем.) — добровольческие бригады.

плечо, где тот устроился на генеральском погоне, весьма гордый своим положением.

Командир инженерного подразделения давал указания подчиненным.

— Карпов, — позвал он, — мне нужна дорога на третье направление. Та, что ведет к минным полям...

* * *

Танки сзади него ревели и урчали, выходя на исходную позицию. Со стороны тыла доносились звуки штурмовиков ИЛ-2, «летающих танков». Летчики ждали в кабинах, когда их командир, в том же звании, что и Акулов, даст им приказ бомбардировать немецкие позиции.

Перед Акуловым находился человек двести, оставшихся от немецкой добровольческой бригады, которую он взял в плен сегодня утром. Он высунулся из командирского броневика БА-64 и обратился к ним на хорошем немецком:

— Красная Армия не хочет держать вас как пленных. Вы можете уходить.

Они настороженно смотрели на него. Опытные убийцы, они знали вид палача.

— Ваш путь туда, — сказал Акулов, — через открытые поля. Направляйтесь к подлеску. Те из вас, кто сумеет добраться туда, могут быть свободны. При попытке свернуть направо или налево вас расстреляют эти пулеметы. Они будут вести огонь трассирующими пулями, так что вы сможете видеть ограничительную линию.

Они недоверчиво повернулись и начали осторожно продвигаться вперед. Акулов выстрелил из полуавтоматического пистолета им вслед, и они побежали. Ожидавшие танки закрипели передачами, когда взорвались первые мины. Грязь, куски мяса и костей посыпались на землю. Тридцатьчетверки рванулись вперед по следам кричащих людей...

* * *

Покрышин учился в Военной Академии. Алексей восхищался его ловкостью. Он говорил по-английски и пользовался столовыми приборами в соответствии с этикетом. Он потомственно принадлежал к сословию высших военных, и у него даже сохранилась полная гвардейская форма с царскими погонами. Армейский кодекс поведения, введенный еще Петром Великим, вернулся, поли-

ткомиссаров почти отменили. Лейтенант Покрышин ожидал, что выдвинувшиеся из рядовых офицеры будут отдавать ему честь с той же почтительностью, как его деду в царское время.

Тридцатьчетверка Покрышина шла в строю рядом с машиной Алексея, будто обе двигались под одну и ту же музыку. Они выстрелили одновременно, и красные языки пламени вспыхнули на приближавшихся «пантерах» и танках Т-IV. Тридцатьчетверки вынеслись из-за деревьев, словно призраки, оттуда, где предполагалось минное поле. Пехота висела на них гроздьями.

Кто-то кричал. Алексей слышал шум через наушники. Он продвигался дальше и дальше. Стройные, крылатые тени появились над его головой, три, четыре, пять, а за ними и остальные. Штурмовики летели так низко, что ветер от них клонил верхушки деревьев в урагане огня и дыма. Он мог разглядеть пилотов в шлемах, склонившихся вперед на ремнях в кабинах. Теперь они могли сосредоточиться на своей работе, не думая о «мессершмиттах». О них позаботятся ЯКи и «Кобры». Снаряды их тяжелых пушек вылетали из-под крыльев, и в отдалении люди исчезали в облаках взметнувшейся грязи, а разорванные гусеницы охватывал огонь. Штурмовики подпрыгивали высоко в небе, словно резвые птицы. Солнце играло на их крыльях, когда они поднимались, оставляя под собой дым.

Тридцатьчетверки сбавили скорость. Качаясь на ухабах на этих мощных качелях, солдаты липли к бортам. Они были в пыли и в желтом дыму ТНТ* и быстро соскочили, когда бронированные чудовища с лязгом остановились среди деревьев и оврагов. Алексей выстрелил по показавшейся из дыма в полусотне метров от него «пантере», и ее башня слетела, как фуражка на ветру, и долго кувыркалась. Обезглавленный зверь продолжал ползти вперед.

Клубы пыли неожиданно окрасились кроваво-красным цветом, когда пехота залезла на замедляющий ход немецкий танк и бойцы с огнеметами сунули сопла в воздухозаборники, зажаривая живьем экипаж. С невероятным треском тридцатьчетверка столкнулась с более мощным танком, шедшим ей навстречу. Дула пушек звонко ударились о башню другого танка, и пехотинцы прыгнули на немецкую машину и кинули взрывной заряд в люк двигателя. Алексей подал назад с металлическим скрежетом, и мина взорвалась. Дым фонтаном взметнулся изнутри, и одетые в черное люди посыпались из башни, как личин-

* ТНТ — тринитротолуол.

ки мух из сыра. Появившись из рукотворного тумана, лейтенант Покрышин срезал их огнем своего пулемета.

Потом Алексей снова очутился на свежем воздухе. Повернувшись, он увидел горящие немецкие машины в нарушенном боевом порядке. Те, кто выжил, рассыпались, убегая в безопасность деревьев.

И казаки там были. Сквозь потрескивание огня Алексей слышал дикие возгласы кавалерии, рубящей шашками разбежавшихся среди сосен людей: «Ура! Ура!»

* * *

Они текли мимо него нескончаемым, серым, как поле, потоком. Немцы шли в Москву. Некоторые из них подошли когда-то достаточно близко к Москве и даже видели кремлевские башни, как раз те немногие, которые были вместе с Клюге в его 258-й пехотной дивизии зимой 1941 года. Русские решили позволить им посмотреть то, что они не смогли взять. Они должны будут прошагать по Москве, а поливальные машины будут мыть после них дорогу.

Группа людей серовато-коричневого цвета подходила с другой стороны, и Акулов перестал рассматривать 4-ю армию немцев, уходившую умирать, и поприветствовал своих подчиненных. Штрафной батальон вернулся. Он стал меньше с тех пор, как ушел на задание, но Захаров все еще его возглавлял. В самой середине выделялась необычная для такого военного окружения фигура в гражданском темном костюме.

— Мы взяли командный пункт, — сказал Захаров. Широкая, грязная повязка заматывала его лоб.

— Я знаю, — тепло произнес Акулов. — Они разбежались, как цыплята.

— Бой был тяжелым, но быстрым. Немцы растерялись, потому что не ожидали нападения за линией фронта. Когда все было закончено, ваша дочь, которая привела нас туда, предложила нам провести еще одну операцию. Поскольку вы поставили нас под ее начало, я согласился. Мы отослали раненых назад с помощью и в сопровождении нескольких ее партизан. Мы взяли немецкие формы и мундиры, и она повела нас через лес. Мы шли несколько часов, пока не вышли на дорогу. Это была дорога на Белосток, на Вислу и Берлин. Она провела нас за немецкие передовые линии. Там мы остались. Время от времени проходили легковые машины и грузовики. Все они направлялись на запад, в Германию. Вдалеке мы слышали шум сражения за город.

У вашей дочери было радио. Они с радистом ждали, спрятавшись вместе со всеми в густом орляке. В конце концов оно заговорило. Потом мы пошли вперед, и она нас подробно проинструктировала, как действовать. Я был одет в форму немецкого офицера. Мы установили заграждение из стволов, имитируя дорожный блокпост. Я встал перед ним, а за моей спиной стояли наши бойцы в немецкой форме. По дороге к нам подъехали три машины: штабной автомобиль, грузовик, а между ними черный лимузин. Я поднял руку, и они остановились.

Немцы устало тащились в обвисших формах, без касок, без оружия, пока Захаров рассказывал свою историю. Акулов протянул ему флягу с водой.

— Спасибо. Мы расстреляли всех, кто находился в штабном автомобиле. Там ехали эсэсовцы. Как только мы открыли огонь, наши остальные ребята начали стрелять по грузовику. Никто из них не спасся. Ваша дочь сама застрелила водителя и охрану лимузина из «шмайссера». В лимузине был вот этот.

Захаров повернулся и показал на человека, который покорно стоял среди его солдат. Он казался усталым, ему явно был в новинку тяжелый марш через леса и болота. Его превосходно сшитый пиджак промок и вымазался и висел на нем мешком.

— По ее указанию мы схватили его, и ваша дочь быстро повела нас через чащу.

— Кто он? — озадаченно спросил Акулов.

— Она не сказала, но казалась очень довольной. Я думаю, что она поняла, как сильно некоторые из нас ненавидят немцев, и побоялась, что, если она расскажет нам, кто он, кто-нибудь из нас мог бы устроить несчастный случай по дороге. Смерть в трясине, нож под ребро...

— Где Наталья?

— Она оставила нас, потому что должна была пойти на партизанскую базу за остальными. Она сказала нам, чтобы мы охраняли этого пленного, будто он из чистого золота.

— Значит, так и сделаем, — сказал Акулов. — Отведи его в дом.

Акулов занял большой прямоугольный дом с садом под свой штаб после того, как они передислоцировались после тяжелого боя. Воле дома Татьяна играла с его внуком. Игрушечный кораблик плавал в канавке. Она дула в бумажные паруса, и кораблик переплывал с одной стороны на другую. Ребенок заливался смехом, и Акулов взъерошил его волосы, проходя мимо. Он передал пленного немца охране.

— Я хочу, чтобы он был в целости и сохранности, — сказал он. Потом, повернувшись к Захарову, добавил: — Я сам съезжу за Натальей.

Его ждал джип «виллис», полученный по ленд-лизу. Он взобрался на него и обратился к солдатам штрафного батальона.

— Теперь вы все опять солдаты Красной Армии, — сказал он. Они смотрели на него своими много повидавшими глазами. Они выжили в многочисленных атаках, они не остались висеть на милях колючей проволоки под током, они избежали разлетающихся осколков мин, взрывов снарядов пушек и мортир, их не погребли под гусеницами танков. Сейчас каждая пара глаз сияла светом. — Вас ожидает обед, — добавил Акулов, — и пиво. Завтра вы будете солдатами новых подразделений.

Они развеселились. Он сел в джип, и водитель повез его по ухабам в лес.

У него была карта с пометками, которые сделала для него Наталья, и он велел водителю остановиться.

— Я пройду здесь пешком, — весело сказал он, — жди меня тут.

Он пошел через чащу по небольшой тропинке, хвойный запах щекотал его ноздри, иголки пружинили под ногами. Как-никак он был из деревни, и ему было приятно уйти хоть ненадолго от вони битвы на свежий лесной воздух.

Его размеренная походка замедлилась, и он остановился.

Он принюхивался и оглядывался кругом. Что-то было не так. Он учуял запах взрывчатки и крови...

Теперь он уже осторожно продвигался между деревьями. Впереди пробивался свет. Он вышел к расчищенному месту и внимательно вглядывался сквозь ветки сосны.

Они лежали в ряд. Мужчины и женщины, наверное, человек двадцать. Их руки были связаны за спиной, и они лежали на траве ничком. Но и не видя их лиц, он узнал некоторых из них, потому что это были те молодые парни и женщины, которые вышли к ним из леса, чтобы провести его танки через болота. Один из них лежал на спине, и окровавленная кожаная кепка прикрывала мертвые глаза.

Он кинулся вперед, ища свою дочь, но ее не было среди них.

— Наталья! — заорал он. — Наталья, где ты?

Послышался слабый стон из леса, и он побежал на него.

Он нашел ее под срубленной сосной. Разбитый «шмайссер» валялся рядом, сосновые иглы прилипли к крови, пропитавшей ее одежду.

— Они уже были здесь, когда я вернулась, папа, — прошептала она. — Армейский патруль. Мои люди обрадовались, увидев своих. Они праздновали победу, потому что мы сражались с тех пор, как сюда пришли немцы. Теперь мы победили, и мои люди расслабились.

Я вышла из леса и тоже ничего не заподозрила. Мой автомат висел на плече. Один из армейской команды, офицер, повернулся и посмотрел на меня. Всего секунду, слишком долгую секунду, заняло у меня, чтобы узнать его. Я узнала его лицо, потому что мама предостерегала меня от него много лет назад.

Она дышала с трудом, каждый вдох сотрясал ее тело, и Акулов вытер пенящуюся кровь у ее рта своей рукой.

— Это был Рыков...

Ее рука сжала «шмайссер». Пули разбили ствольную коробку.

— Я стала снимать автомат, и он выстрелил. Он попал в меня, пули отбросили меня к деревьям. Автомат вышел из строя, и я побежала. Я знала местность, а они нет. Я спряталась, и они подумали, что я убежала. Потом они действовали быстро. Они на месте застрелили Бориса, так как он кинулся к оружию, а потом заставили остальных встать на колени и связали им руки. Рыков встал у края ряда и взвел курок пистолета. «Вы все предатели», — закричал он и выстрелил Ольге в затылок. «Вы предатели партии», — закричал он и застрелил Владимира. «Вы предатели Сталина», — заорал он и убил Людмилу. Когда он закончил стрелять, его глаза блестели, лицо пылало.

— Он убивает с наслаждением, — отрывисто произнес Акулов. — Рыков способен проделать длинный путь из своего кабинета, чтобы убить кого-то, кто не может сопротивляться.

Наталья судорожно вздохнула.

— Потом он и его люди надели зеленые фуражки; они вынули их из мешков, такие, какие носят в НКВД, и ушли, смеясь, через лес.

— Давай-ка я тебя подниму, — сказал Акулов. — Мы поедем в полевой госпиталь.

— Я умираю, папа, — печально выговорила она.

— Нет, ты не умрешь!

Его протест был инстинктивным, яростным. Она была его дочерью, и он только что снова нашел ее. Разве она могла умереть?

Он поднял ее так бережно, как только мог, и она задохнулась от боли. Он понес ее через поляну.

— Они там, — прошептала она. — Рыков остановился на полпути и стал мочиться на Сергея. Потом добил его. Конечно, он был прав. Мы сражались не за партию. Мы сражались за новый мир. Вот почему я захватила Гартнера.

— Кто этот Гартнер?

— Тот, кого привели люди Захарова, кого мы схватили. Гартнер — шеф Гестапо. Я послала его тебе, чтобы его судили. Тогда все поймут, что мы не такие, как они. Что новая Россия не такая, как старая...

Из-за деревьев был виден джип. Он положил ее на сиденье и закрыл ей глаза. Он поцеловал ее лицо, мокрое от его слез...

* * *

— Возьми бутерброд, — сказал Акулов. Он дал Татьяне кусок только что испеченного хлеба, намазанного желтым маслом, с кусочками консервированной ветчины. Он открутил крышку термоса и налил две кружки чая. Они сидели на стволе упавшего дерева и смотрели, как экипажи внизу обслуживали ряды танков Т-34. Они регулировали новенькие блестящие двигатели, ставили новые гусеницы, заменяли трансмиссию. Огромные бензо-заправщики медленно продвигались вдоль рядов, заполняя топливные баки дизельным топливом. Грузовики доставляли ящики с патронами для пулеметов и латунные артиллерийские снаряды с невиданно высокой взрывной и бронепробивочной силой. Другие грузовики привезли новехонькие пушки, чтобы заменить ими износившиеся старые.

— Спасибо, — сказала Татьяна и принялась жевать бутерброд. — Очень вкусно, — добавила она со знанием дела. — Откуда это берется?

— Пекари пекут каждый день, — ответил Акулов, невидящими глазами уставившись на свои войска, медленно восстанавливавшие силы.

— Из чего? — удивилась она.

— Из муки, конечно.

— Но откуда она берется? — терпеливо спросила она. — И масло, и ветчина.

— А-а, понял, — он заставил себя сосредоточиться. — Мука из Америки, кажется, ее название «Пильсбери». Масло из Новой Зеландии, а ветчина с американского Среднего Запада.

— А чай?

— Мы получаем его из Англии. Из ее колоний.

— Наши отцы не выращивали чай, но они выращивали зерно и из него мололи муку. Они держали коров и свиней, и у них были масло и ветчина. Все стены в коптильнях были увешаны окороками, которые готовили на зиму. Конечно, это было, когда я была еще ребенком.

Акулов ничего не ответил, и Татьяна продолжила есть бутерброд.

— Теперь скажи мне, там внизу, где танки, что еще нами получено с Запада?

— Зачем тебе это? — спросил он, отвлекая себя от ноющей боли в сердце.

— Я экономист. Я закончила последний курс в университете и почти сразу же ушла партизанить. Сейчас я думаю о том, чтобы снова стать экономистом. С твоей помощью.

— Там внизу... — сказал он. — Там бензоправщики марки «додж», грузовики «студебекер», джипы «виллис» и мотоциклы «Харлей-Дэвидсон». Все из Америки. Лекарства на перевязочных пунктах и в госпиталях тоже американские. Моя форма и белье из американского хлопка. Я ношу ботинки из США, как и все остальные. Что еще? Половина наших танковых двигателей изготовлена из канадского и английского алюминиевого сплава, в снарядах использована медь из Британской империи. Система связи у меня американская, а снабжение поступает из тыла по американским рельсам.

— Что же здесь наше?

— Сражаемся и умираем мы сами, — сухо ответил он.

— Много потерь?

— Да, — мрачно произнес он.

— Очень много?

— Да. Тот же самый результат мог бы быть достигнут с меньшими людскими потерями.

— Не совсем тот же, — проницательно заметила она. — Это значило бы меньше пленных и меньше рабов.

Она доела бутерброд и закурила сигарету «Лаки Страйк».

— В чем причина того, что произошло вчера? — тихо спросила она. — Это не было случайностью?

Наступила тишина, нарушаемая только звяканьем инструментов и ревом подъемных механизмов.

— Это был Рыков, — наконец произнес он.

— Возможно, это политика, — сказала она и выпустила сизый дым вниз с холма.

— Это был Рыков, — снова повторил он. — Рыков, который уничтожил нашу семью и нашу деревню.

Выхлопные трубы извергали отработанные газы. Слышалось урчание испытываемого нового У-образного 12-цилиндрового двигателя.

— Знаешь, почему людей так влекло в партизаны? — спросила Татьяна. — Нас не пугал ни холод, ни голод, не было страха, мы не боялись ранений и даже смерти. Это возможность быть свободным. Решать за себя. Никто не принуждал нас принимать участие в ритуалах молчаливого одобрения. Нас не заставляли верить в то, что не было правдой.

Она сбросила пепел на траву.

— Я пристрастилась к этим сигаретам, — сказала она. — Понимаешь ли, я люблю правду. Правда открывается в холодных цифрах. С цифрами можно предсказывать будущее. Я хочу поехать в Новосибирск, в Институт экономики. Ты мог бы это устроить, дядя Иван?

Они оба знали, что он ей должен, потому что он был убийцей ее отца. Он никогда не избавится от этого долга, так же, как она никогда не намекнет ему о нем.

— Конечно, — сказал он. — А ты не хотела бы лучше остаться в Москве?

— Слишком русское место, русская столица, — ответила она. — Мне не нравится русский дух.

Она примяла пальцами окурки и встала.

— Но ты, кажется, легко его выдержишь, — жестоко добавила она.

— Елена русская, — заметил он.

— Елена совсем другая, Елена особенная. Наверное, осталась только горстка порядочных людей, противостоящих дьяволу даже в пекле. Но и они бессильны остановить зло, которое он творит.

— Это был Рыков, — снова повторил он. — Рыков — не Революция. Это был Рыков. Я докажу тебе, что Рыков.

ТОЛЬКО ДЛЯ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ГЛАЗ

Свежий экземпляр «Красной Звезды» лежал на столе. «Партийная организация — подлинная основа Красной Армии», — кричал заголовок.

«Все значительные успехи нашей армии достигнуты благодаря тому, что военная доктрина Красной Армии основывается на проверенных самой жизнью принципах, единственно правильного учения — учения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина».

Владимир оторвал первую страницу, привычно оторвал от нее длинную полоску и, насыпав в нее махорку с несколькими крупинками сахара, скрутил козью ножку. Он был в форме гвардейского офицера, потому что Акулов взял его в свой штаб.

— Здесь НКВД, — без всякого выражения произнес он.

Они послали к нему капитана. Он встал навстречу входившему Акулову. НКВД управлял, но генерал все же обладал силой, где бы он ни служил.

— Капитан Голиков, — представился он.

— Чем могу быть полезен, капитан? — спросил Акулов. Под его большим телом затрещал стул. Голиков неодобрительно посмотрел на него. Сам он был невысокого роста и аккуратно подстрижен.

Акулов выглядел заспанным.

— Мы прочитали ваше сообщение, генерал. Мы выяснили, что вы захватили в плен несколько эсэсовцев. Мы хотели бы их получить.

Акулов внимательно поглядел на него. Как много среди них низкорослых, подумал он. Рыков маленького роста, кремлевская сволочь тоже карликового роста, Ежов тоже был коротышка...

— Зачем? — коротко спросил он.

Голиков высокомерно улыбнулся.

— Вы просто должны выигрывать войну, генерал Акулов, — сказал он снисходительно. — Но разработку того, что будет в дальнейшем, оставьте нам.

— Ну конечно, разумеется.

В дверях появился старшина.

— Кофе? — спросил Акулов. — Мы захватили множество деликатесов. Ребята едят консервированные португальские сардины, австрийский шоколад и итальянские маринованные лимоны.

Восхитительный аромат наполнил комнату, и Голиков с удовольствием взял свою чашку.

— А если всерьез, — добродушно сказал Акулов. — На кой ляд вам нужны эти эсэсовцы?

Голиков тонко улыбнулся, несколько оттаяв от действия превосходного итальянского кофе.

— Они могут помочь нам в новой Европе, генерал, — неопределенно проговорил он. — Обнаруживать фашистов, врагов народа...

— Да, полно. Они умеют только убивать, Einsatzkommandos*.

— Никто не построит социализм в белых перчатках и не войдет в него по лакированным полам, генерал, — лукаво произнес Голиков. — Я убежден, что мы сможем их переподготовить по-своему.

— Без сомнения, — согласился Акулов. — Значит, вы сейчас хотите их забрать?

Голиков казался немного удивленным неожиданной сговорчивостью Акулова.

— Ну да. Генерал Рыков будет доволен. Понимаете, он получил приказ от самого Сталина пока начать собирать полезные для послевоенного времени элементы среди вражеских сил.

«Так это генерал Рыков, — подумал Акулов. — Как же они любят воинские звания. Разве кремлевский ублюдок не называет себя Маршалом Советского Союза?»

— Ну конечно. Как же не доставить удовольствия генералу, не правда ли? Тогда поехали.

Он вывел Голикова наружу, посадил в свой джип и выехал в лес. Через несколько километров они остановились. В воздухе стояла ужасная вонь. Повсюду, среди следов гусениц танков, как на бойне, валялись пурпурные и синюшные потроха. Вороны надменно клевали, засовывая клювы в ленты кишок. Черные мухи жужжали над кровью, а по глазным яблокам трупов ползали личинки.

Голиков внезапно перегнулся через борт джипа, и его вырвало. На мертвых телах все еще сохранялись остатки униформ СС.

— Вот они, — весело сказал Акулов. — Вряд ли они

* Einsatzkommandos (нем.) — команды для выполнения особых заданий.

помогли бы славной Красной Армии на ее пути в Польшу, Чехословакию и Германию.

По дороге назад Голиков молчал, и Акулов привез его к себе и налил ему полстакана водки.

— На. Это приведет тебя в чувство. Ты не должен обижаться на мою шутку. Хотя, послушай, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Эсэсовцев у меня больше нет. Они сделали нам серьезную услугу, очистив минное поле для моих танков. Но что ты скажешь о гестаповцах? Они представляют для вас интерес?

Глаза Голкиова увлажнились от действия спиртного. Он вытер их.

— О, да, — вымолвил он с чувством. — Даже больший, чем эсэсовцы. Мы очень высокого мнения о Гестапо.

Акулов поглядел задумчиво.

— Не знаю, должен ли я на самом деле это делать. Видишь ли, мы захватили человека по фамилии Гартнер.

Влажные глаза расширились.

— Шефа Гестапо Гарнтера?

— Да, его, — безразличным тоном произнес Акулов.

— Генерал, вы должны передать его мне! О, пожалуйста, выдайте его мне.

Акулов пожал плечами.

— Ладно. Он мне не нужен. Ординарец! Доставь сюда немца Гартнера и посади его в грузовик капитана Голикова.

Минутой или двумя позже они увидели, что его вывели, и Голиков поспешно вскочил на ноги.

— Я должен доставить его прямо к генералу Рыкову, — заявил он.

— Хорошо, — равнодушно согласился Акулов. — О, это тоже для него.

Он взял черный портфель, стоявший у стола.

— Совершенно секретные материалы, все. Не для вашего уровня, капитан. Исключительно для глаз генерала Рыкова.

Голиков по-настоящему отдал честь.

— Конечно, товарищ генерал, — сказал он и взял портфель.

— Где вы теперь находитесь? — небрежно спросил Акулов.

Голиков улыбнулся.

— Гартнер отправится домой. Мы заняли его штаб.

— Хорошая мысль!

— Это избавило нас от лишних хлопот, так как у них все уже было налажено, — объяснил капитан.

Акулов наблюдал из окна, как отъезжал грузовик. Вла-

димир стоял рядом. Они вышли, Татьяна ожидала их у дверей.

— Готово? — спросил Акулов.

Все трое сели в джип, и Акулов повел его. Они направились в Минск.

Грузовик припарковался у красивого здания, одного из тех, что избежали разрушения, и джип остановился в отдалении. Все трое сидели, не сводя глаз со штаба. Большие красные почтовые ящики были прикреплены на ограде для того, чтобы люди могли опустить туда свои анонимные доносы. Вооруженные люди в зеленой форме уже вели к нему каких-то перепуганных женщин.

Наконец изнутри здания донесся глухой сильный удар. На улицу вылетели осколки стекла, из разбитых окон вырвался дым.

Акулов завел джип, и они уехали прочь.

Авиньон, Франция, сентябрь 1944

— Это неплохое оружие, — сказала Рут. — Конечно, это не снайперская винтовка, но со своего места я вполне могу разнести ваш стол в щепки.

Человек за письменным столом наблюдал за ней. Она вышла из шкафа с направленным на него коротким уродливым автоматом «стен». Он смотрел, замерев и сохраняя полную неподвижность. Стекланный круглый графинчик с коньяком, который он собрался налить в низенький бокал, стоял на малиновом сукне.

— Это хороший автомат, если вам приходилось иметь с ним дело.

Он оставался неподвижным. На его виске пульсировала вена над сабельным рубцом с пурпурными краями.

Рут опиралась на стену. Она ощущала, как десантный нож и небольшой «вулворт» из штампованного металла жмут ее под свободной курткой.

— Однако вы не двигаетесь, — задумчиво добавила она, — и потому я надеюсь, что мы договоримся.

— Что вам нужно? — спросил он хриплым голосом. Во рту у него пересохло. Снаружи трещали цикады. Окна постоянно оставляли открытыми, чтобы комнаты проветривались. Над темными холмами гроыхал гром. Гроза началась, она очистит воздух от пыли.

— Сейчас неделя борьбы с крысами, полковник Фриш, — они оба говорили по-немецки. — Мы пришли, чтобы уничтожить крыс, а вы — самая большая

крыса в здешних местах. Вы руководите Гестапо. Вы готовы умереть, полковник?

— Нет!

— Почему?

— Жизнь хороша.

Она видела, как мечется его ум в поисках выхода, видела, как он оценивает положение.

— Если вы пришли убить меня, почему вы до сих пор этого не сделали? — спросил он.

— Очень хорошо, — оценила она его сообразительность. Она твердо держала автомат в руках, и он все еще смотрел в короткий ствол.

— Я могу отпустить вас на этот раз. Сегодня. А завтра я могу вернуться.

— Чего вы хотите?

— Я хочу получить Джоанну живой и невредимой. Ее схватили вчера. Ее выдал некий Мишель. Мы разобрались с ним. Он лежит в канаве лицом вниз. Но Джоанна сейчас в подвале в одной из ваших камер, пусть ее приведут сюда.

— Что вы хотите сделать дальше?

— Я заберу ее, и вы мне в этом поможете. А сейчас распорядитесь, чтобы ее привели.

Он поднял один из телефонов на столе и произнес несколько коротких фраз на немецком.

— Ее доставят, — сказал он.

— Теперь я снова стану в шкаф, а вы останетесь за столом. Пусть Джоанна сядет за стол. И помните, я не только вижу вас, но и держу на мушке. Автомат разнесет ваш стол в щепки.

Она снова встала в шкаф, в котором кожаное пальто соседствовало с зеленой фетровой шляпой и кнутом. Она слышала стук в дверь, видела, как два охранника втоптали ее в кабинет и посадили на стул. Полковник Фриш сидел с прямой спиной и не двигался. Он кивнул своим людям, и они вышли. Мотыльки и всякая мошкара залетели с улицы и кружились вокруг лампы, сжигая крылья о горячее стекло. Рут вышла из шкафа и встала возле стула. Девушка съезжилась от страха, почувствовав, что кто-то встал над ней.

— Это я, дорогая, не бойся, — мягко сказала Рут, и Джоана страстно протянула к ней руки, словно обиженное дитя, хватающее свою мать.

— Осторожно, у меня оружие, дорогая. Может быть, мне еще захочется расстрелять полковника Фриша.

Она мельком увидела многочисленные пурпурные шрамы и ожоги, которые разукрасили лицо ее подруги, и укоризненно и мрачно взглянула на немца.

— Вы довольны собой? — проговорила она.

— Я всего лишь следовал приказам. — Его прорвало: — Вы доставляете нам кучу неприятностей, у нас есть приказ остановить вас...

Суставы пальцев, сжимавших автомат, побелели, глаза ее опасно сузились, и он осекся, не спуская с нее испуганных глаз.

— Я выполнил то, чего вы хотели, — быстро произнес он. — Вот ваш товарищ, возможно, с небольшими повреждениями, но живой. Она здесь, забирайте ее.

— Машина, что стоит во дворе, Traction avant*, «ситроен». Это ваш, у вас ключи? — спросила Рут. — Давайте их.

— Да, — он полез в карман.

— Осторожно!

Он положил их на стол, она, не сводя с него автомата, немного подалась вперед и взяла их, другой рукой опустила в свой карман. Немного помедлив, она взяла с теми же предосторожностями графинчик с коньяком и бокал и сунула их Джоанне.

— Выпей глоток, дорогая. Тебе это поможет.

Пока Джоанна отхлебывала этот глоток, она объяснила Фришу:

— Мы поедем в вашей машине, и вы ее поведете. Я сяду рядом с вами, а Джоанна сзади.

Бокальчик опустел. Джоанна поставила на стол, потом она подтянула ленту автомата так, чтобы он оказался прикрыт с боков ее широкой курткой. Из шкафа она взяла три связанных вместе палки с прикрепленными к ним факелами.

— Вы ожидаете самолет, — заметил Фриш.

— Мы вернемся домой? — прошептала Джоанна.

— Мы едем домой, дорогая. Сейчас, полковник, вы поможете Джоанне добраться до машины, а я буду как раз сзади.

Он вышел из-за письменного стола, но как только он стал поднимать Джоанну, та закричала, взвизгнула от страха и потянулась к Рут. Он отступил назад. Суставы Рут опять сильно побелели.

— Что ж! Хорошо... Вы пойдете впереди, а мы будем следовать за вами. И не вздумайте спешить...

В темном дворе удушливая жара охватила их, словно завернув в одеяло. Черный «ситроен» с низкой грузоподъемностью был освещен огнями из караульного помещения.

Фриш прокладывал путь. Джоанна двигалась с трудом,

* Traction avant (франц.) — автомашина с ведущими передними колесами.

спотыкаясь о булыжники. Рут поддерживала ее одной рукой.

— Откройте заднюю дверь, — приказала она.

Он открыл ее и отступил назад. Рут помогала одной рукой Джоанне сесть на заднее сиденье, одновременно сжимая «стен» другой. Из окна удивленно смотрел человек в военной форме.

— Объясните ему, что вы делаете, — быстро проговорила она.

Фриш шагнул вперед, и вдруг из темноты его сапог ударил по двери, и та ударила ее по руке, державшей автомат. Он навалился на нее и заорал, призывая на помощь. «Стен» был зажат между ними, но под широкой курткой она нащупала холодный металл пистолета «вулворт». Она вдавила его в его тело, когда он вплотную прижал ее к машине, и выстрелила. Удар отбросил его назад, и он упал на булыжник.

В доме поднялся шум. Но Джоанна уже вцепилась в сиденье и окончательно вползла внутрь машины. Рут бросилась на место водителя и вынула ключи. Четырехцилиндровый двигатель завелся с полуборота. Из дверей выбегали солдаты. Она высунула «стен» из окна и стала стрелять короткими очередями. Вспышки пламени освещали двор. Она видела падавшие фигуры и взялась за рукоятку переключения передач, похожую на ручку зонтика. Они помчались по длинной, прямой аллее, залитой лунным светом, и свернули с визгом шин на дорогу. В зеркало она видела фары грузовиков.

За полем, где серебряно-серыми рядами росла лаванда, навстречу им выгибались дугой цветные огни, которые увеличивались по мере их приближения. Машина вдруг дернулась, и стекло вылетело, разбившись вдребезги в желтых и красных вспышках огня.

Кровь застилала глаз Рут.

— Ты должна собраться, — воскликнула она с яростным смехом, и услышала, как Джоанна сказала за ее спиной:

— Я собралась.

«Ситроен» цеплялся за дорогу шинами, она чувствовала, как резина бьется о крыло, но продолжала жать на педали. Она свернула на узкую дорогу, вдыхая запах травы. Наконец машина остановилась у живой изгороди, и Рут выключила мотор. На мгновение воцарилась тишина. Издалека слышался рокот грузовиков, а откуда-то с неба доносился приглушенный гул самолетов. Она помогла Джоанне выбраться с заднего сиденья. Трещали цикады.

— Это взлетное поле, дорогая. Сейчас мы посадим «лисандр». Надо спешить. Надо зажечь огонь.

Они пробились через живую изгородь и оказались на поле, где мог развернуться аэроплан. Рут велела Джоанне оставаться на месте, припав к земле, а сама быстро обегала поле, вставляя свои палки с факелами так, чтобы с воздуха получилась буква «Г», и зажгла факелы. Затем она стала сигналить своим фонарем.

Нечто похожее на огромную летучую мышь пересекло луну, однако недалеко на дороге по направлению к ним тоже продвигались огни. На фоне освещенного луной облака она увидела, как самолет разворачивается и заходит на посадку. Те, что были на дороге, тоже его увидели, потому что она услышала треск автоматного огня, словно трещали горящие сухие ветки.

— Дорогая, — сказала она с тревогой, — «лисандр» на подходе, но и немцы тоже. Я пойду на край поля и задержу их.

Она помогла Джоанне встать на ноги.

— Ты сейчас в том месте, где он сядет. Когда он развернется, сразу залезай и скажи, чтобы взлетали. Я попрошу прислать за мной другой самолет на следующей неделе.

И она бросилась на край поля. Она увидела огни на дороге и услышала крики солдат. «Лисандр» появился из-за деревьев, и она припала к земле, когда его высокие крылья пролетали почти над ней. Она чувствовала его путь, слышала тихое дребезжанье стоек, видела, как пилот королевских воздушных сил повел его на траву. Он приземлился с глухим стуком.

На узкой дорожке появился грузовик. Она слышала грубые, резкие голоса. Рут прижалась к земле и передернула затвор своего «стена». Грузовик с рычанием вломился в ворота на конце поля, и зажженные фары стали приближаться к ней. Сжав зубы, она выжидала до того момента, когда наступила пора открыть огонь по кабине. Грузовик развернуло совсем рядом с ней. Солдаты выпалились из него, и она в темноте бросила в их гущу гранату.

Послышались вопли раненых. С верхней части поля почти одновременно донесся рев больших моторов аэроплана. Солдаты стали стрелять, и она, заменив магазин в своем «стене», выстрелила в направлении ружейных вспышек. Но тут что-то очень тяжелое ударило ее, и она упала на траву, не в силах двинуться. Ее губы окрасились кровью.

Она смотрела в небо. Гигантская ночная бабочка летела к луне, поднимаясь все выше...

Николс увидел ее зеленое пальто, мелькавшее среди желтой и красновато-коричневой осенней листвы.

— Ты прав, Джонни, осень здесь прекрасна, — сказала ему Елена вместо приветствия. Посмотрев на нее, он отметил про себя ее болезненный вид.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Болит голова... У меня иногда бывают сильные головные боли. Я не могла уснуть, зная, что предстоит встреча с этим человеком. Это очень важно... Он действительно может поговорить с Рузвельтом, Джонни?

— Самнер? Он Госсекретарь*, — просто ответил Николс. — Он может поговорить с ним.

— Но почему он согласился поговорить со мной?

— Гарри Хопкинс — человек Рузвельта. Он направил его в Москву своим посланником. Сталин обрабатывал его по полной программе. Он был просто поражен. Но Сталин произвел необыкновенное впечатление на Рузвельта. Самнер хотел бы разрушить это впечатление по независимым причинам, и я сказал ему, что знаю человека, который мог бы помочь ему.

Он взглянул сквозь деревья на дорогу, извивающуюся среди парка. Большой, темный «паккард» подкатился к ним. Из него вышел человек в сером костюме с желтоватым, болезненным лицом.

Николс пошел к нему, Елена последовала за ним.

— Секретарь Уэллес, Елена. Это миссис Акулова, о которой я вам говорил.

Они не спеша пошли через парк. Большой лимузин медленно следовал за ним.

— Думаю, что сегодня чудесный день для прогулки, — заметил Уэллес. — Совсем не то, что встреча в кабинете.

— И к тому же это безопаснее, господин секретарь, — сказала Елена. Мышцы ее шеи напряглись, как якорные цепи, вызывая боль в черепе. Она невольно мотнула головой, пытаясь освободиться.

Уэллес с любопытством посмотрел на нее.

— Разговор за рамками положенного? Вы рискуете потерять работу, да?

— Я рискую потерять голову, — тихо ответила она. — Люди, имеющие власть в моей стране, предпочитают утаивать правду.

— Вы работаете на них, — шутливо произнес Уэллес.

— Я согласилась на эту работу, потому что с этим

* Уэллес Самнер (1892—1961) — дипломат, заместитель Госсекретаря США в 1933—1953 гг. Госсекретарем не был.

условием меня вытащили из лагеря смерти. Я не хотела бы туда вернуться. Особенно после того, как увидела, что произошло с моими товарищами. Знаете, что они сделали? Они посадили их на баржи и отбуксировали их в море, а потом потопили.

Уэллес недоверчиво посмотрел на нее.

— Однако вы спаслись.

— Мне повезло. Просто повезло.

— Так о чем вы хотите мне рассказать, миссис Акулова?

Перед ее глазами замелькали световые пятна, и они вышли на солнце. Свежий ветерок шевелил листву. Она вздрогнула.

— С чего начать... с грузовиков? Да. Будет лучше, если вы не будете больше присылать грузовики.

Он смотрел на нее с недоумением.

— Почему же? Грузовики весьма полезны при ведении войны. Они дают Красной Армии гораздо больше, чем за них заплачено. К тому же это значит также то, что гораздо меньше племянников дядюшки Сэма рискуют получить пулю в голову от германцев на фронте. У нас нет сомнений по поводу сделки с грузовиками.

— Грузовики способствуют двум вещам, — сказала она, заставляя себя, невзирая на боль, сосредоточиться. — С одной стороны, они помогают, как вы правильно говорите, продвигаться Красной Армии вперед. Очень быстро. И очень большой ценой. Ценой жизни наших солдат. Мы платим от четырех до восьми жизней за каждого убитого немца. Потому что он так приказал. Сталин.

Уэллес пожал плечами.

— Я хочу быть честным, миссис Акулова, но уж лучше пусть гибнут русские, чем американцы.

— Вы упускаете другую сторону вопроса!

Шаги Николса слышны были где-то сзади, словно в другом мире.

— Сталин захватывает и покупает территории. Когда война окончится, он будет владеть большей частью Европы. Это все равно, что если бы Гитлер оставался навсегда.

— Когда война окончится, мы все разъедемся по домам, — благодушно проговорил Уэллес.

— Это же не игра в футбол! Или, если на этом языке... Когда война окончится, вы оставите за Сталиным игровое поле. Кажется, вы не понимаете, с кем имеете дело!

— Мой руководитель, президент Рузвельт, весьма высокого мнения о маршале Сталине. Он убежден в том, что Сталин приведет свой народ к демократии, разумеется, с помощью США.

— Тогда расскажите ему еще, для чего служат Сталину американские грузовики, — упрямо заговорила Елена. — Он использует их для перевозки множества людей. Масс.

— Но они для того и предназначены, — подтвердил Уэллес.

— Не просто людей. Народов. Целых наций.

— Целых наций? Как это?

— Около двух миллионов человек. Когда я сказала о массах, то имела в виду народы. Понимаете, народов, как, например, русских или американцев. Или украинцев, или поляков. А также калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар. Немцев Поволжья выселили в сорок первом. Эти народы, небольшие отдельные нации, их окружали войска НКВД, их загоняли в лендлизовские «студебекеры», их впахивали в поезда и увозили в пустыни и тундры Центральной Азии и Сибири. Там их выбрасывали. Половина из них уже погибла. Но до них никому нет дела, потому что теперь они официально не существуют. Их нет даже в списке советских народов и народностей. У них забрали их землю, им запретили петь родные песни, учить свой язык или записывать свою историю, если они ее еще помнят.

— Откуда же вам это известно?

— Мне рассказал Кривицкий. Он сам при этом присутствовал. Он приехал в посольство и напился. Он болтал со мной. Мы знакомы с детства, понимаете.

— О, вы друзья юности?

— Да. Он также рассказал мне о Катыни, потому что он и там был. Почему все молчат о Катыни, господин секретарь? Пятнадцать тысяч из военной польской элиты убиты, расстреляны в канавах, с руками, связанными за спиной. И нигде ни слова об этом преступлении.

— Это беспощадная война, — уклонился он от ответа. — Происходят жестокие вещи. Но начинать швырять грязью без доказательств означало бы оскорбить наших русских союзников в их настоящих страданиях.

— Страдания русского народа делятся уже долго. Задолго до того, как мы стали союзниками. А как насчет поляков и их страданий? Почему должен страдать польский народ? Неужели поляков освободили от страшного правления Гитлера, чтобы они попали под такое же страшное правление Сталина? Кривицкий передал мне, что сказал Сталин о конце этой войны. Он сказал: «*Cujus regio, ejus religio*»*.

* *Cujus regio, ejus religio* (лат.) — чья область, того и вера (принцип, установленный в 1555 г. так называемым Аугсбургским религиозным миром).

— Я не знаю русского.

— Это латынь. Это сентенция шестнадцатого столетия: «Кто правит, тот и решает, кому люди должны поклоняться». Сталин решает. То, что освобождает Красная Армия, становится его собственностью. То, что он сделал с нами, он сделает и с другими.

— Мы признаем, что маршал Сталин деспот. Однако мы считаем его просвещенным правителем, великим вождем своего народа.

— Он сумасшедший! — воскликнула она, уставившись вдаль. — Это сумасшедший, который ничего не сделал, кроме того, что поработал, пытал и убивал свой собственный народ с тех самых пор, как захватил власть.

Она увидела, что Уэллес незаметно кивнул своему водителю.

— Вы должны выслушать меня, — с отчаянием проговорила она. — То, что я говорю, — правда. Я знаю. У меня есть документы профессора Бехтерева. Понимаете, Сталин — параноик. Профессор Бехтерев поставил ему этот диагноз. Сталин узнал... поэтому он убил его...

— Вероятно, вы присутствовали при этом или ваш приятель Кривицкий.

— Да, я была там... Понимаете, у меня были сильные головные боли, и я пошла к нему, тогда я и увидела, как его убил Рыков...

Но Уэллес уже удалялся. Он шел к своей машине. Николс бежал за ним. Когда Уэллес садился, он повернулся к нему.

— Не отнимай у меня попусту время на идиотов, Николс! — резко сказал он.

— Сожалею, сэръ... Но эта дама специалист...

— Просто своди ее в психиатру, Николс. И не отнимай у меня время.

— Но...

Большой «паккард» развернулся на дороге, шины взвизгнули, и машина покатила вниз с холма.

Николс догнал ее, когда она бежала среди деревьев.

— Елена!

— Оставь меня! — яростно вскричала она. — Я сумасшедшая.

Он взял ее за руки.

— Елена, ты ни в чем не виновата... Я свяжусь еще кое с кем, обещаю.

— Прости... у меня раскалывается голова, она болит нестерпимо...

— Елена, держи себя в руках... У нас плохие новости. Рут Ганзберг...

Она стояла неподвижно, ее грудь тяжело вздымалась, она посмотрела на него из-под приподнятой руки, будто защищалась от нового удара.

— Рут работала на англичан, в группе специальных операций. Ее заслали во Францию, и она попала в перестрелку. Есть основания считать, что немцы схватили ее...

Будапешт, октябрь 1944

В спасительные талисманы и магические ритуалы верили все. Любому, кто вздумал бы усомниться, а таких нашлось бы немного, стоило только посмотреть на Алексея Акулова, которого ни разу серьезно не ранило, хоть он и воевал с того дня, когда немцы переправились через Буг, Сергея Покрышина, чтобы убедиться. Алексей никогда не расставался со старинной медалью, которую подарила ему мать, в свою очередь унаследовавшая ее от своего отца. Ее спасительная сила проявилась совершенно явственно тем, что у его матери была при себе эта медаль, когда ее вели на расстрел, а его отец спас ее. Кроме медали, у него еще один талисман — женский лифчик, который он обнаружил на радиоантенне подбитого им танка Т-IV. Почетное положение лифчика говорило о том, что он был амулетом у его грозного противника. Стоило позаимствовать удачу всех погибших солдат, которая хранилась в лифчике. Поэтому он сунул его в карман и похлопывал по нему в особо напряженные моменты боя. Ему даже казалось, что это ритуальное действие способствует обострению ума.

У Сергея Покрышина тоже были особый талисман и особый ритуал. Талисманом была офицерская фуражка его деда. Он надевал ее только в танке и только во время боя. Ее сила тоже была проверена, потому что когда деда закололи вилами на могилевском вокзале в 1917 году, ее не было с ним. Если бы он был в фуражке, он бы спасся. Это было всем совершенно очевидно. Помимо этого оберега, Сергей совершал специальный ритуал. У него был старый граммофон с ручкой и пластинка на 78 оборотов. Это была британская пластинка с изображением собаки, слушающей большой фонограф, на этикетке. На пластинке был вальс, и перед тем как идти в сражение, он ставил ее и торжественно танцевал вальс, гордо и почтительно поддерживая за талию женщину своей мечты. Если его спрашивали, как выглядит его партнерша, он отвечал, что это истинная аристократка. Потом, украсив голову фуражкой, он забирался в танк, недостижимый для опасности.

Танки и люди зависели друг от друга. Акулов быстро

продвигался через равнины на запад — к Сегеду, в Венгрию. Но продвижение это достигалось высокой ценой, поскольку немцы дрались за каждый клочек земли.

Теперь они стояли недалеко от Будапешта. Танки нуждались в новых толстых гусеницах, чтобы заменить истончившиеся, как бумага, старые, им были нужны новые двигатели, чтобы заменить те, которые «тигры», стрелки и гранатометчики вывели из строя. Люди тоже хотели бы, чтобы их обновили, потому что устали и изнашивались не меньше своих машин, но на это было совсем мало надежды. Отдых, парная баня, новая одежда и, главное, ночь непрерывного сна, а, пожалуй, и две, были бы очень кстати.

Сергей сидел, прислонившись спиной к одному из колес тридцатьчетверки, когда Алексей пришел из временного командного пункта, разместившегося в фермерском доме, где его отец собрал офицеров. В его руке были стакан и бутылка спирта. Он остановился перед Сергеем и улыбнулся. Что-то маленькое сверкнуло в другой руке, когда он поднял стакан.

— Капитан Покрышин, — сказал он. — Поздравляю.

Все столпились вокруг них, похлопывали Сергея по спине и плечам. Алексей кинул звездочки в стакан. Потом он полез в карман.

— Ах да, еще это, — менее торжественно добавил он. Он поднял вверх орден, чтобы все увидели. Рокот одобрения пронесся по экипажу. Орденом Суворова награждали за наиболее героические действия, за сражение и победу в битве против превосходящих сил противника. Они все помнили, когда был выигран этот бой, и, глядя на тридцатьчетверку Покрышина, они видели серебряные рубцы от фаустпатронов, скрученную и изрезанную броню, следы, оставленные «тигром», прежде чем к нему подобралась, перехитрила и уничтожила его.

Алексей опустил орден в стакан вместе со звездочками, и все одобрительно смотрели, как он наполнил его. Спирт едва не переливался через край.

Сергей наклонился и выпил до дна, не пролив ни капли.

Его кадык ходил туда-сюда, когда он заглатывал огненную жидкость. Когда стакан был пуст, он повернулся к товарищам. Его глаза увлажнились, на лице сияла улыбка. Награды были зажаты в его зубах. Он отшвырнул стакан, и тот разбился, как положено, о камень.

Алексей помог ему прикрепить орден и звездочки.

— Вот и все хорошие новости, — сказал он. — Никаких других нет. Нам предстоит взять Будапешт.

Они смотрели на свои износившиеся танки из-под подергивавшихся век, и их лица не были спокойны, выдавая их сомнения.

— Но ведь твой отец знает, что мы должны переоснаститься, — ровным голосом сказал Сергей.

— Сталинский приказ, — произнес Алексей. — Завтра мы должны идти на врага.

— Почему? — спросил Сергей. — Зачем эта спешка? Мы и так побеждаем.

— Так же, как и американцы, и англичане. Они уже на немецкой земле. Американцы вступили в Вестфаль.

— Я бы не возражал, если бы они первыми дошли до Берлина.

— Вероятно, Хозяин возражает, — ответил Алексей, пожав плечами.

Сергей поднялся на ноги и забрался на свой танк. Он достал граммофон и раскрутил его. Он взял свою пластинку. Черные осколки выпали из пакета. Он посмотрел на них, лежащих на броне, потом положил сломанную пластинку назад.

Он спустился вниз и взял граммофон.

— Возьми, — сказал он, отдавая его Алексею. Он не смотрел на своего друга, а просто ткнул граммофон ему в руки. — Мне он больше не понадобится.

* * *

Гусеница разорвалась, когда Сергей срезал угол улицы, и тридцатьчетверка вонзилась в стену дома. На дороге, оставшись позади, горели под проливным дождем два танка из его взвода. Высунув голову из люка, он увидел, что танк Алексея съехал задним ходом с улицы в узкий переулок. Пушка исторгла пламя, и фасад соседнего здания отвалился. Черные фигуры людей упали вместе с обломками, а фаустпатроны рассыпались, как палки, по улице, где текли потоки воды.

Где пехота? Везде, куда ни посмотри, были немецкие солдаты.

На другом конце улицы только что целое окно внезапно лопнуло, и широкое дуло пушки высунулось наружу. Огонь с обоих концов улицы вылетел одновременно.

Единственное, что он чувствовал, это была ярость. Он выскочил из башни в опаленной, тлеющей форме. Солдат с фаустпатроном взглянул на него из сада, и он расстрелял его из своего ППШ.

Он не чувствовал ни дождя, ни боли от ожогов. На

голове у него была дедовская фуражка, в руке длинный черный гранатомет.

Из своей башни Алексей увидел, как Сергей бежал к углу улицы. Он прижался к земле у стены, высунув за угол гранатомет. Взметнулся столб пламени, когда реактивный снаряд пронесся по мокрой улице, белое пламя ярко вспыхивало в каплях дождя. Пустое окно взорвалось, и черный дым повалил из комнаты. Немецкие солдаты стали выпрыгивать через пролом, и Сергей срезал их из своего ППШ.

Затем раздался мощный взрыв, и улица исчезла в волне пыли и дыма.

Стало темно. Алексей видел фигуры гранатометчиков, шатающихся, еле идущих, уползающих под прикрытие пригородных садов. Танк развернулся под дождем камней и оставил улицу тем, кто еще владел ею.

Позади пыль оседала под дождем, превращаясь в грязь, покрывая булыжники и тела, которые на них лежали...

* * *

Женщина была буквально вся в грязи. Алексей грыз семечки, потому что это помогало не замечать сладкий тошнотворный запах смерти, который исходил из ям и развалин, мимо которых они проезжали. Время от времени он делал небольшой глоток из фляжки. Они опустошили немецкий полевой склад, и он нашел разумным пристроить ящики со шнапсом на танке сзади вместе с топливом, снарядами и запасными траками. Проезжая через деревню, они видели разрушенные дома, одиноко торчащие дымовые трубы, покрытые копотью. Отступавшим немцам было не до того, что их вчерашние венгерские союзники переходят на сторону противника.

Когда танки, скрежеща, двигались по руинам, Алексей подумал, что эта женщина покрыта грязью, как свинья. Он сидел в своей башне под зеленым дамским зонтиком, который где-то подобрал. Он неплохо защищал его от падавшего дождя. Шнапс охранял его от холода, зонтик — от дождя, а Саня — от дорожных происшествий.

— Пойдите! — кричала женщина. — Пойдите.

Никто бы не поверил, насколько стары и безобразны были женщины в тех землях, которые они освобождали. Все они были замотаны в изношенное тряпье, в платках, повязанных так низко, что не видно было лица. Но не всегда они были такими грязными, как эта женщина. Он отдал команду по внутренней связи, и тридцатьчетверка

резко дернулась на грязной размытой дороге, которая являлась главной улицей деревни.

Это здание уцелело — большой кирпичный крестьянский дом. Танк остановился у мусорной кучи, куда были свалены грязные бинты и использованное медицинское оборудование. Немцы приспособили этот дом под полевой госпиталь.

Оглядываясь на них и изредка взмахивая в их сторону рукой, женщина что-то разгребала голыми руками в мокрой от дождя земле. Алексей наклонился, чтобы посмотреть, что она делает. И вдруг он услышал, что земля слабо стонала. Она шевелилась, и он бросился вниз, крикнув своим людям, чтобы шли на помощь.

В яме были дети лет одиннадцати-двенадцати. Некоторые были еще живы. Он вытащил живую девочку и положил ее на грязную землю. Ее грудь слабо трепетала, и он очистил ее рот от грязи. Лившийся дождь омыл ее лицо, и оно оказалось мертвенно-белого цвета.

— У немцев не было крови для раненых, — всхлипнула женщина. Слезы оставляли светлые следы на ее грязном лице. — Они схватили этих детей, чтобы взять у них кровь. Когда вы стали подходить, они сбросили их в яму.

Легкая дрожь пробежала по маленькому телу, лежавшему на земле с закрытыми глазами и с трепыхавшейся грудью.

— Принесите медикаменты! — крикнул Алексей. — Принесите кровь! Некоторых детей еще можно спасти.

Женщина неистово дергала его за руку, пока солдаты вытаскивали мертвых и еще живых детей из ямы.

— Там есть и другие. Пятьдесят, шестьдесят, больше, — в отчаянии говорила она. — Я могу показать вам, куда они ушли.

Он спешно собрал небольшие силы на грузовиках и «виллисах», добавив свою тридцатьчетверку для огневой поддержки. Женщина села в передний джип рядом с Владимиром, и они поехали.

Они ехали около десяти минут.

— Они пришли, эти дьяволы, из местного концлагеря, — сказала она. Дорога развернулась, и колонна проехала мимо колючей проволоки и сторожевых вышек концентрационного лагеря. Скелеты в лохмотьях равнодушно двигались по лагерю. Потом один из них увидел на танке красную звезду, и хриплые радостные крики слышались из-за колючей проволоки.

— Наши... — пробормотал Алексей. Он остановил один из «виллисов» и велел водителю вернуться и сообщить командованию.

Они догнали немецкую колонну у подножия холма. Дети шли с ними. Алексей бросил свой танк вперед и послал снаряд из главной пушки с ревом поверх их голов. Дети и люди в формах оглянулись и побежали: дети — к ним, немцы — от них. Это было удивительно: дети поняли, что красные звезды несут им освобождение. Немцы тоже все поняли. На склоне голого мокрого холма они медленно неохотно подняли вверх руки, сдаваясь и бросая оружие. Дети облепили танк. Из своей башни Алексей крикнул им, чтобы они сели сзади. Русские слезли с грузовиков и джипов. Немцы сбились в кучу и злобно смотрели наверх склона.

— Огонь, — приказал Алексей. Главное орудие ухнуло среди быстрого треска ружейной стрельбы...

* * *

Эта особенная фуражка явно должна была быть головным убором начальника. Он заметил ее сразу же, как только ввели этого русского и сняли с него форму. Хотя фуражка была мокрой и грязной, золотая тесьма сияла волшебным светом, а алый цвет просто горел по краю. Жак Дьюк взял ее себе и тщательно вычистил, оставшись один в комнате.

Жан Дьюк стал теперь комендантом. Его немецкие хозяева повысили его в должности, и он сидел в кабинете коменданта с ключами от шкафчика с напитками. Полуоткрытая бутылка «сливовицы» стояла на письменном столе, а рядом с ней лежала фуражка.

Настало время обойти свои владения, где вплоть до сегодняшнего утра он служил простым охранником. Он осушил стаканчик и надел фуражку.

Выйдя, он успел увидеть несколько грузовиков и джипов, пронесшихся мимо. За ними двигался танк. На танке была красная звезда, и он недоуменно рассматривал ее пьяными глазами, пока танк не скрылся за деревьями.

Он не мог понять, почему это русский танк проехал мимо его тюрьмы для военнопленных. Постепенно он начал осознавать, что создания за колючей проволокой повернулись и смотрят на него. Впервые он признал в них людей, ибо их лица выражали весьма человеческое чувство — ненависть.

Одно из истощенных созданий подошло к нему и сняло прекрасную фуражку с его головы.

— Мне кажется, это моя, — сказал этот человек и надел ее.

Сергей Покрышин стоял у ворот с Иосифом Вольфом. Иосиф Вольф был евреем, но ему до сих пор удавалось скрывать этот факт от таких, как охранник Дьюк, который, узнай он об этом, на месте забил бы его до смерти. Он жил в страхе быть разоблаченным, и когда он увидел вновь поступившего молодого офицера, хорошо сложенного и мускулистого, он понял сразу две вещи: если Сергея предоставить самому себе, то при его гордости он не будет стараться выжить, и что никто не осмелится разоблачить его, если Сергей станет его другом. Поэтому, когда Сергей скатился вниз по ступенькам с блестящей свежесбрившейся головой, Иосиф шагнул к нему с кусочком ценной копченой колбасы в руке и добрым советом на устах.

Теперь они вместе ждали освобождения. «Виллис» рванулся назад тем путем, которым их привезли, и они ждали своих товарищей.

Приехали два грузовика, размесив грязную дорогу, и остановились. Из них высыпали солдаты. Они вынесли и установили три тяжелых пулемета ДШК* перед ограждением из колючей проволоки и направили на русских пленных, находившихся за нею.

Из кабины первого грузовика вышел офицер. На нем были кожаные перчатки и зеленая фуражка. Он подошел к воротам, и их широко открыли перед ним. Он уставился на пленных холодным взглядом.

— Вы мерзавцы, — сказал он. — Грязные, сдавшиеся врагу мерзавцы, предатели партии.

Сергей почувствовал, что его еле сдерживаемые эмоции готовы взорваться, и шагнул вперед.

— Я офицер, — рявкнул он. — Я заслужил орден Суворова, и я никому не сдавался.

Глаза энкавэдэшника метнулись от общей массы измазанных пленников на разъяренного молодого человека, надвигавшегося на него. Потом молодого человека оттеснил в сторону другой, невысокий и заискивающий.

— Мой друг герой, полковник, — произнес этот человек льстивым голосом. — Когда его танк подбили, он продолжал сражаться. Он лично уничтожил не один, не два, а пять вражеских танков из грантомата. Его оглушило в бою, а когда он пришел в себя, оказался в плену. Но чтобы сдать — никогда. Он бы никогда не предал партию.

Рука капитана НКВД была уже на кобуре пистолета

* ДШК — крупнокалиберный пулемет Дегтярева—Шпагина.

ТТ. Он привык решать споры действием. Но тут он заметил, что этот сброд, по-видимому, сам освободил себя от охраны. У них даже было оружие. Герой держал в руке пистолет.

— Очень хорошо, — произнес энкавэдэшник, выдавив на лице подобие улыбки. — Но вы должны помогать нам в нашей борьбе. Сражения еще не закончились, ребята. У нас есть для вас форма и оружие.

— И еда, — сказал Сергей.

— Да, и еда, — он посмотрел на Сергея. — Вы офицер, вы будете командовать.

— Я всегда мечтал командовать штрафбатом, — криво усмехнулся Сергей.

Капитан залез на грузовик, так чтобы люди в лагере могли видеть и слышать его.

— Вы пойдете в Германию, — сказал он. — В Германии вы можете делать все, что хотите, брать все, что хотите. Вы должны за все отомстить, погибшие ждут возмездия, они жаждут реванша. Я вижу, что вы отобрали оружие у охраны. Приведите ее.

Их была горстка, таких, как Дьюк, который стоял с другими, которых немцы бросили на произвол судьбы. Пленные окружили их.

— Покажите мне, как следует поступать с немцами, — приказал капитан, и они это исполнили...

Вашингтон, апрель 1945

Они прошли через фойе, в котором струнный квартет играл попури из «Пиратов Пензанса»*, к лифтам. Двери заскользили и плотно закрылись.

— Шестой, — сказал Николс пожилому служителю в униформе.

— Да, сэр. Превосходный день, мадам.

— Да, — согласилась Елена. — Так прекрасны цветущие деревья.

— А главное, стало тепло. Зима была очень холодной. Шестой сэр.

Они вышли в огромный fin de siecle** коридор. Под их ногами пружинил толстый ковер.

— Колыма — чудесная планета. Двенадцать месяцев

* «Пираты Пензанса, или Раб долга» (1879) — оперетта английского композитора Артура Сеймура Салливена (1842—1900), либретто — У.С.Гилберта.

** Fin de siecle (франц.) — конец века. Здесь: в стиле конца XIX — начала XX в.

зимы, а остальное — лето, — неожиданно по-русски произнесла Елена. — Действительно, хотя два месяца там солнце вообще не встает, все же есть там какое-то подобие лета. Земля оттаивает, появляются какие-то цветочки. Мы их ели. Если пропустить партию зеков через парк, они опустошат его, как саранча!

Она тряхнула головой.

— Почему я говорю о таких вещах, Джонни? Достаточно какого-то замечания, запаха, даже шума, и тут же оживают эти воспоминания и выходят наружу, они захлестывают меня потоком.

До них донесся шум разговора где-то в глубинах пространственных коридоров.

— Пойдем? — обратилась она к своему спутнику.

— Сюда, вниз по лестнице, — сказал Николс, и она пошла с ним по широкой лестнице слегка озадаченная. Они остановились перед двойными высокими кремowymi дверями с позолотой.

— Это здесь живет миссис Эйзенхауэр? — спросила Елена.

— Да, здесь. Она сейчас отсутствует, и ты увидишься здесь с тем, кто заинтересован во встрече с тобой. Он хочет задать тебе несколько вопросов. О Сталине. Я не предупредил тебя, чтобы у тебя не начались головные боли.

Николс постучал в дверь, и массивный человек открыл ее. Он кивнул Николсу.

— Проходите.

Квартира оказалась такой просторной, словно здания вообще не существовало.

— Кто он? — прошипела Елена. — Этот человек похож на охранника.

— Секретная служба, — загадочно произнес Николс. Елена вцепилась в его руку и держалась сзади.

— Кто это, Джонни? — спросила она с внезапным осознанием. — Кто это здесь?

— Босс, — мягко сказал он и успокаивающе улыбнулся. — Я довел тебя до самой вершины. Все хорошо. Он хочет выслушать тебя.

Она почувствовала, как колотится ее сердце, когда он толкнул другую высокую дверь и они вошли в громадную, просторную комнату, которая выходила окнами на парк и на город внизу. Мужчина средних лет в темном костюме поднялся со стула и любезно протянул руку. Он был невысок и носил очки, но его рукопожатие было твердым. Елена с волнением посмотрела на него. Это был не Рузвельт.

— Елена, вице-президент Трумэн. Сэр, миссис Акулова.

— Пожалуйста, называйте меня Еленой, — нервно произнесла она, и Трумэн провел ее к широкой софе. Темно-желтые тюльпаны сияли на столе, свет из огромных окон отражался в граненом стекле вазы. Они сели, и Трумэн улыбнулся ей.

— Я надеюсь, это не было для вас слишком большим потрясением, — приятным голосом сказал он.

Елена почувствовала, что ее ладони вспотели. В голове все теснилось. Очень важно было правильно начать. Она чувствовала себя, как на экзамене...

— Встреча с людьми, обладающими властью, всегда в той или иной степени потрясение, — сказала она. — Особенно в моей стране. Но я готова говорить с вами, господин вице-президент.

— Я должен вам сказать, Елена, — серьезно сказал он, — что я вскоре стану Президентом Соединенных Штатов. Президент Рузвельт оставил столицу и уехал в Ворм-Спрингс умирать.

— Я сожалею, — формальным тоном произнесла она, захваченная врасплох его откровенностью. Николс молча сидел рядом на стуле.

— Я приму власть в очень ответственное, переходное для нашей страны время. Международные дела доминируют в повестке дня, а они не были моей сильной стороной. Однако я намерен стать специалистом в этой сфере, и я способный ученик. Война против Германии практически выиграна, а конфликт с Японией закончится быстро, быстрее, чем ожидают. Мы окажемся в условиях мира.

Премьер-министр Черчилль как-то пожаловался в частной беседе, что реальной проблемой, перед которой стоит теперь Запад, является Россия, но что он никак не может заставить американцев осознать это. Моя проблема состоит в том, что, если речь идет о России, я получаю два совершенно противоположных совета. Если докладывает посол Стейнхардт, он говорит мне, что в сущности люди Сталина признают только силу, а если она не может быть применена, то прямой восточный бартер. Он не доверяет им, их заверениям и планам абсолютно. Если я обращаюсь к его предшественнику Дейвису, то он уверяет меня, что русские ничего не желают, кроме всеобщего мира, и что мы должны разоружиться сразу, как только закончится война, и даже в одностороннем порядке.

Здесь Джонни был мне весьма полезен как эксперт по

Советской России. Он вошел в мою команду и сообщил мне, что если я хочу знать русских, я должен поговорить с вами. Он заверил меня, что вы не только имеете по этому вопросу уникальные знания, но вы самый честный человек из известных ему людей. Ныне это достаточно редкая рекомендация. Вы знаете, что еще Диоген носил с собой фонарь, разыскивая при свете дня честного человека. Я хотел пригласить вас в Блейр-Хаус, но он убедил меня, что если станет известно о нашей встрече, ваша жизнь может подвергнуться опасности. Поэтому мы устроили эту небольшую хитрость.

— Благодарю вас, сэр, — с благодарностью произнесла Елена, воодушевленная его прямоотой. — Я буду счастлива ответить на любые вопросы. Даже если меня отправят в Россию и расстреляют.

— Я должен также сказать, что Самнер Уэллес считает вас сумасшедшей.

— Вы сами решите, господин вице-президент, — сказала Елена ровным голосом, ее голова была ясной, никакие боли не беспокоили ее. — Не начать ли мне с бывшего посла Дейвиса? Я встречала его один или два раза до того, как меня забрали в НКВД и посадили в концлагерь.

— Что вы сделали? — спросил он, заинтригованный.

— Ничего. Как и любой другой заключенный концлагеря в Советском Союзе, — коротко ответила она. — Что же касается Дейвиса, то спросите его о его удивительных коллекциях русских икон и церковной утвари? Я думаю, что они достались ему совсем дешево. Он написал книгу под названием «Миссия в Москве». Те из нас, кто читал ее, называют ее «Подчинение Москве»*. К тому же разве в Америке не награждают медалями и орденами тех, кто приносит пользу вашей стране? Разве непонятно, за что Дейвис награжден орденом Ленина? О его награждении известно в нашем посольстве.

— Вы знаете, сэр, что сказал Уинстон о Дейвисе? — вмешался Николс. — Он сказал, что после разговора с ним необходимо срочно принять ванну, чтобы избавиться от грязи!

— Он подыгрывает мне в покер, — тихо произнес Трумэн.

— Не каждый, кто говорит хорошо о Сталине, подкуплен, — сказала Елена. — Одни оказались жертвами собственного тщеславия, другие просто глупы, а некоторые его идеализируют, видя в нем единственную жизне-

* По-английски «миссия» — mission, а «подчинение» — submission.

способную альтернативу фашизму и не понимая, что коммунизм — «alter ego» фашизма. Советские руководители превосходно играют на слабостях людей. Любые их чувства могут использоваться. Жаль, что я не могу представить вам человека по фамилии Савинков, который был большим знатоком этих тонкостей, но Сталин и его расстрелял в свое время.

Сэр, вы должны быть готовы после окончания войны к мощной пропагандистской кампании, нацеленной на то, чтобы соблазнить Запад, убедить умы Запада в доброй воле Советов и в искреннем желании Советского правительства мира и прогресса. Сталин добивался громадных успехов в одурачивании сочувствующих лиц с Запада в тридцатых годах. Он верит, возможно не без основания, в то, что снова сможет это сделать. На Западе все еще достаточно социалистов, которые верят, что Советский Союз лучше, потому что он социалистический. Им следовало бы помнить, что гитлеровская нацистская партия тоже является социалистической. Прекрасные слова не исключают отвратительных дел, а диктатура — это не демократия.

— Джонни говорил мне, что вы опасаетесь советского господства в Европе после войны, Елена. Я должен сказать вам, что в Ялте, в январе, Сталин подписал «Декларацию об освобожденной Европе», которая обязывает его поддерживать право всех народов самим выбирать формы государственного правления, при которых они будут жить.

Елена отрицательно покачала головой.

— В прошлом месяце Молотов объявил, что выборы в Польше должны проводиться на советский манер. Польша уже принадлежит Сталину, господин вице-президент. Посмотрите на правительство, когда его объявят. Там не окажется ни одного политика, государственного или военного деятеля, известного Западу, это будет собрание аппаратчиков, ничтожеств, гнущих спину и расшаркивающих перед партийной элитой. Достойные люди расстреляны Сталиным в Катыни.

Трумэн твердо посмотрел на нее.

— Начальники штабов и генерал Эйзенхауэр не склонны рисковать жизнями американских солдат ради политических целей, а значит, оккупировать те части Европы, которые в противном случае будут заняты русскими, — сказал он.

— Обыватель не понимает, что война — это продолжение политики. Пренебрегать требованиями политики по чисто военным соображениям чревато опасными последствиями.

Трумэн вопросительно посмотрел на Елену.

— Это звучит, как цитата.

— Так и есть. Это сказал Ленин.

— Джо Дейвис говорил мне, что, по его мнению, мы оскорбляем чувства Сталина, предполагая, что он может не выполнить своих ялтинских обещаний. Он хотел бы, чтобы мы были с ним в хороших отношениях, а я должен буду встретиться с ним в Потсдаме в июле. Следует ли мне последовать совету Джо Дейвиса?

— Нет, господин вице-президент, этого не делайте.

— А что произойдет, если мы согласимся на все требования Советского правительства? Приведет ли это к ослаблению напряженности и послевоенной эре мира и добрососедства?

— Это приведет к более или менее короткому периоду времени, предоставленному Западу до следующей серии требований, — четко ответила Елена. — Вы имеете дело не с правительством, а с одним человеком. Разрешите мне прочитать вам стихи? Я всегда любила поэзию. В лагерях я читала наизусть стихи, чтобы поднять свой дух и дух моих товарищей по несчастью. Есть стихи светлые и прекрасные. Но я прочту вам стихотворение не светлое и не прекрасное. Но это абсолютная правда, и это стихотворение поможет вам понять Сталина. Оно написано поэтом, которого я знала, Осипом Мандельштамом. Его сослали в ссылку за это стихотворение, а позднее — в лагерь. Не знаю, жив он еще или уже погиб. Вот эти стихи:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, — то малина
И широкая грудь осетина.

Трумэн повернулся к Николсу.

— Ты знаешь эти стихи? — спросил он.

— Да, сэр.

— Запиши их потом для меня. Я хочу иметь их. Так что ты скажешь, Джонни, сумасшедшая ли миссис Акулова?

— Каждое слово, которое она здесь произнесла, — это правда, сэр. Я готов поставить на карту свою будущую карьеру.

— Ты это уже сделал, сынок.

Трумэн встал и снова пожал ей руку, и Николс проводил его до двери вместе с его телохранителем. Потом он вернулся.

— Хорошо прошло, — сказал он. — Ты только что изменила ход истории.

— Я хотела сказать ему, что Сталин сумасшедший, но я не осмелилась.

— Да... — он колебался. — Мы узнавали о Рут.

— Она жива? — с волнением спросила Елена.

— Неизвестно. Ее отправили в Равенсбрюк. В один из лагерей смерти. Он вот-вот должен быть освобожден русскими войсками.

— Я постараюсь сообщить Ивану, — быстро сказала она. — Может быть, он сможет ее найти... Я буду молиться...

Она стояла у огромного окна, вглядываясь в цветущий парк. Ее лицо выражало беспокойство. Она повернулась к Николсу.

— Джонни, ты сделаешь кое-что для меня?

Николс широко улыбнулся.

— После того, что ты только что свершила? Все, что угодно!

— Возьми к себе Бориса, — тихо сказала она. — Я хочу, чтобы он остался здесь, на Западе. Меня скоро отошлют домой.

— Он русский... — начал было Николс.

— Он русский, увидевший Запад, — перебила она его. — Этого достаточно, чтобы он оказался в лагерях.

— Он же ребенок! — возразил неуверенно Николс, но сразу же перешел на серьезный тон: — Да, Елена, я все понимаю... конечно. Мы уже подружились с Борисом, и мы с радостью станем его семьей.

Берлин, 2 мая 1945

T-34 остановился. Его длинная пушка главенствовала над улицей. Из тех домов, которые были еще целы, уныло свешивались красные флаги, в основном с заплатами, показывающими, где была вырвана свастика. На мостовой валялись обломки и немецкая военная форма. Дом

слева был разрушен, его части вывалились на улицу, открыв места, где скрывалось несколько немцев. Русские не посылали солдат искать снайперов. Они просто разносили здания вместе со снайперами на куски.

Сквозь брешь Алексей видел зелень зоопарка. Это было приятно после серой пыли, покрывавшей город. Но, взглядевшись пристальнее, Алексей увидел и там мерзость заустения. Мертвый гиппопотам лежал в пруду, странные птицы сгрудились на деревьях, другие животные без движения застыли в клетках. Хвост бомбардировщика «ланкастер» торчал из воронки в земле.

Наушники его шлема с резиновой прокладкой ожили.

— Слышишь меня, Саня? — крикнул он в микрофон. — Война кончилась! Мир. Гитлер мертв!

Он подумал, что, должно быть, будет праздник. Танцы с оркестром. Но он тяжело сидел в своей башне, прислонясь к спальному мешку. Он отвинтил крышку фляжки и глотнул водки. Слишком много на все затрачено сил. Он отдыхал, не шевелясь и закрыв глаза.

Раздался удар, послышался свист пули. Это привело его в чувство. Передняя часть танка была окутала огромным облаком черного дыма. Когда прояснилось, Алексей увидел очень маленького солдата, стоявшего там в большой для него каске и в шинели до лодыжек. Он сжимал длинное старое ружье.

Алексей выбрался наружу, провод связи покачивался из его шлема. Он спрыгнул на землю. Солдат доходил ему до груди. Древний карабин «маузер» на черном порохе был длиннее своего владельца. Алексей протянул руку и забрал его, а потом отбросил на камни на край тротуара.

Мальчику было около десяти лет, по его лицу ручьем текли слезы. Его каска висела на его голове словно мусорный ящик, а его залатанная солдатская шинель волочилась по грязи. Алексей поддал рукой по краю каски, и она слетела.

— Глупый мальчик, — сказал он. — Иди домой. Уходи. Война кончилась. Гитлер капут.

Он подтолкнул его, и мальчик рванулся бежать сквозь обломки.

Алексей встал на опорный каток гусеничного хода и уже забирался обратно в свою башню, когда с боковой улицы появился Саня.

— Эй, командир, я тебе не нужен? Ты не против, если я посмотрю, где тут можно разжиться?

Три других члена экипажа тоже существовали, но Алексей не мог запомнить новых имен, он еще помнил старые лица.

— Не уходи далеко, дружище. Чтобы услышать, если я позову тебя.

Он устроился в башне и снова глотнул водки. Он сидел с закрытыми глазами, когда услышал взрыв и крики.

Он скатился по боковой стороне башни и спрыгнул на землю.

Страшный, животный рев несся из переулка. Это был столб огня, который качался, дергался и вопил. Из дверного проема выбежала женщина, набросила на пламя пальто и сбила его.

В разбитом окне продолжал бушевать огонь. Алексей приподнял пальто. Пурпурное и черное тело на земле было Саней. В его руке был зажат пистолет Люгера*, от рукоятки которого тянулась проволока. Саня уже не кричал, только глухо стонал через черную дыру, которая только что была его ртом.

Алексей взглянул на женщину. Она была молодой, в серой форме с красным крестом.

— Помоги ему! — крикнул он, но она безнадежно покачала головой.

Страшная окровавленная рука, похожая на недожаренный бифштекс, выпросталась из-под пальто. Она коснулась ноги Алексея, и тот понял его мольбу. Он вытащил пистолет и наклонился к Сане, и медсестра утвердительно закивала.

— Ja, ja**.

Он поднес дуло к голове Сани и нажал на спусковой крючок. Вместе с глухим выстрелом прекратились мучительные стоны. Только конвульсивно дернулись конечности, да послышался шум шагов: медсестра убежала по переулку, наверное, в госпиталь, он его где-то там видел. Он опустился на колени возле пылавшего дома с ловушкой. Он поднял Саню, завернув его в пальто, и понес по переулку к танку.

Он положил его на борт рядом с люком водителя. По улице шли советские солдаты. Он знал их не в лицо и не по именам, а по типу. Он был фронтовик, а те шли сзади воевавших солдат. Косоглазые. Желтое говно. Нерусские. Немытые и сальные, ножи засунуты в сапоги, подолы рубах вылезали наружу. Блестящие глаза под меховыми шапками. Дома на улице были относительно целы, и орда заходила в них, высматривая, чем можно поживиться. Некоторые выходили назад на улицу, дурачась в женской одежде. Они ели консервированные фрукты из кувшинов, пили из

* Пистолет Люгера известен как «парабеллум».

** Ja (нем.) — да.

горлышка бутылок, поливали друг друга духами. Из подвалов стали доноситься женские крики.

Алексей чувствовал себя бесконечно усталым. Нерусские вокруг него воняли. Он чувствовал к ним отвращение и чрезвычайно презирал то, что они делали, но он слишком устал, чтобы что-либо предпринять. Он уселся на место водителя, завел мотор и скрипнул рычагами переключения передач. Он предпочитал уехать куда-нибудь, где потише, где можно выпить и мирно уснуть. Когда он проснется, он подумает, как похоронить Саню.

Он почти поравнялся с госпиталем, когда раздался ужасный крик. Он услышал его сквозь шум мотора. Алексей поднял глаза и увидел обнаженную женщину, бегущую по плоской крыше. За ней гнались несколько солдат, размахивая штыками и бутылками. Их веселое гиканье смешалось с ее ужасным воплем в страшной мелодии.

Она бежала прямо к краю крыши. Ее тело падало на землю почти изящно. Теперь она уже не кричала и смотрела на Алексея.

Она упала на торчащий металлический рельс и повисла на нем, пронзенная. Кровь била фонтаном, струясь по молочной коже. Он еще слышал треск распарываемой плоти. Солдаты стояли на краю крыши, смотря на нее вниз с разочарованием.

Она стонала, делая в агонии глубокие вздохи. Она открыла глаза и смотрела на него. Это была медсестра.

— Bitte...* — простонала она. — Bitte...

Он вытащил пистолет Токарева и выстрелил, не вставая с сиденья танка. Фонтан известковой пыли взвился в воздух. Он снова выстрелил и еще раз, и услышал, как солдаты наверху засмеялись утробным смехом.

— Bitte.

Он вылез, встал на гусеницу и нажал на спусковой крючок. Отдача заставила его поскользнуться, и он грохнулся на землю. Она билась в агонии. Он увидел, что прострелил ей ногу. Кровь заливала грязные обломки. Он встал, вытянулся насколько мог и приложил пистолет к ее голове. Она с благодарностью закрыла глаза, когда он нажимал на спусковой крючок.

Солдаты молчали. Алексей сидел на развалинах и горько рыдал.

* * *

Иван Акулов командовал своим сектором из прекрасного потсдамского дома. Это было красивое здание, уцелевшее и от налетов с неба от «ланкастеров» и «летаю-

* Bitte (нем.) — прошу.

щих крепостей», и от набегов Т-34 и КВ-2 на земле. Это здание было собственностью богатого баварского бизнесмена, который пропал во время поездки в Дрезден, но его семья оставалась в Потсдаме, и Акулов разрешил им поселиться в летнем доме. Он пользовался в качестве кабинета их гостиной с прекрасным видом на сад. Часть сада во время войны они вскапывали под огород и выращивали там овощи. Он выглянул в темноту за окном и увидел отблеск небольшого костра, который они разожгли, чтобы приготовить пищу. Сейчас они варили картофельный суп. Их шестилетний сын перелезал по ночам за забор, совершая налеты на разрушенную семейную собственность в поисках всего, что могло гореть.

— Ты умеешь хорошо ладить с людьми, Вольф, — вернулся Акулов к прерванному разговору с невысоким человеком, который внимательно смотрел на него. Они представляли собой резкий контраст — широкий и высокий генерал и небольшой и шуплый Вольф. — Теперь война закончилась, и чекисты начнут вынюхивать все вокруг. Пока мы сражались, они по крайней мере держались подальше, чтобы их ненароком не задело какой-нибудь пулей, но сейчас мы вынуждены будем снова учитывать их существование и как-то справляться с ними.

Вдруг неподалеку послышалась короткая серия пушечных выстрелов. Привыкшие к постоянной пальбе как к обычной детали повседневного существования, ни один из них не обратил на шум ни малейшего внимания.

— Они обязательно будут искать шпионов среди моих людей, — продолжал Акулов, — так что будь с ними бдительным и дай мне знать. Я подскажу тебе, что говорить.

Послышалась следующая серия выстрелов и взрыв смеха. Акулов слегка нахмурился.

— Я хочу знать, сотрудничают ли сволочи из НКВД со сволочами из Гестапо.

Опять раздался смех. Явно внутри здания.

— Что такое? — спросил Акулов. — Ты знаешь, Вольф?

Вольф усмехнулся.

— Ребята играют в «ку-ку».

Акулов повернулся, пробурчав проклятие, и поспешил из комнаты, сопровождаемый Вольфом. Третья, еще более громкая, серия выстрелов донеслась из нижней комнаты.

Дверной косяк освещался, когда кто-то внутри зажег свет, и оттуда слышался громкий мужской хохот. Акулов распахнул дверь. Там были офицеры. Они держали в руках пистолеты и смеялись. В комнате стояла

вонь ружейного огня и водки. На крючке повисла, перекосившись, картина, стекло которой было разбито вдребезги, и вокруг валялись осколки. Среди них был Алексей. По его лицу текла струйка крови от попавшего в него осколка.

— Прекратить! — взревел Акулов. — Убрать оружие.

Молодые люди стали заталкивать свои ТТ в кобуры, все еще продолжая смеяться.

— Всего лишь шутка, товарищ генерал, — произнес один из них.

— Глупые дети, — пробормотал Акулов. — Вы перестреляете друг друга, играя в эту глупую игру. Кричать «ку-ку» в темноте и стрелять на голос! Вы можете получить пулю в лоб.

Сергей улыбнулся.

— О, да, мы это знаем.

Акулов указал на Вольфа, стоявшего с язвительно-насмешливым видом в дверях.

— Разве он играет в эту дурацкую игру? Нет, не играет.

Капитан похлопал маленького Вольфа по лысой голове, проходя мимо.

— Нет, Вольф ценит то, что ему удалось уцелеть. Да, Иосиф?

— Конечно, — согласился маленький еврей.

— Иди наверх, — сказал Акулов Алексею. — У меня тоже есть что выпить. Пойдем.

В кабинете Акулов налил огненную жидкость в высокие стаканы. Он окунул в свой стакан носовой платок и прочистил рану на лице Алексея.

— Глупые дети... — пробормотал он. — Зачем ты это делаешь, скажи-ка мне?

— Я фронтовик, — произнес Алексей. Его лицо было отекившим и бледным, а веки припухлые. — Почему Саня, папа? Он ведь тоже прошел от Москвы до Берлина...

Акулов уложил сына на койку, снял с него сапоги. Глаза Алексея закрылись, но он еще раз произнес:

— Почему Саня? Почему именно он?

Москва, 24 июня 1945

Наконец, когда стало темно, он пришел. Елена стояла вместе с другими, когда мимо проходили и проезжали полки Красной Армии. Ровный дождь приглушал топот сапог и шлепки танковых гусениц по брусчатке Красной площади. Она стояла, когда боевые знамена Третьего Рейха сыпались все растущей грудой к ногам человека, который стоял на построенном им Мавзолее Ленина.

Она дождалась. Иван, наконец, промаршировал во главе своих офицеров. Его самолет приземлился в Московском Центральном аэропорту незадолго до рассвета, и он сразу отправился на сборный пункт.

Прошло почти четыре года.

— Ты офицер или солдат? — спросила она. — Я не могу понять, не видя знаков отличия.

Он широко улыбнулся, снимая свою серо-голубую шинель с прекрасным алым шитьем, указывающим на генеральский ранг.

— У моего отца была точно такая же, — сказала она. — Ты, должно быть, взял ее взаймы. И его саблю.

Гвардейская форма была великолепной, его грудь украшали царские награды, царские алые лампасы спускались от бедер к икрам и исчезали в кавалерийских сапогах.

Он принес сумку, положил ее на стол и обнял Елену.

— Ты все еще влажный! — сказала она. — Сними это великолепие!

— Я привык к воде, — произнес Акулов. — Мы были мокрыми то от дождя, то от снега. Где Ваня?

— В кровати, — ответила она. — Пойди посмотри.

Елена взяла его за руку и подвела к кровати, чтобы он посмотрел на спящего мальчика.

— Алексей в порядке. Он велел сказать, что любит тебя. И отдать тебе это, — Акулов полез в карман, пока она отряхивала его китель, и вынул старинную медаль. — Он прошел всю войну невредимым.

— Я бы хотела, чтобы он оставил ее у себя, — сказала она.

— Он считает, что она еще понадобится его сыну.

— Вначале нужно встретить прекрасную девушку, — с легкой печалью произнесла она.

Они подошли к окну. Ночное небо ярко вспыхивало и обжигалось цветными огнями салюта в честь победы. Акулов опустил шторы.

— Ты не против? Мне кажется, что это все еще артиллерийская стрельба и сигнальные ракеты.

В дверь постучали.

— Это Татьяна, — сказала Елена. — Она в Москве.

Вошла Татьяна, и Акулов тепло обнял ее.

— Необходимо отпраздновать! — сказал он и открыл сумку, вынув оттуда бутылку.

— Ты оценишь это, — с улыбкой сказал он Елене.

— Бурбон, — сразу ответила она. — Американское виски.

Он снова залез в сумку и вытащил другую бутылку.

— Имбирный эль! — воскликнула она. Она пошла к буфету за стаканами. По привычке все устремились на кухню и сели за круглый стол.

— Где ты это достал? — спросила она.

— У американцев в Берлине. Там еще много вкусного. Мы прекрасно поужинаем.

Елена стала вынимать содержимое сумки. Банки с мясом и рыбой, фрукты и овощи. Пачки шоколада и печенья. Пирожные, еще бутылки с виски и джином, пачки сигарет. Чай. Кофе. Казалось, это тревожило ее. Вынимая что-нибудь, она тут же беспокойно это осматривала.

Глаза Татьяны расширились от вида такого великолепия.

— Ты получил это, наверное, от кого-то из их номенклатуры? — предположила она.

— Знаешь, у них даже нет таких представлений, — ответил Акулов. — Даже простые пехотинцы, мне кажется, могут достать все, что угодно. У них, конечно, есть спецмагазины, но не для властей или номенклатуры, а для всех солдат, для всех военных.

— Елена говорила мне об этом. Оказывается, в Америке нет карточек и пайков.

— Татьяна интересуется этим, потому что работает в Институте экономики, — сказала Елена. — Ты нашел ей хорошую работу.

— Чем ты занимаешься? — поинтересовался Акулов.

— Нас называют консультантами. Нам поручили разработать наилучшие способы управления территориями, которые займет Красная Армия, когда кончится война. Польша, Чехословакия, Венгрия, пол-Германии, Румыния, Австрия и Болгария. Может быть, Греция и Италия.

— Кто поручил вам это? — Акулов не мог скрыть своей озабоченности.

— НКВД, — сказала она, и ее простые очки в металлической оправе блеснули в освещении кухни.

— Почему НКВД?

— Решение прямо поручено им. Прямой контроль Москвы вызовет значительное расширение пространства их ответственности.

— И? — вопросительно произнес он.

— Мы рекомендовали Финскую модель. Никаких войск в стране, но их присутствие в России. Оказывать таким образом давление на их правительства, чтобы это отвечало нашим государственным интересам. Незначительные вооруженные силы и никаких союзов с Западом. Но разрешить сохранение национальных культур. Торговые соглашения, благоприятные для нас, и невмешательство в их экономику, чтобы они могли производить для нас промышленные и сельскохозяйственные продукты, которые мы сможем частично возмещать сырьем. Подобное устройство было бы для нас очень выгодным, не спровоцировало бы русофобию в этих странах и было бы высокоэффективным при малых затратах. Чистые доходы польются оттуда в Советский Союз.

Елена обезумевшими глазами смотрела на яркие упаковки продуктов, бутылок, банок из портфеля Акулова.

— Этого не произойдет, — пробормотала она. — Иван, дорогой, я хочу уничтожить все эти западные упаковки. Их нельзя выбрасывать вместе с другим мусором. Их не должны увидеть.

— Почему? — удивился он.

— И почему этого не произойдет? — включилась и Татьяна.

— НКВД не принимает никаких решений, — сказала Елена. — Это дело вождя. А вы должны понимать, что ему нужно. Когда Красная Армия шагает по Австрии, по Чехословакии, по Германии, даже по Польше, — что видит солдат? Он видит везде богатых. Непривычное для нас благосостояние обычных людей. Некоторым из наших солдат довелось встретиться с такими же, как они сами, простыми американскими солдатами, которые, по нашим меркам, живут роскошно. Простые люди соблазняются достатком, а интеллигенты — западными культурными ценностями. И то и другое представляет опасность для Сталина. Это угрожает его власти, самым основам его власти.

Елена испытующе взглянула на своих собеседников.

— Неужели вы не понимаете? Если Запад для него

представляет угрозу, значит там — враги. Любой, кто видел Запад — его враг. Поэтому он отгородит Советский Союз от Запада. Он возьмет все восточноевропейские оптом, вот увидите.

Она поспешно собирала упаковки с иностранными текстами, вытряхивая еду на тарелки.

— В этом нет никакой экономической выгоды, — возразила Татьяна. — Вместо того чтобы стать источником благосостояния, они будут истощать наши ресурсы и ослабят нас.

— А в терроре была экономическая выгода? — спросила Елена. — Или в убийствах крестьян?

— Это осталось в прошлом, Елена, — сказал Акулов, с удивлением наблюдая за растущей кучей упаковок. — Перед войной. Война все изменила. Мои солдаты ездили в американских «студебекерах» и джипах. Мы ели американские консервы и галеты. Форма, которая на мне, сшита из американской ткани. Елена, ты так долго отсутствовала, что еще не осознаешь изменений, вызванных войной. Мы победили не только благодаря помощи Запада, их грузовикам, оружию и продуктам, но потому что у нас появилась возможность реализовать наши собственные качества. Мне — как командиру, моим солдатам — как бойцам. Мы победили, потому что оказались выше фашистов. Мы осознали личностные качества человека на войне — его возможности, ум, врожденную смекалку, храбрость. И это никто не может изменить. И теперь, когда мы победили, я могу сказать, что ходят разговоры о широком американском плане по восстановлению экономики Европы. Мы не станем исключением.

— Чтобы не быть исключением, надо не видеть в Западе своего противника, — упрямо сказала она, — а для вождя враги необходимы, как воздух. Почему ты не хочешь понять? Для него каждый «другой» — это чужой. Не такой, как он. Не он сам. Значит — враг.

Она отнесла странный набор бумаг, карточек, пластиковых пакетов, ярлыков к камину и стала кидать их в огонь. Ее лицо осветилось оранжевым светом огня.

— Пожалуйста, не думайте, что я сошла с ума, — сказала она.

Старинная медаль, возвращенная ей Алексеем, которую она нечаянно прихватила с кучей упаковок, зазвенев, упала на пол. Она бережно подняла ее.

— Алеша... — вдруг с испугом проговорила она. — Где же он? Почему он не приехал с тобой?

Акулов подошел к ней, держа ее стакан виски.

— Елена, выпей, — ответил он, стараясь успокоить

ее. — С ним все хорошо. Он немного устал после всех боев, поэтому я дал ему небольшой отпуск. Он отправился вместе с Володей и еще одним товарищем. Они поехали выручать Рут.

— Рут?

— Твою подругу, мать Володи.

— Но ее же отправили в Равенсбрюк, Иван. Мне сказал это Джонни Николс.

— Видишь ли, она, возможно, еще жива, — терпеливо сказал Акулов. — Когда я получил твое письмо, где ты написала о ней, я показал его Владимиру. Война окончилась, и он поехал искать ее, как и положено сыну.

Штаб британской Второй армии, Люнеберг, Германия

Загремели ключи в двери камеры, в которую была превращена кладовка виллы, и Манфред Лисс сел на железную койку, на которой лежал. Его потрепанная британская армейская форма, лишенная знаков различия, составляла резкий контраст с формой вошедшего в камеру человека, отутюженной, украшенной блестящими эмблемами, знаками воинского отличия и двумя рядами ярких орденских ленточек. Вошедший принес с собой кожаную папку и прошел к окну.

— Доброе утро, полковник Фрейзер, — вежливо приветствовал его Лисс.

— Ну, штурмбаннфюрер, русские просят отослать вас в Советский сектор, чтобы предать вас суду.

Огонек внимания вспыхнул в глазах Лисса, но он не проронил ни слова. Офицер Британской разведки не спеша перелистывал бумаги. Лисс молчал, поглаживая свою блестящую лысую голову.

— Престранный случай, — сказал Фрейзер. Он закрыл папку и нашарил в карманах трубку и кисет.

— Русские требуют вашей выдачи за военные преступления. Ну и что, мог бы я сказать. Вы были офицером СС. Но я вижу и нечто другое. Вы ведь были разведчиком. Нет доказательств, что вы из тех мерзавцев, которые участвовали в убийствах гражданских лиц или управляли концлагерями. Я думаю, что если бы вы остались здесь, то отсидели бы восемнадцать месяцев в лагере для военнопленных и были бы освобождены.

Фрейзер набил трубку и начал зажигать ее.

— Но вот что получается. Русские говорят, что вы им нужны для суда за какие-то дела, которых, я полагаю,

вы не совершали, а вы, как мне представляется, желаете быть переданным им. Это весьма странно. Большинство немцев отчаянно хотят остаться здесь, у нас.

Он хорошенько раздул свой маленький костер и, довольный, посасывал черенок.

— Я думаю, что они собираются взять вас на свою работу. Видите ли, мне кажется, что мы выиграли эту войну против вас, негодяев, только для того, чтобы встретиться сразу же с новым врагом в лице дядюшки Джо и русских. И русские набирают таланты. Вот что я думаю обо всем этом, штурмбаннфюрер.

У Лисса свело живот, но он изобразил на лице улыбку и неопределенно пожал плечами.

Фрейзер постукивал по папке черенком трубки, наблюдая за Лиссом.

— Вы ведь были коммунистом, Лисс, не так ли? Трудно было перемениться и стать нацистом?

— Нет, — честно ответил он.

— Нет. Мои взгляды на это тоже переменялись. Я думаю, что разница между коммунистом и нацистом очень невелика. — Он вздохнул. — Слишком смелый вывод для кое-кого. Вас собираются отослать к ним, Лисс. Снова приметесь за работу, вероятно.

Лисс ответил невинной улыбкой.

— Что ж, вставайте. За вами прислали машину.

Автомобиль ждал на подъездной дорожке виллы, большой реквизированный «мерседес» с красным флажком на крыле, где недавно развеялась свастика. Лисс сел. Там находился Кривицкий в форме генерала НКВД.

Они двинулись. Липы осыпали лимузин листьями, когда он урчал за городом, набирая скорость. Они проехали мимо пустоши, на которой росли сосны.

— Гиммлер где-то в этих местах, — пояснил Лисс. — Он принял цианистый калий, и его положили в безымянную могилу.

Машина, управляемая шофером МГБ*, ехала мягко и быстро.

— Это Schon**, — произнес довольный Лисс. — Что за машина! Надо быть гауляйтером, чтобы иметь такую.

— Думаю, что именно он и был ее владельцем, — сказал Кривицкий. — Но так или иначе, мы его расстреляли. Ну-ка, посмотри сюда...

Он наклонился вперед и открыл маленькую дверцу из

* Министерство государственной безопасности. В 1946 г. наркоматы были преобразованы в министерства. НКВД разделилось на МВД и МГБ.

** Schon (нем.) — красивый, прекрасный.

орехового дерева. Зажглась лампочка и осветила миниатюрный бар.

— Выпьешь? Что ты будешь, шнапс?

Вишневый аромат распространился в кабине, когда Кривицкий налил полстаканчика.

— Держи, — сказал он, и глаза Лисса увлажнились от радости, когда огненная жидкость ударила ему в голову.

— Я не пил шесть месяцев, — хрипло сказал он. — Куда мы едем?

— В Берлин, — ответил Кривицкий. — Наш штаб в Карлсхорсте.

Лисс внезапно повернулся к своему старому другу и схватил его за руку.

— Как я рад видеть тебя, Кривицкий. Я не знал, найдешь ли ты меня среди этих развалин.

Кривицкий откинулся на спинку сиденья, тепло улыбаясь.

— Конечно, мне пришлось постараться. Но мы старые друзья, и не мог же я бросить тебя.

— Я бы тоже пришел за тобой, знаешь, — произнес Лисс, — если бы все пошло иначе.

— Я знаю.

Они ехали по дороге вдоль прекрасной Эльбы, с легкостью обгоняя грузовики британской армии тусклого цвета хаки. Выглянуло солнце, и Лисс тоже откинулся назад, наслаждаясь быстрой ездой после месяцев камеры.

— Что вы хотите делать со мной? — спросил он.

— Мы будем проводить выборы, и нам нужны опытные немецкие чекисты, чтобы провести все, как надо. Я хотел бы, чтобы ты сразу включился.

— Конечно, — согласился Лисс. — Как назовут вашу Германию?

— Германская Демократическая Республика.

Лисс рассмеялся.

— Военная форма уже разработана?

Кривицкий улыбнулся.

— Есть какие-то идеи? Я думаю, ничего черного.

— В любом случае я буду счастлив снять эту гнусную саржу.

— Я выдам тебе форму НКВД, когда мы доберемся до места, — пообещал Кривицкий.

— Знаешь, она также не слишком элегантная, — почти игриво произнес Лисс. — Что в коммунизме плохо — это отсутствие стиля. Эти бесцветные серые кители с подкладкой из какого-то войлока. Что ж, мы ведь не должны походить на Троцкого. У него был стиль. Помнишь его, Лев?

— Я помню его. Я взял его имя, разве не так?

— Мы могли бы сделать его министром стиля. А его портного назначить комиссаром моды...

Лисс допил остатки шнапса.

— Мне лучше больше не пить, а то опьянею. Да, Троицкий, он умел подать себя...

— Он обладал харизмой, — заметил Кривицкий, — вот почему Сталин его убил.

— Да...

Лисс искоса и почти нервно взглянул на своего друга, генерала НКВД.

— Лев, я сожалею о том, что случилось с той твоей женщиной, Мартой. Я полагал, что это к лучшему. Когда я увидел ее имя в списке, ее и ее дочери, я их забрал. Остальных отправили в лагерь.

— Ну, и что было потом? — тихо спросил Кривицкий.

Лисс допросил достаточно много людей, чтобы почувствовать себя неудобно.

— Я решил, что кто-то на вашей стороне допустил ошибку.

— О, да. Итак, ты их вытащил...

— Я поместил их в безопасное место. У меня было помещение. Оно, конечно, было под охраной. Но они об этом, конечно, не знали. И тут произошла странная вещь, они попытались бежать...

— Марта все поняла, Манфред. Она догадалась, что должно последовать. Вот почему она бежала.

— Ладно, это не имело большого значения, — поспешно проговорил Лисс. — Когда я получил твои инструкции, я отослал ее вместе с девчонкой в Равенсбрюк.

— Тебе следовало их убить. Марта знала. Разве ты не понимаешь, что это будет концом для нас обоих.

— Тогда я этого не понял... и знаешь, Лев, я должен был как-то заполнять отчетность. Я их забрал, но некоторые люди из СС, откуда я забрал их, хотели их вернуть. Но нет причины для беспокойства. Равенсбрюк хорошо делает свою работу, я имею в виду, что он для этого и предназначен.

Кривицкий легонько шлепнул Лисса по лысой голове.

— А тебе претит мысль самому расстрелять кого-то, да?

— Мне никогда не приходилось делать это, Лев, — согласился он. — Я, в отличие от тебя, не переносю вида крови...

— Я допрашивал одного человека, и он сказал мне, что у Гимmlера колени подгибались от слабости, когда

он ехал в лагерь. Слабовольный ублюдок, — сказал Кривицкий.

— Гитлер тоже никогда их не посещал. Кажется, вообще не видел еврея, — с готовностью подхватил Лисс.

— Ну, да... — тихо сказал Кривицкий. — Сталин тоже... Равенсбрюк, это ведь недалеко отсюда, не так ли?

— Севернее Берлина, по направлению к берегу... — Лисс все еще был обеспокоен. — Я хотел бы сохранить Марте жизнь, Лев. Она была твоей женщиной. Она бы не выдала нас.

— Танк есть танк, а машина — машина, Манфред. Ты знаешь, как они будут себя вести. Но человек — другое дело. Никогда нельзя быть уверенным в том, что он делает. Человек — это проблема. А нет человека — нет и проблемы.

Под Нейштадтом они проехали через два ряда тяжелых дорожных заграждений, установленных вначале британскими войсками, а затем — персоналом МГБ. Через несколько километров Кривицкий хлопнул водителя по плечу, указав на верхушки деревьев в осенней листве недалеко от дороги. «Мерседес» замедлил ход. Он повернулся к Лиссу.

— Ты голоден? Я привез корзинку с едой. Мы можем здесь остановиться. Если ехать дальше, то там все разбомблено.

Они двинулись по дорожке, оставив сзади мощный двигатель машины тикать по мере остывания. Водитель сидел на месте.

Толстый спиленный ствол дерева лежал на солнечной поляне.

— Сядем здесь, — сказал Кривицкий. Он открыл плетеную корзину и передал Лиссу сэндвич.

— Я открою вино. Мы захватили полный погребок.

— Язык! — весело воскликнул Лисс. — И горчица! Ты не представляешь, как я соскучился по хорошим вещам. По хорошей еде и вину, по гладкому молодому заду. Это был кровавый хаос, знаешь. Я счастлив, что оказался здесь.

Сзади него послышался металлический щелчок.

— Где же вино, Лев? — спросил он. — О боже, снова все хорошо, как в старые дни. Мы всегда выручали друг друга.

Последовал глухой удар, почти у его уха. Что-то сбило его со ствола, и он очутился на земле.

— Что за черт... — пробормотал он.

Он поднялся на карачки. Он чувствовал себя необычно слабым.

— Лев, дай мне руку... что случилось?

Кровь забрызгивала землю, покрытую сухой листвой, она стучала по сухим опавшим листьям, словно первые капли ливня. Он с трудом повернул голову и поднял глаза на Кривицкого. Тот стоял на фоне неба с пистолетом в руке.

— Мы друзья... — слабо запротестовал Лисс. — Я помогал тебе...

Он упал вперед вниз лицом, схватив одной рукой листья. Кривицкий обернулся. Водитель шел к нему.

— Он пытался сбежать, — сказал Кривицкий, и водитель равнодушно кивнул.

Равенсбрюк, концентрационный лагерь

Владимир открыл холщовый рюкзак и вынул бутылку. Охранник подозрительно посмотрел на иностранную этикетку.

— Что это?

— Американская водка. Называется бурбон. Давай налью.

Граненый стакан стоял на столе. Он открыл бутылку и налил в него немного коричневой жидкости. Неожиданно где-то совсем рядом грянул духовой оркестр. Когда включились труба и большой барабан, пыльное окно ответно задребезжало.

Охранник НКВД понюхал виски, а затем аккуратно опрокинул в рот.

— А-а-а... — он посмотрел на Владимира увлажнившимися глазами. — Хорошо! — и вытер рот ладонью.

— Конечно, хорошая водка. Бери, — он заткнул бутылку пробкой и сунул ее охраннику.

— Я могу пропустить, — сказал тот. — Чего тебе надо?

— Кое-кого найти. И кое-что спросить.

Владимир понимал этот склад ума. Человек кивнул. Понятно, что вы пришли, чтобы получить что-то от кого-то. Он бы не понял слова «помочь».

— Я на дежурстве до вечера.

Он открыл дверь, и они оказались на залитой солнцем территории лагеря. Забор с электрическим током окружал ее со всех сторон, сторожевые вышки смотрели вниз на длинные бараки, на плац, на женщин, сидевших прямо на земле, скученно, словно рой насекомых. Черные трубы крематория застыли в бездействии на фоне голубого неба.

Над дорогой, что вела к железнодорожной станции, через которую нацисты привозили заключенных в концентрационный лагерь, соорудили арку и украсили ее цветами. Расположившийся рядом с ней духовой оркестр играл патриотические любимые мелодии. На арке было написано: «РОДИНА ПРИВЕТСТВУЕТ СВОИХ ГЕРОИНЬ». Чуть в стороне Владимир увидел джип. Алексей и Иосиф Вольф были там же. Алексей отбивал рукой музыкальный ритм, а зеленая энкавэдэшная фуражка Иосифа мелькала недалеко от него возле леса.

Иосиф для убедительности общей картины надел униформу. В их маленькой группе он был тем, кто мог улаживать, так сказать, толкачом. Утром он удалился в неизвестном направлении с несколькими бутылками спиртного, а возвратился с чекистской униформой и несколькими бланками, на которых уже имелись штампы. Все, что оставалось Владимиру, это отыскать свою мать.

— Ты пришел вовремя, — заметил охранник. — Их сегодня начали вывозить.

— Куда?

— Домой. В Россию.

Он поднял шлагбаум и толчком открыл ворота.

— Удачи, — коротко сказал он Владимиру.

Когда Владимир вошел, он понял, что удача действительно ему необходима. Сотни, нет тысячи истощенных обритых наголо женщин в грязной обтрепанной полосатой одежде заключенных заполняли огромную огороженную территорию. Одни стояли, другие сидели, греясь на солнце. Они бродили кучками и в одиночку. Это были потоки, стада женщин, совершенно одинаковых, неотличимых друг от друга. Он неожиданно ощутил свой рост, энергию, быстроту движений, свою чистую униформу, казавшуюся яркой на фоне серых фигур.

На его пути стояла какая-то толпа. Женщины покачивались в такт музыки. Два изможденных создания шаркали ногами, представляя какое-то подобие танцевальной пары. Когда он проходил мимо них, одна из женщин протянула руку, похожую на клешню. Он не мог бы определить ее возраст — ей могло быть и восемнадцать, и шестьдесят. Она смотрела мимо него, за колючую проволоку.

— Мне не кажется? — спросила она. Она говорила на смеси русского и украинского языков. — Я стала плохо видеть, но там, кажется, священник?

Он повернулся. На дороге к станции, у арки, стояла фигура в штатском. Но Владимир разглядел в его руке большой крест.

— Да, — сказал он мягко. — Там и вправду священник. Когда он взглянул на нее, слезы текли по ее морщинистому худому лицу.

— Мне говорили... но я не могла поверить. Говорили, что здесь священники... Неужели мы вернемся домой...

— Я ишу одну женщину, — сказал он, — но даже не знаю, у кого спросить, где она может быть.

Женщина вытерла слезы.

— Она русская?

— Да, она моя мать.

— Мать? — женщина посмотрела на него с удивлением. — Если она здесь, то должна быть на этой стороне лагеря. — Она потрогала грязный красный треугольник, пришитый вершиной вниз на левой стороне груди на ее полосатой робе. — У нее будет такой же. Зеленые пришивали уголовницам. Послушай-ка, они играют из фильма «Волга-Волга». Как хорошо!

Женщины покачивались и подпевали, Владимир почувствовал щемящую жалость к ним. Он пошарил в рюкзаке.

— Ты куришь? — спросил он.

— Курила когда-то, — равнодушно ответила женщина.

Он вынул жестяную коробку и открыл крышку.

— Пожалуйста, угощайтесь.

Как только потянуло папиросным дымком, женщины придвинулись, чтобы вдохнуть этот удивительный запах.

— Бог не забыл нас. Мы скоро поедем домой, и я могу покурить...

Ее глаза опять увлажнились.

— Вера! — позвала она, и другая, такая же изможденная, оглянулась. — Не уходи далеко, нас скоро будут отправлять.

— Я не поеду, Ирина.

— Нас вывезут в одной из первых партий, — с гордостью сказала Ирина. — Наши вчера приехали и разбили нас на группы. Я ведь партизанила. Я сражалась в отряде Сидорова в Путивле.

Владимир открыл было рот, чтобы сказать ей, что тоже был партизаном, но тут же осекся. Боль сжала его сердце при одном воспоминании о Наташе. Он боялся воспоминаний.

— Может быть, ты знаешь мою мать? Я Владимир Савинков, а моя мать — Рут, Рут Савинкова.

Он не понял, что выразилось на ее истощенном лице, но выражение ее лица изменилось. Женщина отвернулась.

— Нет, — быстро проговорила она. — Я ее не знаю.

— Неправда, знаешь, — с неожиданной яростью ска-

зал он. — Скажи, где она! Я тоже партизанил, как и ты. Моя мать сражалась в Сопротивлении. Я проделал длинный путь, чтобы найти ее. Много километров и много лет. Скажи, где она, где ее искать.

— Я не знаю, где она, — пробормотала Ирина, не поворачиваясь к нему. — Спроси у Марты. Она в Revier*, в санитарном бараке. Вон там.

Владимир пошел, протискиваясь между кучками женщин. Теперь он понимал, что они ждут, когда откроются ворота. Он вошел в темный вонючий барак. Женщины неподвижно лежали на грязных соломенных тюфяках, из которых лезли стружки. Они казались мертвыми. Но то тут, то там, заслышав стук его сапог по настилу пола, глаза на мертвенных лицах открывались. Некоторые были еще живы.

— Марта! — закричал он. — Я ищу Марту!

На одном из матрасов кто-то зашевелился. Женщина, лежавшая рядом, приподнялась, прикрыв собой ту, первую.

— Кто ее спрашивает? — спросила она.

— Я Владимир Савинков. Я хочу узнать у нее, где моя мать.

Женщина, лежавшая на матрасе, была жива. Ее изнуренное лицо было в багровых пятнах. Она тяжело и хрипло дышала, но смотрела на него осознанным взглядом.

— Я узнала тебя, — с трудом проговорила она. — А ты меня узнал?

Другая, которая заслоняла собой Марту, встала. Несмотря на одинаковую изможденность, в их чертах угадывалось сходство.

— Вы спасли нас в Берлине, ты и твоя мама, — сказала она. — Я Элизабет. У моей мамы тиф.

— Представь себе, тиф, — сказала Марта и закашлялась. Грязноватая слизь потекла по ее подбородку, и Элизабет вытерла ее тряпкой. — Представь себе, вынести все это время, выжить и умереть теперь, когда все кончается.

Владимир залез в рюкзак и достал маленькую коричневую бутылочку и флягу. Он высыпал таблетки в ладонь.

— Доктор предупредил меня, чего здесь можно ждать. Он говорил, что такие вещи, как тиф, сейчас повсюду. Возьмите таблетки, это английские. «М» и «В», видите, даже написано на таблетке. Замечательное лекарство. Надо сразу принять.

Элизабет взяла таблетки и фляжку с водой, но Марта удержала ее руку.

— погоди. Он хочет узнать о Рут.

* Revier (нем.) — санчасть.

— Я говорил с одной женщиной там, во дворе, — сказал он, нахмурившись, — они ожидают, когда их отправят на поезд. Я понял, что она просто не хочет говорить о моей матери, хотя знает ее.

— Ты должен понять, Володя... все мы здесь, еще оставшиеся в живых, должны быть заодно... Мы политические, коммунистки, у нас красные треугольники, мы крепко держимся вместе. Мы сумели одолеть зеленых, уголовниц. Конечно, это не гарантировало сохранения жизни, и множество наших попало в печь, но это нам помогало.

Она замолчала. Кашель вновь стал душить ее. Элизабет дала ей немного воды.

— Это помогало, — повторила Марта. — Нельзя выжить в одиночку. Надо иметь семью, если хочешь, выжить. Семья помогает, и ты помогаешь семье. Только поэтому мы с Элизабет до сих пор живы. Мы не знали, что Рут здесь. Мы держались с англичанами и французами, из Сопротивления. Она была совсем больна, когда русские освободили нас. Она была жива. Но она оказалась вместе с русскими пленными. Англичан и французов уже увезли, но кто-то сообщил охране, что она русская. Поэтому ее непустили. Когда она узнала, что русских будут отправлять домой, в Россию, она хотела поднять бунт. Она стала говорить русским, что их убьют, что советские охранники не отличаются от СС. Она хотела, чтобы они взбунтовались и отказались вернуться в Россию.

— И русские заключенные пришли в сильное негодование, — сказала Элизабет. — Это было всего два дня назад. В их глазах она стала врагом. Она оказалась не... нашей.

— Наша, — повторил Владимир. — Нет. Конечно, она была чужой.

— Чужая! — воскликнула Элизабет. — Так они и называли ее.

— Не там и не здесь. Худшее, что может быть, — мрачно произнес он.

— На нее напали. Целая толпа, — вымолвила Элизабет.

— А теперь она исчезла. Ее нет нигде уже два дня, Володя, — прохрипела Марта со своей страшной постели. — Если бы я была на ногах, я бы уговорила ее молчать.

— Как ты думаешь, где она?

— Мы думаем, что она умерла. Они были в ярости... Но разве кто-нибудь проговорится!

— Где искать ее тело?

— Лагерь очень большой, — просто ответила Марта. — Теперь, когда ты все знаешь, может быть, ты возьмешь эти таблетки.

— Нет, — возразил он. — Пусть останутся тебе, Марта, лечись.

Пока она с трудом проглатывала таблетки, он подошел к грязному оконцу и посмотрел наружу.

— Это те бараки, где они жили? — спросил он.

— Да.

Он повернулся и пошел к двери.

— Володя, — позвала она.

— Да? — обернулся он.

— Когда ты вернешься в Россию...

— Да?

Она облизала сухие губы языком, который был усеян красными пятнышками.

— Не говори Кривицкому, что мы живы, — прошептала она, — пожалуйста...

— Да, — мрачно ответил он, — я никогда этого не сделаю.

Он вышел под безоблачное небо, на нем сияло солнце. Он закурил папиросу и вдохнул дым. Ворота были открыты. Женщины шли длинной колонной, проходя под аркой из цветов по дороге, ведущей на станцию. Они даже пели негромкими хриплыми голосами. Он двинулся по узкой дорожке, что вела между двойным рядом барачков. Барак был сооружен наспех из каких-то дощатых щитов. Владимир заглянул внутрь и тут же выскочил назад. Он был совершенно пуст, в нем не было ничего, кроме нестерпимой вони от многоярусных нар и гниющих матрасов.

Глотнув свежего воздуха, он услышал оркестр, четкие удары большого барабана, звон тарелок. В небе потемнело, и, посмотрев наверх, он увидел большую грозовую тучу, которая надвигалась.

— Спишь или нет, вот я иду... — запел он.

Лоснящаяся черная ворона что-то выклевывала из грязи. Она каркнула ему и взлетела на крышу барака, откуда наблюдала, пока он пройдет, прежде чем вернуться на прежнее место.

— Спишь или нет, вот я иду.

Он остановился, огляделся, прислушался, но услышал только отдаленное пение женщин, уходивших на волю. Он пошел дальше.

— Спишь или нет, вот я иду.

Он опять остановился, его сапоги хрустнули на каменистых обломках. Он прислушался.

Что это?

— Иди, я тут, иди сюда...

Послышался шум, какое-то движение из-под барака. Он встал на четвереньки, пилотка слетела на землю.

Он потянул ее за руку, вытащил на полосу солнечного света между бараками.

— У-ух! — вздохнула Рут, и он прижал ее к себе.

— Ты сильно исхудала, мама.

— Скудное место, дорогой, — прошептала она, крепко держа его. — Нет бифштекса.

— И у тебя странная прическа. Но ты по-прежнему умеешь замечательно прятаться.

Она с трудом села.

— У меня затекло все тело, — сказала она. — Я пробыла здесь почти двое суток. Они уже забирают заключенных?

— Они сейчас уже уходят, они на дороге.

— Женщины не захотели меня слушать. Они напали на меня...

— Ты можешь идти? — спросил он. — Мы должны уйти отсюда. У нас есть джип, со мной Алексей.

— Я могу идти, — гордо ответила она. — Когда я прыгала с парашютом в Хадсоне, меня сбросили не в том месте, и я прошла за ночь двадцать миль...

Она встала с его помощью.

— Я безусловно могу отсюда уйти, — пробормотала она. — Хотя сомневаюсь, что одолею двадцать миль...

Они медленно двинулись назад по дорожке.

— Алексей... как он? — спросила она.

— Он ужасно устал... он прошел от Москвы до Берлина, и он ужасно устал, мама. Я забочусь о нем.

— Ты всегда подбирал хромых уток, дорогой. Теперь у тебя есть еще одна утка-хромоножка.

— Ты никогда не будешь хромоножкой, мама, — произнес он с нежностью.

Последняя партия женщин прошла через ворота. Они пели, когда проходили через них. У них был счастливый вид.

Алексей и Иосиф сидели в джипе.

— Ты нашел ее! — воскликнул Алексей. Он сделал последний глоток из оловянной кружки и засунул ее в мешок. Запах виски висел в кабине. Все сгрудилось вокруг нее и общими усилиями усадили на переднее сиденье. Рут с сомнением во взгляде посмотрела на Вольфа.

— У тебя друзья из Чека, дорогой? — пробормотала она.

Владимир отрицательно покачал головой.

— Нет, мама, он, как и мы, солдат. Но он достал эту форму, благодаря которой мы добрались вовремя.

— Полезный друг, — произнесла она и улыбнулась Вольфу. Лагерь позади них затих. Ворота закрылись со скрипом и треском, и остались только звуки нестройного хора идущих женщин. Возле украшенной цветами арки священник вытирал лоб, вспотевший от жары. Один из офицеров НКВД похлопал его по плечу, и они рассмеялись и пошли вместе через дорогу.

— Давай-ка поедем, дорогой, — сказала ему Рут, и Володя завел мотор.

— Поезжай по этой дороге, — сказала Рут, и они медленно поехали мимо сосен. Дорога поднималась, они ехали по ней, огибая холм и, наконец, увидели со склона станцию внизу. Там стоял поезд. Локомотив нежно выпускал пар, длинный ряд грузовых платформ с деревянными бортами стоял за ним.

— Остановись на минуточку, Володя.

Он выключил двигатель, и они услышали возмущенный крик женщины. Серые колонны были окружены зелеными фуражками НКВД.

Гневный голос показался Владимиру похожим на голос Ирины.

— Они теперь поняли, — печально произнесла Рут. — Эти же вагоны, на которых нас привозили нацисты.

Возмущенный предательством голос заглушил собачий лай. В передних рядах произошел какой-то беспорядок. Одна женщина вышла вперед, но тут же упала. Моментом позже глухой треск выстрелов донесся до холма. Потом они слышали крики команд, лай собак, вопли, когда женщин сбивали с ног, и, наконец, серый поток начал затекать в товарные вагоны, как каша.

— Их взяли в плен, их вывезли. Поэтому теперь они считаются предателями, врагами народа, — тихо сказала Рут. — Я пыталась объяснить им, но они не захотели поверить мне.

— Они взяли Сергея, — устало произнес Алексей. — Его захватили в плен во время боя... потом его освободили. Он продолжал воевать и дошел до Берлина, и чекисты опять забрали его...

— Давайте выбираться отсюда, — сказал Владимир. Когда они стали спускаться по дороге, поезд засвистел...

* * *

В небе раздался гром, и дорога вскоре превратилась в месиво. Из-под колес джипа летели грязные брызги. Капли дождя упали на лицо Алексея и разбудили его на заднем сиденье.

— Володя! Мы, должно быть, уже рядом с железной

дорогой, — сказал Вольф, наклоняясь вперед. — Давай оставим твою мать и Алексея в укромном месте, а сами поедем на поиски. Мы можем вызвать подозрение, если поедем все вместе. По ее виду понятно, что она из ближайшего лагеря.

— Значит, думаешь, надо ждать до ночи?

Владимир смахнул капли дождя с лица. Он надел свою пилотку на голову Рут, но на нее все равно капало. Заброшенный сельский дом стоял почти у дороги, и он направился к нему. Дом был пуст, и дверь легко поддавалась его усилиям.

— Алексей, мы поедем к войсковой части, которую мы видели, и выясним, как далеко мы находимся от британской линии.

Алексей помог Рут выйти и провел ее под дождем через заброшенный двор. Она дрожала. Уже оказавшись внутри, они слышали шум отъезжавшего джипа.

Они сидели в кухне. Дом был просто оставлен, его хозяева, очевидно, присоединились к великому переселению на запад, убегая от русских. Алексей разломал стул и разжег огонь, посадив перед ним Рут. Он был в полевой форме танкиста, с одной стороны у него на ремне висел топор, с другой — пистолет. Топором он снял кухонную дверь с петель, расколол ее на сухие щепки, и огонь заиграл в печке. В комнате стало светло и тепло, а ветер с дождем тем временем носился среди сосен, стоявших в белой пелене, через дорогу, и стучал по крыше.

Алексей сел у огня рядом с Рут за небольшой низкий столик, открыл мешок и вынул американскую алюминиевую фляжку. Когда он открутил крышку, она ощутила запах виски.

— Пьешь? — спросила она. И тут же добавила: — Лучше бы не пил. Это могло бы убить меня, если бы я пила.

Алексей неопределенно улыбнулся.

— Это могло бы убить меня, если бы я не пил, — сказал он.

Он выглядел бесконечно усталым. Резкие складки старили его лицо. Он плеснул немного жидкости в оловянную кружку, но она удержала его своей костлявой рукой.

— Что с тобой происходит, Алексей, дорогой?

— Не знаю, — честно признался он. — Я от всего устал. Я все время чувствую усталость... Я помню о выпивке, но забываю поесть... Я просыпаюсь утром и не понимаю, где я... Все было в порядке, пока мы воевали. В самом деле. У меня был танк и был Саня... Сейчас я

чувствую себя растерянным. Я никак не могу собраться... Володя обо мне заботится...

— У тебя зеленые зубы, — сказала Рут, улыбаясь.

— Я знаю, — произнес он, неожиданно развеселившись. — Это от шампанского!

— Шампанского!

— Немецкое шампанское. Если открыть коробку передач немецкого танка, вытекает трансмиссионная жидкость. Она ужасно зеленая. Мы с Саней называли ее шампанским.

Он посмотрел на мешок, что-то соображая.

— Ах да... еда. Володя оставил нам шоколадного печенья. Американское. Хотите печенья?

— Да, конечно. А Володя... Как у него? Как он? Сколько лет в разлуке... Я видела его совсем мало, ничего не спросила. И он опять уехал.

— У него погибла жена. Наталья, моя сестра... Ее убил Рыков.

— Рыков, — повторила она, и ее глаза внезапно наполнились тревогой, сверкнув, как у птицы. — Володя женился на Наталье?

— Да они вместе были в партизанах... у них мальчик, Иван... Мы взорвали Рыкова, я там был...

Дождь ослабел. Рут слышала, как лилась вода из сломанного водосточного желоба. Огонь уже не освещал комнату так ярко.

— Хотите взглянуть на мою девушку? — спросил он. Он достал из небольшой пачки писем фотографию и протянул ей.

— Она красивая, — сказала Рут.

— Ее зовут Анастасия...

— У нее винтовка, Алексей.

— Она снайпер.

Когда она подняла глаза, Алексей уже спал, привалившись к стене. Она положила фотографию к письмам.

В углу лежал кусок старого брезента. Рут взяла его, накинула себе на плечи, как накидку, и вышла под морозящий дождик. Солнце снова выглянуло, и теплая, сверкающая дорога начала дымиться. Она отошла от дома, перешла через дорогу и встала в траве среди высоких полевых цветов, с которых капали дождевые капли. Рут слушала шум дождевых капель, падавших с сосен вниз. Она различила звук мотора и посмотрела на дорогу сквозь зеленую поросль и туман. Это был не джип, а грузовик. Не Владимир и не Иосиф.

Рут прошла серьезные тренировки. Она даже не думала, а знала, что никогда нельзя стоять на открытом про-

странстве, и скользнула глубже в лес, припав к земле среди орляка в укрытии зелени молодых деревцев. Она подождала, пока обе машины не проехали.

Они ехали по дороге на малой скорости, двигатели рычали. Джипом управлял военный. Он был в машине один. Она увидела его зеленую фуражку за ветровым стеклом. Он замедлил ход и остановил машину возле сельского дома. Он вышел. Это был Иосиф в своей форме НКВД...

Она втянула в себя воздух, словно хотела позвать, но потом задержала дыхание. Грузовик тоже остановился. Большой, грязный, американский грузовик с красной звездой на двери.

Солдаты НКВД выпрыгнули с заднего борта, и Иосиф Вольф повел их в дом. Кого-то выбросили из грузовика. Он тяжело упал в грязь. Его руки были связаны сзади. Это был Владимир, его лицо было залито кровью.

Когда Алексея выволокли из дома, из кабины грузовика кто-то слез вниз. Алексея швырнули на дорогу, и пачка писем и фотографий рассыпалась по грязи, как игральные карты. Человек двигался с трудом, пользуясь одной рукой, а другая висела неподвижно, внутри блестящей черной перчатки — пробковая рука. Рут разглядела золотое шитье на воротничке кителя генерала НКВД, под синевато-багровым шрамом на изуродованном лице.

Это был Рыков.

ШПИОНОМАНИЯ

Москва, август 1946

Юноши и девушки в аудитории на Лубянке затихли во внимании, когда Роза Савинкова поднялась на сцену. Ее глаза были цвета стали, а длинные светлые волосы уложены в строгую прическу. Она надела прилегающую голубую юбку и белую рубашку с красным галстуком на шее. Орден Ленина сиял у нее на груди.

— Вы можете сесть.

Ее голос звучал ровно и властно. Все знали ее. Она была легендой.

— Мы живем в замечательное время, — начала она. — Под руководством нашего мудрого учителя и великого вождя товарища Сталина советские народы одержали великую победу над германским фашизмом. Один на один советский народ сражался с гитлеровской Германией. В столице бывшего фашистского Рейха ныне высятся монументы нашему славному вождю. Но мы не должны забывать, что реакционные империалистические силы Запада все еще пытаются, как гиены, поработить освобожденные Красной Армией народы и не допустить их перехода к социализму. В Берлине, взятом по приказу Сталина, сейчас окопались западные войска. Мы всегда должны помнить, что первое в мире коммунистическое государство подвергается угрозе со стороны всевозможных врагов нашего строя, со стороны мирового империализма. Не успеем мы поразить одного врага, как на его месте появляется другой. Мы должны быть бдительны, ибо враг социализма многолик и хитер, заверениями в дружбе и взаимопомощи скрывает подлинные цели носителей чуждой нам идеологии.

Ее взгляд пробежался по молодым лицам курсантов секретной службы, отмечая с удовлетворением всеобщее восторжение и полуоткрытые рты.

— Именно так. Врагов нашей страны, нашего строя можно встретить везде. Кто призван защищать трудящиеся массы от происков врагов Советской страны? Мы. Мы, сотрудники Министерства внутренних дел, МВД, и мы

работаем под неусыпным руководством великого вождя всего прогрессивного человечества товарища Сталина. Наши враги неустанно работают, чтобы подорвать наш строй, и мы обязаны быть бдительными, трудиться день и ночь, чтобы их разоблачить.

Она позволила улыбке появиться на своем лице. Аудитория ответно просияла.

— Но я могу снова повторить, что мы живем в замечательное время. Даже самый дальний уголок нашей жизни освещается лучами коммунистической мысли. Науки расцветают в нашей стране под воздействием марксистской методологии. Так же, как социализм создал человека новой формации, коммунисты-ботаники под руководством товарища Лысенко скоро создадут новые растения. Даже природный мир подчиняется воле и разуму партии. Мы уже жили бы в мире изобилия, если бы международный империализм не навязал нам войну с фашистской Германией. Они надеялись уничтожить нас руками фашистов. Но мы победили. Под мудрым водительством Сталина, под руководством партии мы освободили Европу от фашистской чумы, и освобожденные народы стремятся к социализму. И этого страшатся капиталисты всего мира.

Улыбка исчезла, и она нахмурилась. Слушатели тоже омрачились.

— Не думайте, что западный империализм откажется от своей борьбы с нами. Капиталистический мир стоит на пороге экономического краха. На улицах Лондона умирают от голода дети. Рабочие вооружаются пулеметами. В Нью-Йорке в еврейских кондитерских дети трудятся по восемнадцать часов в день без всякой зарплаты. К нам засылают шпионов, чтобы выкрасть наши государственные тайны, научные открытия, все, что партия считает необходимым держать в тайне.

Она подалась вперед на трибуне, и они подались навстречу ей.

— Шпионы проникают всюду, — проговорила она свистящим шепотом и выпрямилась. — Вы скоро станете офицерами. Вы будете за всем следить и нести ответственность за безопасность каждой стороны советской действительности. Настройтесь на это! Ни однастораживающая мелочь общественной и личной жизни не должна остаться вне поля вашего внимания. Для чекиста не должно быть мелочей. Ищите шпионов. А как вы обнаружите их? По отклонениям в поведении и мыслях. Может быть, это мелодия, которую странно было бы насвистывать рабочему? Присмотритесь, может быть, он не рабочий. Выбейте из него показания и найдите того, кто сочинил

эту мелодию или научил этой мелодии. Это может быть сочинение, написанное с чуждых нам позиций. Вырвите чуждую нам идеологию с корнем, заставьте того, кто не хочет работать для народа, трудиться. Заставьте их драить полы голыми руками и вкалывать на заводах на благо советских людей! Обнаруживайте тех, кто во время войны входил в контакт с нашими западными противниками и поддался их пропаганде, кто верит сказам о благосостоянии на Западе. Такие люди заражены! Они должны быть помещены в карантин. В лагеря для перевоспитания! Они презирают кровь, которую советский народ проливал за освобождение Европы и всего мира от фашизма. Ваш зоркий глаз должен видеть все: их родственников, их окружение. Зараза распространяется быстро. Чекист не может быть слишком бдителен, бдительность не бывает чрезмерной. Мы должны очистить наше общество. Сметите их прочь. Не будьте мягкотелыми, чувствительными хлюпиками. Мы должны быть беспощадны. Мы — стражи партии. Пусть девиз Дзержинского всегда освещает ваш путь: «У чекиста холодная голова, чистые руки и горячее сердце».

Слушатели с благоговейным трепетом смотрели на нее. Поднялась чья-то робкая рука. Совсем юная девушка, которой не было и двадцати, со светлыми, коротко подстриженными волосами. Смотря на нее, Роза почувствовала, что волна почти материнской нежности охватывает ее.

— У тебя вопрос?

— Что надо делать, если не удастся найти доказательства виновности? Но если мы подозреваем кого-нибудь в предательстве?

Она ласково улыбнулась девушке.

— Это важный и серьезный вопрос. Как тебя зовут, товарищ?

— Ольга Константинова, товарищ.

— Ты любишь партию? Ты любишь товарища Сталина?

— Когда я в чем-то сомневаюсь, — прямо ответила Ольга Константинова, — я думаю о партии и приобретаю уверенность. Если я устаю, я вспоминаю о нашем вожде, который не спит ночами, думая о нас, и ко мне возвращаются силы.

— Ты бы все сделала ради их безопасности?

— Если бы моя родная мать усомнилась в них, я бы разоблачила ее и сообщила соответствующим властям, — гордо ответила Ольга.

Роза одобрительно улыбнулась.

— Ты настоящий человек, человек новой исторической формации. Никогда не забывайте слова Ленина: «Хо-

роший коммунист — это хороший чекист». Да, Ольга, некоторые враги очень искусно скрываются. Они могут казаться честными гражданами и даже состоять в партии. Они могут прокрасться даже в наши ряды. Да, они могут даже служить в Чека. Если у нас есть подозрение, а безосновательных подозрений не бывает, доказать вину надо, получив признание. Как можно получить признание? Это, мои товарищи-чекисты, предмет нашего следующего урока завтра утром.

Ольга Константинова смотрела на нее с обожанием.

* * *

Четыре человека стояли в темноте у танкового завода. Воротники их пальто были подняты от ветра.

— Готово? — спросил Петр Садовский.

— Да, включай, — произнес Хрущев.

Стоя на площадке модифицированного прожектора, Садовский включил свет. Электричество потекло по тяжелым кабелям, изогнувшимся дугой перед гигантским зеркалом, и свет вонзился в проплывавшие наверху облака.

Огромное лицо Сталина злобно смотрело на них сверху, и они все с ужасом уставились на него. Изображение нелепо зашаталось, когда облака проплыли мимо.

— Выключи эту чертову штуку! — рявкнул Кривицкий, и свет внезапно потух.

— Поняли, чего я хотел? — спросил Садовский, ступая вниз с контрольной площадки.

— Думаю, поняли, — согласился Акулов.

— Пойдемте внутрь, — предложил Садовский. В его кабинете горели лампы.

— Помнится, до войны были комнаты смеха. Кривые зеркала, — сказал Акулов. — Люди забавлялись, смотря на себя в выпуклые и вогнутые зеркала, которые искажали их, делая толстяками или заставляя дергаться их лица. Сегодняшнее зрелище напомнило мне об этом.

— Там, — яростно указал Кривицкий за окно, — там прямая дорога в лагеря. Смерть шпионам и диверсантам.

— Иван прав, — спокойно произнес Садовский. — Использование неровной горизонтальной поверхности облаков в качестве экрана для проектирования изображения не годится, потому что возможен эффект зеркала. Нужна абсолютно ровная поверхность, совершенно вертикальная. Я думаю попробовать привязанный дирижабль.

— Почему это должно быть прямой дорогой в лагеря, комиссар? — тихо спросил Акулов. — Разве цена, кото-

рой мы выиграли войну, не положила всему этому конец? Разве мы не победили как нацистов, так и террор? Разве мы не сражались за лучший Советский Союз?

— Нет, — коротко ответил Кривицкий. Он снял свои очки в стальной оправе и стал их протирать.

— А мои солдаты думали иначе, — резко сказал Акулов.

— Значит, они скоро поймут, что ошибались, — выкрикнул Кривицкий, — так же, как и твой сын!

Хрущев пристально наблюдал за обоими.

— Алексей? И его товарищи? Да, они в лагерях. Но это из-за Рыкова. Моя вина, моя вина... Я забыл, что этот ублюдок совсем коротышка. Большая часть взрыва пришлось выше головы.

Хрущев опасно посмотрел на Акулова, тогда как Кривицкий только усмехнулся. Садовский чертил схему на листке бумаги и ни на кого не смотрел.

— Это ты взорвал Рыкова? — спросил Хрущев.

— Да, — холодно ответил Акулов. — Он убил мою дочь. Я сожалею только о том, что не провел эту работу лучше. Я искалечил его, а он поймал моего сына и отправил в ГУЛАГ.

— Он попал бы туда в любом случае, — сказал Кривицкий, опять помрачнев. — Ведь твои ребята встречались с американцами на Эльбе?

— Да.

— Контакт с Западом все равно, что контакт с чумой, — кратко пояснил Кривицкий. — Лагеря — это карантин.

— Никакого нового мира?

— Те, кто отсидел срок и освободился, должны быть вновь арестованы, — пояснил сотрудник секретной службы. — Понимаешь, они все еще виновны. Максимальное наказание увеличено с десяти до двадцати пяти лет. Создана новая категория лагерей со «строгим режимом». Никаких одеял, цепи. И есть... другие вещи. О чем тебе не следует знать.

— Что же случилось?

— У него с головой было не в порядке еще перед войной, но сейчас стало еще хуже, — тихо произнес Хрущев. — Болезненная подозрительность, повсюду мерещатся враги.

Акулов прямо посмотрел на Кривицкого. В комнате стояла тишина, только скрипел карандаш Садовского.

— Ты можешь вызволить моего мальчика? Его и двух его товарищей?

— Это бесполезно, — вставил Хрущев. — Я уже про-

сил. У меня там два дяди, тетка и несколько двоюродных братьев и сестер. Я тоже не могу их вытащить.

— Он делает то же самое с собственной родней, — неожиданно сказал Кривицкий. — Он сажает своих родственников. И расстреливает их.

— Может, и моя Галя где-то там, — ровным голосом произнес Садовский из-за стола, все еще не поднимая глаз. Его карандаш был осторожно зажат между ладонью и большим пальцем. — Но никто не говорит мне где.

— Успокойся, Петр Павлович, — почти нежно вымолвил Кривицкий. — Не надо создавать лишнего шума. Это бесполезно. Когда ему велели, Берия лично избил жену Калинина до бессознательного состояния и послал ее в лагерь. Он рассказал об этом Калинину за обедом, сидя на месте Хозяина. Калинин волновался, он не знал, где она, потому что она не пришла домой. Калинин — глава государства, если это чего-то стоит. Жена Поскребышева тоже там. Ее расстреляют. Поскребышев был бесшумным секретарем Хозяина в последние двадцать лет. Ничего хорошего вам тут не светит. Давайте лучше думать, как изобразить лицо Хозяина на облаках или запустить воздушные шары. Это безопасней.

Он встал, чтобы идти.

— Ты мог бы сделать для меня одну простую вещь, — тихо предложил Акулов. — Рыков добрался до моего мальчика через предателя, которому они доверяли. Негодя звали Иосиф Вольф. Для Рыкова он сейчас не представляет большого интереса. Он еврей, а Рыков не любит евреев.

— Я еврей, — сказал Кривицкий.

— Мы все стараемся казаться не тем, кто мы есть. Я украинец, представляющийся русским. Петр Павлович из бывших, притворяющийся большевиком. Никита Сергеевич г'очти притворяется крестьянином. В последнее время я что-то не встречал тебя у синагоги. Поэтому пошли Иосифа Вольфа в лагерь, сделай это как меру предосторожности для меня. Куда-нибудь туда, где мой сын и его товарищи смогут встретить его.

Кривицкий улыбнулся, что бывало нечасто.

— В следующий раз не забудь, что Рыков маленького роста. И стал еще меньше, когда вы сняли с него половину скальпа.

— Можешь быть в этом уверен, — ответил Акулов.

Кривицкий повернулся и двинулся к лестнице.

— Твоя жена, — сказал он на ходу Акулову, — была подругой Рут Ганзберг. Скажи ей, что Рут теперь в Англии.

— В Англии? — удивленно повторил Акулов.

— Она пробралась через зону ночью. Крепкая баба. Кривицкий пошел по ступенькам вниз. Хрущев последовал за ним. Послышался шум отъезжавших машин.

— Поедем на лифте, Петр Павлович?

— Я не поеду, Иван Иванович, — спокойно ответил Садовский. — Я живу здесь. Там, где и работаю.

— Здесь? — Акулов оглядел неказистый кабинет.

— Нет смысла куда-то идти. Никакой причины. Ничего и никого.

— У тебя есть здесь водка?

— Водка? Конечно. Огненный огнетушитель. Я употребляю ее против своих мечтаний.

— Доставай. Я выпью с тобой перед уходом. Знаешь, в Сталинграде мы пили авиационную охлаждающую жидкость. Профильтровывали ее через противогазы.

Садовский налил две стопки и, наконец, поднял глаза.

— Это на самом деле нелегко, Иван Иванович, быть обязанным разговаривать с ними. Я танцевал «стойку» для Кривицкого, и он отправил Анну в парилку. Теперь он призывает меня и заставляет придумывать новые иконы для поклонения.

Он опрокинул в себя стаканчик и вновь наполнил его. Его глаза увлажнились.

— Мы бы не пустили Кривицкого в клуб в старые времена.

— Нет, — согласился Акулов.

— Он не того сорта.

— Да, он не того сорта, — подтвердил Акулов.

* * *

Курсанты толпились в небольшой комнате и рассаживались по деревянным стульям с той же остротой возбуждения, которую будущие врачи ощущают, впервые попав в операционную, или будущие юристы, придя в суд. Они были сотрудниками секретной службы и находились в священном месте.

Это была комната пыток.

Тяжелый занавес закрывал нишу на другом конце комнаты. Большие дуговые лампы стояли незажженные, обозначая проход. Дверь открылась, и вошел офицер. Он прошел мимо них нелепой шаркающей походкой и положил зеленую фуражку на стол, где обычно лежали безобидные инструменты, вроде паяльника.

— Доброе утро, — сказал он. — Я — капитал Петров. Андрей Петров. Я здесь, чтобы дать вам урок по искусству получения признания.

В первом ряду Ольга Константинова, одетая в прилегающую голубую юбку и тщательно отутюженную белую рубашку с красным галстуком, ощутила внезапное разочарование. Она подняла руку.

— Капитан Петров, скажите, пожалуйста, где товарищ Савинкова? Она сказала нам вчера, что эту часть курса будет преподавать лично она.

Петров приятно улыбнулся.

— Да, это так. Она скоро примет участие в уроке. Я проведу только вводную часть.

Удовлетворившись ответом, Ольга села назад на свой стул.

— Я многое знаю о допросе, — сказал Андрей Петров. Его лицо помрачнело, и он посмотрел на них на всех.

— Я действительно это знаю. Я знаю больше, чем вы могли бы поверить.

Он поднял одну ногу от пола и снял туфлю и носок. Его бледная ступня заканчивалась пурпурной массой рубцов. На ней не было ни одного пальца. Он снова обулся, когда они посмотрели.

— Я потерял их на Колыме, — сказал он, — вот почему у меня такая смешная походка.

— Вы служили в охране, капитан Петров?

— Нет, — ответил он, — я был заключенным.

Они смотрели на него, совершенно сбитые с толку.

— Хотите знать, как это вышло? Я расскажу вам. Около восьми лет назад я был офицером НКВД и работал здесь, в этом самом здании. То было время большой активности, когда мы разоблачили очень много шпионов западных держав. И, конечно, в такие времена случается, что невинный человек, добросовестный и честный член партии, мог оказаться случайно сметенным вместе с грязью. Конечно, наш прямой долг следить, чтобы, если такое случится, невинный человек был бы освобожден и возвращен к исполнению своих обязанностей.

Все они серьезно, сурово и одобрительно закивали головами.

— Однажды я столкнулся с таким делом. Это был армейский офицер высокого звания. Мои сомнения усилились, потому что вместе с коллегой — с тем, кого я считал коллегой, — я допрашивал офицера неделями и не мог добиться признания. Он твердо заявлял о своей невинности и добился в результате, что я убедился в его невинности и предложил передать дело начальству.

Его взгляд обежал ошеломленных юнцов.

— В тот самый день меня самого арестовали.

Они тяжело дышали. Все, как один.

— Меня обвинили в том, что я английский шпион, и допрашивали. Будучи преданным членом партии, я настаивал на своей невинности.

Страстное негодование начало пылать в хорошо сформированной груди Ольги Константиновой. Это было чудовищно!

— На меня донес мой собственный коллега. Мой товарищ-офицер, который вырвал мне ногти на ногах, когда я решительно заявлял, что я невиновен, и сломал мне пальцы клещами, один за другим.

Ольга молча иступленно колотила кулаком по колену.

— В конце концов, меня, так и не подписавшего ложное обвинение, отправили на Колыму. Там я отморозил искалеченные пальцы. Но... — Петров поднял в воздух сжатую по-партийному в кулак руку. — Но я оставался в душе офицером НКВД и преданным слугой партии. Гитлеровские фашисты вторглись к нам, и партия нуждалась во мне. Во время войны я служил в СМЕРШе, то есть я смог вернуться к своему случаю. Я оказался прав. Армейский офицер, которого мы допрашивали, был не виновен. С него сняли все обвинения, и он вернулся к активной деятельности, сражался с немцами и дослужился до генерала. Итак, кем же был мой коллега, который ложно донес не меня?

— Он сам был шпионом, а не вы! — возбужденно выкрикнула Ольга, и рокот одобрения поддержал ее.

— Ты права, — сказал Андрей Петров, — но я должен теперь получить последнее доказательство его шпионской деятельности, допросить своего бывшего коллегу и получить окончательное признание. В этом будет состоять наше практическое занятие.

Он повернулся и показал на занавес.

— Здесь — обвиняемый. Через минуту мы начнем допрос.

Они гневно смотрели на занавес, лютая ярость кипела в их сердцах.

— Что же я обнаружил? — спросил Петров. — Я обнаружил, что у моего коллеги есть брат, который был арестован за то, что помог бежать шпиону.

Он с улыбкой развел руки.

— Да, вы знаете, как нелегко ускользнуть шпиону на Запад прямо у нас из-под носа. Тут необходима особая помощь.

Он наклонился к ним, и они в ответ подались к нему.

— Мы должны выяснить, как это было осуществлено, — прошептал он.

Он подошел к занавесу и отдернул ее. Там, привязан-

ная крепкими кожаными ремнями к тяжелому деревянному стулу, сидела Роза Савинкова. Во ту у нее торчал кляп, а ее глаза вылезли из орбит от страха. Она была совершенно голая. Орден Ленина висел на левой груди, приколотый прямо к телу.

— Вот предатель, — пробравшийся в наши ряды, — произнес Андрей. Он поднял клещи.

— Начнем? — предложил он.

Дикая ненависть, которой она никогда раньше не чувствовала, взорвалась в сердце Ольги Константиновой, и она вскочила на ноги.

— Разрешите мне! — крикнула она. Она вытащила кляп изо рта Розы и опустилась на колени к ее ногам, в то время как та стала вопить.

— Ты мерзкая куча мусора, — крикнула Ольга. Капли слюны упали на голые ноги перед ней, и она захватила палец ноги в клещи и сжала их со всей силой. Брызнула кровь, когда она снова и снова размалывала палец.

— Говори, ты, куча дерьма!

В военном магазинчике потом они пили настоящий кофе. Капитан Петров угостил ее чашечкой кофе и сидел рядом с ней за столиком. Ее коллеги сидели неподалеку, смотря на нее с тайным восхищением. Ее белая рубашка была забрызгана кровью предательницы. Она никогда не будет стирать ее, а сохранит как священную реликвию, как талисман, на память о первом полученном ею признании...

Колыма, октябрь 1946

— Савинкова? Ты Савинкова?

Роза подняла глаза от рубашки, которую гладила. Какая-то заключенная вошла в прачечную.

— Да, — холодно произнесла она. У нее все еще были друзья. В то время как их, эту преступную орду, которую она презирала, вывозили на свирепый мороз, на встречу с топорами и бревнами, она работала в тепле прачечной. Это было устроено специально. Она не знала, кто это сделал, но это был знак. Кто-то наверху помнил, кто она и что она — одна из них. Она должна была только ждать.

— К вам делегация, — робко сказала женщина, — от товарища Сталина.

Наконец-то! Она отбросила плоский утюг на доску. Он упал на пол, но она и не подумала его поднимать.

— Понятно? — воскликнула она, торжествуя. — Понятно? Он послал их, чтобы вернуть меня. Я верила ему,

и он восстановил справедливость. Он знает, что я преда-
на ему!

Прачки и другая гладильщица молча посмотрели на нее и вернулись к работе.

— Не стой здесь, ты, грязная куча дерьма! — рывкну-
ла она. — Веди меня к ним.

— Да, конечно, — пробормотала женщина. Она по-
вернулась и пошла. Роза Савинкова, прихрамывая, последовала за ней. Как всегда, ноги остро напоминали ей, что с ней случилось.

— Вот теперь-то я заставлю их за все расплатиться! — торжествующе рычала она.

Они направились через двор к кирпичному зданию администрации. Женщина открыла дверь, и они вошли.

— Мы срежем здесь.

Они миновали один коридор, другой и вошли в невысокую дверь. После морозного воздуха жар и запах горящего угля ощущался, как удар. Кучи угля высились вокруг, и несколько чумазых оборванных женщин кидали его в топку, что нагревала котел отопительной системы административного здания.

— Что за чертовщина? — огрызнулась Роза. — Где делегация от Сталина?

— Мы здесь, Савинкова...

Она повернулась к дверям. Но ее уже обступили эти черные от угольной пыли женщины.

— Мы здесь, — сказала одна, и остальные загудели в знак согласия. — Сталин нас всех послал сюда.

— Выпустите меня! — воскликнула она, внезапно испугавшись, но они улыбались, окружив ее.

— Разве ты нас не узнаешь? — кричали они.

— Нет! — орала она, но страшные улыбки растягивали их рты еще шире. Их жуткие костлявые руки схватили ее и потащили к самой длинной доске, какую они смогли найти.

— Нет, ты нас знаешь, — уверенно говорили они. — Ты нас знаешь. Мы твои старые знакомые.

Они прибили ее ржавыми гвоздями к доске и водрузили доску, прислонив к куче угля.

— Ты знаешь меня, — сказала одна из них. — Вспомни, как ты пытала меня и заставляла моего мужа наблюдать за пыткой.

У нее в руках оказался кусок сломанной пилы с толстым обрубком ветки вместо рукоятки, и она отпилила пальцы на левой руке Розы и бросила их в топку. Роза ужасно кричала. Но никто не пришел.

— Ты знаешь меня, — сказала другая. — Ты смеялась

мне в лицо, когда я умоляла тебя оставить на свободе моего мальчика. Он умер в вагоне... ему было три года.

Она отрезала пальцы на другой Розиной руке. Стены были толстые, и топка громко редела. Никто не слышал ее криков, кроме ужасных черных женщин.

— Ты знаешь меня. Ты разрешила мне держать при себе моего грудного ребенка, пока у меня будет молоко. Ты знала, что оно скоро закончится, — сказала третья.

У нее был нож, изготовленный из консервной банки и заточенный на камне, и она отрезала этой заточкой груди Розы.

Еще одну женщину подвели к ней по окровавленному черному полу.

— Ты знаешь меня, — сказала она. — Ты била меня по глазам, пока я не ослепла.

И она протянула к лицу Розы свои клешнеобразные руки.

Потом подошла еще одна.

— Ты знаешь меня, — сказала она. — Я была беременна, и ты била меня ногами в живот, пока не случился выкидыш.

Она всадила нож из консервной банки промеж ног Розы так глубоко, как только смогла.

Потом они подняли доску с кровавым месивом и медленно засунули ее в топку.

Река Печора, октябрь 1948

Шестьдесят метров под землей. Уши Сергея страшно замерзли. Всему телу было очень холодно в худой одежке, потому что дыра, в которой он рубил уголь, промерзла. Она всегда промерзала. Даже летом, когда наверху земля размягчалась и украшалась небогатой растительностью, в шахте было холодно.

А сейчас была поздняя осень. Наверху начал дуть злой резкий хановой, король здешних ветров. Он проникал под лохмотья шахтеров-зеков, в которые они кутались, как закутывают в тряпье сабли на востоке. Тех, кто родился в нежных краях, хановой убивал за несколько недель.

Уши Сергея очень мерзли, и он злился. Голове тоже было холодно, потому что большая часть его волос выпала, как, впрочем, и зубы. На это он тоже злился. Он привык носить головные уборы, особенно зимой.

У Иосифа Вольфа шапка была. Это была мерлушковая шапка, глубокая и вместительная, облежавшая голову до

основания затылка, с длинными меховыми ушами, которые можно было опустить на собственные уши и завязать под подбородком. Еще у Вольфа были унты до колен на собачьем меху, меховые рукавицы и телогрейка, которая защищала от резкого ветра. Сергей знал это, потому что Вольф похвастался. Одежда негодяя была действительно настолько теплой, что он снял и повесил свою телогрейку на крючок, наблюдая в лифте, как зеки медленно счищают уголь с лиц, поднимаясь вверх. Сергей закашлялся в морозной сырости и скорчился, сплюнув мокроту. Она была окрашена кровью и углем.

Гудок противно и гнетуще завыл снизу — из ствола шахты. Сергей взвесил рукой свою кирку и тяжело поплелся туда, где стоял Вольф на своих тепло обутих ногах, в стороне от главного лифта-подъемника. Два огромных ствола деревьев, сплавленных с расположенного недалеко к югу лесоповала, подпирали вход, и Вольф стоял опершись спиной на один из них. Телогрейка опять висела на гвозде, негодяю и так было тепло.

Уголь настолько промерзал, что требовался большой замах кирки, чтобы отбивать его. В него приходилось вкладывать вес всего тела. Сергей поднял свою кирку на плечо, придерживая ее обеими руками.

Вольф обращал на него внимания не больше, чем на других, хотя сразу узнал его. Все заключенные выглядели одинаково, измазанные углем, в каком-то грязном тряпье, худые, молчаливые. Сергей немного наклонился, будто от слабости, и неожиданно взмахнул огромной вытесанной рукоятью со всей силой. Такого жесткого звука, как при вырубании угля, не последовало. Скорее это было похоже на удар в мешок с влажным песком. Потом было что-то вроде хруста и глухой удар по дереву, когда кирка прошла сквозь Вольфа и вонзилась в ствол сзади него, пригвоздив его, как бабочку к картону.

Вольф только хрипло булькал, пока Сергей снимал с его головы замечательную меховую шапку. Потом он быстро стянул с мерзавца теплые унты и штаны, чтобы они не измазались кровью. Выкатившиеся глаза Вольфа смотрели на него со страхом и непониманием. Он начал булькать шумно, кровь брызнула у него изо рта, замерзая, когда дотекала до его голой груди. Сергей надел телогрейку и взял автомат ППШ, убедившись, что он больше никогда не понадобится Вольфу.

Зеки собрались возле лифта. Среди них были Алексей с окровавленным заступом, был полковник Карпов, надевший телогрейку охранника, такую же, какую приобрел Сергей. Был там и Владимир Савинков. Он исполь-

зовал сплетенную из тряпок веревку, чтобы задушить своего охранника, и петля еще висела в его руке.

Они похлопали Вольфа по лысой голове, когда забрались в лифт, и оставили негодяя умирать в холодной темноте. Они стояли на переднем крае большой платформы, медленно поднимавшейся к поверхности земли. Решетчатые ворота загремели, и они кинулись на лениво ожидавших охранников, быстро разрубив их головы кирками, чтобы не повредить теплую одежду.

Потом они двинулись в лагерь, как делали это всегда. На первом пропускном пункте их ждал Самсонов. Они остановились и положили куски угля, собранные в шахте, как делали это всегда. Большую часть охране, немного — зекам для печек. Самсонов наклонился, чтобы собрать их, как это делал всегда, колонна двинулась, и Алексей, замыкавший ее, одним ударом кирки обезглавил его. Все испытали искреннюю радость, видя Самсонова укороченным на голову, а его кровь стекающей в снег.

Сергей, шедший первым, уже взбирался по лестнице на наблюдательную вышку. Скучающий охранник едва успел оглянуться, как Сергей распорол его горло от уха до уха большим охотничьим ножом, который обнаружил в кармане Вольфа. На вышке был закреплен тяжелый пулемет Дегтярева-Шпагина, и он ликвидировал часовых на трех других вышках тремя короткими очередями. Пока охранники выбегали из своих помещений, зеки вооружились. Они покончили с охраной на плацу и погнались за несколькими убежавшими.

Когда все было закончено, Алексей, Сергей и Владимир отправились в баню. У охраны имелась парная баня, и она была полностью в их распоряжении. Они блаженствовали в удивительно горячем очищающем воздухе парилки и наблюдали, как каждая пора их кожи источает черный пот. Алексей нашел бутылку водки, и они, выходя в предбанник, понемножку пили из граненых стаканов.

— Сначала мы освободим лесозаготовительный лагерь, — сказал Алексей. — Потом двинемся на Котлас. Там есть взлетное поле и станция железнодорожной линии. На Москву.

— Мы поедем в Москву? — спросил Сергей.

— Конечно. Мы должны разделить, чтобы иметь больше шансов. Я полечу самолетом, а ты сядешь на поезд, Сергей. А как ты, Володя?

— Я пойду пешком. Я партизан и хороший ходок. Что я должен делать, когда дойду до Москвы, Алексей?

Алексей поднялся и опрокинул шайку воды на раскаленные камни. Новые клубы пара окутали их, из него доносился голос Алексея.

— Что ж, если я не смогу сделать это, то это совершит Сергей, когда придет. А если у него не выйдет, ты доберешься и сделаешь это.

— Сделаю что?

— Убьешь Сталина, что же еще? А сейчас пора выпить!

* * *

Владимир убил коменданта лесозаготовительного лагеря очень тихо, проскользнув бесшумно в окно за его спиной, пока тот в ужасе смотрел на труп своего охранника в прихожей. Он перерезал ему горло и, когда комендант умер, он осмотрел его ногти и был доволен тем, что, как он и надеялся, они оказались длинными и ухоженными, как у всякого культурного человека. Используя скальпель, который он прихватил в лазарете, он стал снимать их с пальцев мертвеца.

Пока Алексей и Сергей рыскали в поисках провизии и боеприпасов, Владимир взял в ванной комнате коменданта бритву и мыло. В гардеробе он обнаружил толстый плащ, брюки, туфли и ваксу. Он добавил к этому имуществу блокнот с ручкой, спички, табак, курительную трубку с черным черенком и геологический молоток и сложил все это в рюкзак, где уже лежали рубашки, носки и свежее нижнее белье.

В лазарете он нашел очки в черепаховой оправе в портфеле, и их он тоже прихватил, как и все деньги, какие он смог найти. Потом он долго принимал ванну с ароматизированной солью. Далее он приступил к тонкой работе — для того, чтобы наклеить длинные твердые ногти коменданта на свои обломанные в шахте короткие ногти, понадобилось много времени.

Когда зеки-солдаты покинули лагерь, основательно вооружившись, он был уже в пути. Он двинулся в обратную от моря сторону, к Якутску, идя оленьими тропами и по следам лошадей.

Дойдя до поселения, он немного задержался, чтобы открыть свой рюкзак, а затем уверенно вошел в отделение милиции, попыхивая трубкой. Сельский милиционер посмотрел на него и почтительно встал.

Владимир взглянул на него из-под очков с дружелюбным видом.

— Яновский, — представился он вежливым тоном,

держала свою трубку в руке. — Профессор Яновский из Академии наук, из Москвы. Меня послали для проведения важной секретной работы. Я геолог и прошу вашей помощи в найме нескольких рабочих для ведения земляных работ...

— Конечно, товарищ профессор... — с готовностью ответил милиционер. Он порылся в своем кармане и вытащил спички. Они вышли наружу, и Владимир раскурил свою трубку и выдохнул в воздух чудесный аромат.

Издали слабо донеслись раскаты грома. Милиционер не обратил на них внимания. Но Владимир знал, что это не гром, и улыбнулся, погладив свой выбритый подбородок длинным чистым ногтем и показав жестом трубки, что милиционер может сопровождать его.

* * *

Алексей и Сергей добрались до места. Голые горы остались позади. Они пробирались через бревна, а за ними шли те, кто их заготовил. В лесозаготовительном лагере остались только трупы тех, кто недавно управлял им — охранников и урок. Группа тех, кто двинулся к городу, состояла только из военных. У них было столько огнестрельного оружия, сколько они обнаружили, и в придачу топоры, штыки, ножи, коктейли Молотова*, палки гелигнита**. У Алексея на бедре также висела полная фляжка водки.

— Наивно надеяться, что ты будешь просто шататься по Красной площади с автоматом и откроешь по нему огонь, когда он будет направляться на работу, — сказал Алексей. — Надо точно знать, когда и где он будет, а это требует специальной разведки. Важен выбор подходящего оружия. Владимир всегда предпочитал бомбы. Он таким способом отправил на тот свет генерала Шмита — подложил бомбу ему в кровать. Генерал лег в постель с любовницей, и, наверное, на секунду ему показалось, что он величайший искусник в любовных делах.

Жестокие улыбки прорезали их лица. Они вышли из-за деревьев и стали переходить дорогу, которая оказалась на удивление чистой.

— Твой отец генерал, — поделился своим соображением Сергей, — он мог бы помочь раздобыть секретные сведения. Он наш единомышленник. И нам нужен такой человек, который, когда все совершится, просто объяснил

* Коктейль Молотова — зажигательная смесь, использовалась для поджога танков.

** Гелигнит — взрывчатое вещество.

людям, что дела в стране не заладились с того самого момента, когда Ленин стал называть людей товарищами, и что надо избрать другой путь, более схожий с человеческим. Если все люди выйдут на улицы и потребуют этого, все на свете чекисты не смогут остановить их.

— Да, так... Но что это, Сергей?

В воздухе послышалось слабое жужжание.

— ПО-2, — резко ответил Сергей. Нельзя было не узнать этот шум взбесившейся кофемолки.

— В укрытие! — выкрикнул Алексей. Они находились на открытом месте, и сзади них люди кинулись искать неровности и ямы, куда можно залечь. Сергей услышал работающие двигатели грузовиков и увидел, что Алексей метнулся назад, к деревьям.

Затем над их головами показался легкий бомбардировщик. Вглядываясь в серое небо среди переплетения корней, Сергей разглядел пилота, выписывавшего круги. Маленький биплан шел низко, и он увидел, как пилот что-то говорил по радиосвязи. Самолет полетал-вокруг, низко, но вне пределов досягаемости, и вскоре они услышали низкий гул больших пропеллеров. ПО-2 возвращался на высоте около пятисот метров. Он пролетел над их линией и сбросил серию бомб. Сергей услышал их глухой удар о землю, хлопок и свист, когда они разорвались. Желтый дым стал подниматься над их позицией.

Три транспортных самолета ЛИ-2 пролетели мимо, и в миле от них раскрылись белые парашюты. Они видели маленькие темные тени парашютистов, стремительно опускающиеся неподалеку. Разрозненные парашюты плыли над опустошенной землей. Несколько — с парашютистами, а большие — с контейнерами. Сзади слышались отрывистая команда полковника Карпова, размещавшего свои силы, и рев двигателей «студебекеров», когда грузовики медленно двинулись на огневую позицию.

— Так чего же они ждут? — пробормотал Сергей.

Алексей наострил уши. Гул разведывательного самолета все еще ясно слышался.

— Я бы сказал, что они ожидают авиацию.

Сергей увидел клубы дыма и услышал, как пронеслись мины со своим «ш-ш-ш» и упали на землю.

— Вперед, — заорал он, ибо при артобстреле следует бежать вперед, это аксиома. Если бежать назад, снаряд взрывом сбивает навзничь. Ряд бойцов поднялись с земли. Пятьсот изголодавшихся мужчин, которые знали, как надо вести бой.

Алексей остался там, где был, и Сергей подумал, что он, должно быть, знает, что произойдет. Он слышал

тяжелую дробь пулеметов ДШК и треск, как от крыльев ветряной мельницы, рядом с ухом. Первый штурмовик пронесся у них над головами с ревом, его стрельба напоминала распарывание холста. Грязь, плоть и кости взметнулись в воздух. Сергей побежал, и песок заскрипел у него на зубах. Он передвигался между взрывами от ямы к яме, пытаясь скоординировать свои перебежки с разворотами штурмовиков, которые посылали на убивающую землю тяжелый огонь. Пилоты вели машины низко, поворачивая штурвал то налево, то направо.

Дым поднимался над полем сражения. Было трудно понять, что происходит, из-за всеобщего шума, треска огнестрельного оружия, тяжелых ударов минометов и завывания двигателей самолетов. Дым неожиданно осветился оранжевым светом, когда подъехал один из «студебекеров». У Сергея возникло чувство, будто Алексей уходит влево. Он услышал лающую команду впереди себя, услышал разрыв миномета. Он вытащил палку гелигнита из своего мундира и зажег его от папиросы. У коменданта было прекрасное снабжение, и Сергей о себе позаботился.

Грузовик взорвался с таким грохотом, что заставил его изумиться. Куски плоти и железа посыпались на него. Он рванулся вперед и проскочил через дымящуюся воронку. Какая-то сволочь выстрелила, и что-то ударило его в бок. Он вел ответный огонь, пока автомат не замолчал и шум не смолк.

Впереди было тихо. Шум стрельбы и крики умиравших затихали вдалеке, когда он уходил.

* * *

«Студебекер» горел, и боль опаленной кожи привела его в чувство. Шума битвы больше не было слышно, но он различал голоса. Алексей рывком поднялся и метнулся прочь от подорванного грузовика. Глянув вниз, он увидел офицера НКВД, который, уперев руки в бока, обзревал сцену, окруженный подчиненными.

Алексей ощутил кровь в горле. Дым рассеялся, и он увидел мертвые тела, раскиданные на жесткой земле. Он открутил крышку своей фляги и хлебнул большой глоток, почувствовав обжигающее пламя и чудесную приятность в горле. У него еще была палка гелигнита. Он наклонился, преодолевая боль, и зажег запал от горящего грузовика.

Он поднял руки вверх, и выражение тревоги на лицах сотрудииков НКВД исчезло в мгновение. Всего лишь один

выживший, перепуганный зек. Они показательно расстреляют его сами.

Он пошел прямо к ним и крепко обхватил руками офицера...

* * *

Сергей вышел к железной дороге, к той, по которой возили уголь из Воркуты, уголь, который он добывал, по дороге, которую построили зеки. И именно там его обнаружили до зубов вооруженные солдаты-охранники. Он видел ожидавший на путях поезд.

Они расхохотались, когда он подходил к ним весь в крови и шатаясь.

— Куда вы желаете поехать? — насмешливо спросил сержант.

— В Москву, — ответил он, удивившись, что его спрашивают.

— А по какому же делу?

— Убить Сталина, что же еще? — ответил он. — Он все это устроил.

— Конечно, — серьезно произнес сержант. Лучше быть вежливым, если имеешь дело с сумасшедшим. — Но в таком случае я вынужден задержать вас.

Он прошел мимо них, пар струился у паровозных колес.

Он не слышал выстрела, просто шпала поднялась и ударила его. Алая кровь хлынула у него изо рта.

Паровозный гудок засвистел, и поезд тронулся.

— Подожди, — шепнул Сергей, — подожди меня...

Лондон, ноябрь 1948

Странная женщина снова сидела возле его старенькой неказистой церкви на холоде. Скоро стемнеет, — была зима. Он должен был готовиться к вечерне, поэтому он надел пальто поверх рясы и вышел наружу.

— Разрешите мне присесть, — вежливо сказал он.

Он говорил по-русски, и она ответила ему на том же языке.

— Это ваша скамья, батюшка, — коротко произнесла она. — Вам не надо просить у меня разрешения сесть.

— Вы сегодня надели свои награды, я вижу.

— Сегодня меня наградили еще одной, — сказала она. Она указала через дорогу на высокую стену, за которой высились массивная конструкция дворца и облетевшие верхушки деревьев.

— Мне вручил ее король.

— Которую из них?

— Вот эту, — показала она.

— Не хотите ли войти? Я видел, что вы иногда сидели здесь и раньше. Наш храм, может быть, не слишком роскошен, но я вас приглашаю.

— Нет, благодарю вас.

— Кто вы? Я — настоятель этого храма, приехал сюда после гражданской войны. С тех пор я здесь. Меня зовут отец Владимир.

— Меня зовут Рут. Рут Ганзберг. Я живу на Бэйсвотер, но иногда я прихожу сюда посидеть, как вы заметили.

— Не хотите ли побывать на богослужении?

— О, нет. Я бы не смогла, — возразила она.

— Почему так?

— Моя подруга Елена говорит, что, когда в храме собираются люди, там присутствует Сам Господь. Я боюсь встречи с Богом. Поэтому я прихожу к храму, когда там нет людей. Я боюсь Его.

— Почему вы боитесь Бога? — мягко спросил он. — Он милосерден.

Она открыла сумочку и вынула пачку сигарет.

— Вы курите? Нет? И мне бы следовало бросить.

Она зажгла сигарету и выпустила дым, когда мимо прогрохотал автобус номер шесть.

— Почему вы боитесь Бога?

— Из-за всего, что я совершила... И из-за того, чего не совершила... Я наблюдала, как их сажают в поезд и увозят. Поэтому я здесь, а они там. Я искалечила душу своей дочери... Я предала Павла... Для Эбинизера Скруджа* приготовили огромную цепь, которую он должен будет тащить после смерти. Когда я умру, моя цепь будет из костей и черепов...

— Ордена, «Croix de Guegге»**, я вижу, и еще один — «Крест короля Георга». Я знаю их оба. Их вручают достойным людям.

— Суета. Но я люблю их. Я пытаюсь исправить ошибку.

— Если вы не придете в Божий храм, он сам явится к вам, — он встал над ней. — Спаситель мира. Князь не этого мира, князья этого мира всего лишь смертные...

Она вздрогнула от страха...

Москва, декабрь 1948

Они теснились ближе к священнику, вслушиваясь в простые и торжественные слова богослужения. Почти весь приход состоял из женщин, и они заполнили маленькую церковь, согревая ее своим теплом. В тесноте, когда люди стоят, касаясь друг друга, Елена оцущала присутствие Бога. Это была простенькая церквушка, по-настоящему бедная, с простым алтарем, обычными потемневшими иконами, без витражей и колонн. И отец Виталий был простым деревенским батюшкой, но это не имело никакого значения. Если люди собрались вместе ради Иисуса Христа и их больше трех, Он пребывал с ними, как обещал, и Его именем и властью отец Виталий отпустил ее грехи.

Отец Виталий был в партизанском отряде, поднимая дух православных в тяжелое военное время. Партия не имела ничего против, чтобы Церковь укрепляла народный дух, вдохновляла православный люд на борьбу с чужеземцами. Теперь, когда война окончилась, он продолжал служить Богу, всем нуждающимся и обремененным. Однажды партия явится к нему, закроет маленькую церковку и заберет его.

* Эбинизер Скрудж — скряга из «Рождественских повестей» Чарльза Диккенса, — «Рождественская песня в прозе» (Святочный рассказ с привидениями).

** Croix de Guegге (франц.) — боевой крест.

Елене была невыносима мысль о том, что этот день наступит. Она знала, что без Божьего утешения она сойдет с ума. Поэтому она стояла вместе с другими женщинами, покрытыми платками, и древние, знакомые с детства слова омывали все ее существо. Когда служба закончилась, она вышла со всеми на заснеженную улицу. Некоторые женщины сразу становились в хвост одной из многочисленных очередей. Основная часть дня была занята стоянием в очередях за едой, поэтому стоило начинать стояние как можно раньше. На площади рабочие устанавливали новый портрет Сталина. Внизу виднелась надпись: «Великий вождь и учитель живет, думает и работает для нас». В Кремле всю ночь горели огни, чтобы укрепить веру народа в постоянное бдение вождя на своем посту. Елена была одна из немногих, кто знал, что он не покидает Кунцевскую дачу, обитая за двойными стенами под защитой охраны и свирепых псов.

Между двумя зданиями, образовавшими небольшую нишу, в которой можно укрыться от ледяного ветра, на маленькой самодельной тележке сидел безногий ветеран войны. Те, кто имел работу, жили в бараках и даже в старых контейнерах и считали, что им повезло. Яркие цвета его орденских ленточек составляли грустный контраст с голубоватой бледностью его лица. Она видела его летом сидевшим на солнце, с распахнутой на груди рубахой. На груди был вытатуирован портрет Сталина, но Елена сомневалась, что ей снова доведется увидеть этот знак почитания. В лагерях люди становятся настоящими специалистами в оценке вероятности продолжительности любой жизни, и чутье не изменяло ей. Она опустила несколько копеек в тележку, и он перекрестил ее. Она перешла дорогу, и шипящий черный партийный лимузин обдал ее грязью, когда она шагнула на тротуар.

Дома ее ждал Иван. Их внук, его тезка, был в школе, и еще не пришло время идти за ним.

— Я не ожидала увидеть тебя дома, — сказала она, целуя его. — Когда приехал?

— Телефонная связь не работала. Я просто сел на самолет и прилетел, — он сходил на кухню и вернулся с чашками чая. — Ты была в церкви?

Она кивнула, смотря на него своими серыми спокойными глазами:

— Знаешь, если бы только каждый вышел и народ запрудил бы улицы, Бог явил бы себя. Его власть заставит пасть Кремлевские стены, Он выведет нас из этой темной долины.

— Возможно, — сказал Акулов, — но МГБ и МВД тоже придут. Они расстреляют народ из пулеметов.

— Бог сильнее их, — пробормотала она.

— Моя дорогая, — тихо произнес Акулов, — я думаю, что тебе пришла пора умереть.

Она остро взглянула на него. Они уже обсуждали это, и она знала, что он имеет в виду.

— Если надо уехать, мы должны уехать вместе. Я не хочу жить без тебя, Иван.

— Меня не спрячешь, — спокойно сказал он. — Я генерал. А тебя можно спрятать.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет! Я не могу.

— Ты должна, Елена, ради маленького Ивана Владимировича. Если придут за нами, то его тоже заберут. Они поместят его в детдом. В какую-нибудь ужасную тюрьму в Акмолинске или Ашхабаде, и даже если и он, и мы выживем, мы никогда его больше не увидим. Но вас — тебя и его — можно спрятать.

— Но почему сейчас, Иван?

— Я боюсь Рыкова.

— Рыков забрал Алексея, но он не в силах добраться до нас. У тебя достаточно власти, чтобы защитить нас, — возразила она.

— Я боюсь Рыкова, — упрямо проговорил он.

Елена посмотрела ему прямо в глаза.

— Скажи мне, что случилось? — твердым голосом спросила она.

— Я получаю письма... от людей, с которыми служил. Они до сих пор сворачивают их треугольниками, без конвертов, как во время войны. Я получил письмо от одного человека. В нем был один адрес в Кирове, куда я должен был поехать незаметно и в штатском. Я нашел Владимира.

— Владимир в ГУЛАГе! — прошептала она.

— Он сбежал. Он выбрался.

— Но каким образом он сбежал с шахт? — Страх охватывал ее, и слова с трудом срывались с губ.

— Был бунт, — тихо ответил Иван. — Зеки восстали и убили охрану. Алексей, Сергей и Николай возглавили их. Владимир решил уходить пешком. Он выдавал себя за геолога и добрался до Кирова, хотя это заняло у него два месяца. Другие пошли на Котлас, но против них послали воздушный десант и пикирующие бомбардировщики. Все погибли в жестоком бою.

— Алеша, Алексей Михайлович погиб, — обреченно вымолвила она.

— Перед смертью он взорвал динамитом группу бойцов МГБ.

Она закрыла глаза.

— Это моя вина, — прошептала она и встряхнула головой.

— Теперь Рыков придет за нами. Я уверен, — сказал Иван.

— Как же мы спрячемся, Ванечка и я? — печально спросила она.

— Думаю, вместе с Володей. К тому же Иван будет со своим отцом, и это тоже хорошо.

— Ты сам не сможешь это устроить, — возразила она.

— Нет. Тут нужен человек с реальной властью, такой, как Кривицкий.

Она вздрогнула.

— Идти в Чека за помощью — все равно что просить гарантию смерти.

— Не обязательно, — сказал он. — Кривицкий во мне может тоже нуждаться.

Она посмотрела невидящим взглядом в окно. Рабочие водружали новый плакат под большим портретом вождя: «Нет ничего более ценного, чем человек».

— Нужен храм, — сказала она. — Где бы то ни было, если там есть храм и священник, там будут и люди, и тогда среди них будет Бог.

Леса Старицы

Акулов вынул ружье из чехла и повесил его через плечо. Свежий снег падал с сосен, задерживался на капоте черной машины и таял. Скользкие дороги и грязный воздух Москвы остались позади. Он был в глухой местности.

Тепло одетый, он шел по тропе, и его сапоги скрипели на снегу. Запах дыма от горящих дров показал ему направление. Сквозь деревья он увидел на поляне маленький охотничий домик. Вдоль расчищенной и протоптанной дорожки стояли столбы с электрическими и телефонными проводами. Те, кто пользовались домиком, были влиятельные люди, им необходимы были комфорт и связь, когда они предавались деревенским удовольствиям.

Он взошел на веранду, потопал сапогами, стряхивая снег, и вошел внутрь. У горящего камина стоял Кривицкий.

— Мне нужна услуга, — сказал Акулов. — Надо, чтобы три человека исчезли.

Кривицкий тонко улыбнулся.

— В свое время с моей помощью исчезло много людей. Ты это имеешь в виду?

— Я тоже многих отправил на тот свет, — грубо ответил Акулов. — Они исчезали бесследно в кровавом месиве и грязи отсюда до Берлина. Но это не то, что мне надо. Я хочу их спрятать, чтобы они были целы и невредимы.

— Кого?

— Жену Елену, внука Ивана и его отца Владимира.

— Зачем?

— У нас особый враг — Рыков.

Кривицкий отвернулся к огню.

— Я знаю Рыкова. Но почему ты думаешь, что он может что-то сделать со мной?

— Рыков когда-нибудь, вероятно скоро, станет твоим начальником. Может быть, не в этом году, может быть, не в следующем. Но станет. Хозяин уберет Берию, потому что хочет уничтожить в конце концов всех руководителей Чека. А потом начальником станет Рыков.

— Почему Рыков?

— Потому что он нужен Хозяину для тех дел, которые он может делать. Это нужно Хозяину. В его голове выстраивается, стучит мысль, что проблему можно решить только кровью. Морем крови. Большой кровью, чем раньше. Еще не сейчас. Может быть, не в следующем году. Но скоро.

Акулов поднял ружье и снова повесил его через плечо.

— Но я солдат, — сказал он. — И не могу заниматься политикой.

Он вышел на веранду, и Кривицкий последовал за ним. Когда они остановились на краю поляны, из-за деревьев вышел большой олень и встал, уставившись на них. Акулов хлопнул в ладоши, и зверь сиганул назад в чашу.

— Почему ты не стрелял? — полюбопытствовал Кривицкий.

— Моя профессия — убивать людей, а не животных, — ответил Акулов.

Он пошел назад по тропе. Растаявший снег замерз стеклянными ручейками на капоте черной машины, так же как и на другой машине, подъехавшей только что. Из нее вышел человек, маленькая, коренастая фигура в большом пальто. Это был Хрущев.

— Он вас ждет, — сказал Акулов.

Когда черный ЗИС повернул за угол на Большую Лубянку, шины из искусственной резины взвизгнули. Звук вонзился в голову Рыкова, и поворот машины, когда он ехал вокруг площади, чтобы остановиться у дома номер два, усилил головокружение, которое он чувствовал с утра. Теперь его часто преследовали разнообразные боли. Он относил их на счет ранений, вызванных взрывом бомбы, но они, казалось, усиливались, а не утихали со временем. Рыков старался сконцентрироваться на своей работе и даже нашел время, чтобы спуститься вниз в комнаты для допросов и помочь в получении признаний от постоянного потока предателей, шпионивших в пользу Запада. Он находил, что порой это помогает отвлечься от боли. Но сегодня боль в голове ни на минуту не оставляла его, иногда это была тупая боль, иногда резкая, будто мозг схватывал обжигающий железный обруч. Он подумал, не попробовать ли западные болеутоляющие таблетки, но отказался от этой мысли как слишком опасной. Человека окружает много врагов, известных и неизвестных. Вот хоть Каледин. Он использовал служебное положение, чтобы достать современные западные лекарства для больной дочери. Ну и где сейчас Каледин? В ГУЛАГе, где носит номер КРД* и приговорен по статье 58, обвиненный в том, что подпал под влияние буржуазных идей и проявил низкопоклонство перед Западом, что несовместимо со званием чекиста.

Рыков, конечно, не собирается попадать в такую ловушку. Но гнетущая боль оставалась. Он начал беспокоиться, что дверь лимузина открыта и что его шофер чего-то ждал и, как он чувствовал, странно смотрел на него. Водитель улыбнулся, когда увидел, что его начальник двинулся, и помог ему выйти из машины. Рыков отметил предупредительность. «Он тоже думает, что я слаб», — подумал Рыков и решил провести в отношении его дознание.

Головокружение стало очень сильным, когда он вошел внутрь здания на Лубянке, и он вынужден был держаться за перила, когда медленно поднимался по ступенькам. У дверей кабинета Рыков услышал шум от быстро задвинутого ящика письменного стола. Он знал, что это его секретарша спрятала фотографию своей семьи, которая лежала у нее в столе. Она вынимала ее и рассматривала в его отсутствие. Волна ненависти захлестнула его. Ему было нестерпимо находиться рядом с ними.

* КРД — контрреволюционная деятельность.

Их присутствие обостряло боль. Он видел их на улицах, бесстрастных, терпеливых, ожидающих в очередях, слышал короткие, понятные им намеки, слышал их смех, говоривший о их взаимопонимании. Он ненавидел их. Этому должен был быть положен конец.

Он резким толчком открыл дверь кабинета и вошел. Но кровь бешено запульсировала в его голове, и комната начала вращаться. Со странным ревушим криком он упал на пол.

Очнувшись, он увидел, что лежит на кровати в белой комнате. Человек в белом халате сидел на стуле и наблюдал за ним. Он почувствовал тревогу. Во рту ощущался незнакомый вкус. Должно быть, его напичкали лекарствами.

— Что за тюрьма? — спросил он. Боль все еще не отпускала его, тупо пульсируя в глазах, но тошнотворное головокружение прошло. Теперь голова была ясной. Кому-то удалось ввести ему лекарства. Он был в курсе новых методов допросов, которые они разрабатывали для психиатрических лечебниц. Должно быть, его враги что-то засунули в него.

Человек ободряюще улыбнулся. Но это не разубедило Рыкова. Он тоже улыбался перед тем, как приступить к настоящему делу.

— Я доктор Фельдман, — произнес человек. — Это госпиталь, генерал.

Еврей. Всюду евреи.

— Психиатрическая больница? — глаза Рыкова обследовали комнату. Свежие цветы в вазе. Там, наверное, запрятан микрофон. За дверью, очевидно, ждут санитары со шприцем. Сильные, чтобы держать его, пока еврей введет ему какую-то химию. Рыков знал, как это делается.

Улыбка Фельдмана слегка омрачилась, потом замерла.

— Нет, генерал. Вы потеряли сознание в своем кабинете, и сотрудники МГБ доставили вас сюда. Это госпиталь МГБ.

Рыков немного расслабился.

— Значит, я могу уйти.

— Да, но лучше бы вы вначале поправились. Ваша секретарша упомянула, что вы жаловались на головные боли и на головокружения. Мы осмотрели вас, и я должен сказать, что, по-видимому, ваша психика в порядке. Если не считать ранений, которые вы получили. Взрыв, как я понимаю. На войне?

— На войне, — подтвердил Рыков, и его взгляд ушел внутрь.

— Возможно, что головные боли и другие симптомы

связаны с ним. Ранения, полученные в результате взрыва, долго лечатся.

— Я много работал на войне, — произнес Рыков, не слушая его, — очень-очень много. Так многое угрожает безопасности нашей страны...

— Война уже закончилась, — успокаивающим голосом проговорил Фельдман.

Закончилась. В этом и была проблема.

— Думаю, вы переутомились. Говорят, что после несчастного случая вы приступили к работе сразу же, как только смогли, и, возможно, нуждаетесь в отдыхе. Может быть, небольшой отпуск?

Рыков вышел из задумчивости.

— Да, — ответил он, — я бы не отказался от отпуска.

Фельдман посмотрел с облегчением.

— Я обосную это в медицинском заключении. Может быть, дача на Черном море?

— Я не люблю жаркую погоду. Я люблю, когда холоднее.

— Как вы пожелаете, генерал.

— У меня есть друзья на севере. У них замечательный большой дом в лесу, и я смог бы ходить на охоту.

— Хорошая мысль. Много солнца и свежего воздуха. Это пойдет вам на пользу.

— Да, — с уверенностью произнес Рыков. — Это пойдет мне на пользу.

* * *

Когда большие американские пропеллеры перестали крутиться, он сошел с трапа Ли-2. Ожидавший внизу майор приветствовал его. Воздух был холодный, но сухой. Перелет оказался длительным, но он был здесь. Человек четко отдал честь.

— Майор Голубев, товарищ генерал, — представился он. — Генерал Деревянко поручил мне сделать ваше пребывание как можно более приятным. Так что если вам что-нибудь нужно, если вы захотите чем-нибудь заняться, просто скажите мне, и я устрою.

— Спасибо, — пробормотал Рыков, и боль в его голове слегка ослабла. Приятно вернуться в свою компанию. Его ждал грузовик, американский «студебекер».

— Простите за такой транспорт, товарищ генерал, но на легковой машине сюда не доехать.

— О, не беспокойтесь об этом, — приятным голосом сказал Рыков. — Я сам служил здесь, знаете ли, более десяти лет назад. Я был начальником Берлага.

— Я этого не знал, — уважительно произнес Голубев.

Они сели в кабину, где уже ожидал водитель. Сиденья были удобны, а мощный обогреватель позволял легко переносить холод. Рыков откинулся назад, наслаждаясь ездой среди одетых в снежные покровы деревьев и холмов. Когда они ехали по дороге, видны были признаки того, что где-то в стороне идет работа. Им встречались группы людей, груженные рудой грузовики. Дорога находилась в хорошем состоянии. На каждом километре он видел людей, таскавших бревна и камни. Они продолжали ехать, поднимаясь все выше. Когда они повернули за поворот, перед ним предстала странная картина: беспорядочная линия больших столбов поднималась вверх по склону горы. Они уходили все выше и выше, похожие на покосившиеся кресты на старом кладбище, до самой вершины. Их назначение было непонятно.

— Что это? — спросил Рыков. Голубев дал знак водителю, чтобы тот проезжал дальше.

— Очень забавная история. И поучительная, — поспешно добавил он и продолжил: — Все эти грузовики, что проезжали мимо, вывозят оттуда, из шахт, руду. Добыча значительно возросла, и работы ведутся на четырех уровнях, открываются все новые забои. Грузовики у нас американские, «Алмаз-Т», и было решено, что не стоит давать возможность наживаться американцам на продаже нам шин и запчастей для них. На партсобрании приняли решение построить фуникулер, чтобы перевозить руду с вершины вниз прямо над долиной. Смогли установить столбы — их вы и видите. Есть и вагончики. Единственная проблема — трос; его изготавливают только в Ленинграде, и уже около десяти лет мы не можем его выбить.

И все же партсекретарь настаивает, он говорит: «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!» Поэтому мы решили сами изготовить трос. Нашли краснодеревщика среди зеков и поставили его у большого устройства, вокруг которого скручивали проволоку для троса. В конце концов трос сделали, и больше тысячи зеков втащили его на гору и повесили на столбы. Наступил день, когда все было готово, и на пробу вниз послали пустой вагончик. Он благополучно спустился к подножию. Потом послали нагруженный наполовину. Потом нагруженный полностью. Удача. Все были в восторге и отпраздновали это событие. На столбах развесили флаги, оркестр зеков играл музыку. Потом весь партком залез в вагончик и поехал вниз с вершины. И где-то там трос начал обрываться.

Рыков слушал Голубева с горящими глазами и полуоткрытым ртом.

— Ну и что дальше?

— Вагончик завис над долиной. Вопрос был в том, что делать? Ясно, что они не могли вечно там висеть. Была затрачена куча денег, поэтому быстро созвали представительную комиссию. Было решено, что раз они так позорно провалились при штурме крепости, они безусловно не были настоящими большевиками. К тому же поскольку они затратили так много денег и человеческих ресурсов, то были виновны в деятельности, подпадающей под параграф 14 статьи 58 — контрреволюционный саботаж, возможно, троцкистский по характеру. Не было смысла затрачивать еще деньги, чтобы спустить их вниз для приведения приговора в исполнение, то есть для расстрела. Сначала думали просто оставить их там, но потом кто-то вспомнил о краснодеревщике, который тоже должен был ответить за соучастие в саботаже.

— Да, да, — нетерпеливо проговорил Рыков.

— Ну, и его послали к столбу с большой ножовкой и велели перепилить его.

Странное хриплое бульканье вырвалось из горла Рыкова. Его глаза выпучились, и ужасные рубцы на лице стали багрово-красными. Голубев в тревоге смотрел на него, пока не понял, что старый чекист так смеется.

Через некоторое время Рыков вытащил из кармана шинели носовой платок и вытер лицо, после чего они продолжили свой путь.

— У генерала Дервянко сегодня вечером концерт, товарищ генерал. Вы знаете, у него много мастеров. Есть отличные исполнители. Клоуны, танцоры, музыканты. Ему было бы приятно, если бы вы пришли.

— Я приду, — сказал Рыков. — Я люблю культуру. Когда я управлял лагерем, у меня был целый оркестр. Профессора музыки.

— Мы будем проезжать по дороге мимо одного из лагерей. Заключение скоро пойдут с работ. Здесь сохраняются старые традиции, и будет играть оркестр. Вы бы не желали остановиться на несколько минут?

— Остановлюсь, — произнес Рыков.

Грузовик свернул с проезжей дороги, и вскоре в поле зрения появился лагерь. Рыков опытным взглядом оглядел его. Мало что изменилось с тех времен. Деревянный забор с вышками по углам был окружен двойным рядом колючей проволоки. Они проехали под окрашенной зеленой краской деревянной аркой с надписью: «Труд — это дело чести, доблести и героизма».

Они шли по большому плацу, где, как и обещал Голубев, маленький оркестр изможденных существ, одетых в грязные лохмотья, наигрывал бравую мелодию. Производя осмотр лагеря, Рыков временами ударял себя по коленке одетой в кожаную перчатку пробковой кистью руки. Ряды неровных бараков из просмоленных досок, в которые входили заключенные, стараясь перейти на рысь под ударами своих бригадиров. С привычной сноровкой Рыков отличил уголовников, верховоидивших в лагере, над политическими. Надзирающий уголовник выделялся не только дубинкой и хорошей упитанностью, но также темными непристойными татуировками, которые виднелись на его сильных руках и волосатой груди.

— Здесь стараются достичь двойной нормы? — спросил Рыков.

— Это хороший лагерь, товарищ генерал, — согласился Голубев. — Я здесь работал. Высокий уровень добычи золота и отличный показатель смертности. Не всегда это удается. Когда они мрут, как мухи, трудно добиться удовлетворительной работы, а если облегчить им жизнь, они недостаточно мрут.

— И они не добывают золото.

— Должен признаться, что вы настоящий профессионал, товарищ генерал.

Внимание Рыкова привлекла бригада, проходившая пятерками широким шагом через ворота. Они и впрямь бежали шаг в шаг, и это в конце рабочего дня. Он знал, как тяжело заставить людей двигаться вообще, когда они так близки к смертельному истощению, как эти зеки. Бригадир выкрикнул команду, и они разом остановились. Они стояли, глядя прямо перед собой, их груди тяжело вздымались. В глазах был страх. Человек восемь несли мертвые тела своих товарищей. Рыков рассмотрел бригадира. Он был невысок ростом и довольно молодой. Он шел легко и бесшумно, как кот, рядом со своей вышколенной бригадой, которая не шаталась на подгибавшихся ногах только явно от страха. Он был тепло одет и периодически прохаживался возле того или другого, и те цепенели от ужаса.

— Совсем другое дело, — пробормотал Рыков. — Профессионал. Никаких криков, никаких зряшных усилий. Но он их так запугал, что если он велит им перерезать себе горло, они сделают это.

— Стеклов, — тут же сказал Голубев. — Интересный субъект. Из наших, бывший чекист. В конце войны служил в НКВД, но погорел, кажется, из-за каких-то внутренних интриг. Раскололся и теперь здесь. Такие, как он,

конечно, на вес золота, и его сразу же включили в работу. Он всегда перевыполняет нормы. Приносит золото и умерших корзинами.

Уже стемнело, когда они добрались до дома Деревянко. Рыков постоял, слушая оркестр, пока зеки тащились мимо, и его головная боль совершенно прошла.

* * *

— Хорошая погода, — весело сказал Рыков. Солнце сияло, и не было даже намек на ветерок. Их бурки с резиновыми подошвами скрипели на снегу, когда они тихо шли по тропе среди деревьев по направлению к тщательно замаскированному укрытию.

— Отличный день, — согласился Стеклов. Молодой бригадир оценивал местность опытным глазом. Укрытие было хорошо расположено, и развлечение почти наверняка будет в пределах досягаемости.

— Удачное место, — одобрил он.

— Деревянко любит свою охоту, — заметил Рыков.

Он оглядел местность охотничьего заповедника. Деревья были тщательно прорежены лесозаготовительными командами, и из укрытия должно быть видно, как будет проходить охота, когда зверя выгонят из чащи. Он уже слышал нетерпеливый собачий лай и жаждал начала.

— Ну, а как ты, Стеклов, — небрежно произнес Рыков. — Что ты здесь делаешь? Ты был из наших, как мне сказали. Что ты натворил?

— Ну...

— Не говори, что ничего, — улыбаясь, проговорил Рыков.

Молодой человек усмехнулся.

— Нет, за ничего дают только десять лет. В конце войны я работал в Берлине в нашей зоне и нанял к себе на работу немца, поскольку он знал местное население очень хорошо. Его звали Франц. Действительно толковый парень. Он работал на Гестапо. А эффективность! На него стоило посмотреть!

— Я сам работал в Гестапо, — сказал Рыков. — Перед войной. Серьезные люди.

— Да, верно. И тут мы столкнулись с этой сволочью, генералом. Эта зона была его. Здорового гада звали Акулов.

Рыков внезапно замер. Стеклов глядел на тайгу и ничего не заметил.

— Он потребовал Франца за военные преступления. Конечно, если бы я знал, каким скользким окажется этот Акулов, я бы выдал Франца без проблем, но, чес-

тно говоря, я считал, что капитан НКВД, то есть я, выше глупого солдата, будь он трижды генерал, и сказал ему, что он может засунуть все военные преступления себе в задницу. Он ничего не ответил, и я напрочь забыл об этом, пока какие-то свиньи из СМЕРШа не пришли и не арестовали меня. Я получил двадцать лет по фабрикованному обвинению, и вот я здесь. СМЕРШ — это тайная военная служба для устрашения солдат, но Акулов, должно быть, имел власть над теми, кто явился за мной. Им что, они всегда были готовы действовать против нас, НКВД. Акулов получил Франца и расстрелял его.

— Это интересно, — пробормотал Рыков. — Мы еще вернемся к этому разговору. А сейчас, мне кажется, я слышу, что начинается загон.

Из-за кустов, в отдалении, донеслись крики людей и лай собак.

— Я поставил несколько парней в середину, товарищ генерал, — сказал Стеклов. — Мы выведем охоту на вас.

Рыков почувствовал возбужденное покалывание в груди, когда услышал приближение охоты. Он надел ленту со снаряжением поверх полушубка и теперь проверил привычной рукой пистолет, тяжелую дубинку и острый топор дровосека, висевшие на ней.

Вот! Что-то двигалось в кустарнике. Громкий лай шедших по следу собак. Прыгающая фигура спускалась по холму. Она заметила одного из людей Стеклова и свернула с тропы, что вела мимо укрытия. «Хорошая работа, Стеклов», — одобрительно подумал Рыков.

Добыча приближалась. Собаки взрыхляли снег на склоне холма, и загоняемый с отчаянием оглядывался через плечо, когда лай усиливался. Он, должно быть, когда-то был большим и все еще оставался высоким (Рыков выбрал Стеклова из-за роста). Рыков слышал неистовое дыхание, вырывавшееся из его больной груди. Когда он приблизился и было уже поздно поворачивать, останавливаться, бежать назад, Рыков ударил концом дубинки его в живот, и он согнулся, упав на заснеженную тропу лицом вниз. Продуманно, контролируя силу удара, Рыков ударил его по затылку. Подбежал Стеклов.

— Хорошая охота, товарищ генерал, — восхищенно произнес он и усмехнулся. — Не хотите ли вы его нафаршировать или просто подать голову на стол?

— Сейчас я покажу тебе, что мы делали, когда я был молодым и преследовал сбежавших.

Он взял топор и двумя ударами отсек кисти рук у запястья. Он поднял их вверх.

— Видишь? Доказательство, что схвачен. А остальное можно оставить медведям и волкам.

Стеклов достал сумку, и они не спеша пошли назад вверх по тропе.

— Это был хирург, — сказал Рыков. — Кто следующий?

— Писатель. Он скрылся где-то здесь в лесу.

Рыков оставался некоторое время в новом укрытии, пока Стеклов уходил организовывать охоту. Потом он увидел, что Стеклов возвращается через лес.

— Извините, товарищ генерал. Мы не смогли заставить гадину двинуться. Он сидит на пне.

Константин поднял глаза и увидел подходившего к поляне Рыкова. Его грудь неровно поднималась, с явным усилием втягивая воздух в легкие. Его оборванная, грязная одежда, обгоревшая от близости к печке, была влажной. Она свисала негнушимися кусками на морозном воздухе. Его лицо на морозе приобрело кирпично-красный оттенок, и застывшая кровь стягивала его кожу в тех местах, где его били, заставляя сдвинуться с места. Молодые проводники собак стояли рядом с ним, их овчарки тяжело дышали.

— Удобно? — спросил Рыков.

— Скоро будет, — ответил Константин.

— Почему ты здесь, Константин?

— Потому что не в своем любимом парижском кафе, — ответил Константин, и по его тону было понятно, что ему все безразлично. — Почему я здесь? — переспросил он через минуту. — Что может делать здесь такое ничтожное пресмыкающееся, как я, с языком, коричневым, словно самая грязная река Африки? Что ж, я отвечу. Я просто не могу больше это выносить. Творческий порыв исчез, понимаете ли. Пожалуй, нет, вы не понимаете. Я полагал, что он мертв, после стольких лет. Однако я написал рассказ. Короткий рассказ.

— Мы бы с удовольствием послушали его, — сказал Рыков.

— Он очень простой. Человек сбегает из сумасшедшего дома. Он проводит день, путешествуя по России. В конце дня он возвращается в приют для сумасшедших и просит принять его обратно. Его спрашивают почему, и он объясняет. Он говорит, что безумие царит за пределами сумасшедшего дома. Я отослал его на прошлогодний конкурс.

— Ты сам был сумасшедшим, — произнес Рыков. — А теперь можем ли убедить тебя встать на ноги?

Константин огляделся.

— Где лебеди? — спросил он и ответил сам себе: — Лебеди погибли. А где воронье? — он посмотрел на Рыкова. — Воронье осталось. Нет, Рыков, я буду сидеть здесь.

— Ты умрешь, если останешься здесь.

— Мы все обречены на смерть.

Рыков посмотрел себе под ноги.

— Мои бурки грязные. Вычисти их для меня, и я позволю тебе пожить немного дольше.

— Я буду сидеть здесь, — ответил Константин. Его голос снова стал ясным и молодым.

— Накорми собак, — бросил Рыков главному проводнику, и, когда они последовали приказу, Константин замахал руками, словно птица.

— Свободен... — донеслось до них.

Длинные тени деревьев пересекали ледяную землю, когда Рыков, наконец, возвращался назад через парк к уютному домику своего хозяина. Стеклов шел рядом, а загонщики следовали за ними на приличном расстоянии. Рыков расслабился. Даже культя перестала беспокоить его.

В сумерках какой-то человек тяжело шел, пошатываясь, среди деревьев.

— Кто это? — озадаченно спросил Рыков.

— Не знаю, — ответил Стеклов. — Похож на пьяного.

Они стояли тихо, пока человек ковылял по направлению к ним. Его руки были сложены на груди. И тогда они заметили, что у него нет кистей. Он прижимал обрубки к телу, чтобы остановить кровотечение. Его ватная телогрейка, штаны, его бесформенные башмаки были испачканы темной кровью.

— Надо же, хирург! — восхищенно воскликнул Стеклов.

Широко открытые, обезумевшие голубые глаза уставились на группу убийц, стоящих в полумраке, и с хриплым криком он бросился прочь через подлесок. Главный проводник собак держал свою овчарку за ошейник.

— Спустить? — спросил он.

— Пусть медведи и волки получают свое, — добродушно ответил Рыков. — Это один из тех, кто оперировал меня. Он резал меня.

У дома загонщики продолжили путь к своему жилищу, а Рыков со Стекловым вошли внутрь. Они прошли в кабинет, где за письменным столом генерал склонился над бумагами. Рыков уселся в глубокое кресло, а Стеклов встал рядом.

— Хороший день? — приветливо спросил Деревянко.

— Отличная охота. У тебя чудесный заповедник.

— Я летел сегодня в Ванино, — сказал Деревянко, — и нашел пару обещающих танцоров из нового набора. Они выступают сегодня вечером. Хочешь посмотреть?

— Посмотрю, — вежливо ответил Рыков. — Но нельзя ли вначале устранить административную ошибку?

Маленькие глазки Деревянко настороженно выглядывали на Рыкова из-за складок толстой кожи.

— Да?..

— Это бригадир Стеклов, вот он. По-видимому, в его случае произошла судебная ошибка.

— Разве? — глазки Деревянко метались от одного к другому.

— Да. Он достойный молодой человек, преданный чекист, закаленный сталинец. Исполняя свои обязанности на немецких, занятых нами, территориях, он столкнулся с армейским офицером. Этот человек выдвинул против него ложные обвинения.

— Ты что-то знаешь о нем?

— Да, — тут же ответил Рыков. — Его зовут Акулов. Некоторое время он был у меня под наблюдением. Его подозревали в сотрудничестве с западными элементами. Молодой Стеклов подтвердил мне, что его расследования в Германии раскрыли это. Вот почему Акулов выдвинул против него ложные обвинения.

— Хорошо. Значит, ты проследишь за этим.

— Прослежу, — произнес Рыков, — безусловно, прослежу.

Это был удачный день. После превосходного ужина он поднялся в свою комнату. Ее освещали две свечи, высокие, тонкие свечи по обеим сторонам кровати. Там ждал его Стеклов, держа за руку молодую женщину. Она была одета в старое, испачканное, когда-то белое свадебное платье и в ужасе смотрела на чудовище, которое вошло в комнату.

— Вот невеста, — почтительно сказал Стеклов.

Тбилиси, Грузия, апрель 1949

Церковь стояла светлая и неповрежденная под теплым весенним солнцем. Она занимала самое лучшее место на вымощенной площади. Елена шла по бульвару, минуя базарные прилавки с овощами и фруктами. Из маленького ресторанчика доносился аромат кебаба*.

Когда Кривицкий распорядился поместить их тут, ей

* Кебаб — жаркое типа шашлыка.

показалось, что это какая-то странная шутка спецслужб, ибо не так далеко был город Гори, где родился тот, кто уехал в Москву. Он был ответствен за все это, Иосиф Джугашвили, предпочитавший, чтобы его называли Джо-зефом.

Она думала, как он мог появиться в Грузии. Советские предписания здесь плохо исполнялись. Смуглые, черноглазые горячие грузины считали русских дураками и тупицами и подшучивали над ними, находя свои шутки весьма забавными. Такие идеи, как идеи коллективизма, здесь были совсем не к месту. Здесь жили люди, преданные традиции, контрабанде, любовным приключениям и интригам. Мрачные и скучные требования диктатуры пролетариата казались здесь нелепыми. Жизнь, как они ее чувствовали, предназначалась для того, чтобы жить. Они послушно воздвигли стацию Ленина на главной площади.

У Елены были куры, сад со сливами и оливами и палисадник; Иван ходил в школу в старом квартале, где дома на сваях шли по краю берега темной, извилистой Куры и тонкие крыши заполняли бреши между старыми персидскими дворами и татарскими балконами. Она ходила в школу за Иваном в середине дня, пока Владимир Савинков работал в саду, а затем устраивалась под платаном у рынка и продавала плоды их трудов. Если она приносила живую курочку, начиналась настоящая торговля, ибо это было великой ценностью. Чаше она приносила несколько лукович или чеснок, десяток яиц, а позже — перец и маслянистые черные оливки. Грузины совсем не верили в коллективное хозяйство.

И они верили в Бога.

Церковь была открыта, и она вошла внутрь. Отец Захарий в малиновой рясе был там. Он увидел ее и кивнул ей, и она пошла по длинному приделу. Повернув в короткий неф, она открыла дверь и вошла в маленький кабинет. На столе стоял телефон. Она сняла трубку и набрала номер.

Ответа не последовало. За полторы тысячи километров на севере звонил телефон в охотничьем домике в лесах Старицы, но домик был пуст. Она положила трубку, потом сняла ее и набрала другой номер. На этот раз ответ пришел быстро, но голос ей был незнаком.

— Да, — ответил ровный голос.

— Это Голубой Туман, — сказала она.

— Ждите.

Линия шипела пустынно, потом в трубке щелкнуло. Кто-то подключился.

— Да? — произнес человек, и она узнала голос Кривицкого.

— Вы знаете, кто говорит? — спросила она.

— Да.

— Он велел мне позвонить четыре раза, а если я не получу ответа, я должна позвонить вам. Где он?

Наступила пауза. Потом Кривицкий заговорил.

— Он в ГУЛАГе, — сказал он бесстрастным тоном.

Эльген, Восточная Сибирь

— Здесь ты просто рабсила, — сказал комендант. Он сидел за прекрасным письменным столом, часть которого была покрыта белой салфеткой, и ел свой поздний обед. За окном невдалеке стояла белая лошадь, из ее торбы с овсом поднимался пар. Отличные блестящие сапоги выглянули из-под стола.

— Но рабсилу можно использовать по-разному, — сказал зек Акулов.

— Можешь идти, — сказал комендант, он воткнул вилку в картошину и поливал ее подливой. — Я поеду в Магадан и наберу столько рабсилы, сколько мне понадобится.

— Я и такие, как я, могли бы быть более полезны, чем вам кажется. У вас есть инженеры, доктора, ученые, военные. На наше обучение затрачено много средств и времени. Каждый из нас специалист в своей области и знает свое дело. При этом мы не самые лучшие дровосеки. Даже деревенские мужики, которые тоже здесь находятся, имеют свою ценность и специальность, стоит посадить любого из них на клочок земли в пару соток и сказать ему, что это его земля, он произведет больше, чем целый колхоз здешних рабов. Рабский труд не выгоден, это и дураку понятно.

Комендант по фамилии Мороз, что явствовало из таблички на двери, улыбнулся.

— Да, в пребывании здесь есть преимущество. В лагере тебя не привлекут за высказывания.

Он положил на тарелку нож и вилку и зажег настоящую фабричную сигарету. От железной печки в углу в комнате было тепло.

— Я здесь новый, — резко сказал комендант. — На той неделе МГБ расстреляло прежнего коменданта и половину персонала. Меня назначили вместо него. Ты знаешь, за что расстреляли прежнего?

— Он не смог обеспечить выполнение производствен-

ных норм, которые ему были спущены, — уверенно ответил Акулов.

— Верно.

— Но вы должны обеспечить, — начал Акулов.

Мороз смотрел за окно.

— ...Если не желаю тоже быть расстрелянным, — закончил он.

— Как вы это сделаете? — спросил Акулов.

— Жесткая связь между пайком и выходом продукции. Если заключенные не выполняют норму, они не получают пищу.

— Это может сработать, если заключенные получают полный паек. В вашем лагере только осужденные по статье 58?

— Только политические? Нет, всякие, — ответил Мороз.

— Значит, на самом деле лагерь изнутри управляется уголовниками. Все более или менее питательные продукты достаются им. Остальные живут впроголодь. Это и есть те, которые должны выполнять норму. Урки остаются внутри лагеря на работах, не требующих тяжелых физических усилий. К тому же они находятся в относительном тепле, имеют теплую одежду. Заключенные, которым недостает еды для поддержания сил, работают на лесоповале или выполняют сельскохозяйственные работы. Они теряют больше калорий из той малости, что получают, потому что одеты в лохмотья при низкой температуре. Урки крадут или отнимают у них теплые вещи и носят их сами или выменивают их на продукты, табак или водку у охраны.

— Лагеря созданы не для снижения уровня смертности, — резко сказал Мороз. — Они разработаны для уничтожения потенциальных врагов нашего строя.

— Ну, уж это они выполняют с высокой эффективностью. Но к тому же с них требуется, как я понял, и экономическая отдача. Они должны обеспечивать выполнение нормы, — Акулов мрачно улыбнулся Морозу. — Нормы установлены, — добавил он, — те, кто не обеспечивает их, присоединяются к врагам нашего строя.

Мороз несколько мгновений сидел молча.

— Мне позвонил из МГБ сотрудник по фамилии Кривицкий. Он сообщил мне, что в лагерь поступит особый заключенный, и он сказал мне, кто ты. И что МГБ будет ежеквартально проверять выполнение норм выработки.

Он встал и выглянул в окно. За его спиной Акулов быстро отправил в рот недоеденный Морозом бифштекс.

— Мне все равно, что ты будешь делать, — сказал Мороз, — обеспечить выполнение норм.

Двое играли в очко, громко ругаясь и хохоча. По развязному виду и здоровому цвету лиц было понятно, что это уголовники. Два их приятеля, с нарочитой небрежностью прислонившись к стене, наблюдали за игрой. Это была лагерная элита, урки.

Снаружи под окном, у которого стоял Акулов, лежали мертвецы, сложенные друг на друга, как бревна. Снаружи они казались просто срубленными деревьями, занесенными снегом. При царствующем здесь морозе вырыть могилы до наступления лета было невозможно, поэтому умершие в течение долгой зимы, сложенные штабелями, ожидали лета, когда их тела предадут земле. Видные из окна трупы мужчин и женщин были худы, как скелеты, покрытые желтой кожей. Их замерзшие глаза были открыты и смотрели в окно на тех, кто находился внутри.

Теперь уже настоящий рев послышался возле ящика, на котором двое урок резались в очко. Победитель торжествующе ухмылялся, глядя на ругающегося от досады партнера.

— Ну, давай, Луз, — подначивая, сказал он. — Неси мой выигрыш.

Проигравший встал и подошел к Акулову, с мрачной угрозой смотря на него.

— Давай раздевайся, — рявкнул он. — Снимай одежду, если не хочешь получить по морде.

— Ну, продолжай, — пробормотал Акулов, — будь как дома.

Урка, которого называли Лузом, попытался стащить с Акулова телогрейку. В проходе началась возня, и вдруг Луз перевернулся в воздухе и громко шлепнулся на землю. Он закричал, потому что его рука треснула, как сухая ветка.

Другой игрок в карты пружинисто поднялся с корточек. В его руке оказалась короткая дубинка. Акулов шагнул в сторону, обходя его сбоку, и тут же стремительно кинулся на него, со страшной силой ударив его головой о деревянный брус дверного проема. Урка распластался на полу с окровавленным лицом. Акулов наклонился и поднял дубинку.

— Еще есть желающие? — угрожающе спросил он, и два прихлебателя подались назад.

— Ты еще получишь, — злобно прошипел один из них. — Подожди, скоро Кнут обо всем узнает.

По ночам в бараках никогда не было тихо, тяжелый храп и стоны сопровождали тревожное забытьё. Иногда доносилось шарканье зека, бредущего к вонючей параше, которая стояла в углу. Акулов внимательно наблюдал через узкую шелку опущенных век. Свет от прожекторов проникал в огромные бараки, отразившись от снега.

У него была его собственная койка, хотя многим приходилось ее делить. Она была ему молча предоставлена, как человеку, приговоренному к смерти. Страх читался на их лицах.

Скрипнула половица... Акулов всхрипнул.

Послышался шопот. Два голоса. Он видел их. Его койка была у стены, и он прижался к стене, собираясь.

Акулов возник из темноты, как волк. Он чувствовал на руке неожиданно горячую кровь, и подкравшийся к нему человек неистово задергался, пытаясь вырваться. Он отлетел на ряд коек, стоявших напротив, и Акулов схватил второго за волосы. Он перерезал ему глотку комендантским мясным ножом от уха до уха.

Послышался осторожный шорох разбуженных шумом людей. Акулов встал в проходе между койками. В его руке все еще был нож.

— Свет, — потребовал он раскатистым, как гром, голосом. — Дайте свет и подойдите, чтобы вы все увидели.

Совсем рядом замерцал бледный огонек сального фитилька. Кто-то его зажег, какой-то мальчик лет шестнадцати. Шум шаркающих ног приблизился. Акулов стоял, высокий и огромный в своей телогрейке, и голодные истощенные зеки смотрели на его с восхищением.

— С ними покончено, — сказал он, и его глубокий голос разнесся по всему бараку. — с этими урками. Кто-нибудь из вас знает меня? Я — генерал Акулов.

— Я знаю вас, товарищ генерал, — послышался чей-то голос, и толпа раздалась, позволив человеку пройти. С изможденного лица на него смотрели горящие глаза. В тусклом освещении барака они казались тенями.

— Я Кравченко, товарищ генерал. Майор Борис Кравченко. Я был с вами в боях за Берлин.

— Я помню тебя, — голос Акулова прозвучал тепло. — Есть еще военные?

Раздался слабый хор голосов.

— Так почему же вы позволили этим паршивым уголовникам обкрадывать себя, отнимать у вас еду и одежду? Почему вы делаете за них их работу, а? Такие храбрые солдаты, как вы?

— Вы сами знаете, как это получается, товарищ генерал, — сказал Кравченко. Акулов вспомнил, что он был отличным пехотным командиром.

— Когда сюда попадаешь, не сразу соображаешь, что к чему. Каждый из нас попадает в уже готовую систему. Уголовникам она родная, они всегда держатся вместе. Пока такие, как мы, начинают понимать, что тут происходит, уже слишком поздно.

— Ну, положим, сейчас еще не слишком поздно. Я здесь.

— Что вы можете сделать, товарищ генерал?

— Что сделать? Я взял этот чертов Берлин вместе с Жуковым. Неужели же я не справлюсь с какими-то урками? — он смотрел на них и чувствовал, что в этих голодных, больных людях пробудилась надежда.

— Слушайте. Каждый, кто меня знает, подтвердит, что я — честный человек. Я говорю своим солдатам правду. И я ожидаю такой же честности от своих людей. В моей армии тот, кто врал, попадал в штрафной батальон. Если мы хотим выжить, нам надо сплотиться. Если я узнаю, что кто-то смошенничает за счет своих товарищей, я отправлю его на лесоповал, и он там умрет. Все за одного, и один за всех.

— Ну, генерал, ты говоришь прямо как революционер! — раздался чей-то голос, и все тихо рассмеялись.

— Над комендантом Морозом висит смертный приговор. Если через три месяца нормы не будут выполнены, его расстреляют. Он сказал мне, что я могу делать, что хочу, при условии, что мы будем давать продукцию.

Кравченко посмотрел на двух мертвых урок на полу. На его лице появилась неопределенная, но угрожающая улыбка.

— Я знаю, что мне надо сделать, — произнес он.

— Еда станет лучше, — сказал Акулов. — Я так понимаю, что на кухне заправляют урки?

— Все — повар, рабочие на кухне, все.

— Больше этого не будет. Есть среди вас повар?

— Да, генерал. Я был армейским поваром.

— А доктора?

Отозвались два голоса.

— Хорошо. По-видимому, здешний доктор тоже из уголовников?

— Фельдшер, — с презрением сказал армейский врач, — был помощником ветеринара. Он дает бюллетени, освобождающие от работы по болезни, только уркам, а действительно больных посылают на лесоповал. Их

трупы — вон они, за окном, есть еще в конце двора — у проволоки.

— Понятно. Это мы тоже изменим, — тихо сказал Акулов. — Вы двое, доктора, вы проверите утром, кто болен. Я хочу разбить уголовников на лесоповальные бригады. Женщин тоже. Вы знаете женщин-уголовниц?

— Их легко узнать, генерал. Это те, в которых еще можно признать женщин. Они питаются лучше и их лечат.

— С завтрашнего дня это все прекратится, — пообещал Акулов. — Я с этим покончу.

* * *

— Вот этого зовут Кнудом, — сказал Кравченко Акулову. — Главный уркаган. С ним рядом нарядчик, главный охранник Карпушко.

Лесоповальные бригады собрались на площадке, мужские и женские. Между вышками бегали собаки. Их цепи звенели о проволоку, и они рычали более злобно, чем обычно. Они чувствовали что-то необычное.

В бригадах зеки смотрели по сторонам на новые лица в их рядах. У новеньких были разбитые лица, синяки и выбитые зубы. Иванов и Крестинский приступили к медицинской проверке сразу же, как только молот застучал о рельсу на рассвете. За их спинами шли Акулов, Кравченко и специально подобранная команда из лучших зеков-солдат. Отбор годных к работе проводился с помощью дубинок.

Главарь урок явно был влиятельным человеком. Он был черноволос и бородат. Выйдя из своего барака, он передал что-то начальнику охраны Карпушко.

— Они высматривают своего лекаря, — сказал Акулов.

— Черт с ними, — ответил Кравченко.

Сунув то, что он получил, в карман, нарядчик вышел на площадку.

— Где лекпом, где медик? — крикнул он.

— Здесь, — ответил Крестинский, шагнув вперед.

— Ты? Какой ты медик? Ты поставил в бригады больных людей!

— Нет. Это прежний так делал, тот, кого я заменил. Я поставил тех, кто может работать.

Карпушко близко придвинулся лицом к доктору.

— Я разберусь с тобой в лесу, жид.

Он повернулся.

— Прекратить беспорядок! — выкрикнул он. — Поставь бригады, как всегда.

Нагловатые улыбки появились на избитых лицах, и все они разом взглянули на Акулова.

— Отставить!

Голос взорвался над плацем. Воцарилась тишина. Только проволока скрипела, и собаки металась туда и сюда.

К ним двигался комендант Мороз. Он был в форме полковника НКВД. За его спиной была охрана с автоматчиками. Он прошел через площадку к Карпушко и ударил его в лицо. Затем он выхватил пакет из кармана Карпушко. Это была бутылка водки.

— Берешь взятки с заключенных, — холодно произнес он.

Он обратился к своей охране:

— Обыщите его.

Его схватили.

— За получение взяток будешь одним из них, — сказал Мороз. — В бригаду его.

Карпушко споткнулся и уставился непонимающими глазами на ряд заключенных, замыкающийся Крестинским.

— Здесь все жида, — с юмором сказал доктор. — Будешь евреем.

— Этого приятеля тоже, — сказал Акулов, указывая на Кнута, и солдат сделал, как ему велели. Ворота со скрежетом отворились, словно клешни, и колонны вышли.

* * *

— Я знаю тебя, — сказал Иванов человеку, шагавшему прямо перед ним. — Ты тот, кого прозвали Гитлером, да? Ты и один из твоих дружков застали меня прошлой зимой в отхожем месте. У тебя сохранилась та отвертка? Вы отобрали у меня всю одежду и продали ее нарядчику, этому Карпушко. Вы получили за нее буханку настоящего белого хлеба, и он позволил вам пройти в женский лагерь. Я все знаю, потому что там моя девушка, и она все рассказала мне. Я отморозил пальцы на ногах, вот почему я теперь такой косолапый.

Они остановились на своей площадке. Наступала весна, и слабое солнце растопило немного льда в лужах. Хворост сложили кучей, охрана разожгла костер и повернулась к ним спиной.

— Пошли, — сказал Иванов, назначенный бригадиром, толкая его перед собой к деревьям. Отступив на шаг, он со всей силы ударил обухом по почкам того, кому нравилось, когда его называли Гитлером. Урка согнулся и, упав в снег, застонал. Рядом с ним неожиданно

пробежал главарь разбитой охраны Карпушко, продираясь прочь сквозь деревья.

— Мы достанем и его, только попозже, — буркнул себе под нос Иванов. Он залез за пазуху Гитлера и вытащил отвертку, заточенную по краям, как бритва, и с острым, как шило, концом. На лице Иванова до сих пор белели шрамы от этой отвертки.

— Снимите с него одежду, — сказал он своей команде, и они с готовностью стащили с него теплую одежду.

— А теперь поднимите его чуток повыше, — приказал Иванов. Он встал на бревно, и урка закричал, когда он пригвоздил его руку отверткой, вбив ее в ствол дерева рукоятью топора.

— Ты, гад, мою девушку насилдовал в женском лагере, — сказал Иванов и стал размеренными ударами рубить ствол.

* * *

Кто-то, ужасно одышливый, спешил по тропе. Это была женщина. Одутловатая и грузная, она с трудом пробиралась по вытоптанному снегу, и это ее дыхание вырывалось с громкими спазмами. Акулов увидел ее и ее преследовательницу — разъяренное дикое, оборванное создание, которое снова и снова сваливало женщину в снег, ударяя лицом о землю.

Когда Акулов подошел, она все еще прижимала шею своей противницы коленями, держа руками ее голову так, что лицо было погружено в лужу с растаявшей водой. Кровавые пузыри уже появились на поверхности весенней воды, а конечности обмякли. Убийца подняла на Акулова блестящие глаза.

— Это мои вещи, она их украла, — злобно сказала она и начала стаскивать одежду с трупа.

Он услышал, что кто-то зовет его, и из-за деревьев к ним выбежал один из зеков. Он узнал того мальчика, который зажег в бараке сальный огарок.

— Генерал, Кнут на свободе! Он и еще несколько урок. Майор Кравченко велел вам быстро прийти.

Мальчик повернулся и поспешил назад.

— Идите за мной, — крикнул он, и Акулов, забыв о женщине, стягивавшей еще теплую от чужого тела одежду, поспешил за ним.

Только одна цепочка следов виднелась на снегу, это были следы мальчика, и Акулов бежал дальше по этому ориентиру. На вырубленной поляне, куда вели следы, Акулов увидел притоптанный снег. Он молниеносно бро-

сился в сторону, и топор, предназначенный для его головы, скопил сосновые ветки. Акулов развернулся и бросился назад.

Он слышал хриплые голоса, кричащие на уголовном жаргоне, и другие голоса, отвечавшие с другой стороны, топот ног по тропе. Он мчался по тропе лесозаготовителей. Мертвая обнаженная женщина лежала у красноватой лужи, и он уже чуял запах дыма, треск хвороста, горящего среди деревьев. Сзади его догоняли крики.

Охранник грелся у костра. Он повернулся, когда услышал, как Акулов продирается сквозь деревья. Пробегая мимо него, генерал ударил его ногой, и когда тот полетел в снег, Акулов схватил его винтовку и повернулся навстречу преследователям.

Он знал оружие на ощупь. Это была винтовка Мосина-Нагана образца 1944 года, и его рука автоматически поднялась ко рту, чтобы стянуть рукавицу, так как слишком много советских солдат оказались в братских могилах, потому что защищались в рукавицах, и немец успевал кинуть в окоп гранату. Выступ курка находился в запирающей выемке, и он взвел его пальцами, пока те бежали к нему с торжествующими криками. Начальник охраны Карпушко был с ними, вооруженный топором, как и другие. Их было шестеро.

Затвор двигался плавно вверх, назад, вперед и вниз, и Акулов выстрелил в первого на расстоянии трех метров. Кровь брызнула в воздух из его спины, а тело все еще двигалось вперед, пока не упало на землю. Он уложил Карпушко вторым выстрелом, а потом еще трех оставшимися патронами.

Патроны кончились. Охранник лежал на снегу, скорчившись и тяжело дыша, и пять трупов валялись на снегу.

В магазине было только пять пуль. Он привел прикрепленный штык в боевое положение в тот момент, когда Кнут вскочил на ноги и взмахнул топором. Акулов стоял у костра, от которого загорелись волосы одного из убитых, кажется, первого, упавшего головой почти в костер. Он метнул винтовку вперед, как копье.

Кнут, как подкошенный, упал на грязный снег, штык пронзил его насквозь, и металлический конец торчал из его спины. Акулов поднял топор и разрубил его голову. Потом он перевернул его и, упираясь ногой в его грудь, с усилием вытащил штык, всосавшийся в плоть. Потом он подошел к охраннику, который привстал на четвереньках, и помог ему подняться.

— Слушай, ты убил шестерых заключенных при попытке к бегству, — внушительно произнес он. — Шес-

терых. Я доложу о твоём подвиге коменданту Морозу. Шестерых. Ты получишь недельный отпуск и премию за каждого.

Обида на лице охранника медленно исчезала по мере того, как значение слов Акулова доходило до него. Наконец на его лице появилась улыбка.

— Шесть, — повторил он, — при попытке бежать, — и взял у Акулова свою винтовку. Волосы урки горели с отвратительным запахом паленой щетины, и охранник наклонился и оттащил тело от огня, а потом стал шарить в карманах, проверяя, нет ли там чего полезного.

Из-за деревьев показались мужчины и женщины, привлеченные стрельбой. Среди них были Иванов и Кравченко. Кравченко держал в одной руке окровавленный топор, а другой сжимал мальчика за локоть. Он вышел на поляну, когда Акулов двинулся им навстречу.

— Этот был с ними заодно, — сказал он и толкнул мальчика так, что тот упал на колени в снег. — Он предал тебя.

— Я боялся, — всхлипнул юнец. — Я их боялся.

Они все напряженно наблюдали.

— Ты не того боялся, — произнес Акулов и взмахнул топором.

* * *

Тбилиси, Грузия, ноябрь 1952

Акулов долго ехал в поезде. Он смотрел в окошко, когда проезжал по курской земле, но все стальные туши и остовы танков были отправлены в переплавку, и единственным напоминанием о титанической битве были могилы солдат. Памятники погибшим героям неподвижно вздымались над еще не залечившей раны землей.

За Харьковом было почти обычно. Чернозем доказывал свое плодородие, желтые копны скошенного сена тянулись длинными рядами. За Ростовом дорога шла через черные и грязно-коричневые горы, изрыгнутые угольными шахтами.

Потом начались настоящие горы, и поезд, тяжело пыхтя, двигался на Кавказ. Зеленые потоки устремились вниз по руслам из черного сланца. Облака и дожди проносились над древними каменными памятниками, которым было сотни лет. Здесь было мало населения. Многие народы исчезли. Не было калмыков, не было балкарцев, чеченцев, ингушей. Увезли карачаевцев.

Генерал устал от поезда и был рад прогуляться по бульвару от вокзала под утренним солнцем. Грузинки, по-видимому, считали такое утро холодным и кутались в цветастые шали. Он наслаждался яркими цветами их одежды, зеленой листвой. Его глаза не привыкли видеть веселые яркие вещи. Он жадно вдыхал воздух, который казался ему необыкновенно теплым.

Под деревом на земле терпеливо сидела женщина, держа перед собой небольшую корзинку — несколько яиц, кувшинчики со сливами и оливками, мешочек с семечками. Привязанный к корзинке цыпленок клевал что-то в земле. Акулов остановился и вынул несколько рублей.

— Мне сказали, что лучшие куры в Тбилиси продаются здесь, — сказал он.

Елена подняла глаза.

— Эта курица не продается. Я все время жду своего мужа, чтобы вместе пообедать. Я приготовлю курицу в сметанном соусе и подам ее с рисом.

Акулов сел рядом с ней на тротуар, и она почувствовала на плече знакомую руку. Она протянула ему сливу.

— У нас есть сливовое дерево, — сказала она сквозь слезы, — у Владимира, Ивана и у меня.

— Я должен сейчас ехать в Москву, — сказал Акулов. — Мне поручено командовать Кантемировской бронетанковой дивизией, и я захвачу с собой Владимира.

— Ты будешь опять так долго отсутствовать?

— Не долго. Потом ты приедешь ко мне.

— Зачем тебе Владимир?

— Видишь ли, это и его дело.

31

ВОЖДЬ

Москва, 1 марта 1953

Все опять возвращалось, как он и обещал. Дверца ЗИСа с шумом захлопнулась, и Рыков уселся на заднее сиденье, прошитое пуговицами и набитое, как античный диван. Шофер МГБ сел на свое место, и лимузин, развернувшись во дворе, поехал к воротам. Невысокая, но большая дача осталась сзади.

Ворота заскользили по команде охраны в пуленепробиваемой будке, и они проехали, остановившись между внутренними и внешними воротами, ожидая, пока одни закроются, а другие откроются. Собаки, бегавшие в пространстве между двумя стенами, алчущими голодными глазами смотрели на Рыкова через стекло. Он тоже был голоден и охвачен жаждой и жаждал того же, чего и они — дергавшейся плоти и брызжущей крови, и криков, сопровождавших их. Но он получит их раньше, чем собаки, потому что это обещал он. Человек, оставшийся на даче, постоянно нарушал обещания и почти во всем, но только не в этом, ибо нуждался в этом так же сильно, как Рыков.

Теперь Рыков был искалечен, теперь он хромал и носил кожаную перчатку поверх пробковой руки, теперь его изрубцованная кожа отсвечивала красным цветом в освещении коридоров, и люди предпочитали не смотреть ему в глаза, когда он проходил мимо них. Они не были так неосторожны, он это понимал, чтобы смеяться над ним в лицо, но они делали это за его спиной, потихоньку, про себя. Не случайно они избегали смотреть ему в глаза.

Рыков знал их всех наперечет, у него был список, куда он заносил каждого. В списке были высокие и маленькие, мужчины и женщины, власть имущие и мелкие сошки. Дети, показывавшие на него пальцем на улице. Все они были в его списке.

Рыков не чурался работы. Нет, он обычно приезжал на работу рано утром и уходил поздно. Его подчиненные должны видеть в нем мастера многие годы.

Ворота отворились, и собаки с разочарованием следи-

ли, как Рыков уезжал. Рыков сидел, дрожа от предвкушения, когда его лимузин выезжал на правительственную трассу сквозь сосновый лес и набирал скорость на главной дороге. Ожидание было слишком долгим...

ЗИС замедлил ход, когда водитель нажал на тормоза, и Рыков очнулся от своих грез. Дорога впереди была загромождена танками, которые почти полностью заблокировали ее, маневрируя на ней, клубы сизого дизельного дыма вырывались из выхлопных труб, гусеницы скрипели, двигатели ревели.

На середине дороги стоял офицер, подняв вверх руку и приказывая остановиться. Рыков дернулся вперед на своем сиденье, в его глазах застыла тревога, как у потревоженной гадюки. Он выяснит имя и должность этого офицера и добавит его в свой список. Каждый день список становился длиннее. Глядя через ветровое стекло из-за занавесок на окнах машины, Рыков увидел, что он высокого роста, одет в форму элитной гвардии и хорош собой.

Зеркало заднего вида было темно, а рев двигателей танков закладывал уши. Сгущались сумерки.

Правая гусеница тридцатьчетверки ударила в зад лимузина, и танк двинулся на него. Двигатель стрелял на низкой передаче, и водитель провел танк по всему корпусу машины, сминая ее в какофонии лопающихся шин, раскалывающегося стекла, скрежета металла и криков. Потом он съехал на дорогу, качаясь на подвесках, и остановился.

Рыков лежал на полу, пойманный в капкан. Дверь с треском распахнулась, и крыша пригвоздила его к шасси. Он цапался, как енот в ловушке.

Шум двигателей замер, и запах бензина заполнил его голову, словно чудовищный одеколон. Он слышал топот сапог, направлявшихся от танка к нему. Шаги остановились, и он скрутил голову, стараясь увидеть человека.

Это был Акулов, который должен был быть мертвым. — Вытащи меня! — прошипел Рыков.

Высокий и широкоплечий человек извлек сигару из верхнего кармана военной формы и, не спеша отщипнув кончик, вложил ее себе в рот.

— Помоги мне выбраться! — умолял Рыков.

Спичка чиркнула о коробку, и разнесся запах хорошего табака. Пламя взметнулось высоко в воздух и искрами посыпалось вниз. Акулов сделал шаг назад.

Рыков завопил.

Владимир Савинков ждал, все еще продолжая стоять там, где остановил машину. Акулов дал ему знак, По команде танки стали передвигаться, разблокируя дорогу.

Другой ЗИС ждал со стороны Москвы. Он поехал вперед, когда танки припарковались у дороги, и замедлил ход, проезжая мимо горящих остатков лимузина. В огне еще шевелилась рука, как паук в подожженной паутине.

С заднего сиденья другой машины Хрущев встретился глазами с Акуловым и кивнул ему с мрачным одобрением. Затем лимузин рванулся вперед, унося его по направлению к даче, на обед к вождю.

Берия и Маленков уже были там. Хрущев наметанным глазом сразу оценил ситуацию, пока проходил в столовую и сел за большой стол. Его пронизательные глаза на простодушном крестьянском лице замечали абсолютно все. Вождь был встревожен, перед ним лежали какие-то бумаги. В комнате, кроме Сталина и его приближенных, была еще и официантка, разливавшая чай.

Рука официантки слегка дрогнула, когда она наливала чай Хрущеву, и немного чая пролилось на блюдце. Сталин исподтишка наблюдал.

— Почему ты испугана? — тихо спросил он и посмотрел на чай.

— Пей, — приказал он Хрущеву, который взял чашку. Чай был очень горяч и обжигал рот, но Хрущев, улыбаясь, отхлебнул.

— Хорош, — произнес он.

Сталин поднял свою чашку, подозрительно взгляделся в нее и внезапно выплеснул содержимое прямо в лицо Берии, сидевшего рядом с ним. Официантка поспешила покинуть комнату.

— От вас всех никакой пользы! — сказал он и помахал в воздухе папкой с бумагами.

— Все вот здесь, — добавил он. — Признания проклятых жидов. Большинство из вас видят не лучше слепых котят... Что вы будете делать без меня? Страна погибнет, потому что никто из вас не сумеет распознать врагов.

Он повернулся к Берии, который спокойно вытирал чай с лица одним из своих многочисленных носовых платков.

— Эта женщина — шпионка, — заявил он. — Бейте ее, пока она во всем не сознается.

— Я лично прослежу за этим, — пообещал Берия.

Многие хотели убить Сталина, и он это понимал.

— Выясните, кто дал ей яд, кто нанял.

— Хорошо, — произнес Берия.

Во рту у Хрущева образовывались волдыри. Он открыл папку, которую кинул ему Сталин. Новый террор

стремительно надвигался на страну, неотвратимый, словно шторм. На сей раз дело было в евреях. Каждый видел надвигавшиеся черные тучи, освещавшиеся молниями, слышал нарастающие громовые раскаты. Евреи признались. В папке были представлены все детали обширного сионистского заговора. Бен-Гурион из Израиля организовал заговор евреев в социалистических странах по указке Президента США Трумэна. Евреи кишели, как крысы в канализационных трубах, по всему Советскому Союзу, выжидая случая, чтобы предательски из-за угла убивать руководителей коммунистической партии. Еврейские врачи пробрались даже в Кремлевскую больницу, чтобы творить свое черное дело. Социализму угрожали евреи.

— От вас никакой пользы, от всех вас! — снова повторил Сталин. — Жаль, что здесь нет Гитлера. Он бы знал, что делать... Действительно, он один стоил вас всех. Жаль, что с ним так случилось. Он мог бы у нас работать. Он уважал коммунистов. Он называл нас идеалистами социализма. Я бы поручил ему твою работу, Лаврентий.

Берия подобострастно улыбнулся покрасневшим ошпаренным лицом.

— Теперь к делу, — Сталин вздохнул. — Доложи, Лаврентий, что у тебя.

— У нас есть письма, уже подписанные известными коммунистами-евреями, — ответил Берия. — В них говорится, что коммунисты-евреи, подписавшие их, понимают, что ненависть, которую доктор Плот возбудил против еврейской национальности у советских трудящихся, — это справедливая ненависть. Мы будем судить еврейских врачей — они признают себя виновными, — и можно, например, повесить их публично на Красной площади на первомайском празднике. Это укрепит патриотизм советского народа.

— А что эта мелкая крыса, эта сволочь Молотов? — злобно спросил Сталин. — Его тоже надо предать суду, и его жену-жидовку. Все евреи должны быть повешены, и их пособники.

— Бывший член Президиума Молотов у нас под наблюдением, — заверил его Берия.

— Видите, в какие высокие сферы проникает предательство? Верно, ему теперь не до жены в лагере? Вспомнил о себе?

Желтые, как у тигра, глаза обежали троих за столом. Сталин злорадно улыбнулся, из-под усов на миг показались мелкие желтоватые зубы.

— Ну, ладно. Повесим их на Красной площади, и

пусть режиссер снимет документальный фильм. Его будут смотреть во всех кинотеатрах.

— Мы повесим их Первого мая, — сказал Берия. — И потом можно устроить волну народного гнева против евреев, которая стихийно пройдет по стране. Несколько сотен тысяч погибнут в результате стихийного гнева, потом напечатаем письма авторитетных евреев-коммунистов, умоляющих товарища Сталина переселить всех евреев. Мы соберем их, посадим в поезда и сбросим в Сибири с теми, которых мы переселяли во время войны.

— Архигениально, — сказал одобрительно Сталин. — Они не понимают социализм...

Затем его черты вновь застыли.

— Должно быть, следует подумать и об украинцах. Они почти такие же ненадежные, как евреи, — он вздохнул. — Но нельзя сделать и то, и другое одновременно. Товарищ Хрущев, доложите о результатах отчета Комитета по архитектуре Москвы.

Хрущев раздавил волдырь языком. Слизистую стало саднить.

— Первая стадия перестройки Москвы в направлении, указанном Иосифом Виссарионовичем, закончилась удовлетворительно, — начал он. — Высотные здания Университета, Министерства иностранных дел и гостиницы «Украина» завершены, ибо дела продвигаются в соответствии с графиком. Разработана полная реконструкция столицы как памятника товарищу Сталину. В частности, приняты подробные архитектурные проекты для застройки центральной территории, временно занимаемой Красной площадью и Кремлем. Эти пережитки самодержавного времени будут снесены и расчищены. На их месте будет проходить широкий проспект от Мавзолея до памятника Победы, олицетворяемой статуей товарища Сталина. Статуя в двести метров высотой будет видима с любой точки города. Приказ на поставку пятисот тонн бронзы уже отдан.

Сталин кивнул. Это его удовлетворило. Хрущев мог сплясать вовремя. Он знал, что если на обед к вождю приглашены высокие иностранные гости, значит, он должен там быть. При подходящем случае он сразу пускался в пляс, сложив на груди руки, он шел впрысядку, ловко выкидывая ногами коленца и стуча сапогами. Пот струился с него градом, и он широко улыбался, словно маньяк.

Маленков не умел плясать, зато умел ползать. Сталин взглянул на него: он единственный, кто ничего еще не говорил.

— А ты, есть ли у тебя какие-нибудь соображения сегодня? — резко спросил он.

— Да, товарищ Сталин. Во-первых, разумеется, пора изменить название Москвы. На Сталинск.

Хрущев и Берия расплылись в улыбках одобрения.

— Во-вторых, почему летосчисление начинается от мифического рождения некоей личности, называемой Иисус Христос? Советский календарь, а впоследствии и календарь во всем мире следует отсчитывать от рождения Сталина!

Сталин улыбнулся. Его настроение улучшилось.

— Умнеешь, Матрена, — сказал он беззлобно.

Это насмешливое прозвище дал Маленкову Жданов, одновременно намекая на недостаток его образования и на его женственную внешность. Жданов чрезвычайно гордился своим интеллектом.

И все же Маленков смеялся последним. Жданова нашли мертвым на его даче, и последним, кто видел его живым на пути в Ленинград, чтобы проследить за резней своей парторганизации, был Маленков, который предпочитал лично присматривать за делами. Выживание при дворе Сталина не было простым спортивным состязанием.

— Позаботься об этом, Матрена, — сказал Сталин и нажал кнопку. — Давайте выпьем шампанского. Пусть какой-нибудь видный историк выскажет эту идею в «Правде».

Заслонка в стене открылась, и Маленков подошел за подносом. Он налил шампанского в стакан.

— Испробуй, — приказал Сталин.

Маленков отхлебнул вино и кивнул, показывая, что оно не отравлено. Он поставил стакан перед Хозяином, чьи владения простирались от Арктики до Каспия, от Берлина до Владивостока. Сталин не сразу взял стакан. Он подождал несколько минут, чтобы увидеть, не покажет ли Маленков признаков отравления. Врачи замыслили его убить, он был в этом уверен...

— Налей всем, — приказал он.

Бесплотные души витали бесшумно над четырьмя людьми в наступившей на миг в комнате странной тишине. Не только миллионы, уничтоженные вождем, за гибель которых был ответственен каждый из них, ибо служить — значит разделять ответственность. Здесь бесшумно витали души людей, которых они все знали лично, которые считались их товарищами. Миллионы миллионами, их судьба решалась в каких-то общих потоках — то ли необходимостью для работавших сверхурочно работников НКВД очистить камеры для новой партии, то ли движением над тундрой неумолимого, как палач, хановея. Нет, тут незримо собрались и те, с кем все это было сделано при свете дня в декоративном зале фальшивого суда.

Маленков считал себя теоретиком марксизма и любил беседовать с Бухариным на общие темы. И он же ассистировал его совершенное через суд убийство. Ягода и Ежов были предшественниками Берии. Сейчас никто даже не нашел бы упоминания о них, ни фотографий, ни слова в исторических книгах. Только отдаленные проблески в памяти тех, кто их убил.

Конечно, не все обязательно свершалось в судебном зале. Хрущев как Первый секретарь горкома руководил чистками в Москве. Киров был убит. Дзержинский умер, и Сталин стоял у его гроба. Маленков покончил со Ждановым в его собственном доме.

Все они знали, как это делается.

Хрущев стоял по другую сторону стола, держа в руках книгу.

— Что там у тебя? — спросил Сталин. Он все еще не притронулся к шампанскому, выжидая, не случится ли чего с Маленковым. Там, снаружи, были такие, кто жаждал его смерти.

— «Государь» Макиавелли. Я вспомнил, что вы говорили, что ваш экземпляр истрепался.

В глазах вождя сверкнула искра интереса. Сталин постоянно обращался к Макиавелли, как и к Нечаеву.

— Дай-ка сюда. Лаврентий, ты проверил, нет ли в доме отравленных испарений?

— Как вы сказали, Иосиф Виссарионович, — убедительным тоном ответил начальник секретной службы. — Совершенно чистый воздух.

Сталин знал, что враги хотят убить его, он был уверен в этом...

Хрущев протянул ему книгу через стол. Маленков стоял у дивана. Когда Хрущев убрал свою руку назад, он задел рукавом один из бокалов с шампанским. Он упал и разбился.

— Прошу прощения, прошу прощения! — начал извиняться он.

Он взял ножку бокала. Длинный осколок еще держался, сверкая под лампой.

Внезапно они все разом двинулись. Берия схватил его левую руку, Маленков — правую, быстро прижав к подлокотникам кресла. Маленков уже приготовил толстую диванную подушку. Он закрыл ею лицо Сталина, заставив его голову откинуться к спинке кресла.

Хрущев бросился вперед, вонзив стеклянный кинжал в солнечное сплетение. Он был сильным человеком, и ножка бокала вошла внутрь до основания. Он чуть вытащил ее из тела и покрутил.

Хриплые, булькающие звуки слышались из-под подушки, а потом тело медленно обмякло. Берия и Маленков отпустили его руки. Хрущев шагнул назад. Маленков поднял подушку с лица. Кровь потоком лила из горла и стекала по подбородку. Желтые глаза смотрели на них неподвижным понимающим взглядом. Все желали его смерти, он был уверен в этом...

Москва, 26 июня 1953

Лимузин двигался по улице бесшумно, как кот, его стекла были опущены, и теплый летний ночной воздух обдувал лицо. Берия позволил себе задуматься о брэнности человеческой природы. Люди тяжело переносили стресс, искали, как бы избавиться от него. Когда он арестовал Ежова, тот, зная, какие последуют пытки и какая казнь предстоит, проводил время в выпивках и делал бумажные самолетики.

Пьянство никогда не было пороком Берии. Он был искренне рад, что длинные мрачные попойки на даче старика прекратились. Он любил жизнь, он был жизнелюбом.

На улице все еще было удивительно много людей, хотя было уже за полночь. Очевидно, сказалось присутствие в столице его войск МВД, с веселостью подумал он. Он выдвинул две элитные части госбезопасности — Первую краснознаменную мотострелковую дивизию имени Дзержинского и Вторую мотострелковую дивизию, — под предлогом борьбы с грабежами в городе. Они осуществляли полный контроль.

Вот молодая женщина быстро шла по тротуару. Ему понравилось то, как она спешила, очевидно, встревоженная. У нее были длинные ноги, а груди вздрагивали в такт быстрым шагам.

— Вон та, — пробормотал он, и машина остановилась. Охранник спокойно вышел.

— Опасно ходить по улице молодой женщине в столь поздний час, — сказал он. — Разрешите вас подвезти.

Лимузин зашуршал по темным московским улицам. Он остановился перед высокой стеной, за которой, чернея, возвышалось какое-то здание. Оно раскинуло свои крылья в ночи...

— Где мы? — испуганно спросила она.

— Это Лефортовская тюрьма, — ответил он. — Она моя.

Не могло быть никого в столице, кто бы не знал, что

такое Лефортовская тюрьма. Лубянка тоже была известна, и ее оперативники неплохо справлялись, однако Лефортово славилось настоящими специалистами.

— Борис, — сказал Берия, — проводи нашу гостью в гостиную.

Они вошли внутрь. Берия не нуждался в спиртном, чтобы расслабиться. Ему нужна была жертва. Женщина, каждую ночь новая, молодая, красивая и испуганная...

Он смотрел, как она уходила на рассвете, спотыкаясь, поспешно удаляясь на заплетающихся ногах от мрачной башни, ссутулившись и кутаясь в порванную одежду. Еще один день. Еще день, и все будет принадлежать ему...

Он вышел наружу, туда, где его ждал лимузин, и сел. Он собирался вернуться на дачу, чтобы принять ванну и позавтракать, как делал всегда. Было важно не делать ничего, что выходило бы из обычного русла, особенно находясь среди людей, для которых наблюдательность была профессией. Конспирация должна быть конспирацией.

Около метро две громадные каменные женщины в рабочей одежде били по наковальне гигантскими молотами и держали гигантские клещи. Рядом стоял танк.

МВД не имело танков...

Армейский командир в башне холодно посмотрел на лимузин, когда тот прошуршал мимо, и Берия с беспокойством огляделся. На улице не было видно его войск. Он взял микрофон радиостанции, установленной в его большой машине.

— Кривицкий, — голос заместителя прозвучал незамедлительно и четко.

— Ты на месте! — с облегчением произнес Берия. — Слушай, на улицах армейские части, а наших войск не видно.

— Они не уходили с Лубянки, — спокойно сказал Кривицкий. — Вы в машине? Приезжайте сюда, а я тем временем выясню, что происходит.

Шины взвизгнули, когда тяжелый лимузин разворачивался на дороге, накренившись, как корабль. Глубокий скрежет двигателя, заработавшего на полную мощь, эхом отразился от зданий, когда машина набирала скорость. Когда он проехал, командир танка что-то сказал в микрофон, следя глазами за быстро уезжавшим автомобилем.

Кривицкий хорошо видел площадь Дзержинского из окна кабинета. Опершись рукой на подоконник, он смотрел, как черный лимузин подъезжал к зданию, сверкая на солнце, и исчез внизу, у входа.

Дверь вскоре открылась, впустив человека с головой,

похожей на голову грифа. В кабинет просочился слабый запах карболки из коридора: Лубянку постоянно дезинфицировали, там была показательная чистота.

— Так в чем дело?

Лицо Берии явно выдавало его чувства. Кривицкому доводилось видеть на нем много раз коварство, честолюбие, жестокость и похоть, но сейчас он увидел нечто новое — страх.

— Успокойтесь, — произнес он, — все идет хорошо.

У него на столе лежал лист бумаги, и он передал его Берии.

— Что это? — спросил Берия.

— Редакторы Большой Советской Энциклопедии просили меня как вашего заместителя написать о вас статью к изданию этого года.

Берия просмотрел бумагу с безумным видом и с тревогой.

— Что ты несешь? Это какая-то чушь о Баренцевом море.

— Это ближайшая к вам статья, — невозмутимо ответил Кривицкий.

Снаружи на площади послышался внезапный треск пулеметного огня. Берия поспешил к окну. На площади лежало несколько трупов охранников МВД. Следуя за танками, вооруженные армейские войска развертывались на площади. Сотрудники МВД выходили с поднятыми вверх руками. Они были гораздо храбрее с теми, кто не мог им оказать сопротивления, особенно с женщинами и детьми, поэтому сложили оружие и легли лицами вниз, как им велели.

Берия вдруг рванулся, чтобы запереть дверь, но она уже распахнулась, и гигантская фигура Акулова заполнила дверной проем. Он схватил Берия огромными, как ковши, руками, а люди Акулова обыскали его. Они нашли пистолет, который Акулов сунул в карман, а затем увели его.

Кривицкий стоял у окна, наблюдая, как армия устанавливала блок-посты. Он потянулся, чувствуя расширение своих владений, своей власти.

У дверей послышались шаги. Он повернулся. Он был в кабинете один, а в дверях стоял высокий гвардейский офицер. В руке он держал пистолет.

— Ты же мертв! — воскликнул потрясенный Кривицкий. Румянец сошел с его лица, а в животе похолодело.

— Нет, — ответил Владимир Савинков. — Нет, это ты мертв.

Берия тащили вниз по лестнице, стуча сапогами. Со-

трудники МБД стояли в большом вестибюле, подняв руки вверх и лицом к стене. Они тайком подглядывали через плечо, как их начальника уводят. Их охраняли солдаты, ударяя их прикладами не слишком бережно. Секретная служба долго охотилась за военными. Слишком долго...

Тяжелый бронетранспортер БТР-152 стоял задом как раз напротив входа. Его двойные задние двери открылись, внутри ожидали своей участи арестованные. Большой шестицилиндровый двигатель взревел, выхлопные газы потекли в здание.

Акулов и гвардейцы кинули Берию внутрь, и двери со скрежетом закрылись.

— Езжай, — приказал Акулов. Машина скрипнула передачей, и все ее шесть колес зашуршали по дороге.

Ожидавшие танки и БТРы заняли свои позиции, и конвой загрохотал на скорости по площади.

Собственный броневик Акулова, БА-64, стоял снаружи и ждал. Он уже почти сел в него, как вдруг в его голове возникла картина, словно кадр из фильма, картина, попавшая в поле его зрения, когда он подталкивал Берию к лестнице. Он резко повернулся и поспешил назад.

Дверь в кабинет Кривицкого была открыта. Сам Кривицкий стоял на коленях перед своим столом, его руки были распростерты во всю длину стола и прижаты двумя солдатами. Позади него стоял Савинков, с тяжелым пистолетом Макарова в руке.

— Нет, Володя, — сказал Акулов.

— Это не займет и секунды, — произнес Владимир, не оборачиваясь. Акулов подошел к нему сзади и отвел дуло оружия от затылка Кривицкого.

— Почему нет? — горячо спросил Владимир. — Мы ведь убьем Берию. Этот не лучше, ничуть не лучше.

Его голубые глаза сверкнули.

— Их всех надо уничтожить, — сказал он. — Сейчас у нас есть эта возможность.

— Тогда мы будем вынуждены расстрелять и всех партийных руководителей, Владимир. Не начать ли с Маленкова, Булганина, Молотова и Хрущева?

— Да! Их следует уничтожить.

— Хрущев дал мне только дивизию. Это называется бонапартизм. Я не мог бы сделаться царем, даже если бы и пожелал. А если я потерплю поражение, террор вернется, и погибнут еще миллионы. На этом пути нас ждет тупик.

Владимир опустил оружие в сторону, и Кривицкий со смертельно белым лицом осторожно встал на ноги.

Они снова пошли вниз по лестнице и вышли наружу к ожидавшему командирскому броневика. Они катили по улицам, а настороженные глаза граждан наблюдали за солдатами.

— Лучше этой дорогой, — сказал Акулов, поглядев в смотровое отверстие броневика. — Мы прибыли.

Белое, напоминающее свадебный торт, здание военного штаба возвышалось над ними своими башнями и шпилями. Они вошли внутрь, а снаружи продолжали концентрироваться пехотные войска и танки. Ступени вели вниз в подвальные помещения.

Резкий яркий свет пронизывал пустую большую комнату. Несколько человек стояли в ряд у дальней стены под охраной. Владимир увидел там Берию и узнал некоторых из его высокопоставленных прислужников — Меркулова, Деканозова, Гоглидзе, Мечика. В толпе, расположившейся по трем другим стенам, находились маршалы и генералы в полной парадной форме и члены Политбюро в штатских, казавшихся бесформенными костюмах. Он увидел суровые лица Жукова и Конева, их груди увешаны орденами и медалями, увидел блестящие глаза победителей: Маленкова, Булганина, Хрущева.

Помощники расстилали на полу брезент. У стены стояли ведра с водой и швабры.

— Мы все правильно делаем, Лаврентий? — насмешливо спросил Маленков.

— Ты не хуже меня знаешь, как это делать, — проормотал Берия. — Ты свое сделал.

Булганин взвел курок пистолета Макарова.

— Не этим, — предупреждающе сказал Жуков. — Пуля может отрекошетить куда угодно. Разве чекисты не используют для подобной работы малокалиберное оружие?

— Вот, — произнес Хрущев и открыл ящик в столе. — Они используют ТТ.

Их заставили встать на колени, точно так же, как они много раз заставляли это делать других. Когда Берия опустился на колени, он оглядел снизу кольцо своих убийц.

— Я бы всех вас прикончил! — злобно проговорил он.

Громко прозвучали выстрелы. Кровь и мелкие осколки костей забрызгали брезент.

— Сжечь трупы! — приказал Жуков. НКВД Берии было беспощадно к его армиям на всем пути до Берлина. — Нам не нужна никакая память о них.

— В Лефортово есть крематорий, — сказал Маленков, и солдаты подняли трупы и понесли их грузить в БТР.

— Пошли, Володя, — произнес Акулов. — Давай-ка уйдем отсюда.

Снаружи в свете солнечного дня они увидели, что бронетранспортер подъезжает к воротам. Он оставил тонкую дорожку капель крови от своего груза.

Иван Иванович и Владимир сели в командирский броневик и выехали на улицу, в тепло утреннего солнца...*

Москва, 25 февраля 1956

— Я не была здесь с того дня, когда император Николай отрекся от престола в пользу великого князя Михаила, — сказала Елена. — Это было за несколько месяцев до прихода к власти Керенского. Знаешь, мне кажется, что с тех пор прошла вечность.

Она уверенно вела Акулова через большой белый вестибюль главного входа во дворец, а потом через высокий проход с позолоченными дверями, над которыми располагался барельеф, изображающий святого Георгия, пронзающего копьём дракона. Огромный зал сверкал перед ними, высокий потолок с позолоченными кессонами поддерживал ряд колонн. Громадные, сверкающие люстры посылали потоки света на зеркально гладкий, мозаичный, сверкающий пол. Делегаты с сопровождающими бродили, рассматривая все это великолепие и удивляясь имперскому величию.

— Интересно, успели ли занести его имя до того, как все это рухнуло?

Они шли среди высоких бело-золотистых колонн, на которых были выгравированы имена.

— Эта воинская награда была учреждена в 1716 году. Посмотри, это названия полков и имена награжденных крестом.

— Вот он, Елена, — сказал Акулов. — Вот князь Михаил. Последнее имя в ряду.

Елена остановилась, смотря на красивые буквы, которые заканчивали ряд, вздохнула и отвернулась.

— Я хотела узнать, есть ли тут это имя. Мой дедушка, генерал, тоже должен быть здесь...

Когда они шли обратно, Акулов увидел небольшого лысого человека, беседовавшего у одной из колонн с двумя другими.

— Взгляни туда, — сказал Акулов, — это Ракоши. Тот человек, с которым я имел дело в Венгрии. Он коммунист.

* По официальной версии, Л.П.Берия был расстрелян по приговору суда в декабре 1953 г. — *Прим. ред.*

Елена посмотрела через зал.

— Он мне не нравится, — твердо произнесла она, и Акулов ласково улыбнулся. Он знал свою жену.

— Он называет себя венгерским последователем Сталина. В Будапеште есть бронзовая статуя Сталина, выше всех деревьев, а они там высокие.

Елена взглянула на венгерского диктатора неприязненно.

— Маленького роста... — шепнула она. — Что сейчас в Венгрии?

— Плохо, — коротко ответил он. — Экономика была в плохом состоянии в сорок восьмом, когда Сталин его поставил, и, судя по всему, теперь еще хуже. У них есть свое КГБ. Их аппаратчики редкостно трусливы.

— Как же не бояться, если иметь дачи и ездить в лимузинах с персональными шоферами! Есть что терять.

— Что-то странное произошло после смерти Сталина. Никита Сергеевич снял Ракоши и поставил моего старого знакомого Имре Надя. Мы с ним были молодыми большевиками еще до того, как появились старые, — усмехнувшись, сказал Акулов. — Я был ранен на фронте в первой мировой, когда был в армии царя, а его взяли в плен тогда же, когда он сражался в армии Габсбургов. Я познакомился с ним в Москве еще до революции. Он был совсем как твоя Рут — он желал нового лучшего мира для людей.

— А что он сделал, получив власть?

— Он постарался сделать страну нормальной, — тихо ответил Акулов. — Те, кого лишили дела, снова открыли свои магазинчики. Клубы и кафе расцвели, как цветы весной. По радио передают музыку, причем даже американскую. Говорят, что продаются западные книги. Женщины стали посещать салоны красоты, а продукты и напитки может купить каждый, кто хочет.

— И где же сейчас Имре, если этот крысенок снова приобретает власть?

— Это было слишком, — Акулов мотнул головой, указывая на всех вокруг, на делегатов партийного съезда. — Никита Сергеевич вернул Ракоши. Имре не признал своих ошибок, и теперь он впал в немилость.

Раздался звонок.

— Я должен идти на свое место, — сказал Акулов. — Я думал, что сидеть в броневике неудобно, но по сравнению с восьмичасовым сидением на съезде...

Она сдвинула его галстук на миллиметр или два и смахнула несуществующие пылинки с лацканов мундира.

— Когда ты находишься в царском дворце, ты должен

выглядеть безупречно, — озорно сказала она. — Мы увидимся вечером, мой дорогой. У меня есть пропуск, и я хочу еще побродить вокруг. Может быть, я больше никогда не попаду сюда снова!

Они разошлись в огромном вестибюле, и Акулов присоединился к сотням других, идущих в зал заседаний на очередное заседание Двадцатого съезда партии. Елена постояла, провожая его взглядом. Она вспомнила, как приходила сюда юной девушкой на чествование великого князя Михаила, провозглашенного царем. Два зала — Святого Александра и Святого Андрея — были тогда богато украшены, а теперь из них сделали один, длинный, как игровое поле. Он был строгим, а в его конце огромная статуя Ленина просматривала всю его площадь. За длинным покрытым красным сукном столом под нишей со статуей Ленина она различила Хрущева, Маленкова и Молотова. Она повернулась и пошла наверх по широкой лестнице. Большие двери захлопнулись — заседание было закрытым.

В верхнем зале она выглянула в окно. Совсем рядом сияли золотые купола. За Кремлевской стеной горизонт разрывался высокими, остроконечными, совсем не московскими строениями — домами-крепостями с окнами-бойницами и со шпилями. Сталинский стиль. Она отвернулась, и в этот момент из зала заседаний внизу донесся громкий всеобщий вздох изумления. Он замер, и одинокий голос что-то потрясенно выкрикнул, протестуя. Потом наступила тишина.

Акулов нашел свое место. Он многих узнал. Маршалы Конев и Жуков, соперничавшие во взятии Берлина, сидели вместе. Они кивнули ему. Венгерский лидер Ракоши находился неподалеку. Кривицкий тоже был там, и к нему вернулась обычная уверенность.

Маленький лысый человек в мешковатом костюме встал из-за длинного стола под статуей Ленина и прошел на трибуну. Он положил на нее пачку бумаг, взялся руками за деревянные барьерчики по обеим сторонам на ней и начал говорить. Как и все остальные, Акулов принял подходящий случаю внимательный вид, устремив глаза на Хрущева. В этом своеобразном искусстве некоторые преуспевали так, что ухитрялись слушать, аплодировать и даже голосовать, ни на минуту не просыпаясь.

Но на этот раз уж точно не спал никто.

— Заголовок моего доклада сегодня: «О культе личности и его последствиях», — сказал Хрущев. — Кто тот, о ком я говорю? Чей культ? Чьей личности? Каковы последствия этого культа?

Хрущев оглядел огромный зал. Странная дрожь прошла по залу, когда собравшиеся делегаты чуть сдвинулись на своих местах, пытаясь лучше увидеть его, ибо так никогда еще не начинались доклады на партийных съездах.

— Этот человек — Сталин, — ясно выговорил Хрущев. — А последствие культа личности Сталина — это массовый террор, обнищание, уничтожение людей до, во время и после войны, тяжелые жертвы, которыми нам пришлось заплатить за победу. Генсек заставил нас поверить в то, что он был гений, но он был злым гением нашей страны.

Сдерживаемый вздох пронесся по залу. Из рядов кто-то, потрясенный кошунством, выкрикнул ругательство в адрес Хрущева. Но его соседи остановили его, и Хрущев продолжил в общей напряженной тишине.

— Кое-кто хорошо знал особенности личности Сталина, когда страна победившего социализма еще была очень молода. И кто же это был? — Он повернулся и жестом показал на огромную статую Ленина сзади себя. — Ленин. Ленин, чьи принципы мы обязаны восстановить при дальнейшем построении нового общества. Эти принципы были нарушены в результате культа личности Сталина. Ленин понимал всю опасность, если во главе партии станет Сталин. Перед смертью он написал «Письмо к съезду». Это письмо известно как его завещание. Сталин утаил от коммунистов это письмо. Ленин видел, что руководство нашим великим движением почти сошло с начертанного им пути, и желал направить своих последователей. Он рассмотрел достоинства и недостатки шестерых людей, которые могли стать его преемниками. Мы знаем их имена: Зиновьев, Каменев, Бухарин и Пятаков. И еще Троцкий и Сталин. Если бы кто-либо из названных здесь присутствовал, он встал бы.

Хрущев обвел зал вопросительным взглядом.

— Но их здесь нет. Сталин, как мы знаем, умер. Но где другие? Все другие мертвы. Уничтожены Сталиным как «враги народа». Оклеветаны. Именно Сталина следовало расстрелять. Именно Сталин был врагом народа.

Вновь ошеломленный вздох потрясения. Некоторые озирались, недоумевая, почему чекисты, работники ГПУ, НКВД, МГБ или КГБ не хватают Хрущева и не тащат его из зала куда следует.

— Что говорил Ленин о Сталине? Он сравнивал его с Троцким, сказав, что они «два выдающихся вождя современного ЦК». Правильная оценка. Троцкий вместе с Лениным осуществил победу большевистской революции. Сталин был, конечно, выдающимся человеком, но свои

качества он направил на собственное возвеличивание, отказавшись от величайшего принципа коммунистической партии — от коллегиальности.

Где-то зарыдал человек. Так не могло быть! Всю жизнь ему внушали, что солнце всходит потому, что есть Сталин, и заходит по его указанию. А Троцкий был врагом революции — и его сравнили со Сталиным!

— Ленин предупреждал: «Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Осторожно. Даже Ленин не смог предугадать, что сделает Сталин со своей необъятной властью. Но что еще он сказал? Он сказал, что Сталин груб. Груб, капризен, нетерпим, невнимателен к товарищам. И он говорил, что товарищи по партии должны подумать о способе перемещения Сталина с его поста и назначении другого человека, который бы в этом отношении отличался от Сталина.

Хрущев посмотрел на потрясенных делегатов, выхватив нескольких взглядом.

— Если бы это было сделано, — тихо произнес он, — наша страна, наша партия значительно бы отличались от того, что мы имеем сейчас. Сталина провозгласили закаленным ленинцем, настоящим коммунистом. Он не был коммунистом. Он отказался от методов идеологической борьбы ради административного насилия, массовых репрессий и террора. Кто бы ни возражал ему, а этот список включал многих честных коммунистов, тот был обречен на моральное и физическое уничтожение.

Делегаты долго сидели в зале, ибо Хрущеву было много чего сказать. Список страха был очень длинный. С людьми обращались жестоко, партийное руководство уничтожено. Он расстрелял лучших военачальников и гражданских руководителей, он снабжал Гитлера стратегическим сырьем до самого дня нацистского вторжения. Он не желал слушать предупреждений о готовящемся нападении и не разрешил подготовить оборонительные позиции. Чрезвычайно кровопролитная война, которая последовала, во многом оказалась такой из-за его неумелого руководства. Ее выиграли воины Красной Армии вопреки, а не благодаря сталинскому руководству, поскольку человек, который после войны присвоил себе звание генералиссимуса, был некомпетентным главнокомандующим, чьи единственно настоящие таланты лежали в способности терроризировать свое окружение и страну.

Акулов смотрел на Конева и Жукова и видел, как они кивали головами в знак полного согласия.

Как и другие, для которых содержание доклада Хрущева не было полной неожиданностью и которые знали о преступлениях сталинизма, Акулов оценивал то, что было и не было сказано. Сталин со своими подручными Ежовым и Берией оказывались единственными лицами, ответственными за происходившее. Три человека. Хрущев был очень аккуратен, указывая, что именно на них, а не на системе лежит вина. Более того, он ясно дал понять, что только эти три уголовника несут ответственность за «нарушения социалистической законности». Теперь это ушло в прошлое, заявил он съезду. Правильные взаимоотношения между партией и органами безопасности восстановлены, «как это было в дни Ленина и Дзержинского». Восстановлен партийный и государственный контроль над органами внутренних дел и КГБ. КГБ — их верный слуга, их «щит и меч». Ленинские нормы партийной жизни восстановлены, с последствиями культа личности Сталина в партии предстоит бороться.

Акулов посмотрел на Кривицкого. Тот сидел, расслабившись, пока Хрущев заверял делегатов, что органы государственной безопасности будут усилены, что их революционная бдительность должна быть поднята на еще большую высоту.

Акулов видел членов ЦК за длинным столом за спиной Хрущева. Молотов и Маленков выглядели совсем неважно. Они были похожи на живые трупы, которых пригласили присутствовать при эксгумации, совершаемой Хрущевым.

Он увидел венгра Ракоши, водрузившего бронзовую статую Сталина в Будапеште выше деревьев. Тот сидел бледный и потный, как человек, приговоренный к смерти.

* * *

На расстоянии более километра немецкий танк Mk-IV казался всего лишь маленьким черным квадратом на фоне белой из-за тихо падавшего снега местности. Скрытая на огневой позиции пушка советского танка тут же повернулась, как только наводчик поймал его в свое поле зрения.

Они почувствовали удар взрывной волны, когда выстрелило 115-миллиметровое основное орудие. Акулов, чьи глаза не утратили зоркости, увидел, как черный снаряд пронесся над снегом по почти плоской дуге. Когда он вошел в цель, Акулов убрал руки от ушей. Он услышал резкий металлический звук удара, донесенный холодным ветром.

— Отлично, — сказал он.

Из башни танка, стоявшего на огневой позиции, послышался шум. Крышка люка поднялась вверх, и солдат выбросил дымящуюся гильзу, держа ее руками в рукавицах. Она зашипела на грязном снегу, покрывавшем зазеленевшую землю.

— Мы все еще работаем над автоматической системой выбрасывания, — сказал Садовский. — Предполагается, что гильза должна двигаться по желобу, когда орудие автоматически поднимается после выстрела, и выбрасываться через люк в тыльной стороне башни. Но иногда она зависает. Мы с этим разберемся. Это все же Т-55 с некоторыми деталями Т-62. Он еще не полностью разработан. Но давай посмотрим на Mk-IV.

Они сели в джип и поехали вдоль линии огня по направлению к цели.

— Броневой откидывающийся наконечник со стабилизирующим оперением, — сообщил Садовский. Он держал руль между большими пальцами и ладонями. Неровный ряд пеньков, которые когда-то были его пальцами, был обработан хирургом.

— Наконечник, который насажен на снаряд в пушке, отваливается в полете, когда раскрывается оперение и стабилизирует его. Он пробивает 300-миллиметровую броню на расстоянии более километра.

— Умное изобретение, — заметил Акулов. — Я бы хотел, чтобы он у нас был во время войны. Кто додумался до этого?

— Какие-то американские разработчики орудия, — ответил Садовский.

— Так это не наша идея?

— Нет. Мы добыли полный комплект чертежей через ГРУ, военную разведку.

— Почему мы должны этим заниматься? — спросил Акулов. — Разве у нас нет собственных конструкторов?

— Конечно, есть! Ты это знаешь, Иван. Военные получают все только самое лучшее, касается ли это материалов, ученых или инженеров, — он махнул беспалой рукой в сторону дальнего дымка на бледном, молочно-голубом небе, где была Москва. — Остальные получают брак, хлам. Качество военной продукции лучше, чем идущей на экспорт, однако его все же трудно поддерживать.

— Поддерживать? — удивился Акулов.

Никого рядом не было, только они двое, да старый вражеский танк в качестве мишени.

— На уровне Запада, Иван Иванович. Там люди не имеют дела с браком. Они питаются, как номенклатура,

и оружие у них тоже хорошего качества. А также многое другое.

— Знаю. У меня есть родственница, моя племянница Татьяна. Она экономист в Новосибирске. Она рассказывает мне об этом. Западная экономика может нас просто изнурить, продолжая при этом давать людям то, чего они хотят.

— Неважно, Иван Иванович. Истинный коммунизм скоро наступит и обеспечит каждого всем, похоронив тем самым капитализм. Никита Сергеевич дал нам свое слово. И этот танк, возможно, никогда не увидит своего противника, так как Никита Сергеевич все деньги вкладывает в ракеты с ядерными боеголовками. Водородные бомбы ставят на вооружение, а танки снимают. А сейчас посмотри на это. Вот входное отверстие, — он показал на маленькую, почти незаметную дыру как раз под башней танка. — Теперь, если мы заберемся сюда...

Он взобрался на танк, используя джип как ступеньку, и заглянул в башню, у которой не было крышки люка. Внутри танка царил полный хаос.

— Раскаленные добела детали залили все внутри, — сообщил Садовский, — а именно — экипаж.

Акулов кивнул с должным уважением.

— Очень эффективное оружие, — сказал он.

— Т-62 способен также вести стрельбу ночью. Он имеет инфракрасные дорожные и поисковые фары. Конечно, это еще даже не прототип, мы просто испытываем наши системы.

— Он будет очень действенным, — согласился Акулов. Они слезли с танка и пересели в джип. — Но чего добились они? — спросил Акулов. — На Западе?

— Ты не знаешь?

— Я генерал. Я получаю красные тассовки. Ответственность получает «Правду». Тассовки дают мне почти такой же уровень подлинной информации, какой на Западе представляется британской «Таймс» или американской «Вашингтон Пост». Если я обращусь к ним, я могу получить из спецхрана несколько экземпляров западных военных журналов и книг, уже переведенных, которые, однако, могут быть прочитаны только мной в читальном зале. На Западе они свободно продаются в магазинах.

— Поэтому я знаю, что если мы затеем против них войну, мы сможем ожидать встречи с их «Центурионами» и М-48. У меня даже есть некоторые мысли об их способности. Но люди, которые будут сражаться, не имеют мыслей, потому что им не разрешено. «Не говори своему

лучшему другу того, чего не должен знать твой брат», — вот как обстоят дела. Во всех частях обязательно есть работники КГБ для поддержания «секретности». Если они узнают, что какой-нибудь из моих офицеров располагает информацией о современном западном вооружении, его арестуют как шпиона!

Садовский завел двигатель и поехал прочь от мишени.

— Все это сущая ерунда, Иван Иванович, — сказал он, смеясь. — Они никогда не вторгнутся к нам, потому что просто заблудятся, так как мы не выпускаем карт!

Он повернулся и посмотрел на Акулова. Его глаза язвительно сверкнули на багровом лице, которое было когда-то обморожено и не обрело уже прежнего цвета.

— Разве это не гениально? Лишить врага жизненной информации? И пусть они спотыкаются в Москве на каждом шагу, они не смогут никому даже позвонить по телефону, потому что отсутствуют телефонные справочники!

Он разразился смехом.

— Хочешь выпить, Петр Павлович? — с сочувствием спросил Акулов.

— Да, — ответил Садовский искренне, и они поехали к новому заводскому комплексу. Когда они припарковали джип, Садовский махнул искалеченной рукой вокруг себя.

— Разве это не странно? Когда мы работали в лагерях как зеки-специалисты, одна ошибка — и нас возвращали на шахты и обрекали на смерть. А теперь — гарантированное расширение устарелого производства. Даже если ты делаешь что-то некачественное, ему все равно находят применение. На днях я разговаривал с Беляковым в конструкторском бюро МиГов. Его МиГ-21* превосходит самолет Сухого по всем показателям, но продолжают производить суховский самолет. Его превратили в своего рода штурмовик, — он близко придвинулся к Акулову, глядя ему прямо в глаза. — Ну, а как дела у тебя, Иван Иванович? Какие технические детали применяли к тебе? Эта сволочь Вышинский повесил на крюке бедного Андрея в фургоне, в котором увезли меня. Я обнаружил его в темноте... Моя дочь кричала и звала меня, когда ее вытаскивали из постели... Анна покончила с собой на моих глазах... Я допустил беду, Иван Иванович, хотя обещал оберегать их...

— Никто из нас не мог такое обещание выполнить, — мягко сказал Акулов. — Давай лучше выпьем, и я пишу документы об испытании.

* Выпуск самолетов МиГ-21 начался в 1958 г.

Они пошли наверх в кабинет Садовского и уселись на финские стулья из отбеленной сосны. На невысоком столике стоял поднос с двумя стопками и графином с запотевшими стенками. Садовский налил.

— Я действительно не в себе, Иван Иванович. Я больше не могу сконцентрироваться. Я построил танковый завод с нуля, и мы перегнали немцев, а сейчас я с трудом могу провести рядовые испытания.

Он осушил свой стаканчик и налил другой.

— Я не могу сосредоточиться, а воспоминания продолжают наплывать... не только воспоминания. Я там... Я часто мечтал, видел сны, но просыпался и оказывался в реальном мире. Но теперь я не могу очнуться... здесь... и до сих пор то, что происходит в моей голове — более реально...

Акулов поставил свой стакан на стол, так и не пригубив. Было десять часов утра.

— Ты можешь поговорить со мной, Петр Павлович, — ласково сказал он. — Я тоже там был.

— У тебя тоже такое? Это тоже с тобой случилось? — спросил Садовский.

— Наверное, не так тяжело. Но я не могу выносить лая собак... тех псов, что были на Колыме, приучали разрывать нас, в одежде зеков, по команде... это, и еще стук металла о металл. Это первое, что мы слышали по утрам. Не так ли — охрана стучит о рельсу молотом в темноте, и впереди тебя ожидает еще один проклятый день?

— Собаки, да... помнишь Бориса, который был на поезде с нами? Мы втроем обслуживали его — он, я и Андрей. Мы работали вместе на моем танковом заводе до того, как нас арестовали, и Борис оказался со мной в лагере. Мы вместе работали в лесозаготовительных бригадах.

— Я знаю, — сказал Акулов, и Садовский поднял глаза.

— Я тебе уже рассказывал? Я забываю многое, что было недавно. Я помню то, что произошло тогда, что все время в моей голове...

— Неважно, — тихо произнес Акулов. — Расскажи мне, что случилось с Борисом.

— Собак всегда хорошо кормили. Настоящим мясом... Что-то нарушилось со снабжением, я думаю, что железную дорогу заблокировало... Собаки начали голодать, и охранники стали обсуждать, что делать. У них были лошади и другой скот, но они считали, что это слишком дорого. Один из охранников предложил разрубить трупы умерших зеков, те, что были сложены, словно бревна, но, разумеется, они напрочь замерзли. Мы пошли, как всегда, на

лесоповал, и охрана, конечно, с собаками. Бориса они поставили первым. С него сняли одежду и скормили его собакам. Ему топором раскроили череп, и псы сожрали его мозги... Они накормили собак утром и второй раз после полудня. Потом со снабжением наладилось...

Пот градом стекал с его лица. Он еще выпил водки.

— Еда... мы думали о ней все время. Видели ее во сне. Невероятно живые сны. Более реальные, чем сексуальные сны. Там была докторша, подходящая, свободная, работавшая по контракту, не зечка. Женщина. Она любила собирать грибы. Они росли в определенной части леса. Мы знали, что она ходит туда собирать их. Однажды мы дождались ее. Она закричала и побежала, увидев нас, потому что подумала, что мы хотим ее изнасиловать. Но она была нам нужна совсем для другого... Мы прирезали ее и зажарили на костре, Иван Иванович... Она была очень упитанной. Я до сих пор помню запах дыма...

Пот струился с его лица за воротник его рубашки, образуя на ней расширяющееся темно-синее пятно.

— Двигатели танков, — пробормотал он. — Я ненавижу двигатели. Они заводили грузовики, и работавшие с увеличенными оборотами моторы заглушали звуки. Я увеличивал обороты, а они забивали людей насмерть ломami... Воздух в ангарах был всегда зловонным от крови и водки, потому что они всегда были пьяны. Я пью водку и снова попадаю в ангар, в месиво из крови, мозгов и осколков костей. Череду испытаний...

Он поднял на Акулова отчаявшиеся глаза.

— Я вытащил тебя сюда, чтобы ты посмотрел испытания, Иван Иванович, и ты приехал, даже зная, что в этом нет нужды. Я могу говорить с тобой, и ты меня понимаешь. Все мертвы. Борис и Андрей. Моя жена и дочь. Никто не сможет понять... Я просыпаюсь ночью, и моя дочь кричит: «Папа, папа», и я больше никогда ее не видел... Если бы Галя была жива, Иван, у меня было бы ради чего жить. Она бы помогла отогнать чудовищ...

Садовский покачнулся на стуле и медленно свалился с него. Акулов встал и положил его поудобнее на бок. Графин был почти пустой. Он вышел. За письменным столом в приемной сидела секретарша.

— Позаботьтесь о Павле Петровиче, — сказал он, и она кивнула. Ее глаза смотрели с сочувствием.

Он вышел наружу. Его «Чайка»* стояла у края испытательного полигона, и он направился к ней. В отдалении маневрировал образец перспективного Т-62 на полумильной испытательной полосе с крутыми подъемами и спус-

* Выпуск «Чаяк» начался в 1959 г.

ками, оврагами и гребнями. С интересом профессионала он решил понаблюдать за ним. В его машине был термос с горячим кофе, и в ожидании он налил себе полную кружку и подержал ее в ладонях, наслаждаясь теплом.

На холоде кофе остыл за несколько минут настолько, чтобы выпить. Рев двенадцатицилиндрового двигателя означал начало его работы. Акулов смотрел, как танк набрал скорость и глубоко погрузился в первый овраг, потом появился на другой стороне оврага, взметнув высоко в воздух грязный снег своими широкими гусеницами. Экипаж задраил люки, удерживаясь внутри от сильной тряски.

Кто-то бежал к нему через обледеневший грязный кустарник. Шатающаяся, неустойчивая фигура. Человек упал, но поднялся и неверной походкой двинулся дальше.

Акулов ругнулся, отбросил кружку и ринулся в погоню. — Петр! — орал он. — Петр Павлович!

Садовский посмотрел назад диким безумным взглядом, и Акулов увидел, что он безнадежно махнул короткопалой рукой и побежал дальше. Он что-то выкрикивал, но слова тонули в грохоте приближавшегося танка.

Танк скрылся из виду, опустившись по замерзшему склону на дно оврага. Слышался только рев механического движения сорока тонн металла, и Садовский упал плашмя на край дороги.

Но Акулов уже был рядом. Он обхватил его своими огромными руками и распластался возле него, прижимая его к земле. Танк вылез из оврага и быстро надвигался на них. Через минуту он промчался над ними как экспресс.

Шум стихал, удаляясь по дороге, и Акулов поднял голову над ледяной грязью. По обе стороны от них, прямые, как трамвайные пути, пролегли огромные колеи от гусениц. Садовский лежал рядом с ним и плакал, и слезы стекали и капали на замерзшую землю.

— Ну-ка посмотри, что ты натворил, — ласково произнес Акулов. — Смотри, как мы вымазались.

Он поднял Садовского на руки и понес так же легко, как ребенок нес бы кошку.

— Сейчас нам надо пойти домой и переодеться, — говорил он, направляясь через полигон к своей машине. В конце полосы танк поднимался наверх.

— Тебе лучше поехать ко мне домой, Петр Павлович. Мы не можем тебя здесь оставить. А когда мы приедем домой, давай позвоним Никите Сергеевичу. Он выпускает зеков из лагерей. Если Галина жива, он найдет ее.

Будапешт. Венгрия, 23 октября 1956

Рассвет начал заполнять маленькую комнату, и Рут задула свечу, при которой печатала. Из своего окна в Буде она могла видеть деловые и торговые районы Пешта на противоположной стороне извилистого Дуная. Изысканные силуэты старинного города устремлялись ввысь в бледном свете раннего утра, зеленые пятна парков осень перекрасила в пурпур и золото. Рут открыла окно, чтобы выветрить сигаретный дым. Закончив работу, она обычно спускалась в кафе. Она снова села перед своим портативным «Ремингтоном», и тонкие металлические рычажки ритмично задергались, словно ножки пляшущего паука, оставляя на страницах черные следы букв, которые складывались в ровные строчки.

«Народ Венгрии сражается за свободу. Порабощение и тирания хорошо известны венграм, и поэтому они избрали путь вооруженного сопротивления. В течение веков они неоднократно поднимали восстание против тех, кто поработал их. Венгры знали свободу. Это было совсем недавно, и сладкий вкус свободы еще помнят люди, которые находятся за стенами комнаты, в которой я печатаю. Когда пала в 1918 г. империя Габсбургов, венгры обрели самостоятельность и независимость.

Всего два десятилетия спустя их вновь лишили свободы войска Адольфа Гитлера. В конце войны Венгрия была «освобождена» сталинской Россией, и люди получили новую черную тиранию вместо прежней. Поставленный во главе страны русскими Ракоши был сатрапом и верным прислужником Сталина. Его секретная полиция «Allamvedelmi Hivatal**», сокращенно AVH, арестовала и подвергла пыткам десятки тысяч неповинных мужчин и женщин. Жизнь в Венгрии стала беспросветным существованием в страхе и нищете.

* Имеется в виду «русские домой», однако «русские» по-венгерски — «oroszsag».

** Allamvedelmi Hivatal (венгр.) — служба государственной безопасности.

Потом произошло почти чудо. Сталин умер. Его при- спешник Ракоши был отстранен от должности. К власти пришел новый руководитель — Имре Надь. Хотя он и оставался всю жизнь коммунистом, он дал венграм возможность снова жить. Мужчины и женщины вновь могли встречаться в знаменитых кафе Будапешта, разговари- вать, шутить, обсуждать политические вопросы без стра- ха ареста. Они не боялись, ибо симпатичный человек, беседующий за соседним столиком в «Гербауде», вполне мог быть самим премьером Надем. Люди знали, что он разрешил своей дочери выйти замуж за священнослужи- теля, что он любит искусство — живопись, музыку и театр, любит хорошо поесть и может выпить. Его можно было встретить на футбольном матче, болеющим за зна- менитый «Гонвед»*, венгерскую футбольную команду. Он был открытым и понятным для народа человеком.

Но это не могло долго продолжаться. Жизнь в Совет- ском Союзе мрачна. Русские могли узнать, что венгры счастливы во вновь обретенном нормальном человечес- ком существовании. Надя отстранили и вернули Ракоши.

Но произошло второе чудо. Первым явилась, к несчас- тью, слишком запоздавшая смерть Сталина. Вторым стали разоблачения, сделанные Никитой Хрущевым в ныне ши- роко известном «секретном докладе» на XX съезде Комму- нистической партии. Новый ветер задул из Кремля, и впер- вые за десятилетия он не нес запаха крови и страха. Свежий ветер надежды и обновления витал в воздухе.

Русские ушли из соседней Австрии год назад. Теперь австрийцы работают 45 часов в неделю, а не 60, как вен- гры, и получают заплату на 230% выше, чем венгры. Люди увидели, что происходит в соседней стране. Если такие результаты достигнуты Австрией, этих результатов могут добиться и венгры, и другие народы. Первыми, кто подверг испытанию новый настрой русских, стали поляки. Их уме- ренный лидер Гомулка открыто выступил против сталинс- кой политики, применявшейся к его стране еще буквально месяцем раньше. Студенты и рабочие вышли на улицы. И тогда случилось третье чудо. Хрущев вылетел в Варшаву, встретился с Гомулкой и приказал вывести советские тан- ки. От колхозов отказались, как от ненужного хлама. Из тюрьмы выпустили кардинала Висжинского.

Здесь, в Будапеште, люди наблюдали. Ракоши ушел, но человек, заменивший его, был тоже советским аппа- ратчиком. Эрнст Геро был ранее сотрудником тайной полиции. Сталинист, бездушный и сухой, он пресмыка-

* Гонвед (венгр.) — защитник отечества; название венгерской армии в XIX—XX вв.

ется перед Москвой, отказавшись даже от венгерского гражданства в пользу гражданства СССР. Венгры ненавидят его. Люди хотят видеть на его месте самого популярного человека в стране, человека из Капошвара — Имре Надя.

Решение оккупированных русскими восточноевропейских народов, которым навязали бесцветные коммунистические правительства, послушные приказам Москвы, было выражено немцами Восточной Германии, первыми поднявшими мятеж в 1953 г. Некоторым восточным немцам удалось бежать через Берлин на Запад. Сотни тысяч ежегодно бегут из Восточной Германии — от ученых до простых рабочих, от медсестер до их пациентов. Целому юридическому факультету Лейпцигского университета удалось перейти границу *en masse**.

Венграм некуда уходить. Поэтому студенты и рабочие вышли на улицы. К ним присоединились курсанты военных училищ и члены коммунистической молодежной организации. Они сорвали с себя ненавистные советские символы. Прошлой ночью они сбросили гигантскую статую Сталина и сожгли свои партийные и комсомольские билеты на пустом пьедестале. По всему городу слышны крики: «Смерть Геро! Смерть AVH! Ruzsik Haza!», что значит: «Русские, убирайтесь домой».

Из открытого окна донеслись скрипучие звуки, словно что-то перемалывали. Металл терся о булыжник, урчали мощные дизели, и она встала. В отдалении по набережной двигались тускло окрашенные танки. Они повернули на Мост Маргариты, пересекавший реку в Пеште.

Рут быстро села и напечатала:

«Сегодня, в среду, 24 октября, на рассвете, я только что видела группу советских танков, двигавшихся в город. Все помнят, как танки вошли в Варшаву, когда поляки поднялись против сталинизма. Сейчас они здесь и приведены в состояние боевой готовности. Венгры, снова осознавшие себя нацией, могут только надеяться, что танки,двигающиеся сейчас по их столице, подчинятся требованию венгров: «Ruzsik Haza!»

Рут вытащила страницу из машинки, приложила ее к напечатанным раньше и сложила их в крепкий коричневый конверт, облизав покрытые клеем края клапана и прижав их быстрым движением руки. С улицы послышался гудок автомобильной сирены, и она поспешила вниз по лестнице.

Он нервничал, ожидая ее в вестибюле, ее британский бизнесмен. Его маленький черный «остен» стоял у входа.

* *En masse* (франц.) — все вместе.

Она вручила ему конверт, и он быстро сунул его под куртку.

— Офис «Рейтер» в Вене, — сказал он, и она ободряюще улыбнулась ему.

— Возвращайся поскорее, — сказала она. — Знаешь, как говорят? «В Вене надо жить, Прагу — увидеть, а в Будапеште — развлекаться».

— Может быть, именно поэтому здесь русские, — без выражения ответил он. — Чтобы развлечься.

Она услышала шум его отъезжавшей машины и вошла в кафе. От старинной кофеварки шел пар, пахло кофе и ароматным хлебом.

Она позавтракала и зашла к себе, чтобы взять зейссовские объективы и камеру*. Она надела широкие брюки, прогулочные сапожки, крепкую ветровку, сунула в карман нераспечатанную пачку сигарет «Мункаш» и вышла.

Она перешла на другую сторону реки по элегантному Цепному мосту и оказалась в Пеште. По Академической улице шли люди. Некоторые несли мертвые тела своих близких, которые были расстреляны на Парламентской площади агентами службы безопасности ночью, во время демонстрации в поддержку Надя. Рут сделала несколько снимков. На углу улицы стоял русский танк Т-34, нелепо украшенный венгерским триколором. Несколько юношей и девушек разговаривали с экипажем. Молодые русские солдаты казались смущенными. Им сказали, что они будут противостоять фашиствующим нацистам, поднявшим голову в Венгрии, они хотели понять, кто напал на венгров. Рут их тоже сфотографировала.

Она двинулась дальше. Донесилась пулеметная стрельба, ружейные выстрелы, глухие раскаты танковых пушек. Небольшая девочка, лет десяти, в грязноватом белом платьице бежала по улице. Она увидела Рут и кинулась через дорогу к ней. Она быстро и взволнованно говорила ей что-то по венгерски.

— Твой брат? — переспросила Рут, которая слабо знала венгерский. — Ты не можешь сказать по-русски?

— Да! — крикнула девочка. — Идем быстро, они убивают моего брата и Шандора!

Рут побежала с ней. В маленьком запущенном сквере под деревом стояла группа людей. Трое были легко опознаваемы по голубым петлицам на воротниках — это были сотрудники службы безопасности. Автоматы ППШ с круглыми магазинами висели у них через плечо. Они держали двух юношей. Они уже накинули петлю на шею одного из

* Зейсс, Карл (1816—1888) — немецкий оптик, организовал промышленное производство оптических приборов.

них и приподняли его в воздух, перекинув веревку через толстую ветку. Он бился, как рыба. Его лицо побагровело.

— Вы что это делаете! — заорала Рут по-русски. Они повернулись, удивленные, выпустив веревку, и юноша упал на землю.

— Это преступники, — сказал один из них. Он показал на разбитый памятник, явно периода социализма, торчавший неподалеку. Тяжелый молоток и гипсовые обломки валялись рядом.

— Они посягнули на социалистическую символику. Они заражены западной идеологией. Поэтому мы их повесим.

Рут подняла камеру и сделала снимок.

— Тогда мне надо сфотографировать ваши мерзкие лица, чтобы весь мир знал, как выглядят преступники, — сказала она. Сотрудник АОН побагровел от ярости и бросился к ней.

— Ты отдашь мне это, или я тебя тоже повешу!

В ее памяти мелькнули Арисейг, борцовские маты в шотландском сельском доме и ее учитель. Когда он закончил ее обучение, она могла с легкостью искалечить или убить человека, вес которого был больше ее веса на шесть стоунов*. Ей показалось, что она все еще в Шотландии. Ее руки сами схватили его и стукнули его об землю. Крик ужаса, вырвавшийся у него, сопровождался сухим треском ломающихся костей. Она тут же откатилась в сторону, поднимаясь на колени, а он остался лежать с неестественно повернутой шеей. Его сообщники остолбенели, не веря своим глазам. Пока они неуклюже снимали оружие, она уже взяла автомат, который выронил нападавший. Их научили в Арисейге разбирать, собирать, заряжать и стрелять любым из двух дюжин видов оружия в темноте. Ее руки помнили ППШ, будто никогда не расставались с ним.

Она выстрелила двумя короткими очередями, и сотрудники службы безопасности упали как подкошенные. Она повесила автомат на шею и подошла к юношам, застывшим с белыми лицами у дерева. У того, кого чуть не повесили, шею еще стягивала веревка. Она достала из кармана складной нож и разрезала ее. На шее остался багрово-синий след. Девочка смотрела на нее с восхищением.

— Кто вы? — прошептал благоговейно юноша.

Теперь она увидела, что она спасла от расправы совсем юных ребят.

— Друг, — ответила она. — Вы знаете русский?

* Стоун — английская мера веса, равная 6,34 кг.

— Мы все обязаны знать русский язык, — сказал он и отвернулся, сплюнув. — Нас заставляют его учить.

— Это я ее привела, — девочку переполняла гордость, которую она не могла скрыть.

Рут наклонилась и сняла оружие с убитых.

— Вам это нужно? — небрежно спросила она. — Можете взять.

— Я Шандор, — произнес первый юноша, он выглядел не более чем на четырнадцать, и его подбородок был совсем гладким. — А это Миклош.

— Мой брат, — добавила девочка. — Меня зовут Ева.

Юноши взяли автоматы и другое оружие.

— Желая вам более приятно провести время, — сказала Рут.

— Нет, нет, — запротестовал Шандор. У него были ярко-рыжие волосы, как у Джонни Николса из Америки. — Мы будем с вами. Мы просим вас научить нас стрелять.

— Наш отец в застенках AVH, — сказал Миклош. — Мы покажем вам, где это, и вы объясните нам, как его освободить.

Пока они шли по улицам, к ним присоединялись другие юноши и девушки.

— Это наши друзья, — сказал Шандор. — Мы все будем вашими солдатами.

Девочка решительно пристроилась рядом с Рут, оставляя свои права на нее.

— Это я нашла ее, — с гордостью сказала она.

Рут распределила ручные гранаты и пистолеты ТТ, взятые у убитых, и подростки держали их с благоговением и восторгом. Она кратко проинструктировала их, как обращаться с оружием.

— Держите чеку на месте, — предупредила она.

Идя по дороге, они слышали пулеметную стрельбу, и им все чаще встречались то тут, то там полотнища венгерского флага, которые обычно вывешивались на стены домов по праздникам, теперь они лежали как покрывала на телах погибших. Выйдя к площади, они остановились.

— Вот там, — сказал Миклош. — Это здание AVH. Там держат нашего отца.

Поврежденные машины загромодили площадь. Почти рядом со зданием горел грузовик. Несколько студентов вели из-за него пулеметный огонь, тогда как другие стреляли, укрывшись за деревьями. Сотрудники службы безопасности вели ответный огонь из окон укрепленного здания.

— Бесполезно, — произнесла Рут. — Нельзя взять

такое здание только с помощью пулеметов. Надо, чтобы в нем была брешь. Надо пробить дыру.

Юные лица смотрели на нее с надеждой.

Она повела свое необычное войско назад, вниз по улице. Из укрытия аллеи они внимательно рассматривали станцию, подступы к которой охраняли советские солдаты. У них были противотанковые орудия. Четверо солдат стояли за укреплением из мешков с песком.

— Вот эти орудия, — сказал Шандор. — Ими можно пробить стену АУН.

Рут оценила обстановку.

— Нет, слишком далеко, — произнесла она. — К тому же солдаты настороже, и они за укрытием.

Они двинулись дальше. На набережной она увидела танк, а рядом броневик с открытым верхом. Широкоплечий человек был внутри, он разговаривал с двумя офицерами.

— Ага, — сказала Рут, снимая автомат и передавая его одной из девушек. Затем она заткнула за ремень брюк пистолет ТТ, прикрыв его сверху ветровкой.

— Оставайтесь здесь, — распорядилась она. — Ты пойдешь со мной, Ева.

Она взяла девочку за руку, и они двинулись через дорогу к броневiku. Несколько солдат находились поблизости, но они равнодушно посмотрели на женщину, которая шла куда-то с дочкой. Они остановились на тротуаре, и Рут подняла глаза.

— Здравствуй, Иван! — сказала она.

Акулов удивленно обернулся.

— Рут! — воскликнул он радостно. — А ты что тут делаешь?

— Пишу для «Рейтера», — ответила она. — Выйди же ко мне, Иван Иванович.

Акулов сказал что-то младшим офицерам и выбрался через задние бронированные двери. Он обнял ее, огромный в своей генеральской форме.

— Там за углом гранатомет, Иван, — прошептала она ему на ухо, — и он мне необходим.

Он застыл в изумлении.

— У меня двадцать вооруженных солдат, они взяли тебя на мушку, — быстро проговорила она. — Я хочу, чтобы ты пошел со мной и помог мне его получить.

Она отступила назад, и он увидел ее ТТ под ветровкой.

— Скажи им, что вернешься попозже, Иван!

Акулов был солдатом всю свою взрослую жизнь. Он понимал, что когда тебе так или иначе угрожают смертью, надо принимать быстрое решение. Он повернулся.

— У этой женщины важная информация, — объявил он. — Увидимся в штабе.

Они отдали честь. Дизель выпустил сизый дым, и броневик тронулся, скрежеща и стуча по булыжнику. Акулов посмотрел на девочку, державшую ее за руку.

— Это твой солдат?

— Да, — твердо ответила Рут и почувствовала, как маленькая рука крепко сжала ее руку.

Они стали спускаться с холма. Подростки, прятавшиеся в аллее и ближней подворотне, подходили к ним.

— Это и есть твоё войско? — спросил Акулов.

— Передовой отряд, — уточнила Рут. Шандор и Миклош восторженно переглянулись и, как было件нятно, перевели сказанные ею слова своим друзьям.

— Спрячьте оружие, — распорядилась Рут. Они пересекли открытое пространство у станции и подошли к месту расположения орудия. Солдаты отдали Акулову честь.

— Имеется цель для гранатомета, — просто сказал он. — Подготовьтесь.

Они установили его на колеса и повезли по улице на звук выстрелов, управляя им с помощью хобота лафета. Солдаты поглядывали с некоторым удивлением на подростков, помогавших им.

— Что ты подвергнешь обстрелу? — спросил Акулов.

— Здание AVH, — ответила Рут, — здешнее Чека.

Артиллерист повернулся к ней.

— Хочешь раздолбать чекистов? — спросил он. Они завернули за угол и установили орудие быстрыми, натренированными движениями. Снаряд проскользнул в казенную часть, и артиллерист устроился на своем месте, когда огонь пулемета прошелся по бронированному основанию. Он навел дуло плавными поворотами рычагов.

— Чекисты расстреляли моего брата во время войны, — сказал он и выстрелил. Здание содрогнулось, из окна вылетели дым и мусор. О камни звякнула гильза, от нее шел дым. Заряжающий послал в пушку другой снаряд.

— Чекисты забрали моих стариков в деревне, — общительно проговорил он, — и я их больше никогда не видел.

Ворота опрокинулись. Куски долго переворачивались в воздухе.

После третьего выстрела из здания высунулись белые тряпки.

— Сделано? — спросил артиллерист Акулова.

— Да, — ответил он, — отвезти назад!

Они повезли его обратно по улицам, а студенты и

рабочие появились на площади из-за деревьев и баррикад. Из здания появились люди в формах AVH. Они выходили через разлом, как через ворота. Их возглавлял майор службы безопасности. Он держал перед собой как щит шести-семилетнюю девочку.

— Я не причиню ей вреда, если вы не будете стрелять, — выкрикнул он. Он увидел Акулова, огромного, в советской военной форме, и его страх моментально прошел. Высокомерие вернулось к нему.

— Помогите мне справиться с этой массой, — потребовал он.

Рут скрылась за широкой фигурой Акулова. Она навела пистолет ТТ в ноги майора, встав на колени и выглядывая из-за Акулова. Она выстрелила. Дважды, как ее учили. И майор скорчился на земле. Студент быстро оттащил девочку в сторону.

Они были в ярости, эти юноши и девушки, они поволокли майора к дереву на площади, связали ему ноги и повесили его на низкой ветке вниз головой, так, чтобы он качался в метре от земли. Он бился и дергался, пытаясь освободиться, и из его мундира, словно снег, сыпались на землю бумажные деньги.

Они выстроили других сотрудников AVH под дулом пистолета и сложили в кучу осенние листья, прутья, ветки, ненужную бумагу и каждую отдельную банкноту. Рут поддержала их порыв и кинула бумажник в первые яркие языки пламени костра, который они разожгли.

— Пойдем, Иван, — сказала Рут. — Там, внутри этого здания, томятся честные люди. Их надо освободить.

Он не колебался, и странная группа подростков, взрослых и студентов устремилась через разбитые ворота в здание AVH. Сзади они слышали крики сотрудников службы безопасности.

В подвале было поистине страшно. В сырых, темных камерах были цепи, кнуты и острые крюки. Там имелись прессы с поверхностью, утыканной гвоздями, и металлические приспособления, чтобы ломать суставы и конечности.

Они обнаружили камеру с двумя ваннами, стоявшими бок о бок.

— Они наполняют одну ванну ледяной водой, а другую — почти кипятком, — объяснила Рут. — Тебя кладут вначале в одну, чтобы ты заоченела, а потом кидают в другую. Со мной это делали гестаповцы. Боль чудовищная, а они повторяют это опять, опять и опять...

Они наткнулись на маленькую дверь, плотно закрытую. Акулов схватил со стены лом и одним неимоверно напря-

женным движением выбил ее. Вдоль узкого, сырого коридора находились камеры. Некоторые были настолько малы, что помещенный в них человек не мог вытянуться в длину или встать на ноги. Ни в одной не было окон. Часть камер была погружена в вечную тьму, а другие были освещены постоянно, днем и ночью мощной голой лампой.

— В конце концов ты слепнешь, — сказала Рут. — В Гестапо тоже имелись такие камеры для непокорных.

Акулов сбивал замки молотком, и смрад многолетних страданий вырывался наружу. К ним выходили согбенные, истощенные, измученные мужчины и женщины. Некоторые находили в себе силу улыбаться своим освободителям. Рут увидела Миклоша и Еву, обнимавших изнуренного человека, худого, как скелет. Слезы текли по морщинам, изрезавшим его лицо.

Наверху студенты ворвались в большой зал, оборудованный, как обширный современный телефонный узел. Множество аппаратуры, записывающих устройств было размещено вдоль стен, на полках лежали телеграфные ленты. С полу поднимались батареи ящиков с картотекой «подозрительных личностей».

Оказалось, что в здании, помимо служебных помещений и камер, имелись весьма комфортабельные спальные комнаты с коврами и шторами, с приличными барами. Они нашли и порнографические журналы, и хлысты.

— У СС было совершенно то же в Равенсбрюке, — мрачно сказала Рут. — Мало что изменилось, Иван.

Они вышли наружу, и даже дымный воздух с его пеленой от взрывчатки ощущался как свежий. На площади девушка приколола белый листочек к обуглившемуся телу, свисавшему с ветки.

— Это его расчетный листок, — холодно проговорила она. — Пусть все знают. Этот гад зарабатывал в сто раз больше квалифицированного рабочего!

Рут стояла на задымленной площади с Акуловым, когда раздался взрыв голосов.

— Надь! Надь! — кричали люди. — Теперь он премьер-министр! Только что передали по радио!

— Может быть, Имре сумеет со всем этим разобраться, — с надеждой в голосе произнес Акулов.

Рут вопросительно посмотрела на него.

— Я знаю его, Рут, много лет. Мы оба стали большевиками еще до Революции.

— Ты знаешь его? — повторила Рут. — Тогда пойдем со мной. Ты должен встретиться с одним человеком.

Они двинулись по улице в сопровождении ее юной армии.

— Твое войско растет, — лаконично произнес он.

— Я хотела бы провести с ними утренние учения, — сказала она, и оба засмеялись.

— Довольно неожиданная деятельность для газетного репортера, — заметил Акулов, но она промолчала.

Они вновь вышли на набережную и направились вдоль берега прекрасного Дуная к Парламентской площади. В глубине высилось пятнадцатизэтажное здание из белого камня, увенчанное радиомачтой. Гражданская полиция охраняла входы, а на зеленых лужайках перед укрепленными постами были установлены тяжелые пулеметы.

— Я договорилась на сегодня об интервью с здешним руководителем, — сказала Рут Акулову. — Но сейчас в этом нет необходимости. Я представлю ему тебя. Это полковник Копачи. Он неплохой человек, а главное, ненавидит службу госбезопасности.

Армия Рут осталась ждать их на площади.

Через укрепленный вестибюль Рут и Акулов прошли к лифтам. В кабинете на двенадцатом этаже их принял начальник полиции Будапешта, светловолосый человек немного за тридцать.

— Шандор, это генерал Иван Акулов. Мы знакомы с ним уже очень давно. Но он знает также Имре Надя. Я думаю, что он сможет помочь в переговорах Надя с русскими.

Копачи внимательно посмотрел на Акулова.

— Я пытаюсь найти премьер-министра, — сказал он. — Но связаться с ним не удастся, и я боюсь, что он сейчас просто пленник Геро, что Геро объявил о его назначении премьер-министром, чтобы успокоить и отвлечь людей. Что скажете, генерал?

— Это вполне возможно. Я могу вам сказать, что два высокопоставленных советских чиновника прилетают сегодня на переговоры с Геро. Это Суслов и Микоян. Можно предположить, что они прибывают, чтобы расстрелять его за его неумение владеть ситуацией. Значит, вам следует увидеть Имре.

Копачи задумчиво кивнул, а потом улыбнулся.

— Вы понимаете ситуацию, генерал. Я был на совещании, проведенном русскими этой ночью. Один из весьма влиятельных чинов уже здесь, хотя его представили всего лишь как старшего советника. Он говорил со мной весьма безапелляционно. Он утверждал, что фашисты и империалисты вывели свои ударные войска на улицы Будапешта, а некоторые товарищи из соответствующих органов проявляют преступную нерешительность в применении оружия! Я объяснил ему, что, очевидно това-

рищ советник, прибывший из Москвы, не имел времени ознакомиться с ситуацией в Венгрии. Мы должны объяснить ему, что в демонстрациях участвуют не фашисты и не империалисты, а венгерское население. Это университетская, студенческая молодежь, дети крестьян и рабочих, это интеллигенция, это рабочие. Они требуют соблюдения их прав, гарантированных Венгерской Конституцией. Они выразили солидарность полякам в их аналогичной борьбе. Советник весьма на меня рассердился за эти слова.

— Как он выглядел?

— Голубовато-серые глаза, рыжеватый, очки в металлической оправе. Еврейского типа. Вашего возраста.

— Кривицкий, — уверенно сказала Рут, и Акулов кивнул, соглашаясь с ней.

— Кто такой Кривицкий?

— Руководитель КГБ, — пояснила Рут, и Копачи понимающе улыбнулся.

— Он источал запах Чека, — Копачи повернулся к Акулову. — Нам было бы полезно, чтобы вы остались здесь, пока я пытаюсь прояснить положение, — сказал он. — Но я должен предупредить вас, что я присоединился к борцам за свободу Венгрии и дал указания всем отделениям полиции в стране действовать в соответствующем направлении и передать им оружие. Вы можете остаться?

— Есть ли у меня выбор? — спросил Акулов.

— Нам это было бы полезно, — повторил Копачи, и Акулов улыбнулся.

— Значит, я остаюсь.

Рут поднялась.

— Я должна идти к своему войску. Ребятам следует хоть немного потренироваться.

— Рут, что ты делаешь? — настоятельно спросил Акулов. — Ты говорила мне, что работаешь на газету, а за несколько часов сегодняшнего утра ты похитила советского генерала, выкрала артиллерийское орудие и использовала его для нападения на отделение секретной службы, поощряла казнь нескольких должностных лиц и освободила всех заключенных. Теперь ты уходишь, чтобы дать группе подростков урок партизанской войны. Зачем?

— Я пытаюсь давать точные репортажи, прямо с места действия, — ответила она и повернулась к Копачи. — Не думаю, чтобы у вас были пластиковые мины. Нет? А нитроглицерин?

— Склад на Жилинцкой улице, — быстро произнес начальник полиции. — Я пошлю с вами несколько полицейских, чтобы вас пропустили.

— Там будет также жидкое мыло. И бензонасос для машины. Чудесно. Нам будут нужны бутылки для бомб. Некоторые называют это коктейлем Молотова, по имени отвратительного сталинского прихлебателя. Я предпочитаю называть его вустерским соусом*. Он такой острый, что обжигает рот.

Рут весело рассмеялась и нащупала в кармане сигареты. Она закурила и спустилась вниз к ожидавшим ее подросткам.

Акулов немного подумал и поднял глаза.

— У вас здесь есть вертушка? Линия спецсвязи?

— Kozvetlen** телефон? Конечно, — Копачи указал на зеленый аппарат на своем столе.

— Вызовите Кремль. Представьтесь и скажите, что генерал Акулов хочет говорить с товарищем Хрущевым.

Это заняло немного времени, а скоро Акулов услышал голос Хрущева.

— Иван Иванович? Ты там с начальником полиции?

— Да, Никита Сергеевич. Я должен сообщить вам, что он на стороне повстанцев, тех, кто называет себя борцами за свободу.

— Что творится? Откуда столько предателей? — сердито спросил Хрущев. — Почему они переходят на сторону империалистов?

— Это не империалисты, Никита Сергеевич. Просто венгры.

— Так с кем они сражаются? Разве мы не дали им все, что хотят? Мы выкопали им этого Райка, которого убил Ракоши, устроили пышные похороны. Мы убрали от них Ракоши. Чего еще им надо?

— Я думаю, они хотят убрать от себя нас, — невозмутимо ответил Акулов. — Но они мыслят трезво и могут согласиться на меньшее. Уберите Геро и верните Надя.

— Геро наш человек. Он выполняет то, что мы говорим.

— Они это знают. Если вы хотите, чтобы борьба прекратилась, поставьте Надя и дайте ему возможность обратиться к народу по радио. И выведите войска, как вы сделали в Польше.

В трубке наступило молчание. Слышалось только дыхание Хрущева.

— Нелегко понять, что здесь делать. У меня такое чувство, что рабочие не поддержат студентов, которые затеяли беспорядки.

— Сегодня утром я был на улицах, Никита Сергеевич.

* Вустерский соус — острая соевая приправа.

** Kozvetlen (венгр.) — прямой, непосредственный.

Вышли не только студенты. Там рабочие, бывшие партийные работники, офицеры, курсанты из офицерской школы Кошута* и Академии Ракоци**, даже некоторые сотрудники секретной службы. К ним присоединились офицеры регулярной армии, такие, как полковник Малетер. В том числе и полицейские чины, как Копачи.

Вновь наступило молчание, а затем Хрушев заговорил другим тоном:

— То, что происходит в Венгрии, есть фашистский, империалистический мятеж, и те, кто его поддерживают, ответят за последствия. — После этого Хрушев вернулся к своей прежней манере. — Оставайся с Копачи, Иван Иванович, и держи меня в курсе дела.

Акулов повесил трубку. Копачи, который слушал разговор на всем его продолжении, вопросительно посмотрел на него.

— Он посылает танки, — произнес Акулов. — Если ваши борцы за свободу потерпят поражение, в лучшем случае вы вернетесь туда, откуда начинали службу. Если нет, Хрушев опять будет думать.

* * *

Два танка медленно ехали по улице Кароли, направляясь к большому перекрестку, на площадь Кальвина. Бульвар был пустынным и темным. Только старые газовые фонари на украшенных узорами железных столбах посылали пятна света, сквозь которые мелькала тяжело топаящая пехота по бокам двух бронированных машин.

Шандор действовал на крыше, как его сегодня учили.

— Раз, — скомандовал он, и подростки заткнули тряпочными тампонами бутылки с горючей смесью, держа их со свободно прилегающими пробками.

Танки загрохотали ближе. На высоте в пятнадцать метров, притаившись на крыше барочного здания, они слышали скрежет и лязг гусениц по мостовой.

— Два, — произнес Шандор, и они слегка наклонили свои бутылки, так, чтобы горючее смочило тряпичный тампон. Он поджег газету зажигалкой «Зиппо», которую дала ему Рут.

Танки были почти под ними, у въезда на площадь.

* Лайош Кошут (1802—1894) — организатор борьбы венгерского народа за независимость во время революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

** Ракоци, Ференц II (1676—1735) — руководитель антигабсбургской освободительной войны венгерского народа 1703—1711 гг.

— Три, — скомандовал Шандор, и они сунули тампоны в пламя и кинули бомбы вниз на пехоту.

Улица внезапно осветилась вспышками пламени, и солдаты с криками заметались в огне, натываясь друг на друга. Когда Шандор со своими ребятами бежали по крыше к углу улицы, они услышали неожиданную дробь автоматов. Это два стрелка, Рут и Миклош, открыли огонь из аллеи.

Два танка остановились, и командиры задраили люки.

Подростки выскочили, стремительные и молчаливые, из темноты, и быстро замазали джемом смотровые щели. Затем они исчезли, будто их и не было, проглоченные ночью.

Два танка дернулись с места, водители прибавили обороты, чтобы избежать ловушки. Когда они вошли на площадь, то затормозили, замедлили движение и беспомощно заскользили. Их гусеницы вспенивали дорогу, которая вся оказалась покрытой шелковой тканью, взятой со склада для партийного руководства на площади Жена и пропитанной маслом.

Бомбометатели наверху уже зажигали свои бутылки, и они дождем летели вниз, словно яркие кометы, падая на предкрылки двигателей и воздухозаборники. Снова застучали автоматы. Шандор аккуратно бросил две гранаты вниз на танки, и, когда его ребята уже исчезали на лестнице, он услышал два взрыва.

Когда они мчались прочь, петляя в лабиринте узких улочек и проходных дворов, известных только им одним, сзади было тихо, слышен был лишь треск пламени.

Они появились из одного из многоквартирных домов и пересекли двойные трамвайные пути на авеню Йозефа рядом с кинотеатром, чтобы исчезнуть в Корвин Пассаже, небольшой извилистой улочке. Недалеко находились толстостенные большие строения барачков Килиана, занятых полковником Малетером, ставшим борцом за свободу Венгрии. Когда ребята скатились по ступеням в подвал, они обнаружили там других борцов во главе с Рут. На столе лежали военные трофеи: тяжелый пулемет с башни танка и автоматы Калашникова, снятые с убитых солдат.

У Рут была еще полная сумка трехцветных нарукавных повязок. Когда Шандор спустился по лестнице со своими ребятами, она протянула ему повязку, чтобы он надел ее.

— Отлично! — сказала она. — Ты теперь настоящий венгерский солдат.

Молодежь толпилась вокруг нее, разбирая повязки. Им было от шестнадцати, как Шандору, до десяти, как Еве,

которая исполняла роль посыльной. Не все, конечно, участвовали в боях. Младшие помогали тем, что приносили бойцам продукты. Сейчас они выгружали из сумок хлеб, сыр, колбасу и молоко.

Когда количество нарукавных повязок стало явно уменьшаться, Ева обеспокоенно заглянула в сумку. Наконец Рут надела повязку и на ее ручку.

— Вот, — сказала она. — Ты была моим первым солдатом.

Она повернулась к другим и начала раздавать бутерброды и разливать молоко в жестяные кружки.

— Завтра не будет легко, — предупредила она. — Будет светло, а русские станут осторожны после того, как они сегодня увидели, что может произойти.

Затем она широко улыбнулась им.

— Но они не такие умные, как мы! Завтра мы применим новую тактику... и новое оружие. Ева принесла нам хорошие новости из Чепеля*.

Девочка вспыхнула от гордости.

— Мы достанем противотанковое орудие. Достаточно большое, чтобы подбить танк, и достаточно маленькое, чтобы катить по улочкам и дворам, где танки не смогут пройти. Мы как рыбки, понятно? Мы прячемся в воде города. Мы наносим удар и убегаем.

Все ее войско жевало, и Рут отнесла два толстых бутерброда двум стражникам наверх, а когда вернулась, поела сама.

— Итак, завтра, — сказала она. — Мне нужны несколько кастрюль и несколько глубоких тарелок.

* * *

Георгий Светлов всматривался через бронированное стекло своего водительского отсека. На улице был настоящий разгром, ее окаймляли остовы сгоревших машин, стены были разрисованы антирусскими лозунгами. Грязный черный дым, едкий от горящих шин, струился с аллеи. Они проезжали через него, как сквозь туман.

Когда они выехали на более чистый воздух, он выругался. В дыму кто-то залепил смотровую щель его Т-34 чем-то темным и вязким. Он был осторожен, чтобы использовать тряпку, и отчаянно вглядывался через самую чистую часть, которую смог найти. Большие серые штуковины, похожие на противотанковые орудия, свешивались перед ним с трамвайных проводов. За ними он рассмотрел ряды широких, круглых предметов, похожих на

* Чепель — автозавод в г.Сигетсентмиклош в Венгрии.

наземные мины, приютившиеся на разгромленном бульваре. Командир, лейтенант Черняк, увидел их в то же самое время, и когда Георгий потянул рычаг передач, он отдал команду свернуть направо.

Восставшие выстроили целую баррикаду из перевернутых желтых трамваев, окаймленных бордюрным камнем и булыжником, и он не осмелился подвергнуться риску оказаться в ловушке и напороться на нее. Сзади слышались разрывы гранат, и задняя часть танка загрохотала от пулеметного огня.

Боковая улица была чистой, и он ринулся по ней.

— Налево до конца, — скомандовал Черняк. — Мы обойдем их с тыла.

T-34 вдруг содрогнулся, рычаг стал свободно болтаться в его руке, и танк завращался на улице и въехал в стену. Следовавший за ними танк с грохотом ударился в них. Мгновенная тишина, последовавшая вслед за этим, нарушилась глухим выстрелом малого артиллерийского орудия, и почти немедленно его снаряд с лязгом ударил по броне с близкого расстояния.

Черняк откинул крышку люка и выбрался на осыпанный камнями танк. Гусеница волочилась по земле как кишки, а позади него на дороге стояла небольшая противотанковая пушка. С сиденья поднялась женщина, появился табунок подростков и утащил орудие в глубину аллеи. Третий танк был в огне.

В доме напротив было открыто окно на нижнем этаже. Когда вниз, как кометы, полетели бутылки и дорога начала гореть, он бросился к нему. Но в окне стоял парнишка с рыжими волосами и с автоматом в руках и смотрел на него. Горючая смесь взорвалась рядом с ним, лизнув его пламенем, и рыжеволосый выстрелил...

* * *

Акулов, сбросив китель, сидел на походной кровати, которую поставили для него на двенадцатом этаже у Копачи в полицейском штабе. Как и вся Венгрия, он слушал радио.

«Венгерское правительство пришло к соглашению с Советским правительством, по которому советские войска немедленно выводятся из Будапешта. Идет подготовка к переговорам о выводе советских сил, дислоцированных в Венгрии. Должно быть заключено перемирие. После восстановления порядка мы организуем новые, единые полицейские силы и распустим органы государственной безопасности. Никто из тех, кто при-

нимал участие в вооруженной борьбе, не должен опасаться репрессий».

Густой, раскатистый голос Имре Надя умолк и сменился радостным шумом снаружи, который, казалось, никогда не утихнет. Копачи посмотрел на Акулова, по его щекам текли слезы.

— Хотите, я вам переведу? — спросил Копачи. Акулов встал и посмотрел в окно. На разрушенных улицах возбужденные люди кружились в тысячеголовом победном танце.

— Зачем? — сказал Акулов. — Я и так понял, что вы победили.

Он посмотрел на венгра.

— Отлично сработано, — добавил он просто.

Зазвонила линия «Х», прямая связь, и Копачи поднял трубку.

— Хрущев, — сказал он и передал ее Акулову.

Хрущев говорил почти весело.

— Ты нам сильно помог, Иван Иванович, — тепло произнес он. — Я хочу, чтобы ты утром встретился с Надем. Ты его знаешь. Помоги сделать нужные приготовления со стороны армии.

— Понял, Никита Сергеевич, — согласился Акулов.

— Утром я пошлю кого-нибудь за вами, — сказал Копачи, и Акулов вытянулся на кровати всем своим усталым телом и задремал под шум празднования победы, усилившийся с сумерками.

Когда утром он спустился вниз, его уже ждал старенький американский джип, полученный по ленд-лизу. Большой венгерский флаг свешивался с флагштока, прикрепленного сбоку. В центре его зияла дыра, как во всех видневшихся флагах, на том месте, где были вырезаны красные коммунистические символы. На месте шофера сидела Рут. Рядом с ней примостилась девочка, которая была с ней вчера, с трехцветной нарукавной повязкой.

— Доброе утро, Иван, — приветствовала его Рут. Она выглядела усталой и окрыленной в одно и то же время. Ее горящие глаза были окаймлены черными кругами.

— Я должна доставить тебя к Надю. Ты слышал новости? Он формирует многопартийное правительство и собирается провести демократические выборы. Венгры выходят из Варшавского Договора, — ее взгляд упал на детское личико, доверчиво поднятое к ней. — Между прочим, это Ева. Она сражалась вместе со мной. Она потеряла родителей во время войны, а я сказала ей, что потеряла свою маленькую девочку и поэтому хочу быть

ей вместо мамы, а она будет мне дочкой. Мы будем помогать друг другу. Хорошо?

— Да, — подтвердила Ева.

— Это генерал Акулов, — сказала Рут. — Он собирается организовать вывод русских войск.

Детские глаза изучали его.

— Я не русский, — ответил он на немой вопрос. — Я украинец.

— Это хорошо, — серьезно сказала девочка. Акулов сел на заднее сиденье, и они резко тронулись. День стоял солнечный и звонкий.

— Ты стала знаменитостью, — сказал Акулов. — Все говорят о Белой русской даме, которая появилась из ниоткуда. Сколько танков ты подбила, Рут?

— Достаточно, — ответила она. — Народ победил.

— Никита Сергеевич смог бы этого не допустить, если бы решился сравнить все с землей, — заметил Акулов, — как мы делали в Берлине. Но он не решился.

— Он сам сделал доклад о культе Сталина, — сказала Рут. — Вывод ясен. Либо Сталин был ужасной уродливой случайностью, исказившей коммунизм, либо Сталин был его совершенно естественным продуктом, и коммунизм неизбежно сопровождается репрессиями, ложью, бедностью, страхом и подавлением людей, независимо от того, кто находится у власти. Если он допускает здесь, в Венгрии, поражение советских притязаний, он утверждает, что сталинизм — это случайность, а не необходимость социалистического пути.

Она повернула руль, и джип закачался по камням.

— Я поеду на обход, — пояснила она. — Выберем хорошую дорогу.

Акулов смотрел на разрушения. Огромные кучи мусора лежали повсюду. Дома с зияющими отверстиями, сожженные русские танки и броневики виднелись на улицах. Цветные вспышки украшали мостовую там, где павших борцов за свободу укрыли флагами. Погибшие русские солдаты лежали, ничем не покрытые. Обсыпанные известью, они походили на статуи. Среди мертвецов ходили мужчины и женщины, приподнимая флаги и высматривая близких.

— Ничего хорошего, — произнес Акулов. Она остановила машину на углу проспекта Сталина. Табличка с названием улицы была вырвана вместе с облицовкой, на которой она крепилась, и обломки валялись внизу. Старая эмалированная табличка с названием «Улица Андраши»*, видимо, прятая кем-то с 1948 года, была

* Дьюла Андраши Старший (1823—1890) — граф, политический деятель, участник революции 1848—1849 гг. в Венгрии.

снова на месте. Вдоль бульвара тянулся густой дым от советских броневиков, танков и пушек. Ехали грузовики, везшие за собой полевые кухни. Маленькие яркие огоньки искрились, весело поднимался дым, когда они покидали город.

— А вот это всем нравится! — сказала Рут и показала на огромный постамент из розового мрамора со стоявшими на нем громадными черными сапогами — все, что осталось от статуи Сталина. На постаменте лежали венгерские флаги.

— Эту площадь теперь называют Обувной, — весело произнесла она.

В глубине улицы какой-то старик установил древний плетеный стул, на котором сидел, держа в руке стакан золотого *barack**, драгоценного абрикосового бренди. Он смотрел, как уходят русские. Он был маленький и хилый, похожий на воробья, с острыми носом и подбородком и впалыми щеками, говорившими о недоедании. Время от времени он поднимал свой стакан и вдыхал аромат, словно эликсир. Мимо него проехал грузовик, полный вооруженными борцами за свободу, и он высоко поднял стакан, обнажив в улыбке беззубые десна, его бледно-голубые глаза блестели.

— *El jen!*** — крикнул он. — Да здравствует!

И выпил торжественно драгоценный эликсир.

Они ехали дальше, разглядывая яркие, как букеты, геральдические щиты Кошута, украшавшие правительственные здания. Двигаясь по направлению к рынку на площади Хуньяди***, они обогнали крестьянские повозки, нагруженные деревенскими товарами.

— Говорят, это похоже на 1945 год. Возрождение после многих печалей и большой крови. Они добились этого вовремя.

Стекло витрины магазина было выбито, и ее содержимое лежало в пределах всеобщей досягаемости.

— Ни единого случая грабежа, — горячо произнесла Рут. — Ни одного! Это во всем городе. Говорят, даже воры по этому случаю отказались от своего ремесла.

На площади перед кафе люди прилежно убирали мусор. Какие-то подростки мирно сидели под солнцем на разбитых, расколотых дорожных камнях, словно ничего не случилось. Рут подъехала к кафе.

— Давайте выпьем кофе, — предложила она.

* *Barack* (венгр.) — абрикос.

** *El jen* (венгр.) — да здравствует.

*** Янош Хуньяди (ок. 1407—1456) — в 1446—1452 гг. регент Венгерского Королевства.

Они сели за маленький столик, и рыжеволосый подросток поспешил им навстречу.

— Мой лейтенант Шандор, — гордо произнесла Рут. — Его отец вновь стал владельцем этого кафе.

Когда Шандор принес дымящийся кофе и молоко, очень болезненного вида человек приподнялся за соседним столиком и поклонился Рут. Он ел хлеб, макая его в большую чашку с теплым молоком.

— Это Томас, — сказала Рут Акулову. — Мы освободили тюрьму на улице Марко на второй день войны.

— Ты потерял там свои зубы? — сочувственно спросил Акулов, повернувшись к Томасу. Их стулья стояли, почти соприкасаясь спинками.

— Да, генерал, — ответил Томас, глядя на него.

— Я был в лагерях на Колыме перед войной, — произнес Акулов. — И тоже лишился зубов. Я сделал тогда терку, проткнув дырки в жестянке, потому что не мог есть иначе сырую картошку.

Томас понимающе кивнул, признавая общую участь.

— Я заеду за тобой примерно через час, — сказала Рут и повернулась к Акулову. — Мы хотим посмотреть новую достопримечательность Будапешта, виллу Ракоши на улице Фо. Говорят, на это стоит посмотреть. Внутренний иллюминированный бассейн. Великолепные ваннные комнаты с самым современным оборудованием для похудения... Подумать только — для похудения! В стране, где люди голодали! Рояли, высококачественная звукозаписывающая аппаратура, подвалы с коллекционными французскими винами, американские кухонные гарнитуры. Томас хочет хоть через сто лет плюнуть на его могилу, но, боюсь, ему это не удастся — Ракоши сбежал в Россию.

— Черт его возьми! — инстинктивно выругался Томас, чуть не подавившись хлебом с молоком. — Я бы с удовольствием помочился на его могилу.

— Но на вилле Ракоши мы будем вести себя прилично, — весело сказала Рут. Вдалеке, в Буде, люди столпились недалеко от Монумента Свободы на холме. Рядом с грациозной женской фигурой расположился возвышающийся над ней бронзовый красноармеец. Сейчас его обматывали ли проволокой, то ли веревками, и крошечные, карликовые фигурки усердно делали что-то все вместе. Красноармеец покачнулся и медленно упал лицом вниз.

Акулов услышал негромкий смех и повернулся, чтобы посмотреть, как смеется Ева.

По улице шел мальчик — продавец газет. Он увидел Акулова и, улыбаясь, протянул ему экземпляр.

— Igazsag*, генерал. Это значит «Правда».

* Igazsag (венгр.) — истинность, верность, справедливость.

Акулов пошарил в карманах.

— У меня нет ни форинта, — сказал он.

Мальчик вручил ему газету.

— Бесплатный экземпляр. Возьмите ее домой в Россию. Знаете, что говорят о ваших газетах? В «Известиях» нет правды, а в «Правде» нет известий.

Он разразился смехом и все смеялся, обходя площадь и продавая газету желающим.

— Более двадцати газет стало выходить с тех пор, как народ восстал, — счастливым голосом сказала Рут, — страстные, идеалистические, с четкой позицией и от всего сердца.

Ева до капли выпила молоко и поставила кружку на стол с удовлетворенным видом. Рут вытерла ей рот платком и потом допила свой кофе. Она закурила «Манукаш», выпустив в воздух серое колечко дыма.

— Ты готова, дорогая? — спросила она Еву, и они встали. На углу, где был припаркован их джип, установили большой ящик. Надпись на нем гласила: «Для семей тех, кто отдал свои жизни за свободу». Он был набит деньгами. Рут достала из кармана немного денег и положила их туда.

Акулов оглядел площадь. Сотни пар глаз разглядывали его. Он вынул бумажник и вытряхнул его содержимое в ящик.

Аэродром «Токол», Будапешт, 3 ноября

— Я думаю, дело идет к концу, — сказал Акулов. Он сидел по одну сторону длинного полированного стола вместе со своими офицерами. Напротив него сидел Пал Малетер, бывший полковник Венгерской армии, лидер борцов за свободу, а ныне Министр обороны независимого Венгерского государства, в создании которого он принимал участие.

С улицы, из-за тяжелых штор, закрывавших окна, доносился шум транспортных самолетов Туполева и Антонова. Каждый раз, когда усиливающийся пронзительный шум двигателей сообщал об отрыве самолета от взлетно-посадочной полосы, Акулов видел улыбку генерала Ковача, начальника штаба.

Акулов кивнул официантам, которые расставляли на столе бутылки пива «Жираф», сливового бренди «Szilvorium»* и водки, и они наполнили рюмки.

— Вначале позвольте произнести тост за новую дружбу между венгерским и советским народами и их арми-

* Szilvorium (венгр.) — сливовица.

ями. Пусть им никогда не придется сражаться друг против друга.

Все шумно поднялись и опрокинули рюмки с одобрительными возгласами. Официанты разливали пиво. Акулов придвинул к себе бумаги, лежавшие перед ним.

— Итак. Позвольте мне сформулировать пункты нашего соглашения. Если они нас всех удовлетворят, тогда я бы предложил провести завтра утром заключительное заседание, чтобы обговорить технические детали, касающиеся воинских частей, и уточнить расписание.

Акулов провел пальцем по начальным строкам листа бумаги и стал зачитывать.

— Советский Союз согласен вывести все свои вооруженные силы с территории Венгерской республики.

Последовало бурное одобрение с венгерской стороны. Малетер тоже улыбнулся, но поднял руку, призывая к тишине.

— Этот вывод уже начался.

Акулов жестом показал на окна и на шум самолетов в небе.

— Мы делаем все возможное. Не думаю, что люди в Будапеште увидят хоть одного советского солдата на улицах. Однако это ведет ко второму пункту. В Венгрии много войск и много тяжелого вооружения, складов оружия и боеприпасов. Во избежание нарушений в работе транспортной сети мы предлагаем осуществлять вывод по специальному графику. Это мы сможем уточнить завтра — детальное расписание. Третий пункт — венгерский гарнизон должен предоставлять нам, если уж мы пока здесь, продовольственное и топливное снабжение. Четвертое. Этот пункт будет для всех приятным сюрпризом, — Акулов посмотрел на венгров, — мы не ожидали, что уйдем так скоро.

Они рассмеялись.

— Дело в том, что мы не готовы к зимнему перемещению войск и, следовательно, вывод не может происходить так быстро, как того желали бы обе стороны. Тем не менее, при наличии доброй воли с обеих сторон, в этом не будет проблемы. Пятый и последний пункт важен для нас. Мы — Советская Армия. Мы разбили гитлеровских фашистов, и наша честь нам дорога. Мы надеемся, что, когда наши последние части будут покидать Венгрию, это будет сделано с соответствующей торжественной военной церемонией. Такой, какая подобает двум дружественным странам. Духовые оркестры, государственные гимны, речи и флаги.

— Мы охотно это выполним, — заверил Малетер, и Акулов дал знак наполнить бокалы.

Он замер с бокалом в руке. Снаружи слышались шум, какие-то крики. Высокие двери комнаты заседаний с треском распахнулись, и двадцать сотрудников КГБ в зеленых фуражках вбежали в комнату с автоматами в руках. Они окружили венгров.

За ними появилась фигура в штатском. Кривицкий развязно вошел в комнату, небрежно засунув руки в карманы.

— Вы арестованы Советской Армией, — произнес он.

Малетер встал и с презрением посмотрел на Акулова.

— Так вот какова честь Советской Армии!

Люди КГБ уже выталкивали венгров из комнаты.

— Какого черта вы это делаете? — гневно спросил Акулов.

Кривицкий извиняющимся жестом развел руки.

— Я всего лишь исполнитель, — сказал он. — Руководство в Москве изменило мнение.

Акулов подошел к окну и отдернул шторы. Снаружи только что приземлился четырехмоторный самолет Антонова. Его пропеллеры медленно вращались, а из него выходили, спускаясь колоннами, вооруженные солдаты...

7 ноября 1956

Из разбитого подвала они видели бараки Килиан вдоль дороги. Под ними лежал разрушенный туннель, который использовался для спешных отходов. Боеприпасы, которые они принесли, бесполезно лежали в ящиках. Рут, Шандор и Ева спрятались среди развалин, их одежда и лица были такими же грязными, как все вокруг. Они наблюдали за русскими офицерами, шедшими по опустошенной улице к воротам. Старое здание было разрушено артобстрелом, и остовы сожженных карет скорой помощи лежали, чернея, вокруг. Стрельба прекратилась. Защитники продержались три дня, пока русские методично громили Будапешт, и теперь все было кончено.

Ключки белых тряпок — белые флаги — высывались из пробитых артиллерийскими снарядами отверстий, которые были раньше окнами. Ворота, возле которых Малетер поставил свой танк и присоединился к восставшим, со скрипом отворились. Советский полковник ждал, пока выйдут последние борцы за свободу.

Это была армия оборванцев. Только сочившаяся из их ран кровь оставляла на серых лохмотьях яркие разводы. Они брели, поднимая руки вверх. Из подвала Рут с детьми видели Миклоша, который нес девочку. Томас, даже более сморщенный, чем когда его освободили из заклю-

чения, утомленно шаркал по улице, поддерживая себя костылем, сделанным из оконной рамы. Всего их было около сорока — все, что осталось от сопротивления.

— Идите вниз по улице, — крикнул полковник. — Вас ждут машины скорой помощи.

Они медленно брели мимо машин скорой помощи, мимо подбитых танков, тяжело шагая по мусору. Позади них солдаты закрыли ворота, в то время как другие поставили сошки своих пулеметов на большие булыжники для опоры.

Полковник отдал приказ, и когда Рут подняла голову, все еще прижимая лицо Евы к груди, по всей улице уже были разбросаны тела. Солдаты ушли, изредка задерживаясь на дороге, чтобы добить умирающих.

— Все кончено, — прошептала Рут. — Надо уходить.

— Куда? — спросил Шандор, лежавший рядом с ней. Его рыжие волосы побелели от пыли и извести.

— Совсем из страны. Вернется служба безопасности и будет разыскивать каждого, кто брал оружие. Кадар — это новый Ракоши. И русские заставят его произвести чистку. Мы должны уехать.

Они видели потоки жалких людей, прокладывавших путь по мокрым дорогам прочь от Будапешта, толкавших коляски и тележки по опавшим листьям бука. Они прибыли другой дорогой к баракам Кириан, чтобы бороться, но теперь настало время присоединиться к беженцам.

— У меня есть британский паспорт, — сказала Рут, — и деньги. Я оставила их в комнате в отеле, чтобы Золтан положил их в сейф. Если отель цел, он их достанет. Мы пойдем в британскую дипломатическую миссию на площади Свободы и сделаем документы для вас.

Наступили сумерки, и солдаты ушли. Настороженные как животные, Рут с детьми выскользнули из завала, оставив там только мертвых.

В городе было легко заблудиться. Очень многое изменилось. В сгушавшейся темноте они перебежали от одних развалин к другим, пробираясь с одной улицы на другую через руины. В темноте у какой-то стены Рут споткнулась и упала на кучу еще теплых трупов. В воздухе стоял слабый запах хлеба, и она поняла, что оказалась среди мертвой очереди за хлебом, которая не успела рассыпаться вовремя, когда танки появились из-за угла.

Они вернулись к францисканской церкви, где солдаты со стоявшего рядом грузовика грабили большой винный склад. Многие уже напились и стреляли из своего орудия в любого, кто попадал в поле зрения. Они поспешили прочь, скользя под черными флагами, свисавшими над дорогой.

Когда они подошли к реке, поднялась луна. Она отражалась в воде.

— Вы не сможете перейти, — сказал Шандор. — Ваш отель в Буде, а русские поставили посты на мостах. Вас знают, Рут, вас разыскивают, вас называют предательницей.

— Но мы не можем идти без паспорта и денег, — практично сказала Рут.

— Давайте я схожу, — предложила Ева. — Я бегала по всему городу. Меня не остановят, и я знаю, где отель.

— Принесешь паспорт в отцовское кафе, — сказал Шандор. — Мы найдем там какую-нибудь еду, а потом пойдем в миссию.

— Подожди, — произнесла Рут, но девочка уже скрылась, — будь осторожна...

Кафе на площади не было разрушено, и внутри было теплее. Они нашли термос с горячей водой, кусок мыла, немного хлеба и молока.

— Я пойду искать Еву, — сказал вскоре Шандор. — Я подожду ее у моста.

Смертельно уставшая Рут задремала у огня, который пожирал щепки, собранные в разрушенных домах. Она проснулась внезапно и схватила за пистолет. Но это были Шандор с отцом.

— Еву схватили, — сказал он. — Она не сняла нарукавную повязку, и ее забрали.

Рут смотрела на них остановившимися глазами, пытаюсь переварить ужасное известие.

— Иван, только Иван, — произнесла она. — Где остановились советские офицеры? В отеле «Астория»? Мне нужен телефон.

— Наш пока работает, — сказал отец Шандора. — В нашей части города меньше разрушений.

Она сняла трубку и набрала номер.

— Генерала Акулова, пожалуйста. Да, его жена.

В тишине темного кафе все они услышали глубокий голос, пришедший по проводам.

— Елена?

— Это я, Рут, — сказала она, и он умолк. — Иван, ты помнишь девочку, которая была со мной? Еву? Ее только что арестовали.

— Она еще ребенок, — ответил он через несколько мгновений. — Ее освободят. Борьба закончилась, и мы не будем преследовать детей. Дела теперь вернутся в нормальное русло, вот увидишь.

— Всех наших сегодня убили у барачков Килиан, Иван, — сказала она. — Их расстреляли, хотя они сдались.

— Борьба закончилась, — повторил Акулов. — Твоего маленького друга скоро освободят, ты увидишь. Сейчас я должен идти.

В трубке щелкнуло, когда он положил ее, и слышалось только гудение пустой линии.

13 ноября

— Имре Надь там, — сказал Кривицкий. Он указал через голые деревья парка на белое трехэтажное строение, которое виднелось в конце улицы Андраши. Новые стекла сверкали в его окнах, и его заново красили.

— Он там, — сказал Кривицкий Акулову, шагавшему рядом с ним, — в Югославском посольстве. Он там с половиной старого кабинета и их семьями. Мы хотим, чтобы он покинул посольство, но он не желает.

— Почему вы хотите, чтобы он ушел оттуда? — спросил Акулов.

Кривицкий указал на статую времен Габсбургской империи, мимо которой они проходили. Каким-то чудом она уцелела, эта прелестная нимфа. С ее изящной каменной шеи свисало объявление, написанное крупными буквами.

«ПОТЕРЯНО ДОВЕРИЕ НАРОДА, НАШЕДШЕГО ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА ПРОСЯТ ВЕРНУТЬ ЕГО ЯНОШУ КАДАРУ, ПРЕМЬЕРУ ВЕНГРИИ, НА УЛИЦУ ИМЕНИ 10 000 СОВЕТСКИХ ТАНКОВ».

— Знаешь какая последняя шутка здесь ходит? «За исключением около десяти миллионов контрреволюционных помещиков, фабрикантов, банкиров, графов и кардиналов, все венгерские рабочие остаются верными народному демократическому режиму, и все шестеро образуют правительство Кадара». Поэтому нам надо, чтобы Надь появился. Люди все еще поклоняются ему. Они считают Кадара не более, чем нашей марионеткой. Надь мог бы вновь возглавить правительство. Это было бы лучше для каждого. Мы не уйдем из Венгрии, и мы это ясно показали. То, что мы завоевали, мы должны удерживать. Но если дать венграм их Надя, все пойдет гладко. Так будет лучше для всех.

— Тогда походи к нему и скажи, — коротко бросил Акулов.

Кривицкий раздраженно взмахнул руками.

— Он мне не поверит. Думаю, его можно понять, — сотрудники спецслужб имеют не лучшую репутацию. Но это все идеи Никиты Сергеевича. Я всего лишь передаточное звено.

— Так зачем ты мне это говоришь?

— Надь поверит тебе. Просто объясни ему, что это безопасно. Он может выйти со своей семьей, поехать к себе домой на улицу Орсо, а завтра мы заставим его присягнуть на Парламентской площади.

Акулов твердо посмотрел на Кривицкого.

— Ты обещаешь мне, что это безопасно для него?

— Даю слово, Иван Иванович. Партийное слово. С ним ничего не случится.

Дверь открылась, и Акулов вошел внутрь. В руке он нес письмо, которое передал послу Югославии, принявшему его в соответствии с принятой церемонией. С ним находился Надь, усталый и взволнованный, но его усы все еще завивались кверху.

— Это от Кадара, — сказал посол, прочитав официальную бумажку.

«Венгерское правительство подтверждает настоящим свои заверения, данные неоднократно в устной форме, в том, что оно не имеет намерений подвергнуть наказанию Имре Надя и членов его группы никоим образом за их прошлую деятельность. Мы надеемся, что убежище, предоставленное Югославским посольством этой группе, будет отменено, оно не будет более испрашиваться, а ее члены вернутся в свои дома».

Посол повернулся к Надю, чье лицо выразило облегчение.

— Не думаю, что можно сказать яснее, — произнес Надь.

— Они хотят, чтобы ты снова стал премьером, — улыбнувшись, сказал Акулов Надю. — Кадар не подходит.

— Что ж, возможно, еще удастся что-нибудь спасти после всего этого, — сказал Надь, кивнув головой.

Дети и женщины спускались по лестнице, неся сумки. Собрались другие члены кабинета. Из дверного прохода Акулов услышал урчание дизельного двигателя и скрип тормозов.

— Там ждет автобус, — сказал он. — Пойдем, Имре, я отвезу тебя домой.

— Вернемся как раз к ужину, — сказал ласково Надь девочке, вцепившейся в его руку. Они вышли и сели в автобус, весело болтая.

Когда автобус свернул с улицы Андраши, советская милицмейская машина выехала с обочины в сопровождающий эскорт. Около улицы Горького Харажди, президент Ассоциации журналистов, наклонился вперед на своем сиденье.

— Наш дом здесь, генерал, — сообщил он. — Как бы мы не проехали.

— Замедли ход, водитель, — приказал Акулов.

Но автобус только увеличил скорость. Акулов прошел вперед и постучал в окошко водителя.

— Ты слышишь? Остановись сейчас.

Акулов посмотрел назад и увидел, что милицейская машина свернула в сторону, а место в эскорте заняли БТР и командирский броневик. Венгры это тоже увидели. Почувствовав тревогу, охватившую взрослых, дети начали хныкать, прижимаясь к матерям.

Автобус остановился рядом со зданием Советского высшего командования. Вперед вышел лейтенант и открыл дверь. Акулов загородил проход, и молодой человек поднял автомат.

— Приказ сверху, товарищ генерал. Всем выйти. Любой, кто попытается бежать, будет убит.

Им пришлось вытаскивать Надя. Когда его ввели в большие дубовые двери, он повернулся и бросил последний ужасный взгляд на Акулова...

В комнате Акулова звонил телефон. Ему выделили этот номер в реквизированном отеле. Из окна открывался вид на реку. Начал падать снег, покрывая остовы домов мягким одеялом.

— Ваша жена, генерал, — сообщил телефонный оператор. Послышался щелчок, когда она подсоединилась к линии.

— Говорите, абонент.

— Елена? — спросил Акулов.

— Это я, — сказал спокойный голос. Послышался другой щелчок, когда оператор отключился от линии. Он говорил с Рут.

— Я ишу девочку, — произнесла она, — арестованную три недели назад за то, что носила трехцветную нарукавную повязку. Ее зовут Ева, и ей десять лет, Иван. Говорят, что тюрьмы полны.

— Я должен выяснять, — медленно проговорил он.

— Приходи выпить кофе, — тихо сказала она, — на то же самое место.

Он пришел, когда уже стемнело, проскользнув в тускло освещенное, закрытое кафе.

— У нас нет кофе, — спокойно сообщила Рут, — он давно кончился.

— Тех, кто сражался, вывозят, — сказал Акулов. — Молодых и старых, раненых и нет, взрослых и детей. Товарными вагонами в Сибирь. Их собирают для депортации на площади Вермезо. Около шестнадцати тысяч

уже уехало. Твою Еву отправляют завтра. Не в моей власти ее вызволить, потому что это компетенция КГБ.

— У меня все еще осталось кое-какое оружие, — сказала Рут, — и у меня есть Шандор. Мне нужна машина или грузовик и пара комплектов советской военной формы. О, и документы.

Акулов вынул свой бумажник.

— Вот твои документы, — произнес он. — Грузовик снаружи. Форма в кузове. — Он невесело улыбнулся. — Видишь, я знаю, в чем ты нуждаешься.

* * *

Товарный поезд состоял из шестидесяти вагонов. Они были серые, с плоскими стенами, без окон, а их двери запирались. Их тянул паровоз, и в долине звук его пыхтения был слышен прежде, чем он появлялся в поле зрения.

Он показался среди сосен, и дым из его трубы уменьшился, когда машинист увидел сигнал, повелевавший ему остановиться. Паровоз медленно покатился к сигналу. Как только он подъехал, какая-то связка ветвей и травы перекатилась через рельс с соседней колеи и осталась лежать на шпалах. Паровоз тащил вагоны над ней, один за другим. Когда он остановился, связка уже оказалась под двумя последними секциями поезда. Это были пассажирские вагоны.

Рут проползла по шпалам к сцеплению, которое соединяло пассажирские вагоны с последним товарным вагоном. Она не сняла свой защитный камуфляж, на спине висел автомат. В руке она держала лом, конец которого был обмотан тряпкой.

Она использовала его, чтобы бесшумно найти точку опоры в сцеплении и осторожно отцепить пассажирские вагоны от последнего товарного вагона. Потом она опять поползла под вагонами. Она выползла только у паровоза и забралась в кабину машиниста. Шандор уже стоял там, направив свой автомат на двух комитетчиков, угрюмо стоявших у рельсов. Машинист ждал у рычагов управления.

— Готово, — сказала Рут. — Двигайся.

Человек в синей куртке машиниста завертел серебряным рулем, и поезд с фырканием тронулся вперед. Он медленно набирал скорость. Когда они делали поворот среди леса, Рут посмотрела назад и увидела, как маленькие фигурки появлялись из брошенных вагонов. Несколькими километрами дальше они остановили поезд, и Шандор, вскарабкавшись на телеграфный столб на обочине дороги, обрезал провода и, спустившись вниз, повторил эту операцию с другим столбом.

— Двести оборотов, столько он делает, — он тревожно посмотрел на нее. — От меня не несет водкой? Искалеченный, пьяный, старый хрыч. Разве таким должен быть отец? Но без этого я не могу справиться.

— От тебя совсем не пахнет водкой, Петр.

— Я почистил зубы... Конечно, разве кому-то нужен такой отец? Разве так выглядит дедушка? Такой вот, сидит в углу с бутылкой в кармане...

— Все будет хорошо, Петр, вот увидишь. Потом сюда приедет Иван. И мы будем все вместе.

Он снова стал накручивать резину короткими, нервными движениями.

— Она спросит, что я делал, как я выжил... Вот дед, дорогая, не подпускай внука близко к его клетке, он людоед...

— Прекрати, Петр! Ты не должен обвинять себя за все, что тебе пришлось делать. Обвиняй Революцию, но не себя.

— Она должна ненавидеть меня! — воскликнул он, — и мальчик тоже. Я обещал, что буду их беречь, Галю и Анну. Кривицкий велел сознаться, но я был горд. Поэтому он поместил Анну в парилку. Она задохнулась и упала, я видел... Ее затоптали, может быть, она еще была жива...

Слезы текли по его щекам, а с покрытой облетевшими листьями дорожки донесся шум машины. Подъехала «Чайка», и они увидели за рулем Акулова.

Из машины вышла женщина, а с ней мальчик. Садовский страдальческим движением поднял руки к небу, и маленький, ярко раскрашенный аэроплан вырвался из его рук, красивый, как бабочка. Он услышал, как в восторге засмеялся мальчик, побежавший, подпрыгивая, догонять его.

— Папочка!

Галя бежала по траве прямо к нему в объятия...

1960

Самолет «Ил» выровнялся в полете, его бешеный рев, доносившийся откуда-то спереди, из кабины пилота, перешел в негромкое подвывание, когда пилот уменьшил обороты четырех турбовинтовых двигателей Ивченко*. Акулов, Елена и Татьяна поудобнее устроились, откинулись в удобных креслах с изменением положения самолета, и стюард выглянул из-за своего закутка. Этот передний салон предназначался для особых пассажиров, он был небольшой, но кресла комфортабельными.

У него было нерусское лицо, смугловатая кожа, тонкие черты, черные волосы, которые завивались кольцами, и яркие черные глаза, блестящие, как антрацит. Он улыбнулся им белозубой улыбкой, ловко поставив на столик поднос с кофейной посудой и бутылками.

— Что там за чертовщина? — сказал Акулов, выглянув в иллюминатор. Облака под ними были бурого цвета.

— О которой из чертовщин, товарищ генерал, вы говорите? — спросил стюард, ловко вынимая пробку из бутылки марочного «Муската» и наливая его в хрустальные бокалы Елене и Татьяне. — О летающем земляном острове или огромном облаке пыли под самолетом и о земле под этим земляным островом, на которую они скоро сядут?

Акулов смотрел на него, развеселившись. Стюард налил в хрустальный стаканчик отличный армянский коньяк и минеральной воды в фужер.

— У нас достаточно времени, — сказал, улыбаясь, Акулов, — я надеюсь узнать и о том, и о другом.

— Боюсь, генерал, что это облако пыли — это верхний слой с большого количества распаханной земли, и, возможно, оно приплыло из далеких целинных краев и оседает на мою родную землю. У нас, в Советском Со-

* Ивченко А.Г. (1903—1968) — советский конструктор авиационных двигателей.

Когда они приблизились к реке, поезд замедлил ход и остановился. Они слезли вниз и стали разбивать замки на товарных вагонах.

Жажущие, уставшие, но внезапно окрыленные люди выбирались из вагонов, шурясь на свету. Некоторые бросились помогать открывать другие вагоны. С каждой открывавшейся дверью Рут тревожно вглядывалась в выходявших кучками людей.

— Ева? — звала она. — Ева?

Наконец маленькая фигурка бросилась ей в руки. Рут крепко прижала ее к себе и смотрела на нее, вытирая слезы, бежавшие по лицу девочки.

— Дорогая, — сказала она, — какая же ты чумазая! Надо где-то раздобыть тебе чистую одежду.

Люди вокруг них смеялись. Рут вышла из толпы, держа Еву за руку.

— Теперь послушайте, — призвала она. Она указала на берег реки, где причалила старая, черная, как деготь, баржа.

— Эта баржа заберет нас отсюда. Мы проделаем на ней большую часть пути до австрийской границы, а потом придется перейти через горы. Это недалеко, около двадцати километров. Пошли?

Внизу ждал Шандор, и люди начали стекать вниз по склону холма к судну. Рут посмотрела на машиниста в кабине.

— Спусти поезд вниз и утопи его, — велела она.

Человек снова взялся за рычаги, и поезд двинулся. Он спрыгнул на соседний путь.

— Как же без меня, — произнес он. — И я с вами!

Деревня Саарфолд, Австрия

На рассвете Berghofmeister* был разбужен женой.

— Послушай, Ганс, там люди. Много людей.

Они не производили большого шума, но под окнами их спальни в деревянной гостинице слышался говор многих голосов и шарканье ног. Он откинул назад толстое пуховое одеяло и подошел к окну. Да, действительно, там были люди, они сидели на земле, прислонившись к стене, усталые, сгрудившись по углам от холода.

— Беженцы, Лили, — сказал он сочувственно, поворачиваясь внутрь комнаты, — наверное, из Венгрии.

— Ты уверен? Некоторое время их не было, с тех пор, как русские ввели свои войска.

* Berghofmeister (нем.) — здесь: главный управляющий.

— Не спорь, жена, — нетерпеливо проговорил он, сняв пальто с вешалки и надевая его. — Сама посмотри — вот они. Спустишь вниз и разожги большой огонь, они замерзли.

Когда он шел вниз и открывал широкую деревянную дверь, он услышал первые потрескивания огня в камине. Снаружи стояла очень грязная женщина, ее ноги до колен были покрыты слоем грязи, а рядом с ней — еще более грязная девочка. За спиной женщины висел автомат, а в руке была пачка валюты.

— Доброе утро, Herr Hofmeister*, — очень любезно сказала она. Она протянула ему деньги, и он, улыбнувшись, взял их. Она широко улыбнулась.

— Триста завтраков! — заказала она, и люди стали входить в дом.

Переделкино

— Я помню его, конечно, — сказала Елена.

Петр Павлович Садовский держал маленький раскрашенный самолет между большим пальцем и ладонью одной руки и раскручивал пропеллер большим пальцем другой.

— Неужели помнишь? — спросил он.

— Это разведчик «Ньюпорт». Ты сделал его для Рут, а для меня «Совпит», когда нам было по пятнадцать лет.

— Да. Я тоже все помню.

Лужайка купалась в солнечных лучах. В ее конце находилась мощеная дорожка, ведшая сквозь лиственницы и сосны.

— Я вернулся в те времена, — сознался он. — Я сделал это для мальчика. Я подумал, вдруг ему это понравится. Поможет нам подружиться... Может быть, было бы лучше сделать МиГ или Су, но я не могу о них даже думать. Я останавливаюсь где-то в семнадцатом году, Елена, и не хочу двигаться дальше. Революция прикончила меня, и я не хочу больше о ней помнить. Думаешь, Галя поймет? Она знала совсем другого папочку. Она не узнает меня, просто удивится, кто этот покалеченный старый хрыч...

— Она узнает тебя, — утешая, сказала Елена. — И она все поймет. Мы все понимаем, все, кто прошел через это и выжил.

Он отпустил пропеллер, и тот завертелся, превратившись в неуловимо быстрое пятно, обдувающее его лицо ветром.

* Herr Hofmeister (нем.) — здесь: господин управляющий.

юзе, что ни делается, все к лучшему. У нас вообще все самое лучшее, а главное, самое большое. Сразу вспахать пятьдесят миллионов га, ну, кому такое под силу! Зато и самые большие пылевые бури. Но моим соплеменникам особенно повезло. Если бы они действительно были под нами и под этим облаком пыли, они бы, конечно, как только выкашляли бы пыль из легких и вымели бы ее со своих дворов, послали бы благодарность Хрущеву за то, что подбросил нам немножко лишней земли. Может быть, скоро полетят с неба и семена кукурузы, раз уже ее приказано сажать от края до края нашей великой родины. Говорят, Хрущев считает что, если заморозить яровую пшеницу в холодильнике, она превратится в озимую. Мало ли что может случиться с кукурузой, если она полетает по облакам.

— Я не понял одного, почему твои соплеменники не там, если ты называешь эту землю родной? — спросил Акулов.

— Я думаю, товарищ генерал, что наше руководство уже шестнадцать лет назад предусмотрело последствия этих пыльных бурь для моего народа и заблаговременно переселило его в более безопасные места. О нас заботятся.

Акулов задержал во рту глоток коньяка, наслаждаясь его ароматом.

— Твой народ, — сказал он, — а какой же вы национальности?

— Национальности, к которой принадлежит твой собеседник, Иван, не существует, — сказала Елена. — И народа тоже. — Она взглянула на стюарда:

— Я права? Вы ведь крымский татарин?

— Как удивительно, что вы знаете о крымских татарах. Ведь официально мы не существуем. Мы не можем вернуться в Крым, нам запрещено. Мне повезло, я иногда могу увидеть ее сверху, нашу землю. Какие там были сады, виноградники, реки, какое море. Говорят, виноградники стали сохнуть; люди, которые живут там теперь, не знали, зачем мой народ рыл колодцы, в которых не было воды, и они их засыпали. И сейчас там сады высыхают. А теперь еще это облако пыли. Моей родины скоро не будет. Они не знают эту землю. Мы ее знали хорошо, в этих колодцах весной вода собиралась с тающих гор и держалась все лето и часть осени и в почве поддерживалось равновесие.

— Откуда ты знаешь о них? — спросил Акулов у Елены.

— Кривицкий однажды напился в Вашингтоне в посольстве и рассказал мне о том, как выселяли крымских

татар. Он сам был там и сам загонял их в грузовики. Во время войны. Целый народ. Сталин разбросал их по всей стране. Многие погибли. Все написанное на их языке было уничтожено. Уничтожалась история народа, сама его память. Русские князья когда-то платили им дань, теперь считается, что этого народа никогда не было. Они хотят вернуться в Крым, но если они просят разрешения вернуться, им говорят, что Советский Союз есть их дом, что они должны быть довольны жить там, где им определили.

— Империя, — произнесла Татьяна. — Имперская власть всегда чувствует за собой право обращаться со своими подданными так, как ей удобно.

— Это то, о чем ты собираешься поведать Никите Сергеевичу? — спросил Акулов. Стюард вновь подошел и накрыл их столик свежей льняной салфеткой и положил блестящие приборы.

— Отчасти и об этом, — ответила Татьяна. — Но я хочу начать с флага. Вот, он у меня в сумке. В некотором роде подарок от новосибирских ученых. С другой стороны, может служить иллюстрацией. Или, скорее, наглядным пособием.

Она сняла мягкую сумку, висевшую на кресле, и раскрыла ее. Внутри они увидели алый с золотом шелк.

— Новосибирские мастерицы. Замечательная ручная вышивка. Посмотри, Елена, ты это оценишь, смотри, как искусно вышиты серп и молот.

— Ну, понятно. Подарок. Но при чем тут экономика?

— Сам символ, вот что важно. Серп и молот. Они стали символом партии и советского государства. Символ того, что партия защищает интересы рабочих и крестьян. Этот же символ появился на гербах и флагах тех стран, которые под влиянием Советского Союза вступили на социалистический путь. Серп и молот символизируют ту часть мира, которая поддерживает коммунистические, то есть советские, интересы. Я думаю, что это символ, абсолютно соответствующий самой сути Советского Союза, и он может вступать с ним в двадцать первый век.

— Что-то у тебя не то на уме, Татьяна, — сказал Акулов. — Я тебя знаю, что-то ты больно правильно стала мыслить. Тут что-то не то.

— Да нет, я совсем не с точки зрения идеологии говорю. А с точки зрения экономики, — спокойно возразила она. — Я имею в виду только то, что говорю, без подтекста. Я совсем не иронизирую, экономика ведь не способствует чувству юмора.

Стюард поставил на стол холодные закуски: бутерброды с икрой, рыбное ассорти, салаты.

— Продолжай, — произнес Акулов.

— Каждая страна, которая поместила на своем гербе символ власти метрополии, конечно же, признает себя, формально или неформально, частью этой громадной империи. Советская империя включает в себя ранее царские, а теперь советские нерусские республики, присоединенные Красной Армией во время и после гражданской войны, плюс Балтийские государства, присоединенные после сделки Сталина с Гитлером, и, что очень важно, Восточно-Европейскую империю, приобретенную в течение и после Великой Отечественной войны. Эта империя фактически охватывает и находящиеся под советским влиянием и такие страны, как Куба, Вьетнам и некоторые страны в Африке. Это очень обширная неформальная, а фактическая империя.

Восточно-Европейская часть социалистического мира представляется особенно важной для России. Она играет роль защитной полосы против Запада и плацдарма для возможного вторжения. Разумеется, вооруженные силы стран содружества являются серьезным дополнением к войскам СССР, а их экономика дополняет советский военный и гражданский секторы. Население этих стран также может быть использовано в качестве заложников для сдерживания западной политики. Особенно это касается Восточной Германии. Как партия, так и народ России гордятся тем, что контролируют Восточную империю.

— Чего не скажешь про другую сторону, — произнес Акулов. — Я был в Венгрии в пятьдесят шестом.

— Точно. Коммунистические правительства Польши, Венгрии, Чехословакии, Восточной Германии, которые поставлены Москвой, не воспринимаются их народами как правящие законно. Чтобы получить хотя бы какую-то поддержку населения, правительство должно защищать национальную независимость своей страны. Как доказал Гитлер, национализм воздействует на сердца сильнее, чем социалистический интернационализм. Для Гомулки, или Кадара, или любого другого главы этих стран бороться за национальную независимость означает просто пригласить советские танки еще раз. Люди прекрасно понимают, что их правительства существуют только по советскому указу. Они не легитимны. Им не хватает как их традиционного источника — национализма, так и законного источника — свободных выборов.

На фарфоровых тарелках остались живописные разводы, и стюард убрал со стола все лишнее. Из-за занавески доносился аппетитный запах жареного мяса.

— Теперь пойдем дальше, — продолжала Татьяна. — Образованные люди в России в основном не составляют оппозицию Кремлю, но восточноевропейская интеллигенция потенциально или реально враждебна коммунистическому руководству. Эти народы в целом пассивно относятся к советскому культурному влиянию. Во всем блоке существует полное равнодушие к советской культуре и глубокая тяга к религии и своим традициям. Коммунистическое руководство в восточноевропейских странах чужеродное, мелкое и слабое растение. Мы разрабатывали разные варианты в отношении этих стран для НКВД в сорок четвертом. Мы рекомендовали строить их по типу отношений с Финляндией как раз потому, что предвидели неизбежные проблемы. Если, как Сталин, а теперь как Хрущев, провозглашать необратимость установленного там социализма, победу неуклонного движения в будущее, тогда за них приходится держаться, вернее, удерживать их любой ценой. Если эти страны будут поворачивать вспять, возникает опасный вопрос: «Почему это не может относиться к Советскому Союзу и к самой России?» Но уровень жизни в стране не растет. Никита Сергеевич сейчас приглашает в Москву на совещание экономистов-аналитиков со всей страны. Что делать? Империи похожи на костюмы из очень дорогой роскошной ткани. С одной стороны, они повышают престиж владельца, демонстрирующего свое благополучие, но сильно бьют по его карману. Империи — это дорогое удовольствие. Они требуют демонстрации могущества. Советские вооруженные силы производят впечатление.

— Вероятно, мы могли бы пройти всю Западную Европу за семьдесят два часа, — сказал Акулов.

— Но стоят они очень дорого. По приблизительной оценке, точной мы не располагаем, потому что отсутствуют независимые средства проверки официальной статистики, — по весьма приблизительной оценке, из работающего населения, то есть около 100 миллионов, что-то между 30 и 40 миллионами работают на оборонную промышленность. При этом только там применяются реальные стандарты, я имею в виду реальную оплату. Все ведь знают, что за брак в производстве предметов потребления тебе достанется по рукам, за брак в экспортной продукции дадут под зад, а за брак в военном производстве оторвут голову.

Но если все, что я говорю, правда, то мы идем против исторической тенденции, которая, если призадуматься, направлена против формальной империи. Британская империя давно испытывает муки дезинтеграции, и это

ждет в конце концов и Российскую империю. Откуда нам брать деньги на эти роскошные наряды?

— Мы расплачиваемся за те годы, когда нарушение социалистических законов в период культа искажили нашу систему. Теперь мы на подъеме, — сказал Акулов. — Мы можем себе многое позволить.

К столику поспешно приблизился стюард и наклонился к Акулову:

— Товарищ генерал, пилот просит вас подойти. Для вас есть радиосообщение.

Акулов поднялся с места.

— И все-таки, Татьяна, в какой стране простой крестьянский парень мог бы стать генералом? Или главой государства, как Никита Сергеевич? Согласись, что в Америке президентом может стать только миллионер.

Когда он через несколько минут вернулся, на столе уже стояли другие тарелки с жареным мясом и сложным гарниром. Елена опустила нож и вилку и вопросительно посмотрела на него.

— Это был Никита Сергеевич, — сказал он хмуро. — Меня высаживают в Полтаве. Там волнения.

— Украинцы бунтуют? — спросила Татьяна. — И Никита Сергеевич распорядился, чтобы украинский генерал с этим разобрался?

— Да, — коротко ответил он.

— Почему они бунтуют?

— Что-то связанное с повышением цен на продукты.

— Ну конечно, продукты, — сказала Татьяна. — При последнем царе Россия являлась крупнейшим экспортером зерна. Сейчас мы импортируем миллионы тонн. Социализм существует уже достаточно долго, чтобы видеть, кажется, постоянную связь между этим строем и недостатком продовольствия. Скоро можно будет говорить о закономерности. Причем положение легко исправить, это видно на примере частных крестьянских хозяйств, которые занимают около четырех процентов обрабатываемой земли и дают четверть всего урожая. Решение, казалось бы, просто — разрешить фермерам обрабатывать свою собственную землю. Но Никита Сергеевич не сделает этого, как и всякий другой советский руководитель, поскольку это означало бы уменьшение централизованного контроля над населением. Как и потеря Восточной империи, это означало бы поражение системы. Поэтому мы в тупике.

— Но к чему твой флаг с ручной вышивкой? Он-то что иллюстрирует? — спросила Елена. — При чем тут серп и молот?

— Они вдохновляют ее, — проворчал Акулов, а его жена улыбнулась.

— Это на самом деле великие исторические символы, — серьезно сказала Татьяна. — Серп означает сельское хозяйство, крестьянство. Молот — промышленность, рабочих. В Советском Союзе все еще не завершена Первая промышленная революция. Создание основных промышленных отраслей и инфраструктуры еще не завершено. От двадцати до пятидесяти процентов всего собранного урожая портится и гниет из-за недостатков хранения, транспортировки и распределения. Заводы, возводимые из материалов, требующих чрезмерных инвестиций, строятся так долго, что к тому времени как они начинают работать, их продукция устаревает, потому что темп изменений в технологии увеличивается, а не замедляется.

Советский Союз едва вступил во Вторую промышленную революцию — период массового потребления. Но, кажется, Запад уже спешит в Третью. Там происходит нечто новое, серьезные изменения в информационных процессах и средствах связи, вызванные электроникой, компьютерами. Эти новые процессы охватывают весь западный мир, а что у нас? Наш статистический отдел в Новосибирске не только не имеет компьютера, но даже не планирует его приобрести. Отдельные граждане на Западе имеют их* и могут выходить в информационную сеть. В Новосибирске есть несколько американских фотокопировальных машин. Но всякий раз, чтобы их использовать, мы должны обращаться в специальный отдел КГБ, который дает специальное разрешение. Они оберегают их, чтобы возможные враги не использовали бы их для изготовления подрывной литературы.

Серп и молот — это символ движения, которое претендует указывать путь будущего человечества. Серп и молот. Ручные инструменты, предшествовавшие Первой промышленной революции.

— Умные слова, — произнес Акулов. — Но ты подожди и посмотри. Мы возвращаемся сейчас к ленинским принципам. Новый мир все еще на подходе. Я процитирую тебе тоже экономистов, Татьяна. Кто сказал, что в конечном счете в глобальном соревновании между социалистической и капиталистической системами победа достанется той системе, которая сможет обеспечить более высокий и длительный уровень производительности

* Первый коммерчески распространяемый компьютер появился в 1975 г., а распространение персональных компьютеров произошло в конце 70-х годов.

ти труда? Ленин. А кто сказал, что проигравший отправится на мусорную свалку Истории?

— Это сказал Троцкий, — ответила Елена. — Удивительно неприятный был молодой человек.

Появился стюард со своей белозубой улыбкой.

— У нас есть еще несколько минут перед приземлением. Не желаете ли кубинский ананас? Или французский камамбер?*

— Я бы предпочла крымский виноград, — ответила Елена.

— Самый лучший, — согласился он. — Но над Крымом темная туча.

Подвывание двигателей превратилось в монотонное ворчание, и самолет стал снижаться. Акулов разглядывал приближавшуюся землю. Стюард улыбнулся.

— Смотрите, товарищ генерал, это Украина!

— Знаю, — буркнул, не оглядываясь, Акулов. — Я здесь родился.

— Значит, скоро будете дома!

— Нет, я живу в Москве.

Стюард с сочувствием посмотрел на него.

— Я тоже, товарищ генерал. Вы также изгнанник, как и я.

* * *

Обшарпанные блочные дома обрамляли широкий бетонный бульвар, как мертвые слоны. Люди-насекомые вползали и выползали из пулевых отверстий в их шкурах. Они останавливались, смотря вслед несущимся по улице лимузинам. Впереди ехала машина охраны. Люди в машине подпрыгивали на своих сиденьях вместе с «Чайкой», которую постоянно подбрасывало на неровностях мостовой.

— Если тут бунт, я предполагал, что у вас будет целый военный экспорт, — заметил он.

Один из двоих его спутников откашлялся с заднего сиденья в носовой платок. Оба эти человека в одинаково мешковатых костюмах были местным начальством.

— Это всего лишь местные крестьяне, — презрительно сказал чекист. — Мои ребята скоро выявят зачинщиков, и мы вздернем их за яйца.

— Не забывай, что я из украинских крестьян, — угрожающе произнес Акулов. — И я освобождал Берлин.

— Значит, вы в курсе, как справиться с мятежниками, товарищ генерал, — сказал второй, это был партий-

* «Камамбер» — сорт сыра.

ный начальник. — Мы только хотим для остратки провести войска по улицам. Проколоть нескольких для примера, а остальные угомонятся сами.

— А что случилось? Почему стали выступать? — спросил Акулов.

— Цены на продукты удвоились, а их и так не хватает. Но мы же не сами поднимаем цены. Общегосударственное постановление. Наше дело — выполнять.

— Я знаю о нехватке. Снова неурожай. Делают закупки зерна в Америке. Но здесь-то, у вас, какое положение? У вас что, нет никаких запасов, что ли?

— Для продажи населению нет, товарищ генерал. Минимальные запасы для руководства. Ну, и не неприкосновенный запас, конечно, — он хрипло вздохнул и вдруг улыбнулся масляной улыбкой Акулову. — Но вы не беспокойтесь, вас это, конечно, не касается. Руководство, естественно, обеспечивается сполна. Тут нет проблем.

— Рад слышать, — неожиданно для самого себя вежливо сказал Акулов. — А как с зерном?

— Разумеется, есть, но в ограниченном количестве. Только для руководителей первого и второго звеньев, запасы белой муки до конца года, по крайней мере. Для имеющих льготы.

— Имеющие льготы?

Чекист, как и партиец взглянули на генерала совершенно одинаковым взглядом, в котором сквозило недоумение по поводу его вопросов.

— Для руководства, — кратко сказал он, — а не для населения.

— Понятно, — пробормотал Акулов. Два лимузина проезжали через пригородные пустыри к центру города, где до сих пор стояли крепкие невысокие дома, построенные еще при старом режиме.

— Я в детстве ездил сюда на базар с отцом. Тогда мы в деревне не голодали. Хлеб был у самых бедных.

Начальники равнодушно промолчали.

— Ладно, — сказал Акулов. — Теперь вот что сделайте. Вы сразу приобретете авторитет в народе. Когда мы приедем, выйдите на балкон вашего райкома и объявите о свободной продаже хлеба. Я дам вам военные грузовики, чтобы доставить зерно в пекарни.

Начальник КГБ уставился на Акулова змеиными глазами.

— Свободная продажа хлеба! — сплюнул он от потрясения. — Лучше все же подавить их силой армии. Они будут требовать хлеба каждый день!

— Давайте прекратим дебаты. Я знаю этих людей,

потому что я один из них. Они многое терпят, со многим мирятся, но если их терпение переполнено, вы встретитесь с таким сопротивлением, что пожалеете, что начали. Итак. Чекистам тут делать нечего. Пусть партийное руководство проявит инициативу. Скажите им про хлеб и распорядитесь его доставить. А заодно и масло, сыр, колбасу и молоко из партийных закровов. Если они накормят своих детей и получают для себя хоть какую-то малость, то не доставят вам беспокойства. Скажите им, что цены будут заморожены до конца года. Я постараюсь договориться в верхах.

— Вы присланы сюда не для того, чтобы указывать мне, что делать, — взорвался толстый человек. — Вы должны подавить бунтовщиков силой.

— Знаете, мы в армии обходимся без указаний политкомиссаров, они не вмешиваются в наши дела. Во всяком случае если бы советовались с ними, то можете быть уверены, что мы проиграли бы войну, — холодно произнес Акулов. — Если вы хотите, чтобы весь этот город сгорел вместе с вами, действуйте по-своему. Я не беру на себя ответственность за ваше упрямство. Я здесь по указанию Никиты Сергеевича Хрущева и буду отчитываться перед ним. Теперь отправляемся в центр, к райкому, и вы делаете так, как я сказал. Армия не сражается с населением.

Машины с визгом мчались по улице. Впереди в сумерках толпились люди, охваченные гневом.

— Помедленней, — резко приказал Акулов, — не провоцируй их. У вас есть хоть громкоговоритель на этот случай?

«Чайка» замедлила ход. Они находились в старой части города. Двух-трехэтажные полинявшие дома царского времени теснились по сторонам неширокой улицы. Машина с охраной, ехавшая впереди, резко рванула, и три фигуры из толпы неожиданно взлетели в воздух, перевернулись и упали вниз в толпу.

— О, черт! — тихо выругался Акулов. Машина с охраной внезапно перевернулась, колесо отлетело прочь и исчезло в толпе. Следом за ним исчезла в людском водовороте и сама машина.

— Разверните машину! — заорал Акулов шоферу, и шины завизжали о мостовую. Человеческий водоворот бурлил, растекаясь по улице. В машину ударил кирпич, по задней части яростно застучали кулаки. Булыжник пробил ветровое стекло, и «Чайка» со всей силы врезалась в стену. Голова водителя поникла, его нога прилипла к педали. Акулов вышиб дверь и вырвался наружу. Ударом

громадных, как валуны, кулаков он сбил с ног людей, бросившихся на него. Кто-то завопил от боли в брошенной машине. Он пробивался наверх по ступеням старого жилого дома, отбрасывая тех, кто пытался преградить ему путь. На лестнице он споткнулся и упал на одно колено, но яростным усилием поднялся и встал спиной к двери. Он отбросил еще одного со ступеней и расчистил место перед собой.

— Я один из вас! — крикнул он им в лицо. Он заговорил на украинском языке, на котором всегда говорил дома. Бурлящая масса немного притихла.

— Я здешний! Я украинец. Меня зовут Иван Иванович Акулов, и я прибыл, чтобы дать вам хлеб.

Они недоверчиво ворчали, двигаясь вниз, как волки. Он держал руку на кобуре, но не доставал пистолет.

— Люди, пропустите меня!

Маленькая фигурка двигалась сквозь толпу. Она стояла на нижней ступеньке и смотрела на него, старуха, вся с головы до ног в черном.

— Я знаю его, люди. А ты, Иван Иванович, ты узнаешь меня?

Дыхание перехватило ему грудь.

— Да, я узнал тебя, Мария. Я помню тебя и твоего мужа. Я знаю, что у вас было четверо детей.

— Если ты узнал меня, разреши мне подойти. Я хочу говорить с тобой при народе.

Старуха в черном поднялась по ступенькам и встала рядом. Она стала меньше ростом, едва достигая маковкой золотых погон на шинели Акулова. Она посмотрела на людей внизу.

— Это Иван Иванович Акулов. Он родился в моей деревне, и он достойный человек.

— Скажи им, Мария, чтобы они проводили секретаря райкома в райком, он распорядится выдать муку в пекарни. Я ему приказал. Сегодня вечером хлеб будет продаваться свободно по старой цене.

В толпе послышались довольные возгласы, и несколько человек потащили аппаратчика в здание напротив. Что-то похожее на зарезанного поросенка в окровавленной серой одежде выглядывало из-под колес «Чайки». Акулов почувствовал влагу на лице и вытер его ладонью. Лицо оказалось в крови.

— Вы видели? — сказала Мария. — Он — достойный человек. Он страдал, как и мы, когда большевики явились из России и стали нас грабить. Его отца, мать, братьев и сестру и его племянников убили русские солдаты, которые убили моих односельчан или сослали их на север, чтобы они умерли там от холода и голода.

— Где твой муж, Мария, и где твои дети? — спросил Акулов.

— Видите? — обратилась она к толпе. — Он спрашивает о моей семье. Он сердечный человек, и я ему отвечу. Мой муж не смог уплатить налоги, когда их потребовали в третий раз. Это было так давно. Он продал дом Тимофею Васильевичу, председателю комитета бедноты, который водил по дворам отряды, отбиравшие зерно. Ты помнишь Тимофея Васильевича, Иван Иванович?

— Тимоха? Этот вор и пьяница?

— Он стал важным человеком, и все звали его Тимофеем Васильевичем. Он дал за дом пятьдесят рублей. Но этого было мало, и моего мужа выслали на север, и он сгинул там, наверное, умер. Мы стали жить у тетки Акулины, мы варили траву и ели. Мы делали хлеб из коры. Ты ведь помнишь тетку Акулину, Иван Иванович? Она говорила, чтобы мы ее съели, когда она умрет, пусть от нее будет хоть какая польза. Но мы не стали этого делать, когда она умерла. Мы делали хлеб из желудей и еле таскали ноги, а Тимофей Васильевич ругал нас паразитами и дармоедами.

Волна ненависти пронеслась, как ветер, по толпе. Акулов почувствовал, что только эта немощная старуха не дает им броситься на него снова.

— Мы не могли бы все продержаться до весны. Я выбрала из детей старших, они были сильнее. — Оксана и Гриша. Двоим меньшим я совсем не давала есть, ели только старшие. Я не помню, как их звали, я сразу забыла их имена, чтобы не вспоминать о них.

Тимофей Васильевич жировал, пил и пел. Когда он ходил по хатам с другими разбойниками, чтобы снова и снова грабить наши крохи, оп пел:

Вставай, проклятьем заклейменный

Весь мир голодных и рабов!..

Я нашла его подыхавшим в канаве, когда началась война и его партийные дружки оставили его на произвол судьбы. Я быстро пошла по хатам, и мы поспешили туда, чтобы он не сдох без нас. Мы окружили его, а он лежал в канаве, и мы спели ему его песню. Затем мы запинали его ногами до смерти. Некоторые здесь помнят, как это было.

Они взвыли в ответ дружно, как стая волков.

— Иван Иванович, наверное, был бы с нами, потому что он из наших. Твои старики были убиты в те времена, Иван? И вся твоя родня. Брат и сестры? Весь род?

— Да, — глухо ответил он. Он чувствовал в горле кровь.

— Ты знаешь, кто убил их?

— Чекисты.

— Да, чекисты, они наехали из России... Ты им отплатил, Иван?

Акулов пристально посмотрел на толпу внизу.

— Да, в конце концов, отплатил...

— Ну, да, ты не мог иначе. Ты ведь с Украины. Мы не радовались немцам, когда они пришли, но они сказали, что Украина станет отдельной страной, и здесь не будет больше русских большевиков. — Она положила свою сухую руку, легкую, как крыло птицы, на руку Акулова. — Ивана Ивановича тогда не было здесь. Он служил в Красной Армии. Он сражался с немцами. Когда ушли немцы, опять пришли русские большевики, чтобы опять мы стали их рабами, украинцы взяли за оружие. Люди, вы помните, как это было. И мы были все вместе. Оксану схватили, и ее били сапогами солдаты в военной форме, в такой, какую носит Иван Иванович. Только не с такими золотыми погонами, но в таких же армейских сапогах. Потом кровь хлынула из ее горла, и она умерла. Но Ивана Ивановича здесь не было. Наверное, он не стал убивать Оксану.

Так я потеряла всю семью, но еще был сын Гриша. Он любил братишек. Раньше он играл с ними, возил их на спине, изображая лошадку. Он мучался, когда они умирали от голода, а я запрещала ему делиться с ними даже крохой. Когда они умерли, он перестал разговаривать с нами, и еще не настала весна, как он ночью повесился в сенах.

Откуда-то с другого конца улицы донеслись довольные возгласы.

— Наверное, выдают зерно, — сказал Акулов. — И должно быть, еще какие-то продукты.

Они задумчиво, молча смотрели на него, и он почувствовал, как его коснулась высохшая рука старухи, стоявшей рядом.

— Мы разорвали твою красивую форму, Иван Иванович, но ведь твои русские хозяева дадут тебе новую, такую же красивую. С золотом на воротнике и с алыми полосами на штанах. Эти полосы такие же красные, как кровь моей дони Оксаны, и золотое шитье сияет так же, как монеты, которыми тебе платят.

Она слабо махнула рукой, повелевая толпе расступиться.

— Пусть он идет спокойно. Он обещал нам крохи со своего стола, и он нас не обманет. Он сам говорит, что он здешний, он сам говорит, что он украинец!

Пункт управления, Кремль, 18 октября 1962

Лифт с шипением закрылся за его спиной. Он постукал, и Хрущев поднялся ему навстречу из-за стола, над которым была размещена огромная панель с картой.

— Иван Иванович! Где ты пропадал, черт возьми! — спросил он.

— В Белоруссии, Никита Сергеевич, — его глаза скользнули по карте. Америка, Карибский бассейн, Куба.

— Скажи на милость, чего ты туда едешь? — спросил Хрущев. — Места не для веселья. Ужасные разрушения войны, раны еще не зарубцевались.

— Мне ли не знать. Я проходил через Минск с армией. Моя дочь погибла в Белоруссии, и я каждый год езжу к ней на могилу.

— Прости, Иван, я не знал об этом.

Акулов осмотрелся, пытаясь оценить положение. Здесь были офицеры из Ракетных войск стратегического назначения вместе со своим новым командиром Васюгиным. Возможно, они явились из своего святилища — Военной Академии имени Дзержинского, расположившейся недалеко от Красной площади, подумал он с раздражением. Всего за три года существования ракетные войска заняли приоритетное положение среди других войск. Перед ракетами с ядерными боеголовками все другие средства ведения войны казались устаревшими, а идущее сокращение обычных вооружений показывало, что Хрущев верит в их могущество.

Чуть в стороне Кривицкий стоял в центре нескольких высших чинов КГБ, почтительно его окружавших. Акулов узнал кое-кого из ГРУ, экспертов-американистов и военных переводчиков. Весь этот синклит и встреча в бункере под зданием Арсенала указывали на то, что дело касается главного врага — США.

Хрущев, круглолицый и приземистый, торжествующе посмотрел на Акулова снизу вверх.

— Мы разместили межконтинентальные ракеты на Кубе. Наконец-то мы захватим янки за бока.

Акулов посмотрел на панель, разглядывая остров, который находился всего в девяноста милях от Американского континента.

— Игорь, дай другое изображение, — велел Хрущев технику из Ракетных войск, и тот перевел рычаги на пульте управления. Изображение на панели сменилось, появилась карта Советского Союза и его соседей. Возле границ виднелись обведенные алым цветом кружки, показывавшие ракеты, нацеленные в сердце СССР.

— Видишь? — спросил Хрущев. — Проклятые американцы поставили свои ракеты вдоль всей границы, угрожая нам. Как... пистолеты, направленные нам в голову. Океаны скоро закипят от их подводных лодок, несущих «Поларисы». А мы все не можем их достать. Наши ракеты имеют радиус действия только 3200 километров, а большие еще не готовы. Но...

Он снова махнул технику.

— Опять ты, Игорь. Смотри!

На Кубе ракеты с красными звездами нацелились на американскую землю.

— У нас есть баллистические ракеты первого удара среднего радиуса действия, и мы можем смести их от Финикса до Галифакса. СС-5!

В бункере поддерживалась ровная температура воздуха, но по спине Акулова пробежал холодок. Ничего хорошего не предвещало, когда гражданские лихо использовали военную терминологию. Даже если они были государственными лицами.

— А американцы, Никита Сергеевич? Они вряд ли позволят нам это сделать и ничего не предпримут.

— Они ничего не знают! — с ликованием произнес Хрущев. — Они думают, что мы устанавливаем ракеты класса земля-воздух для противовоздушной обороны, понимаешь. А когда мы их запустим, будет уже поздно.

— Их У-2 отреагируют.

— Иван Иванович, американцы слишком простодушны. Разве Кеннеди применил силу, чтобы подавить Кубу в прошлом году? Я бы обязательно это сделал. А он прошляпил. Послал несколько эмигрантов в бухту Кочинос и даже не обеспечил их поддержкой с воздуха! Они были уничтожены!

Хрущев взял Акулова за руку.

— Он слабохарактерный, Иван, — доверительно сказал Хрущев. — Молодой и приятной внешности. Посмотри вокруг. У нас есть хоть один такой — молодой и симпатичный? Нет, мы совсем другие. Мы совсем не такие красивые. Мы страдали. И наш народ страдал. Первая

мировая война, гражданская война, вторая мировая война. Откуда нам быть красивыми? Все сражались, мы в шрамах, нам не до красоты.

Добродушное выражение его лица сменилось гневным.

— Мы заплатили за все! Кровью. А американцы окружили нас военными базами и ядерным оружием! Они не страдали, Иван. Они даже не знают, что значит завоевать свое место в мире. Мы завоевали. Скоро они поймут, что значит, когда тебе угрожают.

Он сердито посмотрел на экран.

— Они все получили даром. А мы за все платили чистоганом и продолжаем платить. Мы за все платим. За что заплатил — то и твое. Этому уроку капитализма мы будем рады научить их. Они малохольные, Иван. Где им сражаться! Разве американские города были разрушены во время войны, как наши? Разве их солдаты умирали? Нет! Они только маршировали в красивой военной форме, а нам посылали тушенку, чтобы мы умирали за них.

— Я знаю, что они не страдали так, как это досталось нам, Никита Сергеевич. Но, наверное, и им не понравится, когда им угрожают, — задумчиво сказал Акулов. — И они могут ответить. Вспомните Хиросиму и Нагасаки. Они сожгли живьем десятки тысяч людей. Сбросили атомные бомбы на японцев. Я думаю, что они очень хорошо умеют обращаться с большой дубиной.

— Оставь стратегию нам, Иван, — коротко сказал Хрущев. — Способы ведения войны сильно изменились с тех пор, как ты брал Берлин. Ты — танкист, а теперь время ракет. Но одно не изменилось: если приставить к виску пистолет, человек отдаст тебе все, чего ты ни потребуешь. Наши ракеты на Кубе — тот же пистолет, направленный в висок США. Вы желаете Западный Берлин? Пожалуйста. Вы желаете ликвидировать базы НАТО? Пожалуйста. Увидишь сам, что я прав.

— Я понял вас, Никита Сергеевич, — официальным тоном произнес Акулов. — Но зачем же вам понадобился специалист по устаревшему вооружению?

— Будешь отвечать по телефону.

— Вам нужен генерал, чтобы отвечать по телефону?

Хрущев улыбнулся, и к нему вернулось все его добродушие.

— Мне нужен генерал, который будет вести переговоры, как ты делал это в Венгрии. Мне нужен генерал с зычным и убедительным голосом. Командир, который прошел с армией до Берлина. Мы тебя ценим, Иван Иванович, и они тебя ценят. Ты всех устроишь...

Он подозвал Кривицкого.

— Лев, какая линия для Ивана?

— Прежний канал.

— Вот именно, прежний канал. Им пользуется Громыко, чтобы долго не ждать связи с Дином Раском*. Прямая телефонная связь между нами и исполкомом Кеннеди.

— Какой исполком?

— Его Исполнительный комитет, — раздраженно произнес Кривицкий. — Он создал особую группу.

— Но разве они в курсе того, что мы делаем?

— Ничего они не знают, — сказал Хрущев, — и ты продолжай держать их в неведении. Сейчас Васюгин тебя проинструктирует.

Акулов смотрел на огромную демонстрационную доску.

— Как это нам удалось?

— За все заплачено, — пробормотал Кривицкий. — Фидель Кастро — наш человек. Мы создали для него партию и секретную службу. Мы поддерживаем его экономику на плаву. Он обязан нам.

— Это экономическая зависимость.

— Надо выбирать: зависимость от нас или от собственных дельцов, старающихся делать деньги, сопротивляющихся твоим методам и угрожающих твоему правлению. Это несовместимо. Это выгодно и ему, и нам — авианосец в девяносто миль от американского берега, — это хорошая сделка для него, поддержка его курса и его власти.

— Иван Иванович! — махал рукой Хрущев из-за письменного стола. — Янки на линии. Исполком. Иди представляйся!

Акулов прошел к столу и уселся.

— Говорит генерал Иван Иванович Акулов, — прогремел он голосом, словно гусеница танка крошила гравий. Хрущев одобрительно покивал.

— Привет, Иван, — сказал по-русски голос. — Это Джон Николс из штаба президента Кеннеди. Ты ведь помнишь меня, Иван? Я рад снова слышать тебя. Ты слышишь меня?

— Хорошо. Переходи на английский.

— Давай сразу об этих ракетах. Скажу честно, у нас такое чувство, будто нас принимают за грибы.

— Какие грибы? Не понял?

— Вы держите нас в темноте и кормите всякой ерундой. Давай поговорим об этих ракетах.

* Раск, Дин (Дэвид), р. 1909, Госсекретарь США в 1960—1964 гг.

— Класс земля-воздух, — сказал Акулов, — против воздушных целей.

— Мы знаем об этих ракетах. Но у нас есть снимки того, что вы установили вокруг Сан-Кристобалья. Это ракеты СА-2. У вас они расположены вокруг главных авиабаз, у комплексов баллистических ракет среднего радиуса действия и так далее. Эти снимки у нас тоже есть. Поэтому мы хотим знать, что такое есть у вас на Кубе, что вы так усиленно защищаете?

Акулов быстро соображал.

— Революцию! — сказал он.

Николс рассмеялся.

— Послушай, Иван. Ты генерал, и хорошо понимаешь, о чем я говорю. Все военные организации должны следовать предписаниям, верно? Ты следуешь установленным процедурам ради максимальной эффективности. Но мы достаточно долго знаем друг друга, чтобы нам были известны ваши предписания. Эти стартовые площадки ракет СА-2 имеют форму трапецоида. Я не упоминал, что ракеты у Сан-Кристобалья установлены в форме трапецоида? Ну, что ж, это так. Насколько нам известно, ракеты СА-2, размещаемые по такой форме, у вас рекомендуется использовать для защиты баллистических ракетных комплексов среднего и промежуточного радиуса действия. Что ты на это скажешь, Иван?

— Я скажу, что они там для защиты Кубинской революции.

Николс снова хохотнул.

— Сбереги эти шутки для грибов, Иван. Скоро мы опять с тобой свяжемся.

Акулов положил трубку на рычаг. В другом конце комнаты Хрущев кричал по другому телефону:

— Круглые сутки! Используйте, если надо. Доконать!

22 октября

Акулов погладил рукой щетину на подбородке. Четыре дня в бункере под землей вызвали угнетенное состояние души, и он жаждал выбраться на воздух. Внезапный вызов прервал его неспешную работу на могиле Наташи, занимаясь которой он будто общался с дочерью. Внезапный отъезд прервал это тихое общение, умиротворявшее его.

Увидев, что Хрущев шел к нему с какими-то бумагами, он начал подниматься, но тот махнул ему, пододвигая стул.

— Где витают твои мысли, Иван Иванович?

— Думал о дочери. Она похоронена под Минском. Я должен туда вернуться и завершить уборку могилы.

— Но можно ведь распорядиться прямо сейчас, если хочешь. Там все сделают в лучшем виде...

— Нет... Я езжу туда в гражданской одежде, никто и не догадывается, что генерал сажает цветы на могиле.

Хрущев с недоумением посмотрел на него и собирался что-то сказать, но опять зазвонил телефон.

— Иван? Это опять Джонни Николс. Я думаю, надо сообщить тебе, что у нас тут еще есть одна фотография. Площадки рядом с ракетами СА-2. Целая куча всякой всячины находится рядом. Ракетные тягачи, контрольные бункеры, грузовики с окислителем и горючими материалами, тенды для укрытия и сборные пусковые установки. Нам все это знакомо. Это обычное соседство баллистических ракет среднего радиуса действия. Что ты на это скажешь, Иван?

Акулов посмотрел на Хрущева, прикрыв ладонью трубку. Хрущев отрицательно покачал головой.

— Нам нужно выиграть еще несколько дней, — зашептал он озабоченно.

— Ваш технический анализ ошибочен, — ответил Акулов.

— Нет, Иван. К тому же явно видны площадки со складами для ядерных боеголовок. Но пока еще не ракеты. Значит, вы продолжаете искать грибы, а мы будем искать ракеты. Вероятно, они на борту кораблей,двигающихся к Кубе.

Акулов положил трубку.

— Что бы ты сделал, Иван Иванович, на месте Кеннеди? — тихо спросил Хрущев.

— У него три возможности, как кажется отставшему от жизни танкисту. Он может разбомбить до основания площадки, может совершить интервенцию, и он может объявить блокаду, чтобы предотвратить прибытие ракет.

Хрущев открыл папку и выложил подборку фотографий, сделанных с большой высоты.

— Мы запустили два спутника для ведения наблюдений. Получено вот это. Военно-воздушные базы в районе досягаемости Кубы. Хоумстед, Мак Дилл, Морская база в Джеконсвилле.

Акулов посмотрел на ряды готовых подняться истребителей-бомбардировщиков.

— Игра обострилась, — сказал он. — Они в сотнях миль, а мы в одиннадцати тысячах!

Хрущев сердито засунул фотографии назад в папку.

— Он блефует! Он малохольный, говорю тебе! Корабли будут там через три дня, и тогда он по-другому запоет. Он угрожает вторжением на Кубу, чтобы мы убрали наши ракеты? Тогда мы вторгнемся в Турцию и избавимся от его баз. В эту игру играют двое!

26 октября

— Иван? Это Джон Николс. Я хочу тебе сообщить, что ваши СА-2 находятся в рабочем состоянии и вы только что сбили один из наших У-2. В понедельник мы уничтожим ваши пусковые установки. Любое судно, которое попытается нарушить блокаду, будет потоплено.

Хрущев стоял рядом с Васюгиным и Кривицким. Акулов жестом предложил ему взять другую трубку.

— Любая военная акция, предпринятая против США или любого союзника США, будет рассматриваться как военный акт. К настоящему моменту США имеет сто сорок ракет «Поларис», сто три ракеты «Атлас», сто пять «Торов» и «Юпитеров», пятьдесят четыре ракеты «Титан», шестьсот ракет промежуточного радиуса действия, двести пятьдесят ракет среднего радиуса действия, тысячу шестьсот тяжелых бомбардировщиков с большим радиусом действия, тридцать семь авианосцев, и все они готовы к действию. Мы можем превратить Советский Союз в радиоактивную кучу мусора за тридцать минут!

Последовало длительное молчание. Хрущев был бледен, как воск, его кожа блестела от пота.

— Пора уходить с грибного места, Иван, — сказал Николс.

Акулов выжидающе смотрел на Хрущева.

— Скажи им, что мы уберем ракеты, — сипло произнес он.

Москва, май 1968

Женщина в светлом плаще с седыми волосами, завязанными свободным узлом, сидела на скамейке в самом конце Александровского сада. Перед ней возвышалась башня Арсенала, а дальше — живописный оранжевый Потешный дворец, за которым высился современный массивный Дворец Съездов. Совсем близко от ее скамейки были Боровицкие ворота с вооруженными часовыми в форме КГБ, проверявшими пропуск блестяще-черных «Чаяк» и ЗИЛов, которые везли важных персон в Кремль и из Кремля.

Охранники видели читающую книгу женщину, но она не привлекла их внимания. Со склоненным к книге лицом она наблюдала, как они засуетились, поднимая шлагбаум перед длинным черным ЗИЛом. Она услышала, как заворчал большой восьмицилиндровый двигатель, когда лимузин тронулся, увидела, как его передняя часть качнулась на мягких рессорах, когда водитель преодолел крутой поворот к Кремлевской набережной. С неожиданной для немолодой особы стремительностью она бросилась к нему, чуть не падая на капот.

Визг тормозов, и лимузин остановился. Охранник в синем плаще, выскочив с переднего сиденья, резко открыл дверь.

— Я хочу поговорить с товарищем Кривицким! — закричала она. Охранник схватил ее и потащил. Еще двое бежали к ним из ворот.

Затемненное стекло задней дверцы ЗИЛа опустилось вниз с характерным жужжанием электромотора.

— Садись.

Дверь открылась, и она села в машину. Охранники остановились.

— Поезжай, — сказал Кривицкий в микрофон, и машина двинулась.

— Здравствуй, Елена, — сказал он. — Ты хотела меня видеть?

— Ты это прекрасно знаешь. Я тебе писала, но ты не соблаговолил мне ответить, а твой секретарь игнорирует мои телефонные звонки.

— Я постоянно занят, — пробормотал он. — У меня дел невпроворот. Вот сейчас я был с Брежневым на беседе с чешским лидером Дубчеком. Любопытный тип, однако, в конечном счете, неумный.

— Почему ты так считаешь?

— Он не понимает исторического хода событий. Но чем я могу быть тебе полезен, если уж мы оказались с тобой в этой машине?

Елена достала из сумочки письмо.

— Две просьбы. Передать это письмо и устную просьбу от старого знакомого.

— От какого знакомого? — поднял он брови.

— От Петра Павловича Садовского. Мы же все знакомы с юности. Потом он водил твой бронепозд и строил твои танки.

— Чего он хочет?

— Его вместе с семьей арестовали во времена террора. Его дочь Галина чудом выжила. Иван Иванович отыскал ее, когда началась реабилитация, отец с дочерью вновь нашли друг друга. Они жили все вместе на Арбате, они и маленький сын Галины, внук Садовского.

— Ну и?

— Петр Павлович скончался. Он умер от бронхита, он оказался для него смертельным, потому что его легкие надорвались в лагерях. Теперь домоуправление находит, что она живет в слишком хорошей квартире без должных оснований и делает все, чтобы ее переселить. В худшую квартиру и отдаленный район города. Мальчик должен будет сменить школу. Ей будет трудно добираться на работу.

— Закон есть закон*, — сказал Кривицкий. Он выглядел немного раздраженным.

— Инвалидам войны и труда разрешена дополнительная жилплощадь. Галина провела восемнадцать лет в лагерях. У нее отняли ни за что ни про что юность и молодость, она потеряла мать, она вернулась к отцу, морально и физически искалеченному теми же лагерями человеку. Она имеет право на многие льготы, а на право жить в отцовской квартире тем более.

— Что ж! Мода на реабилитированных лиц не прошла, — произнес Кривицкий. — А что за письмо?

* В 1960—1980 гг. в Советском Союзе не существовало нормы права, требующей выселения жильца при превышении «максимума жилплощади», и такой максимум не устанавливался.

— Замолви за Галю Садовскую словечко. Что тебе стоит?

— Письмо.

Елена тяжело глотнула, обуздывая гнев.

— Письмо от Ивана. Из ссылки, из Иркутска. Можешь прочитать его.

Кривицкий снисходительно улыбнулся.

— Я его читал. Я читал его до тебя.

— Значит, ты знаешь, что с ним происходит! — горячо заговорила она. — Его преследуют. Комитетчики выкрали его рукописи. Рядом с его квартирой разместили собак, и они непрерывно лают. Постоянно откуда-то доносятся удары молотом о железную балку. Это ненадолго прекращается, а потом начинается снова. Это звуки лагерей, и Иван не переносит их. Они выводят его из себя. Иногда ему начинает казаться, что он опять в лагерях. Он чувствует странный привкус во рту и подозревает, что химикаты или наркотики подмешивают ему в воду или распыляют в воздухе, когда он спит.

— Ты говоришь о рукописях? И что же он пишет?

— Ты знаешь, что Хрущев дал ему разрешение работать над книгой, которая рассказала бы о том, что происходило при культе личности. Он встречался со многими людьми, записал многие свидетельства.

— Хрущев — всего лишь пенсионер. Он сам чуть не создал культ собственной личности, поэтому его убрали. То, что он одобрял или не одобрял, сейчас не имеет значения. А я видел, что пишет Иван Иванович. Он использовал свое служебное положение, чтобы беседовать с недовольными, настроенными враждебно к нашему строю людьми, с националистами и отщепенцами всякого рода.

— Каждый человек заслуживает права быть услышанным. То, что случилось со мной, с ним, с Садовским, с миллионами при Сталине, нельзя забывать. Память об этом должна сохраниться, чтобы это не повторилось. Эта память должна жить.

— Теперь это прошлое не играет роли. То, что делалось в прошлом, было необходимо для строительства будущего.

— Если скрывать прошлое, будущее рискует сделаться прошлым. Иван пишет для того, чтобы прошлое осталось в прошлом. А КГБисты выкрали часть его рукописей. И пытаются свести его с ума, чтобы отправить его в психушку. Ты можешь остановить их. Почему ты этого не сделаешь? Разве вы не были товарищами в гражданской войне, боевыми друзьями?

— Моя симпатия к любому человеку — то же, что моя слабость к кофе. Если слабость мешает моему долгу, я отказываюсь от нее.

— Иван остановил Владимира Савинкова, когда тот хотел убить тебя. Он поступил справедливо.

— Иван довольно наивен, — пожал плечами Кривицкий.

— Он благороден и великодушен.

— Я предупреждал его о последствиях. Так же, как я и Брежнев* предупреждали этого чеха Дубчека. Кажется, что можно сделать большего?

ЗИЛ медленно катил по Кропоткинской над рекой, по боковой трассе. По центральной трассе мчались правительственные лимузины.

— Пойми, ссылка Ивана служит примером. Он был генералом, пользовался привилегиями и принадлежал к властным структурам. Сын крестьянина, страна дала ему все, и он развернулся в противоположную сторону и укусил руку, кормившую его. Очень важно, чтобы другие имеющие власть люди знали, что никому не разрешено безнаказанно посягать на нашу систему. Так что теперь любой, кто считает, что советская власть не гуманна по отношению к крымским татарам или венграм, может вспомнить про Иркутск и про генерала Акулова в штрафном изоляторе и еще раз хорошенько подумать.

— По-твоему, люди должны думать так, как положено, или их следует наказывать?

— Они могут думать все, что им угодно, но действовать и высказываться так, как мы считаем нужным, — вдруг жестко сказал он. — А этого и не желает делать Иван Иванович. Я предложу ему вернуться в Москву. Все, что от него требуется, это публично высказаться в поддержку внешней и внутренней политики коммунистической партии. Но он упрям и не внимает простому здравому смыслу. Он генерал, герой Великой Отечественной войны. Я послал ему Меморандум, который прислали нам эти чешские военные путчисты. Видите ли, они хотят освободиться от нашего контроля. Они очистили свою армию от настоящих коммунистов, проверенных нами людей, преданных делу социализма, отказались в армии от политотделов. Если бы только Иван Иванович высказался с осуждением их действий, которые наносят прямой ущерб армии, и призвал бы привлечь к военному трибуналу зачинщиков, он мог бы хоть сейчас лететь в Москву. Но этот упрямый бык поддержал их. Он, видите ли, считает, что особые части и политотделы до этого

* Л.И.Брежнев с 1966 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Дубчека существовали исключительно в советских интересах. Написал какую-то ерунду, якобы мы планируем на случай войны пожертвовать двумя третями чешской армии в первые два дня. И он советует нам уйти из Чехословакии! Его пребывание в Венгрии тоже вызвало определенные подозрения, я должен был отреагировать уже тогда. Как выяснилось, он знал, где находится эта сучка Рут, и не сдал ее. Тебе известно, что она с оружием боролась против нас?

— Рут — моя подруга, она — замечательный человек. Она дочь банкира. Иван — из крестьянской семьи. И оба они пришли в Революцию, чтобы бороться с несправедливостью. Многие годы он верил в Революцию, даже когда большевики уничтожили его семью, подвергли его пыткам, сослали в лагеря, послали его на фронт сражаться за них, исправлять их ошибки. И в конце концов он понял, что Революция привела даже к худшему строю, чем тот, что она разрушила, что она заботится только о новом правящем классе. Преданная Революции Рут тоже осознала это. И ты хочешь, чтобы он лгал ради этого правящего класса? Ты хочешь, чтобы он разрушил свою душу, предал принципы, по которым он жил? Он не способен на низость.

— Душа... принципы... — усмехнулся Кривицкий. — Акулов не Иисус Христос, а ты не Мария! Ты что-то стала совсем святой и, похоже, забыла, как в былые времена ты была на многое способна. Ты не слишком отличаешься от меня, у нас обеих руки в крови. Ты тоже убийца.

— Нет, Кривицкий, ты убийца, а я нет, — спокойно сказала она.

— Неужели у тебя такая плохая память? — язвительно спросил он. — Помнишь, на холме я велел тебе расстрелять белых офицеришек, и ты их расстреляла без всяких проповедей о чистоте и правоте.

— Нет, Кривицкий, я их отпустила. Я велела им принести и положить в ряд шестерых их погибших товарищей и выстрелила шесть раз. Нет, я никого не убила.

Он посмотрел на нее. Его лицо неожиданно побелело от ярости.

— Ты знаешь, с кем говоришь? — прошептал он.

— Я знаю, кто ты есть. Ты — мальчишка, которого я знаю с детства и который кричал: «Мы верующие! Мы не верим ни в Бога, ни в людей. Мы создаем богов и переделываем людей. Мы построим мир по нашему подобию». Ну, и вот он, этот мир.

Она гневно махнула рукой и печально сказала:

— Вот он, мир, который вы создали, пустое пространство, где бродят несчастные безумные люди, словно пережившие ядерную войну.

— Ты и твои драгоценные принципы... — зло произнес он. — Мне-то известно, как изменять мировоззрение людей. Дай мне на ночь хоть самого Ленина, и я заставлю его утром уверовать в Господа Бога. Ты думаешь, что очень отличаешься от других? Я могу тебя сделать какой угодно.

— Значит, таков твой новый мир? — твердо проговорила она. — А ты — главный палач, высшее достижение нового человеческого вида?

Кривицкий наклонился и проговорил несколько слов в микрофон. Лимузин подъехал к тротуару.

— Я еду во «Внуково». Должен лететь в Прагу, потому что Дубчек такой же тупой, как и ты. То, что мы завоевали, мы не собираемся отдавать. Ты можешь выйти здесь, Елена.

— Лев, разреши мне быть с Иваном, — попросила она. — Мы не представляем для вас угрозы, во что бы мы ни верили. Позволь ему вернуться в Москву или мне поехать в Иркутск. Пожалуйста. Сделай одно доброе дело, чтобы в Судный день тебе было бы что представить Господу и сказать, что в твоём прошлом было не только зло. Спаси себя от Божьего гнева.

Охранник открыл дверь.

— Как я уже сказал, — тихо сказал ей Кривицкий, — мода на реабилитированных не прошла.

Полтава, Украина, декабрь 1968

За окном стоял солнечный день, но в пустой комнате окна были закрыты и задернуты занавесками и горел свет. За лампами стоял человек с видеокамерой на плече, а в фокусе находился Джонни Николс. Огненно-рыжие волосы стали серебряными. Он был в твидовом спортивного покроя пиджаке и серых брюках. Он стоял возле гроба.

— В России и в ее коммунистической империи появилось новое слово, — сказал он. — Это слово — «разногласие». Пражскую весну сменила советская зима, и социализм Александра Дубчека с человеческим лицом раздавлен гусеницами советских танков. Кремль до сих пор остается сталинским Кремлем. Тоталитарная тирания не способна самореформироваться, как квадратура круга. Внутри России есть те, кто осмелился поддержать отваж-

ную попытку Дубчека демократизировать свою страну, как и Имре Надя, осуществившего ее в Венгрии. Обе попытки были жестоко подавлены. Смелые мужчины и женщины, которые аплодировали Надю и Дубчеку, подобно Герцену, восклицают: «Мне стыдно, что я советский!»

Это знаменитый физик-ядерщик Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр. Это литераторы Синявский и Даниэль, жертвы показательного суда, фарсового даже по советским стандартам. Они теперь томятся в лагерях. Это Александр Солженицын, автор «Одного дня Ивана Денисовича». Публикация этой книги была разрешена ныне отстраненным от должности Первым секретарем коммунистической партии Союза Никитой Хрущевым, и это, пожалуй, самая известная книга, которая вышла в России со времен Революции.

Николс простер руку и бережно дотронулся до крышки гроба.

— Ряды борцов за демократизацию Советского Союза включали и человека, лежащего в этом гробу. Генерал Иван Иванович Акулов молодым солдатом царской армии стал большевиком. Он был смелым солдатом, и его первые раны были получены им в сражениях на восточном фронте в первую мировую войну. Его послужной список на пользу первого в мире коммунистического государства длинен и незапятнан. Дослужившийся до генеральского чина, он стал жертвой террора в конце тридцатых годов, как и миллионы других, и его освободили из ГУЛАГа, чтобы он возглавил армию в войне с фашистской Германией. Его заслуги в войне были так велики, что он был удостоен высшей награды, какая дается коммунистами — звания Героя Советского Союза.

Акулов пережил следующий недолгий период заключения в ГУЛАГе, когда наступил послевоенный сталинский террор, а выжив, стал одним из тех, кто помог бывшему Первому секретарю Никите Хрущеву прийти к власти. После известного доклада Хрущева на XX съезде партии идеализм, который привел молодого Ивана к большевикам, наконец-то смог расцвести. Хрущев дал ему добро на написание книги, описывающей как его собственный опыт в сталинские годы, так и опыт других людей.

Пять лет он собирал по всей стране материалы о периоде культа. Он видел, что люди, с которыми он встречался, люди, пережившие террор, разделяют его страстное желание, чтобы их история была открыто опубликована, освобожденная от огромной кучи лжи, под которой

она так долго была похоронена советским коммунистическим правительством. Он стал защитником людей, которые до сих пор страдают от несправедливостей, причиненных им, их глубокие обиды все еще остаются незаглаженными. Он выступил в защиту прав восьми народов, изгнанных с родной земли Сталиным и тем самым обреченных на исчезновение. Его дружба с Имре Надем, героем Венгрии, началась еще с их юности. Его сочувствие освободительной борьбе народов Восточной Европы, ныне поработанных коммунистической империей, стало явным. Когда Первый секретарь Никита Хрущев был свергнут, генерала Акулова арестовали, обвинив в антисоветской деятельности, и сослали в Иркутск. Это случилось в конце 1964 года.

Рядом с Николсом стояла Елена, и теперь оператор отодвинулся немного назад, чтобы включить в кадр и ее.

— Рядом со мной стоит его жена Елена. Она графского рода, известного своей деятельностью в эпоху последнего русского царя. Как и ее муж, подвергалась преследованиям во время террора. Она пережила ужасы ГУЛАГа. Во время войны была освобождена и работала в Советском посольстве в Вашингтоне. Как позднее ее муж, она являлась диссидентом. Два дня назад ей сообщили, что ее муж умер от сердечного приступа в Иркутске. Она добилась разрешения перевезти его тело на родину, чтобы похоронить его тут. Через несколько часов генерала Акулова должны похоронить.

Елена уверена, что ее муж умер не естественной смертью, а убит. Поэтому мы присутствуем здесь как независимые свидетели.

Николс повернулся к Елене.

— Елена, кого ты считаешь виновником смерти генерала Акулова?

— Это сделано по указанию руководителя КГБ Кривицкого.

— Но разве Лев Кривицкий не является по советским меркам почти либералом? В отличие от психопата Берии или садиста Рыкова, Кривицкий хорошо владеет английским и коллекционирует западные оркестровые записи. Он любит отдохнуть за чтением американских романов. И, говорят, что он часто дружелюбно спорит с диссидентами.

— Кривицкий, действительно, блестяще владеет английским и мог в последние годы пристраститься к западной музыке. Но его интерес к инакомыслию имеет единственную цель — его подавление и уничтожение. Он стал сотрудником еще Ленинской секретной службы, Чека,

совсем молодым человеком, и с тех пор всегда оставался деятелем этой организации. Независимо от того, как называлась эта организация — Чека, ОГПУ, НКВД или КГБ, ее функции всегда были одними и теми же, как и требования к людям, работающим в ней.

— Благодаря стечению обстоятельств ты больше, чем другие люди, знаешь об этом человеке и можешь высказать о нем суждение?

— Да, — ответила Елена. — Я знаю его с детства. Благодаря тому, что мой муж и он достигли высокого положения в советской элите, мы периодически на протяжении многих лет сталкивались. Я могу судить о том, что происходило с ним. Когда он впервые сообщил мне и другим общим друзьям нашей юности, что стал большевиком, он был еще молодым идеалистом. Это было накануне Революции. Он верил, как и многие другие в то время, что является частью движения, призванного перестроить мир, поднять человечество до космических высот.

— Что же случилось с этим молодым идеалистом?

— Достоевский описал это в «Записках из Мертвого дома»: «Кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо... тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят... Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен». Вот это и случилось с Львом Кривицким.

— Почему он убил Ивана?

— По той же причине, по которой выслал его в мучительную ссылку. Это пример другим, чтобы они знали, каковы последствия отказа от негласного соглашения. Режим Советского Союза никому не позволяет подвергать сомнению справедливость этого правления.

— Почему здесь дело обстоит таким образом? — спросил ее Николс. — Западные правительства ежедневно могут быть подвергнуты критике в прессе, на радио и телевидении, любой мужчина или женщина на улице не боится высказать свои претензии к правительству. Что особенного в Советском правительстве?

— Западные правительства избираются населением. Люди могут критиковать правительство и сменить его на следующих выборах, если оно их не устраивает. Прави-

тельство получает полномочия от населения. Советское правительство с самого начала захватило власть в результате путча, и оно никогда не рискнуло бы разрешить народу свободные выборы. Не рискнуло бы, потому что неизбежно проиграло бы. Правительство Советского Союза представляет свои собственные интересы, то есть интересы правящего класса партийных и государственных чиновников. Весь этот новый класс, может быть, насчитывает полмиллиона человек в империи с населением больше двухсот шестидесяти миллионов. Советские руководители не могут допустить существование оппозиции, поскольку их правление нелегитимно. Они ссылают и в конце концов уничтожают любого, кто выступает за человеческую жизнь для людей, которых оно контролирует. Они убили моего мужа Ивана, одного из борцов за права человека в странах, поработанных коммунистами.

Николс перевел взгляд на камеру.

— Мы не знаем, однако, действительную причину смерти генерала Акулова. У нас нет сомнений в том, что условия его жизни в ссылке были очень тяжелы. Об этом свидетельствуют его письма к жене. Но он мог умереть и от сердечного приступа — такова официальная версия КГБ.

К камере вышел новый человек. Его лицо было скрыто низко надвинутой шляпой и шарфом, обмотанным вокруг нижней части лица.

— Мы беседуем с независимым экспертом, врачом, который сочувствует диссидентскому движению. По понятным причинам вы не видите его лица.

Он повернулся к Елене.

— Вы по собственной воле разрешаете открыть гроб и подвергнуть тело вашего мужа медицинскому осмотру на предмет выявления причины его смерти?

Ее лицо выражало печаль, но и решимость.

— Да, я настаиваю на этом.

Николс взял отвертку и стал отвинчивать латунные винты, на которых держалась крышка. Когда он поднял крышку, Елена шагнула вперед. Заглянув, она вскрикнула и отшатнулась, подняв руки к лицу.

— Иван... Иван, любимый... что с тобой сделали?

Когда доктор закончил осмотр, Николс привинтил крышку назад и в последний раз встал перед камерой.

— То, что мы сейчас увидели, бесспорно доказывает справедливость подозрений Елены Акуловой. Генерал Акулов был убит, и он сопротивлялся. Ему было больше семидесяти лет, и в его убийстве принимали участие несколько человек. Состояние его рук — ушибы и переломы на его ладонях — показывает, что он оказал упор-

ное сопротивление своим убийцам. Раны и раздробленные кости тела показывают, каким образом было совершено убийство. Убийство, санкционированное государством, убийство отважного человека, поднявшего голос протеста. Такие преступления, составляющие здесь предмет государственной тайны, чаще всего остаются неизвестными ни населению страны, ни западному миру.

Николс закончил, и оператор стал выносить свое оборудование. Лампы погасили, и возле гроба остались гореть только свечи.

— Елена, ты точно решилась? — очень серьезно спросил ее Николс. — Когда мы покажем это по телевидению, дело получит широкую огласку. А Советы это просто так не оставят. Они арестуют тебя под каким-нибудь предлогом или без него.

— Ты обязан сделать это, Джонни. Ради Ивана, ради всех, кому он хотел помочь. Ради памяти жертв.

— Тебя могут убить, Елена!

— Нет. Кривицкий для этого слишком заумен. Лагерь или ссылка куда-нибудь подальше. В Воркуту или Магадан. В какую-нибудь черную дыру. И это даст тебе возможность поднять шум на Западе. Это надо не только мне, это надо всем людям, которые живут здесь, независимо от того, знают они обо всем этом или не знают. Видишь ли, Кривицкий кое-что понимает очень хорошо. Он понимает, что для того, чтобы торжествовало зло, необходимо всего лишь бездействие порядочных людей. Я считаю себя порядочным человеком. Но мы не должны просто ждать и довольствоваться своей порядочностью. Рано или поздно приходится действовать, поднимать голос и идти сражаться. Мы с Кривицким противостоим друг другу. И так будет до конца. Я знаю это. И он тоже знает.

Москва, март 1969

Зазвонил дверной звонок. Не длинным звуком от тяжелой ладони, сопровождаемым ударами сапог, чего она ждала, а двумя короткими трелями от нажатия большим пальцем. Это звучало почти вежливо.

Молодой человек, стоявший за дверью, был также вежлив. Он был прекрасно одет, в черный костюм с галстуком, и держал свое удостоверение КГБ в ладони, чтобы она могла его видеть.

— Мы просили бы вас, если вы не возражаете, поехать к нам для беседы, гражданка Акулова, — застенчиво предложил он.

— Вы просите? Для беседы? Разве у меня есть выбор?

— Вы можете прогнать меня, но мой начальник хотел бы поговорить с вами. Если я не доставлю, он решит, что я не справился с его поручением, а мне так не хотелось бы, чтобы он усомнился в моем умении убеждать.

— Что ж! Хорошо... Юрий Петрович, да? Я сейчас буду готова.

Толстое шерстяное пальто висело на вешалке в прихожей, и там же стояла заранее упакованная сумка. Елена теперь ни днем, ни ночью не снимала теплого шерстяного белья, которое носят лыжники, и ее одежда была крепкой и плотной. Выживание в лагерях часто зависело от того, во что были одеты люди, когда их вытаскивали из дома...

Она надела пальто и взяла свою сумку. Молодой комитетчик с недоумением посмотрел на нее.

— Вам не надо брать с собой вещи, — сказал он, — вас вызывают всего лишь для беседы.

— Знаете, я все-таки хочу взять это с собой, — ответила она, умудренная опытом.

Они спустились вниз. Снаружи их ждала черная «Волга» с водителем. Юрий придержал дверь, и она села.

— Почти пятьдесят лет назад машина Чека впервые забрала меня, — сказала Елена, когда машина поехала. — Это был черный воронок. Пол в нем был залит кровью. Можно было легко найти Чека по кровавым следам.

Юрий улыбнулся.

— Видите, как все изменилось. У нас здесь коврики, — сказал он, кивнув на пол. — Мы пользуемся американскими пылесосами для их очистки. От обычной грязи, а не от крови. После революции было много жестокости, мы это знаем. Но теперь это все в прошлом.

Елена с жалостью посмотрела на него.

— Вы так думаете?

— Разумеется, — ответил он убежденно. Они проехали мимо сверкающего стеклянного фасада кинотеатра «Россия» и здания газеты «Известия» с его странными круглыми верхними окнами.

— Здесь был когда-то монастырь, — сказала она. — После революции в нем был музей атеизма. А теперь его совсем снесли, будто и не бывало.

— Мне кажется, что нет нужды убеждать людей в том, что Бога нет.

— Но Бог есть, молодой человек! — резко возразила она. — Он правит жизнью всех людей, независимо от того, верите ли в Него или нет.

— Значит, вы беседуете с Богом? — спросил он, по-видимому, заинтересовавшись.

— Конечно. Я каждый день молюсь.

Они повернули на проспект Маркса между массивным зданием гостиницы «Москва» и зданием Госплана, глядящих друг на друга через широкую улицу.

— Мы едем на Лубянку?

— Да.

— Там по-прежнему паркетный пол?

— Да, в старом здании.

— Когда тебя снимали с конвейера, ты терял ориентировку. Однако если под ногами был паркет, ты знал, что все еще на Лубянке. Я помню этот паркет и запах воцеленных полов. И крики пытаемых...

— Неприятные времена, — сочувственно произнес он.

Машина свернула на удивительно пустынную площадь.

— Этого места до сих пор инстинктивно избегают, — промолвила Елена. — Это место страданий, и его сторонятся.

Ничего не изменилось. Один знакомый запах полов кинул ее в холодный пот. Когда она шла по блестящему паркету, пальцы на ногах сами собой поджимались и болезненно ныла плоть под ногтями. Они остановились у двери, и она увидела, что дверь была той же самой. Комитетчик вежливо открыл ее, пропуская Елену вперед.

— Будьте добры немного подождать, я доложу ему, что вы здесь.

Она вошла внутрь, и ее сердце отчаянно заколотилось, застучало о ребра. Комната была пустой, там стояли только письменный стол, столик и несколько стульев. Она подошла к окну. Внизу был двор, который она хорошо помнила. Он был пуст. Она вытерла ладони о пальто.

— Прошу прощения, что заставил вас ждать.

Елена повернулась. В комнате был мужчина средних лет в очках. Она не слышала, как он вошел. Он был небрежно одет в спортивную куртку в западном стиле и широкие брюки. Он был похож на университетского преподавателя.

— Я Даниэль Семенович Ермилов. Юрий сказал мне, что вам приходилось здесь бывать и раньше.

— Я думаю, что об этом вы знаете и сами. Какая у вас должность, Даниэль Семенович?

— О, у меня нет здесь определенной должности, — туманно ответил он. — Я скорее советник. Надеюсь, вас не очень расстроили воспоминания?

Она показала на двор.

— Вон там расстреливали людей. Меня заставляли тут стоять и смотреть, как их расстреливали. Некоторых из них я знала.

— Весьма прискорбно. Послушайте. Елена Николаевна, присаживайтесь здесь у стола, и мы побеседуем.

Она села на стул, все еще держа свою сумку.

— Вы можете снять пальто. Я понимаю, что на улице холодно, но здесь достаточно тепло.

— Пожалуй, я сниму его, — осторожно сказала она. Это был старый трюк. Тебя отвлекали, и, когда ты оглядывался, твоя теплая одежда уже исчезала. Равносильно смертному приговору, если тебе предстояла встреча с хановеем, королем ветров. Елена повесила пальто на спинку стула, прижав его спиной.

— Вы основательно закутаны.

— Отсюда меня послали на Колыму. Туда не стоит ехать без теплой одежды.

— У вас упакована сумка, и вы оделись очень тепло. Вы предполагаете, что поедете на Колыму?

— Не надо играть со мной. Никто не приходит сюда с мыслью об отпуске.

— ГУЛАГ больше не существует.

— Возможно, раз вы так говорите, — вежливо согласилась она.

— Что терзает вас? Те давние истории, которые случались с вами?

В затылке начало накапливаться напряжение. Быстрые огненные зигзаги, словно лампы-вспышки, стали пробежать где-то внутри ее глаз.

— Когда люди оказываются вовлечены в чудовищные события, эти события оставляют не менее глубокие рубцы на их душах, чем на телах. Их трудно заметить постороннему глазу, но не тем, кого эти события задела. Это одна из причин, по которой необходимо свободно и открыто обсуждать прошлое именно в нашей стране. Это очень сильно помогло бы облегчить боль миллионов людей.

— Своего рода дискуссии? — уточнил он. — Вы считаете, что мог бы помочь разговор с психиатром?

— Разумеется, и это может быть полезным. Но я говорю сейчас о другом. Я уверена, что любое открытое, свободное, не ограниченное какими-либо рамками исследование прошлого и его обнародование способствовало бы восстановлению духовного здоровья всего народа и каждого человека. В том числе и тех людей, которые работают в этом здании.

Первая зигзагообразная молния боли запустила острые пальцы в ее голову, и ее лицо чуть-чуть скривилось.

— Что с вами? — озабоченно спросил он.

— У меня болит голова. Иногда это бывает.

— Вы думаете, что то, что произошло с вами здесь, как-то повлияло на это?

— Неудивительно. При царе Николае у меня не было головных болей, — колко ответила Елена.

— Вы слишком много думаете о прошлом.

— Советский Союз преследуется своим прошлым. До тех пор, пока его замалчивают, прошлое будет разрушать настоящее. Немецкий народ должен был принять тот факт, что германское фашистское правительство ответственно за убийство миллионов людей просто из-за их национальной принадлежности. Это было очень болезненно для немцев, но менее болезненно, чем жить с этим, ничего не предпринимая. А мы, наша страна, живет, зная, что правительство, которое убило миллионы просто по классовому признаку, все еще находится у власти. Весь аппарат террора, сплав партии и секретной службы, до сих пор не тронут. Террор может возобновиться в любое время.

— Вы сравниваете нацистский фашизм с советским коммунизмом? — спросил он.

— Чем, по сути, они различаются? Это обе социалистические, обе параноидальные идеологии, которые требовали объекта для ненависти. Оба государства требуют убийства или искалечивания любого, кто становился на их пути, оба требуют публичной веры в вещи, явно безумные, сопровождаются идолопоклонством. Оба держатся на лжи.

— Так вы не считаете коммунистическое общество утопией?

— Я не знаю никакой другой формы правления, которая бы настолько явно производила, постоянно и неуклонно, как эрозия почвы или действие прилива, эрозию и коррозию человеческого духа. Она отрезает человеческую душу от всякого питания, от метафизических корней, от религиозного опыта, от любого чувства принадлежности к высшему и от ощущения единства с миром. Она иссушает душу и вызывает духовную смерть.

Мерцающие зубцы задергались в ее глазах, ослепляя ее. Ермилов близко посмотрел на нее.

— Ваша головная боль очень тяжела?

— Она не... приятна, — произнесла Елена.

— Не хотите ли вы поехать домой? Мы можем возобновить наш разговор в другой раз.

— Да, я бы хотела поехать домой.

Ермилов пошел к двери. Юрий сидел за дверью на стуле и ждал.

— Ты можешь сейчас доставить гражданку Акулову в ее квартиру.

Машина стояла у подъезда. Они сели. Сидя на заднем сиденье, она напряженно следила за дорогой. Это была другая дорога. Они направлялись в Лефортово.

— Что-то случилось? — спросил Юрий.

— Почему мы едем этой дорогой?

— На Горького затруднено движение, — небрежно ответил водитель. — Идут ремонтные работы. Разве вы не заметили?

— Нет.

Она не могла не смотреть на высившуюся за стеной звездообразную тюрьму, но они пронеслись мимо. Бусинки пота катились по ее виску, и она их смахнула.

— Вы подумали, что мы везем вас туда? — сочувственно спросил Юрий.

— Я знакома с методами, как можно сломить человека.

Они остановились у ее обшарпанного белого дома. Юрий вышел с ней и подождал, пока она не открыла дверь.

— Это небезопасная часть города, — заметил он. — Лучше, если с вами кто-нибудь будет.

— Я не все время жила здесь, — сказала она. — Меня переселили.

Дверь открылась, и она вошла внутрь.

— До свидания, — сказал он. — Будьте осторожны.

Елена захлопнула дверь. Она прошла внутрь и опустилась на кровать, которая служила ей и диваном. Она сидела и ждала топота сапог по коридору, треска разбиваемой кувалдой двери...

Май 1969

Звонок прозвонил двумя короткими вежливыми трелями. Когда Елена открыла ее, там стоял Юрий с молодым человеком.

— Доброе утро, — весело сказал он. — Вы готовы?

Она посмотрела на них обоих. Другой был рыжеволосый, носил иностранные джинсы и куртку. У него через плечо висела сумка с камерой, а в руке был блокнот.

— Готова к чему? — спросила она.

Юрий нахмурился.

— Как же? К суду, гражданка Акулова. Когда я звонил вам вчера, я же просил вас быть готовой сегодня утром.

— Вы мне не звонили вчера, — сказала она. — Но я всегда готова к отъезду. Это то, что основательно усваиваешь, если вас когда-либо арестовывает КГБ. Всегда быть готовой.

Юрий посмотрел на человека, который пришел с ним, и, пожав плечами, повысил голос:

— Это Юрген Дейтрих, гражданка Акулова. Мы пригласили его, чтобы он мог вести репортаж с суда.

— Вам нет нужды говорить так громко. Я не глухая и не глупая.

Елена сняла пальто с вешалки и взяла свою сумку.

— Могу ли я помочь вам? — вежливо спросил Дейтрих.

— Благодарю вас, но в некоторых случаях я предпочитаю сама нести свои вещи. Это безопасней, — она повернулась к Юрию. — Я еще вернусь сюда после суда? Или мне надо сейчас все выключить?

— Гражданка Акулова, откуда я могу знать? — невинно спросил он. — Суд это суд, и судья примет решение в зависимости от вашей виновности или невиновности.

Она рассмеялась.

— Вы полагаете, что приговор еще не готов? Вы обчистите мою квартиру в любом случае, хотя здесь нет ничего ценного. Ваши головорезы уже отняли у меня все, что было для меня ценным.

— Гражданка Акулова плохого о нас мнения, — пояснил Юрий. — Но вы в курсе, вы видели передачу.

— Какую передачу? — спросила Елена.

— О которой я вам вчера говорил, — терпеливо и глядя ей в глаза честными глазами, произнес Юрий. — Ту клеветническую программу, которую вы сделали с мистером Николсом.

— Ничего вы мне не говорили, потому что вы мне не звонили, — коротко бросила она. — Но раз вы устроили этот фарс, давайте его сыграем.

Они спустились вниз. Машина ждала, возможно, та же самая машина. Они сели в нее, и она их повезла прочь.

— На кого вы работаете, господин Дейтрих? — спросила Елена с интересом.

— Я свободный журналист, — вежливо ответил немец. — Я продаю статьи во многие издательства, и я говорю по-русски и по-английски.

Они переехали площадь у Покровских Ворот и остановились в пробке у красивого голубого здания в стиле великолепного барокко. Впереди них с ревом выезжали на дорогу пожарные машины.

— Вы знаете, что это? — спросила она журналиста.

— Отделение пожарной охраны, — ответил он, удивившись очевидности вопроса.

— Это церковь Воскресения. Большевики переделали ее в пожарную часть.

— Вы этого не одобряете?

— Предумышленное разрушение Божьего храма — это богохульство. Делать в церкви пожарную часть — кощунство и оскорбление верующих. Неужели не нашлось для этого другого здания. Здесь много сталинских громадных строений, они были бы более подходящи. Здание суда, несомненно, будет сталинской архитектуры.

— О, Сталин, — произнес немец безо всякого интереса. — Сегодня о нем уже забыли.

В конце бульвара они проехали мимо гигантских статуй вооруженных рабочих и крестьян и остановились.

— Так я и думала, — заметила она, выходя из машины, — грязная сталинская громадина.

Они вошли в серое высокое здание. Юрий шел впереди, указывая дорогу. Он открыл дверь комнаты без окон, освещенной лампами дневного света. Это был легко узнаваемый зал судебных заседаний. Внутри стояла охрана.

— Гражданка Акулова, — сказал Юрий, — теперь я вас оставляю. Охрана проведет вас к вашему адвокату.

За одним из столов перед местом судьи сидел лысею-

ший человек в сером костюме. Он встал, когда она вошла.

— Здравствуйте еще раз, — сказал он. — Ну что ж, такие наши дела.

— Еще раз? Нужно полагать, что мы с вами встречались? — спросила она.

— Мы встречались несколько раз, как вы знаете. Зачем делать вид, что вы меня не знаете, — строго сказал он, и она села.

За другим столом находилась женщина, одетая в строгий темный костюм и блузку с высоким воротничком и красным галстуком. Прокурор. Место судьи еще пустовало.

За барьером в несколько рядов сидели люди. Она увидела Юрия, а рядом с ним его начальника Ермилова. Среди незнакомых ей лиц сидел Дейтрих. Секретарь суда призвала всех встать: «Суд идет». Все поднялись, и вошел судья. Только Елена не встала.

Она узнала его. Она готова была закричать, протестуя, но сдержала себя, плотно сжав губы. Он сел и кивнул прокурору.

— Вы можете начинать, товарищ Лаврицкая, — сказал он, когда женщина поднялась. Елена внесла ее имя в мысленный список.

— Слушается дело Елены Николаевны Акуловой, год рождения 1900, русская. Действия подсудимой Акуловой описываются в обвинительном заключении как преступления, квалифицированные по статье 70, части 1 Уголовного кодекса РСФСР.

Она замолкла, прочищая горло, и огляделась. Все слушали внимательно.

— Сегодня на мировой арене бурный рост материальных и духовных достижений Советского Союза и стран социалистического содружества, успехи мирового коммунистического и рабочего движения привели к беспрецедентному до нашего времени распространению великих идей коммунизма на нашей планете. Трудно переоценить ту роль, которую играют великие достижения, достигнутые советским народом под руководством коммунистической партии, на мировой революционный процесс.

Наступление мирового революционного процесса на мир империализма и реакции вызывает страх в наших врагах за рубежом, и они прибегают к любым средствам борьбы против мира победившего социализма. Созидательный труд советского народа и рабочих братских социалистических стран служит вдохновляющим примером для народов всех континентов. Поэтому буржуазные идеологи ведут яростную атаку против идей социализма, не

гнушаясь никакими средствами, стремясь опорочить советский строй и оклеветать исторические достижения нашего народа. Для советского гражданина помогать агентам империализма в их подлой работе есть преступление против своего народа, кровью оплатившего свой строй, и против угнетенных тружеников во всем мире. К этим отщепенцам относится преступница Акулова. Вы услышите...

— Почему вы называете меня преступницей, если я еще не осуждена? — ясно и громко произнесла Елена. Лаврицкая прервалась, держа свои бумаги в руке, и обратилась к ней без бумажки:

— На деле вы еще остаетесь преступницей. Подсудимая была осуждена за шпионаж в пользу Британии в 1930-х годах, и хотя ее освободили для работы во время войны, она никогда не получала помилования. Ей просто удалось избежать исправительно-трудового лагеря по окончании войны.

— Как миллионы других, я была невинной жертвой террора! А моя работа на войне, как вы назвали ее, состояла в международной дипломатии на высшем уровне.

Заговорил судья:

— Если подсудимая не может удержать себя от выкриков и реплик, она будет удалена из зала, и суд продолжится без нее. Вы можете продолжать, товарищ.

— Подсудимая Акулова организовала подготовку клеветнической передачи, купленной американской телевизионной группой, чтобы опорочить само имя Революции. Эта передача была недавно показана в Америке. Подсудимая не погнушалась использовать в своих целях смерть собственного мужа, тело которого она изувечила после смерти, чтобы обвинить в этой смерти народную власть. Неистовствуя над трупом, среди прочих злобных, клеветнических измышлений подсудимая обвинила высших правительственных лиц в том, что они якобы отдали приказ умертвить этого человека, который, кстати, тоже являлся предателем нашего народа и клеветником.

— Генерал Иван Иванович Акулов — Герой Советского Союза, защитник народа... — спокойно произнесла Елена.

Лаврицкая злобно взглянула на нее, но судья вновь вмешался:

— Мы видим, что вы приготовились к делу основательно, товарищ. Однако прежде, чем углубляться в технические подробности, может быть, будет полезно выслушать защитника подсудимой, товарища Родова. Каким образом подсудимая желает защищаться?

Неизвестный Елене человек, сидевший с нею рядом, встал.

— Не может быть, разумеется, никаких сомнений в том, что моя подзащитная виновна в том, в чем ее обвиняют. Она совершила, бесспорно, все те преступления, которые ей вменяются в вину. Но мы должны выяснить, почему она совершила все эти преступления. Она публично отвергла революцию, а это неразумное действие, это не действие разума в нормальном состоянии. С разрешения суда два опытных специалиста-медика — психиатр и психолог* — изучали психическое состояние подсудимой на предмет определения ее дееспособности. Предлагаю суду заслушать их мнение.

— Давайте выслушаем.

Встал Юрий и подошел к судье.

— Ваше имя? Должность и место работы.

— Юрий Петрович Сельвинский. Я психолог Института имени Сербского**.

— Он офицер КГБ с Лубянки! — воскликнула Елена.

— Вас выведут, — предупредил ее Родов, сидящий рядом.

— Каково ваше суждение о психическом состоянии подсудимой?

— Я написал полный отчет, с которым может ознакомиться суд, но, говоря в целом, подсудимая живет в прошлом. Она сосредоточена на несправедливостях, которые якобы, как ей кажется, были совершены в отношении ее семьи и каких-то других людей десятки лет назад. Она считает, что ее многие годы преследуют органы госбезопасности, она замкнута на этом. Вы только что слышали, что она считает меня тоже работником КГБ. Для иллюстрации ее состояния, пожалуйста, обратите внимание на то, как она одета. Сегодня теплый прекрасный день, а она не снимает теплой, тяжелой одежды. Она постоянно носит с собой сумку, куда бы она ни шла. В сумке лежат ее личные вещи. Вы уже знаете, что около тридцати лет назад она была осуждена и провела некоторое время в трудовых лагерях. Видимо, это повлияло на ее рассудок. Сейчас ей кажется, что в любой момент за ней придет милиция и заберет ее. Отсюда ее постоянно теплая одежда и сумка с вещами. Она разделяет религиозные верования и уверена в существовании Бога. Она постоянно об этом

* Психолог — не медицинская специальность.

** Всесоюзный научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии им. проф. В.П.Сербского.

говорит. Я сообщил о своих выводах профессору Ермилову для установления диагноза.

— Выслушаем профессора Ермилова.

Ермилов занял место молодого человека и некоторое время стоял, протирая очки носовым платком.

— Мы имеем дело с тяжелым случаем. Ни у кого не вызывает сомнения подлость преступления, совершенного подсудимой против трудящихся Советского Союза, а значит, и против всех угнетенных людей в мире. Но все же мы не должны позволить нашему справедливому гневу ослепить нас и требовать для нее необходимой меры наказания. Мы не должны забывать, что имеем дело с человеком, пораженным тяжелой психической болезнью.

Глянув через плечо, Елена увидела, что Дейтрих старательно записывает что-то в свой блокнот.

— Вы знаете, что подсудимая живет в прошлом, она буквально охвачена им. Что она страдает религиозным бредом. Это ли не ключ? Ее вера в то, что Революция есть зло — основной пункт в ее маниакальном бреде. Истина в том, что мы имеем дело, конечно, с преступником, но совершившим свои преступления под влиянием мании. Подсудимая Елена Николаевна Акулова больна. Вероятнее всего, она страдала вялотекущей шизофренией годами, возможно, это наследственная болезнь. Во всяком случае, она страдает ею сейчас. Картина дополняется глубокой психопатией, злокачественной паранойей.

Церебральный атеросклероз указывает на появление старческой дряхлости, и медицинское решение в этих случаях очевидно. Шизофрения есть болезнь, при которой пациенты, как мы полагаем, не могут нести ответственность за свои действия. Елена Николаевна Акулова не может быть судима как преступница, потому что она не отдает себе правильного отчета в своих действиях. Она нуждается в лечении. Но она социально опасна, и поэтому должна быть направлена в психиатрическую больницу.

— Спасибо, товарищ Ермилов. Суд склоняется к тому, чтобы принять вашу точку зрения. Имеет ли прокурор возражения?

Прокурор отрицательно покачала головой.

— Очень хорошо. По постановлению суда Елена Николаевна Акулова освобождается от судебной ответственности за совершение противоправных действий, поскольку совершала их, будучи невменяемой, что подтверждено квалифицированной медицинской комиссией. Елена Ни-

колаевна Акулова направляется в специальную психиатрическую больницу для принудительного лечения. Судебное заседание закрыто*.

Елена встала и повернулась к немецкому журналисту, все еще занятому своей писаниной.

— Господин Дейтрих, — сказала она, — если вы не успели все записать, КГБ обеспечит вас стенограммой. Они все из КГБ, включая судью. Мы знаем друг друга, его фамилия Стеклов, и он был непосредственным подручным государственного преступника Рыкова.

Лондон, Англия, июнь 1969

— Это можно назвать Клубом изгнанников, — пошутил Николс, войдя в гостиную и оглядевшись.

— Комитет в защиту Елены Акуловой состоит не только из эмигрантов, — сказала Рут. — Мне удалось привлечь некоторых весьма достойных британцев. Мы не просто маленькая компания бежавших из своих стран русских и венгров.

— И американцев, — с улыбкой добавил Николс. — Действительно, западный мир плохо понимает, как обстоит дело с правами человека в социалистических странах. Чтобы это понять, с этим надо столкнуться.

Окна были открыты. Теплый ветерок приносил с собой звуки «Роллинг Стоунз» и «Бич Бойз» с проезжавших машин.

— Я заказала сэндвичи в пабе на углу, — сказала Рут. — Я там завсегдатай. Это началось еще тогда, когда я вернулась домой после спецопераций в Европе и обнаружила на месте своей любимой квартиры на Найтсбридж-стрит бомбовую воронку. Ах, да! Познакомься, Джонни. Ты никогда не видел моего сына Владимира Сергеевича, хотя писал о нем в своей чудесной книге. Он покинул Россию — дезертировал? — после казни Берии. Сейчас работает в Международной комиссии по амнистиям, так что он нам будет очень полезен. Джоанна, моя любимая подруга — мы вместе действовали в Европе, — пикетирует у Советского посольства. Я сменю ее в десять. К счастью, тут недалеко идти. Ева — моя дочка из Венгрии. Мы сбежали с ней и еще тремя сотнями человек,

* Описание судебного процесса не соответствует принятой и в целом соблюдавшейся судебной процедуре, установленной Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1960 г. В основном соблюдалась также Прокуратурой, МВД и КГБ СССР установленная законом процедура расследования преступлений.

мы удрали с русского поезда, который шел в сибирские лагеря. Ева — врач, и если учесть, в каком отвратительном месте находится Елена, ее специальность сыграет немалую роль. Знаешь, Джонни, пока все, к кому мы обращались, соглашались нам помочь. У нас есть силы, и к тому же мы обладаем уникальными возможностями. У тебя, Джонни, есть связи среди политиков и в американской прессе, доступ к средствам массовой информации. В этом тебе может помочь и Борис. Не забудем, что Владимир — опытный офицер-разведчик. Да и я не без успеха принимала участие в спецоперациях в Европе, и, если понадобится изготовить бомбу или бесшумно убить Кривицкого, я могу это сделать. К тому же я знаю каждого. Итак, приступим.

Они сидели за столом, и Николс держал раскрытый журнал, чтобы были видны внутренние страницы.

— Вот посмотрите. Фотография зала суда и статья. Советский суд представлен передовыми и гуманными людьми, которые вызывают симпатию, а Елена — весьма сомнительной личностью, страдающей к тому же манией преследования.

— Я думаю, надо все выяснить. Кто этот Дейтрих, автор статьи, — сказал Владимир. — Он единственный из западных журналистов присутствовал там и, конечно, является их человеком. Надо его дискредитировать!

— Но он может и не осознавать, до какой степени он служит орудием в их руках, — задумчиво заговорила Рут. — Среди всех интеллектуалов писатели наиболее податливы. Савинков часто использовал это. Им всегда недостает денег. И им кажется, что они незаслуженно обойдены славой. Предложите им издать книгу их статей или собрание сочинений многотысячным тиражом, как это принято в Советском Союзе, опубликуйте пару хвалебных статей об их творчестве, и они в ваших руках. Они прекрасно понимают, что если они выскажут что-нибудь действительно критическое о советской действительности, их не будут больше публиковать и они утратят особое положение в Советском Союзе. Некоторые авторы, считающиеся в СССР всемирно известными, переведенные на русский и другие языки народов СССР и шумно рекламируемые, почти не известны на своей родине и на Западе. Поэтому вряд ли мы узнаем что-нибудь о Дейтрихе. Это всего лишь один из западных поденщиков, купленных советским режимом.

— Спасибо, Рут, — сухо произнес Николс. — Я сам был одним из таких поденщиков и мог бы им остаться, если бы не особые обстоятельства. Но я согласен с тобой.

— А если попытаться добраться до самого Кривицко-го, — сказал Владимир, — отыскать что-нибудь такое, что, будучи опубликованным, дискредитирует его. Не мог же такой, как он, скрыть все следы своей гнусной сущности. Что-то можно, наверное, найти?

— Хорошая идея. Рут, ты его хорошо знаешь, это для тебя.

— Я поработаю над этим, — пообещала она. — Ева, как в отношении здешних официальных психиатрических организаций, таких, как Психиатрическая Ассоциация?

— Надежды мало, — ответила Ева. Худенькая девочка из Будапешта превратилась в очаровательную молодую женщину. Ей было чуть за двадцать, и ее недавно аттестовали в Госпитале св. Варфоломея. — Они считают, что не должны вмешиваться в политические проблемы, — продолжала Ева. — Я разговаривала с их секретарем, и он сказал мне, что, по его мнению, шизофрения — настоящий бич современного мира. Он убежден, что советская психиатрия уделяет этой болезни большое внимание, во всяком случае более 200 высококвалифицированных советских специалистов исследуют ее. Я не смогла объяснить ему, что эти высококвалифицированные профессионалы причастны к использованию психиатрии в репрессивных целях — для подавления инакомыслия. Более того, он предположил, что я, как венгерская эмигрантка, сама могу страдать психическими отклонениями в отношении русских.

У нас нет никаких веских доказательств. Никаких свидетельств, никакого самиздата, чтобы показать всему миру, что происходит, — сказала Рут и посмотрела на журнал. — Мы даже не знаем, где она, где ее держат.

Ева дотронулась пальцем до страницы, показывая абзац:

— Вот это очень беспокоит меня. Во-первых, ей диагностировали шизофрению, а главное — здесь говорится о прогрессирующей старческой дряхлости. Их цель — сломить ее волю к сопротивлению. Они будут применять пытки того или иного рода. Меня никогда не подвергали пытке, но мне известно, что они могут вызвать нарушения психики.

— Меня пытали! — мрачно произнесла Рут. — И я знаю результаты применения пыток. Я видела людей, которые сходили с ума.

— Если им не удастся сломить ее волю, они могут просто разрушить ее сознание препаратами и объяснить это... дряхлостью.

*Ленинград, Специальная психиатрическая больница,
Арсенальная улица*

Ее палата была очень маленькой, с каменным полом и железной кроватью с деревянным настилом под тонким матрасом. В середине лета в ней сочеталась удушающая жара с сыростью, исходившей от стен. Елена сидела на кровати в грубой хлопчатобумажной рубашке, которая когда-то была белой.

Послышался металлический лязг, и дверь распахнулась. Вошла молодая женщина немного старше двадцати лет с кокетливыми завитками, выбивающимися из-под белой косынки. В ее руках было Еленино пальто и ее сумка. Она закрыла за собой дверь и села на кровать.

— С прибытием, — сказала она. — Теперь тут твой дом, а я — санитарка Ромашова. Если будешь вести себя спокойно и слушаться, все будет нормально. Будешь иметь дело со мной. Если будешь фордыбачить, врач назначит укол. Так что лучше слушаться. Если захочешь по нужде, скажешь мне. Будешь слушаться, буду выводить тебя на прогулку.

— У вас ответственная должность, — приятным голосом произнесла Елена, — и вы с Украины.

На широком миловидном лице появилось выражение удивления.

— Мой муж был украинцем, мне приходилось бывать на Украине. Как вы оказались на этой важной работе, санитарка Ромашова?

— Меня сослали, конечно, — пробормотала она. — Я заключенная, как и вы. Просто условно досрочно освобожденная, должна отбатывать здесь свой срок. Кто пойдет сюда работать по своей воле? Гнилая маленькая комнатуха, вшивая одежда, плохая жратва, ни спиртного, ни сигарет. Но для вас я важная птица. Поэтому, если вы для меня постараетесь, я тоже для вас постараюсь.

— Я уверена, что мы придем к взаимопониманию. Что же вы совершили, санитарка Ромашова, что вас поместили сюда?

— Вы так красиво говорите, — сказала девушка. — Мне нравится слушать ваш голос. Почему у вас такой выговор?

— Видите ли, я графиня. Я даже видела царя. Последнего царя Николая.

— Который расстрелял из пулеметов рабочих?

— Нет, это было не совсем так.

— А если и расстрелял, так что? — перебила ее сани-

тарка. — КГБ расстреляло нас из пулеметов. Русские сволочи. Они всегда используют русских.

Она посмотрела на Елену.

— Мы, сельские, взбунтовались, — гордо сказала она. — Сначала у нас всего было вдоволь, мяса, сала, колбасы. Партийный хрыч Огнев взял обязательство удвоить за два года сдачу мяса государству. И удвоил. Получил за это орден Ленина. Он зарезал всех дойных коров, и на другой год мы стали голодать. Всем миром, даже парубки и девчата, мы добрались до сукина сына. Мы вздернули его за яйца, и он подох. Тогда мы подожгли партком и сельсовет, и тогда приехали кэзэбисты, и нас расстреляли из пулеметов. Некоторых сослали в лагеря, а меня, как малолетку, сначала в колонию, а теперь сюда, отрабатывать срок. Я схлопотала десять лет.

— В мое время у нас в лагерях был такой анекдот, — сказала Елена. — Один зек спрашивает у другого: «Сколько тебе дали лет?» И тот отвечает: «Двадцать». «Что ты сделал?» — «Ничего». «Не может быть, — заявляет первый, — за ничего дают десять».

Девушка засмеялась.

— Как вы хорошо говорите. А за что вас сейчас посадили?

— Примерно за то же, за что и вас. Я хотела поджечь партийное здание и здание КГБ.

— Они бы знатно горели. Синим пламенем! А теперь давайте разберемся с вещами, — она подняла с кровати толстое пальто и сумку. — Пальто вам нужно, хоть и лето. А в этой сумке много всяких вещей, мыло и витамины, например.

— Я знаю, что там лежит. Я сама ее складывала.

— Ну нет, оно было ваше, а теперь — мое. Но вы можете выкупить их назад.

— Конечно, я так и сделаю. В сумке лежит также бумага и авторучка. Я могу написать письмо, но надо, чтобы его отправили. Вы могли бы это сделать?

Глаза прищурились с крестьянской хитрецой.

— Я могу, только это запрещено. Что от этого будет мне?

— В своем письме я кое-кого попрошу выслать в Ленинград некоторые полезные вещи: табак, шоколад, сыр, консервы... Что еще попросить для вас?

— Рейтузы и носки. Посмотрите, совсем дырявые.

— Хорошо.

— И еще. У меня какая-то сыпь. Наверное, от этой одежды. Пусть пришлют какую-нибудь мазь.

— Санитарка Ромашова, но ведь здесь все же как-никак больница. Неужели нельзя достать лекарства здесь?

Девушка коротко рассмеялась.

— Здесь много лекарств. Только все они не годятся.

Елена отвернулась, открыла рот и подцепила ногтем зуб. Золотая коронка легко выскочила, и она, вытерев о рубашку, вручила ее девушке.

— Вот возьмите. Это плата за эти вещи и за то, что отправите письмо. Дальнейшее будет зависеть от писем и от посылок. Вы мне будете говорить, какие вещи вам необходимы.

Украинка с восхищением смотрела на золото.

— Я просила зубного врача поставить мне именно золотую. Она защищает зуб и может пригодиться.

— Вы очень толковая, — восхищенно произнесла девушка.

— Здесь скучно? — спросила Елена.

— Скучно? Здесь можно подохнуть от скуки.

— Хочешь, я буду рассказывать тебе разные истории?

Ее лицо просияло, как у ребенка.

— Какие истории?

— Разные. Я знаю много историй. Какую хочешь, о людях или о животных?

— О животных. Когда я была маленькой, у нас было много животных. Корова, коза, телята. Была собака, охраняла дом. Кошка с котятками. Полный двор живности.

— Я расскажу тебе историю Крота и Крысы, Барсука и Жабы. Жаба была очень богата, она жила в прекрасном доме на берегу широкой голубой реки.

— Она была начальником. Ей дали дачу.

— Нет, эта история написана в Англии, а там все совершенно иначе. Жаба была хозяйкой в своем большом прекрасном доме.

— В Англии рабочих расстреливают, показывали в кино, в журнале. И все рабочие голодают. Там даже хуже, чем у нас.

— Знаешь, на самом деле все совсем не так. Но вернемся к нашей истории. Итак, Жаба жила превосходно. Но она была глупенькой и потому много времени проводила в забавах. Она часто каталась на своей яхте (это такая большая лодка с парусами). У нее был фургон, и она путешествовала по всей стране. Она увлеклась красивыми машинами. Она транжирила деньги, и Кроту, Крысе и Барсуку, — а они были ее друзьями, — приходилось присматривать за ней. Это было совсем нелегко...

— Друзья — это «легавые», наверное? Они решили продать Жабу настоящим начальникам?

— Нет, они на самом деле ее друзья. Жаба была наивная, легкомысленная, но душа у нее добрая. Они хотели предохранить ее от неприятностей и волнений.

Девушка вдруг нахмурилась. Глаза ее стали недоверчивыми и подозрительными, и она неожиданно замахнулась на Елену.

— Не пудрите мне мозги! Я не дурочка. Если жаба получила дачу и деньги, зачем за ней приглядывать? Не рассказывайте мне байки. Я не дурее вас, хоть вы и графиня. А хоть бы и царица, — закричала она с искренней обидой, вскакивая.

Дверь с шумом захлопнулась за ней. Елена развернула пальто и надела его. Она открыла сумку, и по комнате разнесся запах туалетного мыла. Она вдыхала его, как духи. Затем она достала со дна сумки несколько листов сложенной бумаги и карандаш и начала писать мелким аккуратным почерком.

Минут через сорок, когда она уже почти закончила письмо, в двери повернулся ключ и вошла санитарка Ромашова. Она снова села на кровать.

— Я хочу вам сказать. Доктор Кильчевская, врач, начальник этого отделения, ваш лечащий врач, она завтра приходит из отпуска.

— Спасибо.

Девушка вытащила из кармана кусок темной колбасы и ножик и отрезала половину, которую протянула Елене.

— За то, что вы мне дали, я получила еще и водки. Хоть выплось сегодня ночью.

Девушка помолчала, задумчиво глядя на Елену.

— Расскажите мне о Жабе, — сказала она.

— Лучше начать эту историю с Крота, — серьезно начала Елена. — В тот день Крот упорно работал все утро, занимаясь генеральной уборкой в своем маленьком уютном домике...

Лондон

— Вот, — сказала Рут. Она держала листки плотно исписанной бумаги благоговейно, будто икону.

— Это получено сегодня утром.

— Фантастика! — произнес Николс. — Как ей удалось отослать это?

— Она познакомилась там с симпатичной санитаркой, украинской девушкой. Елена отдала ей свою золотую коронку, и она отослала ее письмо Татьяне в Новосибирск. Она получила за это табак, шоколад и лекар-

ства, которые ей переслали контрабандой. Но послушай, что пишет Елена. Это замечательный документ, его можно использовать. Вот состав суда: судья — Стеклов, старый сотрудник НКВД, протеже Рыкова, еще из сталинской банды, теперь примкнувший к Кривицкому. Психолог и психиатр — оба комитетчики. Ее возили на беседу на Лубянку, а не в Институт Сербского. Ленинградская специальная психиатрическая больница подведомственна не Министерству здравоохранения, а МВД. МВД отвечает за заключенных. Начальник Ленинградской СПБ* — полковник МВД.

— Это то, что нужно, — весело произнес Николс. — Теперь мы имеем твердые факты. Джерри Якобс из «Пост» выразил желание работать с нами, вот я ему и переправлю все эти данные.

На улице рабочие красили здание, обнажившись по пояс на солнце. Маленький транзистор пел сладким голосом о любви, и о цветах, и о волосах возлюбленной.

— Владимир все же поднял Международный комитет по амнистиям. Я показала им письмо, и они собираются поддержать проведение независимой комиссии с целью проверить условия содержания и лечение.

— Думаешь, те согласятся?

— Если мы окажем достаточное давление. Советский режим больше всего опасается международного мнения. Поскольку это не легитимное правительство, оно всегда страстно желает признания и боится изоляции. В крайнем случае наш нажим может заставить их переместить Елену из спецбольницы в обыкновенную.

Николс просматривал страницы, исписанные мелким почерком.

— Это так жестоко, — сказал он. — Тех, кто не согласен с режимом, помещают с действительно душевнобольными... Палаты похожи на камеры. Если они пытаются избежать приема лекарств или спорят с персоналом, их привязывают к кровати и держат так несколько часов или даже дней. Никаких ночных горшков. Санитары могут избить их по всякому поводу и без повода. Пожаловаться некому: ты же душевнобольной, и тебе это, может быть, кажется. Ужасно.

В прихожей зазвонил телефон, и Рут вышла, чтобы взять трубку. Николс замер со страничками в руке. Его глаза смотрели на парк, где люди гуляли, любуясь цветами на клумбах, вдыхая их аромат, но его мысли были с теми, кого в тысячах миль отсюда подвергали пытке.

Вдруг он из прихожей услышал яростный голос Рут.

* СПБ — специальная психиатрическая больница.

— Иди ты к чертовой матери, недоебыш! — выкрикнула она по-русски, и трубка стукнула по телефону, когда ее швырнули на место. Рут вернулась в комнату и потянулась за сигаретой. Ее руки дрожали от бешенства, когда она открывала пачку.

— Что там случилось, черт побери?

— Позвонил неизвестный. Говорил по-русски. Я ему немного нагубила.

Ее лицо побледнело, и он заметил в ее глазах слезы.

Откуда-то с улицы неслись звуки радио — играла гитара, и Джоанна Баез пела песню протеста.

— Что он говорил?

Она зажгла сигарету, и дым закружился по комнате.

— Он сказал, что мы должны прекратить шум вокруг дела Елены. Он сказал, что, если мы остановим кампанию, они смягчат интенсивность ее лечения.

Ленинградская СПБ

— Поскольку вы больны, у вас нет никаких прав, — сказала Кильчевская. Санитарка Ромашова стояла с почтительно-подобострастным лицом у двери. Доктор Кильчевская оказалась женщиной лет сорока. Ее темные волосы были уложены в модную прическу, из-под белого халата выглядывала нарядная блузка.

— Никто в Советском Союзе не имеет прав. Но я все же здорова, — ответила Елена.

Кильчевская улыбнулась.

— Вот вы сразу и показываете, что больны. Только тот, кто страдает душевным расстройством, может так огульно отрицать все окружающее. У вас неправильное, искаженное болезнью восприятие действительности. Вам надо лечиться.

— Я никогда не верила в то, что Революция есть что-то иное, а не чудовищная тирания. Никакое лечение не заставит меня думать иначе, — бесстрастно ответила Елена.

— Я материалистка, и я психиатр. Я работаю с сознанием человека в соответствии с общими научными законами его развития и функционирования. Советская медицина располагает многими средствами, чтобы вернуть пациенту здоровье. Вы в этом убедитесь. Дорога к здоровью иногда требует много времени. Как всякий больной нашего профиля, вы считаете себя здоровой, поэтому вас лечат в принудительном порядке. Вы не можете к кому-либо предъявлять претензии и требовать соблюде-

ния ваших прав. Вы совершили правонарушение, и вас признали невменяемой. Поскольку вы признаны социально опасной, вас будут лечить принудительно. Но вы не в тюрьме или не в лагере, вы — пациент нашей больницы. Заключенного приговаривают к определенному сроку заключения. Вы будете здесь находиться до тех пор, пока не наступит стойкая ремиссия, которую засвидетельствует специальная комиссия врачей. Она должна быть уверена, что больше вы не совершите противоправных действий. До этого времени могут пройти месяцы, годы, десятки лет. Вы меня понимаете? Вы покинете это место только тогда, когда сможете критически оценить ваши болезненные действия. Речь о комиссии может пойти только тогда, когда я, ваш лечащий врач, смогу поручиться, что вы не представляете опасности для нашего общества. А теперь пойдете.

Она вышла из палаты, и Елена последовала за ней. Санитарка Ромашова шла рядом. Они шли по длинному, грязному коридору с палатами-камерами. Отвратительный гнилостный запах стоял в воздухе. Он исходил от грязных дверей в конце коридора. Санитарка Ромашова отперла их ключами, висевшими на ее поясе, и они вошли. Шум и вонь обрушились на Елену. Пол был скользким от грязи и экскрементов, и вонючие матрасы на железных кроватях такими же. Она увидела, что Ромашова и Кильчевская были в калошах, но все женщины в комнате, как и она сама, были босыми.

Шум стоял какофонический. Женщины разного возраста, с растрепанными волосами, одетые в грязные рубашки, одна лежала на кровати, слюна пенилась у нее на губах, казалось, она дергается в эпилептическом припадке. Неподалеку хохотала другая, бессмысленно глядя в пустоту. Когда они проходили в глубь комнаты, Елена слышала голоса женщин, говоривших сами с собой. Одна сидела на кровати, прижавшись спиной к стене. Каждые несколько секунд она крестилась с выражением ужаса на лице.

Женщина обратила к ним свой дикий взгляд.

— Прогоните их, доктор, прогоните их прочь, — жалобно умоляла она.

— Это Ольга. Она зарубила свою мать топором. Ей кажется, что приходят черти, чтобы забрать ее в ад, вот почему она крестится. У вас ведь нет сомнений, что она больна? Она верит в Бога и дьявола. Она просит, чтобы убрали прочь чертей и огромную змею, которая медленно тащит ее в адские врата.

Кильчевская внимательно посмотрела на Елену. Ее

карие глаза были аккуратно подведены тушью, и сквозь стоявшую вонь Елена уловила такой неуместный здесь запах дорогих духов.

— У вас другой диагноз и другие проявления болезни, чем у нее, — сказала Кильчевская, — но, уверяю вас, что если вы не сделаете усилий, чтобы выздороветь, вы рано или поздно станете такой, как она. И нам придется поместить вас сюда, к хроникам, к безнадежным.

Перед ними была другая женщина. Она стояла возле кровати, прикованная к ней цепью. Ее дряблое лицо ничего не выражало, но, когда она увидела Кильчевскую, страх проник через тупую маску, и по ее изъязвленным гноящимся ногам внезапно потекла моча.

— Это Вера, — сказала Кильчевская. — Ее диагноз ближе к вашему. Она была преподавателем вуза, можно сказать, интеллигентной женщиной. И что же она хотела совершить? Она пыталась бежать за рубеж. Она была очень агрессивна, когда поступила к нам, но теперь почти спокойна.

В конце комнаты стояла пустая кровать. Склизкий продавленный грязный матрас лежал на ржавых проволочных пружинах. С каждой стороны свешивались цепи, потемневшие от высохшей крови.

— Это для вас, ложитесь.

Санитарка Ромашова разомкнула наручники и вложила в них запястья Елены. Елена без пререканий легла на грязный матрас. Кильчевская вынула пузырек и шприц из кармана белого халата. Она проткнула иглой пробку и начала вытягивать его желтоватое содержимое.

— Я сделаю вам инъекцию сульфазина. Это препарат из очищенной серы. Его действие длится около двадцати четырех часов. Как всякое лекарство, он вызывает неприятные ощущения, но дает хороший эффект в вашем случае.

Она воткнула иглу и надавила на поршень. Елена вздрогнула от боли.

— Я знакома с такими учреждениями, как ваше, — сказала Елена, — и с докторами вашего типа. Моя подруга побывала в таком месте.

— У вас есть подруга, которая у нас лечилась?

— Не у вас, а в концентрационном лагере в Равенсбрюке, в Германии. Врачи там были эсэсовцами. Они проводили свои садистские эксперименты над заключенными.

Страшная боль ломала ее тело, а кожа горела и зудела. Свет бил ей в глаза.

— Эти врачи и их лаборатории выражали саму суть

нацизма, — задыхаясь, спешила она договорить, — совсем как вы и ваша камера пыток выражают саму суть Революции.

Кильчевская снисходительно улыбнулась.

— В вашем сознании преобладают неправильные связи и ложные ассоциации, — уверенно произнесла она. — Мы разрушим эти связи, и вы будете думать по-другому.

Кровь Елены пылала огнем. Пот хлынул из всех пор ее кожи и ручьями лился по телу.

— Видите, — сказала Кильчевская, — какое сильное действие у сульфазина.

Врач и санитарка двинулись назад к двери. Но санитарка Ромашова вдруг вернулась к дальней кровати. Она наклонилась, делая вид, что проверяет наручники на запястьях Елены.

— Думайте о Жабе, — шепнула она, — она все-таки выбралась.

* * *

В комнате было жарко, и острый запах влажной парусины заполнял ноздри. Пол был жесткий, ее локти и колени, поясница и подбородок, все выступы костей ее тела были в ушибах, когда ее катили, дальше и дальше, как бревно, заворачивая в парусину.

Кильчевская наблюдала, как брался каждый кусок мокрой ткани из ванны и оборачивался вокруг тела. Один раз она выговорила санитарке Ромашовой за то, что та не натянула ткань достаточно плотно.

— Ткань должна быть везде одинаково туго натянута, — сказала она. Санитары перевернули Елену назад, и, связанная и беспомощная, она стукнулась носом об пол, и у нее потекла кровь.

— Больная Степанова умерла в прошлом месяце от этого лечения, доктор, — напомнила Ромашова. — Помните, мы не смогли вовремя ослабить парусину. Но ведь Степанова ничего не значила, она была бесхозной, а в отношении этой больной имеются особые указания.

— Особые указания отучить ее от упрямства! — огрызнулась Кильчевская. Она ударила Ромашову кулаком в лицо, и Елена с пола увидела, что парусина окрасилась кровью.

— Если есть специальные инструкции, — повторила санитарка, зажимая нос рукавом, — значит, есть кто-то важный, кто будет недоволен, если она умрет...

— Я смотрю, чтобы делали как положено, — нехотя проговорила Кильчевская, и Елене показалось, что ос-

тавшуюся ткань стали заворачивать вокруг нее немного менее туго, чем раньше.

Слабое облегчение длилось недолго. В комнате было жарко, и парусина, которая обволакивала ее как набальзамированную мумию, стала высыхать. По мере высыхания ткань сжималась и сдавливала все тело.

Дышалось с трудом. Когда она с усилием втягивала воздух в легкие, парусина сопротивлялась, сдавливая грудь.

— Ты можешь пошевелиться? — спросила Кильчевская. Елена могла ее только видеть. Она сидела на табуретке, наклонившись, чтобы прощупывать пульс на запястье Елены, единственной части тела, кроме носа и рта, оставленной свободной.

— Нет, не можешь, — ответила инквизиторша на свой собственный вопрос. — Ты беспомощна. Подумай вот о чем. Эта парусина — непререкаемый закон, по которому развивается общество и человек, и ты можешь бороться с ним не больше, чем улететь из этой комнаты. Вот ты лежишь, а тебя сжимают в правильную форму.

...В саду были цветы. Внутри давящих колец парусины Елена закрыла глаза. Где-то дул ветерок, заставляя качаться бутоны роз. Он нес ей аромат с куста роз в уголке сада. Свежие листочки поворачивались к солнцу. Маленькая птичка, похожая на воробышка, но более стройная и с зеленоватым отливом, присела на тонкую ветку и защebetала...

— Ты должна! — скрежетала Кильчевская, — откажись от своих бредней.

...Ручеек бежал среди травы, чистый и прозрачный, журча по камешкам, медленно успокаиваясь там, где его веселые струйки принимал в свои воды тихий пруд. Плакучая ива склонилась к пруду, и большая рыбина плескалась, подпрыгивая над водой. Дети пускали бумажные кораблики вниз по ручью и бежали за ними по берегу с веселым смехом...

— Повторяй за мной: «Бога нет», — бубнил чей-то надоедливый голос.

...В пруду плавали утки, они ныряли вниз головой, только хвосты торчали наружу, неожиданно вновь появляясь в сверкающих бусинках воды, скатывавшихся с их гладких коричнево-зеленых перьев...

Между двумя жесткими полосами парусины бледные сухие губы постепенно начали розоветь. Из них выходили очень тихие звуки.

Кильчевская склонилась вместе с санитаркой Ромашовой, чтобы услышать, что она говорит.

Глаза санитарки Ромашовой, появившиеся над спеленутым телом, смотрели в глаза Кильчевской без всякого выражения.

— Она поет, — сообщила она.

...В маленьком саду стемнело. Наступили сумерки, пока она пела детям, прильнувшим к ней с двух сторон. Теперь был яркий свет. Она была в своей камере и лежала на дощатой кровати. Голая лампочка светила, свешиваясь со шнура в потолок. Санитарка Ромашова сидела на табуретке возле кровати и укрывала ее пальто.

— Она ушла, — сказала девушка, — сейчас уже полночь.

Откуда-то из глубины дома донеслись звуки, кто-то выл тягостно и монотонно.

— Она очень обозлилась, когда вы стали петь, — тихо сказала девушка. Морщинка легла между бровями на ее широко симпатичном лице, обрамленном светлыми волосами.

— Она слишком долго держала вас спеленутой. Я сказала ей, что, если не размотать вас, вы умрете.

Елена почувствовала страшную слабость. Она еще ощущала каждую складку ткани.

— В саду было так хорошо, — произнесла она. — Я пела детям.

Ромашова наклонилась к ней.

— Ваша подруга из Новосибирска, Татьяна, она все прислала. На вокзале, там, где вы велели, меня встретил человек с чемоданчиком. Я его принесла. Все сделала, как вы говорили.

— Отлично! Мне сейчас понадобится немного бумаги и карандаш.

— Вам надо отдохнуть, — озабоченно сказала Ромашова.

— Она не будет отдыхать. Как только она проснется, сразу придет.

— Он велел передать вам это.

Она вынула из-за пазухи сложенный листок бумаги. Елена развернула его. Она узнала аккуратный почерк Рут. «Моя дорогая Елена,

твой самиздат удался. Мы — Комитет по освобождению Елены Акуловой! В него вошел каждый, кого ты только можешь вспомнить. Сегодня утром к нам явились два прекрасных старика (я написала «старики», но они всего лишь нашего возраста. Как и ты, я не чувствую себя старушенцией!). Они — русские эмигранты, белые солдаты времен гражданской войны, и они сказали, что ты спасла их от расстрела вместе с четырьмя их друзьями.

Они живут в Лондоне и полностью посвящают себя нашему делу. Один из них живет в Нью-Йорке и начал кампанию там. Все мои венгры трудятся, как бобры, и к настоящему времени у нас уже есть двести двенадцать вырезок из газет. Владимир сложил их на столе в моей гостиной (он называет ее боевым штабом), как только они пришли. Мы организовали двадцать восемь передач по радио, и Джонни готовит телепередачу как здесь, так и в США. Мы хотим дать громкую огласку этому случаю.

Мы вызволим тебя.

Только продержись, дорогая.

В Библии сказано:

«Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. Как рассеивается дым, Ты рассеяй их; как тает воск от огня, так нечестивые да погибнут от лица Божия».

Елена дважды прочла письмо, потом осторожно свернула.

— Помоги мне сесть, — сказала она, и девушка помогла ей приподняться с матраса. Между досками в кровати Елена обнаружила еще в первый день шелку и сейчас тщательно засунула туда письмо, чтобы его не было видно.

— У нас есть бумага?

Ромашова уже приготовила ее, и некоторое время Елена сосредоточенно покрывала страницы ровными твердыми строчками. Наконец она их сложила.

— Отошли это, — велела она. — Я написала, чтобы прислали больше продуктов и денег.

С болью во всем теле, Елена снова легла на жесткую деревянную кровать, а девушка укрыла ее и спрятала письмо на груди.

— Вы пели, — тихо сказала она, — пели на другом языке. Что вы пели?

Лицо Елены было пересечено свежими красными и пурпурными следами. Один глаз опух и был почти закрыт, белки были красными от лопнувших сосудов. Она улыбнулась санитарке Ромашовой потрескавшимися губами.

— Крот и Крыса пришли к реке, помнишь? Они устроили самый чудесный обед из продуктов, принесенных в корзинке — холодные язык, ветчина, говядина, маринованные корнишоны, салат, французские булочки, крессандвичи*.

— Это все так вкусно, я никогда такого не ела, — печально сказала Ромашова.

* В этом слове кресс — это кресс-салат.

— А Крот хотел грести и свалился в воду. И Крыса вытащила его. После этого Крот провел много дней на реке вместе с Крысой. Она научила его плавать и грести, и он весело плескался в быстрой воде. Он научился понимать, что шепчут стебли тростника и что им нашептывает ветер. И вот однажды они пошли навестить Жабу. Но до этого Крыса дразнила своих подружек-уток. Она сочинила про них песню и назвала ее «Утиная песенка». Крот не очень-то ею заинтересовался, но Крыса очень гордилась, что сочинила такую чудесную песенку, и часто ее пела.

Елена облизнула треснувшие губы разбухшим языком и тихо запела:

И по всей запруде
На виду у всех
В воде плескались утки
Гузками наверх!

Она взглянула на санитарку в резком свете голой лампочки.

— Знаешь, чем слушать эту врачиху, лучше думать совсем о другом. Как хорошо быть у реки со своими друзьями. Отдыхать в тени и беседовать. Смотреть, как играют дети. Теперь я постараюсь уходить туда как можно чаще.

* * *

— У вас типичный случай шизофрении, — заявила Кильчевская. — Течение вашей болезни следует классическим образам, описанным профессором Снежневским. У вас ухудшающаяся прогрессия. Развитие симптомов постепенное и заметно только опытному глазу. Они включают медленно развивающуюся паранойю. Вы убеждены, что вас преследуют, и это стало навязчивой идеей. Вы переоцениваете собственную значимость и высказываете глобальные идеи переустройства мира. Вы подвержены галлюцинациям и верите в существование Бога. Болезненные изменения личности, появившиеся в результате умственного расстройства, навязчивых идей, смещения бредовых и реальных событий, привели вас к антиобщественной деятельности, которая запрещена законом. У людей, окружающих вас, такого рода психические расстройства не вызывают беспокойства, потому что они не имеют знаний специалиста-психиатра. Поймите, что именно ваша внешняя нормальность опасна, поскольку

такая больная личность совершает общественно опасные деяния, которые используются Западом в целях антисоветской пропаганды. Понятно, что на Западе вас объявляют нормальной и здоровой, хотя если бы западные врачи проверили ваше состояние, они бы пришли к тем же выводам, что и мы.

— У вас трудная задача и с диагнозом, и с лечением, — зло ответила Елена. — Некто предполагается психически больным без каких-либо симптомов душевной болезни. Не будет ли более честным просто сказать, что я, как и другие, объективно критикую особые действия и политику Советского правительства. Я имею в виду нарушение так называемой Конституции, постоянное нарушение прав малочисленных народов, нарушение прав других народов, которые имели несчастье оказаться под контролем Советского Союза, например венгры и чехи. Не будет ли честнее сказать, что Советское правительство хочет сломить меня, потому что оно страстно желает признания от легитимных режимов Запада, которые бы не одобрили их, если бы меня просто расстреляли. Поэтому вы пытаетесь представить меня душевнобольной. Что касается вас, то в лучшем случае вы продажная шарлатанка, поскольку исправно им служите, а в худшем, если вы действительно верите во всю эту ерунду, которую постоянно твердите, может быть, вы сами давно сошли с ума?

Два красных пятна появились на скулах Кильчевской.

— Вы только что продемонстрировали несколько клинических признаков вашей болезни. Вы страдаете параноидальными реформистскими иллюзорными идеями.

— У меня к тому же есть черный кот, — сухо заметила Елена.

— Вы показываете плохую адаптацию к социальному окружению!

— Возможно, Ленин и Троцкий были плохо адаптированы к своему социальному окружению, когда за их борьбу против царского правительства их систематически подвергали преследованиям и арестам? Возможно, что о них, как и обо мне, было известно, что они собирают травы в полночь. А также лягушек.

— Ваши суждения носят морализирующий характер, — раздраженно сказала врач.

— Накануне Ивана Купалы страшные огни горят в моем доме.

— О чем вы говорите? — резко спросила Кильчевская. — Черные коты и лягушки. И что за Иван Купала?

— Праздник, церковный и народный. Возможно, я ведьма.

— Государство могуче, а вы слабый старый человек. Замахиваться на государство — акт не здорового человека.

— Иисус Христос замахнулся на Римскую империю и пошел на крест за то, во что верил.

— Вы страдаете манией величия!

— Ленин замахнулся на царское правительство.

— И вы еще верите, что здоровы!

— Наличие веры, очевидно, один из ваших критериев психической болезни.

Кильчевская вынула из кармана пузырек с лекарством и начала заполнять шприц.

— Мы, однако, считаем иначе.

Она пустила маленькую струйку жидкости в воздух, держа шприц иглой вверх.

— Мы понимаем серьезность вашей душевной болезни. Вам повезло, что вы живете в Советском Союзе, где медицинская помощь лучшая в мире. У нас производятся такие лекарства, которые помогут вам преодолеть болезнь.

Игла вошла в Елену, и Кильчевская надавила на поршень.

— Ваши психопатические симптомы быстро пройдут. Вы скоро поправитесь.

* * *

Замок щелкнул, и дверь открылась. Кильчевская посмотрела на нее, тупо сидящую на кровати. Елена медленно подняла глаза, ее голова ритмично тряслась, словно при езде по неровной дороге. Ее губы и язык невольно шевелились, бесцельно, безмолвно.

Тело было исколото, испещрено свежими и старыми синяками от постоянных инъекций. Кильчевская взяла измеритель кровяного давления и положила его на кровать. Она обмотала накладку вокруг руки Елены и начала качать резиновую грушу. Блестящий столбик ртути поднялся по трубке.

— Какие критические замечания о Советском Союзе имеются у вас сегодня? — спросила Кильчевская. Очень медленно Елена повернула в ее сторону пустые глаза.

Кильчевская сунула в уши стетоскоп. Когда звук сердцебиения Елены стал слышимым, она нахмурилась. Она потянула вниз одно веко Елены. Глазное яблоко окрасилось желтым цветом.

Ее рука потянулась к карману, и она достала шприц. Несколько мгновений она колебалась. Затем пожала плечами. Инструкции по отношению к этой пациентке были

весьма специфические. Они исходили от руководителей наивысшего уровня.

Кильчевская сделала укол.

— Есть ли Бог? — спросила она. Губы Елены безмолвно шевельнулись.

— Вы еще верите в вашего Бога?

В углу рта Елены появилась слюна и потекла к подбородку.

— Хорошо, — произнесла Кильчевская. — Вам становится лучше.

Она вышла, заперев за собой дверь.

Очень медленно Елена начала двигаться. Она наклонилась к щели в соединениях деревянной кровати и неловко, с трудом вынула сложенный листок бумаги. Был там и огрызок карандаша.

Она развернула листок. Страница была заполнена аккуратным, как у военнослужащего, почерком Рут. Ее губы шевелились, когда она читала последние слова:

«Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его».

Очень медленно дергающейся и дрожащей непослушной рукой Елена начала выводить каракули.

Когда санитарка Ромашова открыла дверь, ее глаза опять были пустыми. Она держала листок в руке, упавшей на колено, а огрызок карандаша лежал на полу.

Девушка быстро взяла листок и посмотрела на корявые буквы. Потом она подняла карандаш и стала писать на обороте.

Когда она закончила, спрятала бумагу на груди и помогла Елене сесть, сложив ее пальто вместо подушки. Девушка налила в пузырек воды и поднесла к ее губам. Когда губы увлажнились, Елена, казалось, попыталась что-то сказать. Ромашова склонилась к ней ухом и погладила ее по волосам.

— Да, — подтвердила она. — Жаба.

Лондон

Они сидели вокруг стола. За окном шел дождь, улицы блестели лужами, деревья пламенели своей красной мокрой листвой.

— Советское правительство разрешило посещение Международной комиссии по амнистии, — сказала Рут. — Ясно, что это вынужденный ответ на нашу широкую кампанию.

— Я готовлю листовку, чтобы разослать ее всем на-

шим членам, — сообщил Владимир. — Ни в коем случае нельзя ослаблять усилий.

— Вряд ли они разрешат какие-то съемки. Относительно тебя, Джонни, особое запрещение. Я думаю, что они понимают, насколько эффективна была твоя программа. Именно после нее пришло это разрешение. Мы можем послать Еву и Владимира в группе Комиссии по амнистии. Еву из-за медицинских познаний, а Владимира потому, что Елена знает его. Они заявили, что Елена находится в городской больнице в Москве, бывшей Голицинской, как раз у парка Горького. Об известной нам Ленинградской СПБ они умалчивают, говорят, что у нее старческий маразм.

Рут развернула листок бумаги.

— Это прислала Татьяна. Здесь, возле шестьдесят восьмого псалма, Елена что-то накалякала. А тут, на обороте, написала несколько строчек Таисия Ромашова, санитарка, которая стала союзницей и подругой Елены. Она пишет нам, что они сделали с Еленой. После нескольких недель того, что можно назвать просто обычной пыткой, они стали использовать психотропные лекарства. Таисия Ромашова сообщает о двух из них, она называет их «Аминазин» и «Галоперидол»*.

— Ларгактил и халдол, — пояснила Ева, — мощные транквилизаторы.

— Действие этих лекарств очень изнуряет. Максимальная доза вводится дважды в день без перерыва уже несколько недель. Таисия пишет, что сейчас она почти полностью не в себе и практически не может говорить. Когда ее пытали, как она рассказала Таисии, она уходила в себя, в воображаемый прекрасный мир садов и ручьев, где играли дети. Она пишет, что надеется, что она это делает и сейчас, когда ее напичкали химией. Девушка пишет, очень трогательно, что Елена стала для нее как родная мать, что она пытается защитить ее и заботится о ней. Что она очень хорошая.

За столом воцарилось молчание.

— Сволочи, — коротко произнес Владимир.

— Тут еще каракули Елены. Таисия пишет, что Елена хотела написать что-то очень важное. Смотрите, она написала это у шестьдесят восьмого псалма: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». Но что значат эти каракули? Что она хотела сообщить?

Она передала его по кругу. Когда оно дошло до Николса, он долго разглядывал его.

* Нейролептические средства.

— Может быть, первое слово «год»? Нет, наверное, это написано «где».

Владимир взял письмо.

— Марта! — воскликнул он. — Она написала: «Где Марта?»

— Марта... — прошептала Рут. — Конечно!

Москва, октябрь 1969

Утро было холодным, но солнечным. Передвижное кресло Елены поставили в укромном уголке больничного сада. Здание церкви эффективно заглушало любой шум с Ленинского проспекта, но ветерок доносил музыку с ярмарки, и большое колесо обозрения, поворачиваясь, сверкало на солнце.

Направляясь к ней по тропинке, что вела мимо увядших цветочных клумб, они увидели, что ее тщательно укутали от холода, шерстяной плед плотно облегал ее. С ней рядом стояла темноволосая женщина в вязаном зеленом свитере с высоким воротником, видневшимся из-под ее белого халата. Она приветливо им улыбнулась, протягивая руку.

— Доброе утро, — сказала она. — Я доктор Кильчевская. Я лечащий врач Елены Николаевны.

Их было только двое — Владимир и Ева.

— Доброе утро. Я Владимир Савинков. Это моя помощница Ева. Мы не специалисты в области медицины, поэтому, может быть, вы расскажете нам, каково состояние Елены Николаевны.

— Конечно. Вам известно, что в начале этого года она была привлечена к судебной ответственности за совершенные ею различные правонарушения. Однако ввиду ее преклонного возраста было сочтено необходимым, чтобы она прошла медицинское обследование. Психиатрический осмотр проходил в Институте Сербского, здесь, в Москве, в нашем ведущем психиатрическом заведении. При этом выяснилось, что она страдает серьезной душевной болезнью. У нее шизофрения, усиленная церебральным атеросклерозом, сужением, закупоркой сосудов головного мозга. Выяснилось, что вследствие этого у нее начинается старческий маразм, одряхление из-за постоянного недостатка кислородного снабжения мозга.

Кильчевская указала на неподвижную фигуру в инвалидном кресле.

— Конечно, печально, но приходится признать, что диагноз оказался очень точным. Когда она поступила на

лечение, я сначала очень надеялась, что смогу смягчить проявления ее шизофрении, вновь вернуть ее в общество. Однако мне быстро стало ясно, что, пока я добиваюсь успеха в этой области, скрытая дряхлость мозга Елены Николаевны прогрессировала большими темпами. Я боюсь, что сейчас, как вы видите, она воспринимает окружающее не больше чем растение.

— Почему она так трясется?

— Болезнь Паркинсона. Она обычна для очень старых людей.

— Как по-вашему, страдает ли она сейчас шизофренией?

Кильчевская терпеливо улыбнулась.

— Может ли страдать шизофренией картофель? В ее мозгу практически не осталось высших функций. Так что нет, она не может страдать шизофренией.

— Даже если ее излечить от дряхлости?

Кильчевская не смогла сдержать иронического смеха.

— От дряхлости не излечивают, мистер Савинков. Это состояние необратимо.

— Значит, было бы чудом, если бы она вновь заговорила?

— Чудес не существует.

— Таким образом, она не представляет теперь никакой угрозы по части правонарушений?

— Нет, конечно.

— Ее можно выписать?

— Но она же не может обслуживать себя. Поэтому о ней заботится государство. У нас гуманное государство, и оно будет заботиться о ней до самой смерти.

* * *

— У вас здесь великолепное место, — сказала Рут. Машина проехала под запрещающий знак мимо сотрудника милиции в форме в тупик среди соснового леса. Прекрасно сработанные ворота закрылись за ней, и машина тихо зашуршала по гравийной дорожке, ведущей к дому. Теперь они оказались внутри, в мраморном вестибюле, в центре которого играл небольшой фонтан.

— Спасибо, — кисло ответил Кривицкий.

Рут жестом выразила восторг, когда они прошли дальше. На стенах висели прекрасные картины, под ногами расстилался мягкий ковер. Сосновые поленья тихо потрескивали в камине.

— Что ж! — произнесла она. — Ты неплохо устроился.

Она искоса посмотрела на него и недобро улыбнулась.

— Скажи мне, Лев, что бы ты сделал, если бы все вернулось?

Кривицкий опустил на диван, игнорируя ее вопрос.

— Не пора ли с этим кончать? Будет лучше, если ты поймешь, в чем дело, и оставишь свои жалкие усилия раздуть вокруг этого шумиху на Западе.

— Не такие уж и жалкие. Они заставили вас разрешить официальный визит из Комиссии по амнистиям.

— Все, что они найдут, это кочан капусты, — грубо сказал Кривицкий.

Рут взглянула на него с открытой ненавистью.

— Вы разрушили ее рассудок?

— Нет, — искренне ответил он. — Возможно, она бы выздоровела, если бы ее освободили. Но ее не освободят. Она останется в больнице до смерти.

— За что ты ее так ненавидишь? Чем вызвана эта жестокость?

— Эмоции здесь ни при чем, — решительно ответил он. — Елена замахнулась на государство, на незыблемые основы. Из-за Акулова, из-за того, что она такая, какая есть, ее действия получили широкую огласку. Мы поняли, что за ней необходим неусыпный контроль, и даже более важно, чтобы все знали, что ее контролируют. Люди наблюдают. Вы организовали исключительно мощное и хорошо руководимое лоббирование на Западе за ее освобождение. Здесь, в Советском Союзе, увеличивается число защитников так называемых «человеческих прав». Они наладили связи с националистами в республиках, например на Украине. Мы избрали наиболее суровое обращение, чтобы продемонстрировать силу нашей власти. Ты со своей Комиссией по амнистиям поедешь домой, и вас спросят: «Как Елена?», а вы ответите: «Она не существует. Все, что от нее осталось, это слюнявая, трясушая капуста». И защитники на Западе истощат свои силы, стучась в дверь, которая не открывается, а инакомыслящие здесь преисполнятся страха и отчаяния.

* * *

Они попросили разрешения остаться с Еленой наедине на некоторое время, и с выражением презрения Кильчевская оставила их. Владимир снял плед с руки Елены, и они увидели следы множества укулов.

Ева вынула свой заранее приготовленный и наполненный шприц из сумки и, делая вид, что поправляет ей плед, воткнула иглу в руку Елены. Она осторожно надавила на поршень.

Они сидели возле нее с двух сторон. За больницей, в парке, играла музыка. Тянуло дымком, парень в белой куртке поворачивал шампуры с шашлыком. Там гуляли люди, ели шашлык и пили холодное пиво.

Дрожание головы постепенно ослабло, а потом прекратилось. Бутон желтой розы, не успевший распуститься до осенних холодов, был так близко от ее лица. И ее серые усталые глаза остановились на желтых свернутых лепестках.

* * *

— Мы более опытни, чем большинство в Комитете, если говорить о здешней ситуации, — сказала Рут. — Еще бы! Мы пережили это, тогда как иностранные наблюдатели нет. Мы думали, что ты намереваешься взять власть, когда Брежнев уйдет. Конечно, он может протянуть еще лет десять или больше, но мы думаем, что у тебя уже готов план. Ты ведь не просто так возглавлял так долго КГБ. Ты-то должен знать, где закопаны все тела. Вот что мы думаем.

— Комары в лесу могут думать, что они знают, куда направляется медведь, идущий мимо них. Но это не имеет к медведю никакого отношения.

— Неверно, — спокойно и с торжеством возразила Рут. — Мы можем остановить тебя.

Кривицкий иронически поднял брови.

— В самом деле?

— Да. У нас есть телевизионная программа, называемая «Ваша жизнь». Она очень популярна. Ведущий — его обожает весь Запад — еженедельно под каким-нибудь хитрым предлогом привлекает самых различных людей в студию, где уже находятся хорошо знавшие его, и они беседуют об этом человеке. Очень популярная передача.

Тревожное выражение появилось на лице Кривицкого.

— Мы подготовили собственную интересную версию. Это история твоей жизни. У нас есть несколько человек, которые хорошо тебя знают. Понимаешь, я появляюсь в начале, потому что знаю тебя с детства, гимназистом. Потом я стала большевичкой, одновременно с тобой, и мы разделяли одни и те же идеалы. Мы были вместе в начале, но потом движение пошло без меня. Но не без тебя. Ты оставался внутри него и продолжил курс. Что сказал об этом Конрад*: «Надежды нелепо преданы, идеалы осмеяны — вот что означает революционный успех».

* Джозеф Конрад (Юзеф Теодор Конрад Коженевский) (1857—1924) — английский писатель.

Это, должно быть, случилось с тобой. В настоящей революции лучшие черты характера не востребуются. Конрад это понимал. «Узколобые фанатики и деспотичные лицемеры. Но прежде всего — претенциозные интеллектуальные неудачники своего времени». Мы с тобой их хорошо знаем, не правда ли? Я даже была замужем за одним из них, а ты среди них жил.

Ты совершил на этом пути множество омерзительных дел и превратился в чудовище, каким ты являешься сейчас, Лев. Но ты мог бы встать, я полагаю, и сказать людям, что сделал все это для пользы партии, для Революции, для свободы и счастья. То есть повторить эту чепуху, которую мы все обычно несли, а люди нам верили. Однако есть некоторые очень гнусные вещи, которые исторгают тебя из человеческого общества. И если люди о них узнают, они будут переходить на другую сторону улицы, когда увидят тебя, и будут выходить из комнаты, если ты будешь там находиться. На этом я закончу.

Продолжит Владимир. Он расскажет, как он хотел убить тебя, когда убивали Сталина и Берию, и как Иван Иванович остановил его. У нас есть эти кадры с Еленой у гроба мужа, где она описывает, как ты убил Ивана Ивановича. Но главное — у нас есть настоящая звезда программы. И она произведет фурор!

Рут похлопала по своей сумочке.

— У тебя есть здесь кинозал? Уверена, что есть. Все большие советские начальники любят расслабляться, смотря западные фильмы. Сталин частенько подписывал смертные приговоры, а затем шел смотреть голливудский фильм. Так? Я привезла некоторые эпизоды из нашего фильма. Хочешь увидеть нашу звезду?

— Кто это?

— Это женщина, которая работала с тобой в Берлине, твоя ближайшая помощница. Это женщина, на которой ты тайно женился здесь, в Москве. Это женщина, которую ты отправил на поезде вместе с ее дочерью Элизабет прямиком в фашистский концентрационный лагерь. Это женщина, которая любила тебя. Это Марта, Лев. Она ведь выжила в Равенсбрюке. Ты хочешь посмотреть на нее?

Рут вынула из сумки небольшую кассету с киноплёнкой.

— Наверное, тебе очень хочется снова ее увидеть, — жестоко произнесла она. — Посмотрим кино?

Кривицкий в упор глядел на нее с каменным лицом.

— Да, я посадил ее в поезд. Я следовал приказу.

— Это не спасло кое-кого на Нюрнбергском процессе. Но я согласна. Поскольку мы и так знаем, какая ты тварь, и поскольку это не беспокоит тех, чье мнение важно для тебя, то есть твоих приятелей-преступников в Политбюро. Большинство из них позволило Сталину сослать своих собственных жен в лагеря без малейшего возражения, а ты просто член того же самого гадюшника. Нет, то, что мы показали в нашем фильме, это нечто такое, что сокрушит тебя.

Вспомним былое. Это не составит труда, ибо ты уже в прошлом. Я тоже была там. Улица Принца Альберта, май 1933 года. Я приехала, чтобы вырвать Марту из Гестапо. Ее до полусмерти избилы люди СА, и, когда я помогала ей идти по коридору, один из служащих открыл дверь. Какое-то мгновение я видела, что делается внутри. Я увидела тебя, весело беседующего с Манфредом Лиссом. В руке у тебя был бокал с вином, и вы смеялись.

Марта говорит, что, когда поезд прибыл в Германию, ее и Элизабет тут же отделили от остальных. Человек, забравший их, был Манфред Лисс. Но потом, вскоре после этого, их опять вернули и послали в Равенсбрюк. Лисс держал с тобой связь, не так ли? И это ты велел отправить их в лагерь. Единственное, в чем была твоя оплошность, так это в том, что она выжила. Когда лагерь освободили, она бежала на Запад. Марта утверждает, а она, как ты знаешь, профессионально работала в разведке, что вы с Манфредом работали вместе. Ты давал ему то, что он хотел, а он тебе, и вы оба выжили. До окончания войны. Тогда ты пристрелил его, чтобы он молчал.

Она ядовито улыбнулась.

— Этого достаточно для них, чтобы приговорить тебя к расстрелу, а, Лев? Человек, возглавляющий КГБ, — фашистский агент?

— Они ничем не отличались от нас, — медленно говорил Кривицкий. — И мы, и фашисты думали одинаково. Это Запад, с его разговорами о правах, нельзя переварить... Права для кого? Для них, для этого сброда? Никогда!

— У нас есть два фильма, — ледяным тоном четко произнесла она. — Первый — это история твоей жизни. Мы разработаем новый конец через месяц или два, когда тебя расстреляют. Второй — рассказ о кампании по освобождению Елены. Либо тот, либо другой будет показан сегодня вечером по телевидению. Но у нас нет окончания для фильма о Елене. Мы сможем показать его только в

том случае, если сделаем прямой репортаж в аэропорту Хитроу, в Лондоне, сегодня вечером и покажем, как она спускается по трапу самолета.

* * *

Владимир срезал маленькую, замерзшую желтую розу. Он протянул ее Елене, и она взяла ее и стала рассматривать. Кто-то бежал со стороны больницы. Человек звал Кильчевскую. Они стояли и разговаривали. Кильчевская начала волноваться.

— Ей удалось это! — воскликнул Владимир. — Мама добилась освобождения! Ее отпустят.

Психиатр подошла и остановилась на некотором расстоянии.

— Можете забирать ее, — сказала она глухим голосом. — Вам придется содержать ее!

Елена посмотрела ей прямо в глаза.

— Видите, — сказала она, — Бог есть...

ПЕРЕСТРОЙКА

Кунцевская больница, Москва, сентябрь 1983

Из окна открывался вид на лесную опушку. Там, в глубине лесопарка, располагались дачи тех, для кого предназначалась эта больница. В палате стояла тишина. Слышалось только слабое жужжание американской аппаратуры с ее кремниевыми интегральными микросхемами, которая следила за жизнью человека, бессильно лежавшего на кровати.

— Я умираю, — сказал Андропов, встретившись с ней глазами. Двери бесшумно закрылись за ней на своих автоматических японских пружинах.

В комнате присутствовал еще один человек. Он приподнялся, невысокий, плотный и лысеющий. Большое синевато-багровое родимое пятно на голове, видимо, когда-то раньше скрывалось волосами.

— Это Татьяна Серебрякова, — сказал Андропов. Многочисленные блестящие проводочки соединяли его с внушающим почтение сложным аппаратом. Ей показалось, что одни трубки высасывают из него кровь, а другие возвращают ее обратно.

— Это Михаил Сергеевич Горбачев, — сказал Андропов, и они молчаливо кивнули друг другу. Она села на табурет с другой стороны кровати. Лицо Андропова было восковым.

— Я хотел сделать Михаила Сергеевича своим преемником на посту руководителя государства, — сказал Андропов. — Но доктора говорят, что я скоро умру. Черненко примет бразды правления после меня, но поскольку он сам почти мертвец, получивший небольшую отсрочку, Михаил Сергеевич возглавит через год, максимум два Советский Союз.

Андропов умолк, чтобы перевести дыхание. Горбачев наклонился к нему и поднес к его губам стакан с водой. Через минуту Андропов слабым голосом продолжил:

— Михаил самый достойный из молодого поколения. Он станет сильным, энергичным, передовым лидером.

Он глубоко озабочен бесчисленными экономическими и технологическими проблемами, с которыми сталкивается Советский Союз. Я всем сердцем желаю ему решить их и привести страну в следующее тысячелетие великой и процветающей державой. Я верю, что это может осуществиться. Однако я считаю, что, принимая на себя огромный груз руководства страной, он должен знать, что, помимо официальной позиции на развитие нашей страны, существует и другая позиция, которую разделяет часть специалистов в Советском Союзе. Вы как руководитель Института экономики в Новосибирске возглавляете эту фракцию, и поэтому я просил вас прибыть сюда и высказать ваши взгляды.

— Благодарю вас, товарищ Генеральный секретарь.

Как всегда, Татьяна была с портфелем. Она сунула в него руку и достала брошюру.

— Это Программа КПСС. Она была принята партийным съездом в 1961 года. Это важный документ. Но это документ, основанный на вере, можно сказать, Апостольское послание. В нем говорится, что к концу семидесятых годов Советское государство экономически настолько продвинется, что в стране наступит полное изобилие. В частности, подчеркивается, что к 1980 году изобилие продовольственных продуктов сможет обеспечить каждому гражданину практически бесплатное питание. Всем гражданам будет гарантирован двухмесячный отпуск в великолепных санаториях и домах отдыха. Каждый пенсионер может наслаждаться заслуженным отдыхом, получая бесплатные медицинские и социальные услуги.

Татьяна закрыла документ и, подержав его так, чтобы они могли прочитать его название, убрала его обратно в портфель.

— Трудно сказать, почему у нас все так скоро забывается. В 1961 году все только и говорили о Программе — по радио, на каждом собрании, повсюду. Теперь она хранится никому не нужная в библиотеке. И тот период, и последующие годы с точки зрения экономики практически не проанализированы. А какова реальная жизнь в Советском Союзе в 1983 году? Коммунистическая партия с самого начала заявила и продолжает утверждать, что представляет собой уникальную в истории силу и ставит себе в заслугу великие достижения. При этом Советский Союз является единственной промышленно развитой страной, где растет уровень смертности. По среднестатистическим данным, советский мужчина живет только шестьдесят лет, то есть на шесть лет меньше, чем двадцать лет назад. Также уникальным является рост детской смер-

тности, который в настоящее время в три раза выше соответствующих показателей в США и продолжает увеличиваться. Если так будет продолжаться, Коммунистическая партия будет руководить вымирающим русским народом.

Советский Союз, или, если вы предпочитаете, как и я, выражение «Российская империя», сталкивается с «противоречиями», более чем угрожающими. В современной советской терминологии понятие «противоречия» чаще всего связывают с капиталистической системой производства, предполагая, что они в конечном результате приведут к ее краху. Однако стоит заметить, что в 1913 году царская Россия производила реальной продукции в час на душу населения в три с половиной раза больше, чем Япония. Япония, развивавшаяся по капиталистическому пути, сегодня перегнала нас по этому показателю в четыре раза. По моему мнению, противоречия существуют внутри социалистической системы и не позже чем через десятилетие приведут к ее кончине.

Выражение шока на лице Горбачева сменилось сдерживаемым гневом.

— Социализм был и остается самой эффективной системой как управления, так и производства, — заявил он нарочито ровным голосом. — Социалистическая система имеет громадный, неиспользованный потенциал для развития. Что требуется, так это перестройка под правильным руководством.

— Вы несомненно сделаете особый акцент на необходимости для всех и каждого в Советском Союзе повысить качество своего труда, упорнее трудиться и с полной самоотдачей. Вы обрушитесь на коррупцию и алкоголизм. Мы все это уже, конечно, проходили. Ленин делал то же самое, называя это военным коммунизмом. Рабочие не ответят. Шестьдесят пять лет коммунизма вызвали тотальную эрозию рабочей совести, а желание уйти от реальностей жизни вызовет чрезмерное потребление водки или, если ее запретить, одеколona, туалетной воды и промышленного спирта.

Ваши речи, товарищ Горбачев, будут драматичными, энергичными и убедительными. Но вы не измените систему не только потому, что вы всё еще продолжаете верить в нее, но, главное, потому, что она не позволит вам этого. Высший слой в Советском Союзе доволен тем, как идут дела. Научный социализм доставил только ему и больше никому бесчисленные выгоды. Если шум, поднятый вами, покажется им реальной угрозой, тогда вы столкнетесь вооруженным путем. К концу десятилетия

экономический кризис будет таким жестоким, что придется забыть все разговоры о соревновании с Западом. У Советского Союза не будет сил удерживать страны социалистического содружества и придется начать вывод войск. По нашим прогнозам, в девяностых годах может начаться голод, что потребует помощи Запада. Советский Союз перестанет существовать. Революция закончится.

Мне вспоминается один западный фильм о крушении реактивного самолета. Что-то случилось на борту, и все контролирующие устройства вышли из строя, кроме, кажется, дроссельных клапанов двигателей. Экипаж использовал их, пытаясь управлять самолетом при его падении. Им это удалось. Самолет погиб, но большинство пассажиров выжило. Такова ваша задача, товарищ Горбачев. Попытайся так повести дело, чтобы люди в Советском Союзе выжили, когда он рухнет, и смогли строить свою жизнь заново.

Он выглядел очень решительным, этот невысокий человек с синевато-багровым родимым пятном на голове. Андропов лежал на спине, поддерживаемый подушками, его глаза были закрыты, а дыхание неровным.

— Он рекомендовал мне взять вас к себе в качестве одного из советников, — произнес Горбачев. — Вы бы желали работать со мной?

— Да, пожалуйста.

— Значит, решено. Мы переведем вас в Москву. Вы замужем?

— Нет.

— О?

Она пожала плечами.

— Я слишком хорошо знаю, что может случиться с детьми в этом мире. Я не хотела, чтобы такое произошло с моими...

Москва, июль 1991

Елена вставила старый ключ в замок и повернула его. За ее спиной на мостовой двое англичан в джинсах и кроссовках открывали большой желтый фургон. Две старые подруги вошли в дом.

— Херувимы все еще здесь, — сказала Рут, посмотрев вверх на потускневшую фреску. — Княгиня была бы довольна.

Елена миновала лестницу и пошла в глубь дома, медленно двигаясь с помощью крепкой палки с резиновым концом. Дверь была открыта, и она стояла на пороге, разглядывая маленький садик. Старый розовый куст все еще зеленел возле стены. На нем было несколько полураспустившихся цветов.

— Она часто сидела здесь теплыми вечерами и грезила о былых временах, когда в этом доме резвились ее дети. Посмотри, тут до сих пор сохранились следы моих грядок, на которых я сажала овощи и травы. Я хочу опять повозиться в земле и посадить семена, которые я взяла с собой. А это, мне кажется, та самая роза, которую я посадила много лет назад. Удивительно, что она не погибла.

— Она как крепкое старое вино, как мы с тобой, — улыбнулась Рут.

Их звал водитель, недоверчиво всматриваясь внутрь древнего лифта, сомневаясь, что он работает.

— Конечно, он работает, молодой человек, — сказала Рут. — Лукомский и Шляпников изготовили его в Санкт-Петербурге в 1910 году. Знаете, это не советский ширпотреб.

Молодой человек усмехнулся и стал вносить ящики в красиво отделанную деревом кабину.

— Извините, — сказал он. — Как-то смешно поднимать высокотехнологичное современное оборудование, вроде спутниковых антенн, в лифте вековой давности.

— Что поделаешь? У нас обеих есть родственники на

Западе, — сказала Рут, входя в лифт. — Не можем же мы полагаться на московскую телефонную связь, если почувствуем желание поболтать!

Она закрыла решетчатую дверь и нажала на латунную кнопку привычным жестом. Лифт зажужжал, поднимаясь вверх под действием старого электромотора. Когда они вышли, Елена нашла в сумке старый ключ и открыла давно не открывавшуюся дверь.

— Дорогая моя, все это не могли привести в порядок с тех пор, как ты уехала! — воскликнула Рут. — Хорошо, что упаковала эту великолепную живопись. Она будет выглядеть как новая через пару недель, я сама этим займусь.

Елена прошла через маленькую кухню и открыла окно. Из соседнего здания донеслись нежные звуки рояля.

— Там коробка, на которой написано «кухня», — сказала она водителю. — Если вы ее принесете сюда, там есть чайник, и мы сможем выпить чаю.

Он выгрузил ящики и пошел вниз по лестнице. Елена какое-то мгновение стояла у окна и слушала.

Стали заносить мебель, появились крепкие коричневые картонные коробки. Принесли коробку с пометкой «кухня», и Елена поставила на газ красный чайник и расставила в ряд чашки. Она извлекла из сумки заварку и налила чай молодым людям. К этому времени на кухне уже стоял стол и деревянные стулья. Елена поставила чашку перед Рут.

— Я хорошо заварила? — встревожилась она. — Как-то я угостила тебя своим травяным чаем, и ты ужаснулась.

— По вкусу, дорогая, это было настоящее заваренное сено.

— Тебе это очень полезно. Когда я работала в теплице в Магадане, у меня была консервная банка, и я обычно заваривала в ней все, что выращивала и сушила на зиму. Люди приходили ко мне получить хоть чайную ложку, конечно, когда еще могли ходить. Я уверена, что этот чай помог многим остаться в живых.

— Я не сомневаюсь в этом. Но есть и другой чай, это тоже была вещь... Я говорю про «чефир». Это было страшное лекарство, настолько сильное, что разъедало кружку, а зубы становились черными, как уголь. Ничего похожего на «Липтон», можешь мне поверить.

Потом мужчины расставили мебель, и небольшие комнаты заполнились стульями и кроватями, шкафами и книжными полками, столами и буфетами. Двери закрылись, и старые дамы слушали ворчание дизельного двигателя, постепенно замершее вдали.

— Давай приступим, — сказала Елена. — У тебя есть нож, дорогая?

Они подошли к коробкам, и Рут сунула руку в свою сумочку. Ее рука выловила там маленький, плоский кожаный пенал, в котором было остро заточенное лезвие с отверстием для пальца, и она точным движением разрежала широкую клейкую ленту, запечатывавшую коробку.

— Замечательный «Мэппин и Уэбб», — произнесла она с нежностью. — Он режет, как и раньше, хотя его сделали много лет назад.

Елена ласково взглянула на подругу.

— Ты всегда подбадриваешь меня, Рут.

Рут повернулась к ящику с электроникой, а Елена продолжала заниматься своей коробкой. С завернутой в бумагу картиной в руке она повернулась, чтобы увидеть, что та делает.

— Рут, это Татьянаина коробка, — сказала она. — Это не наше.

— Я знаю. Но там есть кое-что мое.

Она порылась внутри и с торжествующим восклицанием показала Елене маленький, довольно уродливый пистолет из штампованного металла.

— Неужели ты и это привезла? — воскликнула Елена.

— Разумеется, привезла. Превосходная вещь! Для близкого расстояния. Конечно, нельзя допускать промаха. Его надо перезаряжать после каждого выстрела, а это занимает около минуты. Я тебе не рассказывала, как я убила этим полковника Гестапо Фриша?

— Много раз, — Елена строго посмотрела на Рут. — Ты больше ничего такого не привезла?

— Почему же? — с упрямым видом ответила Рут. — Давай смотреть правде в глаза. Если мы решили вернуться сюда на склоне лет, нам нужна хоть какая-нибудь защита. Помнишь того гадкого молодого человека, который ворвался к нам на Бейсвотер? А как он распустил соплю, когда увидел «стен»!

— Ты привезла «стен»? — обреченно сказала Елена.

— Ну не могла же я просто так его бросить там, — резонно возразила Рут. Она развернула тряпки, в которые был завернут автомат. Солнце, заглядывавшее в окно, тускло отразилось от металла.

— Во всяком случае, не при нынешних обстоятельствах. Если сюда ворвется какой-нибудь мерзкий русский юнец, то я ткну ему в нос дулом. Ты будешь сажать цветы или мечтать и не заметишь, что происходит, пока не будет слишком поздно.

Елена улыбнулась. Она открыла коробку и начала вы-

нимать ее содержимое, медленно двигаясь из-за своих больных ног.

— Я знаю, дорогая. Я ведь и не заметила, что мы с тобой везем оружие.

Рут достала из своей сумочки еще один древний предмет тайного военного снаряжения, нож с несколькими необычными лезвиями. Она вставила одно из них под глянцеви́тый кусок окрашенной стены, нажала и вытащи́ла из тайника что-то, похожее на грязноватую картонку. Она протянула ее Елене, повернув лицевой стороной.

— Посмотри, с изнанки она испачкана этой ужасной коричневой краской. Нам надо нанять рабочих, чтобы все это перекрасить. Мы сделаем наш дом красивым. О чем ты думаешь, дорогая? Посмотри же на эту карточку. Слоновая кость с оттенком розового? Да?

Елена улыбнулась.

— Слоновая кость с оттенком розового, — согласилась она...

Письменный стол стоял у окна, там, куда его поставили ребята. Она с усилием поставила на него тяжелый сверток и распаковала его. Появилась старая пишущая машинка «Ремингтон» с сияющей эмалью, с выющейся красно-черной лентой. Елена натянула ее, катушка завращалась.

— Я чувствую, Елена, что тобой руководило нечто большее, чем просто желание быть похороненной в родной земле, — сказала Рут. — Что это?

— Я думаю обо всем, что было, уже довольно давно. О прошлом. О нашем прошлом, о том, что с нами произошло... Я хочу написать нашу историю. Сейчас их прогнали... Наша история, это история о тебе и обо мне, об Иване и Савинкове, о Рыкове и Кривицком, обо всех них, о Садовском и о Верочке... наша история, потому что мы там были. Она имеет значение, и кто-то должен ее рассказать. Людям, которые там, на улицах, в городах и деревнях, им никогда об этом не расскажут, а если не знаешь, что случилось в прошлом, это может снова повториться.

— И тебе надо было для этого вернуться сюда? — тихо спросила Рут.

— Да, — просто ответила Елена. — Здесь живут призраки прошлого, они соберутся вокруг и будут говорить со мной.

Рут порылась в коробке с надписью «погреб» и вынула темную зеленую бутылку. Она осторожно перенесла ее к белому холодильнику «Electrolux», тихо жужжащему на кухне, и поставила ее внутрь.

— Вот, — сказала она. — Когда ты напишешь первую главу, мы откроем «Клико», и ты прочтешь ее мне. Я думаю, что это чудесная мысль.

— «Кликовское», как называл его Михаил. Мы выпили целую бутылку, сидя вдвоем в ванне. Так неприлично.

— Как ты ее назовешь? — с любопытством спросила Рут.

— «РЕВОЛЮЦИЯ». Ведь они ее так называли? Она творила ужасные вещи. Революция.

— С чего ты начнешь?

Елена встала и подошла к стене. Она уже повесила на гвоздик старую фотографию в рамке. Свежие, юные лица улыбались на пожелтевшем снимке. Та, давнишняя фотография.

— С этого, — сказала она, — с Царского Села. Там все это для нас началось.

Рут вглядывалась в забытые лица, а Елена взяла голубую коробку с писчей бумагой «Крокслей» и вложила лист в старую машинку. Потом она подошла к Рут.

— Вот Кривицкий, — сказала она. — Дорогая, если я буду писать книгу, не думаешь ли ты, что было бы неплохо рассказать мне о том, что с ним все-таки случилось?

— М-м? Ты же знаешь, дорогая. Его друзья по Политбюро однажды вызвали его. Он приехал в ЗИЛе, а вышел на своих двоих. Ему дали где-то на краю Москвы маленькую двухкомнатную квартиру. Там он и застрелился, не так ли?

— Я знаю это, — терпеливо произнесла Елена, — но почему его сняли?

— Потому, что он оказался шпионом, дорогая. Он сотрудничал с фашистами.

— Но как об этом узнали?

Рут широко улыбнулась.

— Ну, конечно же, потому что я им рассказала, дорогая. Раз уж мы тебя освободили. Я имею в виду, что нет надобности держать свое слово перед такими людьми, как он. Да?

За дверь послышалось тихое гудение лифта.

— Интересно, это Татьяна?

В дверь постучали, и вошла улыбающаяся Татьяна, ее глаза сияли за очками в роговой оправе. За ней стоял мужчина в рабочей одежде и с небольшим ящичком для инструментов в руке.

— Наконец-то ты здесь! Чудесно. Это там?

Рут указала на коробки, упакованные в полистирол, стоявшие в стороне штабелем. Техник начал осторожно

их распаковывать. Он вышел с микроволновым приемником и небольшой спутниковой антенной, и они услышали, как он поднимается по железной лестнице на крышу.

Елена поставила чайник.

— Можно спросить, почему Горбачев хочет спутниковую связь? — спросила она, споласкивая чашки. Татьяна вынула из сумки пачку «Мальборо».

— Не возражаешь? — спросила она. — Нет?

Она зажгла сигарету чуть нервным движением и пустила дым в полуоткрытую дверь.

— Не Михаил Сергеевич, а Борис Николаевич.

— Кто?

— Ельцин.

— Я думала, что ты работаешь на Горбачева, — сказала Рут.

— Так и было. Но сейчас я с Борисом Николаевичем. Горбачев не в состоянии осуществлять реформы, он просто внутренне не готов к ним. Он все равно остался партийным чиновником. Он потерял связь с реальностью, как потерял ее царь Николай в семнадцатом году...

— У нас там, в Британии, сложилась совсем иная картина, — заинтересованно заговорила Рут.

— Да, им кажется, что Горби — великая светлая надежда. Кажется, так они выражаются? Потому что холодная война закончилась и Запад победил. И они посылают всю эту помощь для поддержки экономики из-за того, что полагают, что ее потратят на гамбургеры, а не на ракеты. Я бы предпочла, чтобы она оставалась в их банках.

— Но почему?

— Куда, они думают, она поступает? — с раздражением воскликнула Татьяна. — За столько десятилетий они до сих пор не понимают, как все здесь делается... Кто получает эти деньги? Партия и КГБ. Кто их попридерживает?

— Партия и КГБ, — устало сказала Рут.

— Это, как когда посылали деньги в африканские страны для помощи голодающим, — заметила Елена. — Все средства были переданы тамошним диктаторам и бандитам, которые и были ответственны за голод. А люди продолжали голодать.

— Это происходит постоянно. Партийная верхушка существует здесь для того, чтобы сохранить свое существование, а КГБ поддерживает ее, сохраняя себя. Это настоящий симбиоз, они не могут жить друг без друга... Мы не сможем ничего изменить в жизни России, пока не избавимся от обоих, и мы не избавимся от них, пока Запад выделяет им миллиарды.

— Россия? — со значением повторила Елена. — А как же Советский Союз?

Татьяна стряхнула пепел в блюдце. С крыши донесся перемалывающий звук дрели.

— Ему конец, — спокойно произнесла она. — Вскоре будет множество независимых стран. Удачи им. Для России встанет вопрос, сможет ли она удержать Среднюю Азию... Я лично в этом сомневаюсь. Думаю, пусть они лучше живут собственной жизнью. Что произойдет здесь, беспокоит меня, вот почему я в команде Ельцина. Как избавиться от аппарата партии и КГБ? Это нелегко, поскольку они способны на все, чтобы уцелеть, удержать власть.

Она примяла окурок сигареты и зажгла другую.

— В целом они расколоты на две части. Старая гвардия, которая придерживается жесткой линии. Они, на столетие отставая от Запада, любыми средствами, какие только есть в их распоряжении, будут пытаться восстановить свою власть и привилегии. Другая часть — более молодое поколение. Эти понимают, что реформы можно использовать для собственной выгоды. Превратить прежние государственные промышленные предприятия в кооперативы. Приспособиться к мировому рынку. Нефть, полезные ископаемые, лес. А кто будет руководить этими новыми предприятиями? Пожалуй, только тот, кто знает иностранный язык, кто имеет опыт работы за рубежом, только тот, кто знает, как действует рынок.

— Партия и КГБ, — сказала Рут.

— Именно так! Потом, когда кооперативы будут подоготовлены, приватизировать их, с нетронутым капиталом. Приватизировать. Прекрасное слово, которое одобрит Запад. Или, говоря по-русски, частная монополия при отсутствии конкуренции, руководимая бывшими партийными и комитетскими аппаратчиками.

— Ты склоняешься к последним.

— Я не хотела бы иметь дела ни с кем из них, но именно таким образом развиваются события, как я понимаю. Все, что угодно, будет лучше старой системы. Но это не то, что вы видите на вашем Западе на телеэкранах... Нам нужна демократия, но если вы никогда не пробовали ее, она кажется странной на вкус. Слишком много у нас людей, которые согласились бы снова иметь диктатора, конечно, при условии, что он снизит цены на хлеб и откроет винные магазины.

— Где они достанут деньги? Западная помощь?

— Мы просто не знаем, куда они деваются. Я предполагаю, что большая сумма оседает у старой гвардии. Кстати, Стеклов их человек в партийной казне.

Она увидела, как Елена вопросительно подняла глаза, и утвердительно кивнула.

— Да, тот самый Стеклов. Правая рука Рыкова. Он перешел на партийную работу из КГБ, и он еще более изощренный бандит, чем Рыков... Я во многом подозреваю его, но мы не можем его достать, он слишком хорошо защищен.

Она подождала, пока техник устанавливал телефон, прикуривая одну сигарету за другой, прилебывая остывший чай, и, когда все заработало, ушла. Две старые дамы неспешно продолжали распаковывать вещи.

— Некоторые из твоих призраков еще живы, дорогая, — сказала Рут и положила маленький пистолет «Вулвортс» из штампованного металла в ящик письменного стола. — Твоя история может не иметь ясного конца.

— Действительные истории никогда его не имеют. Они продолжают даже после того, как каждый, кто хоть на минуту мелькнул, уже давно в могиле.

21 августа

Скорострельный огонь, распахнутые дверцы машин, хриплый крик команды. Топот бегущих ног.

Она услышала их и побежала по дому, по длинным коридорам, заглядывая во все комнаты, собирая детей.

Она услышала, как закрывается внизу парадная дверь. Они были уже внутри здания.

Дети безмятежно играли. Она нашла Наташу и Володю и подняла на руки свою дочь, а Володю схватила за руку. Коридор был очень длинным, и их ноги эхом стучали по голым доскам пола. Рут была где-то в глубине квартиры, Елена слышала ее поспешные шаги, голос, звывший детей. Потому что снизу по ступеням к ним поднималось Зло.

Сейчас с ней был Борис. Она искала Алексея. Она чувствовала, что он за какой-то из дверей, возле двери, он давал ей знать, где он, звал ее.

Топот сапог по площадке, тяжелый удар кулаком в дверь. «Они не знают об этом». Дети сгрудились вокруг нее, их было очень много, целая толпа. Ее руки не могли их всех обхватить. Она знала, в глубине дома, сзади, есть дверь, потайная и безопасная. Она открыла ее.

Там стояла, усмехаясь, Роза в своей подогнанной синей юбке НКВД с кровавыми щипцами в руке. Она схватила Наташу и била ее лицом о дверь.

Пот струился по ее лицу, дыхание сперло в груди.

— Елена!

Это Рут! Значит, Рут выбралась. Вокруг толпились дети, сотни детей, должно быть, она никого не потеряла.

Вот эта дверь. Путь к безопасности. Она распахнула ее. Там ожидал Стеклов. Он улыбался и протягивал к ним руки. В его руке сверкал нож. Она бежала, подталкивая детей вперед, она боялась, что они разбегутся в разные стороны. В ее спину вонзился нож.

Они бежали по громадному коридору, их были тысячи. Паркетный блестящий пол был скользким от крови, постепенно он становился наклонным, он шел в гору, и дети скользили вниз. Они были совсем маленькими, она их поднимала и несла.

— Елена, ты тут?

Голос Татьяны! Значит, там безопасно.

Они были во дворе с высокими стенами. Кровь, что текла по коридору, притекала со двора. Рыков стоял на подиуме. В руке у него был пистолет, и он стрелял. Дети барахтались на земле. С каждым выстрелом они падали, как подкошенные.

Она бежала к нему, чтобы остановить его. Но чем дальше она бежала, тем больше было расстояние между ними. И дети вокруг нее все падали и падали...

С неистово бьющимся сердцем она открыла глаза. Горел ночник. Кровать Рут была пуста. В соседней комнате из-за закрытой двери до нее донеслись голоса и звук сапог.

Дверь открылась, и вошла Рут в шерстяном халате и в мягких комнатных туфлях.

— Не беспокойся, дорогая. Здесь Татьяна.

Елена была вся в поту. Пот катился по ее лицу, и Рут вынула носовой платок и вытерла ей лицо.

— Тебе приснился один из твоих ужасных снов. Я никак не могла разбудить тебя, а мне надо уходить.

— Мне снился Рыков. Он убивал детей. Опять этот сон.

Рут принесла ей свежую ночную рубашку. Мучительно ломало колени, и в глазах угрожающе замаршировали мерцающие зубцы.

— Я приготовлю тебе твой чай, дорогая. Он тебе поможет.

Рут все понимала. Елена переделась и опять опустилась на подушки. Вошла Рут в сопровождении Татьяны. Пахучий травяной чай дымился в большой кружке. За дверью горел приглушенный свет, и она слышала, как кто-то говорит по телефону. Она заметила плотного человека в военной форме. Это был сотрудник КГБ.

— Что случилось? — спросила она. Даже запах этого чая действовал на нее успокоительно.

— Я извиняюсь, что ворвалась так бесцеремонно, — спокойно сказала Татьяна. — Но нам нужен телефон. Чтобы напрямую связаться с Западом. Мы для этого и поставили его.

— Мы?

— Борис Ельцин. Он разговаривает сейчас с Бушем, с Тэтчер, с НАТО.

— А что тут делает чекист?

— Это люди генерала Калмыкова. Он в нашей команде. Его послали, чтобы арестовать Ельцина, но он помог ему выбраться из квартиры, он на стороне Ельцина.

— Кто его послал?

— Совершен путч, — тихо произнесла Рут. — Сталинисты вернулись.

* * *

Было тихо, квартира опустела. Ельцин уехал, окруженный командой охранников. Две старые дамы сели у окна, за которым разгоралось утро. Елену мучили сильные боли в суставах, обострение ее хронического артрита и ужасные сны явились вместе. Она сидела в удобном кресле с подушечкой для головы и смотрела за окно. Ее распухшие суставы отдыхали.

Что-то витало в воздухе, какой-то слабый мышинный писк вдалеке. Рут прислушалась, чашка с чаем застыла на полпути ко рту.

— Танки, — произнесла она.

Через несколько минут один из них проехал по улице. Он встал на углу, контролируя перекресток. Черный дым шел из выхлопной трубы и уносился прочь ветерком. Водитель выключил двигатель.

— Глупый мальчишка, — рассеянно пробормотала Рут. — Я могла бы скинуть полную бутылку с горючей смесью на его люк с вот той крыши.

— Как бы ты это сделала, дорогая? — спросила Елена.

— Танки — отвратительные штуки. Неприятные для тех, кто снаружи, и ужасные для тех, кто внутри. Тесные, шумные, с резким запахом. И еще опасные. Экипаж предпочитает вылезать из него на остановках. Я бы подождала, пока командир захочет выйти, чтобы подышать свежим воздухом. Я бы подожгла его и танк, а пока экипаж выбирался бы из него, чтобы спастись от пламени, расстреляла бы всех из пулемета.

— Очень эффективно, моя дорогая. Но прежде, чем

освежить в памяти тему: «Автомат «стен»: как уничтожить экипаж танка», может быть, стоит попытаться подружиться с ними.

Рут задумчиво посмотрела на нее.

— Х-м-м. Неплохая идея.

— Знаешь, Рут, ведь недаром я была замужем за генералом-танкистом. Иван Иванович часто рассказывал о той действительности, которой живет армия на войне. Одной из многих проблем, с которой сталкивается командующий, заставляя свои войска двигаться вперед, это внутреннее стремление солдат остановиться, как-то окопаться, создать себе подобие дома. Сделать нору. Даже плохая нора лучше, чем продвижение вперед навстречу возможной смерти. Если разрешить им остановиться, они сразу начинают вступать в дружеские отношения с гражданским населением, обменивать на молоко и яйца свои консервы, на овощи — плитку шоколада или какие-нибудь медикаменты. Иван говорил, что если такое произошло, то эти войска вряд ли можно использовать против этого населения. Люди ведь всегда люди, даже на войне.

Глядя из своего окна, они увидели, что крышка люка на башне танка открылась и из него выбрался молодой человек. Водитель открыл свой люк. Оба тревожно огляделись.

— Видишь, — сказала Рут, — им не нравится быть внутри.

— Они очень молоды. Они, вероятно, не знают, почему оказались на улицах Москвы. Прага, Будапешт — да. Там все можно объяснить происками Запада. Но в Москве?

Елена задумчиво посмотрела на танк.

— Наполни чайник, дорогая, и поставь его на огонь. А я достану этот прекрасный шоколад «Оливерс» и положу его на тарелку. Они, наверное, устали и проголодались. Потом ты спустишься вниз и спросишь того мальчика, который сидит на башне, не хочет ли он со своим экипажем зайти к нам на чашку чая.

— Может быть, предложить им помыться? Наверное, сидеть в танке в такую погоду не слишком комфортно.

— Отлично. На всякий случай я повешу несколько полотенец в ванной. И кусок «Крабтри», и кусок «Эвелин». В тяжелые дни запах туалетного мыла бодрит, как самые лучшие духи.

Вскоре Елена услышала жужжание старого лифта, и в дверь неловко вошел молоденький лейтенант, красный от смущения. Вместе с ним вошла Рут.

— Это так жестоко, дорогая! — воскликнула Рут. — Бедных ребят подняли с постели без завтрака.

— Даже не знаем, зачем мы здесь, — буркнул молодой воин.

— Это лейтенант Петриченко, дорогая.

— Я очень рада, молодой человек! — сказала Елена. — Но не называть же вас все время лейтенантом. Как вас зовут?

— Дмитрий. Дима, — ответил он, вновь зардевшись.

— Дима, чайник только что вскипел. Вот молоко и сахар. Рут, ты показала ему, где ванная комната? Ребята голодны. Надо сделать бутерброды. Сыр, хорошо? И мясо с приправой. Как это нехорошо, послать без всяких объяснений. И без завтрака.

— Просто приказали двигаться сюда и все, — сказал он.

— Лучше быть осторожным, если не знаешь приказа, — мрачно произнесла Рут. — Не думаю, чтобы их беспокоили ваши заботы.

— Уж это точно, — согласился лейтенант.

Через несколько минут он уже спускался назад в лифте, неся поднос с кружками и полную тарелку печенья.

Две старые диверсантки переглянулись и улыбнулись друг другу, а затем Рут открыла холодильник, достала масло и желтый «Чеддер» и начала готовить толстые бутерброды.

* * *

— Лучше все это убрать, — сказала Татьяна. — Больше оно нам здесь не понадобится, теперь у нас есть свое оборудование. Борис Николаевич теперь в Белом Доме и может говорить оттуда.

Техник умело отвинчивал винты и разъединял соединения, которые он так же ловко установил всего несколько недель назад. Он складывал все части оборудования в обыкновенный коричневый фибровый чемодан.

— Не должно быть никаких следов на случай, если какие-нибудь слишком любопытные комитетчики сунут сюда свой нос. Слишком многие думают, что, если имеешь что-то, изготовленное на Западе, значит, участвуешь в контрреволюционной деятельности.

— Такие найдутся, — улыбаясь, подтвердила Рут.

— Как вы это все пронесете? — спросила Елена.

— Просто смешаемся с толпами и пойдем вместе со всеми.

— Разве люди вышли на улицы? — заинтересованно спросила Рут.

— Да. Целые толпы. Выступают против путча.

— Я бы хотела быть там... — с тоской произнесла Елена, которую усадили у окна в удобное кресло, ее колени и лодыжки вздулись от артрита.

— Когда множество людей собираются с хорошей целью, там всегда присутствует Бог...

Техник закончил паковать части аппаратуры спутниковой связи в чемодан. Он снял спецовку и положил ее сверху, прежде чем закрыть крышку.

— Я пошел, — сказал он. Они услышали, как зажужжал лифт.

— На кого он работает? — спросила Рут.

— На нас, — многозначительно ответила Татьяна.

— Если он разбирается в спутниковых телефонах, он должен быть из КГБ, — высказала догадку Рут.

— Да. Он человек Калмыкова. Работника КГБ, которого вы здесь видели. Он из нашей команды. Он только что убеждал командира «Альфы» занять нейтральную позицию.

— Что это за «Альфа»?

— «Альфа?» Ударная группа КГБ. Поскольку армия решила не вмешиваться, путчисты хотят, чтобы «Альфа» взяла на себя арест Бориса. Они еще не знают, что он в Белом Доме.

Татьяна вынула из сумки сигарету и закурила.

— Мне пора возвращаться. У вас все нормально? Достаточно еды и питья? Просто сидите тихо день или два, а потом все закончится.

— Они потерпят поражение? — спросила Елена.

— Конечно! Это старая гвардия. Они даже не осознали, как далеко от их дворца уплыла власть. Мы их вытащим на свет Божий через несколько дней. Потом отправим на пенсию Горби. Он тоже из старой гвардии. У руля встанет Борис.

Она глубоко затянулась и улыбнулась сквозь дым.

— Вот тогда и начнется настоящая борьба. Кто будет контролировать Бориса?

— Вы? — предположила Рут.

— В случае удачи. Иначе — «парашютисты» и военно-промышленный комплекс.

— Рут, пройди с Татьяной, — попросила Елена. — Посмотри, что там делается, узнай, что говорят люди. Потом вернешься и все мне расскажешь.

Татьяна наклонилась и поцеловала ее.

— Мы увидимся через пару дней. Когда все закончится.

Рут и Татьяна спустились на лифте и вышли на солнечную улицу. Повсюду стояли группки людей и разгова-

ривали. Юноши и девушки забирались на танки, сидели на башнях и на дулах пушек. Такие же юные танкисты дружески болтали с ними. Группа афганских ветеранов что-то горячо втолковывала солдату из войск КГБ, медленно наступая на него и прижимая его к стене. Были и пожилые мужчины и женщины, мелькая в толпе, казалось, они наблюдали за происходящим с каким-то мрачным удовлетворением.

— Что ты видишь? — спросила Рут.

— Народ, — ответила Татьяна, удивившись.

— Нет. Я вижу молодежь, которая была там, в Венгрии. Я вижу ветеранов войны. Я вижу несколько крепких старых чудаков, вроде меня, я вижу интеллигентов и людей, захваченных политическими идеями. Мы все пятьдесят лет назад находились на пути в лагерь. Я не вижу, чтобы здесь был народ. Тут нет обыкновенных людей среднего возраста. Они остались дома. Они боятся. Их сломали много лет назад.

Они вышли в парк, где клумбы пестрели летними цветами. Увидев скамейку, Рут пошла к ней и села.

— Я немного посижу, — сказала она, — и понаблюдаю отсюда. Знаешь, однажды летчик выбросил меня в двадцати милях от места торжественной встречи, когда я летела сражаться к Maquis*, и мне пришлось за ночь пройти это расстояние по горам и добраться до них. Я была нагружена, как мул. Но это было ужасно давно. Теперь меня больше устраивает небольшая прогулка по тихой улице.

Татьяна наклонилась и поцеловала ее, как и Елену.

— Будьте осторожны.

Рут посмотрела, как она уходит, и стала наблюдать за мельканием людей на улице. Кажется, она даже вздремнула в пестром солнечном свете. Когда она очнулась, несколько юношей и девушек водружали огромный флаг на близстоящий танк, используя дуло пушки в качестве флагштока. Она заслонила глаза руками от солнца и только теперь узнала старый русский трехцветный флаг — символ России...

Рут подумала, что Елене будет приятно узнать об этом. Она встала и пошла мимо важно стоявших танков домой.

Рут открыла дверь. Дети давно умершей княгини улыбнулись ей со стены в вестибюле. Оказывается, она очень устала, ее ноги ныли, когда она направлялась к лифту. Она думала только о глотке вина и о горячей ванне.

Что-то сверкнуло на ступеньке, тусклый свет, как от

* Maquis (франц.) — маки (букв. — лесные заросли, чаща), название французских партизан во время второй мировой войны.

блестящей обертки в сигаретной пачке. Она поколебалась, потому что устала, но привычка все же взяла верх, она всегда знала, что все, привлекающее внимание, надо проверить, и стала подниматься по лестнице, опираясь на перила.

Маленький пистолет из штампованного металла валялся там, блестящий на фоне изношенного красного ковра. Она подняла его, он пах порохом.

Рут повернулась и пошла вниз по лестнице, спеша к лифту. Старая дверца плавно, но со скрипом, открылась. Она нажала на латунную кнопку.

Дверь в квартиру была открыта, а внутри два солдата склонились на коленях кому-то, лежавшему на полу. На ковре, потемневшем от крови, лежала Елена.

Один из солдат поднял глаза. Это был Дмитрий, командир танка.

— Мы пришли, чтобы вернуть кружки... — Он был очень бледен. — Внизу по лестнице спускался человек, он из партийного начальства. Он быстро прошел мимо нас. Мы вошли, а она здесь... Мы вызвали по радиации скорую помощь...

Рут с трудом опустилась на колени, взяв руку Елены. Серые глаза открылись и кротко посмотрели на нее.

— Там был народ? — прошептала Елена.

— Дорогая, что случилось?

— Люди там были? — настаивала она.

— Они там были. Они заполнили все улицы, — сказала Рут.

Легкая краска появилась на ее бледном лице.

— Значит, там присутствовал Бог, — сказала она.

Кровь окрашивала край одежды.

— Это Стеклов, — произнесла она. — Он искал здесь Ельцина, а встретил меня. Он меня узнал и отослал своих людей, велел им подождать его. Он сказал, что у него есть время, чтобы закончить наши счета. Я спросила его, чем теперь вызвано его недовольство. И он сказал, что я поставила его в глупое положение, потому что выжила. Знаешь, он сказал, что Иван выбил ему несколько зубов перед тем, как они убили его. Он решил, что и за это я должна расплатиться.

— Они все одинаковы — он, Кривицкий, Рыков, Сталин, — гневно сказала Рут. Веки Елены трепетали. — Сколько грязи надо перелопатить, чтобы найти золото.

Елена опять открыла глаза. Ее голос был слаб, но она улыбалась.

— Рут, дорогая, ты бы очень гордилась мной... Я стояла у письменного стола, протянула руку, взяла маленький пистолет и направила его на него.

— Почему же ты не пристрелила его? — воскликнула Рут с отчаянием.

— Он прыгнул на меня и сбил меня с ног, а потом выстрелил в меня...

Дыхание замирало в старой груди.

— Держись, дорогая... скорая помощь сейчас придет...

— Нет... он был до невозможности похож на Рыкова, дорогая. Он так же улыбался...

Теперь ее глаза были закрыты.

— Не плачь... Бог здесь. Он возьмет меня к Себе. Я снова встречу с Иваном и увижу своих детей. Я буду сидеть у реки и смотреть, как они играют...

Рут поцеловала холодеющую руку Елены, и слезы упали на бледные пальцы, которые она продолжала сжимать в своей руке.

— Почему ты не убила его? — рыдала она. — Все, что надо было сделать, это нажать на спусковой крючок.

— Я не могу убивать людей, — прошептала Елена. Ее голос шуршал, как сухие листья на ветру. — Я не...

Рут стояла на коленях на ковре, держа ее руку, пока за ней не приехали и не увезли.

* * *

Ключ поскребся в замке, и светлая полоса пролегла в коридоре, когда он входил. Человек захлопнул дверь и мгновение постоял, когда его глаза привыкали к мраку. Занавески не были задернуты, и комната освещалась уличными фонарями с Калининского проспекта. Его дыхание было прерывистым, очевидно, он очень торопился прийти сюда. Потом он двинулся, его ноги мягко ступали по толстому Уилтонскому ковру. Он вошел в спальню и открыл гардероб с зеркальной дверцей, затем вынул алюминиевый плоский чемоданчик фирмы «Галлибуртон» и положил его на королевских размеров кровать.

В квартире было очень тихо. Даже шум уличного движения не проникал за двойные стекла. Звук, который заставил его застыть, уставившись со страхом в темный угол своей спальни, исходил откуда-то изнутри, он был где-то рядом. Это был металлический звук, звук скользящих металлических частей, сжимающих пружину.

— Почему бы вам не зажечь свет? — спросила Рут.

Она нажала большим пальцем на кнопку выключателя, и небольшая лампа на старинном столике зажглась, осветив комнату. Стекло стояло у кровати и с ужасом смотрел на нее.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь узнал, что вы дома?

Она села на плетеный стул.

— Это автомат «стен», — сказала она и подняла дуло так, чтобы он увидел его. — Это старое оружие, знаете. Не произведение искусства. Его даже критиковали, когда выпустили. Он не очень изящный, но я никогда не обращала на это внимания. Видите ли, у него хорошая скорострельность. Уприте его в дверь и нажмите на спусковой крючок, и вы можете быть уверены, что все внутри уже будут на полу, когда вы войдете. Если я, сидя здесь, наведу его в вашем направлении, то я бы сказала, что у меня есть хороший шанс увидеть вас разлетающимся на куски, стоит мне нажать на спусковой крючок. Это я и сделаю через минуту.

— Нет! — прохрипел Стеклов. Он был мертвенно бледен в желтом свете.

— Почему же нет? Вы убили Елену, теперь я убью вас. Считайте меня бухгалтером, который пришел подвести баланс.

— Нет! — повторил Стеклов. Он с усилием сглотнул. Во рту у него вдруг пересохло.

— Почему же нет? Вы не так уж мало прожили. Достаточно долго.

— Жизнь хороша, — прошептал он, — я не хочу умирать.

— Ну, мы тоже не хотели умирать. Никто из нас. Жизнь для нас тоже казалась хорошей. Всем миллионам, которых вы убили, вы и подобные вам.

— Вы же не погибли!

— Как вам сказать? Физически нет. Но я тоже не совсем та, какой кажусь. Революция, она сломала каждого, и те, кто переварил Революцию и выжил, превратились в страшные, искалеченные существа. Я одна из них. То, что вы сделали, вы и вам подобные, разрушило меня много лет назад. Это каждого разрушило.

Старые глаза внимательно смотрели на него, автомат оставался у нее на колене.

— Впрочем, это не совсем так. Это разрушило почти каждого. Но некоторые не сломались, потому что они были особыми, они были добрыми. Иван Иванович не сломался. Он был убит. Вами. И Елену так и не сломали. Она была чистым солнечным лучом. Но теперь она тоже мертва. Потому, что вы убили ее.

Рут посмотрела на пустой чемоданчик.

— Куда вы собрались так тайно и в такой спешке?

— Во Внуково, — неохотно ответил он.

— Успеть на самолет?

— Да. Меня ждет самолет.

— Куда вы летите?

— В Швейцарию.

— Я думала, что вы возвращаетесь к власти, вы и подобные вам.

— Ельцин стоит на танке, обращаясь к толпе. Западные телекамеры записывают его. Его следовало бы расстрелять, но его не убили. Всех этих людей следовало бы расстрелять, но уже поздно. Я понял, что это поражение, когда увидел это, и я не буду ждать, когда за мной придут.

— Я уже здесь и жду вас. Когда собираетесь бежать, нельзя возвращаться. Нас учили этому, но тогда мы были теми, кто убегал. От таких, как вы. Вы к этому не привыкли. Убить ли мне вас там, где вы теперь стоите? Может быть, есть последняя просьба?

— Вы ошибаетесь насчет своей подруги.

Капелька пота стекла с его подбородка. Рут заметила, как она блеснула.

— Я не собирался убивать ее.

— Убили!

— В целях самообороны. Вы должны знать, как она ненавидела меня, потому что мне приказали убить его. Она сама мне это сказала. Она стреляла в меня из пистолета. Мы боролись, и выстрел произошел случайно. Вот каким образом она погибла.

— Вы цепляетесь за жизнь, не так ли?

— Жизнь хороша, — медленно, с болью произнес Стеклов.

— То же самое сказал мне полковник Гестапо Фриш. Он подверг такой пытке мою подругу Джоанну, что она даже не могла передвигаться, и я застрелила его. Одним выстрелом из пистолета вы привычно убили Елену. Я использую свой «стен». Я старше вас и, пожалуй, могла бы промахнуться с одного выстрела. Но с полным магазином я обязательно попаду в вас.

— Мы можем договориться, — сказал вдруг Стеклов. — Я ведь могу быть вам полезен.

— Каким образом?

— Вам нужны всякие вещи. Хорошая еда, напитки. Квартира, как эта. У меня есть документы. Я укажу людей, с которыми вы можете поговорить и содрать с них все, что у них есть.

— У меня есть квартира. И я могу купить все, что мне нужно. У меня есть валюта.

Его глаза сверкнули в свете лампы.

— А деньги? — прошептал он.

— Что вы имеете в виду под деньгами? — насмешливо спросила она. — Люди нынче употребляют рубли в туалете. У меня есть фунты, марки и доллары.

— У меня есть, — тихо выговорил он, — громадные деньги. Миллионы.

— Как же у такого, как вы, появились миллионы долларов?

— Помощь Запада. Этому болтуну Горбачеву. Я — партийный казначей, и я знаю, где они, потому что сам положил их туда.

— В Швейцарии?

— Да. Я дам вам часть из них.

— Сколько?

— Столько, сколько вы захотите. Миллионы.

Рут задумчиво посмотрела на него.

— Но как я могу вам верить?

— Можете! — страстно воскликнул Стеклов. — Их столько, что одному человеку никогда не истратить.

— Докажите, что я могу вам верить, — холодно произнесла Рут.

— Можете... Я честно отношусь к своим... послушайте, я расскажу вам одну историю, которая докажет, что вы можете мне верить. Вы помните генерала Рыкова?

— Рыкова? Помню.

— Это Рыков вытащил меня из лагеря. Я работал на него... В Москве была девушка, секретарша, молодая и симпатичная. Я ей понравился. Рыков предложил нам пожениться. Мы устроили свадебную церемонию на его даче на Черном море. Он одолжил нам ее на медовый месяц. Она была так хороша в белом свадебном платье. Когда все разошлись, она ждала меня в спальне в своем белом платье. Но к ней вошел Рыков.

Рут и Стеклов молча смотрели друг на друга.

— Вы все поняли? — спросил Стеклов.

— Понимаю, — бесстрастно ответила она.

— Было необходимо доказать ему свою преданность. Кровью. И я был вознагражден. Другой человек мог бы почувствовать себя униженным, но я честно служил ему, мы понимали друг друга. Видите, мне можно верить.

Рут медленно поднялась.

— Да, я вижу. Что ж, я согласна. Я полечу с вами на вашем самолете.

Лицо Стеклова неожиданно вспыхнуло румянцем.

— Я подожду внизу, пока вы упакуетесь, — сказала она. Она пошла по коридору, а он стоял и смотрел на нее, почти растерявшись от испытанного им облегчения.

— Как вы сядете на самолет? — неожиданно спросил он.

— У меня есть нож, — ответила она, — с отмычками для открывания замков.

— О-о.

Она повернула щеколду двери.

— А как вы пройдете через охрану?

Она открыла дверь.

— Меня проведет генерал Калмыков, — сказала она, пропуская в квартиру плечистого человека в форме и сопровождавших его нескольких вооруженных офицеров.

Рут вышла к лифту и спустилась вниз, в тихий дворик, где среди деревьев и кустарников стояла скамейка. Она вынула магазин из автомата, спрятала свое оружие под плащ и села на скамейку. В ее сумочке лежали венгерские сигареты. Она сидела, покуривая и наблюдая за проезжавшими автомашинами.

Когда она почти докурила свою сигарету, ужасный крик донесся откуда-то сверху из здания. Он все приближался, и потом что-то ударилось о тротуар, словно мешок с мокрым песком, упавший с высоты, и крик прекратился. Рут встала, бросила окурок и подошла к площадке у дома. Стена была забрызгана кровью. Стекло лежал на спине, как сломанная кукла. Его глаза еще двигались, и он посмотрел на нее. Кисть руки представляла собой кровавое месиво, и с пальцев были сорваны ногти.

— Пистолет, — спокойно сказала она. — Он стреляет только раз.

Она обошла его и ушла прочь по зеленому бульвару.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Большевики	5
2. Чекисты	33
3. Красные	58
4. Wider das blut	83
5. Гражданская война	91
6. Повивальная бабка истории	126
7. Красный крым	139
8. Господи, помилуй умерших	154
9. Серп и молот	166
10. Вслед за антониной	181
11. Новый мир	185
12. Бывшие	202
13. Поэзия в новом мире	222
14. Schutzstaffeln	228
15. Господи, помилуй умерших	235
16. Лишенцы	265
17. Дорога утопии	285
18. Ленинский дом	303
19. Беспризорные	316
20. Ежовщина	338
21. Парилка	358
22. Падеж	375
23. СОЕ	385
24. Барбаросса	397
25. Фронтовики	419
26. Душегуб	436
27. Только для генеральских глаз	451
28. Чужая	482
29. Шпиномания	502
30. Спаситель мира	521
31. Вождь	550
32. Ruszkik haza	574
33. Молот, серп	607
34. Главный враг	620
35. Штрафной	627
36. Вялотекущая	643
37. Перестройка	676
38. Революция	680

Литературно-художественное издание

Барнаби Уильямс

РЕВОЛЮЦИЯ

Главный редактор Л. Михайлова

Редактор В. Пазилова

Корректоры И. Вознесенская, Т. Нарышкина

Технический редактор Т. Кулагина

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ЛР № 064134 («КРОН-ПРЕСС») от 07.06.95

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.11.97.

Формат 84×108¹/32. Тираж 10 000 экз. Бумага газетная.

Усл. печ. л. 36,96. Печать высокая.

Заказ 460.

ООО Издательский Дом «КРОН-ПРЕСС»

103030, Москва, ул. Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:

127254, Москва, Огородный проезд, 6

Тел.: 218-30-03, 219-82-14

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:

Москва, ул. Новослободская, 18

Тел. 972-14-23

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.**

144003, г. Электросталь Московской обл.,

ул. Тевосяна, 25.